9.57)
109 007
A47

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В ОПИСАНИЯХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ И СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

МЕМУАРЫ

АВКСЕНТЬЕВ/РАКОВ
ЗЕНЗИНОВ/ГОППЕР
САХАРОВ/БУДБЕРГ
ДОБРОВОЛЬСКИЙ
СОКОЛОВ И БУЛЛИТ

СОСТАВИЛ С.А. АЛЕКСЕЕВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
В ОПИСАНИЯХ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ.

ИРКУТСКАЯ—ГОРОДСКАЯ
Центральная
БИБЛИОТЕКА
Книжный каталог

9(57)
А.47.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ И СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Составил С. А. АЛЕКСЕЕВ
Под редакцией
и с предисловием Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА

100001

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1927 ☆ ЛЕНИНГРАД

С-ДГ-45

Главлит № 67488. Гиз № 17079. Тираж 7.000.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская улица, д. 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Четвертый том воспоминаний белогвардейцев [1]) охватывает, так сказать, разгар белогвардейщины—1919 г. Воспоминания эти касаются главным образом Сибири и Северной области, хотя в этом же томе имеются и воспоминания Маргулиеса, относящиеся к югу. Мемуары четвертого тома рисуют белогвардейское движение в самых разнообразных его фазах. В воспоминаниях Маргулиеса, например, рассказывается о начале одной из попыток группировки белогвардейцев на юге. В воспоминаниях, относящихся к Сибири, обрисовывается вся история колчаковщины вплоть до ее гибели. То же в записках о событиях в Северной области.

Разнообразны и авторы воспоминаний. Тут есть и такие крупные, влиятельные руководители эсерства, как Авксентьев, Зензинов и Раков, и кадеты, и самые махровые монархически настроенные генералы; есть и военные, есть и штатские...

Но несмотря на разнообразие местностей и авторов, во всех воспоминаниях много общего, и они дают яркую картину практики белогвардейщины.

Попробуем свести воедино отдельные штрихи, взятые у различных авторов, и набросить этим путем основные контуры картины.

Маргулиес рассказывает в своих воспоминаниях о первых шагах, которые делала на пути организации буржуазия, бежавшая за пределы Советской республики. Вот прежде всего первое его впечатление после бегства в Киев, находившийся тогда в руках белогвардейцев.

«Первое впечатление от жизни кипучей, сытой, полной мыслей о наживе, комбинациях и развлечениях после вынужденно-монастырского режима Совдепии,—было отврати-

[1]) И в четвертом томе мемуары печатаются не целиком, а в отрывках. Мотивы—экономия места. Подробнее об этом говорится в предисловии к III тому сборников.

тельное; тут чувствовался пир во время чумы, а там напряженная борьба за свободу, за существование, натягивавшая нервы, как струны, делавшая многозначительным каждый момент насторожившейся жизни; большие вопросы, чреватые глубокими разрывами в социальных слоях государства, трактовавшиеся в повседневной прессе, подымали содержание жизни в Совдепии, несмотря на связанные с нею ужасы, и теперь в Киеве казалось, что океанский пароход после бурного плавания подошел к набережной модного курорта, и—многие сознавались мне в том же—хотелось бежать обратно».

«Отвратительное впечатление», «пир во время чумы», «многим хотелось бежать обратно». И все-таки они обратно не шли. Но, может быть, их действительно удерживали те «ужасы», о которых упоминает Маргулиес?

По части этих «ужасов» много писалось (и пишется до сих пор) в белогвардейской печати. Но вот что рассказывает об этих «ужасах» капитан Петит, посетивший Петроград, чтобы своими глазами проверить то, что об этих «ужасах» рассказывали белогвардейцы.

«Мне не надо говорить,—пишет он,—что большая часть сообщений о творящихся в России ужасах, жестокостях и безнравственности фабрикуется в Выборге, Гельсингфорсе или Стокгольме». «В Петрограде господствует порядок, и, быть может, в этом отношении Петроград—единственный в мире город таких размеров без полиции. Мне лично кажется, что в Петрограде жизнь в большей безопасности, чем в Париже». «50.000 детей находятся в убежищах и пользуются самым заботливым уходом. Их положение сносно, если не считать отсутствия молока». «Сообщения о том, что люди умирают на улицах, неверны. Получаемое продовольствие распределяется превосходно».

А вот как характеризует махровейший монархист, генерал Сахаров, работу в Советской России:

«Там работали не спустя рукава, не для отбывания номера»... Полковник Котомин, перебежавший к ним из Красной армии с одиннадцатью офицерами под Челябинском, подробно обрисовал положение в советском тылу. «У них работа идет не так, как у вас,—говорил он,— там не считают часов; кипит дело, и если нужно, то все заняты по восемнадцать часов в сутки».

В своих газетах и книгах белогвардейцы все время уверяли, что население Советской России только и думает о свержении Советской власти и большевиков и с нетерпением ждет прихода иностранцев и белогвардейского переворота. А вот что признает в своих воспоминаниях иностранец, капитан Петит:

«Несомненно, что большинство населения в Петрограде враждебно союзной интервенции или перевороту и желает, чтобы существующему правительству была предоставлена возможность работать для блага России. Одною из наиболее обнадеживающих черт существующего правительства является его готовность признавать свои ошибки, когда последние будут доказаны, и усвоивать новые идеи, когда они стоят того».

Из каких же элементов состояли эти толпы бегущих за пределы Советской России, чтобы там начинать борьбу против победившего их трудового народа? Об этом откровенно проговариваются многие авторы воспоминаний. Из большого выбора возьмем только несколько характеристик. Вот характеристика сибирской эмиграции, которую дает в своем дневнике монархист, барон Будберг:

«За дерзкими и жадными смельчаками потянулись и те безликие мокрые толпы, которые привыкли жить службой или около нее и вне этой сферы не имеют возможности существования; большинство этих людей оголодало, многое пережило, многое потеряло, озлоблено, не верит уже никому и ничему, не верит в будущее, жадно завидует тем, кто добрался до жирных верхов, и живет мечтами тоже когда-нибудь попасть в число избранных и тогда отплатить оставшимся внизу за все пережитое и вернуть с лихвой все потерянное. Пока же тянет осточертелую лямку, потому что за это платят; тянет куда хуже, чем делало прежде, ибо нажим требовательности как-то обмяк, да и настоящего контроля стало меньше».

Барон Будберг очень резок в своих характеристиках белогвардейщины. Может быть, его резкость объясняется просто его дурным характером? И может быть, так плохо было только в Сибири? Но вот что пишет о Северной области «демократ» Б. Соколов.

По его словам, особенно большую роль играли там капитан Чаплин и граф Гейден. Первый—«это авантюрист, лишенный каких-либо принципов, причастный к разгромлению государственных касс. Желающий добиться власти какими угодно путями. Человек легкомысленный, часто пьяный». Гейден же—«вечно пьян, ярый реакционер, готовый расстрелять всякого либерально думающего». «Те расстрелы, которые производились в уездах и о которых в летописях Северной области сохранилось немало следов, связаны с именами этих информаторов. Пользуясь полнейшей неосведомленностью англичан в делах Северной области, они фактически руководили всем. Организация Мутюги (каторги)—дело их рук».

Вырвавшись из Советской России, вся эта милая ком-

пания прежде всего начинает сплачиваться, чтобы потом начать бешеную борьбу за свой обиженный карман, за свои шкурные интересы. Организации при этом создаются, конечно, самого неприкрытого классового характера. Трудовых, эксплоатируемых слоев населения в них, конечно, нет и следа. Вот рассказанная Маргулиесом история этих созданных под румынским покровительством организаций якобы для спасения родины, а на деле для борьбы с ней во имя интересов своего кармана:

«Первой заявила о своем существовании группа членов законодательных палат (Государственной думы всех созывов и Государственного совета), выделившая из своего состава бюро под председательством графа Алексея Бобринского (б. министра земледелия, члена Государственного совета). Первые шаги этой группы—обращение к немецкому правительству—встретили мало сочувствия со стороны общества. Второю стала организовываться группа земских деятелей. Инициаторы ее—С. Н. Маслов (многолетний председатель Орловской губернской земской управы), А. С. Хрипунов (член Орловской губернской земской управы), М. А. Нарожницкий, Ф. В. Шлиппе (председатель Московской уездной земской управы) созвали земских гласных, находившихся в Киеве, и предложили внепартийную программу, сводившуюся к одному: борьбе с большевиками. По примеру земцев решили сорганизоваться и представители городских управлений. Мы с Ю. Н. Глебовым (бывшим Петроградским городским головою) созвали городских гласных на той же платформе, что и земцы, но исключительно гласных, принадлежащих к буржуазным группам; общее собрание избрало комитет из 5 лиц: Глебова (председатель группы), меня (тов. председателя), Н. А. Ростовцева, М. В. Брайкевича и В. В. Пржевальского.

«Организация этих трех групп навела нас на мысль о желательности и дальше распространить организацию русской буржуазии по группам, объединив затем все группы в одно целое. Мысль об объединении русской буржуазии давно меня интересовала; но необходимость такого объединения стала особенно ясной после безнадежного провала буржуазии, начавшегося в Февральскую революцию и бесславно закончившегося в Октябрьскую».

«Собрав на заседание представителей центральных петроградских и московских организаций торговли и промышленности, а также крупных столичных банков и встретив с их стороны полное сочувствие, мы через короткое время имели еще две группы: торгово-промышленную и финансовую. Параллельно члены законодательных палат работали по созданию других групп, и вскоре группа земель-

ных собственников, церковная и академическая присоединились к первым пяти».

Такие организации создавались не только в Киеве. Так было повсюду. В Сибири было еще хуже. Вот, например, что рассказывает видный эсер Раков:

«Существует монархическая, строго конспиративная организация. Она имеет свои разветвления повсюду: за границей, в Советской России, в Колчаковской, у Деникина. К ней примыкает высшее кадровое офицерство, видные деятели союза русского народа и бывшие люди самодержавной бюрократии. Организация эта чрезвычайно сильна, располагает огромными денежными средствами. В Сибири ее органом была газета «Русская Армия». Там ее агенты занимали видные посты, главным образом, в военном ведомстве. Нелегальная ее организация в Омске именовалась Михайловским обществом охоты и рыболовства. Между прочим, в эту организацию входят: ген. Розанов и его сподвижник, капитан Крашенинников, ген. Лебедев, Белов, Иванов-Ринов, Дутов, Красильников, Анненков, Семенов, Калмыков и др. Фактически в Сибири власть находится в ее руках. Колчак и его правительство просто марионетки. Почти все деятели «Союза землевладельцев» также входят в состав этой организации. В своей тактике монархическая организация ни перед чем не останавливается. В ее руках такая реальная, серьезная сила, как офицерство. Ее агенты убили Новоселова. Как были наивны те, кто думал через комиссию Аргунова найти виновников этого убийства».

Так пишет член ЦК партии эсеров, Раков. А между тем и он сам и его партия сотрудничали с этими белогвардейцами, рука об руку с ними боролись против Советской власти, общими силами старались создавать белогвардейские правительства. Вот что пишет, например, Б. Соколов про Северную область:

«В области внутренних отношений, несмотря на видимое тяготение военной власти к автодиктатуре, местные эсеры поддерживали мероприятия военного командования. А если и не поддерживали, то и не протестовали. На этой почве возникло прежде всего в интеллигентских кругах, а потом в крестьянстве, недовольство».

Мало того, чрезвычайно видные эсеры вместе с явно буржуазными дельцами строили явно буржуазные организации и входили в них. Об этом свидетельствует рассказ Маргулиеса:

«В составе «Союза возрождения» в Киеве,—пишет он,—были почти те же самые лица, что и в земском и городском союзах. Из невходивших в этот последний был видный с.-р. И. И. Фундаминский».

Да и почему бы не быть эсерам вместе с кадетами, если классовая сущность у них была одинаковая? Вот, например, интересная сценка, которую рисует Маргулиес:

«А. В. Кривошеин смотрит на сидящих против него П. М. Толстого, А. А. Титова и И. И. Фундаминского и спрашивает: «скажите, гг. социалисты, каков ценз для вступления в социалистическую партию? Я вот смотрю на вас троих и думаю: вот вы все трое—миллионеры, а считаете себя представителями пролетариата, а я—санкюлот и считаюсь буржуем».

Сценка для характеристики эсеров очень интересная!

Создав свои организации, буржуазия начинает мечтать о генерале, который помог бы ей осуществить ее мечтания и восстановить ее старые права. При этом прекрасно знали, что генерал захватит себе всю власть, станет диктатором, что он огнем и мечом пройдет по стране и разорит ее. Но все это не смущало белогвардейцев: ведь дело шло о защите интересов их кармана.

«Если бы нам говорили,—пишет Маргулиес,—что есть среди наших генералов Петр Великий, или даже Чингис-Хан, который пройдет огнем и мечом по стране, я бы, может быть, сказал: «пойдем и поклонимся ему; он в месяц сделает с большевиками то, на что потребуются годы».

Знали все это и эсеры, участвовавшие на заседаниях вместе с кадетами и черносотенными монархистами. Но и они не возражали против генеральской диктатуры. Они только не хотели слишком компрометировать себя, голосуя за диктатуру генерала или великого князя. Но они не голосовали и против, они не уходили с заседания. Они воздерживались. Вот как описывает эту поистине подлую сцену Маргулиес:

«Решив единогласно, при воздержавшихся социалистах, вопрос о диктатуре, мы переходим к голосованию личности диктатора после обмена мыслей о кандидатах; называют двух: бывш. великого князя Николая Николаевича и Деникина».

Буржуазия (совместно с эсерами) мечтала о Чингис-Хане. Но Чингис-Хан был крупной исторической фигурой, а гибнущий, отживающий класс не может более выделить крупного политического деятеля. Наиболее крупной фигурой среди белогвардейских генералов считался Колчак. Его возвели в сан «верховного правителя», ему подчинялись все белогвардейские армии до Деникина включительно. А вот как характеризует Колчака хорошо знавший его Будберг:

«По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного императора. И обстановка кругом почти такая же:

то же прятанье правды, та же угодливость, те же честолюбивые и корыстолюбивые интересы кучки людей, овладевших доверием этого большого ребенка».

А на Колчака ведь возлагала буржуазия свои главнейшие надежды. От него ждала себе спасения. Но если таким ничтожеством был сам «верховный правитель», то второстепенные фигуры представляли нечто совершенно невозможное и неприличное.

«Колоссально велики и тяжелы задачи восстановления России,—пишет Будберг.—Нужно много людей для творческой работы и притом людей иного класса, иных, чем прежде, служилых качеств. Мало видно таких людей, и я понимаю отчаяние верховного правителя, когда он кричит, что ему не на кого опереться».

Будберг гораздо умнее других белогвардейских генералов. Он насквозь видит их негодность. Он не скупится на суровые их характеристики. Несмотря на свои монархические очки, он чувствует, что нужны новые люди. Это, вероятно, и было причиной, по которой его при Колчаке держали на второстепенных ролях. Возьмем несколько характеристик, которые он дает различным колчаковским генералам:

Вот «бетоноголовый, но очень решительный Сахаров», которому Колчак доверил одно время командование фронтом и который «окончательно расквасил сохранившиеся остатки своей армии». Вот «превосходительный спиртовоз»— ген. Хрещатицкий,— «пресмыкающийся перед японцами и подбирающий, где можно, японские иены». Вот «бывший полицейский ярыжка» Иванов-Ринов. Вот «песьи мухи типа Хрещатицкого и Кордюкова». А ниже еще хуже. «В отряды попало немало старых, опытных, полицейских и жандармских ярыжек, которые, по старой привычке надувать начальство, заливают его донесениями об успехах, разгроме повстанцев и покорении под нози, а сами бегают от повстанцев и отводят душу над беззащитным населением». Все правительство—по мнению Будберга—это «кучка присосавшихся к Омску второразрядных обывателей». «Власть дряблa, тягуча, лишена реальности и деловитости».

Вот как Будберг излагает сущность одного из своих докладов:

«Высказал, что для авторитета власти нужно, чтобы она была кристально чиста и честна; в наличной обстановке легкомыслия, нерадивости и падения нравственного уровня, в вакханалии наживы и эгоизма естественно рождение и процветание всяких гадов и пресмыкающихся, которые облепили органы власти и своей грязью грязнят и порочат эту самую власть.

«Указал на прогрессирующий развал фронта, на распухшие штабы; рассказал, что, по сведениям приезжающих с фронта строевых офицеров, высшие и низшие штабы переполнены законными и незаконными женами, племянницами и детьми, о которых начальники заботятся больше, чем о подведомственных им частях; что солдат заброшен; что штабы доносят заведомую неправду; что при эвакуации Уфы раненых бросили на красные муки, а штабы уходили, увозя обстановку, мебель, ковры, при чем некоторые лица торговали вагонами и продавали их за большие деньги богатым уфимским купцам; что за последнее время грабеж населения вошел в обычай и вызывает глухую ненависть самых спокойных кругов населения; что общая апатия и чувство безнаказанности родили и развили чисто формальное исполнение своих обязанностей, лишь бы не попасть под ответ...

«Указал на дряблость и бессилие власти, признаваемой фиктивно «постольку-поскольку», но реально беспомощной и убиваемой атаманщиной; указал на разброд, вялость, бесцветность, бессистемность и никчемность правительственной программы, на отсутствие каких-либо основных и твердых идей в строительной и созидательной работе правительства, пытающегося взгромоздиться на всероссийские ходули и неспособного удовлетворить примитивные нужды населения».

Даже в голове бездарного, но самодовольного Гинса рождаются иногда такие же мысли о полной негодности белогвардейской власти.

«Зачем же мы так упорно сидели, почему не сдали власти, искусственно затягивали борьбу и даже радовались (зачем это скрывать!) появлению семеновцев и японцев?»— пишет Гинс.

«Мы не могли ликвидировать Семенова, Калмыкова, Розанова. При нас происходили жесточайшие расправы с восставшими крестьянами, сжигались деревни, производились расстрелы без суда. Ведь это все правда. Мы допустили хозяйничанье в стране чехов, которые не жалели русского добра. Может быть, мы действительно изменили народу и изменили родине?»

Эсер Раков также признает, что сибирская белогвардейская власть «понемногу стала устранять с фронта относительно честное офицерство и заменяла своими, которые умели пороть крестьян и рабочих, наводнять страну порочной юдофобской литературой, но не умели организовать борьбу с большевистскими войсками».

«Хищничество, грабеж, взяточничество самое бесцере-

мощное,—вот что составляло главное содержание работы всей правительственной машины».

«Вместо восстановления народно-хозяйственной жизни махровым цветом расцветала самая злостная спекуляция. Спекулировали все: от жандармов до министров включительно. К этому неизбежно вела правительственная экономическая политика».

Все это из признаний эсера Ракова.

Еще хуже обстояло дело на Дальнем Востоке, где совершенно бесконтрольно работали Семенов, Калмыков и прочие атаманы.

«На Дальнем Востоке»—пишет Будберг—«одним из крупнейших препятствий к водворению порядка и законности являются атаманы и окружающие их банды насильников, интриганов и темных жуликов, прикрывающих высокими и святыми лозунгами всю разводимую ими грязь и преследование личных, шкурных, честолюбивых, корыстолюбивых, чрево- и плотоугодных интересов. Для этих гадин восстановление порядка и закона все равно, что появление солнца для ночных пресмыкающихся, ибо с восстановлением закона приходит конец их вольному, разгульному и развратному житью и кончается приток в их бездонные карманы безотчетных сумм, добываемых самыми темными путями».

На Дальнем Востоке грабили все, начиная с самого главы власти—ген. Хорвата. Вот что пишет ген. Будберг:

«Из Владивостока прислана краткая сводка деятельности Хорвата; очень характерно, как сам верховный уполномоченный и его ближайший антураж разобрали себе свободные земли Посьетского района; самому Хорвату отведен кус в восемнадцать тысяч десятин земли, одному из деятелей дальневосточного комитета Тетюкову—в двенадцать тысяч десятин, остальному антуражу по важности и по способности».

То же самое читаем мы и о Северной области. «Условия гражданской войны,—пишет Б. Соколов,—требуют от ее вождей тех качеств, которыми генералы отнюдь не обладали. Они требуют широкого ума, уменья понять интересы и желания населения, уменья повести его за собой—и все это на-ряду с существенно необходимым стратегическим талантом». Взамен «людей широкого ума», мы встречаем в Северной области совсем других людей. Вот, например, «фаворит ген. М—ского, полк. Н. Вечно пьяный, разнузданный, он окружил себя соответствующим штабом и часто, гарцуя на улицах Пинеги, требовал, чтобы жители при встрече с ним снимали шапки, побив однажды за неисполнение этого требования председателя местной земской управы. Местной почтенной учительнице он тоже в пьяном виде заявил, что

так как она по своему возрасту не годится в проститутки, то он рекомендует ей, бросив педагогическую деятельность, открыть публичное заведение. Получив в свое бесконтрольное распоряжение 11.000 рублей для целей контр-разведки, он обратил их в свою пользу».

И таковых было очень много. Вот какой-то подп. Н., который, по словам Добровольского, «был изобличен во взяточничестве и растрате на сумму около 50.000 рублей и приговором военно-окружного суда был присужден к отдаче в исправительное арестантское отделение сроком на полтора года».

«Во время занятия в Архангельске штаба красных войск—рассказывает Добровольский—чинами отряда был захвачен казенный денежный ящик с четырьмя миллионами рублей, которые ротмистр Н., по соглашению с некоторыми офицерами отряда, поделил между собой и горцами, при чем каждому участнику дележа было выдано: офицеру—150—400 тыс. рубл., а простому всаднику—10—20 тысяч».

Интересно, как характеризуют авторы воспоминаний деятельность белогвардейских правительств в области внутренней политики. Вот отзыв эсера Ракова:

«В области управления пресловутая государственная мудрость сибирских кадетов не пошла дальше института земских начальников. Земельная политика не на бумаге, а на деле свелась к восстановлению полностью, без ограничения, власти помещиков там, где таковые когда-то были, например, в Уфимской губернии.

«Рассчитывать при этих условиях на поддержку населения, на длительное существование власть не могла. Первым не выдержал фронт».

А вот мнение монархиста барона Будберга:

«Власть облеклась в старые и ветхие ризы, плетется по старой дорожке и бубнит старые, прокисшие и всем надоевшие слова. О том, что бурлит и клокочет в самой гуще населения, не думают; пока ведь не каплет; зачем тревожить себя неприятными вопросами? В блаженном неведении некоторые небожители искренно уверены, что население так ненавидит большевиков, что готово покорно сносить все возлагаемые на него скорпионы и славословить избавителей».

Даже «бетонноголовый» Сахаров понимает, что дело обстояло из рук вон плохо. Вот что он пишет:

«Для бедной и неустроенной восточной России начали создавать аппарат во всероссийском масштабе; строились те многоэтажные постройки министерств, департаментов и управлений, которые рухнули в феврале—сентябре 1917 г. в Петрограде.

«Люди, которые пришли к верховному правителю и получили его доверие и полномочие, принялись воздвигать из обломков старых дореволюционных учреждений громадную и совершенно неработоспособную машину».

Вот как Сахаров описывает работу различных министерств Колчака:

«Вытащены из пыли 24 тома свода военных законов, все старые штаты и положения поставлены во вращающуюся этажерку около министерского письменного стола. Как только жизнь выдвигала какой-нибудь вопрос,—а это было на каждом шагу,—доставался соответствующий том и искалось готовое решение, «старый, испытанный рецепт», но увы,—зачастую—испытанный и забракованный жизнью, а в условиях разрухи гражданской войны прямо нелепый.

«Такая же картина была и в других министерствах Омска. Всюду шли тем же легчайшим путем постройки и копирования старых дореволюционных бюрократических аппаратов; но раньше в них были хотя свои хорошие стороны,—десятилетиями налаженное дело, преемственность и опытные работники».

Даже Сахаров понимает, что «надо было предпринимать для успокоения населения и для привлечения всех его симпатий на сторону правительства другие меры. Нелегко было вести священную, освободительную войну против большевиков, не доверяя населению, своему же народу; тогда лучше было и не заваривать каши».

Естественно, что такая политика не могла привлечь к белогвардейцам симпатий населения, которое, наоборот, ненавидело белогвардейцев, поднимало против них восстания и с нетерпением ждало прихода Советской власти. Об этом говорят чуть не все авторы сборника.

«Через несколько дней после нашего приезда,—пишет Добровольский,—мы могли воочию убедиться в большевистских симпатиях населения. Согласно приказа командующего войсками Северной области, ген. М—ского, был разрешен свободный выезд в Совдепию всем желавшим туда ехать, и вот, на наших глазах отошел поезд, перегруженный красными, которых дружески, с явным сочувствием провожало почти все остальное население Мурманска».

«Советская власть,—пишет он же,—пустила на Мурмане, особенно в Мурманске, глубокие корни, так как большинство населения составляло пришлый элемент рабочих вновь выстроенной железной дороги».

Но не одни «пришлые» рабочие Мурманска были на стороне Советской власти. То же говорит Добровольский и о рабочих Архангельска:

«Рабочие круги Архангельска принадлежали к элемен-

там, наиболее неудовлетворенным политическим бытом в области. Постепенно все более и более росло их недовольство. Это последнее явилось следствием преследования властями профессиональных союзов, массовых арестов, высылок на Печору, кой-где незаконных и без суда, расстрелов военными властями оппозиционно настроенных рабочих. Последней каплей, отбросившей окончательно рабочих от власти Северной области, была организация Миллером своеобразной каторги — на Иоханге, необитаемом Мурманском берегу. Посланные туда в большом количестве административным порядком рабочие были в большинстве своем не большевики, а беспартийные. Они гибли там от цынги, холода, избиваемые начальником тюрьмы Судаковым».

По словам Б. Соколова, «крестьяне, если исключить так называемые партизанские отряды, были в общей своей массе настроены пассивно и даже миролюбиво по отношению к большевикам». «Большевики в их представлении рисовались, как «свои». Поэтому «на призыв главнокомандующего и на декларацию земско-городского совещания о необходимости поступать добровольно в армию не откликнулся никто: записалось 2—3 гимназиста и только. Национальное же ополчение, организованное по почину Городецкого и Мефодиева, вылилось в конце концов в затею, дорого обходившуюся и бесполезную. Посланные на фронт ополченцы тотчас же утекали оттуда в тыл под всякими благовидными предлогами, заполняя лазареты, эвакуационные пункты и санитарные поезда». «На упреки, бросаемые местному купечеству, что оно интересуется только ценами на треску, что оно спекулирует английскими товарами и мехами, оно спокойно в свою очередь спрашивало: «А мы разве просили вас приходить защищать нас от большевиков? Нам и с ними было не скверно». Вообще «архангелогородцы не только не боялись большевизма, но до известной степени, в части своей, приходу большевиков почти сочувствовали».

Такое же враждебное к себе отношение создали белогвардейцы и в Сибири, где рабочие и крестьяне поднимали в тылу восстания против них, разрушали железную дорогу и спускали с рельсов поезда. Будберг горько жалуется, что «все чаще и чаще попадаются зловещие для настоящего и грозные для будущего слова, что, перебив своих офицеров, такая-то часть передалась красным». Тот же Будберг приходит к такому печальному для белогвардейцев заключению:

«Если подсчитать наш актив и пассив, то получается самый мрачный вывод: за нас офицеры, да и то не все; за нас состоятельная буржуазия, спекулянты, купечество,

ибо мы защищаем их материальные блага; но от их сочувствия мало реальной пользы, ибо никакой материальной и физической помощи от них нет. Все остальное против нас, частью по настроению, частью активно».

А капитан Петит, посетивший Петроград в самый разгар белогвардейщины, заявляет:

«Мои выводы основаны на беседах не только с коммунистами, но также и со многими противниками коммунистического правительства,— аристократами, коммерсантами и иностранцами; я убежден, что огромное большинство населения Петрограда, если бы ему пришлось выбирать между существующим правительством и иностранной интервенцией, без колебания остановилось бы на существующем правительстве. Иностранная интервенция объединила бы во вражде к себе все население и в огромной мере усилила бы существующий националистический дух. А переворот привел бы к хаосу. Ни одна русская группа не пользуется доверием тех лиц, с которыми я говорил. Колчак, Деникин, Юденич, Трепов, презренные толпы русских эмигрантов, которыми кишат Стокгольм и Гельсингфорс, члены мирной конференции в Париже, спорящие между собой о способе разрешения русского вопроса,—все они имеют одинаково мало сторонников в Петрограде. Лица, с которыми я говорил, признают, что если бы в результате переворота возникло сильное правительство, то это привело бы к белому террору, вроде господствовавшего в Финляндии. В Финляндии наш консул насчитал 12.500 казней, совершенных белогвардейцами приблизительно в 50 округах из 500. В Петрограде меня с разных сторон заверяли, что общее количество казней, совершенных красными в Петрограде, Москве и других городах, не превышает 3.200».

Таким образом, внутренняя сила белогвардейщины была ничтожна, ибо не было у нее опоры среди населения. Естественно, что при таких условиях она должна была искать себе союзников за границей, взывать о помощи к капиталистическим правительствам заграницы. В этих призывах изумительно сходятся все оттенки белогвардейщины. Даже больше того, особенно настаивали на заграничной интервенции эсеры.

«В настоящее время Россия может возродиться лишь механически, при помощи вооруженных сил союзников»,— пишет такой видный вождь эсерства, как Авксентьев.—«Вопрос о том, что надо просить у союзников вооруженной помощи, не возбуждает ни в ком сомнения». «Русская демократия горячо и открыто призвала союзные вооруженные силы на помощь в ее борьбе с большевиками». «Я сно-

ва утверждаю,—повторяет Авксентьев,—что для дела возрождения России помощь союзных демократий чрезвычайно существенна и в высшей степени желательна».

Мы видели уже, что на так называемом «Ясском совещании» также участвовали видные эсеры, которые и несут поэтому ответственность за это совещание—за мечты о Чингис-Хане и за призывы к интервенции. «Необходимо просить помощи у румын, обещая им все, что они захотят, если только согласятся сейчас же итти на Киев»,—пишет участник этого совещания Маргулиес.

Маргулиес и его единомышленники готовы были отдать иностранным капиталистам «все, что они захотят». А захотели они взять и действительно взяли очень много. Вот что пишет Будберг о грабежах чехов в Сибири:

«На Урале и в Сибири они набрали огромнейшие запасы всякого добра и более всего озабочены его сохранением и вывозом; ведь требовали они с нас три миллиона рублей за переданную нам императорскую гранильную фабрику под предлогом, что они развили ее новыми станками и машинами; когда же начальник инженеров Тюменского округа, полковник Греков, стал принимать эти «новые машины», то среди них оказались снятые с фортов Владивостока и в том числе дизель-моторы с форта № 6, строителем которого был когда-то этот самый Греков; очевидно, что и остальные машины были приобретены в том же магазине без хозяина, который именуется Россией».

«Сейчас чехи таскают за собой около 600 груженых вагонов, очень тщательно охраняемых; они заявляют, что это их продовольственные запасы, но когда при их движении на восток, мы, во избежание пробега вагонов, предложили им сдать это продовольствие и получить эквивалент в Иркутске и Красноярске, то они категорически отказались; по данным контр-разведки, эти вагоны наполнены машинами, станками, ценными металлами, картинами, разной ценной мебелью и утварью и прочим добром, собранным на Урале и в Сибири».

Сахаров также подтверждает, что «за тремя чешскими дивизиями числилось свыше 20.000 вагонов. Польская дивизия, сформированная французской миссией генерала Жанэна, также из бывших наших военно-пленных, захватила свыше 5.000 вагонов; были собственные поезда у румын и итальянцев».

Такой же грабеж происходил, по словам Б. Соколова, и в Северной области.

Немудрено поэтому, что даже Сахаров приходит к выводу, что «за время 1919—1920 г.г. деятели типа Виль-

сона-Клемансо-Ллойд-Джорджа дали слову «союзник» значение предателя, поджигателя и скупщика краденого».

Но такими же, или вернее еще худшими предателями нужно признать тех белогвардейцев, которые призывали этих союзников, обещая им «все, что они захотят». Союзники прекрасно видели это предательство и внутреннее бессилие белогвардейцев и потому чувствовали к ним не уважение, а глубокое презрение, которое выражалось в том, что они на каждом шагу унижали призвавших их предателей. Вот, например, происходившая в самом начале интервенции сценка, которую описывает Добровольский:

«Все лучшие места на пароходе были отведены английским офицерам, а нам были предоставлены места в трюме, где царило зловоние от погруженных туда продуктов, и в котором нам предстояло путешествовать в обществе нескольких сумасшедших и моих будущих клиентов—арестантов, которых везли на суд в Архангельск. Нечего и говорить, что нашему возмущению не было предела».

Приводим из воспоминаний того же Добровольского еще один отрывок:

«Англичанами была открыта в Архангельске артиллерийская школа для русских офицеров, где последние были тоже на положении солдат, при чем отношение к ним английских офицеров оставляло желать много лучшего. Английские сержанты также обращались грубо, и был даже случай, когда один из них позволил себе ударить нашего офицера, не понеся за это никакого взыскания».

* * *

Не желая удлинять статью, мы не затрагивали здесь ряд других интересных моментов, о которых рассказывается в воспоминаниях: характеристика скаредности буржуазии, описание тюрем, убийств, избиений и издевательств, которым белогвардейцы подвергали своих противников до своих недавних союзников—эсеров—включительно, описание ужасов знаменитой каторги, которую они устроили в Северной области при просвещенном содействии английской империалистической демократии.

Укажем в заключение только на один интересный момент.

Мы уже говорили, что Будберг является одним из наиболее умных авторов сборника. В одном месте своего дневника он пишет:

«Когда большевизм доберется до Китая, то найдет там весьма благоприятную почву для своего развития, и об этом

надо очень и очень подумать господам союзникам... Попав в Китай, большевизм может вылиться там в таких формах, что весь мир содрогнется».

Это было писано в 1919 году, когда Китай политически еще спал. Теперь Китай проснулся, и империалисты о нем очень и очень думают. Остается ждать исполнения второй части предсказания—того момента, когда от этого пробуждения содрогнется весь империалистический мир. И это время не за горами.

Н. Л. Мещеряков.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие Н. Л. Мещерякова III

Часть I.

Колчаковщина.

Н. Д. Авксентьев. Государственный переворот Колчака . . 3
В. Зензинов. Правда о неправде 11
Д. Ф. Раков. В застенках Колчака 18
Ген. Гоппер. Начало и конец Колчака 46
Ген. К. В. Сахаров. Белая Сибирь 78
Бар. А. Будберг. Дневник 115
Г. К. Гинс. Крушение колчаковщины 187

Часть II.

Контр-революция на Севере.

С. Добровольский. Борьба за возрождение России в Северной области 227
Борис Соколов. Падение Северной области 289

Часть III.

Из истории интервенции.

М. С. Маргулиес. Ясское совещание 373
Миссия Буллита в России 406

Приложения.

Летопись событий 456
Именной указатель 466

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КОЛЧАКОВЩИНА

Государственный переворот Колчака.

(Рассказ корреспонденту „New York Herald") [1].

В воскресенье 17 ноября Зензинов и я обедали у товарища министра внутренних дел Роговского. Там мы встретились с только что прибывшей через большевистскую Россию делегацией архангельского правительства, которая рассказала нам о своих испытаниях и о положении дел в Архангельске.

Было около полуночи, когда мы собрались расходиться по домам. Вдруг мы услышали в коридоре ужасный шум, и группа пьяных офицеров ворвалась в комнату с направленными на нас револьверами. Они спрашивали: «где здесь Авксентьев?».

Я вышел вперед и спросил, что им надо. Они объявили меня арестованным. Я спросил их, знают ли они, кто я, и как смеют они разговаривать так с главой правительства?

Они заявили, что действуют от имени сибирской армии и что хотя они не имеют приказа о нашем аресте, но возьмут нас силою.

Я хотел протелефонировать начальнику штаба верховного главнокомандующего, но офицеры вырвали из моих рук телефонную трубку. Они вели себя грубо и вызывающе, и мы каждую минуту ожидали, что они здесь же нас застрелят.

Затем Зензинов, Роговский и я были выведены на улицу, где нас ждало около 300 вооруженных человек, часть из которых сидели верхами на лошадях. Нас силой посадили на грузовой автомобиль. Затем мы были отвезены в штаб казачьего атамана Красильникова в Омске.

Они продержали нас здесь полчаса, здесь же мы нашли и Аргунова, другого члена правительства, который также был арестован. Нас снова окружили солдаты и повезли за город.

---

[1] Из кн. „Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года". Сборник документов. Собрал и издал *В. Зензинов.* Париж, 1919 г.

Мы пережили страшные мгновения, переезжая через рощу, где теми же казаками 23 сентября был убит министр сибирского правительства Новоселов. Производивший по этому делу следствие Аргунов как-раз недавно осматривал эту местность. Молчаливо мы простились друг с другом, чувствуя, что настал наш конец, но они отвезли нас дальше, в сельскохозяйственную школу, в казарму Красильникова; часть этого здания была отведена под госпиталь и передана американскому Красному кресту.

Нам отвели комнату, поставив внутри и снаружи ее стражу. Эта стража предупредила нас, что, если мы подойдем к ним близко, она будет стрелять в нас. Поведение офицеров было грубое.

В сельскохозяйственной школе мы находились до вторника, когда к нам явился человек в штатском и сообщил нам первые новости о произведенном государственном перевороте. Он показал нам газетное сообщение о происшедших переменах, и мы узнали об измене Вологодского, о назначении диктатором Колчака.

Пришедший к нам человек заявил, что он является представителем правительства, и предложил нам на выбор одно из двух: арест со всеми возможными из него последствиями, т.-е. возможностью быть убитыми, как Новоселов, или изгнание за границу. Правительство хочет знать, что мы выбираем.

Я ответил, что предложенный нам вопрос является странным. Мы находимся во власти людей, совершивших над нами насилие и имеющих возможность делать с нами все, что пожелают. При таких условиях трудно говорить о том, что мы предпочитаем, но мы предпочитаем быть свободными за границей, чем находиться в тюрьме в России.

Позднее мы узнали, что пришедший к нам человек был капитан Герке, начальник штаба Красильникова.

Через несколько часов министр юстиции Старынкевич сообщил нам, что мы свободны, что наш арест был незаконным деянием, и совершившие его будут преданы суду.

Мы полагали, что законное правительство, противозаконно подвергнутое аресту и теперь освобожденное, снова сделается законным правительством, но это было не так. Наши товарищи по временному всероссийскому правительству (генерал Болдырев и Виноградов) подали в отставку, а совет министров изменил нам. Министр юстиции Старынкевич сообщил нам, что он только что узнал о нашем местопребывании, иначе мы были бы освобождены гораздо раньше,—но это была неправда. От офицеров мы узнали, что министр юстиции вместе с атаманом Красильниковым был в казармах, где мы были помещены, через два часа

после нашего ареста. Все было сделано с ведома Вологодского, Старынкевича, Михайлова, Гинса, Тельберга и, конечно, Колчака, который преспокойно вернулся с фронта в день нашего ареста.

Мы заявили министру юстиции Старынкевичу, что так как мы освобождены от ареста, то желаем вернуться к себе домой, но он предложил нам остаться в казармах под охраной офицеров, так как в противном случае он не ручается за нашу безопасность. Реакционные офицеры, по его словам, могут ворваться к нам домой и убить нас, правительство же не может допустить этого убийства.

Мы настаиваем на том, чтобы вернуться домой, если же правительство заинтересовано в нашей безопасности,—оно может охранять нас там. В конце концов мы были отвезены ко мне домой, и к нам в виде охраны были прикомандированы три офицера из отряда Красильникова. Мы вернулись домой около 6 часов вечера, и, когда стало известно в городе о нашем освобождении, многие приходили повидаться с нами—наши друзья, наши знакомые, кое-кто из чехов.

В 9 часов вечера нам сообщили, что мой дом окружен солдатами. Я протелефонировал министру юстиции, спрашивая его, что это все означает: свободны мы, наконец, или находимся под арестом? Офицеры заявили нам, что все это необходимо в интересах нашей безопасности.

Около часа ночи меня разбудили. Пять или шесть офицеров снова ворвались в мой дом под предводительством капитана Герке с направленными на меня револьверами. Они подвергли меня допросу, спрашивая, кто приходил вечером видеться со мной и с какой целью? Я выразил желание протелефонировать министру юстиции, но Герке сначала не хотел мне этого позволить. Затем я все-таки добился Старынкевича по телефону и спросил его: «Что все это значит? Если мы свободны, какое право имеют эти офицеры врываться в мой дом и нарушать мой покой и что предполагает в связи с этим делать министр юстиции?»

Старынкевич был несколько сконфужен. Узнав о ночном визите офицеров, он начал оправдывать последних, объясняя их поведение результатом нервной атмосферы, царящей среди офицеров. После этого офицеры ушли.

На следующий день, в 11 часов утра, явился в сопровождении офицеров Старынкевич и заявил нам, что мы снова арестованы по распоряжению Колчака, и если мы не желаем оставаться в тюрьме со всеми вытекающими из этого последствиями, то мы должны быть высланы за границу. При этом он заявил, что мы должны быть готовы к отъезду немедленно.

Наш дом был снова окружен солдатами. Никому не

было позволено посещать нас, а нам было запрещено разговаривать по телефону. Около 5 часов вечера явился товарищ военного министра Хорошхин и управляющий министерством иностранных дел Ключников. В большом смущении генерал Хорошхин заявил нам, что он явился по приказанию Колчака, который требует от нас подписать следующие обязательства:

1) будучи высланы за границу, мы обязуемся не возвращаться в Россию, пока не будет образовано всероссийское правительство и пока Россия не будет очищена от большевизма;

2) что мы обязуемся не заниматься никакой политической деятельностью и

3) что мы обязуемся не вести за границей никакой агитации против правительства Колчака.

Ген. Хорошхин заявил, что, пока мы не подпишем этих обязательств, мы будем находиться в тюрьме.

Мы наотрез отказались подписать подобные обязательства, заявив Хорошхину и Ключникову, что они могут делать с нами, что хотят, но что так как временное правительство уже пало с того момента, как Вологодский нам изменил, а другие члены его подали в отставку, то мы предпочитаем выехать за границу. Хорошхин и Ключников отправились с нашим ответом к Вологодскому и Колчаку. Вскоре они вернулись, заявив, что все это было недоразумением и что от нас не требуется подобных обязательств, но что через два часа мы будем высланы за границу. Ключников даже цинично передал нам сердечный привет от Вологодского.

Нас посадили в автомобиль, окружили отрядом конных, отвезли на железнодорожный вокзал и поместили в поезд. Нашу охрану составляли: пятнадцать офицеров отряда Красильникова, около 30 солдат, отряд пулеметной команды и 12 английских солдат с офицером. Последние были присоединены к отряду, так как мы настаивали на международных гарантиях нашей безопасности. Когда поезд тронулся, офицер—начальник конвоя—показал нам инструкцию Колчака, в которой говорилось, что мы должны содержаться под строжайшим арестом и не иметь никаких сношений с внешним миром. В случае попытки к побегу или при попытке освободить нас извне мы должны быть расстреляны на месте.

Через шесть дней мы достигли китайской границы и были выпущены на свободу.

Правительство выпустило нам вслед целый ряд ложных извещений. Во-первых, оно объявило, что не знало, кто арестовал нас; затем оно объявило, что мы просили раз-

решения покинуть Россию, что также было ложно. Правительство также заявило, что мы по собственному почину дали обязательство не вести агитации против Колчака, что было третьей ложью. Если бы у них был такой документ, они бы его уже опубликовали. Они злостно нас оклеветали. Наконец они заявили, что охрана была приставлена к нам, чтобы оградить нас от народного гнева—новая ложь, так как гнев народа был направлен против узурпаторов.

Газетам не было разрешено опубликовать подробности о происшедшем, введена была строжайшая цензура, некоторые редактора были арестованы. Мы формально протестовали против всего этого.

Что касается суда, то это был не суд, а трагикомедия. Мы были высланы в ночь на 21 ноября. Перед отъездом мы вызвали к себе министра юстиции, который сообщил нам, что Красильников, Волков и Катанаев будут преданы суду. Тогда мы заявили, что желаем присутствовать на суде и выступить на нем в качестве свидетелей. Но это право у нас было отнято. Мы были высланы, а суд состоялся в тот же день и здесь же в один час закончился. Мы ждали оправдания офицеров, так как правительство Колчака не могло осудить тех, кто установил диктатуру этого правительства, но мы никоим образом не предполагали, что даже эти люди могут пасть до такой низкой клеветы и клятвопреступления. Суд установил, что эти офицеры арестовали нас, руководствуясь высоким чувством патриотизма, он установил также следующие наши преступления:

мы действовали исключительно согласно инструкциям центрального комитета партии социалистов-революционеров,

мы пытались дезорганизовать и разложить молодую русскую армию,

мы составили заговор для свержения Болдырева, Виноградова и Вологодского,

я лично получил от большевиков 200 миллионов рублей для большевистской пропаганды в армии,

товарищ министра внутренних дел Роговский организовывал убийство Болдырева и Вологодского,

мы организовывали партийную армию.

Мы заявляем, что все эти сообщения—ложь с начала до конца. Мы были лишены всякой возможности защищать себя в России, но уверены, что ни один честный человек в России не поверит ни единому слову этой клеветы.

Мы официально заявляем незаконному правительству Колчака, что мы готовы предстать пред любым международным или русским судом, если нам будут обеспечены сле-

дующие условия: публичное и беспристрастное следствие. И на суде мы докажем клевету и измену Колчака.

Мы заявляем, что дело Дрейфуса по сравнению с омским делом является образцом справедливого и беспристрастного суда.

Но уже сейчас мы можем указать европейскому и американскому общественному мнению на обстоятельства, которые не оставляют сомнений относительно характера суда Колчака и справедливости судебного приговора. Прежде всего необходимо отметить, что судьями были офицеры, друзья офицеров, подвергнутых суду. Свидетелями были также офицеры, их друзья по службе.

Если бы Красильников действовал из патриотизма, желая наказать преступников, а не задаваясь целью свергнуть правительство, он должен был бы заявить, что Авксентьев и Зензинов составляют заговор против трех остальных членов правительства, т.-е. против большинства. Тогда мы были бы арестованы, преданы суду и подверглись бы каре, но само правительство не было бы свергнуто. Вместо этого они арестовывают нас и терроризуют других членов правительства, тогда как пятый член правительства нам изменяет.

Суд закончился в тот же день, когда мы высланы были из Омска. Он признал, что мы совершили ужасное преступление, и потому мне кажется, что виновные в приписываемых им преступлениях члены правительства должны быть преданы суду и казнены. Мы находились в распоряжении Колчака до 27 ноября. Почему же они не вернули нас с пути обратно в Омск и не судили нас за приписываемые нам преступления? Мы сами требовали суда, но вместо этого они спешно выслали нас из пределов России, не дав нам даже возможности протестовать против той клеветы, которая была пущена против нас в самой России.

Что касается настоящего положения России, то русская демократия горячо и открыто призвала союзные вооруженные силы на помощь в ее борьбе с большевиками. В Уфе единогласно всеми политическими партиями было избрано временное всероссийское правительство, которое выражало единение всех живых сил в России и давало надежду на возрождение демократической России. В течение своего краткого 2-месячного существования ему удалось увеличить свой авторитет, удалось завоевать доверие как со стороны населения и армии, так и со стороны местных судебных установлений. Архангельское, уральское, закавказское и закаспийское правительства по собственной инициативе признали власть временного всероссийского правительства. Ему подчинились также такие авантюристы, как атаманы Семенов и Калмыков.

Правительство имело все шансы быть признанным союзниками в качестве законного всероссийского демократического правительства, оно могло быть признано официально, и тогда осуществилась бы патриотическая мечта всех русских. И в тот час, когда решалась судьба всей нации, после года страшнейших испытаний, Россия, как равная, вступила бы в семью свободных народов. Это признание было уже отчасти совершившимся фактом со стороны наших союзников и братьев в лице чешской армии. Между чехо-словацким Национальным советом и нашим правительством было взаимное доверие и все время сохранялись дружеские отношения.

Но в ночь на 18 ноября все это было разрушено нелепым и преступным государственным переворотом в Омске, совершенным авантюристами, ренегатами и реакционерами. Переворот этот произвела группа монархически настроенных офицеров, спекулировавшая на невежестве населения, сама политически незрелая. Эти люди претендуют на то, что они действовали как патриоты, поставив на место законного правительства Колчака, который является в их руках куклой и которого они мечтают заменить настоящим монархом. Я утверждаю, что они являются худшими изменниками и злейшими врагами России.

Своим бессмысленным преступлением они разрушили единство России. Армия в настоящее время взволнована. Чехо-словаки не признают нового правительства. Уфимское правительство (Комитет членов Учредительного Собрания) выступило против него. Семенов объявил открытую войну против Колчака и препятствует перевозке войск и подвозу военных припасов на фронт. Сибирь снова находится в состоянии брожения, и вопрос о признании российского правительства союзниками снова отсрочен.

Участники государственного переворота поставили себя на один уровень с большевиками, так как и те и другие совершают насилие над волей истинной демократии. Своим переворотом они разрушили веру демократии в возрождение свободной России, так как они создали правительство из реакционных элементов, находящихся в борьбе с демократией.

Тем самым они подготовили новую почву для большевистской агитации и дали большевикам полное право утверждать, что правительство, с которым большевики борются, есть контр-революционное правительство. Они лишили армию и демократию энтузиазма в их борьбе за единую Россию, так как они отняли у них веру в свободную Россию.

В настоящее время Россия может возродиться лишь ме-

ханически, при помощи вооруженных сил союзников, так как теперь мы не можем рассчитывать на нашу собственную армию, которую временное правительство создало с таким трудом и такой любовью.

Таково в настоящее время положение дел в России с демократической точки зрения. Я убежден, что демократия будет снова, как прежде, бороться с ее основным врагом—большевизмом, но она будет вынуждена бороться также и против правительства авантюристов и большевиков справа, каким является в действительности правительство Колчака.

Как должны действовать союзные демократии, чтобы помочь России? Я снова утверждаю, что для дела возрождения России помощь союзных демократий чрезвычайно существенна и в высшей степени желательна. Россия ждет этой помощи с доверием, но союзные демократии должны дать себе отчет в том, что одна техническая помощь, т.-е. посылка одних войск, припасов и военного снаряжения Колчаку будет при настоящих условиях помощью русской политической реакции. Поэтому я не думаю, что будет вмешательством во внутренние дела России, если союзники, в особенности Америка и ее благородный президент Вильсон, определят условия, при которых помощь может быть оказана: таким условием является восстановление в России порядка, порядка права и справедливости вместо режима притеснений, порядка демократии, а не реакции; при этом воля русского народа не должна быть разрушена.

Еще недавно союзники заявили, что непременным условием мира с Германией является уничтожение кайзеризма, который является угрозой миру и демократии. Я убежден, что в настоящее время союзники не будут помогать созданию в России угрозы для демократии и для мира. Больше того, они должны помочь этой демократии, истощенной гражданской войной, восстановить нарушенный закон и порядок и возродить свободную Россию.

Я верю в свободную демократию Америки, которая всегда питала глубокую симпатию к русской демократии. Я верю в силы русского народа, как бы ни были они в настоящее время истощены. И, несмотря на ужасное настоящее, я продолжаю верить в светлое будущее России.

Правда о неправде.

(Письмо в редакцию „Общего Дела") [1].

Немало лжи и глупостей было написано о партийности и негосударственности избранного в Уфе временного всеросс. правительства. Еще больше, вероятно, было об этом сказано. Делают это либо по неведению, либо ради определенных политических соображений. И сейчас, в настоящей статье, я вовсе не собираюсь открывать борьбу с теми, кто к этой борьбе был прикосновенен. Я заинтересован только в восстановлении истины и, восстанавливая ее, апеллирую ко всем участникам и свидетелям описываемых событий. Я не только убежден, но я знаю наверное, что все беспристрастные люди, свидетели и участники этих событий, независимо от их собственных политических взглядов, полностью подтвердят правильность моих показаний, которые будут носить исключительно фактический характер.

Как известно, на Государственном совещании в Уфе 22 сентября было единогласно избрано временное всероссийское правительство в следующем составе: Н. И. Астров (член партии к.-д.), Н. Д. Авксентьев (член партии с.-р.), ген. В. Г. Болдырев (беспартийный), П. В. Вологодский (беспартийный), Н. В. Чайковский (член н.-с. партии). Одновременно на том же Совещании к ним были избраны заместители—к каждому свой—в лице: В. А. Виноградова (член партии к.-д.), А. А. Аргунова (член партии соц.-рев.), генерала М. В. Алексеева (беспартийный), проф. В. В. Сапожникова (беспартийный), В. М. Зензинова (член партии соц.-рев.). Ввиду отсутствия в Уфе некоторых избранных лиц, правительство начало функционировать в составе Авксентьева, Болдырева, Виноградова, Зензинова и Сапожникова; через несколько недель Сапожникова в правительстве заменил вернувшийся с Дальнего Востока

---

1) Из кн. „Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года". Сборник документов. Собрал и издал *В. Зензинов*. Париж, 1919 г.

Вологодский. В таком составе правительство и оставалось до самого дня его свержения, т.-е. до 18 ноября.

При обсуждении кандидатур, равно и при самых выборах партийность намеченных лиц, конечно, принималась во внимание на-ряду с другими их качествами и особенностями, но это делалось, так сказать, неофициально. О каком бы то ни было партийном представительстве здесь не могло быть и речи—этот момент единодушно подчеркивался всеми участниками Уфимского совещания. Мало того, в согласительной комиссии—в этой лаборатории, в которой протекла вся основная работа Совещания—были официально оглашены представителями партий обязательства, согласно которым ни одна из политических партий, члены которых войдут в правительство, не имеет права их отзывать оттуда, не имеет права оказывать на них воздействие, не имеет права требовать у них отчета в их действиях. Члены правительства по воле всех участников Уфимского совещания должны были быть совершенно свободны и независимы в своей деятельности. Такие заявления, здесь же запротоколированные, были сделаны М. Я. Гендельманом от имени партии с.-р., Л. А. Кролем от имени партии к.-д. и С. Ф. Знаменским от имени партии н.-с. Вошедшие в правительство члены различных политических партий выразили готовность в случае надобности на время своего пребывания в правительстве выйти из партий, но по решению согласительной комиссии такого требования к ним предъявлено не было, и совещание удовлетворилось теми формальными заявлениями от партий, о которых я упомянул выше.

Таковы были действительные отношения между политическими партиями и теми членами их, которые вошли в состав правительства. Это не значило, конечно, что правительство принципиально оставалось глухим ко всему, что делалось в политических партиях и организациях,—это было бы политикой странной и недальновидной, ибо нельзя отгородиться от тех настроений, которые в стране существуют и выражены организованным общественным мнением. Это не значило также и того, что вошедшим в правительство членам различных политических партий было запрещено сноситься с их партийными единомышленниками и организациями. Правительство всегда охотно выслушивало все мнения, соображения и предложения, которые считали нужным довести до его сведения различные организации. Отдельные члены правительства принимали делегации от кооперативных организаций, от торгово-промышленных организаций, от Союза возрождения,

от различных политических партий—как социалистических, так и несоциалистических. Вологодский постоянно докладывал нам о настроениях сибирского правительства, которое выражало вполне определенное политическое течение, с другой стороны, Авксентьев и Зензинов сообщали о настроениях среди партии социалистов-революционеров, а Виноградов—о партии конституционалистов-демократов. И при этом нередко В. А. Виноградов рассказывал нам о заседаниях омской группы партии к.-д., на которых он сам присутствовал. Это, конечно, не откажется подтвердить член Центр. Комитета партии к.-д. В. Н. Пепеляев, который тогда в этих заседаниях участвовал. И я до сих пор продолжаю думать, что мы тогда поступали правильно, ибо не может правительство жить в безвоздушном пространстве, оно, наоборот, *обязано* прислушиваться к мнению всех политических партий и с ними считаться.

В своем официальном сообщении от 30 января правительство Колчака, между прочим, ставит мне в вину, что мною будто бы «был представлен Комитету (центральному) доклад о деятельности всероссийского правительства». Правда же заключается в том, что мною было написано *частное* письмо к некоторым членам центрального комитета, копия которого была захвачена у меня на дому во время разгрома моей квартиры офицерами Колчака. В этом письме я описывал ту тяжелую политическую обстановку, в которой приходилось работать правительству в Омске, и резко нападал на те противогосударственные течения *справа* и *слева*, которые старались на нас воздействовать. И единственно, чего я сейчас в связи с сообщением об этом «докладе» хотел, это—чтобы то письмо мое было немедленно опубликовано полностью. Тогда все убедились бы сами в степени «партийности» членов правительства...

Немало слов было в свое время сказано, и, кажется, это продолжают говорить до сих пор, о противогосударственности некоторых членов всероссийского правительства в деле организации армии. Был даже официально брошен упрек, что некоторые члены правительства старались создать «партийную армию», едва ли не с выборными комитетами и пр. В действительности же суровая дисциплина (без всяких выборных комитетов и даже с применением смертной казни) существовала во всех войсках, на которые опиралось правительство. Больше того, надо сказать, что еще до образования всероссийского правительства на уфимском Государственном Совещании эта суровая дисциплина существовала решительно во всех армиях местных правительств, которые вели борьбу с

большевиками. Она существовала в одинаковой степени в народной армии Комитета членов Учредительного Собрания (Самара), в Сибирской армии сибирского правительства, среди всех казачьих войск и среди Башкирского войска, словом, среди всех тех армий, которые после образования временного всероссийского правительства составили единую армию этого правительства.

После образования в Уфе временного всероссийского правительства вся постановка военного дела была поручена члену этого правительства генералу Болдыреву, бывшему командующему пятой армией, человеку, далекому от каких бы то ни было партий. Правительству принадлежало общее руководство политикой, что же касается армии, то ни правительство в его целом, ни отдельные члены его не вмешивались в работу генерала Болдырева, назначенного на другой же день после образования правительства верховным главнокомандующим. У генерала Болдырева были свои взгляды на постановку военного дела: так, например, он отрицал целесообразность в армии политической культурно-просветительной работы, полагая, что всякая политическая работа среди армии действует на нее разлагающе. И когда от группы лиц было сделано правительству предложение об организации при армии культурно-просветительного отдела, генерал Болдырев ответил на это предложение решительным отказом; этот отказ был затем подкреплен и правительством. Уже одно это достаточно говорит, насколько были лишены всякого основания обвинения, что кто-либо из членов правительства старался создать «партийную армию». Когда в январе текущего года мы беседовали об этом в Японии с генералом Болдыревым, которого правительство Колчака заставило, как и нас, покинуть пределы Сибири, он с большим негодованием отзывался на эти упреки.

И это было вполне понятно: по нашей внутренней конституции именно он отвечал за армию, и, когда обвиняли кого-нибудь из членов правительства в попытках создать «партийную армию»,—это значило, что обвиняли именно его.

Теперь я перейду к главнейшему пункту, вокруг которого вращаются все обвинения в «партийности» некоторых членов всероссийского правительства, к так называемой «прокламации» центрального комитета партии с.-р. от 22 октября, которая оказалась таким удобным предлогом для оправдания произведенного в Омске переворота.

В последних числах октября заведывавший Всероссийским телеграфным агентством А. А. Минин принес мне полученную им от своих корреспондентов телеграмму из Уфы. В этой телеграмме подробно передавалось «Обращение

центр. комитета партии с.-р. к партийным организациям». В «Обращении» этом, прежде всего, давалась характеристика общего политического положения и отмечались проявления реакции в Сибири—преследование рабочих организаций, развитие в Сибири атаманщины и т. д. Далее указывалось на то, что политика временного всероссийского правительства страдает нерешительностью в борьбе с этими реакционными веяниями, но при этом центр. ком. подчеркивал, что он остается верен заключенному в Уфе соглашению и призывает всех членов партии к всемерной поддержке избранного в Уфе правительства. Вместе с тем, ввиду несомненного нарастания реакции, он призывает всех членов партии к вооружению, чтобы быть готовыми дать реакции действительный отпор. Ознакомившись с содержанием этого обращения, я тут же отдал распоряжение А. А. Минину ни в коем случае этого документа не опубликовывать, ибо мне казалось по меньшей мере бестактным призывать к поддержке правительства, подвергая его действия критике, а призыв к вооружению, от какой бы партии он ни исходил, я считал недопустимым. Затем я сообщил о сделанном мною распоряжении Н. Д. Авксентьеву, который его вполне одобрил.

В первых числах ноября в Омске начали говорить о том, что ЦК партии соц.-рев. выпустил какое-то воззвание, в котором едва ли не призывает всех к восстанию. Оказалось, что «Обращение ЦК» получило-таки распространение и разошлось шире партийных кругов, но вместе с тем выяснилось чрезвычайно любопытное обстоятельство: распространяли это воззвание исключительно правые круги. Удалось, например, установить, что какой-то доброволец из правых кругов размножил это «Обращение» во многих экземплярах и распространил по городу. Наконец, по поводу этого же документа в местной омской правой газете «Заря» (которая по какому-то смешному недоразумению именовала себя социалистической) была помещена огромная передовица. И наконец, к председателю правительства Н. Д. Авксентьеву явился английский генерал Нокс, который заявил протест против «прокламации ЦК», грозил, что при таких условиях правительство не может рассчитывать на помощь союзников, и на всякий случай посоветовал расстрелять Чернова.

На все это непрошенное вмешательство английского генерала в нашу внутреннюю политику он, конечно, получил от Н. Д. Авксентьева должный отпор.

Таким образом при содействии правых кругов дело о «прокламации ЦК» принимало большие размеры,—оно обратило на себя внимание гораздо большее, чем вообще

того заслуживало. Ввиду этого я по собственному почину вызвал из Екатеринбурга к прямому проводу членов центр. комитета М. Я. Гендельмана и Ф. Ф. Федоровича (к тому времени ЦК из Уфы перебрался в Екатеринбург) и просил их передать центральному комитету мое и Авксентьева мнение о совершенной недопустимости подобного рода обращений. При этом самое обращение подвергнуто было мною очень резкой критике с указанием на те печальные последствия, которые подобные акты ЦК могут иметь,—я имел в виду визит генерала Нокса к Н. Д. Авксентьеву. Текст этого разговора, записанный моим секретарем, находился в портфеле, взятом у меня на квартире офицерами Колчака, и таким образом правительству Колчака должно быть точно известно действительное отношение Авксентьева и мое к обращению ЦК. Кроме того, уже после нашего ареста Колчаком я обращал внимание министра юстиции правительства Колчака г. Старынкевича на этот мой разговор. И тем не менее, еще в январе правительство Колчака продолжало утверждать, что мы двое «находились в плену у ЦК», что «прокламация ЦК не получила должного действенного отпора со стороны директории». В это же приблизительно время Н. Д. Авксентьев из разговора по прямому проводу с Н. П. Огановским в Екатеринбурге, которого правительство приглашало занять пост товарища министра земледелия, узнал, что в Екатеринбурге «Обращение ЦК» было предметом обсуждения съезда членов Учредительного Собрания, при чем голоса разделились следующим образом: 22 голоса за, 10—против и 10 заняли промежуточную позицию, соглашаясь с общей оценкой политического положения, данного в «Обращении», но считая бестактным его опубликование; наконец, трое воздержались. Таким образом абсолютного большинства съезда членов Учредительного Собрания «Обращение» не получило, и была выработана согласительная резолюция—в противоположность утверждению правительства Колчака.

5 ноября на заседание правительства П. В. Вологодский доставил «Обращение ЦК». До сих пор никто из нас его в полном виде не имел и даже не сумел достать (предъявленная мне А. А. Мининым телеграмма представляла из себя только выдержки из этого документа). На обсуждение правительства было поставлено это «Обращение»...

Вологодский и генерал Болдырев высказались за немедленный арест центр. комитета. Кроме того, Вологодский лично мне поставил вопрос об этом «Обращении», так как ему было известно, что до вхождения моего в правительство я был членом центрального комитета: «спрашивал ли у вас

ЦК разрешения на выпуск подобного рода обращения и что вы имеете в виду сказать по поводу моего предложения об аресте ЦК?».

Я ответил на это, что, во-первых, считаю деятельность всех политических партий совершенно независимой от деятельности правительства, и потому мне представляется странным вопрос о моем разрешении, а, во-вторых, что касается требования об аресте ЦК, то полагаю, что в этом должны разобраться судебные власти. И если судебные власти установят противогосударственность действий ЦК и членов партии с.-р., то я выскажусь не только за арест ЦК, но и всех членов партии соц.-рев., но при одном условии,—если одновременно будут также арестованы и все виновные в противогосударственных деяниях справа, вроде, например, офицеров, певших на-днях в Красноярске и Омске «Боже, царя храни» при официальных встречах союзников. К моей точке зрения вполне присоединились Н. Д. Авксентьев и В. А. Виноградов. Правительство постановило начать против ЦК судебное расследование, поручив это дело генерал-прокурору, т.-е. министру юстиции Старынкевичу.

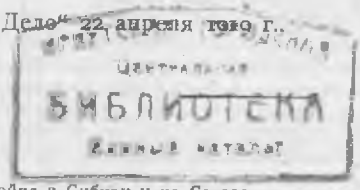
10907

Через несколько дней, когда мы, возвращаясь с заседания, ехали в одном автомобиле—Авксентьев, Старынкевич и я,—мною был задан вопрос Старынкевичу, в каком положении находится это дело. Он мне буквально ответил следующее: «все это дело раздуто, и, повидимому, никакого состава преступления в «Обращении ЦК» найдено не будет».

Добавлю, наконец, последний штрих: когда генерал Болдырев накануне самого переворота выезжал на фронт, он задал Н. Д. Авксентьеву вопрос, вправе ли будет он принимать на фронте суровые меры, до расстрела включительно, против лиц, которые будут уличены в разложении армии и создании внутри ее каких-либо особых партийных вооруженных организаций? Н. Д. Авксентьев ответил ему на это утвердительно, и его ответ затем единогласно подтвердили все остальные члены правительства.

Такова правда о партийности и противогосударственности временного всероссийского правительства. Что же касается той легенды, которая об этом распространялась, то она придумана была позднее и, конечно, только для того, чтобы оправдать произведенный переворот.

„Общее Дело" 22 апреля 1930 г.,
Париж.

В застенках Колчака [1]).

Дорогой N. N!

Политическую информацию, сведения о настроениях в России вы узнаете из других наших писем и документов. Я хочу поделиться с вами личными моими переживаниями и наблюдениями с того момента, как нас так тихо и ловко разлучили на вашей омской квартире, тем более, что на переживаниях и наблюдениях этих отразились характерные особенности сибирской действительности после событий 18 ноября прошлого года.

В эту памятную ночь, помните, вас, как большое начальство, посадили на автомобиль и увезли. Нас, как «шпану», вывели на улицу, окружили пешими и конными красильниковскими молодцами и повели тихой, заснувшей Атамановской. «Finita»,—шепчет мне Михаил Яковлевич (Гендельман). На всякий случай я рву все бумаги и бумажки, которые удается незаметно извлечь из карманов. А всевозможных бумажек в карманах было множество, ибо я приготовился на другой день ехать в Екатеринбург. Привели в штаб-квартиру Красильникова. Нас, штатских, проводят прямо к начальнику штаба отряда капитану Герке. Начинается опрос. Разные бумажки в карманах и бумажнике, с одной стороны, с другой стороны, мне много лет приходилось жить по фальшивым паспортам, умереть хотелось под своим именем, да и лгать перед этой сволочью не хотелось, и я назвал себя своим именем.

— Вас-то нам и надо!—ядовито улыбаясь, заявил Герке.

---

[1]) Автор—член ЦК эсеров и член Учредит. Собрания. В ночь на 18 ноября 1918 г. (число колчаковского переворота) он был арестован в Омске вместе с членами директории Авксентьевым и Зензиновым, несколько месяцев просидел в тюрьмах, 21 марта 1919 года был освобожден и затем выехал за границу. В Париже эсерами в 1920 г. опубликовано отдельной брошюрой под заглавием: „В застенках Колчака. Голос из Сибири" частное письмо Ракова, адресованное, очевидно, Роговскому, в квартире которого и были арестованы, вместе с хозяином ее, названные члены директории. Мы помещаем здесь полностью письмо Ракова, рисующее невероятные ужасы колчаковского режима и издевательства его над своими политическими врагами. *Сост.*

— Ну и великолепно!—буркнул я и отошел в сторону, надеясь улучить минуту, чтобы расправиться со своими бумажками. Проходит полчаса, час,—нас не обыскивают. Я тогда снял с себя пальто, постлал его на пол в темном уголку, лег и начал серьезную работу со всякими записками, письмами, расписками, тщательно уложенными в карманах и бумажнике. Я их рвал, мял, жевал до тех пор, пока не очистился окончательно, покурил и заснул. Проспал, должно быть, часа полтора, два. Начало светать. Помещение, рядом с нами и отделенное от нас решетчатой перегородкой, наполняется солдатами и офицерами. Пришел сам Красильников. Из его разговоров по телефону узнаем, что начальником гарнизона г. Омска назначен Волков. Приходит какой-то офицер, вытягивается перед Красильниковым и по-солдатски четко докладывает ему подробности благополучно оконченной операции против отряда Роговского.

Отряд был разоружен и арестован почти без выстрела. Тут же мы узнаем, что капитан Калинин со своими адъютантами куда-то скрылся. «Слава богу!»—думаю я.

— Что вы сделали или сделаете с арестованными членами директории?—спрашивает кто-то из нас.

— Предадут военно-полевому суду.

— За что?

— За бездействие власти,— отвечает ехидный капитан Герке. Нас всех мучил вопрос, куда увезли вас. Мы прислушивались тщательно к разговорам солдат и офицеров. Порой казалось, что вы сидите где-то близко от нас, может быть, в соседней комнате. Слышим команду—приготовить пулеметы. Входит сам Красильников, вежливо раскланивается с нами и заявляет, что сейчас всех нас отпустят. По правде сказать, я это понял в том смысле, что с нами сейчас покончат. Оказалось, что минут через двадцать приносят членам архангельского правительства бумажки, где говорится, что они были случайно арестованы и освобождены, при чем Красильников даже извинился за эту случайность. Те требуют возвратить отнятые револьверы. Отдают оружие, за исключением одного револьвера, который успел исчезнуть.—И вам выдать такое же удостоверение?— обращается Герке к Михаилу Яковлевичу (Гендельман, член ЦК партии с.-р.).—Да, пожалуйста,— заявляет тот, как ни в чем не бывало. Приносят бумажку. Молча мы прощаемся. Я остаюсь один. Проходит часа два, нет у меня сигарет, хочется курить смертельно.—Когда же вы закончите мое дело?— спрашиваю я капитана Герке.— Сию минуту!— бросает юркий капитан. Опять проходит часа два. Приходит, наконец, Герке и заявляет:

Вас сейчас отведут в комендантское управление. Там вас скорее отпустят!»—ехидно добавляет он. В сопровождении двух офицеров, вооруженных бомбами, револьверами, винтовками, ведут меня в комендантское управление. Дорогой присматриваюсь, нельзя ли бежать?—Безнадежно.

В комендантском управлении, когда ушли конвоиры, принявший меня комендантский адъютант вскрыл присланный со мной пакет, прочитал и развел руками.—Как вы попали сюда?—спрашивает он.—Что значит «как»? Привели,—недоумеваю я.—А вы знаете, что оттуда не приводят,—заметил он, указывая на бумажку Красильникова. Когда он прицеплял эту бумажку на стенной крючок для текущих бумаг, я успел прочитать, что меня препроводили в комендантское управление в распоряжение начальника гарнизона полковника Волкова, о чем последнему и следовало донести немедленно.—Покамест я вас отправлю на гауптвахту!—смущенно сказал адъютант.

На гауптвахту меня повел один стражник, вооруженный только револьвером. Когда мы вышли на двор, инстинктивно стал искать удобного места, чтобы сбежать, хотя города я совершенно не знаю, куда бежать,—тоже не представляю. Вышли со двора в какой-то темный переулок. Прохожих нет, по бокам низкие одноэтажные домики. Иду, оглядываюсь, высматриваю. Наконец, попадается низкий забор, отделенный от домов переулком. Мы сворачиваем в этот переулок. Решаю прыгать через забор и бежать.—Вот и гауптвахта!—неожиданно обращается ко мне стражник. Оказалось, что тот сравнительно низкий забор, через который я уже собирался прыгать, окружал двор для склада дров для гарнизонной гауптвахты. Хорош бы был побег!

Посадили в камеру, где сидели два прапорщика и три казачьих урядника. Разговорились. Тут я узнал, что Колчак объявил себя верховным правителем, что Авксентьев, Зензинов, Роговский расстреляны в Загородной Роще отрядом Красильникова. Вы поймете, как это на меня подействовало. Я один в руках тех, кто вас расстрелял, конец всему длинному, тяжелому, кровавому заволжско-сибирскому предприятию.—Кончено!—невольно вспомнились слова Михаила Яковлевича.

Вряд ли можно словами передать то, что мне пришлось пережить за эту ночь. Я ложился на нары, вставал, ходил, садился, опять ложился. На душе сделалось как-то просто пусто. Мысль никак не могла оторваться от Загородной Рощи, морозной ночи, от пьяных, озверевших лиц красильниковских молодцов, которые с остервенением издеваются над вами, одинокими, безоружными, беспомощными. На

другой день, уже после обеда, я вышел из камеры за водой и неожиданно встретил в коридоре... жену Аргунова. Оказывается, она пришла наведать мичмана, секретаря Аргунова. От нее я узнал, что все вы живы, вас перевезли на квартиру Авксентьева, что союзники уверили ее, что ручаются за вашу жизнь, что вас, вероятно, вышлют за границу. На душе полегчало. Аргунова ушла, купила мне табаку, чаю, сахару, съестного, передала все это мне через караул. Я ее же попросил сообщить товарищам мой новый адрес.

Вечером на гауптвахту привели какого-то пьяного офицера и посадили в мою камеру, а меня, как штатского, перевели в солдатскую камеру. Новая камера оказалась не чем иным, как «холодной», назначенной для вытрезвления буйствующих пьяных солдат и офицеров. Печей в ней нет. Решетчатой перегородкой она отделена от коридора, где расположены уборные. При адском холоде был еще чрезвычайно душистый воздух, настолько душистый, что мы время от времени просили караульных начальников, чтобы они выводили нас подышать чистым воздухом в общий коридор гауптвахты. Все имущество мое состояло из пальто и фуражки. Утешение было одно, что некоторые из моих невольных сожителей имели вместо ватного пальто одну холодную шинель. Товарищей по камере всего было тридцать человек. То были солдаты народной армии, посаженные за дезертирство, казаки, попавшие сюда «по красному делу», т.-е. за пьяное буйство с кровопролитием. Так сижу неделю, другую. Никаких вестей с воли нет, и начальство меня не тревожит, но проявляет по отношению ко мне одну странность. Поверка на гауптвахте бывает два раза: при смене караула в час дня и часов в шесть вечера. Между 9 и 11 часами караульные начальники специально стали справляться о «состоянии моего здоровья». Я невольно заметил, что после первой такой специфической проверки солдаты, сожители мои по камере, как-то особенно, с испугом стали посматривать на меня и относиться ко мне с подчеркнутой заботливостью. Выяснилось, что на гауптвахте уже было установленным правилом, что тех, для кого устраивается подобная поверка, обычно дня через два-три куда-то уводили и расстреливали. В холодной камере стало еще холоднее и душнее.

Из отряда Анненкова привели двух высеченных раскаленными шомполами крестьян и одного железнодорожного рабочего. Они наравне со мной также удостоились специфической ночной проверки и через неделю приблизительно исчезли: где-то на берегу Иртыша их расстреляли. Правило продолжало подтверждаться фактами на моих глазах.

Связи с внешним миром не было никакой, хотя установить такую связь ничего не стоило, если бы вне был хотя бы один предприимчивый товарищ. Я сидел без теплой одежды, без белья, жестоко страдал от холода, грязи и насекомых всех родов и видов, которых было здесь так много, как нигде, хотя я на своем веку побывал во многих русских тюрьмах и этапах. Наконец удалось жене товарища М., с большим для себя риском, добиться свидания со мной, но снабдить меня теплой одеждой и бельем она не могла, так как купить что-либо в этом роде в Омске было чрезвычайно трудно, а мой багаж, оставшийся в гостинице, где я жил, «утерялся». От нее я узнал о комедии суда над атаманами, что «товарищ» Старынкевич опубликовал новую редакцию 102 статьи, по которой принадлежность к организациям, имеющим целью «потрясать» основы существующего порядка, «карается смертной казнью». Явилась надежда, что меня не потащут в Загородную Рощу, а будут судить по вновь редактированной статье.

После первого свидания с М. стало лучше, стали выяснять в правительственных кругах возможные для меня перспективы. Принял горячее участие В. А. Виноградов (член директории). Но ему открыто сказали, что я состою в распоряжении военных властей, и никто ничего для облегчения моей участи сделать не может. Стали доходить до меня слухи, что в Екатеринбурге все учредители арестованы, Чернов и его друзья убиты, что в Уфе тоже все перебиты. Узнал я, что в омскую тюрьму привезено человек 20 «учредителей», в том числе Веденяпин. Никто ничего достоверного не знал, слухами лишь сгущались краски. В это время на гауптвахту привели Павловского, которого арестовали где-то в Красноярске. В чем его обвиняли, я до сих пор не знаю. Просидел он всего 21 день. Сидел он в офицерской камере, имел постоянные, сравнительно свободные сообщения с волей. Но и ему не удалось узнать достоверно, что случилось в Екатеринбурге, в Уфе, кого привезли в омскую тюрьму. Лишь потом, после событий 22 декабря, удалось узнать с достоверностью, что в омской тюрьме сидели Павлов, Лотошников, Девятов, Филиппов-ский, Нестеров и др.

Приблизительно числа 17—18 декабря меня вместе с сидевшими на гауптвахте солдатами перевели на гауптвахту 1-го Сибирского стрелкового полка. Это отдельный домик, против гарнизонного собрания, что по улице Достоевского. Вы, как сибиряк, может быть, помните топографию «омской крепости». Эта гауптвахта доселе была необитаема. Лишь за несколько часов до нашего прихода там затопили печки. Я до сих пор без ужаса не могу вспомнить этой гаупт-

вахты. Камера имела аршина 4 в длину и столько же в ширину. Маленькое окно, сделанное у самого потолка, покрылось столь густым слоем льда и снега, что совершенно не пропускало света; лампы никаких не было; приходилось и день и ночь сидеть в полной темноте. На грязные нары поместилось семь человек; лежать можно было лишь на боку, и то с большим трудом. Уборной не было; выводили под караулом прямо на двор. Главное, не доставало воды не только для умыванья, но и для питья. Сплошь и рядом приходилось в котелок набирать снегу на дворе и растаивать его в печке; вы представите, что за питье получалось, если вспомните, что двор вместе с тем служил нам и уборной. Через караульных солдат, через стражников, которые приводили к нам новых арестованных, мы догадывались, что в городе произошло что-то страшное и серьезное. Я написал на старую гарнизонную гауптвахту к Павловскому записку с просьбой позондировать почву о возможности моего перевода на старое место и сообщить, что случилось. Получилось коротенькое извещение об убийстве Фомина, Девятова, Маевского и др. с решительным советом мне «сидеть и молчать». Я сидел и молчал. Приблизительно накануне Нового года пришла ко мне на свидание М. Меня поразило то обстоятельство, что она, человек «видавший виды», при виде меня заплакала. Оказывается, никто на воле не думал, что я после событий 22 декабря остался в живых. Она и рассказала мне впервые об этих событиях. Я постараюсь сообщить вам, что мне потом в тюрьме и на воле удалось узнать из источников достоверных об этих кошмарных событиях.

В ночь на 22 декабря большевики с группой солдат, человек в 300, с несколькими офицерами, перерезав телеграфные и телефонные провода, подошли к областной тюрьме, вошли в караульное помещение, обезоружили военный караул в 35 человек, связали караульного офицера, потребовали ключи и вошли внутрь. Все это было проделано быстро и без выстрела. Стража внутри тюрьмы опешила, сдала ключи и оружие. Сидевшие в тюрьме комиссары, с Михельсоном во главе, взяли на себя руководство операциями. Начали освобождать «политических» и прежде всего—большевиков и красногвардейцев. К этому времени туда из Уфы было привезено много членов Учредительного Собрания и служащих уфимского совета управляющих ведомствами. Среди них были: Н. Иванов, Ф. Федорович, Павлов, Лютошников, Фомин, Подвицкий, Филипповский, Нестеров, Девятов, Маевский, Кириенко, секретарь Комуча (т.-е. комитета членов Учредительного Собрания) Николаев, старик Бареов, Владыкин, Сперанский, Локотов

и др., фамилий которых я или не знал, или теперь уже забыл. Часть наших стала обсуждать, следует или не следует покидать тюрьму. Большевики торопили с выходом. Солдаты по наивности говорили «учредителям», чтобы те шли в казармы и образовывали власть. Наконец все вышли. Чувашн сейчас же отправились на квартиру к знакомым. Павлов, Лотошников, Подвицкий и еще несколько человек отправились на квартиры кооператоров-возрожденцев. Положение остальных становилось критическим. Большевистский отряд отправился на Куломзино. Начало светать, в городе поднялась тревога, показались патрули казаков. Наши всей толпой двинулись в дом «Земля и Воля», что на углу Гасфортовской и Второго Взвода. Владыкина, у которого больная нога, пришлось нести на руках. С огромным риском прошли мимо патрулей, спрятались в подвальном этаже указанного дома. Как вы, вероятно, помните, неподалеку от него квартирует штаб отряда Красильникова. Оттуда заметили наших. В «Земле и Воле» произведен был обыск, но, к счастью, красильниковцы не догадались заглянуть в подвал; однако у дверей эсеровского помещения поставили часового. Был трескучий мороз. Солдату, должно быть, надоело стоять и он ушел; наши воспользовались этим и вышли из подвала; большинству через местных партийных товарищей удалось найти временные помещения, но многим не удалось и этого, они собрались на квартире М., которая, несомненно, находилась под наблюдением, так как М. была единственным человеком, который имел со мною связь. Был издан приказ в течение дня всем бежавшим из тюрьмы вернуться обратно в нее, при чем гарантировалась безнаказанность за уход из тюрьмы. Те же, кто в течение дня не вернется в тюрьму или к коменданту, будут расстреляны на месте поимки, при чем хозяева квартир, где будут найдены бежавшие, будут преданы военно-полевому прифронтовому суду. Федорович, Иванов, Нестеров, Филиппповский, Сперанский, Владыкин решили не подчиняться приказу и приняли меры, чтобы скрыться из Омска. Другие, как Локотов, не имели ни паспортов, ни денег, ни квартиры; как ни тяжко им было, они решили вернуться в тюрьму. Другие, как Павлов, Лотошников, Подвицкий и др., вернулись сознательно, не желая избегать суда законной власти; с другой стороны, кооператоры, после переговоров с военными властями, уверили их, что за самый побег из тюрьмы, как побег невольный, никто не будет, согласно опубликованному приказу, так или иначе караться. Тюрьма приняла их радушно и спокойно; сами они стали понемногу успокаиваться. Приблизительно часов в 11 или 12 ночи в тюрьму явился воин-

ский отряд. Нила Фомина, Ив. Ив. Девятова, Барсова, Маевского, Кириенко, Локотова, Сарова, служащего уфимской земской управы (фамилии не помню; знаю только, что он старый приятель Подвицкого по Смоленску, человек, к политике никакого отношения не имевший [1]), Брудерера, интернационалиста Фон-Мекка и бывшего начальника красноярской тюрьмы вызвали в контору, заявив, что пришел конвой, чтобы вести их в военно-полевой суд. В тюремной книге в получении этих арестантов расписался капитан Рубцов [2]), бывший тогда начальником унтер-офицерской школы и вскоре получивший чин подполковника. Воинский отряд приехал за ними на грузовом автомобиле омского комендантского управления. Установлено также, что Маевского, Кириенко, Девятова и др. привезли в здание омского гарнизонного собрания, где помещается прифронтовый военно-полевой суд. Фон-Мекка, правда, не довезли до места, не утерпели и расстреляли дорогой, прямо на улице г. Омска. Остальные просто пропали. У многих из них в Омск прибыли за ними жены. На другой день подняли тревогу. Никто не мог сказать, куда девались увезенные из тюрьмы. Софья Ивановна Девятова подняла на ноги всех кооператоров, прокуратуру, чешского и американского консулов. Генерал Стефанек предъявил Колчаку ультимативное требование немедленно освободить всех членов Учредительного Собрания и служащих уфимского правительства по поименному списку, при этом представленному. Все немедленно были не только освобождены, но получили возможность легально жить. Лютошников поступил в Центросоюз, Подвицкий—в Центросибирь, Павлов—врачом в шадринском земстве, Николаев получил место мирового судьи во Владивостоке.

Никто не напомнил Стефанеку [3]) меня внести в список освобождаемых. Когда М., после свидания со мной, убедившись, что я продолжаю еще жить, бросилась к чехам с просьбой освободить меня, то удивились: 1) что я сижу, 2) что никто не сказал обо мне Стефанеку, и заявили, что теперь, пожалуй, поздно хлопотать обо мне, ибо Стефанек уехал, говорить с Колчаком об одном лице теперь, после освобождения остальных, неудобно. И в то время, когда жены убитых товарищей день и ночь разыскивали в сибирских снегах их трупы, я продолжал мучительное

---

[1]) Лассау.

[2]) Кап. Рубцов взял только двоих: Девятова и Кириенко и расписался в приеме их в комендатском автомобиле. Других увезли другие офицеры, без записок.

[3]) Стефанеку было указано специально о Ракове, но он, должно быть, позабыл.

свое сидение, не ведая, какой ужас творится за стенами гауптвахты. Разыскивать трупы убитых было чрезвычайно трудно еще и потому, что убитых, в связи с событиями 22 декабря, было бесконечное множество, во всяком случае не меньше 1500 человек. Целые возы трупов провозили по городу, как возят зимой бараньи и свиные туши. Пострадали главным образом солдаты местного гарнизона и рабочие; сами большевики и освобожденные ими комиссары спаслись благополучно.

Омск просто замер от ужаса. Боялись выходить на улицу, встречаться друг с другом. Естественно, что добиться каких-либо сведений об убитых товарищах при таких условиях представлялось делом почти невозможным. После долгих бесплодных поисков, случайно удалось за казармами 1-го Сибирского стрелкового полка, на обрывистом берегу Иртыша, наткнуться на три безобразно скорчившихся обледенелых трупа. Они были так изуродованы, что невозможно было узнать. Стали бродить по берегу, копать снег, нашли еще несколько таких же изуродованных трупов в позах чудовищных. По бороде узнали Фомина, Брудерер был так изуродован, что жена никак не могла узнать его, пока не показали метки на его окровавленной рубашке. Трупов Девятова и Сарова, однако, здесь не нашли.

В это время, по настоянию союзников, было назначено судебное расследование по делу «учредителей». Дело поручили казанской прокуратуре. В силу просто прошлой своей связи с Комучем (комитетом Учредительного Собрания) и его работниками, они дали Софье Ивановне разрешение на раскопку могил в Загородной Роще, конечно, в присутствии чинов судебного ведомства. Могил там огромное число. Разрыли несколько таких могил с сотнями трупов: Ив. Ив. и Сарова не нашли. Наконец, разыскали могилу расстрелянного конвоя, который охранял тюрьму в ночь, когда было сделано на нее большевистское нападение. Судьба этих несчастных солдат исключительно трагична. Утром 22 декабря их, уже обезоруженных большевиками, отряд унтер-офицерской школы арестовал и вместе со связанным большевиками же офицером—караульным начальником отвел в казармы на предмет предания суду. Последнему, очевидно, было не до них; ночью на 23 декабря приказано было весь этот конвой, в количестве 35 человек, отвести до суда в тюрьму. Когда их привели в тюрьму, то начальник последней заявил, что в тюрьме нет мест, что завтра часть уголовных он переведет в арестный дом и тогда примет и этот конвой, а покамест попросил их отвести его обратно в казарму. Красильниковцы

или анненковцы по-своему решили его судьбу. Вместо того, чтобы вести солдат обратно в казармы, они направились с ними в Загородную Рощу и там расстреляли; благо от тюрьмы до Загородной Рощи расстояние небольшое. Все это были молодые, недавно мобилизованные солдаты, никакого отношения к большевистскому заговору не имевшие. Вот среди этих-то молодых солдат оказался изуродованный труп Ивана Ивановича Девятова.

Трупа Сарова так и не нашли.

Мне потом на гарнизонной гауптвахте пришлось сидеть с тем начальником красноярской тюрьмы, который был взят отрядом Рубцова из тюрьмы вместе с нашими товарищами и возвращен обратно уже из гарнизонного собрания, а потом, как офицер, переведен на гарнизонную гауптвахту. На той же гауптвахте вместе со мной сидел капитан Крашенинников, сын известного сенатора Крашенинникова, имевший непосредственное отношение и к этим убийствам и к убийству Б. Н. Моисеенко. В омской тюрьме я сидел с Сперанским, который вел нелегальное, негласное расследование этого дела. Затем, в бытность мою в Иркутске, я получил из достоверного безусловно источника кое-какие сведения по тому же вопросу. В общем, рисуется следующая картина. Существует монархическая, строго конспиративная организация. Она имеет свои разветвления повсюду: за границей, в Советской России, в колчаковской, у Деникина. К ней примыкает высшее кадровое офицерство, видные деятели союза русского народа и бывшие люди самодержавной бюрократии. Организация эта чрезвычайно сильна, располагает огромными денежными средствами. В Сибири ее органом была газета «Русская армия». Там ее агенты занимали видные посты, главным образом в военном ведомстве. Нелегальная ее организация в Омске именовалась Михайловским обществом охоты и рыболовства. Между прочим, в эту организацию входят: ген. Розанов и теперешний его сподвижник капитан Крашенинников, генералы Лебедев, Белов, Иванов-Ринов, Дутов, Красильников, Анненков, Семенов, Калмыков и другие. Фактически в Сибири власть находится в ее руках. Колчак и его правительство просто марионетки. Почти все деятели «Союза землевладельцев» также входят в состав этой организации. В своей тактике монархическая организация ни перед чем не останавливается. В ее руках такая реальная, серьезная сила, как офицерство. Ее агенты убили Новоселова. Как были наивны те, кто думал через комиссию Аргунова найти виновников этого убийства! В числе прочих своих задач монархисты решили «физически уничтожить» всех членов Учредительного Со-

брания. Им кажется, что эти «учредители», оставаясь сильными, будут постоянной угрозой той власти, которая формируется по их указаниям. И первой их жертвой стал Б. Н. Моисеенко. Они его схватили приблизительно в шесть часов вечера того дня, который вы, вероятно, лучше меня помните, близ Коммерческого клуба и отвезли на одну из офицерских квартир, повидимому, на квартиру капитана Крашенинникова. Там стали допытываться от него, где находится касса съезда членов Учредительного Собрания. Его поведение можно предугадать всем, кто хоть немного знал этого чѐстнейшего и благороднейшего из людей. Тогда его стали пытать. Пытка продолжалась часов шесть—семь. Наконец его, измученного, просто задушили, а труп бросили в Иртыш. История короткая, но сколько в ней ужаса!

Та же организация пыталась перебить всех «учредителей» в Екатеринбурге, но помешали чехи. Хотя Гайда в результате чешского вмешательства и гарантировал неприкосновенность «учредителей», но все-таки исключение официально, на бумаге, сделал для В. М. Чернова. Последний на той же бумаге, возвращенной после отобрания подписи в прочтении, написал благодарность Гайде за то, что не он дарует ему жизнь. Наконец монархисты решили воспользоваться событиями 22 декабря и под шумок ликвидировать «учредителей», сидевших в узилищах. Лишь по совершенно случайным причинам в тюрьму прибыл один грузовой автомобиль, а не два; поэтому погибли не все, а лишь первая порция «учредителей». Самое убийство представляет картину настолько дикую и страшную, что трудно о ней говорить даже людям, видавшим немало ужасов и в прошлом и в настоящем. Несчастных раздели, оставили лишь в одном белье: убийцам, очевидно, понадобились их одежды. Били всеми родами оружия, за исключением артиллерии; били прикладами, кололи штыками, рубили шашками, стреляли в них из винтовок и револьверов. При казни присутствовали не только исполнители, но также и зрители. На глазах этой публики Н. Фомину нанесли 13 ран, из которых лишь две огнестрельных. Ему, еще живому, шашками пытались отрубить руки, но шашки повидимому были тупые; получились глубокие раны на плечах и подмышками. Мне трудно, тяжело и теперь описывать, как мучили, издевались, пытали наших товарищей. Я ограничусь только этими штрихами. Их вполне достаточно, чтобы понять, что за страшная оргия разыгралась в ту ужасную ночь на берегу Иртыша, на расстоянии меньшем версты от того дома, где обитал верховный правитель. Убийство совершено не без ведома военных властей. Участники убийства остались не только безнаказанными, но получили по-

вышения. Чины казанской прокуратуры, которым было поручено расследовать дело, в частной беседе с одним из наших товарищей открыто сознались, что они встретили в своей работе непреодолимое препятствие в лице военных властей.

Вы можете представить, что я переживал, когда на гауптвахте М. потом рассказала вкратце эту страшную историю. В памяти у меня осталось одно: в ту минуту я всеми фибрами души и тела жалел, что я не был вместе с убитыми, что какая-то проклятая случайность на некоторое, может быть, на короткое время спасла мне жизнь. Я целыми днями лежал на грязных нарах, в темной холодной камере, не пил, не ел. Но «положение обязывает». Солдаты встревожились моим состоянием. Надо было крепиться. Полуторамесячное сидение в холодных, сырых и темных камерах давало себя знать: открылся сильный кашель, обнаружились приступы малярии, во время которых температура поднималась выше сорока; приходил военный врач, мерил температуру, тыкал грязным пальцем в грудь, дал два порошка хины,—тем и ограничилось мое лечение. Впереди ожидало меня нечто худшее.

В первых числах января меня повели под усиленным караулом на гарнизонную гауптвахту. В конвойной комнате сидело человек пять офицеров; по лицам я узнал некоторых из них: то были красильниковцы, я целую первую ночь их наблюдал в штабе Красильникова. Меня провели в комнату караульного начальника. Там ожидал меня жандармский офицер с погонами подполковника и пресловутыми аксельбантами. Он назвал себя помощником начальника отдела государственной охраны, показал мандат, где красовалась подпись Пепеляева. Как потом я узнал, омский комендант направил мое дело к начальнику гарнизона; тот, спустя некоторое время, переправил его члену омской судебной палаты Брюхатову, которому Старынкевич поручил вести следствие по делу уфимского комитета П. С. Р. за воззвание, которое, как вы помните, было выпущено в Екатеринбурге в мое отсутствие. Брюхатов не нашел состава преступления и возвратил дело начальнику гарнизона. Последний направил его министру внутренних дел, а тот передал меня охране, сиречь Пепеляеву. Но новый жандарм из старых начал допрос несколько необычно. Он прежде всего заявил, что я не Раков, а крупный большевистский комиссар, а потому я должен считаться со всеми последствиями, отсюда вытекающими. Когда он увидел, что этот маневр на меня никакого впечатления не произвел, он стал рассказывать о печальных событиях 22 декабря, напомнил судьбу Фомина, Девятова и др., присовокупив, что меня

может ожидать нечто худшее. Долго он говорил на эту тему, я молчал, потому что мне нечего было говорить, да говорить я и не мог, так как от простуды или обострившегося катарра горла, которым я продолжаю страдать и теперь, я совершенно потерял голос. Наконец жандарм кончил, вошел конвой, и меня отправили на старое место. Я недоумевал, но темные смутные предчувствия закопошились в глубине души. Я не спал всю ночь.

Дня через два меня опять повели на гарнизонную гауптвахту. Та же картина, тот же жандармский подполковник, низкорослый, бритый, с выпученными, стеклянными глазами, с грязными ногтями на руках. Вся фигура его отчетливо говорила, что человек—с тяжкого похмелья после нескольких дней жесточайшего пьянства. Опять тот же тон, та же речь. Выведенный из терпения, он предложил мне написать, кто я... Писать я отказался, но прошипел внятно и твердо все свои преступные титулы. Тогда он, долго разговаривая, подходя издалека, наконец от имени Пепеляева, предложил мне не что иное, как сотрудничество в пепеляевской охране. Я не могу передать, что я пережил, перечувствовал в эту минуту. Я весь задрожал, зашипел, вскочил с места, как ужаленный. Тогда жандарм снова внятно и раздельно повторил свое предложение. Но повидимому со мной творилось нечто такое странное, что вошел конвой, и меня водворили на старое место. Все это так потрясло меня, что мои сокамерники с ужасом и удивлением осматривали меня и боязливо спрашивали, за что меня высекли. Очевидно, мое лицо напоминало им лица тех, кто приходил после красильниковской или анненковской порки.

Дня два я лежал неподвижно на нарах. И теперь, когда я вам пишу об этом, невольно начинаю волноваться. Худшего, более тяжкого оскорбления, чем то, которое мне тогда было сделано именем Пепеляева, нельзя придумать.

Пришла на свидание М. Мой вид поразил ее. Я рассказал ей все. Она сейчас же поехала к Виноградову. Тот, возмущенный, сейчас же по телефону просит Пепеляева немедленно назначить свидание и поехал к нему с решительным требованием прекратить издевательства надо мной, освободить меня под его поручительство, под поручительство омских общественных деятелей, под какой угодно залог. Ведь вы знаете, что Пепеляев товарищ Виноградова по государственной думе и по ЦК кадетской партии. По словам М., Виноградов возвратился от этого своего товарища взволнованный до крайности, безнадежно махал рукой и не мог иначе в присутствии других называть его, как «сволочью».

Вскоре совершенно неожиданно меня перевели на гарнизонную гауптвахту и посадили вместе с П. Дело объяснилось чрезвычайно просто. На гауптвахте караул, которому подчинялась и гауптвахта 1-го стрелкового полка, где я сидел, сменяется ежедневно. Режим зачастую определяется просто личными качествами караульного начальника. Очень часто караульными начальниками были анненковские или красильниковские офицеры; тогда нашему брату приходилось плохо. На этот раз караульным начальником оказался бывший народный учитель Семиреченской области. Парень простой, с «учредительским» настроением, к тому же любил выпить. П. и другой товарищ, прапорщик К., воспользовались этим, с его разрешения обзавелись водкой, подпоили его и под шумок сказали ему, чтобы он перевел меня с гауптвахты 1-го Сибирского стрелкового полка на гарнизонную. Узнавши, кто я, тот сейчас же послал за мной конвоиров. Я очутился со своими. Но прапорщик выпил слишком много и в пьяном виде за какую-то дерзость хватил по уху пришедшего к нему по служебным делам стражника комендантского управления. Получился скандал. Несчастного прапорщика сейчас же посадили на 30 суток на гауптвахту. Его солдаты сменились и ушли, а он остался с нами. На гарнизонную гауптвахту я попал в сравнительно хорошую камеру, в среду своих товарищей, жуткое настроение мое понемногу стало смягчаться. Нужно было целую неделю отмываться, чтобы очиститься от того слоя копоти и грязи, который накопился за время сидения моего на полковой гауптвахте. П. вскоре освободили. Это улучшило наше положение. П. стал бегать по союзническим консульствам, вопиять, делать шум вокруг моего имени. К нам привели офицера Мурашкина, с которым мы оказались старинными знакомыми. Привели еще Дворжеца—появилась масса новых сведений. Свидания запретили, но благодаря связям с арестованными офицерами мы постоянно переписывались с волей, получали газеты; П., благодаря старому знакомству с караульными начальниками, которые периодически повторялись раза два, пробирался на гауптвахту, целыми часами просиживал в нашей камере. Приступы малярии, благодаря усиленному употреблению хины в сухой камере, прекратились, но зато усилился кашель, в мокроте показалась кровь, болело горло. У меня во время этапных скитаний после 1915 года обнаружился туберкулез, но тогда удалось уехать на юг Франции в Montpellier, и легкие быстро зарубцовались. Теперь видимо процесс возобновился. Товарищи встревожились.

Ввиду полной безнадежности легального освобождения,

стали думать о побеге. Вскоре представился совершенно исключительный случай. На военных гауптвахтах исстари установился обычай: на честное слово арестованных офицеров караульные начальники на свой риск и страх отпускают домой на вечер, иногда на всю ночь. Я решился воспользоваться этим обычаем. Смущало одно обстоятельство, что может пострадать ни в чем неповинный караульный начальник. Навел справки. Оказалось, что с омской гауптвахты так уже бежало немало людей; караульные начальники отделывались или выговором от начальства или недельным арестом на той же гауптвахте. Смущаться было нечем. Я запасся паспортом. Прапорщик К., свой человек, стал проситься у караульного начальника на его честное слово отпустить на 2 часа его и меня. Его он отпустил, но меня не решился. Тогда другой офицер, сожитель по камере, горячий колчаковец и монархист, обратился к караульному начальнику с просьбой, чтобы тот дал мне отпуск в город, под охраной его и К. Караульный начальник согласился. Все втроем направились в квартиру П. Дорогой я убедил К. от П. моего добровольца-конвоира увести куда-нибудь часа на полтора, на два. Так и сделали. Мы остались вдвоем с П. Пришли Дедусенко, Колосов. Я предложил воспользоваться случаем и скрыться. После некоторого обсуждения, стало ясным, что это неудобно. Просидели мы так часа два совершенно одни, ночью. В передней застучали шпоры моих попутчиков-офицеров. Пришлось итти назад на гауптвахту.

Через неделю П. пришел ко мне с новым планом побега: через баню. План был сложный, требовалось тщательное знакомство с баней, большая ловкость. Главное, меня не пускали в баню. План побега был смел до наивности. Изучивши тщательно этот план, я решил, что глупо попадаться при попытке к побегу, просто не к лицу. От этого плана я отказался; стал выискивать пути, чтобы использовать первое средство побега. Главное, необходимо было, чтобы в городе была верная квартира и лошади, которые могли бы меня увезти. Омск был терроризован. Все избегали его, как зачумленного. Все партийные товарищи или попрятались, или разъехались. Но все же, с помощью М., дело стало налаживаться и наладилось настолько, что я считал, что к началу февраля я сумею уйти.

Но тут случилось неожиданное для меня событие. Виноградов через М. ранее передал мне, что с гауптвахты меня никуда не переведут, так как этому противятся военные власти. Я дорожил этим, потому что на гарнизонной гауптвахте теперь мне жилось уже легче. Планы мои разрушены были опять кровавыми событиями 1 февраля. Со-

бытия эти носили какой-то темный, провокационный характер. Ночью на 1 февраля человека три или четыре, вооруженные бомбами и револьверами, ворвались в помещение одной из рот омского гарнизона. Раздалась команда одеваться, брать винтовки и выходить на двор. Солдаты опешили, испугались, часть стала хватать винтовки и выбегать на двор, часть просто попряталась под нары. Неизвестные подошли к комнате, где спало трое офицеров, и открыли по последним стрельбу—все трое офицеров оказались ранеными. Выстрелы вызвали суматоху в соседних ротах. Неизвестные скрылись. В то же время было брошено несколько бомб в городе, в офицерское общежитие; там также было ранено несколько офицеров. В городе поднялась тревога. У нас на гауптвахте удвоили караул, принесли винтовки, чтобы ими вооружить арестованных офицеров, чтобы они могли обороняться в случае неприятельского нападения. Мы ночь провели тревожно. Если большевики,—а предполагалось a priori, что начинается большевистское восстание,—нападут на гауптвахту, то нас, т.-е. прежде всего меня, ликвидируют изнутри. На утро пришел дежурный по караулу и во всеуслышание рассказал, что восстание ликвидировано, арестовали человек тридцать, между прочим, двух женщин, привели в казармы, раздели донага и отдали офицерам на избиение. Так как ночью было покушение на офицеров, то они били арестованных с особенным остервенением. Потом бросили полумертвых в холодную комнату.—Теперь, вероятно, их уже расстреляли? — спросил кто-то из толпы.—Нет, мы еще их попытаем,—добавил рассказчик,—и будем пытать до тех пор, пока они не выдадут главных заговорщиков. Опять запахло средневековой инквизицией. Третьего февраля караульный начальник получил от коменданта распоряжение отправить меня в тюрьму. Начинается новая полоса моих мытарств.

Тюрьма меня приняла сравнительно приветливо. Дежурный помощник начальника тюрьмы, бывший начальник сызранской милиции в эпоху Комуча (Комитета членов Учредительного Собрания), обыскал меня поверхностно и по моей просьбе отправил меня в «учредительскую» камеру, т.-е. в камеру, где сидели эсеры. Там я нашел И. А. Цыноватова, А. Сперанского, сибиряка Савина, начальника милиции Акмолинской области Першачева, служащего агитационного отдела Комуча Сучкова, курьера ЦК, прапорщика, фамилии которого я теперь не помню. В той же камере сидели два полууголовных и один латыш, которого товарищи в шутку прозвали комиссаром. На первый взгляд обычная тюремная обстановка. Лишь изредка со двора доносятся ружейные выстрелы. Оказывается, военный караул откры-

вает стрельбу по всякому, кто полезет открывать форточку, подойдет к окну. Накануне была так убита наповал женщина уголовная. Затем я узнал еще неприятную новость—в тюрьме свирепствует тиф. Тюрьма рассчитана на 250 человек, а в мое время там сидело больше тысячи. Почва для тифа исключительно благоприятная. В первый день моего пребывания в тюрьме с нашего переселенного коридора вынесли 19 человек, заболевших тифом. В подвальном этаже всегда лежало трупов 30—40: тюремная администрация просто не успевала хоронить умирающих. Главное население тюрьмы—большевистские комиссары всех родов и видов, красногвардейцы, солдаты, офицеры,—все за прифронтовым военно-полевым судом, все люди, ждущие смертных приговоров. Атмосфера напряжена до крайности. Особенно удручающее впечатление производили солдаты, арестованные за участие в большевистском восстании 22 декабря. Все это молодые сибирские крестьянские парни, никакого отношения ни к большевикам, ни к большевизму не имеющие. Тюремная обстановка, близость неминуемой смерти сделала из них ходячих мертвецов с темными землистыми лицами. Вся эта масса все-таки ждет спасения от новых большевистских восстаний. Естественно, что всякие, даже самые нелепые намеки на близость такого восстания у измученной солдатской массы вызывают сильное возбуждение, воскрешают надежды. Усиливаются на дворе ружейные выстрелы—им кажется, что на тюрьму наступают большевики, начинают готовиться к их встрече. Попала в тюрьму большевистская прокламация, призывающая рабочих и солдат к восстанию. Заволновалась большевистско-красноармейская и солдатская масса. Решили примкнуть к восстанию; стали запасаться поленьями, кирпичами, чтобы в случае надобности ударить в тыл неприятелю. Между тем, в тюрьме сидело много провокаторов, агентов охранки и военного контроля. Наши попытки образумить, успокоить массу, доказать всю опасность такого поведения ни к чему не приводили. Спокойнее других держались уголовные: им грозила каторга, но не было призрака смертной казни. Но вот военно-полевой суд приговорил к смертной казни пятерых уголовных. До двух часов ночи мы писали им в разные инстанции законные и незаконные прошения о помиловании. На рассвете их расстреляли. Пришла в напряжение и уголовная шпана. Вы представляете, в какой атмосфере пришлось нам сидеть. К смертной казни приговаривали пачками по 30—50 человек, расстреливали 5—10 за день. Некоторым по месяцу, по два приходилось ждать исполнения приговора. Смертная казнь стала для тюремных обитателей столь обычным явлением, что тюрьма

спала, когда уводили осужденных на казнь. Сидеть приходилось с людьми, которые от пережитых страданий стали полусумасшедшими. Вот с нами в камере сидит латыш, которого мы в шутку прозвали комиссаром. Он не большевик и никогда большевиком не был. Его специальность—птицеводство. Он и теперь мечтает поехать на Кавказ и заняться там разведением страусов. При советской власти его невеста поступила на омский вокзал кассиршей. Чтобы быть ближе к невесте, он поступил офицером железнодорожной милиции. После свержения советской власти его арестовали, но через несколько дней освободили. После колчаковского переворота его снова арестовали, но 22 декабря большевики его освободили. Недели две он спокойно прожил у своей невесты. Его вновь арестовали анненковцы. Привели в свой штаб. Там «начальство» приказало ему всыпать «сорок горячих». Несчастный юноша выдержал 17 ударов и потерял сознание. Пришел в себя. Лежит на полу, а над ним болтается приготовленная уже петля. Ищет что-нибудь покончить с собой. Нашел осколок стекла, стал резать руку, чтобы перерезать вену. Снова теряет сознание. Приходит в себя утром. Весь окровавленный. Даже анненковцы не решились его повесить, а отправили в тюрьму. Он целыми днями лежит, страдает головокружениями. Рядом с моей одиночкой, в которую меня потом засадили, сидит железнодорожный рабочий Медведев, с больным горлом, куда вставлена была серебряная трубочка. Нужно сказать, что в колчаковщине всякий рабочий—непременно большевик и злостный заговорщик. Шел этот Медведев с товарищем по улице Омска. Неожиданно налетели красильниковцы, арестовали и «прямым сообщением» направились в Загородную Рощу. Рабочих там пустили вперед, взяли ружья на прицел, раздался залп. Или пуля пролетела мимо Медведева, или он упал раньше залпа, только на земле он очутился не раненым. Красильниковцы стали добивать мертвых штыками. Медведеву штыком разорвали горло и удалились. Несчастный с невероятными усилиями добрался до городской больницы. Недели через две узнали красильниковцы, что он спасся, потребовали, чтобы власти перевели его, как «опасного большевика», в тюрьму. Медведев очутился в тюрьме и при мне числился за военно-полевым судом. Трудно вообразить, что представлял из себя этот Медведев. Однако суд приговорил его к смертной казни. Я привел эти два случая, чтобы охарактеризовать хоть немного ту обстановку, в которой нам приходилось жить.

Из простой камеры нас, «учредителей», т.-е. эсеров, перевели в сравнительно просторную школу-камеру, подсадили к нам человека четыре меньшевиков и поручили

привести в порядок тюремную библиотеку. Так прожил я приблизительно десять дней в своей среде. В один прекрасный день, часа в два, когда мы «отдыхали» после обеда, загремел замок камеры, на пороге показалась фигура того маленького, плюгавого, полупьяного жандармского подполковника, с которым мне уже приходилось иметь дело. За ним вошла толпа охранников, тюремного начальства, надзирателей. Желая натравить по невежеству моих сокамерников на меня, он стал извиняться перед ними за беспокойство, указывая на меня, как на единственного виновника несчастия.

Товарищи из моих рассказов знали уже этого подполковника, беспокойно насторожились, стали подвигаться ближе ко мне. Но жандарм быстро обыскал их и поодиночке выпроводил в коридор под охраной надзирателей. Остался я один. Меня раздели донага, произвели настолько тщательный и бесстыдный обыск, что я сейчас не решаюсь описывать детали его.—Где деньги?—вопил жандарм, измываясь надо мной, поскольку позволяло его жандармское остроумие. В кармане тужурки нашли случайно там застрявшую трешницу, три порошка хины. Меня отвели в тюремную контору. Обыск длился часа два. Там перерыли все, вспороли тюфяки, подушки, пересмотрели всю тюремную библиотеку; искали денег, которых не было. Наконец, вся эта орда спустилась ко мне. Меня с жандармом затворили в кабинете начальника тюрьмы. Здесь он со всяческими уговорами, заигрываниями повторил свое гнусное предложение. Я молча дрожал от негодования. Жандарм опять вывел меня в контору.

— В камеру его!—наконец прошипел он.—Я этого мерзавца с ума сведу!—слышал я, уходя, окруженный недоумевающими надзирателями. Жандарм забрал хранившиеся в конторе деньги, запретил какую бы то ни было выписку и передачу на мое имя и приказал запереть меня в одиночку для «абсолютной» изоляции. Нужно заметить, что как ни было терроризовано тюремное начальство, но перед «учредителями» оно как-то пасовало, начиная от начальника и кончая надзирателями. Ни от кого мы не слышали грубого слова, нам разрешались вольности, каких не разрешали другим. Надзиратели охотно, при первой возможности, относили с большим риском для себя наши письма на волю, покупали табаку, приносили для нас денег от наших друзей. Во время обысков отбирали у нас ножи, карты, а через час помощник начальника тайком от своих надзирателей возвращал нам все обратно. В тюрьму мы на законном основании выписывали все омские газеты.

После жандармского налета мой авторитет в глазах тюремной стражи как-то поднялся еще выше. Товарищи снабдили меня табаком и пищей и поздно вечером торжественно проводили в одиночку, в которой раньше сидел товарищ Локотов, «убиенный» 22 декабря. Одиночка была в этом же этаже, но в другом коридоре, в коридоре «смертников», хотя смертники имелись в достаточном количестве и в других коридорах. В одиночке я подвергся сугубому надзору: почти ежедневно, помимо обычной поверки, о моем здоровье справлялся сам начальник тюрьмы. После перевода в одиночку, и надзирательская, и арестантская масса стала смотреть на меня, как на обреченного. Дня три—четыре я был изолирован от своих. Наконец они умудрились испортить ватер на своем коридоре. Я выбил глазок в двери камеры, получил возможность разговаривать мимолетами с товарищами, получать от них газеты. Затем надзиратели стали выпускать и меня в уборную в тот момент, когда приходили мои друзья; мы стали забираться в мою одиночку, беседовали по получасу и более. Надзирательский состав был новый, текучий. Среди надзирателей были «большевики», «эсеры», но не было стражников колчаковского режима, никто не верил в долговечность его. И ко мне, как единственному в тюрьме члену Учредительного Собрания, относились порой трогательно. Самым плохим надзирателем был как-раз солдат из прежнего охранного отряда. Ночью, в беседе со мной через глазок, он сознался, что стоял на часах у вашей квартиры в момент нашего ареста, за «хорошее поведение» получил от Красильникова десять тысяч «раковками», прожил их и поступил в тюрьму, чтобы не итти на фронт.

Камера моя оказалась холодной, сырой, с атмосферой той уборной, которая была расположена против нее. Меня мучила малярия, душил по ночам кашель, болело горло; от усиленного употребления хины я стал глохнуть; тюремный врач осмотрел меня и открыто заявил, что у меня возобновился туберкулезный процесс в легких. Я настолько уже ослабел, что принужден был отказаться от прогулки. Товарищи, особенно А. Сперанский, стали беспокоиться за меня, усиленно бомбардировали «волю» тревожными письмами, но оттуда кроме М. некому было откликнуться. Стали подумывать о побеге, хотя военный солдатский караул был заменен уже казачьим.

Среди надзирателей была целая группа бывших чинов сызранской милиции времени Комуча; ребята все хорошие. Они осторожно намекнули Сперанскому, что, пожалуй, сумеют меня вывести из тюрьмы. Дело требовало большой осторожности и чрезвычайной конспирации; естественно,

что оно двигалось вперед чрезвычайно медленно; главное, требовало значительной суммы денег и хорошей организации на воле.

В это время меня неожиданно вызывают в контору. Там ожидал меня чиновник особых поручений департамента государственной охраны, Миролюбский, бывший сызранский городской судья. Он развернул книгу и стал читать «Протоколы правления омского профессионального союза работников печатного дела», протоколы резко большевистского содержания. Потом он показал мне подписи членов правления, где была, между прочим, подпись «А. Раков».— «Это не ваша подпись?»—спросил он меня. Я удивленно посмотрел на него. Тот смутился.—«Как не стыдно вам предъявлять мне эти подписи?»—не утерпел я. Чиновник еще более смутился и заявил, что он пришел не обвинять меня, а лишь выполнить простую следственную формальность, что он сейчас же пойдет и доложит Пепеляеву о моей полной непричастности к союзу.

Потом выяснилось следующее: благодаря неоднократным заявлениям Павловского, Виноградова, чешский и американский дипломатические представители запросили Вологодского, почему «учредителей» выпустили, а Ракова продолжают держать в тюрьме. Вологодский ответил, что Ракова держат, как уголовного преступника, за растрату, в качестве управляющего ведомством финансов уфимского п-ва, тринадцати миллионов рублей казенных денег. Но чешский представитель великолепно знал, что эти тринадцать миллионов были израсходованы уже тогда, когда я сидел на омской гарнизонной гауптвахте. Когда это сорвалось, Вологодский на вопрос тех же консулов заметил, что Раков—член большевистского правления союза работников печатного дела, за что и предается суду. Этим объясняется посещение тюрьмы чиновником Миролюбским.

Опять потянулись темные, мрачные дни в атмосфере сплошного ужаса и смерти. Стрельба по окнам тюрьмы с приходом казаков усилилась. Казацкие офицеры для своих стрелков просто устроили спорт на меткость, спорт, имевший своими последствиями кровавые жертвы. Тиф не ослабевал, а усиливался. Люди погибали десятками ежедневно... Но вот началось какое-то движение в наших делах; освободили меньшевиков, освободили Дворжеца. Получили мы сведения, что начнут освобождать и других. М. сообщала, что о моей судьбе будет иметь суждение совет министров, очевидно, под влиянием какой-то иноземной политики. Приблизительно в половине марта я получил записку от М. А. Лихача, которая гласила, что он с Федоровичем приехали в Омск, при чем Федорович на-

правился в Екатеринбург, а он, Лихач, остался хлопотать об облегчении моей участи. К этому времени приступы малярии усилились, температура поднималась выше сорока градусов, я терял сознание. Врач по просьбе товарищей дал заключение, что оставаться более в одиночке мне опасно; к этому же подвернулся случай, что ночью, будучи в бессознательном состоянии, я разбил у себя лампу. 20 марта на вечерней проверке начальство заявило мне, что меня решили перевести в общую камеру, к товарищам, где с их стороны будет наблюдение, хотя бы в малярийные дни, но нужно немного подождать: возможно, что меня совсем освободят.—«Откуда у вас такие сведения?»—недоверчиво спросил я. И помощник начальника тюрьмы, бывший начальник милиции г. Сызрани, сказал, что от прокурора омской судебной палаты получена бумажка освободить меня, но так как относительно меня они имеют специальную инструкцию от департамента государственной охраны, то они срочно запросили последний, следует ли исполнить поручение прокурора. В девятом часу, когда уже кончилась проверка, загремел засов моей одиночки, и меня пригласили в контору. Там начальник тюрьмы показал мне бумагу прокурора, где говорилось, что на основании 10 ст. Уст. Уг. Судопр. я подлежу немедленному освобождению.—«Сейчас придет конвой, вас отведут в милицию, откуда и освободят»,—заметил начальник. Я решительно отказался ночью итти в милицию, заявив, что нет никакой гарантии в том, что ночью отведут меня в милицию, а не на берег Иртыша, что делалось сплошь и рядом. Начальник взял с меня подписку, что я добровольно остаюсь в тюрьме, и разрешил мне провести ночь в моей одиночке. Так я поступил еще и потому, что мне не хотелось уходить из тюрьмы, не повидавшись с сидящими там товарищами. На утро я провел с ними целых три часа, благодаря любезности надзирателей, которые на свой риск и страх отвели меня в камеру друзей.

21 марта, часов в 10 утра, я простился с ними и оставил тюрьму, где все напоминало о смерти, даже стены здания и стены тюремного двора, на которых было бесчисленное количество следов от ружейных пуль на высоте немного ниже человеческого роста. Кто-то кого-то уничтожал здесь и продолжает уничтожать с поразительным бессердечием и жестокостью. По выходе из тюрьмы я встретил М., которая на извозчике издали провожала меня до самой милиции. Здесь я получил проходное свидетельство и приказание в 24 часа выехать в Томск.

Омские друзья и Лихач убедили меня, что мне в Омске нельзя легально оставаться ни одной минуты, ибо депар-

таменту государственной охраны там легче и проще расправиться со мной. Дня три я прожил в вагоне Богдана Павлу. Ввиду моей слабости, Лихач хотел отправить меня с экспрессом. Билеты стали доставать через Центросоюз, где департамент имеет особенно много своих агентов. В день отъезда экспресса туда заходил какой-то господин и допытывался, где он может видеть двух граждан, которые собирались ехать с экспрессом. Случайно мы не поехали этим экспрессом. А вечером мы узнали, что экспресс подвергся перед отправкой тщательному обыску, чего доселе не бывало. Стало быть, простой случай спас нас, может быть, от нового ареста. Пришлось нанять лошадей и выехать на станцию верст за девяносто от Омска, где с невероятными усилиями удалось попасть в теплушку военнопленных. В теплушке, рассчитанной на сорок человек, набилось пассажиров больше сотни, с трудом удавалось найти на полу место, чтобы поставить ногу. Почти трое суток мы ехали стоя. Но мы были счастливы по сравнению с теми пассажирами, которые ехали при сибирском холоде на крышах вагонов и на тормозах.

Вдоль полотна железной дороги непрерывной лентой тянулись обозы с рыбой и хлебом, с кожами. Все это отчетливо указывало, что новая власть ровно ничего не сделала, чтобы улучшить железнодорожный транспорт, наоборот, он ухудшился. До Иркутска ходила только одна пара пассажирских поездов в день, но для пассажиров в поезде отводился один, два вагона, остальные занимались офицерами, чиновниками, солдатами, военнопленными и т. п., словом, остальное отводилось под казенные надобности. За ст. Тайга в поезде стали носиться уже тревожные слухи; говорили, что дальше Красноярска поезда не идут, что Канск занят большевиками, что несколько поездов воинских и пассажирских спущено под откос большевиками. Несколько раз проверяли документы. Благополучно проехали Красноярск, Канск.

Станции за три до Тайшета поезд остановился, простоял всю ночь: говорили, что на ст. Тайшет идет бой с большевиками. Утром тронулись в путь; по бокам полотна валялись разбитые вагоны, сломанные паровозы. Прибыли на ст. Тайшет. Стреляют по лесу трехдюймовки. На станции стоит уже большой чешский отряд. Простояли часа два, двинулись дальше и почти без всяких задержек доехали до Иркутска.

Я нарочно остановился на тайшетских событиях. Они — характерный эпизод большевистских восстаний в Енисейской губ., которые не могли быть ликвидированы в течение целого полугода. Остатки Красной армии стали неболь-

шими группами стягиваться в Енисейской тайге. Большевики постепенно их связывали друг с другом, организовывали, всяческими путями добывали оружие. Даже устроили маленький завод для литья пуль. Политика атаманов создала в крестьянской среде обстановку, благоприятную для деятельности большевиков. Большевики захватывали власть, вводили советское управление, реквизировали скот, фураж, объявляли мобилизацию и распространялись дальше, все ближе и ближе к полотну железной дороги. Был момент, когда они захватили Енисейск, угрожали Канску, подходили к самому Красноярску. Регулярные войска из мобилизованных оказались бессильными бороться с повстанцами: они разлагались, часто переходили на сторону большевиков. Послали на усмирение самого Красильникова, со всеми его молодцами. Но и он оказался бессильным. Большевики нападали на отдельные его отряды и били. В одном месте скопились настолько значительные силы повстанцев, что они разбили целый казачий полк. Сами красильниковцы, привычные лишь к грабежу и безнаказанным убийствам, десятками стали переходить на сторону повстанцев или просто по одиночке разбегаться.

Положение становилось для Колчака трагическим, налицо была реальная опасность перерыва железной дороги. На помощь пришли иноземцы: поляки, румыны, главное, чехи, которые сами были кровно заинтересованы в охране путей. Верховное руководство операциями взял на себя ген. Розанов, бывший начальник штаба ген. Болдырева; он получил неограниченные полномочия на управление всем этим районом. Началось нечто неописуемое. Розанов объявил, что за каждого убитого солдата его отряда будут неуклонно расстреливаться десять человек из сидевших в тюрьмах большевиков, которые все были объявлены заложниками. Несмотря на протесты союзников, было расстреляно 49 заложников в одной только красноярской тюрьме. На-ряду с большевиками расстреливались и эсеры. Так трагически погиб канский городской голова Петров. Он умолял расстрелять его, а не вешать. Красильников галантно заявил, что в приказе генерала сказано «повесить», а не «расстрелять». Несчастный публично был повешен. Он умер со словами: «Да здравствует Учредительное Собрание!» В тюрьме воцарился неописуемый ужас. Начались самоубийства, массовые отравления заложников. Усмирение Розанов повел «японским» способом. Захваченное у большевиков селение подвергалось грабежу, мужское население или выпарывалось поголовно или расстреливалось; не щадили ни стариков, ни женщин. Наиболее подозрительные по большевизму селения просто сжигались. Естественно, что при

приближении розановских отрядов, по крайней мере мужское население разбегалось по тайге, невольно пополняя собой отряды повстанцев. Нападения на полотно железной дороги продолжались; большевики сорганизовали отряды лыжников. Зная прекрасно местность, они незаметно подходили к полотну, портили путь и ускользали. Под откос летели воинские эшелоны, поезда с амуницией, иногда и пассажирские поезда. Движение прерывалось временами на неделю. Опасными местами поезда проходили под охраной воинских отрядов в блиндированных вагонах. Иногда большевики скоплялись значительными отрядами и делали прямые нападения на железнодорожные станции; так, например, они захватили Тайшет. Потребовались очень крупные воинские силы, чтобы очистить от партизанских отрядов хотя бы достаточно широкую придорожную полосу. Лишь весной движение в Енисейской губ. с невероятными жестокостями было подавлено. Разбойничий колчаковский режим вызывал значительные восстания в Тобольской и Томской губ., в Акмолинской и Семипалатинской областях, не говоря уже про амурский и приамурский районы. И крестьянское население этих районов, само по себе далекое ~~от большевизма~~, теперь с энтузиазмом будет встречать красные войска. Про рабочих и говорить нечего. Да и трудно ожидать другого: рабочий не смел пошевелиться под страхом бессудного расстрела за малейшие пустяки; экономическая же политика пресловутой кадетской государственности держала их на границе хронического голодания. Я укажу один факт: в Омске прожиточный минимум был определен приблизительно в 420 рублей, когда зимой цена сажени березовых дров доходила до 500 рублей. Вместо восстановления народно-хозяйственной жизни, махровым цветом расцветала самая злостная спекуляция. Спекулировали все: от жандармов до министров включительно. К этому неизбежно вела правительственная экономическая политика. Единственной творческой силой в Сибири являлась кооперация, но она не пользовалась расположением власть имущих. В то время как торговопромышленники получали ссуды и субсидии без меры и счета, кооперацию обходили: ей открывали кредит сплошь и рядом при условии, если она часть имеющейся иностранной валюты уступала казне. Центросибирь просила открыть кредит в 5 миллионов рублей, чтобы закупать товары для нужд населения непосредственно на Дальнем Востоке. Министерство финансов ответило бумажкой, которая была опубликована, что кредит будет открыт при условии, что Центросибирь будет покупать товары не на Дальнем Востоке, а на местных рынках, т.-е. у спекулянтов. Хищничество, грабеж, взяточничество са-

мое бесцеремонное,—вот что составляло главное содержание работы всей правительственной машины.

В области управления пресловутая государственная мудрость сибирских кадетов не пошла дальше института земских начальников. Земельная политика не на бумаге, а на деле свелась к восстановлению полностью, без ограничения власти помещиков там, где таковые когда-то были, напр., в Уфимской губернии.

Рассчитывать при этих условиях на поддержку населения, на длительное существование власть не могла. Первым не выдержал фронт. Теперь большевики беспрепятственно пройдут по всей Сибири, если только где-нибудь уже на Байкале не образуется линия нового фронта, но уже не большевистско-колчаковского, а русско-японского. Неизбежность крушения фронта была очевидна весной.

Это отлично понимали такие архи-авантюристы, как Гайда, или такие умные черносотенники, как ген. Белов. Еще весной завязался узел той трагедии, эпилог которой разыгрался недавно во Владивостоке. Сначала возник конфликт между Ставкой и Гайдой. Ставка—центр всего черносотенного, разбойничьего и бездарного офицерства. Она понемногу стала устранять с фронта относительно честное офицерство и заменяла своими, которые умели пороть крестьян и рабочих, наводнять фронт порочной, юдофобской литературой, но не умели организовать борьбу с большевистскими войсками. Чисто-военный конфликт разросся в конфликт политический. Гайда понимал, что колчаковский режим лишает армию тыла и делает ее небоеспособной. Поэтому Гайда на-ряду с требованиями военно-организационного характера предъявил Колчаку и ряд требований политического характера, общий смысл которых сводился к некоторой, очень скромной демократизации тыла, так как Гайда понимал, что без этой демократизации, с одними колчаковскими атаманами, в Москву на белом коне не въедешь. В этом конфликте прямо предательскую роль сыграл И. Михайлов, или «Ванька-Каин», как его обычно зовут сибиряки. Вначале он как будто был на стороне Гайды, с заговорщическими целями ездил к нему на фронт. Но когда увидел, что Ставка сильнее Гайды, стал ретивым сотрудником Ставки. Гайда ушел в отставку, но не отказался от попытки путем восстания, военного заговора вновь выплыть на поверхность. Было ясно, что заговор этот—самая легкомысленная, темная авантюра. На стороне Гайды несколько сот демократически настроенных офицеров, с одной стороны, ген. Белов, атаман Дутов и какое-то казачье совещание—с другой. Мы и наши сибирские товарищи отнеслись к этому с решительным осуждением и предупре-

дили, что подобная авантюра при тогдашней сибирской ситуации обречена на гибель. Может быть, отдельные эсеры и снюхались с ними, но организованные эсеры наверняка ничего общего с владивостокскими событиями не имели (неудавшаяся попытка восстания в ноябре 1919 г.). Меня беспокоит теперь одно: пользуясь случаем, теперь колчаковцы начнут решительное истребление эсеров по всей своей вотчине.

Письмо мое затянулось, вряд ли хватит у вас терпения прочитать его до конца, но вы — сибирский патриот, поэтому в кратких чертах расскажу еще кое-что, что мне пришлось видеть и наблюдать уже в Иркутске, в городе, который для вас стал родным городом. Там атмосфера легче, может быть, благодаря тому, что губернатором продолжал быть Яковлев, а может быть, просто благодаря промежуточному географическому положению между Колчаком и Деникиным. Легкость атмосферы притянула туда чуть не всех сибирских эсеров. При мне как раз происходила общесибирская партийная конференция.

При мне происходили в Иркутске выборы в гор. думу. Они дали очень характерные результаты. Фигурировало три главных списка: а) союза домовладельцев, с бывшим, до революции, городским головой на первом месте; это, вернее, список союза русского народа; б) кадетский и в) социалистического блока, список, поддержанный профессиональными союзами. Свободой агитации фактически пользовались лишь первые два списка. Черносотенцы почти никакой публичной агитации не вели, зато кадеты проявили неутомимость большую. Первым прошел список черносотенный, вторым—социалистический, так что социалисты имели бы приблизительно треть мест в новой думе: лишь несколько мест получили кадеты, и Знаменское, населенное почти исключительно рабочими, целиком провело черносотенный список: рабочие бойкотировали выборы под влиянием нелегальной большевистской агитации, выразившейся всего только в выпуске одной прокламации. Выборы были кассированы, но они чрезвычайно характерны почти для всех городов Сибири. В других городах проходило больше черной сотни, меньше социалистов, но кадеты проваливались всюду. При нас же происходило губернское земское собрание. Оно было целиком эсеровским, так что управа была выбрана исключительно эсеровская. Недаром меньшевики там обозвали земство эсеровской вотчиной. Печати социалистической в Сибири нет. Всюду цензура. В Иркутске цензором состоял не кто иной, как бывший до революции начальник иркутского губернского жандармского управления.

В Иркутске я отдохнул, набрался сил, успокоился немного; 12 июля мы выехали во Владивосток, 3 августа сели на пароход, два месяца были в пути. В Праге товарищи, прежде чем решить вопрос о выезде в Россию, заставили меня дней пять пролежать в университетской клинике на предмет исследования состояния моего здоровья. Здешняя знаменитость нашла мои легкие уже зарубцовавшимися, но констатировала обычный катарр горла и сильно угнетенное состояние нервной системы. В Праге мы сидим третий месяц, успели отдохнуть, отъесться и немного ожиреть. Кажется, скоро тронемся в путь, в Москву, на работу. Мы глубоко скорбим, что не удалось повидать вас, парижан. Шлю вам горячий привет с наилучшими пожеланиями. Авось еще увидимся, и при лучших условиях.

Извиняюсь, что заставил вас читать такое длинное послание, но ведь я, вероятно, уже никогда не буду писать о том, о чем так пространно пишу вам сейчас.

Жму вашу руку. Передайте привет товарищам.

Д. Раков.

Прага, 23 декабря 1919 года.

Ген. ГОППЕР

Начало и конец Колчака[1]).

1. Омск.

Выбор резиденции всероссийского временного правительства (директории) и ставки главнокомандующего имел громадное значение, и члены директории это очень хорошо понимали. В связи с убийством министра Новоселова в Омске, туда был командирован один из членов Учредительного Собрания для выяснения положения Сибири, и до его возвращения вопрос о выборе резиденции остался открытым. Когда депутат вернулся из Сибири, директория и ставка решили переехать в Екатеринбург, но позднее, когда все уже было улажено для отправки, вопрос еще раз обсуждался, и директория переехала в Омск.

Мне мотивы того и другого решения до сих пор остались непонятными. На мой вопрос ген. Болдырев ответил, что они хотели примирить оба политических направления. Екатеринбург находился слишком близко к большевистскому фронту и поэтому не мог гарантировать возможности спокойной деятельности. Но если в своем первом решении члены директории высказались за Екатеринбург, то, очевидно, они уже тогда поняли, что Омск еще меньше гарантирует спокойствие работы, хотя он находился далеко от фронта.

Директория сделала очевидную ошибку: она очень высоко оценила свой моральный вес, совсем забыв, что в таких случаях считаются только с грубой реальной силой. А в Омске в распоряжении директории не было никакой реальной силы.

Поезда для переброски ставки в Омск давал ген. Дутов, который, как и вообще оренбургское войско, был хорошо настроен в отношении директории. Самарское правительство вагонов дать не могло, ибо само должно было эвакуироваться, а сибирское правительство, хотя в его распоряжении было много свободных вагонов, отказалось их

---

[1]) Из книги „Четыре разгрома". Перевод с латышского.

дать. Это незначительное обстоятельство ярко характеризует взаимоотношения разных политических группировок.

На пути в Омск во всех больших центрах—в Златоусте, Челябинске и Петропавловске—происходили встречи временного правительства и ставки. То же наблюдалось и в Омске в первый день приезда. Поэтому я пришел к заключению, что широкие массы Сибири и Урала доверяют новому правительству и возлагают на него большие надежды. К выгоде директории служило и то обстоятельство, что председателем ее состоял довольно популярный в Сибири Авксентьев, в то время как тесно связанные с партией Вольский и Чернов остались вне директории. И все-таки, прибыв в Омск, временное правительство фактически попало в плен сибирских военных кругов, которые, очевидно, рука об руку с представителями высшей буржуазии и за кулисами собирались восстать против директории. Эта закулисная работа в то время еще не была видна, но о ней можно было с уверенностью судить по некоторым мелким признакам, а также по враждебному отношению местных военных кругов, которые и не думали этого скрывать, очевидно, потому, что чувствовали за собой силу.

Западная Сибирь, которая уже в 1918 г. была очищена от большевиков, имела очень короткий противобольшевистский фронт в Туркестанской области, где большевики были к тому же очень слабы. Весь натиск красных удерживала Народная армия и частью чехи, и потому за их спиной Сибирь имела возможность спокойно организовать и обучать свою армию, что она и делала.

Призваны были только молодые года, которые раньше не служили в армии и потому еще не были отравлены политикой. Их обучение было поставлено на твердом основании военной дисциплины, и эти полки действительно были армией. Если бы атаманы, ставшие во главе этих полков, подчинялись созданному на Уфимском совещании народному правительству, то я не сомневаюсь, что дело возрождения России на демократических началах было бы поставлено на твердую почву. Но атаманы, сознавая свою власть и совсем не считаясь с желанием народных представителей, старались навязать народу свои идеи, тем более, что нашли единомышленников в тех кругах, которые группировались вокруг торгово-промышленного съезда Уфы. А так как молодая сибирская армия никак не реагировала на убийство видного министра автономного сибирского правительства Новоселова полковником Волковым по явным политическим мотивам, то сибирские атаманы почувствовали, что сила—в их руках, и открыли поход против директории тотчас же после приезда последней в Омск.

На второй день после нашего приезда в Омск мимо нас по улице прошли отряды атамана Красильникова, только что прибывшие в Омск; часть этих отрядов со штабом разместилась в одном общественном здании, предназначенном для ставки, а вторая часть заняла загородную землемерную школу. В то время никто из нас не имел ни малейшего понятия об этих войсках и об их атамане. Только спустя несколько дней, когда начальство этой части во главе со своим атаманом напилось, устроило скандал и в своих речах оскорбляло директорию и ген. Болдырева, мы поняли, что целью этого провокационного скандала было бросить вызов ставке. Однако ген. Болдырев обнаружил большой такт и ограничился выговором атаману Красильникову, разрешив последнему самому судить своих подчиненных.

Враждебное отношение сибирских военных кругов обнаружилось как нельзя лучше при разрешении вопроса о помещении для ставки главкома и для всероссийского временного правительства. Учреждения Омска дали помещение, в котором можно было разместить только штаб дивизии. На все требования дополнительного помещения получался ответ, что больше помещений нет. Тогда начштаба главкома, ген. Розанов, поручил мне составить комиссию из представителей сибирских военных учреждений, городской управы и ставки, с широкими полномочиями. Комиссия работала три недели, и в течение всего этого времени большая часть ставки временного правительства жила в вагонах. Правда, Омск был переполнен беженцами из Европейской России, но в казенных учреждениях при желании легко можно было найти достаточно обширное помещение. Однако как только мы находили подходящие помещения, начинал работать какой-то закулисный механизм, вмешивались разные министры, и мы помещения не получали. В пятиэтажном здании омского железнодорожного управления было более 400 комнат, и легко можно было освободить пол-этажа, но, чтобы осуществить это, потребовалось вмешательство самого главнокомандующего, и только через 10 дней мы это помещение получили.

Генералу Болдыреву для частной квартиры комиссия назначила необитаемый особняк, но как только мы захотели привезти туда мебель, появилась вооруженная сила, которая по распоряжению министра снабжения не пустила нас в это здание. Характерно, что впоследствии, после низвержения директории, этот же особняк был предложен адмиралу Колчаку, который в нем и поселился.

Весьма отчетливо подчеркивалось игнорирование членов директории и главнокомандующего там, где это можно

было бы демонстрировать перед иностранцами, напр., на банкете-параде в честь приезда главнокомандующего союзными войсками ген. Жанэна. В таких случаях сибирские военные круги всеми мелочами старались показать, что только они—законные хозяева Сибири.

Все это не предвещало нам ничего хорошего, и потому я старался как можно скорее сформировать отдельную часть для охраны ставки, на которую можно было бы опереться. Но здесь я наткнулся на недоброжелательство сотрудников самой ставки. Еще в Уфе поданные на утверждение штаты войсковых штабов не были утверждены, и в ответ на свои многократные просьбы о назначении служащих я получал только обещания, которых никто не исполнял. Наконец я счел своим долгом доложить об этом ген. Болдыреву, который в довольно резкой форме приказал пом. нач. штаба удовлетворить немедленно все мои требования. Но и это не помогло. Сформированные мною еще в Уфе кадры были слишком ничтожны для того, чтобы заставить с ними считаться, как с боевой силой, ибо у нас было всего 80 стрелков и 120 офицеров. Этой маленькой группы нехватало даже для занятия всех важных постов, и поэтому, часть постов занимали солдаты омского гарнизона.

Вспоминая все те мелкие факты, которые происходили еще до 18 ноября 1918 г., т.-е. до ареста членов директории, я хорошо понимаю, что это не было делом только трех человек—полковников Волкова, Катанаева и атамана Красильникова, как гласило сообщение суда, ибо после этого были розданы Колчаком щедрые награды «за весьма важные услуги отечеству» трем вышеуказанным лицам, а также некоторым сотрудникам отдела контр-разведки ставки; это доказывает, что сотрудники ставки принимали активное участие в этом «путче». Кроме того, не может быть никакого сомнения в том, что активное участие принимали в этом деле также и начальствующие лица ставки: Слижиков, Сыромятников, Леонов и друг., а также комендант ставки полковник Деммерт. Неоднократно, входя к Слижикову, я видел его загадочно разговаривающим с Деммертом, который был мне подчинен. Слижиков многократно пытался принудить меня отдать часть отряда в распоряжение Деммерта. Но я на это не соглашался, так как не доверял последнему. Я думаю, что согласно основательно разработанному плану, главную активную роль в этом «путче» играл Деммерт, но так как он не имел в своем распоряжении вооруженной силы, то свою роль он передал Волкову и его компании. Нет сомнений в том, что, кроме указанных мною лиц, в деле низвержения директории большую роль играла

целая организация, а именно та, которая начала действовать в Уфе и которая по переезде в Омск так скоро объединилась с сибирскими атаманами.

Самый «путч» 18 ноября захватил нас совсем неожиданно. Я не ожидал его, потому что деятельность членов директории была все в большей и большей степени направлена к умиротворению и объединению страны. Членов Учредительного Собрания эсеров в Омск не впустили. Председатель директории Авксентьев уговорил сибирскую областную думу в Томске прекратить свою работу, и почти все министры сибирского правительства вошли в состав всероссийского временного правительства. Таким образом не оставалось никаких острых поводов к конфликтам. От ген. Болдырева я узнал, что два эсера, члена директории, собираются выйти в отставку, и потому можно было надеяться на тесное сближение трех остальных членов. Но, может быть, именно эти благоприятные условия были причиной той спешности, с которой был организован переворот, так как могли возникнуть опасения, что если директория окрепнет, то тогда уже будет гораздо труднее с ней покончить. Кроме того, пошли слухи о скором признании всероссийского временного правительства союзниками.

Около 15 ноября ген. Болдырев уехал на фронт для ознакомления на месте с его состоянием и нуждами. Так как фронт был слаб, равно как и тыл, то для охраны ген. Болдырева я назначил 80 офицеров. Оставшихся в ставке солдат нехватало даже для охраны, а потому пришлось просить подмоги со стороны омского гарнизона. Это обстоятельство сильно облегчило арест членов директории, так как их квартиры охранялись солдатами омского гарнизона, начальником которого был полковник Волков, главный инициатор переворота.

Утром 19 ноября [1]) я получил от Деммерта записку, в которой он просил меня срочно явиться в штаб, так как не все в порядке. От Деммерта я узнал о произведенных ночью арестах. На мой вопрос, в ставке ли начальник штаба, Деммерт ответил, что ген. Розанов свои полномочия сдал Сыромятникову. Я вошел в кабинет Сыромятникова, где застал и Слижикова, который уже две недели тому назад был освобожден от должности пом. нач. штаба и считался в отпуску. Я знал, что после получения отпуска он выехал на фронт, но в день выезда ген. Болдырева я его встретил на вокзале.

---

1) Здесь, как и ниже, речь идет в действительности о дне 18, а не 19 ноября, так как переворот (арест членов директории) произошел в ночь на 18 ноября, а днем Колчак был уже провозглашен верховным правителем. *Сост.*

Нахождение Слижикова и Сыромятникова в штабе в столь ранний час свидетельствовало об их участии в перевороте и о том, что поездка Слижикова на фронт имела даже особую задачу, а именно: подготовить высшее начальство фронта к перевороту.

Я просил Сыромятникова ориентировать меня в данных событиях, но он мне ответил, что в городе и в войсках все спокойно и что он уверен в том, что больше ничего не случится. Он просил меня ни о чем не хлопотать, ибо следствие о происшедшем уже ведется. Так как в моем распоряжении не было никаких активных сил, то мне больше ничего не оставалось, как отправиться домой и выжидать дальнейших событий.

На чрезвычайном заседании совета министров, которое продолжалось весь день 19 ноября, было принято постановление просить адмирала Колчака быть диктатором и принять посты верховного правителя и верховного главнокомандующего. На последнюю должность были намечены две кандидатуры: Колчак и Болдырев, но большинство было на стороне Колчака. Вопрос о том, какой пост занять Болдыреву, остался открытым до его возвращения с фронта.

Еще ранее директория назначила Колчака военным министром, но тот не успел принять этот пост, так как по приезде в Омск с Дальнего Востока тотчас же уехал на фронт и возвратился в Омск только в день переворота. Военные и общественные круги смотрели на Колчака как на человека, который придерживается демократических принципов. Так же о нем думал и Савинков, который, уезжая во Францию, предложил мне составить список всех членов нашей московской организации и через министра Михайлова передать этот список Колчаку, если он будет назначен военным министром. Такие отзывы о Колчаке завоевали ему сторонников и давали повод думать, что он сам лично не замешан в деле 18 ноября. Но я все-таки решил дождаться приезда генерала Болдырева, ибо официального приказа о смещении его с поста главнокомандующего не было.

Три дня спустя приехал Болдырев. На вокзале его никто не встречал, кроме железнодорожных служащих и меня. (Впоследствии я узнал, что это мне посчитали за проступок.) Я едва успел ориентировать Болдырева о положении в Омске, как к нему подошел один из офицеров ставки и доложил, что адмирал Колчак немедленно просит Болдырева к себе.

На следующий день я опять встретился с ген. Болдыревым и узнал о результатах встречи с Колчаком, а также о впечатлениях на фронте. Для Болдырева этот переворот

был совсем неожиданным. Телеграмму о случившемся он получил в Уфе. Он мне показал копии тех телеграмм, которые он из Уфы послал Колчаку, а также и ответы последнего. Болдырев в своих телеграммах категорически требовал освобождения арестованных членов директории и восстановления их прав. Ответы Колчака были отрицательными и сопровождались ссылками на постановление министров сибирского правительства. Фронт обещал генералу Болдыреву поддержку на тот случай, если он останется на фронте и откажется слушаться приказов Омска. Но ген. Болдырев пришел к заключению, что для отечества ничего хорошего такая борьба на два фронта не принесет, и что это приведет только к победе большевиков. Поэтому он посоветовал фронтовикам слушаться Колчака и приехал в Омск. При встрече с Колчаком последний предложил Болдыреву пост по его собственному выбору, но Болдырев, ссылаясь на ответственность перед Уфимским совещанием, отказался. Спустя несколько дней Болдырев уехал в Японию, где пробыл более года. Я встретился с ним во Владивостоке в январе 1920 г., уже после падения Колчака.

Следующие два с половиною месяца я провел еще в Омске, но уже без всякой работы, ибо я мало-по-малу и незаметно был удален с поста главного коменданта ставки временного правительства. Войска было приказано передать полковнику Деммерту, канцелярию же—ликвидировать, равно как и комендатуру. А через несколько дней прибыло то пополнение для усиления охраны ставки (700 чел.), которого я безрезультатно добивался в течение двух месяцев.

Всю зиму 1918—1919 г. можно было назвать периодом укрепления власти «верховного правителя», при чем эта власть укреплялась террором и уничтожением «крамолы», с одной стороны, и созданием ореола «единоличной власти»—с другой, при чем по некоторым фактам можно было понять, что со званием «верховного правителя» вовсе не необходимо связывалась личность адмирала Колчака.

После появления Колчака во главе власти, словно по волшебству полились неудержимым потоком приветственные телеграммы. Доблесть Колчака превозносилась свыше всякой меры. Искусственность этой шумихи чувствовалась в каждой строчке приветствий, и я думаю, что если сам Колчак не был виновником ноябрьских событий, то ему эта шумиха была не очень приятна.

Я не знаю, было ли известно Колчаку, что все меры к укреплению его авторитета и власти имели и отрицательную сторону, виновником которой был полк. Деммерт и которая особенно наглядно выступала на вид в созданной им из бывших жандармов чрезвычайке, носившей благозвучное на-

звание контр-разведки ставки. Не проходило почти ни одной ночи без того, чтобы не находили на улицах Омска или на берегу Иртыша нескольких трупов неизвестно кем убитых людей, без всяких документов.

Эти трупы отправлялись для опознания на загородное кладбище, но ничего в газетах об этом не объявлялось. Так погибли четыре члена Учредительного Собрания и редактор «Воли Народа» Маевский, которых вооруженная банда в военных мундирах взяла из тюрьмы и расстреляла на берегу Иртыша. Из моих близких знакомых жертвой этих убийств пали прапорщик Набатов и вольноопределяющийся, студент Бестужев; оба они были членами «Союза защиты родины и свободы»; всех остальных членов нашей организации я зачислил в конвой, который проводил ген. Болдырева в Японию. Мы сговорились, что конвой в Омск больше не вернется. Иногда, когда я узнавал об арестах, мне некоторых из своих знакомых удавалось спасти от очевидной смерти. Характерно, что террор применялся исключительно против тех, кого больше всего возненавидели большевики, и кто боролся стойко и активно против большевизма.

Однажды десять красильниковцев напали на квартиру, в которой находилась канцелярия Западно-сибирского и Уральского латышского национального совета и где как раз в то время происходило заседание. Я также был приглашен на это заседание, где решался вопрос о формировании латышских войск. Когда я явился, красильниковцы уже заняли все входы и выходы, а трое из них начали обыск. Так как в то время я был еще главным комендантом ставки, то я приказал красильниковцам удалиться, что они и сделали.

Практиковались и другие способы уничтожения идейных противников. Однажды из Омска вдруг пропал весьма популярный в Народной армии полк. Махин. После омского «путча» его арестовали и обвинили в содействии правому крылу эсеров. Из Уфы он был привезен в Омск и освобожден. В начале декабря офицер ставки шт.-кап. Д. был вызван в ставку, где полк. Деммерт в присутствии начштаба ген. Лебедева и квартирмейстера полк. Церетели предложил Д. организовать убийство Махина, поясняя, что Махин — опасный государственный преступник, но предавать его суду нежелательно, а потому необходимо его «убрать» незаметно. На это предложение Д. ответил, что он офицер и исполнит все то, что ему прикажут.

Спустя несколько дней было организовано нападение на квартиру Махина. Ночью около 10 вооруженных солдат подъехали к квартире Махина, но встретили вооруженное сопротивление. Во время перестрелки три солдата — защит-

ники Махина—были убиты. Ворвавшись после этого в квартиру Махина, шт.-кап. Д. его все-таки не нашел. Убитые в перестрелке солдаты были спрятаны где-то во дворе ставки. Впоследствии их похоронили под видом жертв «рождественского восстания». Но полк. Махин все-таки через несколько дней был арестован, Деммерт приказал тому же шт.-кап. Д. сопровождать Махина во Владивосток и по дороге его «ликвидировать». Д. начал сомневаться в виновности Махина и, получив совет своего ротного командира не вмешиваться в это дело, подал рапорт о болезни. Тогда Деммерт дал то же поручение двум другим офицерам, но и те отговорились. Наконец подпоручик Степанов вместе с одним из агентов контр-разведки взялись за исполнение задания и поехали с Махиным во Владивосток. После возвращения Степанов рассказал товарищам, что он сдал Махина коменданту Владивостока и показывал даже расписку в приеме, но впоследствии на фронте, когда у Степанова нашли вещи Махина, Степанов сознался, что он выполнил свою задачу в Харбине, пристрелив Махина по дороге с вокзала в город, куда Махин отправился, поверив уверениям Степанова, что тот его не тронет.

При таких обстоятельствах и приемах мне долго приходилось остерегаться всяких неожиданностей. Военная дисциплина, принципиально выдержанная беспартийность и абсолютное нежелание вмешиваться в политику помогли мне увернуться от больших неприятностей. Только на фронте я узнал о том, что и моя фамилия была внесена в списки тех лиц, которых необходимо по возможности «ликвидировать»,—как деликатно называли свои приемы герои банды атамана Красильникова.

Такова была та удушающая атмосфера, в которой ковалась государственная власть и авторитет ее. Теперь необходимо сказать несколько слов о том, что происходило в это время на фронте. Эти сведения мне доставлял полк. Перхуров, который поддерживал со мною постоянную связь. Он поступил в Казани на фронт и работал все время в составе корпуса ген. Каппеля, который объединял под своей командой все остатки Народной армии, боровшиеся на средне-волжском фронте. Южнее его, в направлении Самара—Оренбург, отступала Сызранская дивизия, севернее дрались Ижевская и Воткинская дивизии, а в направлении Екатеринбурга—чехи. Впоследствии, в конце октября, в боях начали участвовать отряды г. Уфы, под командой ген. Лупова, а еще южнее—уральские горные стрелки, под командой ген. Ханжина. Войска Народной армии провели пять месяцев в непрерывных боях и ввиду этого находились в весьма печальном состоянии, ибо их ничем не снабжали.

Обмундирование и обувь были изношены, патроны имелись только тогда, когда их удавалось отобрать у большевиков, медикаментов вовсе не было, жалованье не выплачивалось уже по нескольку месяцев и вследствие крайнего переутомления и плохой пищи начались эпидемии тифа и цынги. На просьбы и запросы никто не давал ответа. В начале ноября ко мне явился вестовой полк. Перхурова, который привез копии с разных сообщений, поданных им в свое время. Перхуров просил меня передать все копии главнокомандующему, что я и сделал. Ген. Болдырев был очень удивлен и сказал, что ему о таких вещах никогда не сообщалось. Эти сообщения были причиной отъезда ген. Болдырева на фронт. Телеграмма о низвержении директории застала его только в Уфе.

В разговорах со мной ген. Болдырев отзывался о войсках фронта как о героях. Незначительными горстями они бесстрашно шли в бой, нагоняя страх на противника, в 3—4 раза сильнейшего. И такое геройство было весьма понятным, так как на фронте в то время боролись только идейные элементы. Все те политики, спекулянты и другие, кому шкурные интересы были дороже всего, дезертировали из Народной армии и жили в глубоком тылу, равно как и личности вроде «казанского героя полк. Степанова», который в свое время не исполнил приказа об эвакуации Казани, и потому добычей большевиков сделались громадные артиллерийские, интендантские и медицинские склады. Захватив с собой только золото, Степанов вместе с компанией устроился в глубоком тылу, в Новониколаевске, где жил очень широко и шумно и занимался, с одной стороны, тем, что выпускал громкие приказы, а, с другой стороны,—производил большой шум опорожненными и разбитыми бутылками, который доходил до самого Омска в виде многочисленных анекдотов. Но Народная армия до конца декабря не получала ни обмундирования ни пополнения, несмотря на все просьбы и ужасные холода. Ставка вовсе не интересовалась фронтом, ибо она занималась другими делами.

Наконец, полковник Перхуров сам явился в Омск для личных сообщений о состоянии фронта. Это было перед самым рождеством. Однако он так и не мог добиться аудиенции ни у верховного главнокомандующего, ни у начальника штаба. Каждый день он являлся в ставку в назначенное время и дежурил по нескольку часов под ряд в ожидании приема, но его каждый раз просили приходить завтра. Наконец он выпросил прием только на одну минуту, смотря по часам. Когда Перхуров зашел в кабинет нач. штаба, последний вынул часы, положил их перед собой и еще раз предложил не задерживать больше одной минуты. Перхуров

ответил, что ему хватит и полминуты, вынул два больших сообщения, положил их перед нач. штаба и сказал: Вот мои сообщения. Если через два дня я не получу удовлетворительного ответа, то приду к вам в кабинет и на ваших глазах застрелюсь! Перхуров направился к двери, но ген. Лебедев его задержал, просил сесть, и, к удивлению, у него нашлось для Перхурова полчаса времени.

Трудно сказать, были ли руководители ставки действительно так заняты или это было притворство с целью поднять престиж власти. Если же начальство штаба было занято, то возникает вопрос,—чем, если для вопросов, касающихся фронта, у него нехватало времени. Об этом остроумно высказался ген. Жанэн: «В ставке каждый прапорщик делает свою политику», и это было правильно, так как в ставке все действительно занимались только политикой.

Состав ставки остался старый. Не было только ген. Розанова и полк. Слижикова. Зато последний всегда находился вблизи ставки. Место Розанова занял ген. Лебедев, молодой полковник ген. штаба, приехавший, как говорили, от ген. Алексеева. Вступив в должность нач. штаба, он стал верным продолжателем политики полк. Слижикова. Я не ошибусь, если скажу, что секрет этой политики состоял в «ликвидации» тех лиц, которые больше всего боролись против большевиков. Так, ген. Галкин сидел без работы, заслуженный командующий армией в германской войне ген. Рычков занимал теперь ничтожную административную должность, ген. Вихирев, Попов и др. также сидели без работы.

Народная армия была обречена на гибель, и для ген. Дутова был уже заготовлен соответствующий административный пост. На должности высших командиров назначались люди без опыта и командного стажа, зато с опре еленной политической физиономией; таков был, напр., ген. Виттенкопф (Белов), который в конце германской войны был подполковником генштаба и, следовательно, никогда не имел под своей командой ни корпуса, ни дивизии, ни даже полка. Здесь ему сразу дали армию. Таких примеров было очень много. Нас всех, не признающих позорного Брестского мирного договора и смотревших на войну с большевиками, как на войну с Германией, очень интересовал вопрос, является ли сам Колчак непосредственным участником этой политики и в какой степени. Было много фактов, свидетельствующих о том, что Колчак совершенно не понимал происходящего вокруг него и смотрел на вещи через ту призму, какую ему подносили его ближайшие сотрудники. Получить доступ к Колчаку было почти невозможно. Когда ген. Галкину удалось подать Колчаку заявление, в котором, ссылаясь на свою деятельность, он просил предоставить ему командную

должность, то Колчак приказал дать Галкину первый же корпус, в котором освободится вакансия командира. Главарям ставки стоило больших трудов выдумать для Галкина такой корпус, чтобы и волки были сыты и овцы целы. Было много и других слухов, доказывавших, что адмирал вовсе незнаком с командным составом; вообще, он чувствовал себя как в лесу, в который его завели нарочно. Он был ошеломлен, когда увидел меня на празднике георгиевских кавалеров, на который я явился просто для защиты своих прав и статутов, хотя все было подстроено так, чтобы меня на празднике не было. Когда адмирал меня встретил, то главари ставки должны были срочно изменить церемониал, который был уже утвержден нарочито неправильно составленным приказом. Однажды мне рассказывали, что, когда при объезде фронта Колчак узнал всю правду о башкирских полках, он начал рвать на себе волосы, ибо он сам, очевидно, на основании неправильно освещенных фактов, приказал расформировать эти полки, после чего они начали переходить к красным. Таких фактов было очень много, и потому я долго пытался объяснить его поведение затруднительным положением, в котором он очутился, так как не мог игнорировать той силы, с помощью которой он сам пришел к власти.

Ему приходилось лавировать, в надежде, что может быть в дальнейшем удастся обойтись без поддержки атаманов и изменить политический курс. Поэтому я нашел возможным работать и при этих трудных условиях, однако работы мне все же не давали. Целых три месяца меня уверяли, что я—первый кандидат на должность командира дивизии, но дальше этих уверений дело не подвигалось.

Такое объяснение психологии Колчака подтверждается и тем, что положение его было шаткое, и уже носились слухи о подготовках нового политического переворота. Одна из таких попыток была ликвидирована в самом начале, последствием чего было увольнение нескольких лиц, в том числе и полк. Сыромятникова, который принимал видное участие в низвержении директории. Вторая попытка была гораздо серьезнее и известна под названием восстания большевиков в Омске в декабре 1918 г.

Мне представилась возможность наблюдать некоторые стороны офицерской жизни. Полк. Деммерт, став начальником войск ставки, устроил несколько увеселительных вечеров в помещении офицерского общежития и туда прислал несколько ведер реквизированного спирта. На этих вечерах он объединял и сплачивал офицерство своими патриотическими речами, которые сильно говорил, и пел на мотив «боже, царя храни».

После ничтожного инцидента на одном из таких вечеров была расформирована, по инициативе Деммерта, войсковая охрана ставки, при чем у входивших в ее состав частей было насильственно отнято все имущество, включая даже посуду и самовары офицерского собрания.

Вместо расформированных частей охрана ставки была возложена на отряд «воеводы» Киселева. Нам рассказывали, что он, еще будучи матросом, спас жизнь адмиралу Колчаку и поэтому пользуется у последнего неограниченным доверием. «Воеводой» он назвал себя потому, что носил сербскую форму. Об его отряде рассказывали, что он состоит по большей части из бывших красноармейцев и разных бродяг и что все они очень широко известны своими разбоями и грабежами. Насилия и грабежи киселевцев вызывали у населения крайнее озлобление и беспокоили ставку, которая не знала, как с этим покончить, ибо о насилиях Киселева боялись говорить Колчаку. С другой стороны, боялись также и Киселева, подчиненные которого грабили не только частных людей, но и офицеров. Все эти грабежи происходили под предлогом обысков, на которые предъявлялись ордера. Ограбленные обыкновенно увозились и расстреливались. Киселев присвоил себе права самодержца, производя своих солдат в офицеры. У него была собственная следственная комиссия, и его подчиненные, как и он сам, свободно распоряжались всем достоянием и жизнью населения. После того «Русская Армия» печатала длинные объявления о ловле бежавших киселевцев, которые обвинялись в разнообразных уголовных преступлениях, начиная с убийства и кончая мелким мошенничеством. В конце концов обо всем этом министр внутренних дел сообщил Колчаку, который немедленно приказал предать суду почти половину киселевцев, а самого Киселева помиловал, приказав ему с остальной половиной отряда отправиться на фронт. Но как только такое решение Колчака стало известным, большая часть киселевцев дезертировала. Так окружавшая адмирала «камарилья» укрепляла его положение.

Такова была удушающая атмосфера в колчаковских низах. Таковы же были и верхи, но здесь грабежи были много крупнее и назывались спекуляцией. Последней занимались даже самые видные лица, как это доказало служебное дело начальника военных сообщений ген. Касаткина. Темные дела в приказах адм. Колчака были прикрыты высокими демократическими лозунгами. Между словом и делом существовала непроходимая пропасть, а на фронте это противоречие имело последствием разложение и деморализацию армии.

2. Фронт.

Всего тягостнее за пять лет войны был для меня период с ноября 1918 г. по февраль 1919 г., когда я был вынужден находиться в Омске без всяких занятий. На каждом шагу военные круги Омска давали мне понять, что мое нахождение в Омске, а также и моя работа не нужны.

В октябре 1918 г. в Омске организовался латышский национальный совет, который начал формировать латышскую военную часть. На заседаниях совета при обсуждении вопроса о формировании присутствовал и я, хотя и не официально. Совет неоднократно выражал желание, чтобы я стал во главе формируемых войск. Зная недоброжелательное отношение сибирских военных учреждений к национальным войскам вообще и к моей личности в частности, я не ожидал от такой работы ничего хорошего, но все-таки обратился за советом к главкому союзных войск в Сибири ген. Жанэну. Последний, всесторонне обсудив положение в Сибири, тоже пришел к заключению, что в интересах латышей будет лучше всего, если я еще на некоторое время останусь на русской службе; он сам обещал сообщить мне, когда будет для меня возможно вступить в должность командующего вновь сформированными войсковыми частями национального совета.

В середине января 1919 г. ген. Галкин предложил мне принять участие в формировании Яицкого корпуса. Ген. Галкин всю эту зиму находился в таком же бездействии, как и я. Хотя Колчак в ответ на заявление Галкина приказал назначить его командиром корпуса на первое вакантное место, но ставка поступила иначе. Она решила сформировать Яицкий отряд на правах корпуса. Эта военная часть должна была служить связью между армиями Колчака и Деникина и действовать объединенно с уральскими казаками. Эта идея нас весьма интересовала.

О деникинской—бывш. алексеевской—армии у нас сложилось странное впечатление. Несмотря на то, что Деникин признал Колчака верховным правителем России, мы все время считали деникинскую армию той силой, которая будет играть главную роль в восстановлении России, ибо туда ушли все лучшие офицеры и добровольцы, которые не входили ни в какие компромиссы с большевистско-германской провокацией. Деникина, как и ген. Алексеева мы знали за патриотов со строго демократическими взглядами. Поэтому мы не предполагали, что и в его армии возможна такая же предательская политика, как в Омске.

Особенно важным нам казалось объединиться и согла-

совать свою деятельность с уральскими казаками, которые уже более года геройски защищали свою территорию от вторжения большевиков. Область, населенная уральскими казаками, была единственной, в которой еще ни разу не было большевиков и в которой все-таки царил строго демократический дух.

Мы с нетерпением ждали официального приказа о формировании Яицкого корпуса, чтобы немедленно приняться за работу. Но приказа пришлось ждать целый месяц. Его множество раз переделывали, изменяли и заново редактировали, и только 12 февраля мы его получили. Но, прочитавши приказ, мы остались в недоумении, ибо в нем ни слова не было о тех войсковых частях, которые раньше были обещаны Галкину и должны были служить кадрами для формируемого корпуса. Оставлена была только созданная самим Галкиным офицерская группа из тех офицеров, которые были в его распоряжении в Самаре.

Нас поразило также и то обстоятельство, что корпус формировать было разрешено из казаков, жителей Уральской области, которых разрешалось мобилизовать по распоряжению командующего Уральской армией. Кроме того, в корпус можно было принимать жителей тех областей, которые освобождались во время движения вперед нашей армии. Разрешалось принимать и тех пленных красноармейцев, которые не сочувствовали советскому правительству. В приказе указывалось также, что в смысле снабжения корпуса не надо ожидать ничего от центральных учреждений, а все необходимые предметы снабжения приобретать в порядке военной добычи.

Этот приказ мы оценили по достоинству значительно позднее, в самую горячую пору формирования, когда выяснилось, что от командующего Уральской армией мы ничего не получим. Он не только отказался зачислить в состав корпуса одну из ранее сформированных на Урале войсковых частей, указанную в приказе ставки, но даже из всех мобилизованных на Урале казаков отдал в наше распоряжение только 400 человек. Немобилизованными на Урале остались только жители Кустанайского уезда, которых не мобилизовали из-за их большевистского уклона. Большевизм этих крестьян объяснялся долголетними классовыми противоречиями крестьян и казаков. И если даже командующий Уральской армией отказался от такого пополнения, то ясно, что и нам пришлось делать то же самое. В конце концов единственным источником, из которого можно было почерпнуть пополнение для корпуса, были военнопленные красноармейцы, которых мы и использовали до последнего, как единственную силу, не зная заранее,

насколько пригодны будут эти красноармейцы в предстоящих боях против большевиков. Я возлагал на них некоторые надежды на том основании, что во время своего путешествия из Ярославля я достаточно хорошо ознакомился с состоянием духа крестьянства. Поэтому при разделении и выборе пленных мы руководились территориальным признаком, выбирая пленных из северных, голодных губерний.

Из Омска я уехал прямо в Екатеринбург с целью организовать прием красных пленных из лагерей. Там я пробыл только несколько дней, но это время совпало с приездом Колчака в Екатеринбург с большой свитой под охраной киселевцев. Я сам был очевидцем, как на вокзале один солдат из банды Киселева заколол чешского офицера. На этот факт нужно было смотреть, как на последствие той травли, которую в Сибири вели против чехов известные круги в прессе и в обществе и которая кончилась тем, что чехи категорически потребовали своего освобождения из армии Колчака. Однако впоследствии, когда чешские полки были выведены с фронта и поставлены на охрану магистрали Сибирской жел. дороги, вся черная пресса стала нападать на ген. Жанэна, как на инициатора ухода чехов.

Упорядочив в Екатеринбурге прием, разделение на эшелоны и отправление красных пленных, я выехал в Троицк, на место формирования нашего корпуса, где уже работали ген. Галкин и полк. Масло. Скоро начали приходить один за другим эшелоны красных пленных, и нам приходилось бороться с громадными трудностями в этой ответственной работе организации, ибо у нас не было ни обмундирования, ни снаряжения.

Несмотря на наш труд в деле сортировки пленных красноармейцев и на принятые предосторожности, у нас все-таки не было гарантий того, что между ними не найдется большевистских агитаторов и комиссаров, а потому для успеха дела был необходим преданный офицерский состав. Еще до выезда из Омска мы условились со своими бывшими товарищами, что они примут участие в формировании корпуса. Мы опубликовали и в газетах приглашения своим знакомым вступить в формируемый Яицкий корпус. Эти предложения встретили сочувственный отклик, и, несмотря на многочисленные препятствия, которые создавала ставка при переводе во вновь формируемые войсковые части, нам удалось собрать около 200 офицеров, спаянных взаимным доверием и работавших по совести, а не ради жалованья...

Залог успеха работы мы видели в строгой военной дисциплине. Все это время я использовал для подготовки офицеров и для спайки их в одну дружную семью. Устроили

офицерские столовые, где ежедневно собирались офицеры для изучения и повторения регламентов. И здесь опять представилась возможность удостовериться, насколько глубоко лозунги разрухи вкоренились даже в среду офицеров. Для того, чтобы принудить последних заниматься, нужно было читать целые лекции, в которых доказывалось, что необходимо знать и строго исполнять все регламенты и правила. И все-таки невозможно было обойтись без принудительных мер.

Наконец, все трудности, казалось, были преодолены, и работа пошла хорошо. Мы высчитали, что в конце мая мы будем в состоянии выступить на фронт с двумя дивизиями, со своей артиллерией и четырьмя эскадронами кавалерии. В то время это была достаточно большая боевая сила, но образование такой силы, очевидно, не понравилось ставке, которая по ежедневно отправляемым сведениям знала о ходе формирования и в один прекрасный день неожиданно прервала нашу работу.

Приблизительно в середине апреля мы получили из ставки телеграмму нач. штаба, что мы приданы к начальнику южной группы, впоследствии командиру южной армии ген. Белову (немцу Виттенкопфу). День спустя пришла телеграмма Белова, приказывающая немедленно выступить в район Стерлитамака, где находился его штаб. Этот приказ нас поразил, ибо та сила, которая имелась у нас, не могла принести большой пользы на фронте, так как была слишком ничтожной для последнего. В то время было окончательно сформировано 4 полка, 1 баталион егерей и приступлено к формированию 2 других полков и второго баталиона егерей. Только что была упорядочена работа в учебной команде. Люди были пока одеты в синее китайское обмундирование, которое первоначально удалось приобрести. В полки только что были выданы винтовки и не было еще ни одного пулемета. Люди для двух батарей были сформированы, но орудий еще не было, ибо их только принимали в Петропавловске. Два сформированных эскадрона имели только половину конского состава. Мы только что начали создавать обоз и дивизионную больницу, так как только недавно начали свою работу 3 реквизиционных комитета.

Выход в этот момент на фронт означал бы окончательное разрушение всей проделанной работы, без всякой пользы для фронта. Ген. Галкин лично поехал в Омск с целью получить отсрочку выхода на фронт хотя бы на две недели. Но все наши усилия были напрасны. Галкин приехал из Омска со строгим приказом немедленно собираться в путь.

Было еще и другое обстоятельство, которое, как мы думали, заставит отложить наш выход на фронт. В середине апреля нам приказали выделить особый отряд для подавления восстания в Кустанайском уезде. Это было уже третье восстание в одном и том же уезде, в связи с появлением банд комиссара Шиляева в этой области.

Кустанайский уезд наполовину заселен переселенцами из Малороссии, враждующими с местными оренбургскими казаками, которые пользуются политическими и экономическими преимуществами. У малороссов в то время производились реквизиции лошадей и повозок, и большая часть всего реквизированного была передана казачьим частям. Это обстоятельство еще более обострило и без того обостренные отношения, и большевистские агенты легко использовали положение, чтобы завербовать себе приверженцев. Два восстания были подавлены карательными экспедициями, при чем «каратели» не забыли пополнить свой обоз как лошадьми, так и повозками и иным имуществом, взятым из домов «караемых». Рассказывали, что даже сжигались такие деревни, из которых добровольцы ушли в Красную армию. Второе восстание подавил полковник Захаров со своим отрядом, очистив Кустанай, при чем Шиляев с небольшой кучкой приверженцев успел уйти в киргизские степи, а оттуда, надо думать, ушел в Туркестан. Все-таки в середине апреля он опять появился верстах в 30 от Кустаная. Против него выслали наш отряд, который выделил шесть рот под командой капитана Дементьева.

Мы предполагали, что нам разрешат остаться хотя бы до возвращения высланного в Кустанай отряда, о чем мы и просили, но напрасно. Нам приказали выступить без всякого промедления. О работе отряда капитана Дементьева мы услышали только в июне, когда четыре его роты присоединились к нам. Его работа мало интересна, так как до боев дело не доходило, и о ней не стоило бы и говорить, но в этом деле были замешаны латышские роты.

Шиляев, узнав о появлении Дементьева, стал спешно уходить на юг на подводах и скрылся в степях. Дементьев гнался за ним целый месяц, пока Шиляев не достиг Туркестана. Характерны все-таки последствия деятельности этого отряда, ибо они показывают в настоящем свете «великих сибирских политиков». В бытность мою на Урале, кажется, в конце июня, я получил присланное с нарочным письмо капитана Дардзана, к которому была приложена копия телеграммы ген. Волкова,—того самого, который был главным инициатором и руководителем свержения директории. Выяснилось, что тогда же и из Петропавловска был выслан отряд для усмирения Кустанайского уезда, и что руковод-

ство этим делом было передано в руки Волкова. Его телеграмма настолько характерна, что я передаю здесь ее буквально.

„ТРОИЦК. Главному начальнику Оренбургского Округа.

Из Петропавловска № 4232.

По моим достоверным сведениям, латышский отряд, который, надо полагать, выслан по вашему распоряжению, показал себя с наихудшей стороны по отношению к жителям Петропавловского уезда и особенно в отношении жителей села Всехсвятского. В то время как банда Шиляева находилась 7 мая в селе Всехсвятском, латышский отряд под командой капитана Бресмана находился всего в 30 верстах к западу от Всехсвятского, в деревне Крыловское. Латышский отряд должен был немедленно выступить против красной банды, но он 8-го повернул на восток и только 9 мая, узнавши, что банда Шиляева оставила Всехсвятское, направился в это село, которое и занял 11 мая. В с. Всехсвятском латышский отряд оставался до 16 мая, ограбив за это время церковь, творя насилия над жителями, в особенности женщинами и незаконно требуя непомерно больших налогов. Жители, которых ограбили большевики, ждали помощи от правительственных войск, но теперь они вторично ограблены и поэтому сильно возмущены. После появления во Всехсвятском высланного мною казачьего отряда, латышский отряд упустил всякую возможность поимки шиляевской банды и ушел на юг. Появление казаков, весьма корректно относившихся к жителям, успокоило последних, ибо они увидели в казаках действительно свои войска, родственные по духу и крови. Прошу строго наказать виновных и покончить с преступлениями латышского отряда. Если такого рода „геройства“ будут еще повторяться, я приму меры к уничтожению латышского отряда, как вредного элемента, который своими действиями восстанавливает жителей против правительства.

Командир объединенного казачьего корпуса ген.-майор Волков".

Я тотчас же ответил кап. Дардзану, что телеграмма Волкова в сильной мере «дутая» и что ее первая цель—найти «козла отпущения», на которого можно было бы свалить все преступления, совершенные в Кустанайском уезде, а вторая цель—национальная травля. Кап. Дардзан попросил меня высказать свое мнение о выведении на фронт латышского батальона. Если я раньше единственной возможностью сохранить батальон целым и невредимым считал нахождение его в моей дивизии, главной задачей которой было—поддержание спокойствия и порядка в тылу, и где батальон не мог быть использован для какой-нибудь авантюры,—то теперь, когда враждебное отношение агентов сибирского правительства к латышам стало ясным, я дал капитану Дардзану совет—уклониться от выхода на фронт, обратившись к помощи французов, а при малейшей возможности перейти под их прямое подчинение. Впоследствии так и случилось. Капитан Дардзан обратился к французским представителям в Троиц-

ке, по требованию которых была создана комиссия для выяснения кустанайских событий. В состав комиссии вошел также один из французских офицеров ген. штаба майор Ле-Гра. При объезде целого ряда деревень Кустанайского уезда он заставил комиссию подробно обследовать деятельность всех трех карательных отрядов. Обследование дало такие результаты, что ни комиссия, ни ген. Волков не пожелали их предать гласности; после этого даже Омск не протестовал против оставления латышского батальона в Троицке для охранной службы, так как было с несомненностью установлено, что телеграмма Волкова представляет сплошную клевету.

На фронт мы вступили в начале мая в составе четырех полков, одного батальона егерей и одного эскадрона кавалерии. Позднее, когда из Кустанайского уезда вернулись четыре роты, мы сформировали второй егерский батальон. Артиллерия в составе двух дивизионов выступила на фронт несколько месяцев спустя. Одним словом, все сформированные части корпуса были не больше дивизии, хотя согласно приказу главкома мы считались корпусом. Только позднее, когда к нам присоединились две бригады казаков, создалась организация, напоминающая корпус.

Меня очень интересовало положение на фронте: хотелось понять и сколько-нибудь уяснить все те причины, которые вызвали строгие приказы о нашем срочном выступлении на фронт, несмотря на наши мотивированные указания. Хотелось также выяснить, как нам удастся дальше формироваться здесь, на Урале, вдали от жел. дорог и без всяких средств связи. Само собой понятно, что на эти вопросы мы никакого ответа не могли получить; равным образом не могло быть и речи о формировании и продолжении обучения после выступления.

Полтора месяца мы провели в непонятных и ненужных путешествиях по горам, с остановками в больших центрах с большевистски-настроенным населением. Этими пунктами были: Белорецк, Авзяно-Петровск и заводы Кана-Никольский и Преображенский. Наконец, в последних числах июня мы пришли в район реки Ик, где нам указали район фронта верст 60 северо-восточнее Оренбурга. Если бы мы выступили из Троицка спустя месяц, как об этом мы просили, и были бы отправлены на указанный нам участок фронта по железной дороге, то мы прибыли бы на место на несколько дней раньше, притом в качестве действительно боеспособного войска. Очевидно, на самом деле ни ставка, ни ген. Белов не желали этого. На фронте я получил письмо от приятеля из ставки, который сообщал о происходившем в его присутствии разговоре между начальствующими ли-

цами ставки о нашем отряде, при чем один из них воскликнул: «А они все-таки сформировались!».

Деятельность нашего корпуса, ввиду его малочисленности, не может дать никакого понятия о фронтовых операциях Колчака, ибо на фронте работали три армии, состоявшие каждая из 3—5 корпусов. Поэтому, опуская подробности, я коснусь нашей деятельности на фронте лишь постольку, поскольку это необходимо для уяснения ужасной катастрофы, разразившейся в Сибири зимой 1919—1920 г.

Еще во время нашего блуждания по Уральским горам ген. Белов сообщил нашему штабу, что в наших полках ведется усиленная большевистская пропаганда. Организованная на скорую руку, перед выступлением на фронт, контр-разведка никаких сведений дать не могла, и ген. Галкин просил штаб армии сообщить хоть один факт, который мог бы облегчить выслеживание пропагандистов, но штаб ничего не ответил. Заняв фронт, мы все-таки действовали с осторожностью и для испытания ввели в дело только один полк; в первую же ночь из этого полка перешли полностью на сторону красных две роты. При расследовании этого случая выяснилось, что роты были обмануты младшим комсоставом и выведены якобы на разведку. Это доказывало, что в полках работает большевистская организация. В тот же день поймали двух солдат, которые пытались перейти фронт. При допросе они подтвердили наши подозрения и дали нам некоторые нити, способствовавшие раскрытию этой организации.

Результаты расследования обнаружили неожиданную картину: красные агенты, будучи везде и всюду дисциплинированными бойцами, проникли даже в младший комсостав. Своими рассказами о насилиях и пытках, перенесенных ими от красных, они приобрели доверие командного состава полка, и некоторые из них попали даже в контр-разведку. В последние дни марта у них было решено перебить всех офицеров и перейти на сторону красных. Были уже выбраны новые командиры из членов организации. У одного из выбранных командиров полка во время обыска нашли сорок тысяч рублей керенками. Самая организация возникла и оформилась за время переходов по Уральским горам.

После того, как все участники большевистской организации в количестве более 100 человек были преданы суду, а остальные, менее виновные, расформированы для обслуживания тыла и обоза, полки, хотя и значительно уменьшившиеся во время двухмесячных почти беспрерывных боев, выказали такие геройство, отвагу и боеспособность, какие я редко наблюдал даже во время германской войны.

Широкие операционные планы командующего южной ар-

мией остались мне неизвестными, и потому я не берусь о них судить. Но многие события на фронте в июле и августе свидетельствовали о том, что распоряжения командира южной армии не заслуживают доверия. Казачий корпус, как конница, остался совсем неиспользованным и стоял все время на позиции против красной пехоты под Оренбургом. Наступление моей дивизии в конце июля от Красной Мечети, в котором участвовали два полка и казачья бригада Степанова, было остановлено ген. Беловым на р. Белой. Продвинувшись на 40 верст вперед, уничтожив два красных полка, отобрав у них артиллерию и окончательно разгромив еще два других красных полка, мы прорвали красный фронт и очистили путь в Стерлитамак. Это было в то время, когда западная армия отступала в златоустинском направлении. После этого у нас немедленно отобрали казачью бригаду, и мы не могли использовать результатов своего успеха.

Потерявши связь с западной армией, южная армия осталась совершенно изолированной на фронте Оренбург-Авзяно-Петровск-Белорецк. Положение было таково, что нужно было немедленно решить: отступать ли вместе с западной армией в Сибирь или двинуться вперед с целью соединиться с деникинской армией. Я знаю, что все командиры корпусов просили ген. Виттенкопфа-Белова избрать последнее направление, но Белов в продолжение трех дней не принял никаких мер и только оттянул правый фланг своей армии.

Разумеется, красные использовали это время, собрали против наших слабых и широко растянутых частей превосходные силы и 11 августа перешли в наступление. Мы выполняли приказ и отчаянно защищались, несмотря на всю нецелесообразность такой защиты, ибо полк в 500—600 штыков не мог защищать гористую линию фронта на протяжении 15—20 верст. Поэтому после двухдневных жестоких боев нас принудили отступать; только тогда ген. Белов решил отступить всей армией, только уже не в Сибирь, а в Туркестан, двигаясь по Ташкентской ж. д.

Трудно теперь сказать, были ли такого рода решения со стороны Белова результатом серьезно продуманного предприятия, или это была простая измена [1]). Если когда-нибудь будущая Россия заинтересуется этой войной и историей разгрома армии Колчака, освещение этого вопроса будет в высшей степени интересным. Поэтому остановлюсь на этом вопросе ближе.

[1]) Разумеется, мысль автора и его сослуживцев об измене ген. Белова в пользу Красной армии весьма нелепа. Гораздо проще и естественнее объясняются его действия бездарностью и самодурством, столь распространенными среди колчаковского комсостава. *Сост.*

В начале августа 1919 г. южная армия заняла фронт от Верхне-Уральска до реки Белой и дальше через реку Сакмару, на 10 верст западнее устья реки Ик, двигаясь дальше мимо южной части Оренбурга, где левый фланг корпуса оренбургских казаков держал связь с уральскими. Уже в конце июля красные повели сильное наступление на стык между нашей армией и казачьим корпусом. Красные и здесь имели некоторые успехи, о чем они сообщали в своих газетах, которые мы захватили во время наступления в конце июля. Но уже в середине августа при попытке окружить южную армию красные повели сильное наступление на наш центр в районе XI корпуса. В то же время ген. Белов решает отступать не в Сибирь, где была надежда опять соединиться с западной армией и где путь отступления, начиная от области южнее Кустаная на Кокчетав, идет через населенные пункты и богатые хлебом области, а в Ташкент, на юг, в то время как противник энергичным наступлением отодвигает нас все дальше и дальше на восток. Генерал Белов решил всю южную армию, фронт которой был более 400 верст, собрать в районе Актюбинска, т.-е. на одном краю района армии, позади левого фланга, чтобы оттуда по жел.-дор. магистрали двинуться на Аральское море, ибо в другом месте из-за песков пустыни дорог не было. Туркестан вместе с Ташкентом, как известно, в то время находился в руках красных.

Чтобы исполнить это задание, ген. Белов, как нам сообщил штаб армии, принял следующие меры: для занятия узкого дефиле у станции «Аральское море» послан специально сформированный Туркестанский корпус, который, по якобы уже полученным сведениям, занял эту станцию и выходит из узкого дефиле. Силы красных будто бы очень ничтожны и отступают, стараясь спастись на острове в Аральском море, куда они увозят все запасы и всю флотилию Аральского моря. Чтобы снабдить нашу армию хлебом, послано около миллиона пудов муки и пшеницы, а для снабжения пустынных мест водой заготовлены в достаточном количестве «бурдюки» (кожаные мешки, в которых восточные жители носят и хранят воду). Эти бурдюки будут подвозиться на верблюдах, реквизированных у киргизов. Для проведения этого плана уже выслан специальный отряд. Казалось бы, что все уже предусмотрено, и что нам осталось только трудное фланговое передвижение всей армии под энергичным давлением противника, в Актюбинском направлении.

Перспективы сосредоточиться в Туркестане на всю зиму и за это время окончательно сформироваться и превратиться в действительно боеспособные полки, выставив для

безопасности только сильное сторожевое охранение у Аральского моря,—были весьма заманчивы для всей армии. Кроме того, мы не потеряли надежды, что нам у астся соз ать тесную связь с Деникиным по Закаспийской ж. д. и через Каспийское море и Баку, ибо по нашим сведениям эта жел. дорога находилась в руках англичан.

Все это, вместе взятое, пробудило большую энергию, с которой мы взялись за исполнение задания с целью сосредоточиться у Актюбинска. Корпусу ген. Бакича (IV), находившемуся на правом фланге армии, нужно было пройти огромное расстояние; чтобы облегчить его задачу, центр и левый фланг армии оказывали упорное сопротивление красным, которые все еще энергично и беспрерывно наступали на стык между казачьим и XI корпусом. Во многих боях наши полки выказали геройство и стойкость.

Насколько мне известно из наблюдений, наши силы были весьма ничтожны, и перевес всегда был на стороне красных, которые имели вдвое больше сил, чем мы. Поэтому нам не удалось удержать некоторые позиции, указанные в приказах Белова. В силу этих обстоятельств IV корпус не мог выполнить задания; он оторвался от армии и стал отступать самостоятельно в кустанайском направлении, в то время как остальные три корпуса уже в начале сентября были стянуты к Актюбинску и могли начать планомерное отступление по указанному направлению.

4 сентября мы были еще верстах в 20 от Актюбинска, когда получилось известие, что город заняли подошедшие с другой стороны большевики. Так как мы перенесли слишком много боев на фронте, то не могли выделить даже маленького отряда для арьергардных боев. Поэтому, указав полку направление для дальнейшего отступления, я поспешил к ген. Галкину, чтобы узнать ближайший план деятельности. Но он мне рассказал так много неожиданного, что не было никакого сомнения в том, что мы нарочно отданы красным. Дорогу у Аральского моря не только не очистили от красных, но, наоборот, весь Туркестанский корпус, состоявший из двух необученных резервных полков, высланный для этой цели, просто-напросто разбежался, очистив красным дорогу в наш тыл. Не было также отправлено никаких продуктов в наш тыл и не было заготовлено. обещанных «бурдюков». Сам генерал Белов оставил штаб армии и уехал в Туркестанский корпус, передав командование армией ген. Эллер-Усову.

Положение было настолько серьезно, что мы, обсудив все возможности, решили больше не ждать распоряжений ген. Белова, а немедленно вывести свои полки через Киргизские степи на Иргиз-Тургай-Атбазар, чтобы в районе

Атбазара присоединиться к сибирской армии и к IV корпусу. С выполнением этого решения нужно было поторопиться, так как два дня тому назад красные полки заняли Орск и, двигаясь оттуда по Орско-Иргизской дороге, могли нас опередить и таким образом отнять у нас возможность отступления.

Мысль ген. Белова о занятии Туркестана может быть названа или опытом, произведенным с негодными средствами, или ошибкой теоретика и неумением приспособиться к реальным обстоятельствам, так как ген. Белов был только теоретиком, без всякой командной практики и стажа.

Однако, насколько мне удалось быть свидетелем распоряжений Белова, все его командование армией сводилось к бесцельной и ничем не оправданной переброске подведомственных ему армейских частей. Подобное никому ненужное перемещение войск привело к тому, что, в конце концев, все эти части были окончательно уничтожены.

Я еще раньше указывал на большие и тяжелые переходы, которые должен был перенести наш корпус. Когда мы, наконец, заняли указанный нам район на фронте, став на место IV корпуса, то этот корпус по гористым дорогам был переброшен на правый фланг армии, т.-е. на то самое место, откуда мы только что были сняты, в то время как IV корпус с нашей помощью мог бы выполнить свое задание гораздо лучше. Это было бы гораздо правильнее, как доказывает наше удачное наступление в том же месте в конце июля. Но ген. Белов там, где можно было активно действовать двумя корпусами, приказал использовать энергию корпуса для перемещения на другое место, дав ему после этого весьма пассивное задание—«препятствовать наступлению противника». В начале августа нам прислали на подкрепление части расформированной 11-й дивизии. Начальник штаба этой дивизии рассказывал, что они после 3-дневного утомительного перехода получили приказ немедленно вступить в бой с красными у Верхне-Уральска. Люди были так утомлены, что не могли стоять на ногах. Все командиры полков просили дать хотя бы самый короткий срок для отдыха и для ориентирования с положением и местностью, но в ответ пришел категорический приказ—немедленно вступить в бой, что могло привести только к плачевным результатам.

В то же самое время, т.-е. в середине августа, в наш тыл по гористым дорогам из Верхне-Уральска в Оренбург были перемещены 9-я и 10-я дивизии.

Для меня это перемещение было окончательно непонятным, ибо обе эти дивизии с успехом могли быть использованы на том же правом фланге, где они уже находились

и где на нашем фронте было плохое положение. Кроме того, оставаясь на старом месте, эти дивизии могли обеспечить нам отступление в кустанайско-кокчетавском направлении, в то время как, прибыв в оренбургский район, они после больших переходов никакого подкрепления оренбургскому фронту дать не могли.

В августе Белов для подкрепления своей армии получил целых три хорошо вооруженных и снабженных дивизии, которые ему прислали из Сибири. Результатом было то, что Белов их окончательно обессилил, вовсе не пытаясь их использовать в активных боях, для того, чтобы хотя бы сколько-нибудь обессилить противника.

Суммируя все сказанное, я пришел к заключению, что вся деятельность Белова была диаметрально противоположна тому, что в тактике и в стратегии называется военным искусством. В этом нельзя видеть ошибку теоретика, но, скорее всего, нарочито и сознательно созданную путаницу, конечной целью которой было все, но только не победа над врагом. Есть еще другие, мелкие факты, говорящие о том же; чтобы не растягивать воспоминаний, я укажу лишь на один факт, тоже весьма характерный для физиономии деятелей того времени.

Я указывал выше, что по приказу Колчака были расформированы башкирские полки, которые, узнав о таком приказе, частью перешли к красным, частью разошлись по домам. Впоследствии под влиянием Валидова перешедшие к большевикам части стали понемногу переходить обратно, и смело можно сказать, что большая половина вернулась в армию Колчака. Когда в конце июля у нашего корпуса отняли бригаду казаков, я, не спросив разрешения, начал формировать башкирский кавалерийский полк из добровольцев. В две недели я имел свыше 700 человек, притом с собственными лошадьми, седлами и оружием. Их вполне хватило для организации 4-эскадронного кавалерийского полка, которому мы дали башкирское название Ак-Идельский (Белой реки) кавалерийский полк.

К сожалению, скоро началось наше отступление, во время которого мы не могли хоть сколько-нибудь обучить вновь созданный полк и сделать его боеспособным. Когда после этого у Актюбинска наступил общий крах, большая часть из бойцов этого полка не пожелала следовать за нами в Киргизские степи, что и понятно, ибо в пустынных степях пали бы все лошади.

Жители Южно-Уральского округа в большинстве своем были на стороне большевиков. Объясняется это тем, что на Южном Урале много так называемых фабричных селений, в которых уже давно нет никаких фабрик, но крестьяне,

жители этих селений, обрабатывают землю, которую им сдают в аренду частные землевладельцы только на один год, притом такими мелкими кусочками, что арендующие крестьяне не могут прожить и принуждены искать работы у землевладельцев. Крестьяне этих селений дали красным несколько тысяч добровольцев, которые сейчас же выступили против нас. И только этим я объясняю тот героизм, какой не раз выказывали красноармейцы во время наступления. Неопределенные обещания правительства Колчака снабдить землей крестьян были виною поступления этих крестьян в ряды Красной армии, где большевистские комиссары со свойственной им ловкостью и демагогией умели использовать каждую ошибку омского правительства, в чем я часто убеждался, читая большевистские газеты.

Крестьяне Оренбургской и Уфимской губерний к западу от реки Ик, где находились вперемежку башкирские, русские, малорусские и казачьи села и деревни, держали себя по отношению к большевикам пассивно, за исключением некоторых русских деревень, жители которых выказывали сочувствие большевикам. Двигаясь к юго-востоку по долине богатой реки Сакмары и в степных районах между р.р. Сакмарой и Уралом, мы большевизма не наблюдали, в то время как еще южнее, на самой границе Киргизских степей, между Орском и Актюбинском, опять попадались села, где жители в большом числе добровольно поступали в Красную армию. Был даже в одном селе священник, открыто высказывавшийся за Красную армию.

Как-раз в этой местности протекали наши последние бои, и здесь произошло наше катастрофическое окружение. В казачьей станице, в последнем, населенном русскими, пункте в Киргизской степи, где собрались все наши полки, мы пережили тяжелые минуты, которые я долго буду помнить.

Мы не скрывали от солдат нашего трудного положения. Нам нужно было пройти больше чем 1.000 верст по пустынным степям, и гарантировать солдатам питание во время дороги мы не могли. Захватить с собой продукты мы могли только в строго ограниченном количестве, ибо не было уверенности в том, что лошади выдержат переход по степям. Также мы не могли надеяться на то, что нам удастся в степях найти какую-нибудь пищу. Следовательно, не было сомнений, что мы идем навстречу голоду.

Положение офицеров было хуже, и потому они, не находя другого выхода, были готовы перенести все лишения, лишь бы не попасть в руки красных. Другое дело было с солдатами. Хотя был издан приказ о выступлении, солдатам вместе с тем объяснили наше положение и не-

официально дали понять, что препятствий для тех, кто захочет уйти, не будет. Неизвестно откуда появились ораторы, которые начали устраивать митинги и натравливать солдат против офицеров, предлагая отобрать у офицеров весь обоз. Однако эта травля осталась без последствий. Только меньшинство солдат было настолько нерешительными, что не пожелало следовать с нами. Мы им отдали часть наших продуктов, и они простились с нами.

Вместе с тем и среди офицерства произошел психический перелом, проявлявшийся в желании «самоопределиться». Однако без особых трудов удалось их убедить, что, странствуя вразброд по степи, мы безусловно пропадем, в то время как оставаясь в одном объединенном отряде, нам не придется бояться отрядов красной кавалерии. Небольшая часть офицеров все-таки ушла, желая добраться до Каспийского моря, но вскоре убедилась, что этот путь отрезан, и в последующие дни присоединилась к нам.

Оставшиеся части 1-го и казачьего полков, узнав о нашем положении, немедленно пошли за нами в степь. Характерно, что хотя эти корпуса были вдвое больше нас, они вывели в степь вдвое меньше людей, чем наш XI корпус. В их составе вовсе не было пленных красноармейцев, а между тем, как мы потом узнали, из этих корпусов целые части перешли на сторону красных.

Весь трудный путь по безводной песчаной пустыне, направляясь на Иргиз, Тургай и Атбазар, мы прошли в 30 дней, при чем полдороги пришлось пройти без возможности получить питьевую воду. Киргизы, узнав о нашем походе, немедленно уходили в сторону от нашей дороги и за исключением вышеуказанных селений, где киргизы живут оседло, мы не встречали ни одного живого человека. Поэтому своих продовольственных запасов, которые были заготовлены из расчета по ½ фунта муки на человека, мы нигде не могли пополнить, ибо ни в Иргизе ни в Тургае никаких запасов не было. Единственно, что нам удалось получить у киргизов,— это несколько овец, но за ними приходилось отходить в сторону от дороги на несколько десятков верст. Кроме того, в Иргизе удалось купить около 4 пудов кишмиша для всего корпуса. Большая часть лошадей (до 300) пала, не пройдя и полдороги. К счастью, на место павших лошадей нам удалось достать верблюдов, но для отыскивания их нам опять приходилось отойти от прямого пути.

Приблизительно за 100 верст от Атбазара, в первом селе на нашем пути, мы остановились для пополнения своих истощенных продовольственных запасов, ибо здесь впер-

вые оказалось возможным купить кое-какие продукты. В этом же селе нас нагнал вестовой генерала Белова, который привез ген. Галкину приказ по южной армии. Этим приказом ген. Белов отстранял ген. Галкина от командования корпусом и передавал это место мне.

Еще будучи в Тургае, мы узнали, что ген. Белов идет за нами, и мы обсуждали вопрос о том, не следует ли его арестовать за его бесспорно преступную деятельность. Само собой понятно, что, получивши его приказ, мы и не подумали его исполнять, тем более что целью этого приказа очевидно было окончательное разложение еще оставшихся сил. На следующий день мы узнали, что ген. Белов обогнал нас, вовсе не заехав в то село, где мы расположились. По дороге мы достали несколько экземпляров приказа, изданного Беловым в Тургае. Приказ с начала и до конца был переполнен суворовскими фразами и выражениями вроде «чудо-богатыри». Приказ оставлял впечатление, что он составлен помешавшимся от мании величия человеком.

Еще из Тургая ген. Галкин послал на автомобиле своего начальника штаба в Омск, дав ему подробно составленное сообщение о пережитых нами трудностях. В этом сообщении ген. Галкин целым рядом фактов доказывал, что поступки Белова есть преступление, и требовал отозвания Белова и следствия по этому делу. Приехав в Атбазар, где уже существовала телеграфная связь с Омском, ген. Галкин запросил по телеграфу, получено ли его сообщение, но получил удивительный ответ: сообщение получено, но главком фронта ген. Дитерихс издал приказ о предании ген. Галкина военно-полевому суду. Несколько дней спустя в Атбазар явился молодой казачий генерал К., присланный на место ген. Галкина, а еще через несколько дней—генерал Дутов, назначенный на место Белова, который был вызван в Омск.

Как только ген. Дутов явился, все командиры отдельных частей IX корпуса подали ему заявление о том, что они вполне солидарны со всеми распоряжениями ген. Галкина и поэтому просят привлечь к ответственности также и их. Это заявление, как видно, подействовало, и приказ о предании суду ген. Галкина был отменен.

Ген. Дутов приступил к реорганизации остатков южной армии с целью создать отдельную Оренбургскую группу. Я не стал ждать результатов этой реорганизации, а уехал в Омск, откомандировав заблаговременно всех офицеров-латышей в числе 15 человек.

Время моего отъезда совпало с удачным наступлением западной армии, при чем она заняла обратно Курган. Наш

IV корпус южной армии, который отступал в направлении Кокчетава, по полученным сведениям, увеличился численно и удачно выдержал наступление красных. Часть остатков южной армии собиралась перейти из Атбазара в Кокчетав, дабы объединиться с корпусом ген. Бакича. Говоря вообще, состояние было спокойное и ничто не указывало и не предвещало окончательной катастрофы. В таком же состоянии я оставил армию, уезжая в Омск, в который приехал в конце октября.

3. Омск—Владивосток.

В Омске уже была паника, последствием которой был выезд множества жителей, а вместе с тем и очень плохо организованная эвакуация правительственных учреждений. То, что происходило в эти последние дни надвигающейся катастрофы в политических и правительственных кругах Омска, имеет громадное историческое значение.

В Омске я провел только четыре дня, ибо моя семья уже уехала во Владивосток. На второй день после приезда в Омск я отправился к ген. Галкину, который приехал дней за пять до того и уже успел подробнее ориентироваться во всем, что творилось в Омске. Галкин обрисовал мне следующее положение: Колчак совершенно потерял голову. В ставке образовались враждебные партии, которые борются между собой, при чем то та, то другая из них перетягивает на свою сторону Колчака. Поэтому было много случаев, когда Колчак неоднократно менял свои распоряжения по одному и тому же вопросу. Обо всем том, что в действительности происходило на фронте и в тылу, он ничего не знает, так как и теперь, как и раньше, он остается недоступным для широких кругов. Рассказывали, что однажды к Колчаку силой ворвался приехавший с фронта врач. Два дня он просил аудиенции, но не получил и, наконец, решил пустить в ход хитрость и силу. Когда он рассказал Колчаку о всех тех ужасах, каким подвергаются больные и раненые, а также о безвыходном положении в больницах и санитарных поездах, Колчак схватился за голову, начал бегать по кабинету, крича, что его все обманывают и что он абсолютно никому не может довериться.

В Омске меня удивило известие, что ген. Виттенкопф-Белов, тот самый, которого мы на фронте хотели арестовать как изменника, назначен начальником эвакуации Омска. Узнав об этом, я тотчас же заметил, что теперь можно ожидать, что интендантские и артиллерийские склады с их богатым содержанием попадут в руки красных. И действи-

тельно, так и случилось, но на этот раз был виноват не Белов, а обстоятельства, ибо при всем желании нельзя было ничего эвакуировать.

А слуги омского правительства продолжали свои интриги о назначении на теплые места и высокие посты. И все это происходило в то время, когда враг был только в 150 верстах от Омска и когда каждый нормальный человек мог понять, что Омска удержать нельзя. Об этом ясно говорила паника омских жителей, и все-таки генерал Сахаров взялся убедить и доказать Колчаку, что для Омска ничего страшного нет и что его можно удержать, хотя ген. Дитерихс утверждал, что Омска спасти нельзя и потому его необходимо срочно эвакуировать. На этот раз Сахаров своими интригами победил и немедленно был назначен главнокомандующим фронтом на место ген. Дитерихса.

В те же дни я получил телеграммы из Владивостока о восстании ген. Гайды и о том, что ген. Розанов ликвидировал это восстание. Подробности этого восстания я узнал через два месяца, от одного из очевидцев.

Главным организатором восстания был врач Григорьев, а самое восстание произошло без кровопролития, ибо местные войска и жители сочувствовали низвержению власти Колчака. Для подавления «мятежа» ген. Розанов вызвал инструкторский батальон и гардемаринов, которые вначале действовали нерешительно. Но в решительный момент вмешались японцы, которые стали с миноносцев обстреливать восставших, собравшихся близ вокзала. Разумеется, вмешательство японцев решило дело в пользу Розанова, и тот безжалостно расправился со всеми участниками восстания. В числе других был убит и врач Григорьев.

Все эти факты предвещали крах, который и разразился уже в ближайшие дни.

От Омска до Владивостока я ехал 50 дней. По дороге бросалось в глаза большое количество железнодорожных катастроф. Потерпевшие крушение поезда часто виднелись по обеим сторонам дороги. Власть Колчака признавалась только в районе ж. д. и в городах, где стояли его войска, но в стороне от ж. д. и за городом правительство Омска не было популярным. По дороге я узнал, что приблизительно 150 поездов, высланных из Омска с эвакуированным имуществом и семействами офицеров, еще за Новониколаевском попали в руки красных. Наши беженцы из Сибири, вернувшиеся в Латвию через Советскую Россию, рассказывали, что до весны 1920 г. в Красноярске и Новониколаевске от одного только тифа умерло 75.000 человек. Столько же погибло в Омске, где, кроме того, несколько тысяч человек

просто замерзло. Между погибшими в Сибири было много известных общественных деятелей, между прочим, и ген. Галкин, который пал в боях против большевиков.

За Иркутском, в Забайкальском округе, было «царство» атамана Семенова. Этот атаман играл большую роль во всех сибирских событиях. О нем много писали газеты, но его настоящее лицо до сего времени остается неразгаданным. В то время как власть Колчака признала вся Восточная и Западная Сибирь, а также оренбургские и уральские казаки, атаман Семенов этой власти не признавал, а когда ему в Омске пригрозили, Семенов просто ответил Колчаку грубостями. Кончилось это дело так, что Омск пустился на компромисс, после чего и ожидал помощи от Семенова, но напрасно. Напротив, те офицеры, которые в Омске потерпели неудачу, очень мило принимались Семеновым, агенты которого разъезжали по всей Сибири. Словом, история повторилась, и Семенов по отношению к Омску сыграл такую же роль, какую играл когда-то Омск по отношению к народной армии.

Во Владивосток я прибыл в конце декабря 1919 г. и пробыл там целых два месяца. Здесь на моих глазах 1 февраля 1920 г. произошло без пролития крови низвержение сибирского правительства, не удавшееся три месяца тому назад ген. Гайде и врачу Григорьеву. Такое же низвержение произошло две недели спустя в Иркутске, но только с кровопролитием, и его дальнейшим последствием была выдача Колчака большевикам, которые его расстреляли.

Ген. К. В. САХАРОВ

Белая Сибирь [1]).

1. Бюрократический аппарат Колчака.

Подходя к описанию, как устраивалась и налаживалась работа центральных аппаратов в Омске, необходимо указать на допущение одной кардинальной ошибки, начатой еще блаженной памяти директорией и ее ставкой, ошибки, принятой, как бы по наследству, и новой властью, допущенной дальше ею при новой работе.

Для бедной и неустроенной восточной России начали создавать аппарат во всероссийском масштабе; строились те многоэтажные постройки министерств, департаментов и управлений, которые рухнули в феврале—сентябре 1917 года в Петрограде.

Люди, которые пришли к верховному правителю и получили его доверие и полномочие, принялись воздвигать из обломков старых дореволюционных учреждений громадную и совершенно неработоспособную машину.

Мне всего ближе пришлось ознакомиться с деятельностью военного министерства и главного штаба.

Когда совершился переворот, то вся первая творческая работа выпала на долю небольшого штаба верховного главнокомандующего во главе с его начальником, генералом Д. А. Лебедевым; и мы видели, как справлялся он и его ближайшие сотрудники с тяжелым делом в самые ответственные первые недели работы. Под их руками армии принимали вид живых и сильных организмов; на исторически верных и необходимых основаниях строились новые, самой жизнью вызываемые формы.

Уехавший во Владивосток и Харбин генерал-майор Н. А. Степанов был назначен адмиралом Колчаком военным министром; долго он не ехал, проводя целые недели в Харбине и, видимо, опасаясь проезда через Читу, так как генерал Степанов был один из самых упорных и непримиримых противников атамана Семенова и «японской

---

1) Из книги под тем же заглавием. Мюнхен, 1921 г.

ориентации». Наконец перед рождеством он появился в Омске, привезя с собой на пост начальника главного штаба генерала-майора Марковского.

С самого первого дня их деятельность может быть охарактеризована так. Вытащены из пыли 24 тома Свода военных законов, все старые штаты и положения; поставлены во вращающуюся этажерку около министерского письменного стола. Как только жизнь выдвигала какой-либо вопрос, — а это было на каждом шагу, — доставался соответствующий том и искалось готовое решение, «старый испытанный рецепт», но, увы, зачастую испытанный и забракованный жизнью, а в условиях разрухи гражданской войны прямо нелепый.

Все сделанное уже ставкой, та живая организационная работа, которая создавала армию, все ее начинания были забракованы, как плод незрелый и неподходящий под узкие старые рамки. Была сначала сделана попытка подчинить военному министерству все, касавшееся вооруженных сил, чтобы можно было все подвести под эту ферулу крутящейся этажерки со старинными томами законов и штатов. Но верховный правитель на это не пошел и разделил сферу власти так: действующая армия с территорией по Иртыш подчинялась (в военном отношении) начальнику штаба верховного главнокомандующего, все гарнизоны и запасные войска, вся местность к востоку от Иртыша — военному министру.

Возник дуализм, который приобрел еще более острую форму благодаря личным свойствам действовавших лиц. Д. А. Лебедев, молодой сравнительно офицер генерального штаба, не искал власти и не дорожил ею, преследуя исключительно цели боеспособности армии и стремясь вызвать для того к деятельности все живые силы. Н. А. Степанов оберегал свой престиж, вместе с главным штабом цеплялся за власть и усматривал в каждом начинании, несогласном с его воззрениями, чуть ли не личные против него выпады. Появились трения. Мне лично говорил несколько раз адмирал А. В. Колчак:

— Страшно трудно. При каждом важном вопросе мне приходится сначала мирить наштаверха с военным министром, разбирать личные обиды последнего.

Но убрать его он не решался, питая дружеские чувства еще по совместной работе в Харбине; когда же просился уйти с поста генерал Лебедев, верховный правитель и слышать не хотел, говоря, что он больше всех в него верит и знает на деле его способность вести работу.

При этих условиях мало было надежды на согласованную работу тыла и фронта.

Военное министерство и главный штаб распухли до чудовищных по величине размеров; вышли к жизни все прежние отделы, отделения, стольначальники. Создано было военное совещание из семи—восьми дряхлых летами генералов, на обязанности которых лежало рассмотрение всех законопроектов и штатов. Долго, многоречиво и весьма добросовестно делалось это; спешные законопроекты лежали целыми неделями, отклоняясь иногда по пустякам, а иной раз так перекраивались, что не оставалось живого места. Но зато на вновь отпечатанных штатах и положениях красовались внизу фамилии членов этого совещания, совсем как на старых, дореволюционных, великороссийских, даже и фамилии похожие были подобраны.

Многоэтажные здания, полные офицеров и чиновников, работали также очень много и усердно; писали из одного отделения в другое и в ставку отношения, составляли проекты, доклады и объяснительные записки. Как один из многих примеров, мне показывал начальник организационного отдела полковник Оберюхтин, — человек, весь горевший желанием работать, приносить пользу и делать живое дело, — проект о подготовке офицеров и унтер-офицеров, составленный вначале не только жизненно, но даже талантливо. Три месяца этот проект ходил от стола к столу, и за это время образовался объемистый том. На первом проекте была резолюция военного министра «доложить и пересоставить». На втором, пересоставленном, стояло указание согласовать с такими-то статьями такой-то книги прежних законоположений. Затем шли третий, четвертый, пятый, шестой варианты доклада и объяснительные записки, с объемистыми резолюциями; наконец, на последнем красовалась надпись начальника главного штаба: «Повременить»!

Еще более грустная по результатам была судьба большого проекта о формировании в тыловых районах Сибири действующих частей для фронта. Был составлен опять-таки вполне жизненный и выполнимый проект и план, по которому армия должна была получить три с половиной дивизии в апреле 1919 года и столько же в августе. Надо было придерживаться этого плана и вести, не мудрствуя лукаво, самую простую работу, а для своевременности было необходимо отдавать соответствующие приказы, соблюдая расчет времени плана. Получилась бы полная обеспеченность боевого дела, даже если бы этот план выполнили даже частично.

Но его постигла та же участь бесконечных переделок, передокладов, исправлений и, наконец, полного отставления; время шло и тратилось самым недопустимым образом. Не было ничего создано и в отношении военно-административного устройства тыла, опять по той же причине увлечения

ложно-классическими образцами прежнего бюрократического порядка.

Восстание для свержения большевиков в Сибири было произведено строевыми офицерами и потребовало от них сразу разрешения многих вопросов; был разрешен в числе прочих и этот: отказались от системы военных округов и ввели вместо них корпусные районы с применением территориальной системы. Во фронтовом, армейском районе такой порядок и укрепился, что и давало те силы, которыми фронт вел борьбу. Одним из первых дел нового военного министерства был отказ от корпусных районов и замена их военными округами; массу времени потратили на это и ничего не добились. Получились громоздкие штабы: штаб иркутского округа имел свыше ста тридцати офицеров, омского округа—более ста семидесяти. Войск же было только то, что осталось от прежних корпусных районов.

На бумаге отказались и от территориальной системы комплектования войск. Аргументы были веские: ввиду неспокойного состояния страны и непрекращающейся пропаганды нельзя надеяться, что поддерживать порядок в районе будут войска, составленные из местных жителей. Но существовавшие в Сибири условия транспорта — наличие единственной железнодорожной магистрали при чисто-сибирских колоссальных расстояниях делало фактически невозможным применение другой системы, кроме территориальной, особенно при том недостатке времени, какой тогда ограничивал все наши действия. В эти дни резче и определеннее, чем в какой-либо другой войне, вставала вся правда великих слов императора Петра I: «Потеря времени смерти невозвратной подобна».

Это—с одной стороны; с другой,—надо было предпринимать для успокоения населения и для привлечения всех его симпатий на сторону правительства другие меры. Нельзя было вести священную, освободительную войну против большевиков, не доверяя населению, своему же народу; тогда лучше было и не заваривать каши.

Ведь фронт сумел собрать полмиллионную армию из тех же народных масс; там некогда было разводить теорию и отчеканивать проекты: жизнь требовала быстрой творческой работы. И то, что эта полумиллионная армия образовалась, существовала, вела успешные бои,—доказывает лучше слов: 1) с этой работой справились и 2) массы увидели и поверили, что война, на которую их призывают, ведется за Россию и за благо всего ее народа. Надо понять тоже и запомнить, что такого числа «белогвардейцев» собрать было невозможно, что невозможно было также гнать массы в армию насильно; не было для этого средств, да и

не было желания, так как все вожди армии искренно отдавали себя на служение России и только России. Но России прежде всего русской, устроенной на ее самобытных, исторических основаниях, великой и самостоятельной. Сложна была психология армии во всем белом движении, но одно несомненно: настроение лучших ее представителей, а за ними и массы, было чисто национальное.

Нельзя пройти еще мимо одной стороны, характеризовавшей узко-бюрократическую деятельность нового военного министерства. Оно считало себя обязанным стать на страже интересов старшинства в чинах офицерского корпуса и не нашло ничего лучше, как достать из архивной пыли старые «списки по старшинству». По этим спискам и делались почти все назначения. Ни боевые заслуги, ни талантливость, ни доказанная работоспособность и даже подвиги не могли поколебать новых олимпийцев, считавших необходимым для возрождения России прежде всего воскрешение старых, отживших форм. Даже и внешне вид главного штаба принял тот же чванливый, недоступный и отталкивающий характер петербургских канцелярий.

На-ряду с этим пренебрегались истинные интересы офицерства; зачастую представления к производству в следующие чины за боевые отличия, за выслугу лет, еще в германскую войну, месяцами лежали и ждали резолюции военного министра. Сначала даже потребовали было обязательного наличия послужных списков по всей форме и со ссылками на все приказы, хотя бы до 1880-х годов. И долго держались этого правила; наконец поняли, что в такое время, когда офицеры сошлись почти со всех концов света, многие ускользнули из самых когтей большевистского стервятника, это требование—чистая и законченная нелепость.

Вот уж именно, где применимо выражение: ничему не научились и ничего не забыли.

Верховный правитель рвал и метал, когда до него доходили сведения обо всем этом. Но господа бюрократы, налетевшие на теплые омские места в избытке, находили и здесь средства для маскировки:

— Это все интриги...

Или:

— Как не совестно отвлекать верховного правителя от дел государственных!

А разве армия, ее боеспособность, ее офицерский корпус,—разве это не было тогда делом государственной важности первой степени?

Такая же картина была и в других министерствах Омска. Всюду шли тем же легчайшим путем постройки и копирования старых дореволюционных бюрократических ап-

паратов; но раньше в них были хотя свои хорошие стороны — десятилетиями налаженное дело, преемственность и опытные работники. Здесь же, в копиях, главное внимание обращалось на внешность. Даже время службы было применительно к Петербургу мирного времени: в 10 часов утра начало, в 12—перерыв на завтрак, в 4—5 часов конец, и все расходились по домам. Министерства были так полны служилым народом, что из них можно было бы сформировать новую армию. Все это не только жило малодеятельной жизнью на высоких окладах, но ухитрялось получать вперед армии и паек, и одежду, и обувь. Улицы Омска поражали количеством здоровых, сильных людей призывного возраста; много держалось здесь зря и офицерства, которое сидело на табуретах центральных управлений и учреждений. Переизбыток ненужных людей, так необходимых фронту, был и в других городах Сибири. Против этого военное министерство мер не принимало, и почти каждый, кто хотел укрыться от военной службы, делал это беспрепятственно.

2. Крестьянские восстания.

... Скоро начали проявляться первые результаты предательской работы эсеров. В нескольких местах, в глубоком тылу, вспыхнули восстания против власти адмирала Колчака. Главные очаги были: Тайшет и Мариинск, районы Красноярско-Минусинский, Нерчинско-Сретенский и в Приморской области—Сучанские копи.

Полноводная, богатая рыбой и золотом река Енисей течет между скалистых гор, часто сдавленная ими с обеих сторон. В таких ущельях вода кипит и бьется о камни. Даже в самую холодную пору, в крещенские морозы, не замерзает здесь стремнина реки. Но вот горы раздвигаются, образуя широкую долину, подходят к Красноярску и кончаются. Дальше на много сотен верст тянется великая Сибирская равнина, покрытая местами лесом. По этой равнине, от Красноярска и выше, Енисей несет воды свои спокойно и величаво, затопляя весной огромные пространства. Здесь богатейшие пастбища, сенокосы, это один из самых хлебородных в России уездов — Минусинский. Население его сплошь — зажиточные крестьяне-староселы, живущие патриархальным укладом, очень религиозные и в высшей степени преданные идее царской власти, а с нею и властям законным.

И вот здесь разгорается восстание против адмирала Колчака; начинается дело с небольших шаек, состоящих главным образом из пришлого элемента, но к осени 1919 года дело принимает огромные и организованные размеры.

Сформирован целый корпус из одиннадцати полков, введена правильная организация, создан штаб во главе с бывшим штабс-капитаном Щетинкиным. Минусинцы, крестьяне, давали не только людей для этого корпуса, они поставляли хлеб, мясо, одежду. Был даже открыт завод для снаряжения ружейных патронов и для приготовления пик, сабель и секир. Правительственные отряды и енисейские казаки не могли подавить восстания и занимали оборонительные линии, чтобы прикрыть с юга Красноярск и железную дорогу, единственную коммуникацию армии.

Все восстания направлялись и шли одним путем, применялась одна и та же общая программа. Приезжали из советского центра, из Москвы, агитаторы, снабженные большими суммами денег. Скрываясь в эсеровских организациях, они находили у них поддержку и начинали вести тайно пропаганду. В то же время они сорганизовывали из преступников и отбросов населения небольшие банды с целью нападения и разрушения железной дороги. Сжигали небольшие деревянные мосты, портили путь, устраивали крушения. Целыми десятками спускали под откос поезда, при чем главная охота их была за поездами, везшими из Владивостока оружие, боевые припасы и снаряжения для армии.

Для поимки этих разбойников направлялись отряды наши или из чехо-словаков. Но трудно поймать их в беспредельных и густых, почти непроходимых дебрях сибирской тайги. Надо было вести систематическую и долгую кампанию, на что никто из иностранцев (а дорогу охраняли они) не имел охоты. Через несколько дней шайка выходила в другом месте, снова портила путь и устраивала крушение. Тогда, в попытках положить этому конец, неумелые руководители борьбы с этими бандами применяли самый легкий и несправедливый способ: возлагали ответственность за порчу железной дороги на местное население. Производились экзекуции деревень и целых волостей. Уже после конца борьбы на фронте, когда остатки нашей армии шли на восток, приходилось видеть несколько больших сел, сожженных этими отрядами почти дотла в наказание за непоимку разбойников-большевиков, производивших крушения на перегоне станций Тайшет-Клюквенная. Огромные, растянувшиеся на несколько верст села представляли сплошные развалины с торчащими кое-где обуглившимися, полусгорелыми домами. Крестьянское население таких сел разбредалось и было обречено на нищету, голод и смерть.

Понятно, такие меры только озлобляли население и давали опору и развитие большевицкой и эсеровской деятельности, усиливая их преступную пропаганду:

«Видите»,—писали они,—«видите, русские крестьяне, что

такое Колчак и как он относится к народу. Он с шайкой капиталистов всего мира нанял чехов, чтобы жечь русские села и избивать русских крестьян. Все за оружие, все в ряды Красной армии против мировой буржуазии!..»

И как у всех адептов социализма, это новое воззвание заканчивалось крылатым лозунгом Карла Маркса:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

А в то же самое время те же люди, правильнее, отбросы человечества, вели разрушительную работу среди чехов, этих quasi-славянских войск, сформированных из военнопленных, взятых русской армией в Галиции и Польше; их развращали всячески, доводя до состояния людей, больных большевицким умопомешательством. Эту часть работы взяли на себя целиком социал-революционеры.

Бедное русское крестьянство было окончательно сбито с толку. Не знало, кому верить, за кем итти. Ненавидящие социалистов-большевиков, пошедшие так охотно под знамена белой гвардии против красного интернационала, крестьяне были поставлены этими жестокими и неумелыми действиями между молотом и наковальней. И заметьте: чехи, отряды которых главным образом сжигали русские деревни, были всецело под влиянием и в услугах у эсеров, кричавших всегда о «демократии» и «демократичности». Почти все репрессии и экзекуции производились по скрытой указке этих социалистов, чтобы разжечь пожар восстаний в тылу белой русской армии. Это только и нужно было социалистам, это была их главная цель,—в средствах же стесняться они не привыкли. В лагере устроителей нового рая на земле это проводилось последовательно в жизнь десятками лет.

Получалась ужасная картина. Русские народные массы, крестьяне и рабочие со своими офицерами и вождями вели беспощадную борьбу на фронте. А в тылу те же крестьяне и рабочие, под влиянием большевицкой агитации, эсеровского предательства и неумелых действий местных властей восставали и становились против той же армии и против правительства адмирала Колчака.

Все больше и больше раздувалось пламя этого костра. Восстания редко где были подавлены целиком. Наоборот, появлялись новые районы, банды сорганизовывались в полки, дивизии и корпуса. Вооруженная борьба с ними требовала все большего числа войск, в которых так нуждался боевой фронт, напрягавший героические усилия для окончательной победы русской народной и национальной идеи над кровавым враждебным интернационалом.

В этих условиях борьба становилась почти невозможной. Причины этого лежали, понятно, глубоко в самой системе организации антибольшевицкого движения. Моря кро-

ви были пролиты и великая жертва была принесена — впустую, вследствие основной ошибки: не хотели признать социалистов-революционеров врагами народа, такими же, как большевики-коммунисты.

Нехватало прямоты действий, не было напряжения воли. Сила национальная недостаточно концетрировалась и кристаллизовалась. Огромный белый тыл в Сибири клубился вредными ядовитыми газами политиканства, с одной стороны, и бессилия в деле,—с другой. Не только не могли добиться полного напряжения — все для фронта, для войны, для победы, не имели и тени диктатуры, а, допустив в свой стан врагов, успокоились на бумажном перепроизводстве, погрязнув в тихом и медленном отбывании номера.

К сожалению, у наших противников, у большевиков было не так. Воля из Москвы, жестокая и упрямая воля, управляемая определенным желанием еврейского центра, заставила работать всех в советской России, вызвала настоящее напряжение и сумела держать это напряжение все время на должной высоте. Там работали не спустя рукава, не для отбывания номера, и знали, что за плохую работу, за недостаточные результаты — расправа сейчас же; разговоры там короткие — смерть без суда. Полковник Котомин, перебежавший к нам из Красной армии с одиннадцатью офицерами под Челябинском, подробно обрисовал положение в советском тылу. — «У них работа идет не так, как у вас, — говорил он, — там не считают часов, кипит дело, и, если нужно, то все заняты по восемнадцати часов в сутки. Жиды-коммунисты следят не только за совестью и политическими убеждениями, но и за выполнением каждым его обязанностей. Чуть заметна в ком лень или халатность, — сейчас на сцену выступает обвинение в политическом саботаже и... расстрел. И знают все, от генерала до машиниста, что шутить не будут».

С целью разбудить нашу тыловую публику, полковник Котомин прочел лекцию в Омске в городском театре (по поручению верховного правителя); на лекции произошел характерный инцидент. Котомин рисовал правдивую картину советского тыла: он будил чувства белых и призывал их к такой же работе, какую несут слуги Ленина и Бронштейна, к такой же отчетливости, добросовестности и энергии... Вдруг раздаются голоса из партера:

— Как вам не стыдно хвалить их! А еще офицер...

— Довольно...

— Поезжайте тогда обратно к большевикам...

И с галерки одинокий крик:

— Правильно, товарищ, продолжайте.

Так поняли представители тыловых наслоений искренний

и честный призыв Котомина, этого одного из лучших русских офицеров. На того это так подействовало вместе со всем пережитым за последние годы, что он слег больной и не мог уже оправиться. Болезнь унесла его в могилу. Моя армия лишилась в нем хорошего начальника дивизии,—на что Котомин был мною предназначен.

3. Транспорт и армия.

В Омске было министерство путей сообщения с очень энергичным, способным и жизненно-практичным человеком во главе, инженером Устругoвым. Отсюда шло управление дорогами, регулировка их службы и наилучшего использования. И надо отдать полную справедливость, что это министерство стремилось выйти из рутины и бюрократических нагромождений, старалось дать максимум работы и пользы.

Однако обстановка и препятствия были настолько велики, что министр Устругов и его подчиненные буквально изнемогали от бесплодных подчас усилий. С самого начала создалось несколько факторов, которые разбивали все их старания, вводили импровизацию, нарушали стройность.

Во-первых—и это было вполне естественно—железные дороги на театре военных действий подчинялись командующим армиями, которым здесь принадлежало главное решающее слово. С этим министерство мирилось, так как видело, в большинстве, работу армейских железных дорог направленной к лучшей пользе. Кроме того, прифронтовая полоса не могла влиять сильно на жизнь страны. Гораздо важнее была магистраль от Владивостока до Омска. И вот здесь-то создалась главная помеха; почти с самого начала был образован из представителей всех «союзных» держав железнодорожный комитет, который взял на себя, явочным порядком, регулировку вопросов эксплоатации дороги и движения на всем участке от Омска до Владивостока. Главная роль в нем принадлежала американским и английским инженерам, и хотя зачастую русские интересы, даже интересы фронта, приносились в жертву различным интернациональным целям, которыми была пропитана вся интервенция,—русскому министру путей сообщения приходилось подчиняться.

Дело в том, что Сибирь не располагала ни одним заводом для постройки паровозов, вагонов и запасных частей. Все это, заказанное и оплоченное в большинстве еще императорским правительством в Соединенных Штатах и в Канаде, теперь было обещано доставить и передать прави-

тельству адмирала Колчака; частью это было и выполнено. Но при каких каждый раз обстоятельствах?!

Припомним, как выдавалось военное снабжение, доставленное широким английским жестом на армию в 200 000 человек. Как всегда и систематически оказывалось при этом давление на верховного правителя, на его политику, как проглядывало желание давить даже на стратегические планы армий, как искусно и скрыто оказывалась этими «союзными благодетелями» поддержка эсерам! В области железнодорожной помощи все это приняло еще большие и уродливые размеры. Во Владивосток прибыло большое количество запасных частей, осей и колес, несколько паровозов; весь этот ценный груз союзные страны давали России, давали за ее жертвы кровью сынов ее и... за русское золото. Давали союзные страны, а их официальные представители требовали взамен почти полного себе подчинения, становились выше не только министра путей сообщения, но даже выше номинального диктатора. Понятно, это мешало работе, сильно затрудняло ее, а «союзникам» давало возможность проводить меры для своих, не всегда чистых, целей.

На этой же почве наши бывшие военно-пленные, составившие теперь, в 1919 году, «союзные» полки: чехо-словацкие, польские, румынские и итальянские, захватили в свои руки огромное количество подвижного состава; так, за тремя чешскими дивизиями числилось свыше 20 000 вагонов. Польская дивизия, сформированная французской миссией генерала Жанэна, также из бывших наших военнопленных, захватила свыше 5 000 вагонов; были собственные поезда у румын и итальянцев.

Никакие силы не могли заставить этих «интервентов» вернуть вагоны и паровозы. Железнодорожной администрации приходилось принимать факт этого ограбления и изворачиваться ограниченным запасом подвижного состава, который остался в фактическом распоряжении русского министра путей сообщения.

Затем все интервенты-союзники, приезжая в Сибирь, чтоб спасать бедную разоренную Россию, быстро входили во вкус; у всех их руководителей были собственные поезда, составленные из лучших вагонов, с кухнями, ваннымн, электричеством. Поезда Жанэна, Нокса, Павлу, разных «высоких комиссаров» (которые, увы, сыграли на руку невысоким советским комиссарам) поражали своей роскошью, незнакомой и недопустимой даже в их богатых странах. Дошли до такого нахальства, что распоряжение и распределение всеми салон-вагонами взял на себя штаб французского генерала Жанэна, выдававший их почти исклю-

чительно иностранцам. Опять-таки справедливость требует сказать, что японцы вели себя и здесь всех скромнее, достойнее,—и только они, представители страны Восходящего Солнца, не имели в бедной России роскошных поездов.

Сибирская магистраль тянется на тысячи верст, проходит глухою тайгой или беспредельными степями. Большевики и эсеры, объединив свои силы, направляли все внимание на эту важнейшую артерию, питавшую армию и страну, обеспечивавшую вывоз сырья из богатых губерний Сибири. И вот те шайки, которые были собраны социалистами, организовали планомерную кампанию нападения на железную дорогу.

Нападения производились на наиболее трудные участки ее, с сильными закруглениями пути или с предельными подъемами и спусками. В таких местах банды разбойников разбирали путь, портили рельсы и стрелки, иногда взрывали мосты. Для этого ими выбиралось время, когда шли из Владивостока поезда с военным снабжением или направлялись ценные грузы. Глухой ночью совершалось покушение, поезд спускался под откос, разбивались вагоны; банда производила грабеж.

Временами доходило до того, что мы прекращали ночное движение, пуская поезда только днем. Можно себе представить, какое затруднение в транспорте создавалось благодаря всему этому. Но отвлекать наши русские войска на службу обороны Сибирской магистрали было нельзя, и без того боевой фронт наш задыхался в неустанной борьбе из-за недостатка подкреплений с тылу.

Поэтому пришлось прибегнуть к милости интервентов, которые в своем междусоюзническом комитете (или совдепе, как его называли даже некоторые английские офицеры) решили разделить железную дорогу на участки и поручить охране иностранных войск. От Владивостока до Читы—японцы, около Байкальского озера—небольшой участок — американцы, далее немного — румыны, центр: Иркутск—Омск—Томск—чехи, Алтайская железная дорога—5-я польская дивизия.

Казалось бы,—самая естественная вещь. Раз пришли помогать, если называются союзниками, да вдобавок еще едят русский сибирский хлеб, то какие тут могут быть разговоры? Становись на работу и выполняй ее честно и исправно по наряду русской власти.

Так должно было бы быть при нормальном порядке. Так было бы, если бы мы, русские войска, пришли помогать кому-либо из союзников в их стране. Так и бывало не один раз, когда русскими боками спасали «союзников». Но здесь, в Сибири, опять-таки проявились, с одной сто-

роны, наша русская стародавняя привычка взирать на иностранца снизу вверх, чуть не с подобострастной улыбкой, а с другой—их обычная самоуверенность и напыщенное самодовольство, чтобы не сказать более резкого слова.

Почти все иностранцы, взявшие на себя охрану Сибирской железной дороги, смотрели на это как на величайшее одолжение, как на благодеяние, которое они делают бедным русским; они исполняли только приказы своего «междусоюзнического комитета», не считались совершенно с русской властью и железнодорожной администрацией. При этом в оправдание приводилась все та же фарисейская увертка—«невмешательство в русские внутренние дела».

Самая служба охраны железной дороги песлась так. Начинают учащаться случаи нападения банд на железную дорогу, происходят покушения на отдельных интервентов, охраняющих данный участок. Тогда они решают действовать; усиливаются караулы, ловят нескольких разбойников, вешают их, отгоняют банды в тайгу и на этом успокаиваются. Когда им предлагалось довести дело до конца, преследовать банду и уничтожить ее с корнем, получался ответ:

— Это не наше дело!

Случалось, что такой способ не давал результатов: нападения на дорогу и иностранную охрану не прекращались. Тогда интервенты—особенно чехо-словаки и польская дивизия—устраивали карательную экспедицию. На опасном участке сжигались два-три богатых сибирских села, за их будто бы отказ выдать преступников-бандитов.

Это вызывало страшное озлобление мирного, ни в чем неповинного населения, сыновья которого сражались за русское национальное дело в рядах белой армии. И естественно, что это озлобление переносилось, отражалось рикошетом на центральном правительстве адмирала Колчака, на русских властях. Таково было положение на железной дороге, в то время когда роль ее выдвигалась на первое место вследствие того, что новая неудача на фронте начала превращаться в катастрофу.

В самый нужный момент, когда необходимо было дать сверхсильное напряжение, чтобы в западном направлении подать армиям помощь снабжением и силами, а в обратном направлении—на восток—вести планомерную и безостановочную работу эвакуации,—оказалось, что русская власть бессильна использовать свою железную дорогу. А вдобавок к этому тыловые органы, загроможденные бюрократическим бумажным строем и зараженные эсеровской тлей, упорно и беззастенчиво, приводя самые ребяческие отговорки и отписки, тянули время и занимались тем, что копили военное снаряжение в глубоких тыловых складах.

И армия, проявившая чудеса героизма и предел напряжения сил, добившаяся блестящей победы, была предана— она не получила ни пополнений, ни одежды, ни теплых вещей. А между тем наступала уже суровая сибирская зима.

4. Канун катастрофы.

Совершалось еще более вопиющее. Когда тыл, его бюрократические органы увидали, что дело нешуточное, что на фронте положение принимает действительно катастрофические размеры, грозящие и их существованию, то там всколыхнулись и стали спешно собирать пополнения, грузить теплую одежду и обувь, направляя эшелон за эшелоном в действующую армию.

Все это принимало вид нерешительных, спешных и судорожных мер. Наши части были в непрерывном движении. Отступление протекало планомерно, с постоянными, ежедневными боями, чтобы парализовать новые стремления красного командования перерезать в тылу железную дорогу. В то же время шла напряженная работа по эвакуации раненых и больных, военных грузов и железнодорожного имущества. Шел непрерывный поток с запада в восточном направлении: поезда с пополнением и снабжением, врезываясь вне всякой системы навстречу этому потоку, простаивали неделями на станциях, не могли добраться до фронта, или запаздывали и только мешали. Иное было бы две недели назад, когда все железные дороги были свободны, армия стояла на Тоболе, система транспорта и этапные линии были хорошо налажены. Естественно, что настроение в войсках падало все больше и больше. Вот жизненный документ, крик армий—донесение командующего конной группой:

«За последнее время все указывает на сильный упадок духа солдат вследствие все уменьшающегося численного состава частей и отсутствия пополнений. Волнуются и недоумевают, почему до сих пор ни один полк не пополнен, когда в некоторых ротах осталось около десяти человек. Такое положение создает благодарную почву для всякой пропаганды и агитации, чем несомненно воспользуется наш противник, хорошо осведомленный, о том что делается в наших войсках. Красные уже разбрасывают прокламации, призывающие наших солдат окончить войну, перебив своих офицеров и выдав красным адмирала Колчака, в свою очередь обещая перебить своих комиссаров и выдать нашим солдатам Ленина и Троцкого. Подобные прокламации, попадая в руки солдат, не могут не оказать влияния на менее сознательный элемент... Далее, в связи с наступившей холодной и сырой погодой и необходимостью часто ночевать в лесу под открытом небом, развивается недовольство солдат отсутствием теплой одежды; солдатами указывается, что в тылу все одеты и во все теплое... Мы рискуем потерять и оставшийся кадр ранее доблестно сражавшихся частей. 25 октября 1919 года. Генерал Волков. № 2642».

Ропот среди армий все усиливался. Тяжелое отступление полураздетых частей продолжалось без надежды остановить его, чтобы дать красным сильный отпор и снова перейти в наступление. Вместе с тем развилась до небывалых пределов и пропаганда в тылу. В результате всего падала самая вера в успех дела, исчезла надежда на скорую конечную победу, терялся смысл дальнейших жертв.

В такой обстановке тыл начал теперь спешно подавать на фронт пополнения. Густыми массами шли маршевые роты, без всякой системы, с нарушением самых примитивных требований порядка: так, зачастую поезда с пополнением простаивали сутками на станциях или разъездах, не получая ни пищи, ни кипятка для чая; люди волновались, верили самым вздорным слухам, легко поддавались обману и агитации. Наконец, эти голодные и распропагандированные маршевые роты высаживали и передавали ближайшему строевому начальнику.

Вначале пробовали их вливать в полки, которые таяли с каждым днем, пробовали и горько раскаивались, ибо произошли массовые предательства. Только что прибывшее пополнение, получив приказ итти в наступление, выбегало, подняв вверх винтовки, обращенные прикладами в небо, передавалось на сторону красных и открывало огонь по своим. Почти все офицеры в таких полках гибли...

Пал Петропавловск. Армии неудержимо катились на восток. Омск, где оставался до сих пор и верховный правитель и все министерства, был уже под угрозой с фронта и с севера, от Тобольска. И не только под угрозой,—Омск был уже обреченным, так как спасти его могло только чудо; человеческие усилия были не в состоянии этого сделать в той обстановке, которая создалась к этому времени.

Нельзя выразить той горечи, какая охватила всех нас на фронте, всю армию. Сделанный ею подвиг, одержанная на Тоболе победа, сознание близкого и окончательного разгрома красных,—все пошло прахом... И не было надежды на новое улучшение, на перемену...

5. Новый главнокомандующий и его программа.

[В первых числах ноября ген. Дитерихс отказался от должности главнокомандующего, считая невозможным защищать Омск. Колчак, настаивая на защите Омска, назначил главнокомандующим автора книги, ген. Сахарова.]

Армия неудержимо катилась на восток. Эвакуация была затруднена до невозможности, так как до самого последнего времени не было предпринято никаких шагов для вывоза огромнейших военных складов в Омске; наоборот, до конца

октября все прибывали новые транспорты с различными снабжениями. Надо было собирать и эвакуировать огромные министерства, спасать раненых, больных и семьи военных.

Вдобавок ко всем трудностям прибавилась еще одна: в 1919—1920 году зима была исключительно теплая, сравнительно с обычной сибирской; в первой половине ноября морозы все время колебались между двумя—тремя градусами тепла и пятью мороза. По Иртышу шла шуга (мелкий лед); это лишало возможности не только навести мосты, но даже устроить паромные переправы. Наши армии надвигались к Иртышу и становились перед неразрешимой задачей, как совершить переправу через эту огромную реку. Какой-либо маневр под Омском был совершенно невозможен.

И в то же время армия все более и более таяла, оставшись одетой по-летнему. А в тылу были накоплены колоссальные запасы—такие, что их не могла бы использовать вдвое большая, чем наша, армия!

На заседании совета министров я повторил мой доклад, обратил внимание на все эти трудно исправимые минусы, вызвавшие полнейший крах осенней операции, и предупредил, что на защиту Омска рассчитывать нельзя, что может быть удастся собрать резерв к востоку от Иртыша и там дать красным генеральное сражение.

Спасти общее наше положение было тогда еще возможно; понятно, не удержанием Омска, что являлось задачей невыполнимой, да и не самой важной; все силы надо было направить к двум главнейшим целям: спасти кадры армий и удержать ими фронт в дефиле примерно на линии Мариинска; в то же время сильными, действительными мерами, не считаясь ни с чем, надо было очистить тыл и привести его в порядок. Изгнать преступную бюрократическую бездеятельность и волокиту, совершенно искоренить возможность дальнейшего предательства социалистами; объявить партию эсеров противогосударственной, врагами народа; наладить жизнь населения в самых простейших и необходимейших ее формах и обратить усилия всех и всего для боевого фронта. Работать зиму не покладая рук, и тогда к весне можно было рассчитывать на новое успешное наступление, особенно, когда население Западной и Средней Сибири узнало бы на своих спинах всю прелесть большевизма.

Вот была общая программа, которая стояла передо мной и которая была набросана перед советом министров; это был единственный шанс на успех. При этом выдвигалось необходимым установление фактически военного управления вплоть до Тихого океана, выявление нового лозунга—

движение для возрождения России по ее историческому пути с принятием правого курса политики внутри страны, а вместе с тем и направление и внешней политики только в интересах дела возрождения России, вплоть до заключения, если понадобится, секретных договоров с странами действительно дружески действующими по отношению к нашему отечеству.

С другой стороны, настоятельно необходимо было отказаться раз навсегда от угодничества перед теми иностранцами, которые вели в Сибири политику «бельэтажа интернационала», оказывали поддержку эсерам, заставляли наше правительство плясать под их дудку, вредили национальному воскресению России.

Тяжелый был момент, но выход виделся, хотя и загроможденный гигантскими препятствиями, осложненный сверхчеловеческими трудностями, но все же выход прямой, вытекающий из сил и средств, которыми мы располагали.

Только это одно, лишь сознание долга итти и вести к этому выходу заставило меня принять обязанности главнокомандующего и взвалить себе на плечи огромную, сверхсильную ношу. В тот же день, когда я приехал в Омск, а генерал Дитерихс уезжал отдельным поездом во Владивосток, мне ясно представилось, как в случае не только неудачи, а временных неуспехов будут со всех сторон выдвигаться все новые и новые препятствия и врагами будут пущены в ход все средства. Особенно ввиду того, что проведение основного плана в его целом возможно было лишь при твердом, систематическом курсе, при суровых, а подчас и жестоких мерах. Как же иначе было бороться и желать победить еврейскую беспощадную диктатуру над русским народом, правящую под фирмой «большевиков-коммунистов»?

6. После падения Омска.

Пять литерных поездов, составлявших личный штаб верховного правителя (один из них был с золотым запасом) выехали из Омска 13 ноября; я дождался приезда командующих армиями генералов Каппеля и Войцеховского и 14 ноября, после совещания с ними, выехал из Омска с моим штабом.

А 15 ноября утром красные с севера обошли бывшую столицу сибирского правительства, и наши войска принуждены были оставить линию реки Иртыша. Омск пал...

На десятки верст слышались оглушительные взрывы, которыми уничтожали многотысячные омские запасы сна-

рядов, патронов и пороха. Красные получили огромную добычу и заняли столицу. Перехваченные их радио торжествовали полную победу.

Но это было не так. Перед нами лежал ряд задач, которые нужно было выполнить, и тогда положение было бы спасено. Борьба за Россию была бы доведена до конца, до нашей победы.

Фактически армия теперь сошла на задачу прикрытия эвакуации—сплошной ленты поездов, вывозящих на восток раненых и больных, семьи офицеров и солдат, а также те запасы, военные и продовольственные, которые удавалось погрузить.

Армия свелась в сущности к целому ряду небольших отрядов, которые все еще были в порядке и в управлении, так как состояли они из отборного, лучшего в мире элемента. Сохранилась организация. Но дух сильно упал. До того, что появлялись даже случаи невыполнения боевого приказа. На этой почве командующий 2-й армией генерал Войцеховский принужден был лично застрелить из револьвера командира корпуса генерала Гривина, который наотрез отказался подчиниться боевому приказу задержать корпус и дать красным отпор, а заявил, что он поведет свои полки прямо в Иркутск, к месту их первоначального формирования; на предложение Войцеховского сдать командование корпусом Гривин ответил также отказом.

По пути от Омска до Татарска была сделана социалистами попытка крушения поезда с золотом, но охрана оказалось надежной и не дала злоумышленникам расхитить государственную казну. Министр путей сообщения Устругов руководил эвакуацией, находясь все время на самых тяжелых участках. Главная трудность заключалась в том, что нехватало на все эшелоны паровозов. Поезда простаивали по нескольку суток на небольших станциях и разъездах, среди безлюдной сибирской степи, занесенной снегом, без воды, без пищи и без топлива, зачастую замерзая.

С каждым днем положение ухудшалось, так как число эвакуируемых эшелонов постепенно все возрастало; вскоре железнодорожный вопрос принял размеры катастрофы. Дело в том, что чехо-словаков, это главное воинство интервенции в Сибири, охватила паника, и они произвели в тылу страшное дело.

Расквартированы чехи были так: первая дивизия на участке Иркутск—Красноярск, вторая дивизия—в Томске, а третья занимала Красноярск и города западнее его,

до Новониколаевска. 5-я польская дивизия имела главную квартиру в Новониколаевске и располагалась на юг до Барнаула и Бийска. Поляки, благодаря своему доблестному начальнику дивизий полковнику Румше (бывшему русскому офицеру), решили драться против большевиков совместно с нашей армией и просили вывезти по железной дороге только их госпитали, семьи и имущество («интендантура»). Совсем иначе повели себя чехо-словацкие легионы.

Как испуганное стадо, при первых известиях о неудачах на фронте, бросились они на восток, чтобы удрать туда под прикрытием русской армии. Разнузданные солдаты их, доведенные чешским комитетом и представителями Антанты почти до степени большевизма, силой отбирали паровозы всех нечешских эшелонов; не останавливались ни перед чем.

В силу этого наиболее трудным участком железной дороги сделался узел станции Тайга, так как здесь выходила на магистраль Томская ветка, по которой теперь двигалась самая худшая из трех чешских дивизий—вторая. Ни один поезд не мог пройти восточнее ст. Тайга; на восток же от нее двигались бесконечной лентой чешские эшелоны, увозящие не только откормленных на русских хлебах наших же военнопленных, но и награбленное ими, под попокровительством Антанты, русское добро. Число чешских эшелонов было непомерно велико,—ведь на пятьдесят тысяч чехов было захвачено ими более двадцати тысяч русских вагонов.

Западнее станции Тайга образовалась железнодорожная пробка, которая с каждым днем увеличивалась. В то же время Красная армия, подбодренная успехами, продолжала наступление, а наши войска, сильно поредевшие и утомленные, не могли остановить большевиков. Отход белой армии продолжался в среднем по десяти верст в сутки.

Из эшелонов, стоявших западнее Новониколаевска, раздавались мольбы, а затем понеслись вопли о помощи, о присылке паровозов. Помимо риска попасть в лапы красных, вставала угроза смерти от мороза и голода. Завывала свирепая сибирская пурга, усиливая и без того крепкий мороз. На маленьких разъездах и на перегонах между станциями стояли десятки эшелонов с ранеными и больными, с женщинами, детьми и стариками. И не могли двинуть их вперед, не было даже возможности подать им хотя бы продовольствие и топливо. Положение становилось поистине трагическим: тысячи страдальцев русских, обреченных на смерть, а с другой стороны,—десятки тысяч здоровых откормленных чехов, стремящихся ценою жизни русских спасти свою шкуру.

Командир чешского корпуса Ян Сыровой уехал в Крас-

ноярск, их главнокомандующий, глава французской миссии, генерал-лейтенант Жанэн сидел уже в Иркутске; на все телеграммы с требованием прекратить преступные безобразия чешского воинства оба они отвечали, что бессильны остановить «стихийное» движение. Вскоре Ян Сыровой принял вдобавок недопустимо наглый тон в своих ответах, взваливая всю вину на русское правительство и командование, обвиняя их в «реакционности и недемократичности».

Невольно возникает мысль о том, что многое здесь не являлось одною лишь случайностью, а было преднамеренным преступлением. Как уже указывалось в главе 1-й, руководители чехо-словаков снюхались с самого начала с эсерами; они поддержали учредиловцев, бесславный Комуч, спасли от офицерского суда «селянского министра» Виктора Чернова и принесли много другого вреда России. Политический же чешский комитет провел большую работу также и в подпольной подготовке эсерами взрыва русского дела в Сибири. Есть полное основание предполагать, что все эти «доктора» Клофачи, Павлу, Гирсы, Благоши и др. являлись даже одними из заправил эсеровского комплота в нашем тылу. Поэтому та разруха и ломка транспорта, которую внесли стада чешских легионеров, были, надо думать, одним из действий, проведенных по программе эсеров, этих верных союзников-товарищей большевиков. По крайней мере факты говорят за то.

В эти дни ноября 1919 года наступило самое тяжелое время для русских людей и армии; все ее усилия и подвиги за весну, лето и осень 1919 года были сведены преступлениями тыла на-нет. Заколебались уже и самые основания здания, именовавшегося омским правительством. Выступила наружу тайная, темная сила, начали выходить из подполья деятели социалистического заговора. Сняли маски и те из них, которые до сей поры прикидывались друзьями России.

Среди последних оказались, кроме руководителей чехословацкого воинства, также в большинстве и представители наших «союзников». К концу ноября все это объединилось к востоку от Красноярска, образовало свой центр в Иркутске и начало переходить к открытым враждебным действиям, ожидая лишь удобного момента, чтобы ударить сзади и раздавить белое освободительное движение—совместно с большевиками, с их Красной армией, наступавшей с запада.

Мы были поставлены между двумя вражескими силами: с фронта большевики, с тыла родственные им эсеры со всей своей организацией, с чехо-словаками, с могучей поддержкой Антанты. И эта вторая опасность была значительно больше первой, она сильнее угрожала жизни Рос-

сии. Необходимо было все усилия обратить на ликвидацию эсеров, с корнем уничтожить заговор, образовавшийся в тылу.

В это время верховный правитель и штаб находились в Новониколаевске. Был намечен следующий план действий: армия будет медленно и планомерно, прикрывая эвакуацию, отходить в треугольник Томск-Тайга-Новониколаевск, где к середине декабря должны были сосредоточиться резервы; отсюда наша армия перейдет в наступление, чтобы сильным ударом отбросить силы большевиков на юг, отрезая их от железной дороги. В то же время предполагалось произвести основательную чистку тыла: секретными приказами был намечен одновременный арест и предание военно-полевому суду всех руководителей заговора в тылу, всех партийных эсеров в Томске, Красноярске, Иркутске и Владивостоке.

Были приняты резкие меры к привлечению всех здоровых офицеров и солдат в строй для усиления фронта, а также для создания в тылу надежных воинских частей.

Чехам и их главарю Сыровому было заявлено, что если они не перестанут мешаться в русские дела и своевольничать, то русское командование готово идти на все, включительно до применения вооруженной силы. Одновременно командующему забайкальским военным округом генералу атаману Семенову был послан шифрованной телеграммой приказ занять все тоннели на Кругобайкальской железной дороге; а в случае если чехи не изменят своего беспардонного отношения, не прекратят безобразий, будут также нагло рваться на восток и поддерживать эсеров,—то приказывалось один из этих тоннелей взорвать. На такую крайнюю меру верховный главнокомандующий пошел потому, что чаша терпения переполнилась: чехо-словацкие полки, пуская в ход оружие, продолжали отнимать все паровозы, задерживали все поезда; в своем стремлении удрать к Тихому океану они оставляли на страшные муки и смерть тысячи русских раненых, больных, женщин и детей. А Жанэн и Яп Сыровой занимались легким уговариванием этого бесславного воинства развращенных, откормленных чешских легионеров и на все требования русских властей отвечали уклончивыми канцелярскими отписками.

7. Восстание в городах.—Новый премьер-министр.

Теперь, зимою, в конце ноября, настало время, когда на фоне сибирской жизни ярко выступили те пятна, зашевелились те злые гнезда эсеровщины, которые подготовлялись весною и летом и были скрыты почти ото всех глаз.

Как волшебные тени, появились они вдруг, сразу. Сначала Владивосток, Иркутск, затем Красноярск и Томск. И то, что многим представлялось весною далекой злой опасностью, почти как несуществующий кошмар, стало выявляться наяву, вставать кровавым призраком новой гражданской войны в тылу.

Откуда был дан сигнал к восстаниям, пока покрыто неизвестностью. Но видимо из Иркутска, где к этому времени сосредоточилось все тыловое: совет министров, все иностранные миссии Антанты, политиканы чехо-словацкого национального комитета и их высшее командование, а также масса дельцов разных политических толков, от кадет и левее.

Первое восстание разразилось во Владивостоке. Гайда, герой былых побед и новых интриг, живший в отдельном вагоне, сформировал штаб, собрал банды чехов и русских портовых рабочих и 17 ноября поднял бунт, открытое вооруженное выступление. Сам Гайда появился в генеральской шинели без погон, призывая всех к оружию за новый лозунг: «Довольно гражданской войны. Хотим мира!»

Старое испытанное средство социалистов, примененное ими еще в 1917 году, перед позорным Брест-Литовским миром.

Но на другой же день около Гайды появились «товарищи», его оттерли на второй план, как лишь нужную им на время куклу; были выкинуты лозунги: «Вся власть Советам. Да здравствует Российская социалистическая федеративная советская республика!»

На третий день бунт был усмирен учебной инструкторской ротой, прибывшей с Русского Острова; банды рассеяны, а Гайда с его штабом арестован. Да и не представлялось трудным подавить это восстание, так как оно не встретило ни у кого поддержки, кроме чешского штаба да владивостокской американской миссии; народные массы Владивостока были поголовно против бунтовщиков.

Адмирал Колчак послал телеграмму-приказ: судить всех изменников военно-полевым судом, при чем в случае присуждения кого-либо из них к каторжным работам, верховный правитель в этой же телеграмме повышал наказание всем до расстрела.

К сожалению, командовавший тогда приморским округом генерал Розанов проявил излишнюю, непонятную мягкость, приказа не исполнил и донес, что еще до получения телеграммы он должен был передать Гайду и других с ним арестованных чехам,—вследствие требования союзных миссий.

Одновременно с Владивостоком зашевелился Иркутск. Там образовалась новая городская дума, в состав которой

вошло на три четверти «избранного племени»—все махровые партийные работники. На первом же заседании этот вновь испеченный синедрион, вместо того чтобы заниматься городскими делами, потребовал смены министров, назначения ответственного кабинета и заговорил о том же, что и Владивосток,—о прекращении гражданской войны.

Но после подавления владивостокского восстания иркутские дельцы стихли, снова спрятались в подполье. Командовавшему войсками генералу Артемьеву был послан приказ арестовать и предать военно-полевому суду всех эсеров и меньшевиков, членов этой «городской думы». Неизвестно по какой причине и этот приказ не был выполнен; впоследствии генерал Артемьев доносил, что преступники попрятались, а производить массовые обыски и аресты помешали опять-таки «союзные» миссии и чехи.

Совет министров проявил не только полную растерянность и бездеятельность, но во главе с социалистом Вологодским, этим «vieux drapeau», готов был чуть ли не подчиниться иркутской городской думе.

Верховный правитель тогда решил сменить Вологодского и назначил премьер-министром Пепеляева (Виктора), брата генерала, командовавшего 1-й Сибирской армией.

В связи с этими событиями и другими признаками созревшей в тылу измены было собрано в Новониколаевске, в вагоне адмирала, несколько совещаний. Искали лучшего плана, наиболее выполнимого и обеспеченного решения. Выхода намечалось два.

Первый—выполнение намеченной военной операции в районе Томск—Новониколаевск, предоставление чехо-словакам убраться из Сибири при условии фактического невмешательства в русские дела и сдачи русского казенного имущества, полное использование для этого Забайкалья и сил атамана Семенова при поддержке японцев; намеченная отправка золотого запаса в Читу под надежную охрану; затем планомерное, систематическое уничтожение эсеровской измены и подготовка в глубине Сибири сил для новой борьбы весной.

Второй—предоставить всю Сибирь самой себе: пусть испытает большевизм, переболеет им; пусть все «союзники» с их войсками, нашими бывшими военнопленными, тоже попробуют прелестей большевизма и уберутся из Сибири. Верховный правитель с армией уходит из Новониколаевска на юг, на Барнаул-Бийск, в богатый Алтайский край, где соединяется с отрядами атаманов Дутова и Анненкова и, базируясь на Китай и Монголию, выжидает следующей весны—для продолжения борьбы, для ее победного конца.

Адмирал Колчак отверг второй план совершенно и оста-

новился на первом; но он категорически отказался отправить золото в Читу. Сказалась отрыжка прошлой ссоры, проявилось недоверие.

Было принято в конце решение, что адмирал, а с ним и золотой запас останутся непосредственно при армии, не отделяясь от нее далеко. К несчастью, и это решение не было выдержано до конца, что и привело, как будет видно ниже, к самой трагической развязке.

Для более правильного и успешного проведения принятого плана, ввиду полной нежизненности бюрократической машины так называемых министерств, был обнародован верховным правителем указ, которым выше совета министров ставилось верховное совещание, составленное под председательством верховного правителя из главнокомандующего, его помощников и трех министров—премьера, внутренних дел и финансов. Этим актом министерства должны были свестись на простые исполнительные канцелярии, при чем предполагалось сильно сократить их штаты.

Все это время я со своим штабом был занят разработкой и подготовкой новой операции, при чем сосредоточение и выполнение ее было намечено на середину декабря.

Чтобы легче парализовать политические интриги генерала Пепеляева и его ближайших помощников, был заготовлен приказ о превращении 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус со включением его во 2-ю армию генерала Войцеховского.

Придя к этим решениям и начав их осуществление, верховный правитель отдал приказание переместить его эшелоны и мой штаб в Красноярск.

8. Борьба за власть в командном составе армии.

8 декабря вечером поезд моего штаба после долгих задержек пришел на станцию Тайга, где с утра уже находились все пять литерных эшелонов верховного правителя. У семафора стоял броневой поезд 1-й Сибирской армии, к самой станции была стянута егерская бригада этой же армии, личный конвой генерала Пепеляева и одна батарея. В вагоне адмирала находились целый день оба брата Пепеляевы,—генерал, приехавший из Томска, и премьер-министр—из Иркутска.

Когда я пришел к верховному правителю с докладом всех подготовленных распоряжений по выполнению принятого плана, то нашел его крайне подавленным. Пепеляевы сидели за столом по сторонам адмирала. Это были два крепко сшитых, но плохо скроенных, плотных сибиряка; лица у обоих выражали смущение, глаза опущены вниз—

сразу почувствовалось, что перед моим приходом велись какие-то неприятные разговоры. Поздоровавшись, я попросил у адмирала разрешения сделать доклад без посторонних; Пепеляевы насупились еще больше, но сразу же ушли. Верховный правитель внимательно, как всегда, выслушал доклад о всех принятых мерах и начал подписывать заготовленные приказы и телеграммы; последним был приказ реорганизации 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус.

Адмирал поморщился и начал уговаривать меня отложить эту меру, так как она может-де вызвать большое неудовольствие, даже волнения, а то и открытое выступление.

— Вот,—добавил он,—и то мне Пепеляевы уже говорили, что Сибирская армия в сильнейшей ажитации, и они не могут гарантировать, что меня и вас не арестуют.

— Какая же это армия и какой же это командующий генерал, если он мог дойти до мысли говорить даже так и допустил до такого состояния свою армию. Тем более необходимо сократить его. И лучший путь—превратить в неотдельный корпус и подчинить Войцеховскому.

Верховный правитель не соглашался. Тогда я поставил вопрос иначе и спросил, находит ли он возможным так ограничивать права главнокомандующего, не лишает ли он этим меня возможности осуществить тот план, который мною составлен, а адмиралом одобрен.

— А я не могу допустить генерала, который хотя и в скрытой форме, но грозит арестом верховному правителю и главнокомандующему, который развратил вверенные ему войска,—докладывал я,—иначе я не могу оставаться главнокомандующим.

Все это сильно меня переволновало, что, очевидно, было очень заметно, так как адмирал Колчак стал очень мягко уговаривать пойти на компромисс; здесь он, между прочим, сказал, что оба Пепеляевы и так уже выставляли ему требование сменить меня, а назначить главнокомандующим опять генерала Дитерихса.

Я считал совершенно ненормальным и вредным подобное положение и доложил окончательно, что компромисса быть не может.

— Хорошо,—согласился адмирал,—только я предварительно утверждения этого приказа хочу обсудить его с Пепеляевыми. Это мое условие.

Через несколько минут оба брата были позваны адъютантом, и две массивные фигуры вошли, тяжело ступая, в салон-вагон.

Приказ о переформировании 1-й Сибирской армии в неотдельный корпус произвел ошеломляющее впечатление.

Сначала Пепеляевы видимо растерялись, но затем генерал оправился и заговорил повышенным, срывающимся в тонкий крик, голосом:

— Это невозможно, моя армия этого не допустит...

— Позвольте,—перебил я,—какая же это, с позволения сказать, армия, если она способна подумать о неисполнении приказа. То вы докладывали, что ваша армия взбунтуется, если ее заставят драться под Омском, теперь—новое дело.

— Думайте, что говорите, генерал Пепеляев,—обратился к нему резким тоном, перебив меня, адмирал.—Я призвал вас, чтобы объявить этот приказ и заранее устранить все недоговоренное,—главнокомандующий считает, что эта перемена вызывается жизненными требованиями, необходимыми для успеха плана, и без этого не может нести ответственности. Я нахожу, что он прав.

Министр Пепеляев сидел, навалившись своей тучной фигурой на стол, насупившись, тяжело дышал, с легким даже сопеньем, и нервно перебирал короткими пальцами пухлых рук. Сквозь стекла очков просвечивали его мутные маленькие глаза, без яркого блеска, без выражения ясной мысли; за этой мутью чувствовалось, что глубоко в мозгу сидит какая-то задняя мысль—засела так, что ее не вышибить ничем: ни доводами, ни логикой, ни самой силой жизни. После некоторого молчания, министр Пепеляев начал говорить, медленно и тягуче, словно тяжело ворочая языком. Сущность его запутанной речи сводилась к тому, что он считает совершенно недопустимым такое отношение к 1-й Сибирской армии, что и так слишком много забрал власти главнокомандующий, что общественность вся недовольна за ее гонение...

— Так точно,—пробасил А. Пепеляев-генерал,—и моя армия считает, что главнокомандующий идет против общественности и преследует ее...

— Что вы подразумеваете под общественностью?—спросил я его.

— Ну вот, хотя бы земство, кооперативы, Закупсбыт, Центросоюз да и другие.

— То-есть вы хотите сказать—эсеровские организации. Да, я считаю их вредными, врагами русского дела.

— Позвольте, это подлежит ведению министра внутренних дел,—обратился ко мне, глядя поверх очков, министр.

— Разрешите, ваше высокопревосходительство, снова выразить мне,—заговорил он, грузно повернувшись на стуле к верховному правителю,—то, что уже докладывал: вся общественность требует ухода с поста генерала Сахарова

и замены его снова генералом Дитерихсом, а я, как ваш министр-председатель, поддерживаю это...

— Что вы скажете на это? —тихо спросил меня адмирал.

Я ответил, что не могу позволить, чтобы кто-либо, даже премьер-министр, вмешивался в дела армии, что не допустима сама мысль о каких-либо давлениях со стороны так называемой общественности; вопрос же назначения главнокомандующего—дело исключительно верховного правителя, его выбора и доверия.

— Тогда, ваше высокопревосходительство, освободите меня от обязанности министра-председателя. Я не могу оставаться при этих условиях,—тяжело, с расстановкой, но резко проговорил старший Пепеляев.

Верховный правитель вспыхнул. Готова была произойти одна из тех гневных сцен, когда голос его гремел, усиливаясь до крика, и раздражение переходило границы; в такие минуты министры его не знали, куда деваться, и делались маленькими-маленькими, как провинившиеся школьники. Но через мгновение адмирал переборол себя. Лицо потемнело, потухли глаза, и он устало опустился на спинку дивана.

Прошло несколько минут тягостного молчания, после которого верховный правитель отпустил нас всех.

— Идите, господа,—сказал он утомленным и тихим голосом,—я подумаю и приму решение. Ваше превосходительство,—обратился он, некоторой даже лаской смягчив голос,—этот приказ подождите отдавать, о переформировании 1-й Сибирской армии, а остальные можно выпустить.

Через несколько часов было получено известие о вооруженном выступлении частей Сибирской армии в Новониколаевске. Там собралось губернское земское собрание фабрикации периода керенщины, состоявшее поэтому тоже из эсеров; вызвали они полковника Ивакина и совместно с ним выпустили воззвание о переходе полноты всей государственной власти к земству и о необходимости кончить гражданскую войну.

Ивакин, не объяснив дела полкам, вывел их на улицу и отправился на вокзал арестовывать командующего 2-й армией генерала Войцеховского. Оцепили его поезд и готовились произвести самый арест, но в это время к станции подошел, узнавши о беспорядках, полк 5-й польской дивизии под командой ее начальника полковника Румши и предъявил требование прекратить эту авантюру, под угрозой открытия огня. Тогда Ивакин, положив оружие, сдался. Офицеры и солдаты его полков, как оказалось, действительно, не знали, на какое дело их ведет Ивакин; большинство из них думало, что он действует по приказу верхов-

ного правителя. Полковник Ивакин был арестован и предан военно-полевому суду.

На станции Тайга шли почти всю ночь переговоры из-за этого инцидента. Генералом Пепеляевым была выдвинута снова угроза бунта его армии, если Ивакин не будет освобожден, при чем весь этот новониколаевский случай выставлялся им как самочинное действие войск. Через день полковник Ивакин пытался бежать из-под караула и был убит часовым. Ни одна часть 1-й Сибирской армии и не подумала выступать.

Адмирал Колчак обратился по прямому проводу к генералу Дитерихсу с предложением снова принять пост главнокомандующего. Ночью же верховный правитель передал мне, что Дитерихс поставил какие-то невозможные условия, почему он не находит допустимым дальнейшие разговоры с ним.

Затем той же ночью эшелоны верховного правителя были переведены на следующую станцию, чтобы не загромождать, как было сказано, путей станции Тайга. На утро был назначен отход и моего поезда.

9 декабря (по старому стилю 26 ноября), как раз в праздник ордена св. великомученика Георгия, который императорская Россия привыкла так чтить и отмечать в этот день славу своей армии, я был арестован Пепеляевыми на станции Тайга.

Сначала Пепеляевы хотели везти меня в Томск, в свою штаб-квартиру, но потом оставили на ст. Тайга, под самым строгим наблюдением, которое продолжалось до самого приезда генерала Каппеля (назначенного временным главнокомандующим), до вечера следующего дня.

Для него все происшедшее явилось полной неожиданностью. Каппель начал сейчас же переговоры с Пепеляевыми, затем по прямому проводу с верховным правителем, прилагая все усилия, чтобы разъяснить запутавшееся положение. Первая просьба генерала Каппеля к адмиралу Колчаку была—оставить все без ломки, попрежнему: меня главнокомандующим, а ему вернуться на свой пост в 3-ю армию. Я просил настойчиво и определенно вернуть меня на чисто строевую должность к моим войскам, также в 3-ю армию. Адмирал в это время был уже в Красноярске, откуда, за расстоянием, все переговоры сильно затруднялись и заняли несколько дней. А в это время армия оставалась без управления, у заговорщиков оказались развязанными руки, и эсеровский план взрыва в тылу, сорванный было нами во-время, стал снова проводиться ими в жизнь.

Как скоро стало известно, верховный правитель пошел на уступки братьям Пепеляевым и обратился к генералу

Дитерихсу с предложением снова вступить в главнокомандование восточным фронтом; и получил ответ по прямому проводу,—что Дитерихс согласен на одном только условии, чтобы адмирал Колчак выехал немедленно из пределов Сибири за границу. Это вызвало страшное возмущение адмирала, да и Пепеляевы, сконфуженные таким афронтом, более не настаивали.

Но начатая ими по скрытой указке социалистов-революционеров гнусная интрига стала разворачиваться с быстротою и силой, остановить которые было совершенно невозможно.

В Красноярске стоял 1-й Сибирский корпус под командой генерала Зиневича, который все время действовал по директивам и приказам своего командующего, генерала А. Пепеляева. Зиневич, выждав время, когда пять литерных поездов адмирала проехали на восток, за Красноярск, оторвались от действующей армии, произвел предательское выступление... Он послал, как это повелось у социалистов с первых дней несчастия русского народа—революции,—«всем, всем, всем...» телеграмму с явным вызовом; там Зиневич писал, что он, сам сын «рабочего и крестьянина» (тогда это осталось невыясненным, как этот почтенный деятель мог быть одновременно сыном двух папаш), «понял, что адмирал Колчак и его правительство идут путем контр-революции и черной реакции». Поэтому Зиневич обращается к «гражданской совести» адмирала Колчака, «убеждает его отказаться от власти и передать ее народным избранникам—членам Учредительного Собрания и самоуправлений городских и земских» (нового, послереволюционного, выбора, т.-е. тем же эсерам). В подкрепление своего убеждения генерал Зиневич заявил в той же прокламации, что он отныне порывает присягу и более не подчиняется верховному правителю. Этой изменой командира корпуса генерала Зиневича верховный правитель совершенно отрывался от армии, был лишен возможности опереться на нее и оказывался почти беззащитным среди всех враждебных сил. С другой стороны, и действующая армия ставилась красноярским мятежом в невозможно тяжелое положение, теряя связь с базой и всеми органами снабжения.

Что это было—бесконечная ли глупость с позывом к бонапартизму или предательство, продажное действо? Видимо и то и другое понемногу: у Пепеляева бонапартизм, у Зиневича глупость, смешанная с предательством. Вскоре обнаружилось, что за спиной Зиневича стояла шайка социалистов-революционеров с Колосовым во главе.

9. Арест Колчака.

Предательство, подготовленное эсерами, этим отребьем человеческого рода, созрело, и дидно дело было совершено.

Тыл забурлил. Наполненный до насыщения разнузданными и развращенными чехо-словацкими «легионерами», сбитый с толку преступной пропагандой социалистов, неполучающий, вследствие разрухи министерских аппаратов, правильного освещения событий,—тыл считал, что все дело борьбы против красных потеряно, пропало; это впечатление усиливалось еще и тем, как поспешно неслись на восток в своих отличных поездах «иностранцы-союзники». И английский генерал Нокс со своим большим штатом офицеров, и предатель Жанэн, глава французской миссии, главнокомандующий русскими военнопленными, американцы и разных стран, наций и наречий высокие комиссары при российском правительстве, железнодорожные и другие комиссии,—все рвалось на восток, к Тихому океану.

Их поезда проскакивали через массу чехо-словацкого воинства, которое ползло туда же, на восток, руководимое одним животным желанием: спасти от опасности свои разжиревшие от сытого безделья тела и вывезти награбленное в России добро!

Но и всего этого оказалось мало. Это было лишь начало выполнения проводимого социалистами плана; руководителям интернационала нужно было покончить с белой армией и ее вождем, верховным правителем.

Когда пять литерных эшелонов, один из которых был полон золотом, подошли к Нижнеудинску, они оказались окруженными чешскими ротами и пулеметами. Небольшой конвой адмирала приготовился к бою. Но верховный правитель запретил предпринимать что-либо до окончания переговоров. Он хотел лично говорить с французским генералом Жанэном.

Напрасно добивались этого рыцаря современной Франции к прямому проводу весь вечер и всю ночь; ему было некогда, он стремился из Иркутска дальше на восток. Но, без сомнения, причина этого наглого отказа была другая: все эти радетели русского счастья считали теперь свою роль оконченной, игру доведенной до конца; они, тайно поддерживавшие все время социалистов, теперь вошли с ними в самое тесное содружество и помогали им уже в открытую, чтобы разыграть последний акт драмы—предательство армии и ее вождя.

Представитель Великобритании, генерал Нокс со своими помощниками был уже в это время во Владивостоке. Жа-

нэн спешил за ним и, рассыпаясь в учтивостях, послал ряд телеграмм, что он умоляет адмирала Колчака—для его же благополучия—подчиниться неизбежности и отдаться под охрану чехов; иначе он, Жанэн, ни за что не отвечает. Как последний аргумент, в телеграмме Жанэна была приведена тонкая и лживая мысль-обещание: адмирал Колчак будет охраняться чехами под гарантией пяти великих держав. В знак чего на окна вагона—единственного, куда был переведен адмирал с его ближайшей свитой,—Жанэн приказал навесить флаги великобританский, японский, американский, чешский (?!) и французский.

Конвой верховного правителя был распущен. Охрану несли теперь чехи. Но, понятно, это была не почетная охрана вождя, а унизительный караул пленника.

Боевая армия находилась теперь еще дальше, корпуса ее только были направлены к занятому мятежниками Красноярску, никаких определенных известий о том, в каком состоянии армия, каких она сил, что делает,—не было; кажется, руководители тылового интернационала, представители Антанты и заправилы-социалисты считали, что армии уже не существует.

В тылу, в Иркутске и Владивостоке, эсеры, вновь выползшие теперь из подполья, как крысы из нор, захватили власть в свои руки.

Только в Забайкалье была сохранена русская национальная сила. Но когда атаман Семенов двинул свои части на запад, чтобы занять Иркутск и выгнать оттуда захватчиков власти—эсеров (среди которых опять три четверти были из племени обрезанных), то в тыл русским войскам выступили чехо-словаки, поддержанные 30-м американским полком, и разоружили семеновские отряды. Вследствие этого части иркутского гарнизона, оставшиеся верными до конца, не могли одни справиться с чехами и большевиками; под командой генерала Сычева они отступили в Забайкалье, когда выяснилось, что оттуда помощь притти не может.

Поезд с вагоном адмирала Колчака и золотой эшелон медленно подвигались на восток. На станции Черемхово, где большие каменноугольные копи, была сделана первая попытка овладеть обеими этими ценностями. Чешскому коменданту удалось уладить инцидент, пойдя на компромисс и допустив к участию в охране красную армию из рабочих.

Когда подъезжали к Иркутску, тот же чешский комендант предупредил некоторых офицеров из свиты адмирала, чтоб они уходили, так как дело безнадежно. По словам сопровождавших адмирала лиц, чувствовалось, что нависло что-то страшное, молчаливое и темное, как гнусное преступление. Верховный правитель, увидав на путях япон-

ский эшелон, послал туда с запиской своего адъютанта, старшего лейтенанта Трубчанинова, но чехи задержали его и вернули в вагон.

Японцы не предпринимали ничего, так как верили—это я слышал спустя полгода в Японии—заявлению французского генерала Жанэна, что охрана чехов надежная, и адмирал Колчак будет в безопасности ,вывезен на восток.

Поезд с адмиралом был поставлен в Иркутске на задний тупик, и в вагон к верховному правителю вошел чех-комендант:

— Приготовьтесь. Сейчас вы, г-н адмирал, будете переданы местным русским властям,—отрапортовал он.

— Почему?

— Местные русские власти ставят выдачу вас условием пропуска всех чешских эшелонов за Иркутск. Я получил приказ от нашего главнокомандующего генерала Сырового.

— Но как же, мне генерал Жанэн гарантировал безопасность. А эти флаги?! —показал адмирал Колчак на молча и убого висевшие флаги—великобританский, японский, американский, чешский и французский.

Чех-комендант потупил глаза и молча в ответ развел руками.

— Значит, союзники меня предали!—вырвалось у адмирала.

Через минуту в вагон вошли представители социалистической думы Иркутска в сопровождении конвоя из своих революционных войск.

Верховный правитель был им передан чехами; в сопровождении нескольких адъютантов адмирала Колчака повели пешком через Ангару в городскую тюрьму. С ним же вели туда и премьер-министра В. Пепеляева, который так все время ратовал за эту общественность и своими руками рубил дерево, на котором сидел.

Узнав об аресте верховного правителя, правильнее,— о предательстве, японское командование, располагавшее в Иркутске всего лишь несколькими ротами, обратилось с протестом и предъявило требование об освобождении адмирала Колчака. Но его голос остался одиноким—ни Великобритания, ни Соединенные Штаты, ни Италия не поддержали японцев; силы их здесь были слишком малы, и они, не получив удовлетворения, ушли из Иркутска.

Социалистическая дума города Иркутска торжественно объявила, что она берет на себя всю полноту государственной российской власти и назначает чрезвычайную следственную комиссию для расследования преступлений верховного правителя адмирала Колчака и его премьер-министра В. Пе-

пеляева, виновных «в преследовании демократии и в потоках пролитой крови».

В это же время, опасаясь русской армии, эта кучка инородцев-интернационалистов начала спешно фабриковать свою революционную армию. Во главе был поставлен штабс-капитан Калашников, партийный эсер, бывший долго в штабе Сибирской армии Гайды. Товарищ Калашников поспешил отдать ряд громких приказов об отмене погон, титулования, о введении обращения «гражданин полковник, гражданин капитан...» и начал собирать силы, чтобы ударить с востока по нашей боевой армии.

10. Гражданская война кончена.

От задуманного плана дать большевистской армии генеральное сражение на линии Томск-Тайга пришлось отказаться, так как 1-я Сибирская армия Пепеляева почти целиком снималась со счета. Части ее, находившиеся в Томске, теперь, с приближением красных, выступили против белых в открытую по приказу своих новых вождей с лозунгом: «Долой междоусобную войну!» Новыми вождями явились те же подпольные комитеты эсеров с присоединившимися к ним старшими офицерами сорта А. Пепеляева, генерала Зиневича, полковника Иважина. Строевое офицерство и солдаты в большинстве были обмануты и шли за новым лозунгом, потому что не видели другого выхода. Но те части 1-й Сибирской армии, которые присоединились к боевому фронту, вошли в него в районе Барнаул-Новониколаевск, остались до конца верными долгу.

Когда фронт нашей армии приблизился к Томску, то там произошло вооруженное выступление частей 1-й Сибирской армии с арестом и убийством лучших офицеров, с передачей на сторону красных. Сам командарм (как его называли) Пепеляев принужден был одиночным порядком в троечных санях скрытно пробираться из Томска на восток.

В то же время в Красноярске его достойный помощник, командир 1-го Сибирского корпуса генерал Зиневич все атаковал по прямому проводу штаб главнокомандующего, добиваясь определенного ответа, какого курса будет держаться армия и согласна ли она подчиниться новой власти, присоединиться к ним для прекращения войны. Под конец Зиневич в компании со своим политическим руководителем эсером Колосовым взял угрожающий тон, заявляя, что если белая армия не присоединится к ним, то весь красноярский гарнизон выступит против нее с оружием в руках и не пропустит на восток.

Прямого ответа Зиневичу не давали, чтобы выиграть время. В то же время спешно стягивали к Красноярску части 2-й и 3-й армий, имея целью с боем занять город и рассеять бунтовщиков. Части наши двигались ускоренными маршами через первую густую тайгу Сибири, по непролазным, глубоким снегам, совершая труднейшие в военной истории марши, теряя много конского состава и оставляя ежедневно часть обоза и артиллерии. От какой-либо обороны и задержки большевистской Красной армии, наступавшей с запада по пятам за нами, пришлось отказаться совершенно. Необходимо было спешить вовсю к Красноярску: там силы бунтовщиков увеличивались с каждым днем, были получены сведения, что и Щетинкин с одиннадцатью полками спускается вниз по Енисею из Минусинска, на поддержку Зиневичу.

В это время генерал Зиневич начал уже переговоры с большевистской Красной армией, через голову боевого фронта, использовав один неиспорченный железнодорожный провод. Зиневич вел переговоры с командиром бригады 35-й советской дивизии Грязновым, предлагая последнему свою помощь против белой армии. Большевик, как и всегда, оказался цельнее эсера; всякое сотрудничество он отверг и потребовал сдачи оружия при подходе советской армии к Красноярску. Тогда генерал Зиневич стал выговаривать «почетные» условия сдачи.

Особенно трудно было двигаться 3-й армии, которая имела район к югу от железнодорожной магистрали с крайне скудными дорогами, по местности гористой и сплошь заросшей девственной тайгой. По той же причине была потеряна связь со штабом 3-й армии.

Штаб главнокомандующего выжидал приближения корпусов в своем эшелоне, медленно продвигаясь на восток, простаивая по нескольку суток на каждой большой станции. В Ачинске на второй день нашего пребывания, около полудня, как раз когда к вокзалу подошел поезд одной из частей 1-й Сибирской армии, раздался около штабного эшелона оглушительный взрыв.

Был ясный морозный день. Солнце бросало с нежно-голубого холодного неба свой золотой свет, как гордую улыбку—без тепла. Мороз доходил до остервенения. По обе стороны яркого солнца стояли два радужных столба, поднимаясь высоко в небо и растворяясь там в вечном эфире.

Я вернулся из города Ачинска, куда ездил купить кошеву для предстоящего похода—присоединения к 3-й армии. Только вошел в свой вагон, не успел еще снять полушубок, как раздался страшный по силе звука удар. Задрожал и закачался вагон, а из окон посыпались разбитые стекла.

Схватив винтовку, которая всегда висела над моей койкой, я выбежал из вагона. На платформе у вокзала было смятение. Ничком лежало несколько убитых, и их теплые тела еще содрогались последними конвульсиями. Бежали женщины с окровавленными лицами и руками; солдаты пронесли раненого, в котором я узнал моего кучера, только-что вернувшегося со мной. В середине штабного эшелона горели вагоны, бросая вверх огромные, жадные языки ярко-красного пламени...

Через два дня, взяв всех раненых, наш эшелон двинулся дальше и вечером 3 января 1920 года подошел на станцию Минино, последняя остановка перед Красноярском. Здесь мы узнали, что в городе произошло «углубление» новой революции, что фактическими господами сделались большевики, что печальный герой генерал Зиневич, «сын рабочего и крестьянина», арестован и посажен в тюрьму. Чем-то не угодил!

Было решено брать Красноярск с боем на следующий день с утра. Действиями должен был руководить командующей 2-й армией генерал Войцеховский. Сначала все шло успешно. Наши части повели наступление на железнодорожную станцию, ворвались в нее, но вдруг неожиданно появился броневой поезд с красным флагом. Наши передовые роты повернули и начали отходить. Это подбодрило красных, которые перешли в контр-атаку. Наступление не удалось и было отложено.

На следующий день подтягивались новые части 2-й армии; удалось войти в связь и с 3-й армией, выход которой к Красноярску ожидался через сутки. Штаб главнокомандующего решил выйти из поезда, перейти из вагонов на сани. Жалко, что это было сделано так поздно. Во-первых, такой переход никогда не удается гладко сразу, всегда требуется три-четыре дня, чтобы все утряслось, чтобы заполнить все недочеты, во-вторых, служба связи и штабная ведется из походной колонны совершенно иначе, к чему надо также приспособиться, в-третьих, необходимо время, чтобы втянуть силы людей и особенно лошадей.

Разместившись на санях, неумело, еще не по-походному, с массой лишних вещей, под охраной екатеринбургской учебной инструкторской школы полковника Ярцова,—двинулся штаб главнокомандующего походным порядком. К вечеру пришли и остановились на ночлег в дер. Минино, северо-западнее города Красноярска.

Ночью в эту же деревню приехал генерал Войцеховский; составился военный совет. В результате мнение командующего 2-й армией восторжествовало, и генерал Каппель отдал приказ армиям двигаться дальше на восток

в обход Красноярска; города решили не брать, так как гарнизон его усилился, подошел со своими полками с юга Щетинкин; виделась такая угроза: если новая попытка взять Красноярск не увенчается успехом, белые войска попадут в положение безвыходное, между наседавшими с запада красными и бандами Красноярска. Решено было обходить город с севера.

6 января на рассвете наша небольшая колонна начала вытягиваться на дорогу, которая ведет из Минина на село Есаульское, переправу через Енисей. Дело в том, что, хотя стояла зима, все же необходимо было двигаться только на переправы: на север от Красноярска по обоим берегам реки тянутся высокие горы, несколькими грядами идут они, представляя серьезные преграды; часто попадаются между ними глубокие овраги; берега Енисея также очень крутые и обрывистые, в большинстве недоступные коннице и обозам.

В морозном тумане зимнего утра медленно подвигались длинные вереницы саней. Долгие, почти бесконечные остановки—в одну колонну вливались новые подходящие обозы. Теперь вместе со штабом шли части 2-го Уфимского корпуса, 4-я и 8-я стрелковые дивизии и 2-я кавалерийская.

Дорога чем дальше, тем делалась все труднее. Лошадям тяжело было ступать и тащить сани по размолотому, перемешанному с землей, сухому снегу. Частые, неопределенные по времени остановки утомляли еще больше. Сознание у людей как-то притуплялось и от мороза и от этих остановок, от полной неопределенности впереди... и от неуклюжих сибирских зимних одежд, в которых человек представляет собой беспомощный обрубок.

Туманное предрассветное утро перешло незаметно в серый зимний день. Около десяти часов снова остановка. По колонне передается приказание обозу остановиться на привал, а школе Ярцова и 4-й дивизии итти вперед.

Оказалось, что все дороги к северу от Красноярска были заняты сильными отрядами красных. Завязались бои. Выбили наши красных из одной деревни, в это время начинается пулеметный обстрел со следующей гряды гор. Надвигались в то же время и отряды противника с запада. Большевистская артиллерия, выдвинутая из Красноярска, начала обстреливать наши колонны с юга. Враг оказался всюду, каждая дорога была преграждена в нескольких местах. Шел не бой, не правильное сражение, как это бывало на фронте, а какая-то сумбурная сумятица,—противник был всюду, появлялся в самых неожиданных местах.

Армия, представлявшая огромные санные обозы,—так как пехота вся к этому времени ехала в санях,—заметалась. Тучи саней неслись с гор обратно на запад, попадали здесь

под обстрел большевиков и поворачивали снова, кто на север, кто на восток, кто на юг, к Красноярску.

Большевики и мятежные войска из Краснюярска высылали к нашим колоннам делегатов с предложением класть оружие, так как «гражданская война-де кончена». Нашлись среди белых легкомысленные части, которые поверили этому, не сообразили, почему же сами красные не кладут оружия...и сдались. Тогда комиссары стали высылать навстречу нашим новым колоннам этих сдавшихся белых солдат; толпами выходили они с криком:

«Война кончена, нет больше нашей армии! Кладите оружие!» Многие клали. Два оренбургских казачьих полка сдали винтовки, пулеметы, шашки и пики; после этого вышел комиссар к безоружным полкам с такими словами:

— Ну, а теперь можете убираться за Байкал, к Семенову,—нам не нужно таких нагаечников...

Зачесали казаки в затылках; их манила другая перспектива—вернуться в свои станицы, к своим семьям, хозяйству, двинуться из Красноярска на запад. Пришлось же снова поворачивать на восток. И опять обманутые социалистами, шли казаки дальше тысячи верст на своих маштачках безоружные.

Но далеко не все попадались на удочку. Многие части дрались. Целый день продолжались бессистемные беспорядочные стычки вокруг Красноярска. Дробь пулеметной и ружейной стрельбы трещала во всех направлениях. На пространстве десятков верст творилось нечто невообразимое, небывалое в военной истории.

Дневник [1]).

1919 год.

29 апреля. Прибыл в Омск; в ставке невероятная толчея, свойственная неналаженному учреждению; в работе не видно системы и порядка; старшие должности заняты молодежью, очень старательной, но не имеющей ни профессиональных знаний, ни служебного опыта, но зато очень гоноровой и обидчивой. На один такт верный приходится девять неверных или поспешных; все думают, что юношеский задор и решительность достаточны, чтобы двигать крайне сложную и деликатную машину центрального управления.

30 апреля. По просьбе адмирала [Колчака, «верховного правителя»] рассказал ему свои впечатления о харбинской и владивостокской военной, политической и общественной жизни; высказал свое credo [символ веры], что атаман и атаманщина, — это — самые опасные подводные камни на нашем пути к восстановлению государственности, и что необходимо напрячь все силы, но добиться того, чтобы или заставить атаманов перейти на законное положение и искренно лечь на курс общей государственной работы, или сломать их беспощадно, не останавливаясь ни перед чем.

Адмирал ответил, что он давно уже начал эту борьбу, но он бессилен что-либо сделать с Семеновым, ибо последнего поддерживают японцы, а союзники решительно отказались вмешаться в это дело и помочь адмиралу; при этом Колчак подчеркнул, что за Семенова заступаются не только японские военные представители, но и японское правительство.

Боюсь, что по этой части адмирала обманывают его докладчики, а особенно Иванов-Ринов и другие спасители

---

[1]) Первая часть дневника Будберга, посвященная пребыванию автора в Харбине в 1918 г., помещена в III томе серии („Начало гражданской войны". Госиздат. М. 1926 г.). Здесь мы помещаем последнюю часть „Дневника", посвященную участию автора в колчаковском правительстве в 1919 г. *Сост.*

Семенова; общее впечатление моих дальневосточных впечатлений, что дальневосточную атаманщину поддерживают определенные лица японской военной партии и делают это ловко, придавая всему вид тайной правительственной поддержки.

Адмирал сообщил, что только что получил от Иванова-Ринова две листовых телеграммы о том, что все спасение Дальнего Востока—в назначении Семенова командующим дальневосточной армией; очевидно, читинские финтимы так вскружили голову бывшей полицейской ярыжке, что он возомнил, что в союзе с Семеновым ему легко будет забраться и повыше второго места на Дальнем Востоке.

Я вновь доложил адмиралу свое убеждение в необходимости раз навсегда разрешить атаманский вопрос и высказал свой взгляд, что единственным исходом будет официальное обращение ко всем союзникам с протестом против поведения Японии, поддерживающей явного бунтовщика, не признающего власти омского правительства, подрывающего ее авторитет и насаждающего своими насилиями и безобразиями ненависть к правительству и сочувствие к большевикам. Раз союзники заявляют, что не желают вмешиваться в наши внутренние дела, то зачем же они допускают японцев поддерживать антиправительственную организацию и вмешиваться в отношения адмирала к взбунтовавшемуся и забывшемуся подчиненному?

Если же это не поможет, то самому адмиралу надо принять командование над отрядом и итти на Читу; пусть японцы устраивают всесветный скандал и разоружают самого верховного главнокомандующего. Читинский нарыв надо ликвидировать, иначе он все сгноит и задушит.

Радикальность предлагаемых мной мер смутила даже адмирала, и он перешел на отчаянное положение дела снабжений армии.

2 мая. Читал пространное донесение полевого контроля при отряде атамана Анненкова, работающего к югу от Семипалатинска на границах Семиречья; порядки те же, что и у нас в Приамурье; те же беззакония, тот же произвол, то же нежелание перейти на легальные условия существования и хозяйства.

На запрос контроля об оплате произведенных реквизиций, Анненков ответил: «я реквизирую, а кто будет платить—не мое дело».

К делу поставок в этом отряде примазались разные проходимцы и мошенники, выгнанные со службы и судимые за подлоги и растраты; всюду для грязных операций нужны грязные люди.

Вернулся с фронта начальник штаба верховного главно-

командующего генерал Лебедев, выдвинутый ноябрьским переворотом на эту исключительно важную должность. Что побудило адмирала взять себе в помощники этого случайного юнца, без всякого стажа и опыта? Одни говорят, что таково было желание устроителей переворота; другие объясняют это желанием адмирала подчеркнуть связь с Деникиным, который прислал сюда Лебедева для связи.

Впечатление от первой встречи с наштаверхом неважное: чересчур он надут и категоричен, и по этой части очень напоминает всех революционных вундеркиндов, знающих, как пишется, но не знающих, как выговаривается.

Из ознакомления с донесениями с фронта убедился, что дела там совсем неважны и что оптимизм ставки ни на чем не основан. Достаточно разобраться по карте и проследить последние события, чтобы убедиться, что наше наступление уже захлебнулось и подкрепить его уже нечем. Здесь этого не хотят понять и злятся, когда это говоришь: слишком все честолюбивы, жаждут успехов и ими избалованы.

В районе Бугуруслана нас прорвали в очень опасном месте; этот прорыв уже третьего дня намечался группировкой красных войск и их передвижениями, и мало-мальски грамотный штаб, конечно, в этом разобрался бы и принял бы необходимые меры. У нас же этого не расчухали или прозевали, или не сумели распорядиться. Сейчас зато злятся, ищут виновных и рассылают обидные цуки.

Я считаю положение очень тревожным; для меня ясно, что войска вымотались и растрепались за время непрерывного наступления—полета к Волге, потеряли устойчивость и способность упорного сопротивления (вообще очень слабую в импровизированных войсках). При таких обстоятельствах обозначавшийся уже на левом фланге переход красных к активным действиям очень неприятен, так как готовых и боеспособных резервов у ставки нет; имеются совершенно сырые части генерала Каппеля, но для них нужно еще 2—3 месяца для того, чтобы они стали годными для упорных операций.

Был у военного министра генерала Степанова; знаю его по артиллерийскому училищу; порядочный человек; старательный, но бесцветный работник; знакомство с адмиралом в Японии выдвинуло его на тяжелый пост военного министра.

Сейчас под него подкапывается ставка, сваливая на него все недостатки по снабжению армии. Вообще отношения между ставкой и военным министерством самые враждебные; обе стороны зорко шпионят одна за другой и искренно торжествуют и радуются, если супротивник делает промахи и ошибки; оказывается, что в общем моральном разложе-

ции можно было докатиться и до такой гадости. Вот к чему приводит борьба за власть, за первенство; честолюбие, корыстолюбие, женолюбие слепят многих и заставляют забывать главное—спасение родины и борьбу с страшным красным зверем. В угаре этой борьбы в средствах не стесняются, а поэтому сплетня, провокация, ругань, возведение самых гнусных обвинений и распространение самых подлых слухов—в полном ходу.

3 мая. Утром поехал к члену местной японской военной миссии майору Мике, который в 1914—1915 годах состоял при штабе X армии, когда я был начальником штаба армии; приказа о моем назначении еще нет, и я решил воспользоваться своим неофициальным положением и прежним знакомством с Мике, чтобы резко, определенно и без всяких экивоков высказать ему свое удивление по поводу того, что своим вмешательством в наши дела с Семеновым они не дают нам возможности справиться с опасной смутой и утвердить незыблемый авторитет новой государственной власти. Какими фиговыми листами ни прикрывай они дерзости и бунтарства Семенова, истина для всех ясна, и дерзость есть дерзость, бунт есть бунт. Копаться в этой истории поздно и ее надо прикончить, но так, чтобы при этом не пострадал престиж власти и чтобы впредь уже никому не было повадно выкидывать такие фокусы.

Если Семенов действительно любит Россию, то обязан понять, что сейчас долг каждого поддерживать Омск, помогать ему, ослаблять его промахи и всячески поднимать авторитет власти; будь он даже прав во всей этой истории, он обязан пожертвовать своим личным на общее благо, проявить полнейшее, беспрекословное, сугубо подчеркнутое повиновение и, забыв все, работать изо всех сил на общее русское дело, а не ради интересов читинского болота и его вздорных лягушек. Сейчас это его священный долг, дабы залечить ту глубокую и опасную рану, которую он по запосчивости нанес общегосударственной власти.

Все это я высказал Мике, при чем подчеркнул, что сейчас главная задача правительства—возможно скорее восстановить законность, порядок, уважение к власти и внушить населению уверенность, что народившаяся власть—это власть крепкая, честная, законная и сильная, способная заставить себя слушаться; нельзя позволять населению края продолжать жить в атмосфере произвола и насилий, ибо это делает его анархическим и толкает в объятия большевиков и злостных агитаторов. На Дальнем Востоке одним из крупнейших препятствий к водворению порядка и законности являются атаманы и окружающие их банды насильников, интриганов и темных жуликов, прикрывающих высокими и

святыми лозунгами всю разводимую ими грязь и преследование личных, шкурных, честолюбивых, корыстолюбивых, чрево- и плотоугодных интересов. Для этих гадин восстановление порядка и закона все равно, что появление солнца для ночных пресмыкающихся, ибо с восстановлением закона приходит конец их вольному, разгульному и развратному житью и кончается приток в их бездонные карманы безотчетных сумм, добываемых самыми темными путями.

Психология этих белых товарищей самая комиссарская, но у них нехватает откровенности и они драпируются в ризы любви к отечеству и ненависти к большевизму. Каторжный Калмыков двух слов не скажет, чтобы не заявить, что он идейный и активный борец против большевиков, а японцам должно быть лучше всех известно, с кем и какими средствами борется и расправляется этот хабаровский подголосок Семенова.

Я указал Мике, что у них достаточно агентов при Семенове и Калмыкове, чтобы знать, что делается в Чите, Даурии и Хабаровске, в атаманских юридических отделах и чрезвычайках; как грабится казенное добро, как продаются вагоны и какого сорта люди окружают Семенова и являются его советниками, представителями и уполномоченными.

Было тяжело говорить это иностранцам, но я считал, что это мой тягостный долг. Мике и пришедший затем полковник Фукуда хакали и изображали на своих лицах удивление, как будто бы я сообщал им что-нибудь новое и чрезвычайно странное; оба заявили, что ничего подобного им неизвестно, на что я порекомендовал затребовать от своих агентов необходимые сведения и выразил надежду, что, разобравшись, японцы помогут нам обратить Семенова в законное русло и сумеют очистить его от облепивших его гадов, ибо по всему, что известно о Семенове, опасен не он, а окружающая и пленившая его клика, о которой выражаются, что в ней никого и заподозреть в порядочности нельзя.

Вред атаманщины, это—мое credo; я считаю, что она работает на большевизм лучше всех проповедей и пропаганды товарищей Ленина и Троцкого. На это явление надо смотреть в широком масштабе, беспристрастно, объективно и аналитически. Мальчики думают, что из-за того, что они убили и замучили несколько сотен и тысяч большевиков и замордовали некоторое количество комиссаров, то сделали этим великое дело, нанесли большевизму решительный удар и приблизили восстановление старого порядка вещей. Обычная психология каждого честолюбивого взводного, который считает, что он решил исход боя и всей войны. Но зато мальчики не понимают, что если они без разбора и удержа

насильничают, порют, грабят, мучают и убивают, то этим они насаждают такую ненависть к представляемой ими власти, что московские хамодержцы могут только радоваться наличию столь старательных, ценных и благодетельных для них сотрудников.

4 мая. Получил от Неклютина копию доклада главного начальника Уральского края Постникова о состоянии вверенного ему края; ужаснулся аналогии со всем тем, что происходит у нас на Дальнем Востоке: полное падение авторитета власти, вызванное нечистоплотностью ее представителей; то же засилье распущенных военных начальников; то же полевение народных масс, неудовлетворенных бесполезностью и гнилостью власти. При всем своем пессимизме я не ожидал, что и здесь так же плохо и что и тут, много ближе к власти и к арене ожесточенной борьбы, развертывается такая же безнадежная, гнетущая и грозная по своим неизбежным последствиям картина.

На фронте неважно. На уфимском направлении один из украинских куреней (здесь тоже допустили эту нелепицу) перебил офицеров и перешел к красным. Несмотря на то, что в Западной армии дела совсем плохи, Сибирская армия продолжает наступление на запад. Ставка на все это взирает и повидимому не вмешивается, очевидно, неспособная понять, что неуспехи на фронте Западной армии глубже и опаснее, чем это им кажется, и что надо очень и очень об этом подумать, подобрать вожжи и выработать план действий сообразно слагающейся обстановке.

На оперативном докладе 27—30-летние генералы, не видевшие фронта, очень решительно ругают неуменье и нераспорядительность фронтовых начальников. Пока что, вместо того, чтобы остановить Сибирскую армию и сообразить, что же дальше делать, сорвали с места и экстренно гонят на фронт, на затычку разных дыр и слабин, совершенно неготовые к бою части ген. Каппеля и бывшие в тылу конные части. Этим сырьем дела поправить нельзя, затычки и заплатки не помогут, но зато части быстро истреплются и сделаются неспособными к бою; ведь опять-таки недавний еще опыт германской войны дал нам десятки печальных примеров такой стратегии.

Ясно, что наше наступление выдохлось, а красное началось; нужно это учесть и принять сильные меры, а не отмахиваться и затыкать пробиваемые во фронте дыры. На мои замечания ставочные вундеркинды удивленно косятся и небрежно замечают, что победы под Пермью, Уфой и в других местах одержаны еще более сырыми частями; они неспособны понять разницы в обстановке и разницы боевого качества милиционных частей при успешном наступлении от такового

же—при начавшихся неудачах, отступлении и необходимости упорной и стойкой обороны; к последней не были годны красные; не годны к ней и мы: значит, надо отходить, вытянуть резервы, дать им отдохнуть, дойти до выработанного исходного положения для нового наступления и тогда уже перейти в таковое.

5 мая. Полученные от армий сведения о состоянии снабжений дают самую отчаянную картину; самое скверное в том, что нет надежды на скорое улучшение, ибо все заказы с большими опозданиями размещены на востоке, срочность исполнения не обеспечена, а транзитный транспорт сократился почти вдвое, так как восстания в Енисейской губернии остановили ночное движение на всем красноярском участке, и Иркутский узел все более и более забивается непропускаемыми на запад поездами.

[**7 мая.** автор вместе с Колчаком отправились в Екатеринбург на съезд представителей фабрично-заводской промышленности.]

8 мая. Утром прибыли в Екатеринбург; на вокзале встречены командующим сибирской армией генералом Гайда; почетный караул от ударного имени Гайды полка с его вензелями на погонах, бессмертными нашивками и прочей бутафорией; тут же стоял конвой Гайды в форме прежнего императорского конвоя.

Все это очень печальные признаки фронтового атаманства, противно видеть все эти бессмертные бутафории, достаточно опозоренные в последние дни агонии старой русской армии; еще противнее вместо старых заслуженных вензелей видеть на плечах русских офицеров и солдат вензеля какого-то чешского авантюриста, быть может, и храброго, но все же ничем не заслужившего чести командовать русскими войсками в их святой борьбе за спасение родины.

Сам Гайда, ныне уже русский генерал-лейтенант, с двумя Георгиями, здоровый жеребец очень вульгарного типа, по нашей дряблости и привычке повиноваться иноземцам влезший на наши плечи; держится очень важно, плохо говорит по-русски. Мне—не из зависти, а как русскому человеку, бесконечно больно видеть, что новая русская военная сила подчинена случайному выкидышу революционного омута, вылетевшему из австрийских фельдшеров в русские герои и военачальники. Говорят, он храбр, но я уверен, что в рядах армии есть сотни наших офицеров, еще более храбрых; говорят, что он принес много пользы при выступлении чехов, но ведь это он делал для себя, а не для нас; вознаградите его по заслугам и пусть грядет с миром по своему чешскому пути; что он нам и что мы ему, он показывает это достаточно своим исключительно чешским антуражем,

тем чешским флагом, который развевается у него на автомобиле, теми симпатиями, которые он во всем проявляет к чехам, всячески их поддерживая. Не могу дознаться, кто подтолкнул Омск на такое назначение, которое обидно, бесцельно, а может быть и вредным; то, что я слышал про Гайду в ставке, убеждает, что это тоже крупный атаман, сумевший поблажками, наградами, подачками и возвышениями приобрести известные симпатии и образовать обширные кадры преданных ему лиц; такие революционные случайности понимают, что они случайны, и обыкновенно запасаются обязанными людьми для борьбы с разными течениями и деградациями. Вырастают эти бурьяны легко, а вырываются с великим трудом.

В штабе армии сделан оперативный доклад и прочитаны сводки о ходе действий в Западной армии. Я был ошеломлен и подавлен тем, что в тоне докладывавших (какой-то полковник, ген. Богословский и сам Гайда) сквозило несдерживаемое удовольствие по поводу неудач в Западной армии и усердно подчеркивались свои, довольно проблематичные при общем положении фронта, успехи. Я знал, что между штабами армий раздор и нелады, но никогда не думал, что дело зашло так далеко.

В ставке я сразу заметил, читая донесения штабов армий, что между ними существует антагонизм, вызванный несомненно соперничеством по части успехов и ссорами по вопросу о распределении сообщений; кроме того, как мне объяснили в ставке, сибиряки—представители восставших против большевиков офицерских организаций—относились вообще очень пренебрежительно к Западной армии, как преемнице Народной армии Комуча.

За оперативной сводкой последовал совершенно абсурдный доклад о развитии наступления безостановочным движением на Москву, куда генерал Пепеляев обещается и обязуется вступить не позже, чем через полтора месяца. И все слушали и радовались. Я хотел доложить свой взгляд на невозможность этого проекта, но адмирал, под давлением Гайды, не дал мне слова, сославшись на то, что надо торопиться, чтобы не опоздать на парад всех войск гарнизона.

Трудно было ожидать полководческих талантов и личного понимания широкого военного дела от бывшего австрийского фельдшера и подчиненных ему 28—30-летних генералов, видевших настоящую войну в роли взводных командиров; но можно было ожидать от них сколько-нибудь практической сметки и здравого смысла. Пришлось увидеть, что руководство операциями целых армий находится в руках младенцев, очень дерзких и решительных, но смотря-

щих на дело со ступеньки ротного командира и думающих только о своем приходе и о своих фантазиях.

Было обидно, что адмирал всему этому верил и радостно улыбался, когда ему повествовали, как Пепеляев под гром колоколов будет вступать в Москву; ведь если мы будем строить все на таких проектах, то легко добраться и до возможности потерять самую возможность когда-либо увидеть эту Москву.

Некоторые части одеты в английское обмундирование, доставленное генералом Ноксом, и в массе выглядят аккуратно и для неопытного глаза даже внушительно; остальные части одеты порядочными оборванцами. Самое скверное то, что все направлено на то, чтобы сколотить части по внешнему виду, а на отдельных солдат не обращено должного внимания. Это всегда было скверно, ну, а теперь это — основание верного неуспеха, ибо теперь нужны не боевые квадраты из дрессированных единиц, а подготовленные к бою отдельные единицы.

[В вагоне] я рассказал [ген. Попову] свои наблюдения при обходе войск, когда, между прочим, мне пришлось видеть два случая битья солдат офицерами за то, что при проходе адмирала они не поворачивали, как полагается, головы,—уже одно это дает мне право на многие печальные выводы.

После обеда Гайда возил адмирала в чешскую мастерскую-фотографию, великолепно обставленную; судя по тому, что показывали адмиралу, фотография работает главным образом для Гайды, уготовляя ему великолепные по исполнению альбомы Урала и военных действий, с крышками из разных уральских пород, украшенных уральскими самоцветами; всюду гербы Гайды поверх опрокинутых вниз головами императорских и королевских орлов и с надписью «ex libris P. Gaidae». Исполнение высокоартистическое и, несомненно, на русский казенный счет, ибо жалованья не хватит, чтобы все это оплатить.

...Гайде, например, вздумалось иметь конвой в старой императорской конвойной форме, — и на это, по его приказу, истрачено свыше трех миллионов рублей.

Та же распущенность царит и дальше. Пепеляев захватил все запасы, найденные в Перми, и не хочет ни с кем делиться; он же заставил все местные заводы работать только на свой корпус; Гривин, Вержбицкий, Казагранди делают то же самое и не исполняют ничьих приказаний; благодаря этому в одних частях архи-избыток, а у других голод и нищенство.

Все попытки учесть военную добычу и обратить ее на общее снабжение безрезультатны и вызывают самые

острые протесты и даже вооруженное сопротивление; чинов полевого контроля гонят вон, грозят поркой и даже расстрелом. Гайда захватил единственную на всю Сибирь суконную фабрику, обозные мастерские,—все то, чего нет в Западной армии, и не дает последней ни одной шинели, ни одной повозки или походной кухни; в ответ на это Западная армия прижимает Сибирскую, не давая ей фуража и гречневой крупы. Все распоряжения главного и полевого интендантов армиями игнорируются и не исполняются.

10 мая. Обедали у Гайды в шикарном особняке суконного фабриканта Злоказова. Я сидел рядом с шибко лезущим вверх генералом Сахаровым, сотрудником Нокса по устройству владивостокской офицерской школы, автором проекта создавать молодых офицеров краткосрочным обучением. Судя по его деятельности, он по идеологии недалеко ушел от блаженной памяти графа Аракчеева; по словам профессора Николаевского инженерного училища генерала Ипатовича-Горанского, Сахарова в училище звали бетонной головой; внешний вид его подходит к этому названию, внутреннее содержание, повидимому, тоже. Он влюблен в Иванова-Ринова и заявил мне, что тот представляет крупного государственного человека. Оба они держиморды аракчеевского типа и оба были бы хорошими командирами дисциплинарного батальона, где их «государственные» качества нашли бы отличное применение. В Омске на эти типы спрос; неспособная рассуждать стремительность нравится, и в ней видят залог твердости и успеха.

Глубоко печально, что главные персонажи омского градоначальства одурели от своего высокого положения и думают, что курс на непреклонность и на держиморд может привести к успеху; твердость власти—не значит угрюм-бурчеевщина.

11 мая. Вечером узнал от генерала Касаткина причины, побудившие ставку выбрать северное направление для развития решительного наступления против красных. Для нас, сидевших в тылу, выбор этого направления был всегда непонятен, так как казалось, что по всей обстановке следовало двигаться через Уфу и Оренбург на Самару и Царицын на скорейшее соединение с уральцами и Деникиным...

Маленькие люди в ставке говорят, что северное направление избрано под влиянием настойчивых советов генерала Нокса, мечтавшего о возможно скорой подаче английской помощи и снабжении через Котлас, где существовало прямое водное сообщение с Архангельском, куда уже прибыли значительные английские запасы.

Все это было очень заманчиво, но не могло быть поставлено во главу угла, ибо, в конце концов, имело за собой

больше «нет», чем «да»; все это пришло бы само собой при хороших успехах у Самары и при соединении с Деникиным к западу от Царицына.

Все горе в том, что у нас нет ни настоящего главнокомандующего, ни настоящей ставки, ни сколько-нибудь грамотных старших начальников. Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле и легко поддается советам и уговорам; Лебедев безграмотный в военном деле и практически, случайный выскочка; во всей ставке нет ни одного человека с мало-мальски серьезным боевым и штабным опытом; все это заменено молодой решительностью, легкомысленностью, поспешностью, незнанием войсковой жизни и боевой службы войск, презрением к противнику и бахвальством.

Нокс очень хорошо к нам настроен, но он очень мало понимает в стратегии, да еще в русской обстановке; он искренно хочет нам блага, но надо же уметь корректировать проявления этого хотения. Он, например, упрямо стоит на том, чтобы самому распределять приходящие к нему запасы английского снабжения, и делает при этом много ошибок, дает не тому, кому это в данное время надо; появились любимые части вроде каппелевского корпуса, отлично до последней нитки и с запасом снабженного, в то время, когда имеются голые и босые части, на которые эта неравномерность действует очень скверно. Методичному и привыкшему к системе англичанину хочется сразу все наладить, не считаясь совершенно с той обстановкой, в которой все это приходится делать.

Я говорил с Ноксом и просил его передать снабжение нам, обещаясь выполнять все его желания. Нокс горячился и указывал, что русские власти не умеют распределять свои запасы, и он не желает, чтобы доставляемое Англией снабжение распылялось без толка и без пользы.

12 мая. Продолжаю болтаться по секциям и наблюдать русскую болтливость и неделовитость; меня оставили сидеть здесь до конца съезда; знакомлюсь с людьми, с настроением разных классов и с состоянием и нуждами разных отраслей промышленности. Утром был на заседании многочисленной кожевенной секции (Тюменьский, Курганский и Красноуфимский районы): типичное российское заседание, председатель—демократического, эсеровского вида, но очень деспотического характера, всех перебивает, полемизирует с докладчиками и пользуется всяким случаем, чтобы подпустить резкость по адресу правительства и представителей власти; а случаев много, ибо несуразные меры разных агентов министерства снабжения довели кожевенников до того, что им выгоднее гноить кожу в бучилах, чем сдавать ее в казну. Распоряжаются так, что и солдаты босы и чест-

ные кожевенные предприятия трещат; наживаются же одни только жулики и спекулянты.

13 мая. Утром разбирался с заказами, распределенными здесь уполномоченными министерства снабжения, после чего высказал товарищу министра Мельникову, что в этом деле нужны прокурор, сенаторская ревизия и военно-полевой суд, ибо, несомненно, многие заказы распределены или сумасшедшими идиотами или заинтересованными в заказах мошенниками. Контракты составлены так, что все выгоды и преимущества даны подрядчикам, а за казной оставлены обязанности платить и отвечать за все случайности, без обеспеченной даже надежды и на срочность исполнения и на самое исполнение. В общем то же самое, что и во Владивостоке. Крупные заказы розданы демократически по мелким, маломощным, неизвестным и совершенно безнадежным подрядчикам без залогов, штрафов и с выдачей вперед авансов, ничем абсолютно не обеспеченных; эти подрядчики брались выполнить заказы в любое время, ибо, очевидно, никогда и не собирались выполнять принимаемые на себя обязательства. Большие заводы отказались от этих поставок, так как их невозможно было выполнить в указанные в условиях сроки, особенно по новым для Урала видам производства, по которым надо было ставить новые отделы.

В результате ни один заказ к сроку не выполнен, армия сидит без обоза и без походных кухонь, а подрядчикам розданы многие десятки миллионов казенных авансов под фиговое обеспечение.

От каких-либо наскоков казны подрядчики надежно обеспечены параграфом 6-м всех договоров, по коему казна должна доставлять сырье и материалы, а если это не будет исполнено, то всякая ответственность с подрядчика спадает.

Местные обыватели говорят, что эти подряды были предметом беззастенчивой спекуляции и продавались из рук в руки; был заключен договор на поставку пяти тысяч повозок стоимостью свыше 12 миллионов рублей с каким-то кондуктором подводного плавания, весь капитал которого состоял из знакомств с уполномоченными министерства и в посильном платье, а все техническое оборудование—в карманном ноже.

По словам Федотова, полученные от казны многомиллионные авансы пущены в спекуляцию по покупке и продаже разных товаров, об исполнении заказов думают только немногие, и в результате армия останется без необходимейших предметов снабжения.

14 мая. [На обратном пути в Омск] встретили поезд междусоюзного котроля—десять brand new пульмановских

вагонов К.-В. железной дороги под двумя паровозами. Этим у фронта отнимается минимум два поездных состава и в такое время, когда каждый вагон остро нужен.

Едут якобы знакомиться с состоянием фронтовых дорог, а на самом деле катаются.

Ведь это все старые, опытные железнодорожники, для которых достаточно донесений сотен сидящих всюду агентов и инспекторов для того, чтобы знать действительное состояние дорог.

Едут под флагом важного дела, а в действительности преследуют только интересы собственного любопытства и развлечения; очень приятно проехаться по незнакомой Сибири, в чудное весеннее время, повидать близко разные события, заглянуть «на фронт»...

Вагоны великолепны, буфет, повара и вина первоклассные, удобства путешествия исключительные, до вагона с машинистками manches-courtes включительно; едут, как избавители и благодетели. Ну, а остановка и без того хромающего движения и задержка движения на фронт продовольствия, снаряжения и одежды—это такие «пустяки» сравнительно с теми великими благодеяниями, которые принесет пробег этого великолепного поезда! Я искренно пожалел, что красные не спустили его около Тайшета под откос—вагоны блиндированные, и членовредительства не было бы.

Ведь и без того наши несчастные дороги стонут от экстренных поездов верховного, Лебедева, Гайды, разных чешских начальников, высоких комиссаров и прочих спасителей.

Все эти междусоюзные господа не в состоянии сообразить, что их ослепительный пробег взад и вперед нужен только им самим. Выдумали, что нас надо учить, как распоряжаться своими дорогами; нам нужны не их советы, не их вмешательство, не их поездки, а присылка нам паровозов, запасных частей и масла; тогда и мы справимся по-своему, не на первый, быть может, сорт, но не хуже иностранцев; насколько я успел познакомиться с работой министерства путей сообщения, то, кажется, это единственное, работа коего заслуживает полного одобрения и в котором рули управления в надежных и знающих руках.

Вместо советов лучше бы помогли реально поддержанию порядка на железных дорогах, понимая под этим не станции и рельсы, а всю полосу дороги. Если бы в полосе железных дорог был порядок, то тогда было бы легко иметь полный порядок и в эксплоатации. Что толку в том, что американские диспатчеры прибавят ¼ поезда в сутки, когда красноярские и тасеевские большевики спустят под откосы в десять раз большие количества вагонов.

Нужна моральная и материальная поддержка в самых широких и искренних размерах, а не советы, руководства, назойливые опекуны и прочие прелести наличной интервенции, навалившиеся на нас, как какие-то новые египетские казни.

15 мая. Вернулись в пыльный и душный Омск. Был на оперативном докладе в ставке; последние сводки мне очень не нравятся, так как несомненно на фронте Западной армии инициатива перешла в руки красных, наше наступление выдохлось, и армия катится назад, неспособная уже за что-нибудь зацепиться. Наступление красных обозначилось уже определенно по двум направлениям: вдоль Самаро-Златоустовской железной дороги и в разрез между Сибирской и Западной армиями. Ставка не понимает положения и позволяет Сибирской армии наступать на Глазовском направлении. Одна лошадь в паре пятится назад, другая прет вперед. Направление в разрез армий ничем не прикрыто и, по мере продвижения сибиряков вперед, их положение делается все опаснее. Когда я указал это генерал-квартирмейстеру ставки, то тот сослался на наличие в Екатеринбурге больших резервов и добавил, что с введением в дело резерва Каппеля на фронте Западной армии все перевернется опять в нашу выгоду.

Таким образом вся судьба зауральской кампании висит на двух кучах совершенно неготового к бою сырья, без артиллерии, без средств связи, не обстрелянного, не умеющего маневрировать; я не видел войск группы Каппеля, но и без того понимаю, что за несколько зимних сибирских месяцев и при условиях современной стоянки было абсолютно невозможно сформировать годные для боя части. Как подкрепления успеха такие части могли еще пригодиться, но, выдвинутые в расшатанный и катящийся назад фронт Западной армии, они не в состоянии помочь делу; фронт же Западной армии и расшатан и катится неудержимо назад, что ясно чувствуется из туманных, загримированных и старающихся сохранить лицо донесений штаба этой армии; не подлежит сомнению, что потеряна способность сопротивления, что хуже крупного поражения.

Временами пытаюсь поймать себя в ошибочности своих мрачных расчетов, но действительность не дает мне по этой части никакой лазейки; вижу перед собой непомерно растянутый фронт; растрепанные, полуголые и босые, истомленные и вымотанные в конец части; молодое, очень храброе, но неопытное и неискусное в управлении войсками и в маневрировании начальство; самоуверенные, враждующие между собой и не особенно грамотные по полководческой части штабы армий, автономные, завистливые, не-

способные друг другу помочь; самонадеянную, бездарную, безграмотную по стратегии и организации ставку, далекую от армии и неспособную разобраться в происходящем; никаких ресурсов по части готовых для боя резервов; никаких планов текущей операции, кроме задорного желания изменить неуспех в успехе... и очень мало надежды на то, что все сие преходящее и может измениться в лучшую сторону.

То же, что делает сейчас ставка, есть безнадежное цепляние за возможность какого-то чудесного переворота в нашу пользу; идет игра на авоську: а вдруг красные выдохнутся или подброшенные резервы сразу изменят положение.

Все это приемы, недостойные крупной игры, показывающие, что, вместо мастеров, игру ведут авоськи да небоськи самого мелкого калибра.

В тылах тоже неблагополучно; серьезное восстание расползается в Кустанайском уезде; туда послан казачий генерал Волков, известный своей решительностью; сегодня он уже доносит, что две главные банды им настигнуты и истреблены. Вообще же на восстания в тылу ставка обращает слишком мало внимания и начинает тревожиться только, если это отзывается на подвозе или вызывает посылку войск; посмотреть поглубже и повнимательнее на это движение не хотят и только от него отмахиваются. Говорил по этому поводу с Бурлиным и Кондрашевым, настаивая на необходимости обратить внимание на тыловые восстания, отыскать вызывающие их причины и принять меры по устранению этих причин, каковыми в большей половине является не большевизм.

Ставка уверена, что если на фронте будет успех, то тылы смирятся и успокоятся; я же смотрю на это иначе и считаю, что никакие успехи на фронте нам не помогут, если местные агенты власти в тылу будут вести себя так, чтобы вызывать ненависть населения. Сейчас, например, идет формирование отрядов особого назначения, поступающих в распоряжение управляющих губерниями; казалось бы, что в эти отряды надо назначить отборный состав, обеспечить его материально самым широким образом, а у нас все делается как-раз наоборот: в отряды идут отбросы армии и чиновничества, очевидно, в надежде нажиться; оклады в отрядах нищенские, одеты они оборванцами и даже не все имеют вооружение. Никакой реальной силы они не представляют, являясь по сущности полуразбойничьими бандами, годными на карательные экзекуции и на расправу с крестьянами, но неспособными бороться с красными шайками.

16 мая. Весь день просидел в ставке на совещаниях по поводу новой конструкции военного управления; с недоумением узнал, что, повидимому, решено сосредоточить в лице Лебедева должности начальника штаба верховного главнокомандующего и военного и морского министров, дав ему помощников по всем трем должностям. Честолюбию этого бездарного выскочки видимо нет пределов.

Я заявил, что подобное совмещение совершенно невозможно, ибо нельзя совмещать полевую должность с званием министра, члена совета министров; пытался разъяснить совещанию, что если действительно армия и фронт страдают вследствие отношений, установившихся между ставкой и военным министерством и их верхами, то сама система управления тут не при чем.

Надо или заставить верхи работать дружно и в одну струю, или же их сменить и поставить такие, которые работали бы, как хорошо съезженная пара; ломать же систему в такое горячее время невозможно.

Мое мнение осталось единоличным и никто его не поддержал.

Докладывал адмиралу и все время убеждаю ставку, что надо во что бы то ни стало остановить рост армии и всякие самочинные формирования, ибо давно уже у нас нет во что их одевать, а кое-где нет и чем кормить. Ведь по сводкам ставки у нас на довольствии состоит около 800 тысяч человек; наладить снабжение в таких размерах мы совершенно бессильны.

На наше горе красные оказались умнее нас; когда у них обозначилась невозможность сдержать наш стихийный порыв, они отдали нам Урал, ушли за Волгу, подтянули подготовленные резервы, наметили очень нехитрый и белыми нитками шитый план операции и тремя группами ударили по нашему растянутому фронту.

Ставка была обязана задержать армии на Урале, дать им устроиться и отдохнуть, обеспечить снабжение и тогда итти к Волге; вместо этого все понеслись вперед так, как будто бы красных не было.

Скверно то, что, судя по рассказам беспристрастных наблюдателей, импульсом этого безудержного наступления было честолюбие фронтовых начальников и погоня за намеченными впереди призами и связанными с их достижением наградами.

После взятия Перми и Уфы юные полководцы стремительно полетели вперед. Пепеляев на Вятку, Вержбицкий на Казань, Ханжин на Самару; красные почти не сопротивлялись. При этом полете, сопровождаемом мелкими, но раздуваемыми вовсю успехами, перестали думать и сообра-

жать; хотелось только первыми притти к поставленной цели и прославиться.

Получившееся при этом непомерное растяжение фронта создало благоприятную почву для многочисленных новых формирований и развертываний; была пущена в ход система местных мобилизаций, объявляемых самостоятельно начальниками разных войсковых комбинаций. Эти шалые, бессистемные призывы ничего, кроме вреда, не принесли и силы армии не прибавили; голодное население не особенно против них реагировало, так как поступление в войска давало одежду и кормежку.

Для этих спазматических формирований не было ни кадров, ни учителей, ни снаряжения; они только обманывали верхи своим наличием и своей численностью (это я видел уже в Екатеринбурге); они давали миражи армий и реальной силы там, где ни настоящих войск, ни реальной силы не было. При успешном наступлении все это не сказывалось, ибо серьезных боев не было, особенной опасности тоже, а всякий успех давал наступающему богатую добычу. Но с тех пор, как на фронте Западной армии фортуна повернулась к нам задом и понадобились стойкость и подвиг, не слепленные ничем прочным части, случайные сборища деревенских и городских парней, оказываются уже неспособными выдерживать выпавшие на их долю боевые и походные испытания. Так говорят приезжающие с фронта офицеры, преимущественно старые артиллеристы, которых я встречаю ежедневно в управлении полевого инспектора артиллерии; многие прямо сознаются, что при отходе местные мобилизованные расходятся по своим деревням, унося одежду, снаряжение, а иногда и вооружение.

С подготовкой резервов в чаду успеха не торопились; сейчас с огромным уже опозданием всюду идет лихорадочная работа по выброске вперед этого сырья; спешкой уже не покрыть такие серьезные органические недостатки всей системы. Отсутствие самоанализа и служебного опыта позволяет и ставке и штабам армии забывать, что кучи людей, одетых в военную форму и имеющих—да и то не всегда—в руках ружья, представляют только весьма малую часть совокупности тех данных и качеств, которые необходимы для того, чтобы иметь право называть эти кучи воинскими частями, годными для войны и для боя.

Неудержимо гонят на фронт части группы генерала Каппеля; я перестал уже говорить об опасности отправки туда этого сырья, так как это бессильно кого-нибудь здесь вразумить. Закрыв глаза и заткнув уши, видят в этом спасение положения на фронте Западной армии и не же-

лают разумно оценить все положение, хладнокровно подсчитать все шансы и принять решение, не считаясь ни с чем, кроме пользы. Мне уже надоело быть какой-то каркающей Кассандрой среди этих оптимистов, убежденных, что сейчас войну надо вести по особенным, им известным и уже проверенным на опыте правилам. Юнцы неспособны разглядеть тот рубец, на котором кончилось июньское восстание прошлого года и началась настоящая война, имеющая, конечно, свои специфические особенности, но все же настоящая, управляемая незыблемыми законами война. Они не разбираются в том, что армия в сотни тысяч ртов (к сожалению, не штыков) —это не партизанские отряды и офицерские организации первого периода войны, и что для существования и управления армий необходимо держаться основ того, что выработала военная наука и что дал боевой опыт прошлого.

17 мая. Рано утром в ставке состоялось секретное совещание по вопросу о реорганизации военного управления; объявлено окончательно, что Лебедев будет наштаверхом и военным министром (добавление морского министра встретило сильное сопротивление морских кругов и, повидимому, не пройдет). Ставочная и антистепановская молодежь в восторге и уже готова плясать победный танец на костях поверженных врагов.

Я пытался убедить совещание в несвоевременности реформы, предлагал два компромиссных проекта, удовлетворяющих законным требованиям обстановки, но ничего не разрушающих, но все это было гласом вопиющего в пустыне.

Старые и тревожные картины: честолюбцы тянутся к власти, забирают ее полными руками, готовы стать неограниченными самодержцами, но хватит ли знаний, умника, опыта, чести, любви к родине и жертвенного бескорыстия, чтобы со всем захваченным справиться! Ведь военное дело — то же ремесло, а чтобы быть хорошим ремесленником, надо практически изучить дело, начав с мелочей и пройдя все стадии мастерства. Надо знать не только как пишется, но и как выговаривается.

Ставка швыряет на фронт все сырые резервы, гонит туда последние скудные запасы винтовок для того, чтобы раздать их еще не стрелявшим никогда парням и бросить их в наступление.

Везде в тылу спешно одевают в форму новобранческие толпы, наученные ходить с песнями и в ногу, дают им первый раз в жизни винтовки и воображают, что это солдаты, затем все это спешно набивается в вагоны и гонится на восток для закупоривания образовавшихся всюду на

фронте дыр (он давно уже дырявый, но заметили это только теперь, когда во все дыры полезла наступающая краснюта).

На внутренних фронтах по мере наступления теплого времени число очагов восстания все увеличивается; на Тайшетском участке идет настоящая война; восставшие банды громят волостные правления, убивают священников, лесничих и мелкую интеллигенцию.

18 мая. Лебедев и его молодежь разработали, наконец, окончательный проект системы военного управления, при чем главная цель—истребление Степанова и Марковского с подчинением всего Лебедеву—достигнута. Результатом реформы является создание невероятно громоздкой ставки, вбирающей в себя часть отделов военного министерства.

Всю ставку сваливают на Бурлина, все министерство хотят нагрузить на меня, а Лебедев принимает двойной венец фронта и тыла и право все время кататься, во все путаться и ничего не делать.

На Тайшетском участке красные свалили под откос двенадцать новых паровозов, шедших на усиление западносибирского участка.

Восстания и местная анархия расползаются по всей Сибири; говорят, что главными районами восстаний являются поселения столыпинских аграрников, неприспособившихся к сибирской жизни и охочих на то, чтобы поживиться за счет богатых старожилов.

Плохо все это кончится; ставка упрямо все тащит на фронт и не желает понимать огромной важности образования в тылу прочных и надежных гарнизонов; посылаемые спорадически карательные отряды только бунтуют население, так как не разбирают правых от виноватых, жгут деревни, вешают и, где можно, безобразничают. Такими мерами этих восстаний не успокоить; для их исцеления нужны иные меры. Прежде всего глупо охранять железную дорогу, сидя на станции, ходя по рельсам и не имея ничего в стороне от дороги, в районе наиболее опасных селений и важнейших колесных дорог. Говорил об этом генерал-квартирмейстеру и оперативной части, но получил ответ, что это дело начальника красноярского района генерала Розанова, которому на месте виднее, что надо сделать для того, чтобы прикрыть железную дорогу от нападения восставших жителей. Так же легкомысленно смотрят в ставке на все нужды тыла. Думаю, что сейчас нас может выручить только дружеская оккупация наших тылов союзными войсками; возложить охрану порядка и власти на части, наспех и неумело формируемые из зеленой крестьянской и городской молодежи, неустойчивой и больной всеми приобретениями революции,—немыслимо. Не верю вообще

в возможность скоро сформировать новые надежные части русской армии, даже при самых совершенных методах исполнения; то же, что делается в Приамурье и здесь, в Сибири, грозит подарить нас такими войсковыми частями, которые в тяжелые минуты испытаний могут сделаться причиной нашей гибели; ведь уже и сейчас в шифрованных донесениях с фронта все чаще попадаются зловещие для настоящего и грозные для будущего слова «перебив своих офицеров, такая-то часть передалась красным». И не потому, что она склонна к идеалам большевизма, а только потому, что не хотела служить, не хотела рисковать в бою своею жизнью и в перемене положения, создаваемого изменой, думала избавиться от всего неприятного.

19 мая. Пришлось быть безмолвным свидетелем объявления Степанову уже совершившегося факта его отставки и утверждения адмиралом новой реформы военного управления. Пришлось пережить очень неприятные минуты нравственной неловкости за вынужденное участие в этой церемонии и чувства стыда за адмирала, в котором не нашлось достаточно характера, чтобы сделать это самому и в более приличной для своего сотрудника форме; неискренность адмирала очень напоминает в этом несчастного Николая II.

21 мая. Ставка сообщила, что я назначаюсь помощником начальника штаба верховного главнокомандующего и управляющим военным министерством.

23 мая. Получил приказание верховного правителя вступить в управление военным министерством; во всех других назначениях мне отказано, при чем адмирал приказал мне передать, что будет поддерживать меня во всех моих начинаниях.

Ставка и военное министерство пребывают уже два дня в состоянии полного хаоса; смелые реформаторы, начав свою перекройку, залезли в такие безысходные практические трущобы и встретились с такими неожиданностями, что совершенно растерялись. Они знают, как пишется, но не знают, как выговаривается.

Их легкомыслие дошло до того, что решили выполнить всю реформу в три дня, после чего сразу зажить по-новому. Только полное профанство в деле и мальчишеская задорность способны родить столь нелепое распоряжение. Думают—и в этом отношении очень недалеко ушли от комиссаров,—что стремительность и категоричность приказа, подкрепленные угрозами разных кар и жупелов, достаточны для того, чтобы заставить осуществить любой бред, любой каприз.

Я уверен, что и через три недели реформа эта будет еще продолжаться и, чем больше ее будут торопить, тем

она пройдет хуже и тем дольше затянется; в глубине же тыла и в обиходе армии она будет жить еще многие и многие месяцы.

24 мая. Досадно то, что большинству отделов ставки и министерства нельзя отказать в том, что с внешней стороны они работают очень усердно, и по первому взгляду можно подумать, что работа кипит; в действительности же, благодаря отсутствию опытных верхов, вся работа сводится к пустопорожней переписке, к сбору запоздалых и никому ненужных статистических и справочных данных и к ущемлениям и пререканиям. С одной стороны наталкиваешься на самую заскорузлую канцелярщину и сухой, не желающий ни с чем считаться бюрократизм, с другой стороны царит самая неприкрашенная внутренняя атаманщина и царство личного произвола и усмотрения.

25 мая. Создал себе внушительный круг врагов среди сильных представительниц слабого пола, проведя через ставку приказ о воспрещении пользоваться казенными автомобилями для частных надобностей; надо положить конец тем безобразиям, которые мы видели на большой войне и которые продолжаются и ныне, приводя к тому, что число автомобилей тем меньше, чем ближе к фронту; тылы переполнены автомобилями, а на фронте начальники корпусных групп и дивизий их не имеют; здесь вся адъютантщина и прихлебательская челядь высоких лиц раскатывает по магазинам, ресторанам и визитам в казенных автомобилях, тратя скудные запасы горючей смеси и масла и разбивая шины,—все, что мы достаем с великими усилиями и на золотую валюту; по вечерам вся дорога у загородного сада покрыта казенными машинами с высокими военными и гражданскими дамами, приезжающими сюда отдохнуть от ужасной омской пыли. О том, во что обходятся казне эти прогулки, головки милых дам не думают.

По ночам казенные автомобили торчат у крылец разных увеселительных и злачных мест, ожидая иногда высоких сановников, освежающихся там от великих государственных трудов, а чаще всего их адъютантов, чиновников для поручений и прочего чиновного лакейства.

Я настаиваю на необходимости оставить машины только у тех лиц, служба которых требует быстроты передвижения, а все освободившиеся автомобили отправить немедленно на фронт; это облегчит передвижение строевых начальников и покажет армии, что о ней думают не только на словах, а способны кое-чем для нее и поступиться.

Вечером получил некоторый сюрприз, так как оказалось, что Лебедев назначен все же военным министром, а я попал к нему в помощники.

26 мая. На фронте никакой надежды на улучшение; как ни загримированы фронтовые донесения, из них все же всюду лезет, что дела не важны; несомненно, что способность сопротивления многих частей потеряна и что офицеры и солдаты выбились из сил; при таком положении нужна или смена, или отдых, а мы не в состоянии ни сделать первой, ни дать второго.

То, что делает ставка, для меня непонятно: это или полная военная безграмотность, или же отсутствие мужества сознаться в своей ошибке, в плохом расчете всей операции; видимо, Лебедев и К° или безнадежно слепы, или неспособны на сильное мужественное решение; они безмерно честолюбивы, им хочется только успеха и славы; им, как капризным детям, хочется, чтобы боженька помог, чтобы с их горизонта исчезли противные красные бяки и чтобы наступили опять победные и столь приятные для них дни.

Сейчас не может быть никакого сомнения в том, что мы потеряли все успехи этой зимы; красные умело учли все наши ошибки и все невыгоды безмерно растянутого, жидкого и расстроенного положения; ярко очевидно, что на нас ведется решительный удар и что против нас введены в дело свежие резервы. Все это делает борьбу очень неравной и в этом надо честно сознаться, трезво оценить создавшееся положение и принять героические решения.

27 мая. В ставке и по всему городу ползут слухи о предъявлении адмиралу Гайдой какого-то ультиматума, в котором, обвиняя Лебедева и К° в бездействии и в глупых и вредных распоряжениях, он требует немедленно убрать Лебедева и передать всю оперативную часть генералу Богословскому.

Ставка пытается сохранить все это в секрете, но секрет дырявый, и сквозь его дыры лезут и расползаются самые нелепые слухи и зловредные комментарии.

Такой взрыв со стороны Гайды был, по моему мнению, неизбежен по двум причинам: прежде всего, несомненно, что распоряжения ставки—нелепые, несоображенные с обстановкой, возлагающие на войска невыполнимые задачи и принимающие очень часто дерзкие и обидные для войск формы—не могли не вызвать острого раздражения штабов армий против ставки и ее главы Лебедева; особенно недоволен был штаб Сибирской армии, всегда почти автономной, гордой своими победами. Фронт всегда и без того ненавидит свои тыловые верхи, зло и придирчиво разбирает все их распоряжения и в них видит причины всех своих бедствий и неудач; нужно очень умелое и тактичное руководство и большая забота верхов об армии для того, чтобы победить это органическое нерасположение, подчас даже

ненависть. Ставка же, наоборот, делала все, чтобы стать на фронте сугубо постылой и остро ненавистной, ну, а штабы армий, групп и дивизий, с своей стороны, постарались, чтобы это усугубить. Частые поездки на фронт Лебедева, очень надменного, самовлюбленного, резко и бестактно путавшегося в армейские распоряжения, конечно, не могли способствовать укреплению авторитета ставки.

Сама атмосфера ставки, с неналаженностью и суетливостью работы, важностью молодых сановников и малым вниманием к нуждам и просьбам армий, также не могла прибавить уважения и доверия.

Несомненно, что и штабы армий страдали теми же недостатками, но кто же способен видеть даже бревна в собственном глазу?

С другой стороны, было совершенно естественно, что начатая с весны реорганизационная работа и постепенные попытки привести армию к законному порядку существования не могли быть встречены спокойно и благожелательно фронтовыми владыками, атаманами и атаманчиками, которые не могли понять, что все это жизненно необходимо для пользы дела, и смотрели на все такие меры, как на личную обиду и на посягательство на их законные права.

Они привыкли жить по-своему, стеснений не любили, тылу и верхам не верили, новых порядков и ограничений их воли и самодурства не желали; хотели продолжать распоряжаться самостоятельно, вне какого-либо удержа и контроля. Будучи детьми бурных времен, они были неспособны перейти к более спокойным условиям и более ограниченным рамкам существования, а потому поднимались против всего, что хотело положить предел тому, что они считали своими неотъемлемыми и на войне приобретенными правами.

Затеянные ставкой реформы и проявляемая ею, хотя пока еще только бумажная, деятельность и настойчивость в желании их осуществления должны были вызвать и вызвали резкий протест и отпор со стороны фронта, но, конечно, не в форме открытого неповиновения, а под каким-либо благовидным предлогом, каковой и нашелся в общей ненависти к главе нашей ставки и к самой ставке и в недовольстве шалыми, бесталанными и гибельными по своим последствиям распоряжениями очень молодого наштаверха.

Я смотрю на дикую выходку Гайды, как на последнюю попытку обратить внимание адмирала и правительства на все происходящее и на невозможность иметь во главе высшего оперативного управления бездельного и бесцветного наштаверха. Это то же самое, что пытался сделать в 1905 г.

Гришенберг в отношении Куропаткина. Вижу, что был прав, когда во время поездки в Екатеринбург при разговоре с адмиралом по поводу капризности и неисполнительности Гайды и под впечатлением той враждебности к Западной армии, которая чувствовалась в атмосфере Екатеринбурга, я советовал адмиралу подчинить Гайде обе армии, видя в этом единственный выход из создавшегося положения. Я был уверен, что тогда Гайда вылез бы из себя, но сделал бы все, чтобы доказать, что его гений способен всякий неуспех обратить в победу, и дал бы все необходимое для помощи Западной армии; наличие достаточно организованного штаба и, повидимому, энергичного и дельного Богословского гарантировало техническую сторону дела; одновременно этот исход разрешал вопрос и реорганизации управления армиями, уничтожал их автономию, приближал оперативное управление к фронту и ставил ставку в надлежащее ей положение. Адмирал тогда задумался и обещал поговорить с Лебедевым, что было равносильно похоронам по первому разряду.

Пришлось просить генерала Касаткина составить и разослать в армии, корпуса и дивизии брошюру о железных дорогах с изложением самых элементарных сведений о работе железных дорог, о данных, обусловливающих их провозоспособность, и о зависимости последней от профиля, водоснабжения, расположения депо и запасов топлива и пр. и пр. А то наши фронтовые полководцы думают, что железная дорога, это—все равно, что улица, и что достаточно пригрозить расстрелом или поркой личного состава или поставить всюду зубодробительных комендантов, чтобы по линии побежало столько поездов и такого состава, сколько заблагорассудится какому-нибудь скоропалительному превосходительству. Позабыл фамилию какого-то очень молодого, но и очень решительного генерала в Екатеринбурге, который на заявление начальника дороги о том, что технические условия не позволяют станции пропустить больше известного числа вагонов, заявил, что пришлет на вокзал своего есаула с казаками, и тогда станция пропустит вдвое и втрое больше.

Он был очень поражен, но понял свое заблуждение (в чем искренно сознался), когда я ему объяснил влияние профиля, величины перегонов, длины путей и остальных технических данных на пропускную и приемную способность станций. Жалко, что раньше не начали учить наш командный состав; большевики учли это лучше нас, посадив всюду прикованных на цепочки спецов, восполняющих неграмотность старшего коммунистического начальства.

29 мая. Восстания в близком и глубоком тылу разрастаются; весна и листва дают огромные преимущества повстанческим бандам; средств противодействия у нас нет, так как все годное притянул фронт, а те импровизированные части, которые посылаются в тыл, способны только на то, чтобы поднимать новые восстания. Обобрав тыл, ставка учинила огромный и, быть может, непоправимый промах, ибо без спокойного тыла нам никогда не выгреть.

Мой «пессимизм» считает, что сейчас военными средствами нам уже не справиться с тыловыми восстаниями, и что для этого надо или какое-нибудь чудесное изменение настроения населения, созданное экстреннейшими и шкурнополезными мерами, или же немедленная оккупация тыла союзными войсками и введение там смешанного русско-союзного управления, в котором союзная его часть должна гарантировать населению безопасность от атаманщины и беззаконий.

К сожалению, оккупация en masse возможна только за счет Японии и ее войсками, а между тем то покровительство, которое оказывается японскими начальниками Семенову и Калмыкову, не дает никакой возможности надеяться на нужную для нас политику японской оккупации.

Желая дать вооруженную силу начальникам губерний и областей, министерство внутренних дел стало формировать отряды особого назначения; забыли, что служба таких отрядов требует отборных людей строго законного порядка, и получилось нечто очень мрачное и неленое, ничтожное по своему военному значению, неспособное справляться с крупными восстаниями, но зело вредоносное по своей распущенности, жажде стяжания и легкости по части насилий.

В отряды попало немало старых, опытных полицейских и жандармских ярыжек, которые по старой привычке надувать начальство заливают его донесениями об успехах, разгроме повстанцев и покорении под-нози, а сами бегают от повстанцев и отводят душу над беззащитным населением. Лучше бы бросили все эти усмирения и ограничились охраной железной дороги; быть может, без усмирений все усмирилось бы само собой, особенно, когда подошло бы время полевых работ.

30 мая. Ночью адмирал лично отправился в Пермь на уговоры Гайды. Скверная вещь это разные уговоры, сие блестяще доказано два года тому назад нашим неудачным главноуговаривающим Керенским и его вольными и невольными последователями; я сам это пережил в течение шести месяцев состояния в роли корпусноуговаривающего. Компромисс — это не решение, а только временная отсрочка,

спешный ремонт опасной трещины, поверхностное, но не радикальное лечение.

Адмиралу надо отцукать Гайду, заставить его понять весь вред его дерзкой эскапады, но надо также и самому разобраться в доводах Гайды и убрать бесталанного и вредного наштаверха; ведь Гайда совершенно прав, обвиняя Лебедева и ставку в неумелых и вредных для фронта распоряжениях и требуя направления всей работы ставки на более дельную дорогу; ведь очевидно, что ставка ничего до сих пор не дала ни по части оперативного управления, ни по части организации.

Сегодня по карте я подсчитал, что отсутствие руководства армиями во время малого военного полета к Волге и нелепое выбрасывание вперед отдельных частей в стремлении первыми и поскорей захватить известные пункты привело к удлинению фронта на 260 верст, разбросало армии и группы и лишило их всяких резервов.

31 мая. Наступательные эксперименты с неготовыми для боя войсками окончились очень печально; левый фланг Сибирской армии разбит и, как доносит Гайда, «дезорганизованные части генерала Вержбицкого бегут». Впервые встречаю в оперативной сводке такое откровенное донесение; в ставке считают, что сейчас Гайда желает возможно сильнее сгустить краски о положении на фронте для того, чтобы резче подчеркнуть, к чему привели распоряжения Лебедева; мне же думается, что, под общим приподнятым настроением, прямо сорвалось слово правды, которую прежде так усердно гримировали.

Несомненно только, что и в Сибирской армии перешли за коэффициент упругости боевого сопротивления и что ей грозит тот же оборонительный паралич, который уже разбил Западную армию.

Вообще, положение на фронте сделалось таким, что недавние оптимисты примолкли, и в Омске наступило довольно тревожное настроение.

Я смотрю на будущее еще мрачнее, так как наши последние резервы—11-я, 12-я и 13-я дивизии, формируемые в тылу в Омске и Томске, к бою еще не готовы, не имеют артиллерии, пулеметов, средств связи, обоза и пр. и пр.

А между тем очевидно, что нам на Урале уже не удержаться, а это грозит Екатеринбургу, Перми и Челябинску, в которых сосредоточены большие запасы разного снабжения. Поэтому приказал приостановить продвижение за Омск новых запасов и просил начальников снабжений армий расходовать все то, что накоплено в их тылах. Просил генерал-квартирмейстера ставки дать заключение о том, не своевременно ли начать частичную эвакуацию Екатеринбурга,

но получил громоносный ответ на тему, что подобные проекты могут отразиться на «настроении войск».

Вот до чего доводит кабинетное управление при помощи несведущих по своей специальности юнцов; они живут утопиями и миражами, мечтают о сохранении настроения, которое так определенно обрисовано в сегодняшнем письме Колковского.

1 июня. В ставке нахмуренное настроение; Лебедеву приказано считаться больным, и он занимается в своем вагоне, передав фактическое исполнение наштаверха Буржину; говорят, что это сделано, чтобы не дать повода бурному Гайде осуществить какую-нибудь выходку и не дразнить его получением распоряжений за подписью Лебедева.

3 июня. На фронте Сибирская армия покатилась назад и покатилась совсем скверно, повидимому, в положении, близком к катастрофическому; разгром ее левого фланга поставил в почти безвыходное положение ее правофланговые части, которые все время гнали вперед, в направлении на Глазов.

Фронт сломлен, а тут еще инцидент с Гайдой и перекрашивание омскими портными дырявой и без того хламиды высшего военного управления; в тылу же все шире и шире разгорается восстание. Одна Тайшетская пробка уже два месяца остановила почное движение поездов на этом участке и самым тяжелым образом отзывается на нашем подвозе, сократив вдвое число приходящих с востока вагонов и не давая возможности отправлять назад освобождающийся порожняк; скудость подвоза усугубляется обращением на линии союзных эшелонов и союзных поездов, при чем своего подвоза союзники ни в коем случае сократить не желают, свою порцию графика выделяют в первую очередь, а нам оставляют огрызки; ясно, что при таких условиях совершенно невозможно образование каких-либо запасов, и мы живем за счет ежедневного подвоза или сокращения дач.

4 июня. Утром вернулся из Перми адмирал; одновременно приехали Гайда и Дутов, а с востока прикатил сменяемый с должности командующего войсками Приамурского округа казачий держиморда Иванов-Ринов; надо весьма опасаться, что эта политиканствующая троица устроит здесь какой-нибудь кавардак.

Акинтиевский, ездивший с адмиралом на ликвидацию гайдовской истории, рассказал мне подробности всего инцидента. 26 мая председатель совета министров получил телеграмму Гайды с просьбой, чтобы совет министров поддержал те требования, с которыми Гайда обратился к верховному правителю.

Но требований этих к адмиралу не поступило—видимо, в последнюю минуту нехватило духа послать.

Когда Вологодский доложил верховному правителю о полученной телеграмме, то адмирал вызвал Гайду по беспроволочному телеграфу и, после нескольких вопросов, спросил Гайду: «намерен ли он исполнять его, верховного главнокомандующего, приказания?»

Гайда на это ответил: «да, но поскольку они не будут мешать его, как командующего Сибирской армией, оперативным распоряжениям». Отсюда и завязалась вся история, обостренная требованием убрать Лебедева.

После совещания с Ноксом и Жанэном, адмирал решил сам ехать к Гайде, так как иных средств для разрешения инцидента не было; трагическое бессилие верховной, по названию, власти и верховного, по званию, командования, вынужденных советоваться с иностранцами и не имеющих реальных средств заставить выполнить свою волю...

Было решено итти напролом; взяли с собой весь конвой верховного правителя, приказали изготовиться находящемуся в Екатеринбурге батальону охраны ставки и двинулись на запад усмирять непокорного сибирского командарма из перебежавших к нам фельдшеров австрийской армии. Осуществились предсказания тех, которые предупреждали адмирала, когда он пригласил Гайду на русскую службу.

При отправлении было решено, что если Гайда будет продолжать оказывать неповиновение, то его арестовать и отправить немедленно в Омск. Подъезжая к Перми, не знали даже, встретил ли Гайда верховного главнокомандующего или нет; уже в самой возможности такого сомнения кроются грозные для будущего перспективы. Но Гайда оказался вполне по внешности корректным и встретил адмирала с обычной помпой и по уставу. После встречи и ухода с платформы почетного караула вокзал был занят частями адмиральского конвоя, изготовившимися против всяких случайностей, а адмирал пригласил Гайду в свой вагон и объявил ему, что, так как он позволил себе отказаться от исполнения приказаний верховного главнокомандующего и пытался поднимать совет министров против верховного командования, то адмирал не считает возможным долее оставлять его в должности командующего Сибирской армией и предлагает сдать командование начальнику штаба армии, а затем ждать решения дальнейшей своей судьбы в Омске.

Гайда горячо оправдывался, доказывая, что он был обязан довести до сведения совета министров о том, что распоряжения ставки губят армии.

Тогда адмирал спросил Гайду, почему же он раньше ему этого не донес, не доложил, не сделал никогда ни одного намека о такой оценке распоряжений ставки, а между тем, это была его прямая, как командарма, обязанность. Эти слова адмирала очень знаменательны, ибо дают всему выступлению Гайды настоящую оценку, подтверждая, что интересы армии были только внешним предлогом, а внутренней причиной были обиженное честолюбие и шалая несдержанность.

Сейчас отношения старших начальников очень портятся благодаря гнусной и чисто провокационной деятельности многих видных представителей контр-разведки, которая ядовитой грибной плесенью обволокла верхи управления и многих высоких начальников, незаметно для них втянув их в свою атмосферу сыска, влезания в чужие души и мысли и размазав эту нравственную грязь по всей духовной стороне военного управления. Это я видел в Харбине, Владивостоке и вижу теперь и в Омске; сейчас у каждого большого, политиканствующего начальника имеется отдел (неофициальный, конечно) контр-разведки, занятый исключительно шпионством и наблюдением за другими, больше всего, конечно, инакомыслящими и противными их господину лицами.

При дальнейшем разговоре адмирал, на запосчивое заявление Гайды о том, что в случае его ухода с поста командующего армией войска сейчас же побегут, ответил, что за последствия отвечает он сам, как верховный главнокомандующий.

После довольно длительных пререканий и обмена колкостями, адмирал поставил Гайде ультиматум выехать из Перми в течение двух часов, при чем, в случае согласия, ему будет разрешено уехать самому и еще в звании командующего армией; в противном же случае будут приняты иные меры. Гайда молчал, но затем с усилием проговорил, что он солдат и полученное приказание исполнит.

Через два часа Гайда экстренным поездом выехал в Омск, сдав командованиеи армией генералу Богословскому; перед отъездом он был у адмирала, который успел за это время совсем отойти и даже беспокоился, не был ли он «слишком жесток к Гайде». Тут же появился всюду сующий свой нос атаман Дутов, стал просить за Гайду, и адмирал совсем смягчился. Вот сущность того, что рассказал мне Акинтиевский.

Гайда явился в Омск с отборным конвоем в 350 человек и сейчас он—самая реальная сила во всем Омске.

Сегодня стало известно, что адмирал получил из Парижа запрос пяти держав с просьбой сообщить политическую

программу омского правительства—при удачном разрешении ожидается признание правительства и власти адмирала.

Адмирал дал ответ, который считается вполне удовлетворяющим союзников, но отказался дать согласие на привлечение к власти членов Комитета учредительного собрания, так как главари их перекинулись на сторону большевиков, и с ними невозможно никакое соглашение.

Странно, однако, что такие серьезные вопросы решаются помимо совета министров каким-то келейным способом; по конституции совету министров принадлежит огромная власть, но все это сведено на-нет созданием совета верховного правителя, где все вершится так, как того хотят Михайлов и его подголосок, дипломатический вундеркинд Сукин, выскочивший неизвестно в силу каких достоинств на пост управляющего министерством иностранных дел и пытающийся разыгрывать из себя великого дипломата. Какой-то злой рок преследует адмирала в составе его главнейших помощников.

5 июня. Лебедев дипломатически болен и будет считаться таковым до окончания работ комиссии генерала Дитерихса; если последний действительно то, как о нем говорят, то он должен сказать адмиралу правду и настоять на немедленном удалении Лебедева и на коренной реорганизации ставки. Пока же—все стоит; вместо работы идет шушукание, создание и распространение всевозможных сплетен. Вся местная грязь заколыхалась и издает сильное зловоние. Дутов, Иванов-Ринов и иже с ними носятся по городу и что-то махлюют. Бесконечно тяжело все это, противно и навевает самые грустные мысли; как я ни погружен в свою работу, но не могу совершенно отгородиться от шумов и запахов окружающей сутолоки и от миазмов омского болота.

Жалко смотреть на несчастного адмирала, помыкаемого разными советчиками и докладчиками; он жадно ищет лучшего решения, но своего у него нет, и он болтается по воле тех, кто сумел приобрести его доверие.

6 июня. Просил министров земледелия и торговли оказать самую широкую поддержку развитию в Сибири льноводства, овцеводства и кустарных промыслов (особенно по сукну, холсту и мелким металлическим изделиям), дабы поскорей освободиться от рабской зависимости перед заграничными снабжениями и стать на свои собственные сибирские ножки; зачатки всего этого в Сибири есть, и для их развития нужен только кредит, обеспечение от реквизиций и уверенность в хорошем сбыте. Жаль, что для этого потерян весь 1919 год; ведь наши холсты и наша деревенская армячина вне всякого сравнения с той дрянью и гнилью,

которые под видом сукна, дрели и разных подделок самого отвратительного качества валят к нам заграницы и которые оплачиваются золотым рублем; сейчас, вместо сукна, мы получаем отвратительный японский суррогат, состоящий из разных отбросов, накатанных на бумажную основу, и расползающийся через три недели носки; наши же шинели, отбывшие всю германскую войну, держатся до сих пор.

Гайда уехал на фронт, как говорят, помирившись с адмиралом; еще одно печальное проявление нашей дряблости, ибо все происшедшее не было личным делом Гайды или Лебедева: это было серьезное, русское, кровью брызжущее государственное дело, требовавшее железного и оглушительного решения, вне личной слабости или твердости, вне личных симпатий и антипатий. Лебедев продолжает болеть.

7 июня. Адмирал повидимому очень далек от жизни и — как типичный моряк — мало знает наше военно-сухопутное дело; даже хуже того — он напичкан и, как добросовестный человек, очень усердно напичкался тем материалом, который ему всучили Лебедев и К°; сразу видно, что многое напето ему с чужого голоса.

Между тем по всему чувствуешь, что этот человек остро и болезненно жаждет всего хорошего и готов на все, чтобы этому содействовать, но отсутствие знания, критики и анализа не дает ему возможности выбиться на настоящую дорогу; личного и эгоистического у адмирала повидимому ничего нет — это ярко сквозит во всем его разговоре, в его мыслях и решениях. По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного императора. И обстановка кругом почти такая же: то же прятание правды, та же угодливость, те же честолюбивые и корыстолюбивые интересы кучки людей, овладевших доверием этого большого ребенка. Скверно то, что этот ребенок уже избалован и несомненно уже начинает отвыкать слушать неприятные вещи, в чем тоже сказывается привычка старого морского начальника, поставляемого нашим морским уставом в какое-то полубожеское положение.

Все, что тревожило меня в Харбине, получило здесь полное подтверждение: с ужасом зрю, что власть дрябла, тягуча, лишена реальности и деловитости, фронт трещит, армии разваливаются, в тылу восстания, а на Дальнем Востоке неразрешенная атаманщина. Власть потеряла целый год, не сумела приобрести доверия, не сумела сделаться нужной и полезной, а поэтому нет ничего мудреного в том, что ее авторитет неудержимо, почти что кувырком летит

вниз. Сейчас нужны гиганты наверху и у главных рулей и плеяда добросовестных и знающих исполнителей им в помощь, чтобы вывести государственное дело из того мрачно-печального положения, куда оно забрело; вместо этого вижу кругом только кучи надутых лягушек омского болота, пигмеев, хамелеонистых пустобрехов, пустопорожних выскочек разных переворотов, комплотов и политически-коммерческих комбинаций; вижу гниль, плесень, лень, недобросовестность, интриги, взяточничество, грызню и торжество эгоизма, бесстыдно прикрытые великими и святыми лозунгами. Среди этого смрада, как редкие зубры, мочалятся малочисленные могикане старой, честной добросовестной России, рыцари долга, подвига и самопожертвования.

9 июня. Лебедев успешно вылез из поднятой Гайдой истории и опять прочно укрепился; комиссия Дитерихса не нашла оснований к подтверждению предъявленных к наштаверху и ставке упреков и обвинений; трудно было и ожидать иного решения от этой специфически омской комиссии, посмотревшей на все это с внешней точки зрения и неспособной возвыситься до глубокого анализа всего, вту историю создавшего.

Глубоко тревожно и печально, что во главе военного и оперативного управления остался никчемушний случайный выкидыш ноябрьского переворота, абсолютно неграмотный в том великом деле, за которое самоуверенно взялся, и остро ненавидимый старшими войсковыми штабами, а за ними и всем фронтом; еще хуже, что это еще более усугубляет разрыв между фронтом и тылом, между армией и адмиралом.

11 июня. Федотов принес мне для прочтения доклад профессора Лебедева, председателя комиссии по делу омского военно-промышленного комитета, обвиняемого в целом ряде разных преступных деяний; в докладе приведены факты, достойные немедленного предания военно-полевому суду, но у комитета масса влиятельных друзей, до самого наштаверха включительно, и все дело застопорено под предлогом того, что комитет привлек комиссию Лебедева к суду по обвинению в клевете.

Обвинений в докладе масса, и разобраться в них без подробного ознакомления, конечно, очень трудно, но такой факт, как раздача членам комитета реквизированного для нужд обороны железа и продажа ими этого железа на сторону по четверной цене, достаточно ярко показывает, какие гуси сидели в этом комитете. Указывают и на то, что некоторые члены комитета успели сделаться в очень короткое время весьма состоятельными людьми.

Вообще же считают, что высокие связи комитета вполне гарантируют его от каких-либо посягательств судебной власти.

14 июня. Получено известие, что в Иркутске чехословаки арестовали часть своих офицеров и образовали комитеты. Опять нам придется расхлебывать всю эту ерунду, созданную союзниками, посадившими нам в тыл эту разжиревшую и обленившуюся шкурятину, занятую торговлей и скапливанием денег и имущества и совершенно не желающую рисковать не только что жизнью, а даже спокойствием и удобствами своей жизни.

Чехи считают Омск реакционерами, относятся к наличной власти снисходительно вежливо, они отлично учитывают свою силу и нашу слабость и всячески этим пользуются, конечно, под соусом видимой помощи. На Урале и в Сибири они набрали огромнейшие запасы всякого добра и более всего озабочены его сохранением и вывозом; ведь требовали они с нас три миллиона рублей за переданную нам императорскую гранильную фабрику под предлогом, что они развили ее новыми станками и машинами; когда же начальник инженеров Тюменьского округа полковник Греков стал принимать эти «новые» машины, то среди них оказались снятые с фортов Владивостока, и в том числе дизель-моторы с форта № 6, строителем которого был когда-то этот самый Греков; очевидно, что и остальные машины были приобретены в том же магазине без хозяина, который именуется Россией.

Сейчас чехи таскают за собой около 600 груженых вагонов, очень тщательно охраняемых; они заявляют, что это их продовольственные запасы, но когда при их движении на восток мы, во избежание пробега вагонов, предложили им сдать это продовольствие и получить эквивалент в Иркутске и Красноярске, то они категорически отказались; по данным контр-разведки, эти вагоны наполнены машинами, станками, ценными металлами, картинами, разной ценной мебелью и утварью и прочим добром, собранным на Урале и в Сибири.

15 июня. Беспорядки в тылу подбираются ближе к Омску; вчера под Петропавловском спустили под откос пассажирский поезд.

Невеселое впечатление производят омские улицы, кишащие праздной, веселящейся толпой; бродит масса офицеров, масса здоровеннейшей молодежи, укрывающейся от фронта по разным министерствам, управлениям и учреждениям, работающим якобы на оборону; целые толпы таких жеребцов примазались к разным разведкам и осведомлениям. С этим гнусным явлением надо бороться совершенно

исключительными мерами, но на это мы, к сожалению, неспособны.

17 июня. После обеда имел длинный разговор с Лебедевым; высказал ему свои взгляды на положение и свои опасения за будущее; нарисовал ему грозность слагающейся обстановки и надвигающуюся со всех сторон катастрофу; указал на тот общий развал, который на моих уже глазах прогрессирует с ужасающей быстротой и грозит погубить все наше дело. Высказал, что для авторитета власти нужно, чтобы она была кристально чиста и честна; в наличной обстановке легкомыслия, нерадивости и падения нравственного уровня, в вакханалии наживы и эгоизма естественно рождение и процветание всяких гадов и пресмыкающихся, которые облепили органы власти и своей грязью грязнят и порочат эту самую власть.

Указал на прогрессирующий развал фронта, на распухшие штабы, рассказал, что, по сведениям приезжающих с фронта строевых офицеров, высшие и низшие штабы переполнены законными и незаконными женами, племянницами и детьми, о которых начальники заботятся больше, чем о подведомственных им частях; что солдат заброшен; что штабы доносят заведуемую неправду; что при эвакуации Уфы раненых бросили на красные муки, а штабы уходили, увозя обстановку, мебель, ковры, при чем некоторые лица торговали вагонами и продавали их за большие деньги богатым уфимским купцам; что за последнее время грабеж населения вошел в обычай и вызывает глухую ненависть самых спокойных кругов населения; что общая апатия и чувство безнаказанности родили и развили чисто формальное исполнение своих обязанностей, лишь бы не попасть под ответ; что постепенно гибнут последние остатки того самопожертвования и великого подвижнического служения идее, с коими было начато сибирское белое движение и без которых невозможно торжество того, за что мы боремся.

Указал на дряблость и бессилие власти, признаваемой фиктивно «постольку-поскольку», но реально беспомощной и убиваемой атаманщиной; указал на разброд, вялость, бесцветность, бессистемность и никчемность правительственной программы, на отсутствие каких-либо основных и твердых идей в строительной и созидательной работе правительства, пытающегося взгромоздиться на всероссийские ходули и неспособного удовлетворить примитивные нужды населения; высказал, что в такой обстановке я не в состоянии нести обязанности его помощника, ибо я привык работать, а не кипятиться в соусе подозрительной по качеству омской политики, совещаний, комиссий и быть рабом

каких-то голосований, компромиссов и таинственных комбинаций глубоко противных мне, по их внутреннему содержанию, лиц.

Видимо разговор произвел на Лебедева большое впечатление; он как-то осунулся и потерял свой лоск и самоуверенность, обещал разобраться в сообщенном мной материале и принять нужные меры.

20 июня. Под влиянием омских кругов, настроенных в последние дни очень решительно, адмирал решил покончить с Гайдой и уволил его от командования, разрешив отправиться в заграничный отпуск.

21 июня. Труднее всего с подвозом, так как восстания в красноярско-тайшетском районе остановили почти на 2 месяца ночное движение поездов, и восточнее Красноярска скопилось около 140 груженых товарных составов с интендантским и артиллерийским снабжением; большие станции забиты чешскими эшелонами, что еще более затрудняет транспорт и не позволяет рассортировать задержанные составы и пропустить вперед наиболее для нас нужные; наш пищенский график сильно страдает еще и от того, что хозяевами дороги являемся не мы, а многочисленные союзные опекуны, и в первую голову идут поезда чешские, польские, междусоюзные, а восточнее Байкала—японские и семеновские; нам же достаются одни только объедки.

Написал министру финансов письмо, в коем ориентирую его в настроениях фронта, крайне враждебных всему, что делается в тылу, и особенно острых к состоятельной буржуазии и спекулятивным кругам, жиреющим от доходов и барышей, но не желающим ничем жертвовать и реально помочь армии; указал, что в теперешнее больное время такое настроение может привести к очень печальным результатам, и что необходимы какие-нибудь особые меры, чтобы заставить состоятельные классы понять, что фронт спасает их жизнь, достояние и привилегии и имеет право рассчитывать, чтобы подумали об его нуждах и ему помогли.

Но так как горький опыт показывает, что нет никакой надежды на то, что богатые буржуи раскачаются и откроют свои туго затянутые жадностью и узкомыслием кошели, то я очень прошу обсудить мое предложение о принудительном обложении богатых классов и крупных доходов большим прогрессивным налогом в пользу инвалидов и семей убитых и умерших на службе государству и на устройство инвалидных домов, ферм, учебных заведений для сирот и пр. и пр. Я полагаю, что в распоряжении министра финансов имеются данные для определения суммы, которую можно будет назначить; эту сумму надо разло-

жить затем между биржевыми комитетами всей Сибири и Дальнего Востока, а те пускай уже разбираются, сколько с кого взять. Печально итти по этой части по стопам комиссаров, но нет иных способов расшевелить нашу богатую буржуазию, не испытавшую еще, как следует, всех прелестей большевистской выездки.

Я помню так называемые «дни армии» в Харбине, когда путем благотворительного выжимания собрали около полутораста тысяч рублей, а между тем в Харбине имелись сотни обывателей, сделавшихся во время войны миллионерами, и многие сотни богачей, наживших за это время десятки миллионов; люди, близкие торговле, говорили мне, что прибыль Владивостока и Харбина за время войны и смуты можно подвести к миллиарду рублей.

Такой же жалкий сбор был произведен и во Владивостоке; когда же полтора года тому назад там установилась большевистская власть и ей понадобились деньги, то она их получила немедленно и в количестве нескольких миллионов, при чем давшие эти деньги сейчас же об этом забыли и никогда более не вспоминали.

23 июня. Изъятие из моего ведения всех перевозок, перешедших в одно общее для фронта и тыла управление военных сообщений ставки, сказалось сразу очень печальным образом. Просматривая ведомости о движении грузовых эшелонов, обратил внимание на резкое падение числа прибывающих на станции Иркутск и Омск. Несомненно, что отчасти тут сказывается влияние Тайшетской пробки, но была, очевидно, и другая причина. Произведенное по телеграфу расследование причин этого явления выяснило, что Китайская дорога перестала подавать порожняк к Владивостоку, и это остановило погрузку владивостокских срочных парядов.

Оказывается, что все это подстроено дальневосточными спекулянтами для того, чтобы получить побольше вагонов для местных перевозок и спасти рыбные грузы харбинских и благовещенских купцов продвижением их за Байкал ценой сокращения воинских перевозок. Дело было обляпано мастерски; заявили междусоюзному комитету, что Забайкалье умирает без рыбы, но зато ее много в Харбине, почему для спасения Забайкалья надо разрешить подвинуть ее на запад в местном сообщении, где в графике есть свободный запас. Разрешение было дано, и спекулятивная рыбешка поползла на ст. Манчжурия, где таинственно переползла границу и попала на Забайкальскую дорогу; там тоже воспользовалась преимуществами местного сообщения и добралась до Иркутска и т. д. Вагоны для этого брались из того порожняка, который мы усиленно гнали с за-

нада и который фатально заболевал в пределах Китайской дороги.

Лица, обязанные блюсти интересы боевого транзита, оглохли и ослепли; всего у нас слизнули свыше 400 вагонов, которые пошли под рыбу и другие спекулятивные грузы, подсосавшие наше сквозное движение. Наши вагоны идут без «подмазки», побочных доходов с них никому не очищается, а потому они и подвержены постоянным «заболеваниям»; семеновские же и спекулянтские вагоны болеют очень редко, ибо с ними едут «доктора», обращающиеся своевременно за помощью к сценщикам, составителям и иным сведущим по вагонным болезням лицам. Обходится это лечение недешево: один харбинский коммерсант истратил на лечение двух вагонов в пути от Харбина до Омска около ста тысяч рублей и на последней остановке отдал за пропуск их дальше последнее, что у него оставалось,—золотые часы.

Сообщил это ставке, но та ограничилась приказанием выбросить бочонки с рыбой из вагонов и отправить вагоны во Владивосток; в просьбе же разгромить всех виновных лиц мне отказали, потому что при этом придется затронуть междусоюзный контроль и его служащих, а это очень некстати, ввиду происходящих теперь серьезных переговоров по поводу признания и материальной помощи.

Взамен я уведомил довольствующие министерства, что я готов предоставить в распоряжение крупных биржевых комитетов некоторое количество наших вагонов, в которых по нарядам этих комитетов могли провозиться неспекулятивные грузы, необходимые для населения и здоровой торговли.

Во время доклада адмирал сообщил мне, что ночью арестованы шесть военных летчиков и начальник воздушного флота за провоз частных грузов под видом военного снабжения и что он хочет, чтобы над ними разразилась строгость правосудия, но не уверен в осуществлении своего желания и боится вмешательства юристов и адвокатов.

24 июня. Вечером в совете министров—большие и горячие дебаты по поводу законопроекта о легализации союза городов и земств; спорили в температуре самого острого напряжения, при чем для меня выяснилась полная разноголосица мнений и основных политических взглядов, както не вяжущаяся с солидарностью совета министров.

Мне, новому и случайному человеку, было чрезвычайно неприятно убедиться, до чего резко расходятся во взглядах на внутреннюю политику члены кабинета, именуемого объединенным правительством. Вина в этом лежит несомненно

на самом председателе совета министров, которого держат на столь ответственном посту, как какую-то драгоценную реликвию (неизвестно только, какой секты и толка), уверяя, что в его имени и личности кроется прочный залог демократического правительства и уверенности союзников и общественного мнения всего Запада в демократичности омской власти.

Очевидно, что весь этот миф создается теми, кому выгодно возглавление правительства этой сношенной и безвольной тряпкой, совершенно потухшим человеком, негодным и неспособным уже на руководство делом самого мелкого масштаба; очевидно, что и тут главную роль играет боязнь наиболее честолюбивых членов настоящего кабинета потерять власть и уйти в политическое небытие, раз только будет сменен этот дряблый папаша времен ноябрьского переворота и новый председатель станет подбирать себе сотрудников по своему вкусу.

Горько то, что несчастная судьба России подсунула совершенно неподготовленному к возглавлению верховной власти адмиралу какой-то обмылок, повидимому, даже мало интересующийся и часто не знающий, что делают подчиненные ему правительственные министерства и возглавляющие их министры.

В сегодняшнем заседании министрам пришлось высказать свои политические взгляды, и меня поразила реакционность, неискренность и умышленная недоговоренность некоторых речей; общее заключение из того, что я сегодня услышал, сводится к выводу, что большинство совета настроено враждебно против всяких общественных организаций и боится их критики, контроля и агитации, но в то же время боится поставить точки над i и получить упреки в недемократичности. Видно было, что противники легализации союзов боятся создать в их лице опасного для власти крокодила и были бы рады, если бы сей крокодил благополучно подох, но только так, чтобы их участия в его удачной смерти не было.

Искреннее и прямее других был демократичный по внешности и по репутации министр земледелия Петров, который очень резко высказался против легализации союзов, как учреждений опасных для государственного строя и органических созданных для того, чтобы его подрывать.

Определенен, точен и искренен был министр вн. дел Пепеляев, высказавшийся самым резким образом против союзов, как фиктивной по названию, но антиправительственной по сущности организации. Остальные виляли, старались и демократическую невинность соблюсти, и упрека в реакционности избежать.

Вернулся раздраженным и настроенным, так сказать, «антиправительственно», ибо убедился, что с данным составом министерских упряжек нам не выехать на хорошую дорогу; слишком уже мелки, эгоистичны и неспособны на творчество и подвиг все эти персонажи, случайные выкидыши омского переворота.

В ставке уверяют, что контр-разведка раскрыла огромный заговор и имеет определенные указания на то, что в самом Омске должно произойти на-днях вооруженное восстание; главные деятели контр-разведки приняли вдохновенный и озабоченный вид и на все расспросы таинственно помахивают своими провокаторскими главами.

Глубоко убежден, что это очередная фабрикация этих потомственных и почетных провокаторов, которым надо усугубить важность своего охранительного значения и получить еще несколько миллионов на темные расходы.

Полупочтенное всегда учреждение контр-разведки, впитавшей в себя функции охранного отделения, распухло теперь до чрезвычайности и создало себе прочное и жирное положение, искусно использовав для сего атмосферу гражданской войны, политических заговоров и переворотов и боязни многих представителей предержащей власти за свою драгоценную жизнь и за удержание власти.

Все это сделало главарей контр-разведки большими и нужными людьми, телохранителями многих сильных мира сего и открыло самые широкие и бесконтрольные горизонты для их темной, грязной и глубоко вредной деятельности.

Здесь мне нет времени углубляться в деятельность этих господ, но в Харбине я видел достаточно, как распухло это гнусное учреждение и как крепко оно опутало верхи власти, грязня их своей грязью. Здесь контр-разведка—это огромнейшее учреждение, пригревающее целые толпы шкурников, авантюристов и отбросов покойной охранки, ничтожное по производительной работе, но насквозь пропитанное худшими традициями прежних охранников, сыщиков и жандармов.

Все это прикрывается самыми высокими лозунгами борьбы за спасение родины, и под этим покровом царят разврат, насилие, растраты казенных сумм и самый дикий произвол. И во всем этом нет ничего удивительного, ибо довлеет дневи злоба его; контр-разведка и охранка всегда требовали особого контроля и умелого наблюдения, ибо при малейшем ослаблении надзора они делались сосредоточием всякой грязи и преступлений. Кто-то сказал, что во всей охранной деятельности нужно, чтобы чистые головы руководили грязными руками и сдерживали преступные похоти

этих грязных рук. Теперь чистых голов уже не осталось, и на верхи контр-разведки залезли выскочки или разные авантюристы, развращенные теми возможностями, которые им дает современная неурядица.

Если мое краткое соприкосновение с чинами прежней охранки дало мне такие случаи, как подполковник Заварицкий и ротмистр Фиотин, посылавшие людей на виселицу и на каторгу ради отличия и получения внеочередной награды, то что же должно быть теперь, когда ослаб до нельзя контроль и наблюдение?

28 июня. Видел прибывшего с фронта командующего Западной армией генерала Ханжина, заменяемого генералом Сахаровым; говорят, что это назначение проводится Лебедевым и поддерживается генералом Ноксом, которые в решительности Сахарова видят исход из того положения, в котором находится сейчас Западная армия. По тому, что я слышал о Сахарове, он подходит больше всего к начальнику карательной экспедиции или командиру дисциплинарного батальона.

Ханжин подтвердил мне, что число ртов, показываемое в войсковой отчетности, превосходит приблизительно вдвое действительное их наличие; подтвердил также и отсутствие разумного эшелонирования запасов и накапливание огромных складов при частях войск; как пример, он указал, что в одном полку, выдвинувшемся при наступлении далеко вперед, было разных запасов свыше 150 груженых вагонов.

По полученным мной от контроля сведениям, в Сибирской армии были части, имевшие всегда при себе не менее 2½-месячного запаса продовольствия всех видов. Пепеляев слал с фронта угрожающие телеграммы о недостатке довольствия, а при поверке на его базе оказалось свыше 300 вагонов, груженых всеми видами довольствия.

Та же Сибирская армия вопила о недостатке медикаментов и перевязки и обвиняла тыл в гибели раненых, а при поверке оказалось, что рядом с полевой аптекой армии стояло шестнадцать вагонов с нужными медикаментами и перевязочными материалами и что штаб армии был своевременно об этом извещен.

Все, посылаемое на фронт в скромных, но все же достаточных при разумном использовании количествах, тонет в море хаоса, своеволия и безудержной атаманщины. Вот уже два месяца я заваливаю штабы армий телеграммами, прося установить порядок в эшелонировании и расходе снабжения, но все это—глас вопиющего в пустыне.

При таких условиях расходования и при наших нищенских средствах заготовки и подвоза регулярное снабжение

распухших численно армий становится невероятно трудным делом.

Все попытки внести в это дело систему, порядок и контроль вызывают и глухое, и открытое сопротивление, при чем двигающие этим эгоизм и распущенность прикрываются интересами дела. Государственный контролер показал мне донесение контролера при речной флотилии о том, что когда он опротестовал какой-то шалый расход на постановку особых вентиляторов в каюте начальника флотилии контр-адмирала Смирнова (он же опереточный морской министр), то ему пригрозили поркой.

29 июня. Не проходит и нескольких дней, чтобы не было каких-нибудь донесений с востока о безобразиях и насилиях семеновской опричнины; мне, как представителю военного ведомства, приходится хлопать глазами, когда другие министры обращаются ко мне с требованием прекратить эти безобразия; каждый раз заявляю, что военное ведомство бессильно справиться с читинской вольницей, умышленно укрываемой японцами, и что я могу только просить председателя совета и министра иностранных дел устранить это покровительство дипломатическим путем.

30 июня. Скверные известия с фронта, достоверные, но неофициальные, ибо штабы армий не любят доносить о скверных вещах. Несомненно только, что по моей снабжательской части при стремительном отходе потеряны огромные запасы продовольствия и снабжения, нерасчетливо и безумно выброшенные вперед, несмотря на грозную неустойчивость положения фронта. В одном уфимском районе мы потеряли до 2 миллионов пудов зерна и до 200 тысяч пудов крайне необходимой нам гречневой крупы. Эвакуация фронта производилась возмутительно преступно; было время многое спасти, но сначала шли многочисленные штабные хозяйственные эшелоны с бабами, няньками, детьми и прочими бебехами; затем уезжали в купленных вагонах богатые обыватели. Прибывшие с фронта офицеры трясутся от негодования, рассказывая, как производилась эта эвакуация. Надо еще удивляться прочности нашей дисциплины, которая позволила офицерам и солдатам спокойно смотреть на эти мерзости и не разорвать в клочья тех, кто это делал или допускал делать.

2 июля. Главнокомандующим фронта назначен генерал Дитерихс.

Наши порядки вообще так неудовлетворительны, что переходящие к нам с красного фронта офицеры говорят, что у красных больше порядка и офицерам легче служить.

Инспектор ремонтов показал мне свидетельство на освобождение от конской повинности, на правах кровного и

незаменимого производителя, лошади одного омского богача; при поверке лошадь оказалась мерином. Порекомендовал убедить ставку доложить этот случай адмиралу для применения моего проекта высылки в красную Россию всех причастных к этой мелкой, но характерной гадости лиц.

4 июля. Для меня ясно, что в неуспехе фронта виноваты те, которые позволили армии распухнуть до 800 тысяч ртов при 70—80 тысячах штыков; те, которые допустили хищническое расходование наших бедных средств снабжения; те, которые по безграмотности и по честолюбию гнали армии от Урала к Волге, забыв о возможности красного контр-наступления и не учитывая усталости, раздетости, растрепанности армий; те, которые по честолюбию не сумели во-время оценить обстановку, созданную переходом красных в наступление, и продолжали цепляться за авоську, пожертвовав ради этого последними и неготовыми для боя резервами.

Как бы уверенно мы могли смотреть сейчас на будущее, если бы в тылу расстроенных и катящихся на восток армий стояли достаточно подготовленные к бою и маневру резервы Каппеля и Екатеринбургской группы, погубленные нашими горе-стратегами в судорожных потугах спасти заведомо безнадежное положение.

7 июля. На всех больших станциях стоят и благоденствуют чешские эшелоны; устроились они отлично, поставив свои вагоны в лесах и рощах на особо проложенных тупиках; все красиво убрано и разукрашено; кругом идеальная чистота; временами видно, как немецкие пленные в чистых передниках и колпаках готовят для своих бывших вассалов пищу в ослепительно опрятных и блистающих полированной медью кухнях.

Щеголевато одетые чехи, жирные и гладкие, важно гуляют по платформам. Обидно смотреть на наши новенькие вагоны в 3.000 пудов грузоподъемности, захваченные чехами под жилье; в вагонах выломаны стенки, сделаны окна и двери; временные хозяева с русским добром не церемонятся.

8 июля. Не везет адмиралу по части ближайшего антуража; он взял к себе личным адъютантом ротмистра Князева, который дивит кутящий Омск своими пьяными безобразиями; много хуже то, что этот гусь злоупотребляет своим положением и позволяет себе разные распоряжения именем адмирала.

9 июля. Получил полные перечневые ведомости армейских магазинов; понадобилось пять недель напряженной переписки, чтобы вытащить от армий эти сведения. Данные ведомостей показали, что в этих магазинах разбросано столь-

ко обмундирования и снаряжения, что им можно одеть все боевые части; по имеющимся же у меня негласным сведениям в вагонных эшелонах некоторых начхозов кроются еще более крупные склады разного снабжения; повторяется то, что угнетало нашу армию в 90-х годах и против чего начал борьбу Драгомиров, т.-е. безумное накопление имущества в складах при раздетых и оборванных солдатах.

10 июля. По ставке бродит прибывший от Деникина генерал Карцев, для которого выдумали какую-то экзотическую командировку с грамотой к Таранчам и в Кульджу; непонятны эти гастрольные поездки повидимому нигде не нужных персонажей.

Лебедев опять собрался на фронт; ему нет дела, что дорога перегружена эвакуацией и что, идя навстречу эвакуационному потоку на одноколейном участке, он приносит существенный вред ее успеху; для него составляли поезд, и его прислуге понравился вагон, занятый офицерами управления дежурного генерала ставки; немедленно комендант ставки приказал офицерам очистить вагон и искать себе помещения; в результате начальнические холуи сели в классный вагон, а ответственные работники ставки отправились искать себе приюта. Ругают старые порядки, а ведь при них такие мерзости были даже немыслимы.

Адмирал так и не может понять нелепости постоянных поездок своего наштаверха на фронт, где он никому и ни для чего не нужен и где, кроме путаницы в распоряжениях и задержки в движении поездов, он ничего не делает.

Сейчас, например, прямо преступно лезть со своим поездом на фронт, когда от Екатеринбурга и Челябинска тянутся к Омску сплошные ленты эвакуируемых составов и эшелонов, и движение навстречу им экстренного поезда остановит все движение. Но очевидно наш вундернаштаверх считает, что какая-то эвакуация—это пара пустяков сравнительно с чудодейственным влиянием его появления в штабе какой-нибудь армии.

13 июля. Идет стремительная эвакуация Урала. Омск, несмотря на самые грозные воспрещения, переполнен уральскими беженцами, которые своими паническими рассказами значительно ухудшают и без того скверное настроение перепуганного населения; особенно панические сплетни расползаются из союзных миссий (французской par excellence) и из канцелярии совета министров, при которой болтается порядочная стайка разных балбесов.

14 июля. Гайда с особым поездом отбыл в заграничный отпуск, получив от адмирала 70.000 франков золотом. Его хотели отправить обычным пассажиром экспресса, но он заартачился; создался целый конфликт, в который вмешался

Дутов, и, в конце концов, Омск скис и разрешил Гайде ехать своим поездом и со своим конвоем. Злые языки говорят, что вся собака зарыта в том, что вагоны Гайды нафаршированы золотом, платиной и уральско-сибирскими сувенирами, которые невозможно и небезопасно везти прямо в экспрессе, да еще и с проездом мимо Семенова, у которого на счет мимоедущих ценностей особый нюх для учуяния и станция Даурия для освобождения владельцев от этих ценностей.

Знающие Гайду говорят, что он не простит адмиралу своей отставки, и что адмирал делает большую ошибку, разрешив ему ехать через всю Сибирь вольным человеком.

16 июля. Разговаривал с полковником Зубковским, только что прибывшим с фронта; по его мнению, положение совсем скверное; огромная часть личного состава прямо не хочет воевать, не хочет рисковать жизнью и терпеть разные невзгоды и лишения; набранные наспех уральские пополнения во время отхода армий разошлись по домам, унося с собой все снабжение, частью и винтовки. В частях остались штабы, офицера и очень немного солдат, преимущественно из стариков и из тех, кому некуда уйти. Вся эта редкая паутина ползет на восток, не оказывая уже никакого сопротивления; отходят на забираемых у населения подводами, что и объясняет быстроту отката. Красные ведут преследование тоже на подводах.

Происшедшее с нашими дутыми армиями характеризуется тем, что в Сибирской осталось около 6 тысяч штыков, а еще в июне эта армия требовала денег и снабжения на триста пятьдесят тысяч человек.

Все отправленное за последние 2 месяца на фронт снаряжение, снабжение и вооружение погибло и перешло в руки красных.

Какой великий грех лежит на нашем наштаверхе и его помощниках, которые истерически-шало, ради честолюбия и шумихи, вышвырнули на разлагающийся и уже безнадежный фронт наши последние резервы.

Особенно тяжела потеря с великим трудом добытых и доставленных на фронт винтовок; штабы армий слали нам ультиматумы, требуя винтовок для десятков тысяч «готовых и рвущихся в бой пополнений»,—и все это погибло.

Честолюбивые мальчишки, облеченные в генеральскую форму и ведавшие подготовкой резервов, бессовестно лгали, когда доносили об их готовности, и обманывали ничего не понимающего в этом деле адмирала.

То заключение, которое я вынес на екатеринбургском смотру ударных частей Сибирской армии, оказалось вполне верным; эти отлично парадировавшие части разбежались

при первом же столкновении с красными и почти сразу же прекратили свое существование.

17 июля. В соборе состоялась панихида по царской семье; демократический хор отказался петь, и пригласили монахинь соседнего монастыря, что только способствовало благолепию служения. Из старших чинов на панихиде были я, Розанов, Хрещатицкий и уралец—генерал Хорошхин; остальные постарались забыть о панихиде, чтобы не скомпрометировать своей демократичности.

После панихиды какой-то пожилой человек, оглядев собравшихся в соборе (несколько десятков, преимущественно старых офицеров), громко произнес: «ну и немного же порядочных людей в Омске».

19 июля. Голова идет кругом от работы; эвакуация перемешала все тылы; все многочисленные штабы и управления утекают на восток, потеряв связь со своими частями, и последние, особенно по части довольствия, брошены на произвол судьбы. Бывшая система снабжений (если только ее можно назвать этим именем) рухнула, всякий оборот запасов прекратился, и войска перешли на существование за счет местных средств, при чем во многих случаях происходит самый бесцеремонный грабеж.

По словам одного раненого офицера, крестьяне говорят: «что красные, что свои—одинаковая сволочь». Теперь же, на нашу невыгоду, красноармейцам на фронте отдан строжайший приказ не трогать население и за все взятое платить по установленной таксе. Адмирал несколько раз отдавал такие же приказы и распоряжения, но у нас все это остается писаной бумагой и кимвалом бряцающим, а у красных подкрепляется немедленным расстрелом виновных.

23 июля. В тылу разрастаются восстания; так как их районы отмечаются по 40-верстной карте красными точками, то постепенное их расползание начинает походить на быстро прогрессирующую сыпную болезнь. Какой толк нам в стоянии вдоль линии разных союзников, когда весь организм охватывается постепенно этой красной сыпью!.

25 июля. Только сегодня узнал в ставке, что Лебедев при сотрудничестве Сахарова вырвал у адмирала согласие на какую-то сложную наступательную операцию в районе Челябинска, обещая совершенно ликвидировать красных; в эту операцию вовлечены все три дивизии, вытащенные в последнее время из Омского округа, т.-е. последние наши резервы, и притом для боя совершенно неготовые.

Очевидно, что вся эта операция задумана уже давно, и все полеты наштаверха на фронт были с нею связаны.

Уверяют, что красные совершенно выдохлись, но то, что я слышу от прибывающих с фронта, совершенно противо-

речит оптимизму нашей разведки; зато несомненно, что наши выдохлись окончательно и к боевым действиям временно неспособны.

При таком положении всякая наступательная авантюра сможет привести к полной катастрофе.

Из краткого доклада, прочитанного в оперативном отделении, узнал, что задумана чрезвычайно сложная операция окружения Челябинской группы красных, требующая испытанных и надежных войск лучшего старого кадрового типа; операция сложна и искусственна даже для старых войск, так как требует идеального исполнения, и малейшая где-нибудь неустойка все рвет и может привести к полному краху. Такие операции можно производить только на карте или на больших показных маневрах.

Состояние войск, их неспособность к маневру, их неспособность выдерживать прорывы и обходы заставляют считать, что для этой операции 95% за то, что она кончится полной катастрофой. По грубой схеме, показанной мне в ставке, некоторым дивизиям придется вести бой на два и на три фронта, т.-е. дана такая задача, которой современные наши войска выполнить не в состоянии, ибо не выдерживают флангового огня и даже признаков нахождения неприятеля в тылу и на флангах.

Несомненно, это безумная ставка Лебедева для спасения своей пошатнувшейся карьеры и для доказательства своей военной гениальности; очевидно, что все обдумано и подстроено совместно с другим стратегическим младенцем, Сахаровым, жаждущим тоже славы великого полководца.

26 июля. За день три комиссии, отнявшие вместе пять с половиной часов рабочего времени. Узнал в ставке кое-какие подробности сумбурной операции, рожденной мудрыми главами Лебедева и Сахарова; оказалось, что они задумали повторить Мамаево побоище, с заманиванием красных в ловушку при помощи добровольного очищения Челябинского узла; считают, что красные бросятся на эту приманку, после чего их там захлопнут при помощи очень сложного маневра, в котором главная роль захлопывающих крыльев отведена совершенно сырым в боевом отношении дивизиям Омского округа и конным частям.

С бумажной, теоретической точки зрения все это очень красиво и заманчиво, так что немудрено, что ничего непонимающий в сухопутном деле адмирал согласился на эту операцию; но с точки зрения реального выполнения и оценки средств выполнения операция совершенно безумная и возможная только при условии, что красные представляют стадо баранов и скиксуют при первом же обнаружении нашего гениального плана; а так как на сие нет никаких

надежд и так как мы замахиваемся совершенно негодными для исполнения средствами, то у меня—по крайней мере—весь шанс на успех заключается в авоське и заступничестве Николая Чудотворца.

Уходя с оперативного доклада в ставке, я сказал: «Господа, помните, что у вас идет не Челябинское наступление, а Челябинское преступление».

28 июля. По приходе в министерство был долго мучим Ивановым-Риновым; он объехал часть станиц своего войска, развез и роздал привезенные с Дальнего Востока товары и теперь вернулся триумфатором, любимцем населения и внеконкурсным кандидатом на переизбрание в войсковые атаманы; он привез с собой навинченные болтовней, водкой и подарочным настроением приговоры станичных сходов о поголовном выходе на службу всех сибирских казаков и сейчас горд и важен, изображая из себя единственного спасителя во всем создавшемся здесь положении. Его носят на руках, ему остается только приказывать.

Все это—очередной казачий бум; ни на минуту не верю всем этим приговорам; не таковы сибирские казаки, чтобы поголовно встать на борьбу с большевиками; тот, кто хотел бороться, сам пошел в ряды армии. Свидетели такого же поголовного выхода оренбургских казаков рассказывают, что все кончилось получением пособия и расходом по станицам, как только тем стала угрожать опасность. Полицейской душе Иванова-Ринова хочется блестящей рекламы, великой шумихи и удовлетворения своему обиженному честолюбию.

Сейчас Иванов-Ринов сделался первым лицом в Омске; ему предоставлено право непосредственного доклада адмиралу, которому он приносит уже готовые к подписи проекты указов и распоряжений; он все ведет к тому, чтобы сформировать отдельный казачий корпус, сделаться его командиром и заработать с ним победные лавры.

Адмирал забыл все старое, обворожен рисуемыми ему блестящими перспективами, когда геройские казачьи полки погонят красных за Урал, все поправится, и вновь расцветут все надежды, связанные с военными успехами.

Желания Ринова теперь—закон; приказано, чтобы его заявления и требования удовлетворялись вне очереди; обнаглевший от неожиданного успеха казак требует деньги, обмундирование и все виды снабжений в самых гомерических размерах, в двойной и тройной запас.

Армия, потерявшая все свои запасы, этим обездоливается, но на это не хотят обращать внимания.

29 июля. Состоялось совместное заседание министров правительства и высоких союзных комиссаров по вопросу

разверстки между союзниками оказываемой нам материальной помощи. Со стороны союзников прибыли Эллиот, Моррис, граф Мартель и Мацусима, генералы Нокс, Гревс, Канэн и Такаянаги; мы сидели в очень жалком положении бедных родственников персидской категории, ожидающих решения своей участи.

Нокс высказался очень резко, что, собственно говоря, нам не стоит помогать, так как у нас нет никакой организации и большая часть оказываемой нам материальной помощи делается в конце концов достоянием красных. Нокс очень обижен, что после разгрома Каппелевского корпуса, одетого в новое, с иголочки, английское обмундирование и снаряжение, перешедшее к красным, тупоумные омские зубоскалы стали называть его интендантом Красной армии и сочинили пасквильную грамоту на его имя от Троцкого с благодарностью за хорошее снабжение.

Сукин очень сдержанно, но с достоинством ответил Ноксу, что, конечно, это дело союзников решать, стоит ли нам помогать, но данное совещание собрано не для этого, а с определенной целью получить от нас определенные сведения, что нам нужно для продолжения борьбы по восстановлению русской государственности, и мы готовы дать эти сведения.

По очереди все министры доложили нужды своего министерства, при чем я уменьшил требования ставки вдвое, ибо нелепо, смешно и даже вредно заявлять потребность снабжения на армию в один миллион человек.

Нас выслушали и заявили, что высокие комиссары рассмотрят наши заявления. Вернулся домой взбешенным; все более и более начинаю верить, что нас нарочно водят за нос и кормят завтраками.

С нами все беседуют и нас щупают, а через 1½ месяца зима, и у нас нет ничего суконного; мы все надеялись на заморских дядюшек, заливавших нас обещаниями, и теперь близко к тому, чтобы очутиться в самом скверном положении.

Вечером в совете министров у нас совершенно даром отняли несколько часов времени и кормили протухлым екатеринодарским рагу в виде сообщений приехавших оттуда гастролеров, на сей раз гражданского происхождения, Волкова и Червен-Водали.

30 июля. Челябинская операция проиграна; Лебедев пытается в своих донесениях замаскировать неприятную правду, но она ясна. Начались уже розыски виновных в неуспехе стрелочников, подлейшее занятие наших верхов.

Итак, великое преступление совершилось, последние резервы погублены ради самолюбия двух безграмотных вы-

скочек, и задержать откат обрывков армий на восток уже нечем. Одновременно поставлена в исключительно тяжкое положение и южная армия, которую упорно держали на уступе вперед ради участия ее в челябинской авантюре, а теперь бросают на произвол судьбы.

31 июля. Тяжкая обстановка грозит разрушить последние остатки нормальной системы государственного управления; появились разные кандидаты в спасители отечества, лезущие к адмиралу с готовыми указами.

Я сторонник единовластия, единоличного управления в такое исключительное время, но надо чтобы единовластие находились в талантливых руках и осуществлялось планомерно; то же, что сейчас у нас творится, хуже всяких совдепов и комиссарщины; адмиралу преподносится и им одобряется и утверждается всевозможная разнокалиберщина, несогласованная, непродуманная; в результате получается невероятная неразбериха. Отзывчивость адмирала и судорожное искание им лучших и действительных средств, при его непрактичности и неподготовленности по большинству вопросов государственного и военного управления, только ухудшают положение.

Иванов-Ринов добился экстренного ассигнования сибирским казакам ста миллионов рублей. Ожил, рыщет, нюхает и пробирается в дамки дальневосточный спиртовоз Хрещатицкий; казачья конференция в полной силе.

2 августа. Сведения от привезенных с фронта раненых офицеров, даже с поправкой на неизбежное обострение пессимизма, самые тревожные: пока был успех, солдаты шли вперед довольно охотно, но после первых недель поворота военного счастья в пользу красных настроение резко переменилось и началось массовое дезертирство набранных приволжских и уральских мобилизованных; сейчас большинство не желает воевать, не желает обороняться и пассивно уходит на восток, думая только о том, чтобы не нагнали красные; этот отступательный поток увлекает с собой немногие, сохранившие порядок и боеспособность части и отдельных с непоколебленным духом солдат и офицеров.

Наполнение рядов негодным мобилизационным элементом оказалось роковым; в потоке шкурятины растворились геройские остатки истинных борцов за идею и за спасение родины.

Офицеры не скрывают, что многие части по неделям не видят красных, которые идут за ними в нескольких днях расстояния; у тех тоже мало охотников воевать, но там это нежелание парализуется расстрелами и применением сзади коммунистических револьверов и пулеметов.

Много нареканий на офицерские укомплектования, со-

стоящие по преимуществу из насильно набранных и укрывавшихся от призыва офицеров и из вновь выпущенных юнкеров краткосрочных школ очень неудовлетворительного качества.

Жалуются, что при малейшей неустойке первыми сдают офицеры; объясняют это боязнью красного плена и недоверием к своим солдатам, обостряющимся всегда, когда часть попадает в опасное положение и надвигается вероятность ее плена или перехода на красную сторону.

3 августа. Смотрю на карту и наизлющим образом злюсь; если бы, вместо преступной авантюры Лебедева, мы стояли бы теперь за укрепленной линией Тобола, сохранив все резервы, подняв материальное и моральное состояние отдохнувших войск и предоставив красным нападать,—как бы выгодно было наше положение. А сейчас наше положение много хуже того, что было год тому назад, ибо свою армию мы уже ликвидировали, а против нас, вместо прошлогодних совдепов и винегрета из красноармейской рвани, наступает регулярная Красная армия, не желающая—вопреки всем донесениям нашей разведки —разваливаться; напротив того, она гонит нас на восток, а мы потеряли способность сопротивляться и почти без боя катимся и катимся.

Год тому назад население видело в нас избавителей от тяжкого комиссарского плена, а ныне оно нас ненавидит так же, как ненавидело комиссаров, если не больше; и что еще хуже ненависти, оно нам уже не верит, от нас не ждет ничего доброго.

Весь тыл—в пожаре мелких и крупных восстаний и большевистских, и чисто анархистских (против всякой власти), и чисто разбойничьих, остановить которые силой мы уже очевидно не в состоянии. Вот годичные результаты работы ставки на фронте и правительства в стране; от таких итогов можно не то что пессимистом сделаться, а выть от отчаяния. Стоим опять перед разбитым корытом, с задачей начинать все снова, в самых тяжелых условиях.

7 августа. Лебедев пытается проявлять кипучую деятельность; собрал, как военный заместитель адмирала, продолжение последнего совещания. Просидели мы около шести часов, занимаясь невероятными пустяками. Началось с создания белой гвардии, и первым оратором выступил сам наштаверх, понесший какую-то детскую околесицу. На этот раз не выдержал, перебил его доклад и коротко выявил всю его несостоятельность.

Важный наштаверх натопорщился и попробовал стать в положение повелевающего, но я закусил удила; единодушная поддержка большинства участников заседания, мне выявленная, сбила Лебедева с гордой позиции.

Вглядываясь все чаще во внутреннее содержание этой большой по наружности, но ничтожной по содержанию фигуры, завидуешь удаче большевиков и неблагосклонности к нам фортуны, выбросившей во главу распоряжения сибирскими войсками такую безнадежную ограниченность.

Бетонноголовый, но очень решительный Сахаров пытался опять наступать, при чем окончательно расквасил последние сохранившиеся остатки своей армии. При этом произошла какая-то частичная катастрофа, которую усердно скрывают.

В Барнаульском районе начались крупные восстания—результат хозяйничанья разных карательных экспедиций и отрядов особого назначения; к Вологодскому приезжал из Славгорода какой-то крестьянин, из бывших членов Государственной Думы, и жаловался, что в их округе нет деревни, в которой по крайней мере половина населения не была бы перепорота этими тыловыми хунхузами (очень жидками по части открытой борьбы с восстаниями, но очень храбрыми по части измывательства над мирным населением).

9 августа. Вчера состоялась публичная лекция полковника Котомина, бежавшего из Красной армии; присутствующие не поняли горечи лектора, указавшего на то, что в комиссарской армии много больше порядка и дисциплины, чем у нас, и произвели грандиозный скандал, с попыткой избить лектора, одного из идейнейших работников нашего национального центра; особенно обиделись, когда К. отметил, что в Красной армии пьяный офицер невозможен, ибо его сейчас же застрелит любой комиссар или коммунист; у нас же в Петропавловске идет такое пьянство, что совестно за русскую армию.

10 августа. Новая серия картин омского кинематографа. Лебедева решили убрать, а на его место по должности наштаверха и военного министра назначается Дитерихс, остающийся вместе с тем и главнокомандующим восточным фронтом; сначала вздваивали должности, а теперь начинают их встраивать; неужели же думают, что единство и стройность управления достигаются сваливанием в одну кучу трех совершенно несовместимых должностей—командной, штабной-оперативной и административной-тыловой. Нет людей, чтобы хорошо справиться с каждой из этих трех должностей в отдельности, и в то же время валят на одного человека все их три вместе.

Лебедева назначили командующим южной степной группой, выдумав это абсолютно ненужное новое соединение только для того, чтобы спустить куда-нибудь ставшего уже невтерпеж всем наштаверха. Нам надо уничтожить десятки ненужных штабов и управлений; мы комичны с нашими

бесчисленными штабами и, несмотря на это, создаем новый штаб армии, т.-е. целое грандиозное по личному составу учреждение только ради того, чтобы устроить золотой мост выгоняемому по негодности и принесшему столько вреда ничтожеству.

Иванов-Рипов развертывается все шире и шире, гребет деньги и материалы обеими лапами, грозно машет руками и сулится не только все выручить, но и неукоснительно покорить под пози всех противящихся.

Исследование удравших в район Новониколаевска и даже Красноярска армейских и войсковых тыловых учреждений дало ничуть меня не удивившие открытия в виде 30 тысяч пар сапог в одном эшелоне, 20 тысяч пар суконных шаровар в другом, 29 тысяч пар белья в третьем и пр. и пр.; нашли вагоны с револьверами, биноклями и разным снаряжением, над которым мы распластывались, стараясь возможно скорее подать его войскам; все это попадало в руки разных начхозов, не в меру заботливых о будущих нуждах своих частей, и складывалось ими про запас на будущее время. А фронт и армии вопили, что у них ничего нет, не пытаясь даже заглянуть в хранилища своих же частей и учреждений.

Случай на почте дал мне возможность познакомиться с какой-то таинственной бухгалтерией между чехами и Жанэном; ко мне попал конверт, шедший от какой-то чешской комиссии к Жанэну с требовательной ведомостью текущих ассигнований. Дежурный офицер вскрыл конверт и положил мне в очередную почту. Я наткнулся на эту бумагу, удивился, почему она ко мне попала, но, пробегая ради любопытства ведомость, узрел что, вслед за разными рубриками на разные виды довольствия, указывается к зачету круглая сумма в девять миллионов франков «за спасение для русского народа Каслинского завода».

Выходит, что чехи не только нагребли у нас сотни вагонов нашего имущества и разбогатели на нашем несчастии, но и ставят на какой-то таинственный счет разные «спасения», связанные с их вооруженным выступлением против большевиков.

11 августа. Родилась новая организация ставки: Дитерихс в тройной короне своих должностей с тремя помощниками: Андогским, Бурлиным и мною, при чем опять заявлено, что это только на несколько недель, до начала наступления, которое назначено в начале сентября.

Затем все будет так, как решит едущий сюда генерал Головин, назначаемый начальником штаба верховного главнокомандующего. Наступление будут вести Сахаров и Лебедев, при чем последнему дадут всех казаков. Совершенно

не понимаю, какое наступление возможно с остатками наших развалившихся армий и при полном отсутствии каких-либо резервов.

Имел двухчасовой разговор с Дитерихсом; он понимает недостатки существующей организации фронта, но недостаточно решителен в вопросе сокращения старших штабов; к сожалению, он усвоил себе сибирскую точку зрения на то, что гражданская война требует старших начальников, ходящих в атаку с винтовкой в руке. Положение армий он учитывает неправильно, но считает себя непогрешимым авторитетом, подчеркивая, что все последнее время он провел в самой гуще войск и отлично знает их состояние и настроения.

Приходил ко мне порядочно выпивший Иванов-Ринов и в пьяной болтливости высказал несколько весьма характерных мыслей из своей системы управления:

1. Предать суду и публично расстрелять некоторое количество спекулянтов (конечно, жена его казачьего превосходительства, привозившая с Дальнего Востока товары вагонами, ничего не платя за провоз, а потом публично продававшая их в Омске по кубическим ценам, к числу спекулянтов не относится).

2. Устраивать постоянные облавы на офицеров и чиновников, при чем известный процент захваченных тут же расстреливать.

3. Объявить поголовную мобилизацию, ловить уклоняющихся и тоже расстреливать.

Симпатичная идеология, непредвиденная даже Щедриным, изобразившим в «Истории одного города» самые разномастные типы российских помпадуров; несомненно, что и лице этого отставного Держиморды совнарком потерял замечательного председателя чрезвычайной комиссии, который затмил бы славу Дзержинского и К°.

И однако этот городовой вылез на амплуа общего спасителя, и на него с надеждой и упованием взирает вся посеревшая от страха буржуазная слякоть и ждет, что сей рыкающий лев наверняка избавит ее от красного кулака.

12 августа. Аппетит Иванова-Ринова по части денег и материалов не знает предела; он чувствует себя полновластным хозяином положения и не стесняется; хватка у него по этой части настоящая казачья. Сначала говорилось, что казакам нужны только одни винтовки, но это было повторением рассказа о приготовлении щей из топора; за винтовками посыпались требования, подкрепляемые весьма недвусмысленными угрозами на случай неисполнения, и ко вчерашнему дню сибирскому войску выдано: 102 миллиона рублей, все снабжение летнее и зимнее на 20 тысяч человек,

седла, упряжь, значительная часть обоза и обозных лошадей.

Все наличие идет казакам; снабжение полураздетой и потерявшей свои запасы армии фактически приостановлено; на мои заявления получаю приказания прежде всего удовлетворить казаков.

Исполняю приказы и вспоминаю рассказы свидетелей такого же поголовного выхода оренбургских казаков, получивших всякое пособие и снабжение, а потом расплывшихся по своим станицам.

Кроме казны, Иванов-Ринов не забыл и буржуев; биржевым комитетам Сибири почти приказано дать деньги для вспомоществования казакам.

13 августа. Вернулся домой в 4 ч. утра; в 11 часов ночи началось знаменательное закрытое заседание совета министров; грозность положения смыла сразу весь глянец искусственно дружеских отношений, и началась грызня, обвинения и уязвления.

Гинс обрушился на заместителя председателя совета министров Тельберга и на совет верховного правителя с яркими обвинениями в олигархии, в проведении указов задним числом и т. п. Это развязало языки. 10 месяцев совет министров был только фиктивной властью, исполняя все то, что было угодно Михайлову, Сукину и Ко., все насущные вопросы государственной жизни решались в секретных заседаниях пятерки министров-переворотчиков, членов совета верховного правителя, при чем остальные члены совета министров совершенно не знали, что делается в этом тайном совете и какие решения там принимаются; это была настоящая дворцовая камарилья, пленившая представителя верховной власти, помыкавшая им по своему желанию и управлявшая его именем.

В своем нападении Гинс воспользовался тем, что Тельберг, недовольный, что совет министров не принял его редакции проекта совета обороны, а утвердил его в иной, неугодной Тельбергу, редакции, добился подписания адмиралом указа, утверждающего совет в тельберговской редакции, при чем для получения права первенства и преимущества над оставшейся, таким образом, за флагом редакцией совета министров, указ верховного правителя был помечен задним числом (7 августа) по сравнению с днем соответственного заседания совета министров.

Трудно найти название этому поступку, совершенному заместителем председателя совета министров, министром юстиции и генерал-прокурором ради удовлетворения своего самолюбия и ради того, чтобы настоять на своем (при этом очень характерно, что по тельберговской редакции права со-

вета обороны передавались совету верховного правителя, т.-е. той же олигархической пятерке).

Я вполне разделил мнение Преображенского и других уважающих себя министров о необходимости всему составу совета министров немедленно же подать в отставку, ибо происшедшим совет министров доведен до последней степени унижения, и дальше итти некуда.

Тельберг всячески вывертывался, но факт настолько ясен, что было неловко слушать эти жалкие оправдания.

Гинс поставил на голосование, доверяет ли совет министров совету верховного правителя, который ведет свою собственную политику, не считаясь совершенно со всем правительством; это предложение, конечно, не получило большинства, ибо за Михайловым всегда стоит квалифицированное большинство в нашем Совете.

Предложение Преображенского о выходе правительства в отставку было также смазано под предлогом, что это отразится на настроении страны и флота; думаю, что и та и другой встретили бы наш уход с ликованием, хотя бы потому, что в этом крылась бы надежда на перемену неудачного курса и на улучшения.

Государственный контролер внес предложение обратиться непосредственно к верховному правителю с запросом по поводу участившихся за последнее время единоличных указов, выпускаемых по таким случаям, в которых нет ничего спешного, чрезвычайного и что может быть проведено нормальным порядком через совет министров; предложение это также большинства не получило.

Постепенно страсти разгорелись, свалились все фиговые листы; во всей безнадежности представилась разрозненность, хилость и дряблость правительства, пестрота его членов, искусственность состава, ничтожество председателя...

Вообще заседание было на редкость колючее: в начале его Устругов заявил, предъявив документальные доказательства, что Сукин передал союзным комиссарам, как уже подписанные всеми русскими представителями, официальные копии им самим, Сукиным, составленного протокола совещания по железнодорожным делам, в котором—вопреки нашим интересам и вопреки известного ему несогласия тех лиц, подписи которых он поместил, союзному комитету представлялось полное право распоряжения всеми нашими железными дорогами.

Сукин нагло вывертывался, но видя, что против очевидности итти дальше нельзя, и даже не покраснев, самым нахальным образом заявил, что протокол уже в руках союзников, изменить его нельзя и поэтому надо искать какой-нибудь компромиссный выход.

Заявление Устругова замяли, молча выслушали наглое заявление Сукина и ничем дальше на него не реагировали.

Сегодняшнее заседание—это апофеоз всей деятельности нашего совета,—упали все ризы и стали видны все кости, все изъяны и язвы.

Когда возвращались домой, я весь трясся от негодования, а мой спутник Преображенский меня успокаивал и повествовал о том, что все у нас управлялось организованной компанией из восьми министров, возглавляемых Михайловым, делавших все, что нужно было им самим, их честолюбию и поддерживавшим их кругам, кружкам, союзам и организациям. Дикими в совете, оказывается, считались я, Устругов, Шумиловский и Преображенский.

Пошел в министерство, не ложась даже спать; после такого заседания не до сна; меня как с головой окунули в помойную яму. Несчастный, слепой, безвольный адмирал, жаждущий добра и подвига и изображающий куклу власти, которой распоряжается вся та компания, с внутренними достоинствами которой я сегодня познакомился.

В армии развал; в ставке безграмотность и безголовье; в правительстве нравственная гниль, разлад и засилие честолюбцев и эгоистов; в стране восстания и анархия; в обществе паника, шкурничество, взятки и всякая мерзость; наверху плавают и наслаждаются разные проходимцы, авантюристы. Куда же мы придем с таким багажем!

14 августа. Был в ставке; видел много офицеров, прибывших с фронта с разными поручениями, преимущественно по части снабжений; встретил нескольких старых знакомых по немецкому фронту и послушал их рассказы о состоянии армий; общее заключение, что присылаемые укомплектования могут при умелом обращении дать весьма сносных солдат, но зато большинство присылаемых офицеров ниже всякой критики; на-ряду с небольшим числом настоящих дельных офицеров прибывают целые толпы наружно дисциплинированной, но внутренно распущенной молодежи, очень кичащейся своими погонами и правами, но совершенно не приученной к труду и к повиновению долгу; умеющей командовать, но ничего не понимающей по части руководства взводом и ротой в бою, на походе и в обычном обиходе. Очень много уже приучившихся к алкоголю и кокаину; особенно жалуются на отсутствие душевной стойкости, на повышенную способность поддаваться панике и унынию; свидетельствуют—что мне говорили и раньше и что отмечено в донесениях посылаемых мной на фронт офицеров,—что очень часто неустойчивость и даже трусость офицеров являются причинами ухода частей с их боевых участков и паническое бегство. Мне показывали донесе-

ние начальника ижевского гарнизона, в коем отмечалось, что задолго до прихода на Ижевский завод отходивших через него войск, он наполнился десятками бросивших свои части офицеров, которые верхом и на повозках удирали в тыл.

Дитерихс добился, наконец, что армии доставили сведения о действительной их численности; оказывается, что у нас около пятидесяти тысяч строевых чинов, при трехстах тысячах ртов; в армиях боевого элемента не больше 12—15 тысяч человек в каждой, т.-е. примерно около дивизии хорошего состава.

Я очень удивлен малой решительности Дитерихса по части уничтожения ненужных высших войсковых соединений; нелепо иметь на 50 тысяч бойцов несколько десятков штабов армий, групп, дивизий, бригад; реорганизацию армий надо было начать с беспощадного уничтожения излишних штабов. Говорят, что это, однако, невозможно, ибо подлежащее упразднению начальство этого не хочет и не допустит.

16 августа. Иванов-Ринов обобрал все наши склады, и я бессилен помочь фронту; я делаю наряды для отправки на фронт, но о них узнает этот пронырливый казак, и все попадает в его обширные лапы; малейшая задержка вызывает жалобы адмиралу с угрозой, что это отражается на выходе сибирских казаков на истребление красных; в результате на каждого выходящего казака взято по пять и по шесть комплектов и летнего и зимнего обмундирования, а на фронте войска голы и босы.

В организацию снабжения казаков пущена полная автономия с демократическим соусом в виде дружбы и совместной работы с общественными организациями; в известные времена наши полицейские администраторы всегда любили такие демократические соуса, как средство сдобрить непрезентабельный вкус их привычных, основных блюд.

17 августа. В совете министров Сукин сделал первый доклад о деятельности своего министерства. Между прочим, доклад подтвердил то, о чем я мельком слышал раньше от Преображенского и что оказалось ужасным по своим последствиям; это было самодовольное, с подчеркиванием его величия и значения, заявление нашего дипломатического руководителя о том, что два месяца тому назад генерал Маннергейм предлагал верховному правителю двинуть на Петроград стотысячную финскую армию и просил за это заявить об официальном признании нами независимости Финляндии.

С сияющим и гордым видом Сукин заявил, что Маннергейму был послан такой ответ, который отучил его впредь

обращаться к нам с такими дерзкими и неприемлемыми для великодержавной России предложениями; по сияющей физиономии и по всему тону сообщения было видно, что главную роль в этом смертельно-гибельном для нас ответе сыграл наш дипломатический вундеркинд. Я не выдержал и громко сказал: «какой ужас и какой идиотизм», чем вызвал изумленные взгляды своих соседей.

Теперь для меня стала ясна та неразбериха, которая была в начале лета с вмешательством Финляндии и с занятием Петрограда, и о которой я смутно слыхал в оперативном отделе ставки. Ведь если бы не кучка безграмотных советников, вырвавших у адмирала то решение, коим гордо хвастался сегодня Сукин, то теперь Россия была бы свободна от большевиков, не было бы уральского погрома и над нами не висели те грозные тучи, которые временами застилают последнюю надежду на благоприятный исход.

Ярко характерно то, что такое решение принято даже без осведомления о нем совета министров, то-есть того, что по букве закона считается правительством и несет на себе всю ответственность; видно, до чего доходила наглость этой пятерки, захватившей власть и не считавшей даже необходимым соблюдать хотя бы внешнее приличие по отношению ко всему совету министров.

Ужас, злоба и негодование охватывают по мере того, как раскрываются внутренние язвы того, что является нашим правительством, и что позволяет себе брать в свои руки управление страной в такие тяжкие времена.

Смешно говорить о каких-то законах истории, когда всю эту историю может свернуть такое жалкое ничтожество, как какой-то очень юркий и краснобайный секретарь вашингтонского посольства, как на зло швырнутый судьбой в Омск, быстро пришедшийся ко двору при омском градоначальстве и феерично выбравшийся в руководители всей нашей иностранной политики.

20 августа. Адмирал за последнее время несколько раз был в третьей армии, и это очень усилило положение Сахарова, который очень импонирует адмиралу своей решительностью, категоричностью, наступательными тенденциями и оптимизмом; это обстоятельство мешает работе Дитерихса, который довольно решительно реорганизует остальные армии, но как-то избегает касаться третьей армии, продолжающей до сих пор состоять из десяти дивизий; часть этих дивизий не насчитывает и 500 штыков, но при всех неукоснительно состоят обозы по 4 и 4½ тысячи повозок и при 6—8 тысячах нестроевых.

Подъезжая к Лебежьей, видели вереницы этих обозов,

отходивших на восток; на повозках бабы, дети, масса домашнего скарба; масса тарантасов с дамами и детьми. Все это тщательно вывезено, а артиллерия, пулеметы и средства связи потеряны; по данным начальника инженеров при отступлении брошены десятки тысяч верст телеграфного и телефонного кабеля; обычная картина безудержного отступления, когда бросается все, предназначенное для боя, и сохраняется все ценное для брюха и для кармана; ведь и на большой войне мы видели, как сначала бросалась лопата, потом патроны и винтовки, но бережно сохранялся вещевой мешок.

Недалеко от штаба армии расположен полевой госпиталь, находящийся в самом ужасном состоянии; больные и раненые валяются в пакгаузах, стоящих среди луж зеленой жижи, которая все время пополняется производимыми тут же естественными надобностями больных, половина которых тифозны.

Раненые валяются на грязных и колючих досках без всякой подстилки; единственный на весь госпиталь доктор и две сестры сбились с ног от непосильной работы; вместо чая дают какую-то жидкую грязь, хлеб черствый.

Зато рядом в штабе помещается санитарный инспектор армии с порядочным штатом докторов и фельдшеров, пишущих на машинках.

21 августа. За завтраком у адмирала видел весьма юного генерала Косьмина, из недавних поручиков, убежденного сторонника того, чтобы все старшие начальники сами ходили с винтовками в штыковые атаки или прикрывали отступление.

Этот абсурд самым прочным образом укрепился на фронте и им так нафаршировали адмирала, что он сам готов взять винтовку и драться наравне с солдатами; я уверен, что он проклинает омскую работу, которая мешает ему устремиться на фронт и показать тот идеал начальника, который ему рисовали и рисуют; это объясняет его частые поездки на фронт, ибо он боится, чтобы его не упрекнули в отсиживании в тылу.

Вечером адмирал разговорился на политические темы и высказал свою детскую искренность, полное непонимание жизни и исторической обстановки и чистое увлечение мечтой о восстановлении великой и единой России; он смотрит на свое положение, как на посланный небом подвиг, и непоколебимо убежден, что ему или тому, кто его заменит, удастся вернуть России все ее величие и славу и возвратить все отпавшие и отторженные от нас земли.

22 августа. [20 августа автор вместе с Колчаком выехал на фронт.] По дороге встретили массы отходивших

обозов, шедших в большом внешнем порядке; на каждой повозке по 1—2 здоровенных солдата с винтовками—это многочисленные обозные и нестроевые; физиономии у всех весьма пухлые, и никаких военных тягот и лишений на них не видно, в этом резкая разница с подтянутыми, сухими и обожженными лицами ижевских стрелков и офицеров; точно также большинство обозных одето щеголями сравнительно с ижевцами.

Войсковые части тоже злоупотребляют подводами, требуя их от населения; это очень раздражает местных жителей, так как их отрывают от полевых работ по уборке сена и хлебов, уродившихся в этом году так, как не бывало уже много лет; лошади и повозки остро нужны самим крестьянам, так как обычная здесь уборка машинами сейчас невозможна вследствие неполучения запасных частей, шпагата и машинного масла.

Убедился, что сведения о гомерических размерах войсковых обозов не преувеличены; есть полки с обозом свыше тысячи повозок, и армейское начальство бессильно бороться с этим злом; можно по этой части отдавать любые распоряжения о сокращении, но никто их не исполнит.

Все обозные и тыловые должности переполнены сверх штата, что самым тяжким образом отражается на довольствии и снабжении строевого состава.

Все это результат деятельности 25- и 28-летних генералов, умеющих ходить в атаку с винтовкой в руке, но совершенно не умеющих управлять своими войсками, придавать им правильную организацию и не позволять им обращаться в сплошные обозы.

То, что увидел и узнал за эти три дня, вполне подтвердило те выводы, к которым пришел еще в Омске по отношению к невозможности для нас наступления. Нельзя наступать, не имея пехоты, ибо в так называемых дивизиях—по 400—700—900 штыков, а в полках—по 100—200 штыков; нельзя забывать, что надо занимать широкие фронты, а наши дивизии равны по численности батальонам. Нельзя наступать с растерянной артиллерией, почти без пулеметов и с остатками технических средств связи.

Сюда надо добавить совершенно расстроенный армейский тыл, неспособный правильно довольствовать войска, даже при отходе их, на свои запасы; как же мы будем довольствовать при наступлении, когда вступим в район разрушенных железных дорог и истощенных и нами, и красными местных средств, т.-е. попадем в такую обстановку, в которой правильная и налаженная работа тыла приобретает исключительно важное значение. Те обозы, которые я видел в эти дни, не могут работать правильно по круго-

обороту правильного подвоза, ибо это не военные обозы, а кочующие таборы; они нагружены разным добром, продовольственного груза принять не могут и, кроме того, так непомерно велики по сравнению с боевыми частями, что сами слопают все подвозимое.

Для Валяй-Сахаровых и им подобных полководцев все это пустяки; у них горизонты и масштабы не выше ротного командира и им все это кажется так просто. Такие типы не новость для нашей армии; сколько мы видели их и в японскую, и в немецкую войну; для них тыл, снабжение и зависимость военных операций массовых армий от вопросов подвоза и снабжения не существуют; они считают, что их дело приказывать и командовать, а об остальном обязаны заботиться интенданты и всякая тыловая шушера.

При посещении ижевцев впервые видел адмирала перед войсками; впечатления большого начальника он произвести не может; говорить с солдатами он не умеет, стесняется, голос глухой, не отчетливый, фразы слишком ученые, интеллигентные, плохо понятные даже для современного офицерства. Говорил он на тему, что он такой же солдат, как и все остальные, и что лично для себя он ничего не ищет, а старается выполнить свой долг перед Россией. Он роздал много наград, произвел десятки офицеров и солдат в следующие и офицерские чины, привез целый транспорт разных подарков, но сильного впечатления не произвел.

Он не создан для таких парадных встреч; вместе с тем я уверен, что если бы он объехал стоянки частей, посидел с солдатами, запросто пообедал, удовлетворил бы несложные запросы и просьбы, то впечатление осталось бы глубокое и полезное.

25 августа. Свита адмирала позволяет себе делать очень печальные для авторитета власти распоряжения; сегодня утром остановили оба эшелона адмиральского поезда на забитом разъезде только потому, что иначе адмирал не успеет побриться до прихода поезда на станцию Петропавловск.

Адмирал этого и не подозревал, а между тем это на на $1\frac{1}{2}$ часа задержало всю эвакуацию заваленного эшелонами и грузами Макутинского узла.

26 августа. Неприятно смотреть на висящую в моем кабинете огромную карту, на которой заведывающий сводками офицер наносит красными точками пункты и районы восстаний в нашем тылу; эта сыпь делается все гуще и гуще, а вместе с тем все слабее становится надежда справиться с этой болезнью.

Говорил на эту тему с Пепеляевым; он очень озабочен

затруднениями по части организации отрядов особого назначения и не скрывает, что нравственный уровень их личного состава очень невысокий; все лучшее забрано фронтом и центральными управлениями.

Пепеляев составил себе очень хороший, но очень запоздалый план объезда наиболее важных областей Сибири для того, чтобы на месте, путем непосредственного общения с населением, выяснить причины недовольства и восстаний и меры, необходимые для успокоения края; по его сведениям, главными заправилами всех восстаний являются новоселы, преимущественно столыпинские аграрники, плохо устроившиеся в Сибири и мечтающие о том, как бы пограбить богатое старожильческое население Сибири, достаток которого разжигает их большевистские аппетиты.

Вкладывать персты в раны дело хорошее, но надо было заняться этим еще зимой. Теперь заниматься диагнозом столь очевидной болезни уже поздно.

27 августа. Состоялось мое назначение на должность военного министра с подчинением прямо верховному правителю; просил адмирала смотреть на меня, как на временного заместителя, так как здоровье мое совсем плохо, и я могу скоро совсем свалиться.

Фронт продолжает ползти назад; настроение в Омске, несмотря на все казачьи завывания, за последние дни сильно сдало; дутый подъем начала августа начинает падать и сменяться растерянностью и пессимизмом; тяга на восток делается все сильнее, так как «служебные и коммерческие дела» того требуют; много охотников получать разные командировки в восточном направлении для разрешения накопившихся там вопросов.

Отбыли на Дальний Восток и далее к Деникину недавно приехавшие оттуда генералы Лебедев 2-й и Нагаев; первый—набирать служащих, а второй—для еще более анекдотического поручения—провести сюда через Закаспий и Туркестан дивизию из уроженцев Сибири, которую он собирается сформировать у Деникина.

Для последней цели экстренно ассигновано около 80 миллионов рублей романовскими и керенками.

Кредит этот проведен через совет министров уже постфактум; впервые я не выдержал и, отбросив все приличия, высказал совету свой взгляд на такие командировки; высказал свое негодование по адресу ставки и авторов этого нелепого и невыполнимого проекта, ибо они, как офицеры генерального штаба, не могут не знать истории наших Туркестанских походов и всех исключительных условий движения и военных действий в тех краях; сказал, что только

высокое место, в коем я присутствую, удерживает меня от того, чтобы назвать все это дело и его авторов тем названием, которого они заслуживают.

Тем не менее ассигнование было утверждено, и два превосходительных гастролера, отряся омский прах от своих ног и получив 2.000 фунтов стерлингов на расходы, плюс обобранные из всех казначейств десятки миллионов романовских, изволили отбыть обратно на юг.

30 августа. Имел длинную беседу с Головиным; доказывал ему необходимость принять исключительные меры по реорганизации фронта и по сокращению штабов и тылов. Мы представляем колоссальное туловище, пухлое и бессильное, с маленькими руками. Достаточно указать, что на красной стороне против нас работает один штаб армии, состоящей из 3—4 дивизий и 2—3 конных бригад; на нашей стороне штаб главнокомандующего, пять армейских штабов, одиннадцать штабов корпусных групп и, кажется, тридцать пять штабов дивизий и отдельных бригад.

Думается, что комментарии к этим цифрам излишни; думается также, что, не справившись с этим штабным злом, мы будем бессильны сделать вообще что-либо путное.

31 августа. Вечером состоялось заседание совета министров с участием адмирала; выяснилось, что казачья конференция, делавшаяся в последнее время все наглее и наглее, явилась к адмиралу и предложила ему принять на себя полную диктаторскую власть, подкрепив себя чисто казачьим правительством и опершись преимущественно на казаков. Сначала создалось очень острое положение, смягченное затем вмешательством соединенных общественных организаций; в результате все требования свелись к необходимости сокращения министерств, упрощения и ускорения правительственной работы и созыва совещательного собрания. Требования эти заявлены казачьей конференцией и всеми группами госуд. экон. совещания, т.-е. представителями внушительной и наиболее государственной части населения.

Я лично согласен со всеми этими заявлениями, но боюсь, что положение фронта и восстания в тылу делают их очень запоздалыми.

Обращаясь к совету министров, верховный правитель высказал свое неудовольствие по поводу разноголосицы в мнениях членов совета по многим важнейшим государственным вопросам; он подчеркнул, что недопустимо, чтобы решение принималось большинством одного голоса и перевесом голоса председателя.

Сказал он очень резко, затем сообщил о неудовлетворительном настроении и состоянии армии, объяснив это,

довольно для меня неожиданно, тем, что армия пропитана большевизмом.

Государственный контролер просил адмирала передать совету министров, какие именно требования были заявлены ему казачьей конференцией, так как об этом ходят по городу разные слухи и версии.

Адмирал, не давая ответа по существу, указал только, что он ответил казакам, что сейчас уже не время производить какие-нибудь реформы и перемены в составе совета министров, так как это может отразиться на «настроении армии».

1 сентября. Несмотря ни на что, на фронте началось наступление. Дитерихс взял на себя великую ответственность и поставил на карту последние сибирские ресурсы белой идеи.

Я видел его у Головина перед самым его отъездом на фронт и повторил ему тот же вопрос, который задал при первом с ним разговоре по поводу наступления: «А что же будет, если наступление не удастся?»

И он опять повторил, что тогда «придется разделиться на партизанские отряды и вновь начать то же, что было в 1918 году».

Я с удивлением посмотрел на этого главнокомандующего, так легко и просто решавшего судьбу России и армии и решавшего ее легкомысленно и ложно; ибо теперь уже не 1918, а осень 1919 года, и вся обстановка резко изменилась не в нашу пользу; теперь для нас, белых, уже немыслима партизанская война, ибо население не за нас, а против нас; немыслима она и потому, что на Сибирь надвигается регулярная красная сила и идут красные комиссары, уже специализировавшиеся на подавлении наших белых восстаний. Где же мы найдем оружие, патроны и пр. и пр.?

3 сентября. В ставке уверяют, что Дитерихс, Хрещатицкий и К° задумали под видом стратегического резерва восстановить гвардейский корпус, как основание будущего монархического переворота; поэтому-то все назначения в этот резерв делаются из бывших гвардейских офицеров.

При желании сварить жирные щи из старого топора в выдумках не стесняются.

Для чешско-русского хамелеона новый монархический вольт не представляет ничего особенного; в Киеве он именовал себя республиканцем, а в Сибири стал монархистом.

Тяжелое положение Омска делает семеновщину все более и более наглой; мой судный отдел и канцелярия комитета по охранению законности (председатель—министр юстиции) наполнены жалобами на грабежи и насилия, чи-

нимые семеновскими агентами; китайский консул жалуется на постоянные случаи ограбления китайских купцов при осмотре их чинами контр-разведки на станции Даурия; американский консул заявил многомиллионный иск от фирмы Вульфсон за захваченные Семеновым два вагона ценной пушнины. Телеграфирую, прошу Сыробоярского повлиять на Читу, но все бесполезно; такие язвы выжигаются только каленым железом.

Из Владивостока прислана краткая сводка деятельности Хорвата; очень характерно, как сам верховный уполномоченный и его ближайший антураж разобрали себе свободные земли Посьетского района; самому Хорвату отведен кус в восемнадцать тысяч десятин земли, одному из деятелей дальневосточного комитета, Тетюкову,—в двенадцать тысяч десятин, остальному антуражу—по важности и по способности.

К сожалению, это не выдумки контр-разведки нового состава, опорочивающей старых владык, ибо подтверждено документами и официальными справками.

4 сентября. Подняли большую шумиху с поголовной мобилизацией бывших пленных из Карпаторуссии; к этому делу примазался Иванов-Ринов, заявивший, что этим путем он получит пехоту вдобавок к своему конному корпусу.

Бедных карпаторуссов стали хватать с помощью облав (Иванов-Ринов по этой части дока); благодаря этому Омск остался без хлебопеков и ассенизаторов, так как миролюбивые и неприхотливые карпаторуссы специализировались по черному труду; узнав о принудительной мобилизации, они разбежались из Омска, и в риновские сети попала только часть.

Озлобление среди них страшное; их собрали на станции Куломзино, рядом с бараками, в которых помещаются семьи ижевских рабочих; на-днях у меня были старики-ижевцы и сообщили, что озлобленные карпаторуссы ругают их за верную службу своей родине и, не стесняясь, говорят, что им только бы попасть на фронт, а там они расправятся с теми, кто их туда погнал, а сами уйдут к красным; те же отправят их домой.

Сообщил это 3-му ген.-квару, прося обратить внимание, что это идет не из контр-разведчичьих сфер, а сообщается стариками-рабочими, неспособными на выдумку.

В результате новая глупость и новый вред: до сих пор у нас был добровольческий карпаторусский батальон очень хорошего состава, очень добросовестно несший на себе тяжелые наряды и караулы. Теперь эта надежная и прочная горсточка растворена в массе насильно согнанных и не хотящих воевать людей.

В газетах моря платных восторгов по поводу «изумительного по своему единодушию поголовного подъема героев подъяремной Карпатской Руси на спасение родного русского народа». Платные перья всегда были особо подлы, а в теперешней гнилой атмосфере они побили все старые рекорды.

5 сентября. Вечером в совете министров узнал от Сукина, что он, по поручению адмирала, был у генерала Такаянаги, чтобы узнать, правда ли, что японское правительство требует обязательного назначения инспектором формирований Дальнего Востока ген. Хрещатицкого, связывая с этим назначением вопрос об оказании нам дальнейшей помощи.

По словам Сукина, Такаянаги был до-нельзя удивлен этими вопросами и ответил, что ни о чем подобном они никогда и не думали и что они не считают себя вправе вмешиваться в такие дела.

Таким образом открылась вся провокаторская махинация превосходительного спиртовоза.

Но тем не менее Хрещатицкий остается в распоряжении Дитерихса и предназначается на должность инспектора формирований в Омском округе.

Спрашивается, сколько же мерзостей надо сделать, чтобы над вами поставили, наконец, крест!

6 сентября. Капризное настроение Омска опять потемнело; присяжные оптимисты продолжают еще находиться под угаром «фронтовых побед», но тревожные нотки начинают проскальзывать уже даже у заправил ставки; мелкие успехи есть, но разгрома красных не только нет, но они сами начали нас кое-где теснить; лучшие наши части уже израсходованы, резервы подходят к концу, а красные не желают даже начать отступление.

Спрашивал ставку о причинах бездеятельности до сих пор конного корпуса; по секрету сообщили, что наступление начато, не дожидаясь не то что развертывания, а даже сбора частей конного корпуса; это так ужасно, что не хочется даже верить возможности столь чудовищной оплошности; ведь ничто не требовало начать наступление в столько-то часов такого-то дня.

Отказываюсь понимать поведение Дитерихса; сам адмирал, конечно, тут не при чем. Как мог допустить это Андогский, который, по званию профессора военной академии, обязан понимать, что значит подготовка операции и удачное для нее развертывание?

В ставке сознаются, что сбор казаков шел очень медленно; угар станичных постановлений, навеянных риповскими ситцами, подарками и пособиями, рассеялся, как толь-

ко пришлось выходить на службу; но зато вылезли во всей будничной остроте жалость потерять хороший урожай, боязнь за семью, страх за жизнь и пр. и пр.

Некоторые казачьи части сели в вагоны, забрав с собой жен и обильные запасы водки; по пути казачьего движения идет разгром наших продовольственных магазинов. Иванов-Ринов очень много шумел о том, что у него будет автономное и демократическое снабжение, но когда дело дошло до реального снабжения продовольствием и фуражом, то оказалось, что, кроме пустопорожнего названия, у нашего наполеонистого Держиморды ничего не имеется. Скверно то, что все это свалилось на нас неожиданно; все берется по казачьей ухватке в двойной и тройной запас; забираются склады и вагоны, приготовленные для армии и для пополнения магазинов; интендант ходит, как очумелый, но я приказал все давать и все разрешать, дабы хоть чем-нибудь не помешать быстрейшему сбору казаков.

Немало затруднений в деле заготовки снабжений чинят нам милые наши интервенты, любящие плотно и хорошо покушать; сейчас они навалились на ограниченные запасы средней Сибири и изрядно их подсасывают; конкурировать с ними мы не можем, ибо они выменивают необходимое им довольствие у населения на разные товары и этим привлекают к себе весь сбыт. Очень много жалоб на безобразия и насилия, чинимые польскими войсками в районе Новониколаевска; эти не стесняются грабить, производить насильственные фуражировки, расплачиваться по ничтожным ценам и захватывать наши заготовки, эшелоны и баржи с грузами.

На наши жалобы, обращенные к Жанэну, не получаем даже ответа; польское хозяйничанье особенно для нас обидно; чехам мы все же обязаны, и часть их дралась вместе с нами за общее дело; польские же войска создались у нас за спиной из бывших пленных и наших поляков, взявших с России все, что было возможно, а затем заделавшихся польскими подданными и укрывшихся от всяких мобилизаций и военных неприятностей в рядах польских частей.

Очень много нареканий на безобразия, учиняемые весьма экзотическими морскими командами речной флотилии; они разрушили нам весь план Тюменьской эвакуации, забрав приготовленные для нее пароходы; теперь они плывут по Оби, возмущая своими безобразиями местное население и забирая разные запасы.

11 сентября. Штаб Приамурского военного округа прислал заключение военного прокурора о деяниях хабаровского разбойника-атамана или, как он назван в прокурор-

ском заключении, мещанина Ивана Калмыкова. Заключение составлено на основании документов и свидетельских показаний; написано оно обычным для таких заключений кратким языком, при чем одно изложение учиненных Калмыковым преступлений занимает около 20 страниц.

Я давно добивался этого документа, чтобы дать адмиралу оружие для начала борьбы с атаманами; сейчас все это запоздало, ибо хозяевами положения являются казаки и их конференция, определенно поддерживающая дальневосточных атаманов.

Доложил заключение адмиралу, дал прочесть Головину и послал помощнику военного министра по казачьей части для сообщения казачьей конференции; вечером мне сообщили частным образом, что, по мнению казачьих лидеров, делу надлежит не давать никакого хода, так как нельзя дискредитировать Калмыкова ввиду его «государственных заслуг». При этом сказано, что такое решение будет поддержано конференцией и будет окончательным, так как, ввиду автономий казаков и выборного звания атамана, никто не может привлечь Калмыкова к ответственности.

Десятки страниц этого заключения дают яркую картину преступного разгула наших белых большевиков,—сухое, но наполненное ужасом и кровью перечисление злодеяний и гнусностей, совершенных хабаровским исчадием, «младшим братом» (он себя так всегда именовал) читинского атамана.

Было бы очень хорошо послать этот документ в Японию для непосредственного доклада императору; думаю, что тогда не поздоровилось бы тем японским генералам, которые добивались посылки хабаровскому убийце и разбойнику приветственной телеграммы от имени наследника японского престола.

16 сентября. Наступление выдохлось и замерло; кое-где продолжаются небольшие стычки, и мы еще сохраняем свое положение; боюсь, что это продолжится недолго, а тогда вымотанные вконец части покатятся вновь назад. Остановить их и поддержать будет уже нечем; честолюбивые игроки израсходовали все ресурсы, уложили все резервы; то, что начали Лебедев и Сахаров, докончили Дитерихс и Андогский. И если грядущая катастрофа разразится и белое движение, начатое в Сибири полтора года тому назад, окончится полным крахом, то красные окажутся очень неблагодарными, если не поставят благодарственного памятника этим белым генералам и не наградят их заочно всеми красными наградами за деятельную помощь по сокрушению сибирских армий.

Иванов-Ринов получил от адмирала георгиевский крест за первый успех своего корпуса, а затем почил на лаврах;

по сведениям ставки, он не исполнил шести повторных приказов Дитерихса и адмирала двинуться на Курган в тыл красных.

17 сентября. На фронте мы выдохлись окончательно и не без труда отбиваем переход красных к активным действиям; сводка отмечает усиление красных частей; больно и противно читать в ведомостях сводки про такие красные части, которые во фронтовых реляциях показаны совершенно уничтоженными.

Иванов-Ринов отказался окончательно исполнить приказ главнокомандующего о движении в тыл красных; здесь считают ошибкой, что Дитерихс не вызвал его к себе, как бы для получения инструкций, и не отдал приказа его заместителю; говорят, что дивизиями конного корпуса командуют молодцы, которые повели бы за собой свои части.

Иванов-Ринов крепко базируется на свое звание выборного атамана. В этом много скверного для настоящего и еще более опасного для будущего.

То положение, которое занял сейчас И.-Р. в Омске, заставляет особенно желать, чтобы правительство уехало в какое-либо более безопасное от таких влияний место. Правительству надо быть подальше от разных честолюбий, особливо же военных и казачьих; омские перевороты достаточно это доказали.

18 сентября. Под чьим-то влиянием и ничего мне не говоря, адмирал не сдержал данных мне обещаний по моему докладу о невозможности ломать управление округами и дал согласие на проект Дитерихса и на назначение Хрещатицкого инспектором формирований на Дальний Восток.

Выяснено, что между дальневосточными атаманами идут оживленные сношения в связи с тяжелым положением Омска и правительства; атаманы считают, что наша песня спета (в Чите уже несколько раз праздновали взятие красными Омска и бегство правительства; то же было и в красных кругах Харбина и Владивостока), и приготовляются делить остающиеся бесхозяйными ризы. Пока намечена полная автономия всего Дальнего Востока под главенством Семенова и под негласным протекторатом Японии; сейчас идет захват всех идущих с востока грузов; захват Семеновым первого эшелона золотого запаса, отправленного на Владивосток, обильно снабдил Читу золотой валютой и поднял атаманское настроение.

20 сентября. Ставка совершенно ошалела и проводит разные командировки, при чем трудно даже сказать, какая из них наиболее нелепая. На-днях ко мне явился присланный ставкой очень бравый полковник, измысливший для себя командировку в Хиву и Бухару для руководства свер-

жением большевиков и совместных затем действий против их тыла. Приказано ассигновать ему несколько десятков пудов серебряной монеты и выдать разное снабжение. В связи с этой командировкой в совет министров внесен проект правительственных грамот на имя эмира бухарского и хана хивинского, с тем, чтобы эти грамоты были вручены сему бравому полковнику для передачи по назначению.

Вместо упрощения организации у нас идут все новые формирования; за последнее только время родились штабы южной группы (создана для устройства Лебедева), отдельного конного корпуса (создан ради честолюбия Иванова-Ринова), инспектора добровольческих формирований (для пропитания Голицына), инспектора стратегического резерва (для пропитания Хрещатицкого), но ничего не слышно по части сокращений.

При каждом штабе пышно расцветает контр-разведка и осведомление, последнее почти обязательно с собственной газетой.

23 сентября. Получены сведения, что в ночь на 19-е во Владивостоке была произведена первая попытка устроить переворот, но неудачно. Розанов, несмотря на протест союзников, ввел в город надежные русские войска, и заговорщики скиксовали.

Ведь если подсчитать наш актив и пассив, то получается самый мрачный вывод «every item dead against you»; за нас офицеры, да и то не все, ибо среди молодежи много неуравновешенных, колеблющихся и честолюбивых, готовых поискать счастья в любом перевороте и выскочить наверх, на манер многих это уже проделавших; за нас состоятельная буржуазия, спекулянты, купечество, ибо мы защищаем их материальные блага; но от их сочувствия мало реальной пользы, ибо никакой материальной и физической помощи от него нет. Все остальное против нас, частью по настроению, частью активно.

Даже союзники—кроме японцев—от нас как-то отошли; чехи же определенно настроены против нас настолько, что ничто не гарантирует возможности их активной помощи эсеровскому перевороту, вопреки всяким гарантиям Жанэна и приказам Массарика.

24 сентября. Я имел случай беседовать с несколькими старшими священниками фронта, и они в один голос жалуются на пошатнувшиеся нравственные основы офицерства, преимущественно молодого, сильно тронутого переживаниями войны и революции; по мнению главного священника Западной армии, из восьми случаев насилия над населением семь приходится на долю офицеров (за исключением казачьих частей, где «пользование местными сред-

ствами» составляет общий и непреложный закон). Особенно возмущает население отбор офицерами лучших крестьянских лошадей и притом не для войск, а для торговли.

25 сентября. В ставке узнал подробности о причинах бездействия конного корпуса; Иванов-Ринов, после первого удачного дела, на Курган не пошел и посланных ему шести директив и телеграмм — из них две за подписью адмирала — не исполнил.

Дитерихс отрешил Иванова-Ринова от командования, но тогда, когда уже было поздно и когда общее положение на фронте исключило возможность успешного набега на тыл красных.

Иванов-Ринов прибыл немедленно в Омск, поднял всех своих сторонников, и по ультимативному требованию казачьей конференции его отрешение было отменено, и он с апломбом вернулся на фронт к своему корпусу. Яркое проявление импотентности и дряблости власти, засосанной омским болотом и находящейся в пленении у разных безответственных, всесильных организаций, во все мешающихся, но ни за что не отвечающих.

Такая власть не может существовать, ибо sine qua non [необходимое условие] всякой власти это — ее сила.

Удивляюсь, как Дитерихс на это согласился; он ведь тоже реальная сила и имел право и возможность принять такой тон, с которым должны были бы считаться омские лягушки.

26 сентября. После обеда Сукин передал мне полученное им из английской миссии известие, что агенты Калмыкова убили во Владивостоке полковника Февралева; его схватили на улице среди белого дня, увезли за город и там застрелили. Таким образом исполнилась угроза, которая висела над несчастным Февралевым больше полугода, и отвратительный хабаровский разбойник «вывел в расход» (специальное выражение Читы и Хабаровска) опасного кандидата на звание атамана.

Нокс возмущен до глубины души и заявил, что он готов открыто отказаться от поддержки такой власти, которая не в состоянии предупредить такие гнусные убийства. Всецело разделяю его негодование.

Сообщил об этом убийстве казачьей конференции; телеграфировал Розанову о розыске и предании виновных военно-полевому суду; телеграфировал Семенову, выразив надежду, что он, по званию походного атамана дальневосточных казаков, примет все меры, чтобы не осталось без примерного наказания убийство одного из старших и лучших уссурийских казаков, кем бы оно ни было совершено.

Печально положение той власти, которая не может рас-

правиться с такой гнусностью, а именуется Всероссийской и заботится о великодержавии России.

[29 сентября автор дневника серьезно заболел и, пролежав 2 недели в бессознательном состоянии, уехал в Томск, а затем в Харбин для лечения. Возвратиться к своему посту ему не было суждено, так как уже 15 ноября Омск был занят Красной армией, а в декабре колчаковская армия подверглась окончательному разгрому. Конец дневника представляет собой написанную в пути характеристику омской власти. Характеристика эта написана остро и талантливо, но не заключает в себе нового фактического материала, а потому, за недостатком места, мы вынуждены ее опустить.]

Крушение колчаковщины [1]).

1. Агония власти.

Если осуществление новой политической программы началось отставкой утомившегося Вологодского и заменою его молодым, неутомимым и решительным Пепеляевым, то это начало осуществления программы было и концом его. Дальше ничего не вышло.

Прежде всего, не удалось обновление кабинета.

На старом сюртуке наложены были две-три латки, да и то из материала не первой свежести. Тем не менее, правительство приступило к энергичной работе.

Совет министров, под председательством Третьякова [2]), принял постановление об изменении состава государственного земского совещания. Затем принято было постановление об изменении порядка осуществления исключительных положений. Далее заслушан был законопроект управления делами относительно прав и организации совета министров. Наконец, принят был законопроект о расширении власти управляющих губерниями. Все это были акты хорошо разработанные, мудрые политически, целесообразные и осуществимые.

---

[1]) Из книги Г. К. Гинса „Сибирь, союзники и Колчак". Т. II. Изд. „Общества возрождения России". Пекин 1921.

Омск был сдан Красной армии 15 ноября 1919 г. Омское правительство переехало в Иркутск. Колчак, держа при себе вывезенный из Казани золотой запас, остался при армии. Эти события надо считать началом агонии колчаковщины. Начались судорожные попытки спасения власти посредством законодательных реформ, теперь уже никому ненужных, посредством замены одних министров другими, столь же ненавистными для одной части населения и столь же безразличными для другой, как и первые. Мы заимствуем у Гинса картину агонии колчаковщины, некоторыми своими чертами чрезвычайно напоминающей агонию царского самодержавия в февральские дни 1917 г. *Сост.*

[2]) Назначенный, взамен Вологодского, председателем колчаковского правительства В. Пепеляев находился при Колчаке в авангарде отступающих войск. Поэтому в совете министров, находившемся в Иркутске, председательствовал заместитель председателя Третьяков, бывший министр кабинета Керенского. *Сост.*

Какая же судьба постигла их?

Они остались в портфеле главноуправляющего делами неутвержденными, неосуществленными и даже никому неведомыми.

Что же привело к такому плачевному результату деятельность правительства, деятельность искреннюю и на этот раз смелую и решительную? Исключительно внешние события.

Катастрофа фронта оказалась более грандиозною, чем можно было ожидать. Отступление превратилось в бегство, фронт таял не по дням, а по минутам, и удержать его не было возможности. Уехавший на несколько дней Пепеляев застрял на Западе. Связь с верховным правителем прерывалась. Чехи, спасая себя, захватывали подвижные составы, расстраивая окончательно коммуникацию и препятствуя движению верховного правителя. Адмирал, забыв о совете министров, действовал самостоятельно, рассылал ноты, обострял отношения с чехами, подрывая престиж и свой и совета министров резкими и неконституционными, обходившими министра иностранных дел, заявлениями.

С своей стороны, чехи совершенно вышли из роли иностранных войск, охраняющих дорогу, и перешли на роль хозяев транспорта, располагающих средствами передвижения прежде всего для своих целей.

Генерал Сыровой оправдывал это тем, что он выполнял приказ из Праги: «уходить, избегая соприкосновения с большевиками». Что делал в это время главнокомандующий чехословацкими силами генерал Жанэн,—неизвестно. Он проявил себя активной силой в деле разрушения российского правительства уже позднее.

Таким образом правительство работало не для жизни, а только для самоутешения, льстя себя надеждой на то, что еще не все потеряно.

Правда о фронте совету министров не сообщалась. Казалось, и сам верховный главнокомандующий не отдавал себе отчета в неизмеримой тяжести положения. А в это время революционные силы подняли голову. Все войска тыла жадно воспринимали лозунг: «мир с большевиками». Многие эсеры не скрывали своего истинного намерения: передать власть большевикам и спасти себя путем свержения «колчаковцев», и лишь из лицемерия, а некоторыми по наивности и самоуверенности, заявлялось о возможности создать прочную «демократическую» власть. Выступления должны были произойти по возможности одновременно по всей Сибири, примерно в двадцатых числах декабря.

Правительство волею судеб не только не укрепило своих позиций, но политической бездеятельностью, проистекавшей

главным образом из-за невозможности сноситься с верховным правителем и доложить ему принятые постановления, усилило общее разчарование. Впрочем, при том положении дел на фронте, которое создалось к началу декабря, политическими реформами можно было только отсрочить, но не устранить крушение власти.

Однако, подобно военной катастрофе, политическая агония власти оказалась также значительно более трагичной, чем это могло быть. История будет судить, кто наиболее виновен в этом; наше дело только восстановить факты.

2. Начало восстания.

Начало было положено в Черемхове. Первые пробы революции производились в глубокой провинции Иркутской губернии. Власть захватывало земство, и сейчас же она переходила к большевикам. Кольцо вокруг Иркутска стягивалось. Дробить силы гарнизона не представлялось возможным. Перевороты происходили успешно.

Руководство движением принял Политический центр, объединивший центральный комитет с.-р., комитет бюро земств, профессиональные союзы и с.-д.-меньшевиков.

Политический центр решил начать серьезное выступление не в Иркутске, а на одном из важных пунктов магистрали, чтобы изолировать правительство. Избрано было Черемхово, где угольные копи давали подходящий человеческий материал для выступления и где успех выступления лишал бы крупные городские центры и дорогу угля, парализовав их работу.

Переворот в Черемхове произошел 21 [декабря 1919 г.]. В тот же день ледоход, очевидно по молитве заговорщиков, сорвал мост через Ангару в Иркутске, затруднив переход из города на станцию и лишив власть возможности перебрасывать силы на другой берег.

И на этот раз военное командование решило не выводить никаких частей из Иркутска. Черемхово праздновало победу, а Иркутск выжидал. Положение власти становилось невозможным. Она была парализована. Ясно было, что дело проиграно вплоть до Байкала, и что остается только одно— спасти остатки государственности на Дальнем Востоке.

Но... и в этом деле роковая судьба разбила все благие намерения. Чтобы спасти остатки государственности, надо было эвакуировать на Дальний Восток наиболее видных работников, экспедицию заготовления государственных бумаг и золото.

Исполнить это оказалось невозможным.

В воскресенье 21 декабря ледоход сорвал мост через Ангару.

Обстоятельства, при которых это произошло, не могли не вызвать предположения о злом умысле. Совет министров, учитывая сложившуюся обстановку, принял решение начать негласную эвакуацию путем командирования части чиновников с архивами за Байкал. Заместитель председателя совета министров Третьяков находился в Чите. Председательствовал управляющий министерством внутренних дел Червен-Водали.

3. Совещание земцев.

В это время в Иркутске происходили совещания всех земских деятелей, случайно там находившихся. Земцы эти как будто хотели обособиться от сторонников соглашения с большевиками, но мотивы гражданского мира звучали ясно и громко. Сознание невозможности дальнейшей борьбы с большевизмом руководило большинством, и желание спасти себя подсказывало тактику удара в спину власти для обеспечения награды со стороны большевиков за содействие.

На совещании земцев был поставлен вопрос о приглашении или неприглашении к участию в нем представителей профессиональных союзов. По этому поводу в органе «социалистической» мысли «Наше Дело», в передовой статье, написанной вызывающим тоном, был задан вопрос: «Не поздно ли?»

Земцы испросили у Червен-Водали разрешение на устройство 23 декабря публичного собрания. Сначала оно предполагалось в думе, затем в театре. На собрание явилось около 150 земцев и 900 приглашенных. Собрание могло превратиться в митинг. Командующий войсками генерал Артемьев, ссылаясь на то, что у него не было испрошено разрешения, которое, при существовании военного положения, зависело от него, объявил, уже в то время как театр был полон, что он не допустит собрания. Формально он был прав, но для Червен-Водали, который уведомил управляющего губерний, что не имеет возражений против собрания, создалось невозможное положение. Тем не менее, не без основания чувствуя опасность собрания, при громадном преобладании числа приглашенных над числом полноправных членов его, он не нашел возможным брать на себя ответственность и не настаивал перед генералом Артемьевым на допущении собрания.

Оно не состоялось. Собравшиеся мирно разошлись. Некоторые земцы (Ходукин, Пашков) в беседе со мной утверждали, что разгон собрания земцев окончательно лишил их возможности отмежеваться от крайних течений. Но вернее,

пожалуй, что этим был отдален момент выступления, сигнал и лозунги которого должно было подать собрание. Основанием для этого предположения может служить то, что главные воротилы и инициаторы этого чрезвычайного и скоропалительного земского собрания, Ходукин, Алексеевский и др., входили в так называемый Политический центр, организовавший все движение.

4. Совет трех (троектория).

К 23 декабря положение в Иркутске стало чрезвычайно напряженным. Совет министров, предвидя неизбежную необходимость решений быстрых и секретных и считаясь с тем, что предварительное обсуждение всех действий в полном составе совета и замедлит решения и затруднит сохранение тайны, постановил предоставить Червен-Водали, как временному председателю совета, генералу Ханжину, как военному министру, и инженеру Ларионову, как управляющему министерством путей сообщения, принимать все неотложные меры по совместном их обсуждении и присвоить решениям этих трех министров силу решений совета министров. Тем самым прочим министрам открывалась возможность постепенного выезда. Новая организация власти получила прозвище «троектории».

Между тем как совет министров обсуждал все эти меры и готовился к отступлению и обороне, верховный правитель в это время, аккуратно получая из Иркутска информацию, составлял свой план действий.

5. Назначение Семенова главнокомандующим.

Верховный правитель принял решение, которого не сообщил [совету министров], а именно: назначить атамана Семенова главнокомандующим всеми вооруженными силами Дальнего Востока.

По существу едва ли верховный правитель мог найти иное решение. Положиться на военные силы генерала Артемьева не представлялось возможным, подавление мятежа в Иркутске могло быть произведено только при содействии войск Забайкалья; отсюда логически вытекало назначение атамана Семенова командующим всеми войсками. Нельзя, с другой стороны, упрекать несчастного адмирала, человека глубоко патриотичного, честного и чуткого, но исключительно военного по психологии, не привыкшего и не умевшего усвоить приемов управления через министров, в том, что он в такой тревожный момент не запросил предварительно мнения совета министров. Но предупредить последний о пред-

стоящем назначении, посоветоваться о формах указа, об объеме полномочий, конечно, представлялось возможным и было бы политически осторожнее и тактичнее. Назначение атамана Семенова главнокомандующим, без ведома совета министров и без точного определения прав главнокомандующего, поставило правительство в чрезвычайно неловкое и затруднительное положение.

С другой стороны, престиж правительства окончательно был подорван.

Совет министров сохранил за собою, в лучшем случае, представительство для внешних сношений.

Каковы же были результаты назначения атамана Семенова главнокомандующим?

На этом надо остановиться несколько подробнее.

У Забайкалья [1]) в глазах сторонников демократического строя была всегда особая слава. Явления, которые совершались там, не были чужды и другим районам Сибири, но там они как бы растворялись в массе других явлений, а в Забайкалье сгущались, что придавало всему строю жизни этой области особый характер. Атаман Семенов, которого Политический центр объявил «врагом народа», был всегда грозою левых в Иркутске. Они боялись и ненавидели его. Силы атамана считались значительными, а твердость власти и несклонность к компромиссам заставляли думать, что Забайкалье окажется наиболее устойчивою цитаделью реакции. Таково было отношение к атаману Семенову всех левых кругов, а не только организаторов восстания.

Во всей истории переворота играл весьма важную роль чешский вопрос. Поэтому при учете последствий назначения генерала Семенова надо подойти к нему и с чешской точки зрения.

Надо отметить, что к этому времени генерал Каппель послал генералу Сыровому вызов на дуэль, мотивируя его возмущением, которое вызвало в армии неслыханно-оскорбительное отношение чешских войск к верховной государственной власти России. Атаман Семенов, в свою очередь, поддержал генерала Каппеля, выразил готовность заменить последнего у барьера и предъявил ультиматум чехам, грозя обрушиться на них всеми силами, которыми атаман располагал. Эта угроза была особенно серьезна, так как тоннели Кругобайкальской дороги находились тогда в руках Семенова.

Таким образом назначение атамана Семенова главнокомандующим должно было вызвать резкую реакцию, ожесто-

[1]) Забайкалье после свержения Советской власти летом 1918 г. находилось под властью Семенова. *Сост.*

ченность и озлобленность со стороны всех заговорщиков и со стороны чехо-войск.

Но, с другой стороны, настроение иркутского гарнизона, несомненно, поднялось, офицерство ободрилось. Военный мир обладает своею психологией и мировоззрением, и приказ нового главнокомандующего, объявившего, что он скоро придет расправиться с «мерзавцами», пришелся по вкусу.

Надо считать, что назначение Семенова устраняло возможность соглашения, обострило борьбу и хотя отдалило момент ликвидации, но зато, ввиду неудачи исхода, ухудшило положение побежденных.

Назначение Семенова имело, может быть, еще и то последствие, что оно ускорило самое выступление и обеспечило повстанцам благожелательный нейтралитет чехо-войск, без которого восстание в Иркутске было бы несомненно подавлено, и правительство получило бы возможность свободного выезда и эвакуации имуществ. Трудно утверждать только, что сочувствия и, следовательно, поддержки со стороны союзных войск народно-революционная армия не встретила бы и в том случае, если бы назначения Семенова не последовало. Эсеры всегда говорили: «чехи на нашей стороне». Манифесту Политического центра предшествовал известный антиправительственный меморандум чешских дипломатических представителей; близкие отношения эсеров с чехами еще со времени Сибирской областной думы также не составляли тайны, как и близкие отношения атамана Семенова и японцев. Поэтому утверждать, что назначение атамана Семенова главнокомандующим, в связи с особенно недружелюбными в то время отношениями последнего и чехов, вызвало особое сочувствие чехо-войск к повстанцам, нельзя. Но предположение такое считалось в совете министров не лишенным основания.

6. Министры-зрители.

Итак, члены совета министров во второй половине декабря из руководителей политической жизни окончательно превратились в зрителей. Игра политических сил происходила без их участия. Совет министров, руководствуясь не только интересами момента, но и задачами славянской политики, искал искреннего сближения с чехо-словаками, стараясь сгладить временные шероховатости отношений, найти примирение взаимных интересов. Совет министров и понимал и сочувствовал желанию чехов эвакуироваться, но он, конечно, не мог помириться с неразделыным хозяйничаньем последних на железной дороге.

Однако, помимо совета министров, в адрес чехов направились стрелы, которые отравили здоровые и дружеские отношения. И оставалось только не одобрять, протестовать...

Совет министров хотел расколоть лагерь оппозиции, привлечь на свою сторону тех, кто действительно готов был искренне отстаивать Сибирь от большевизма, но помимо совета министров делалось то, что объединяло и сплачивало силы недоброжелательства и возмущения против власти. Уйти было невозможно, протестовать бесполезно, надо было ждать, подчиняться, но события разыгрывались...

7. Восстание в Иркутске.

Восстание началось вечером 24 декабря на левом берегу Ангары, где находится вокзал и предместье Глазково.

Выступление было задумано очень удачно. Так как мост через Ангару был сорван, а самая река не замерзла, то город, окруженный мощной и неприступной рекой, оказался отрезанным от внешнего мира. Путь отступления был один— в направлении на Байкал, по правому берегу Ангары. Но отступление без ценностей, архивов, экспедиции заготовления государственных бумаг, служащих было бы более похоже на бегство. Стало быть, надо было бороться.

О ненадежности частей, находившихся на левом берегу Ангары, было давно известно. Почему не было принято мер для замены их более надежными, и можно ли было произвести эту замену, я никогда выяснить не мог и так и унес с собой впечатление халатности и бездеятельности местной военной власти, не обнаружившей никакого плана противодействия восставшим и как будто покорно ждавшей решения судьбы.

Восстали на левом берегу все части: два батальона 53-го полка и гарнизон соседней станции Батарейной, где находились богатые склады снарядов, авиационный парк и другое ценное военное имущество.

Как только получены были сведения о выступлении в Глазкове, контр-разведка в городе произвела обыски и арестовала районный штаб повстанцев в составе 17 человек.

В свою очередь, повстанцы произвели аресты на левом берегу Ангары. Там жил министр земледелия Н. И. Петров, начальник переселенческого управления Федосеев и некоторые чины военно-железнодорожной администрации. Все они были отведены в казармы, при чем, как выяснилось впоследствии, встретили внимательное, корректное к себе отношение.

Настроение в «Модерне», гостинице, в которой жили

почти все члены правительства и высшие чины министерств, в ночь с 24 на 25 декабря было мучительно тревожное. Полная неизвестность обстановки, неуверенность в гарнизоне, сознание бессилия и бесплодности работы,—все это порождало величайшее смятение. Кто мог ручаться, что не подготовлено восстание и в самом городе, и что правительство не проводит последние часы своего существования?

Червен-Водали, Ханжин и Ларионов всю ночь не спали, выслушивали доклады, составляли воззвания и отдавали распоряжения. Меня поднимали несколько раз. Ночью я ездил на телеграф говорить по прямому проводу, помогал «троектории». Везде в городе было совершенно спокойно. Ни одного выстрела. Город еще ничего не знал. Начальник гарнизона генерал Сычев объезжал казармы и ободрял офицеров и солдат.

К утру в маленькой комнате гостиницы «Модерн», где заседали три министра, воцарились бодрость и спокойствие. Генерал Сычев засвидетельствовал, что гарнизон держится твердо. Решено было действовать.

Четверг 25 декабря не ознаменовался никакими происшествиями. Иностранцы справляли рождество; им было не до печальных обстоятельств российского правительства, а в Глазкове было так же мало решительности и уверенности, как и в городе.

8. Засилие иностранцев.

Генерал Сычев послал союзникам уведомление, что утром 26-го он начнет артиллерийский обстрел казарм 53-го полка. В ответ на это генерал Жанэн сообщил, что он не допустит обстрел и, в свою очередь, откроет огонь по городу.

Гром среди ясного дня не поразил бы так членов правительства, как это заявление представителя дружественной страны, все время обещавшей поддержку правительству адмирала Колчака.

Только энергичные и неотложные меры могли спасти положение. Каждый день промедления укреплял силы восставших, так как к ним стали сейчас же присоединяться большевистские элементы рабочего населения. Поэтому заявление генерала Жанэна было оценено как решение ликвидировать власть адмирала Колчака.

Правительство ни минуты не думало о том, чтобы защитить себя, как таковое. Но целью было удержать тот порядок и такую власть, которые обеспечили бы отступление войск, находившихся на фронте, и не дали бы большевизму

восторжествовать на всей территории Сибири, сделав дальнейшую борьбу безнадежной. Руководители восстания не могли внушать правительству надежды на подобный исход; это были люди настолько близкие к большевизму или настолько неустойчивые в намерениях, что передача им власти не могла означать ничего иного, как капитуляцию перед большевизмом.

Между тем действия правительства были связаны еще и тем, что переправу через Ангару захватили в свои руки иностранцы. Все пароходы перешли в ведение чехов, которые заявили, что не дадут их ни той ни другой стороне. Железнодорожная полоса, на которой сосредоточились все восставшие, объявлена была нейтральной, следовательно, повстанцы оказались гарантированными от военной силы правительственных частей, и гарнизону Иркутска оставалось только пребывать в осаде и разлагаться или отступать.

Подобное положение вынудило правительство начать переговоры о возможных условиях эвакуации за Байкал.

Инициативу переговоров взяли на себя земцы.

Совет министров 26 декабря уполномочил Червен-Водали побеседовать с земцами, при чем было определенно подчеркнуто, что *действия генерала Жанэна вынуждают* правительство предпринимать шаги, которые в момент борьбы и неопределенного соотношения сил ухудшают положение власти и способствуют разложению войск.

Совет министров указал также, что непременным условием с его стороны должно быть предоставление повстанцами гарантий, что не произойдет капитуляции перед большевиками, что будут ограждены интересы отступающих частей войск, что будет предоставлен свободный проезд на Восток верховному правителю, членам правительства и тем гражданским и военным чинам с их семьями, которые не пожелают оставаться на территории к западу от Байкала, и, наконец, что общегосударственные ценности будут вывезены.

В случае принятия этих условий совет министров считал возможным согласиться на отречение верховного правителя и передачу власти иркутской земской управе на территории Иркутской губернии, предоставив определить дальнейшие формы организации власти народному собранию или земскому собору, созыв которого был провозглашен в прокламациях Политического центра.

Предоставив Червен-Водали начать предварительные беседы с земцами на указанной платформе, совет министров постановил также командировать уполномоченных лиц для переговоров с высокими комиссарами.

9. Переговоры с союзниками. Нейтралитет.

Переговоры были начаты. В поезде генерала Жанэна чиновник особых поручений Язвицкий и начальник штаба Иркутского военного округа генерал Вагин—с высокими комиссарами, а в городе Черен-Водали—с земцами искали мирного исхода.

Переговоры с союзниками шли как будто бы успешно. Язвицкому и Вагину поручено было объяснить, что, препятствуя правительственным войскам активно действовать в районе вокзала, они ставят повстанцев в более благоприятное положение, что в таких условиях подавление мятежа становится заведомо невозможным и что нейтралитет союзных войск должен принять иные, более благоприятные для российского правительства формы.

Наивно было думать, что генералы Жанэн и Сыровой не понимали того, что они способствуют ликвидации власти, и будь на месте совета министров большевистские комиссары, они давно уже поведали бы всему миру, что камень к шее утопающей власти привязывают ее друзья и что ответственность за последствия ложится на них—союзников и друзей. Но совет министров действовал всегда корректно, по всем правилам европейского этикета. В такой европейской форме заявил он свой протест и на этот раз, и на свое вежливое и скромное ходатайство он получил джентльменский ответ.

Документ, в который облечено решение высоких комиссаров, заслуживает внимания, и я позволю себе на нем остановиться. Вот текст сообщенной председателю совета министров ноты:

„Совещание высоких комиссаров союзных держав постановило:

1) Контроль и управление сибирской железнодорожной магистралью, от Красноярска до Мысовой включительно, равно как и телеграфными линиями, передаются в руки командования чехо-словацких войск и других союзников, которые их будут замещать, под наблюдением высшего международного командования.

2) Ему будет передана полная охрана порядка обоих путей железной дороги в пределах железнодорожной полосы, пределы которой оно установит для охранения своей безопасности и для осуществления права поддержания нейтралитета.

3) В городах Красноярске и Иркутске эта зона ограничена окрестностями вокзалов.

4) Союзное командование будет иметь самостоятельное право устанавливать порядок следования их собственных эшелонов; им будут предоставлены всевозможные облегчения для их временного размещения на пути следования на восток. Подписали: Като, Гаррис, Могра, Лампсон и Глосс".

Этим решением обеспечивались интересы чехо-словацких эшелонов и гарантировалось беспрепятственное их продвижение, так как вся Кругобайкальская дорога и, следовательно, все тоннели переходили под охрану чехов, а для правительства представилось выгодным то, что вся железнодорожная полоса нейтрализовалась и, следовательно,—так, по крайней мере, подсказывала логика,—железная дорога и вокзалы переставали быть благом, доступным исключительно для исповедующих революцию.

Поэтому на имя посла Като Червен-Водали дал следующий ответ:

„Честь имею довести до сведения представителей союзных держав, что их предложение относительно железных дорог получено и что правительство согласно с этим предложением и с своей стороны считает нужным в интересах дружного сотрудничества детализировать некоторые вопросы таким образом:

1) Вся полоса отчуждения и соответственная полоса по обе стороны от нее должны быть немедленно очищены от повстанцев.

2) Все удаленные повстанцами должностные лица железнодорожной, гражданской и военной администрации должны быть немедленно возвращены на свои места и восстановлены в своих служебных правах.

3) Находящиеся в указанной в пункте первом зоне телеграф и телефоны должны быть восстановлены, и должно быть обеспечено свободное пользование ими железнодорожной администрации и правительству.

4) Контроль и управление железной дорогой на участке Красноярск—Мысовая и охрана указанной полосы вверяются чехо-словацкому командованию в формах, которые должны быть выработаны по соглашению этого командования с министерством путей сообщения и междусоюзной инспекцией железных дорог, при чем русскому правительству и его войскам должно быть обеспечено свободное пользование нужной ему частью провозоспособности железной дороги, а распределение провозоспособности между надобностями иностранных и русских войск и правительства должно производиться по соглашению министра путей сообщения с междусоюзной железнодорожной инспекцией".

Этот ответ был сообщен союзникам 27 декабря, и в тот же день к вечеру член японской военной миссии майор Мике устно сообщил, что оговорки правительства принимаются с резервированием некоторых поправок, на случай сомнений в понимании текста ответной ноты.

Как будто блестящий успех. Но за полтора года мы видели много бесплодных дипломатических успехов и ничего не жалевших, но и ничего не дававших нот и посланий, а потому и не удивились, когда и на этот раз все успехи свелись, в конце концов, к потере времени.

Менее удачно шли переговоры с земцами.

10. Выяснение позиции земцев.

Червен-Водали заявил им, что он не уполномочен на какие-либо соглашения, но что ему предоставлено выяснить стремления и расчеты земской группы для определения возможности найти с ней общий язык.

Ему предложен был следующий план.

Совет министров или добивается отречения верховного правителя, или, за отсутствием связи с ним, принимает на себя всю полноту власти и затем передает ее одному лицу, а именно, Червен-Водали, который и заключает соглашение с земцами. При этом выяснилось, что земцы намерены распространить свою власть и за Байкал.

Что касается тех условий, о которых говорилось в совете министров, то они как будто не отвергались, но никаких гарантий их выполнения, особенно главного из этих условий—поддержания большевистского фронта, не указывалось. Даже наиболее склонный к соглашению с земцами Червен-Водали после этого разговора усомнился в способности земцев создать сколько-нибудь прочную власть, и когда на другой день пришли известия, что в Черемхове выпущены все красноармейцы и восстанавливается вся картина советских порядков, а в Глазкове, под Иркутском, уже не революционные войска, а революционные рабочие задают тон, и что все митинги проходят под большевистскими лозунгами,—стремление к соглашению сразу пало.

В заседании совета министров 27 декабря по поводу переговоров с земцами было высказано много кислых слов; была сознана, между прочим, тактическая ошибка: переговоры, хотя бы предварительные, раз они начаты были председательствующим в совете министров, связывали последний и воспринимались в городе, как предрешение советом передать власть. Тем не менее, совет министров высказался в пользу продолжения переговоров, считая, что, как бы ни была сомнительна возможность соглашения, попытки добиться его, раз они уже имели место, не должны быть отброшены.

Между тем Третьяков из Читы сообщил о своем отрицательном отношении к попытке найти компромиссы и осведомил, что определенный взгляд на такого рода соглашательство существует и у атамана Семенова.

Ожидание войск последнего и в то же время переговоры с земцами, существование главнокомандующего, не связанного решениями совета министров, и попытки последнего определить ход событий,—это были противоречия, порожденные хаосом безвременья.

Червен-Водали, не привыкший к политическим увертkам, человек искренний и честный, не счел возможным при таких условиях вести дальнейшие переговоры и, несмотря на положительные результаты голосования, отказался вести дальнейшую беседу.

В зале здания Русско-азиатского банка, где помещался в Иркутске совет министров, ожидали Алексеевский, Ходукин и др. В это время в кабинете главноуправляющего майор Мике сообщал о согласии союзников с условиями нейтрализации железнодорожной полосы.

Первым сказано было: «нет», вторые прислали: «да». Но это «да» звучало фальшиво и глухо: судьба уже решила участь омского правительства, она принесла ему свое «н е т» в потоках крови и ропоте обид, отчаяния и злобы.

Не успели земцы выйти из здания совета министров, как в окружающих его кварталах раздались звуки револьверных выстрелов. Это был ответ революции на отказ от переговоров.

11. Первое выступление в городе.

Револьверные выстрелы были условным сигналом к выступлению. Первыми восстали части отряда особого назначения, состоявшего при управляющем губернией Яковлеве, о роли которого в описываемом движении я скажу особо.

Без большого труда восставшие захватили телеграфную и телефонную станции и, сосредоточившись на площади Сперанского, у собора, намеревались двинуться в центр города. Яковлев помог в эту ночь избежать общего выступления. Он поддержал пущенный слух о приближении войск Семенова и задержал таким образом на стороне правительства часть войск, уже готовых было присоединиться к восставшим.

Весь вечер и всю ночь раздавалась ружейная пальба. К утру она затихла. Восставшие ушли в Знаменское предместье, и на другой день, 28 декабря, снова восстановилось спокойствие. Как оказалось, в этот день силы восставших были настолько слабы, что энергичное выступление могло бы рассеять отошедшие из города части и освободить предместье, где находилась экспедиция заготовления государственных бумаг и около двух миллиардов денег (четвертый и пятый выпуски американского займа и запас сибирских). Но наступление предпринято не было, на этот раз не по вине союзного командования, а, повидимому, вследствие недостаточной решительности действий и отсутствия активного плана.

12. Правительство в осаде.

Итак, воскресенье 28 декабря проходило в настроении, окрашенном бодростью и надеждой. А между тем до момента полного крушения власти оставалась только неделя.

В Знаменском предместьи подымался воодушевленный рабочий люд. На вокзале, несмотря на все ноты, ничего не изменилось: железною дорогою, железнодорожным телеграфом, углем из Черемхова пользовались все, кроме правительства.

Иркутск оставался совершенно отрезанным. Были сведения только о том, что вся территория от Красноярска до Иркутска охвачена восстаниями и что с востока идет помощь.

Но когда она придет? Надежна ли она?

Вечером город погружался во тьму. Электричества не давали, за прекращением подвоза угля. «Модерн» превратился в негостеприимный каземат. Невыносимый холод, освещение свечами, повсюду в коридорах солдаты, пулеметы, ресторан—убежище офицерской организации, скатерти со столов сняты, все пропитано запахом табака и кожи и окутано клубами дыма. Два самых больших номера—раньше приемная министра финансов Гойера—превратились в арестантскую; число арестантов дошло уже до шестидесяти.

Здание совета министров тоже теряло приличный вид. В верхнем и нижнем этажах были устроены казармы. Совету министров нечего было собираться.

Текущие дела момента разрешались тройкой, о законодательстве, конечно, не приходилось уже думать, а заниматься другими делами не только никто не хотел, но, повидимому, и прямо отучились.

Эвакуация из Омска не удалась. В полном составе прибыли только немногие учреждения: управление делами и некоторые части министерств, большинство же застряло в бесконечной ленте на железной дороге или досталось в добычу большевикам. В то время как управление делами интенсивно работало в области законодательной и по части секретарской, другие министерства чахли от тоски и безделья. В дни мятежа, особенно после потери связи, уже все одинаково перестали существовать как учреждения, и служащие слонялись без дела и без цели.

Последняя неделя была сплошным нравственным мучением. В понедельник из Знаменского предместья началось наступление на город. Положение спасли случайно подо-

спевшие егеря, прибывшие в Иркутск после усмирения в Александровской тюрьме.

Во вторник поднялась неожиданная тревога, и значительная часть членов правительства, не предупредив других, переехала из «Модерна» на окраину, в оренбургское военное училище, откуда предположено было отступать. Ночью не раз вся гостиница поднималась на ноги.

13. Семеновцы пришли.

Но вот пришло известие, что семеновцы приближаются. Сначала они остановились у Михалева, и генерал Скипетров известил, что дальше не пропускают союзники. Но затем пришло известие, что японцы вступят в иркутский военный округ, а вслед за тем пушечные выстрелы известили о прибытии войск из Забайкалья к станции Иркутск.

Был прекрасный солнечный день, и жадная до зрелищ публика, не слыша стонов раненых и не осязая веяния смерти, следила издали за тем, как на левом берегу Ангары передвигались цепи и развертывалось сначала наступление, а затем отступление семеновцев.

С 29 декабря военные действия происходили почти беспрерывно и нередко с большим ожесточением. Знаменское предместье отделено от города речкой Ушаковкой. На ее холодном саване найдено было немало трупов. Среди них были и ожесточенные фанатики революции, и юноши, безотчетно верившие, что революция несет гибель, и люди, ничего не понимавшие, не видевшие никакого смысла в происходившем. Отчаянная ненависть к обороне и беспощадная злоба в наступлении оставили следы на поле битвы: многие трупы были изуродованы.

Бок о бок с солдатами и офицерами выходили на фронт сестры милосердия. Самоотверженность последних бросалась в глаза. Они понесли в эти печальные дни немало тяжелых утрат.

Солдаты принадлежали к числу тех участников трагедии, которые меньше всего понимали ее значение.

Егеря, которые 28 декабря спасли положение, отбив наступавших, на следующий день перебили офицеров и ушли к повстанцам. Их убедили в казармах, что переворот даст мир. Но когда революционный штаб предложил им занять передовую линию, они опять перебежали. Вернулись, однако, немногие. Часть пала под пулеметным обстрелом, часть вовсе разбежалась, и еще недавно отличные солдаты превратились в банду мародеров.

Ушаковка не представляла собою зрелища. Там трудно было наблюдать без риска попасть под шальную пулю.

Даже в городе несколько человек стали жертвами случайных выстрелов.

На Ангаре же, при наступлении семеновских частей, толпа могла следить за действиями обеих сторон, не чувствуя опасности и забывая о кровавых ужасах красивой издали картины.

Происходившее на левом берегу Ангары было мало благоприятно для осажденных. Виден был сбитый с рельсов, очевидно, предупредительно выпущенный из сферы «благожелательного» нейтралитета паровоз. Стоял чешский броневик «Орлик». Железнодорожная полоса отнюдь не имела вида нейтральной, как, казалось, должно было быть, согласно условиям. Стало известно, что семеновские части не будут допущены на вокзал, тогда как народно-революционная армия продолжала там хозяйничать. Нейтралитет проявил полную благожелательность только к одной стороне. Но, помимо этого, и самый ход военных действий, видимо, оказался более благоприятным для противной стороны. После ряда атак семеновские части стали отступать.

На другой день забайкальские эшелоны отошли опять к Михалеву, за восемнадцать верст. Стало известно, что семеновцы понесли тяжелые потери, а «Чехо-словацкий Дневник» изобразил происшедшее как полное поражение семеновских войск и дал заведомо преувеличенные сведения о числе перебежавших к повстанцам солдат.

Как бы там ни было, но первый шаг отряда, пришедшего выручать Иркутск, оказался неудачным. Второго уже не последовало. Произошел резкий перелом в сторону ухудшения, и развязка приблизилась.

Между тем гарнизон окончательно терял веру в успех и доверие к начальству. Его все время ободряли обещаниями помощи. Но семеновцы ничего не сделали и куда-то скрылись. В город переведен был батальон, не внушавший никому впечатления грозной силы. Один из семеновских офицеров на обеде, устроенном в честь прибывших, поднял тост за гражданский мир. «Довольно уж воевали»,—простодушно заявил он, едва ли сознавая, что тем самым повторяет самый популярный лозунг восставших.

Обещано было прибытие японцев. Они действительно пришли. Началась сумятица. Революционеры переполошились. Но японцы не подавали признаков жизни. С вокзала пришло известие, что чехи успокаивают: «Японцы не двинутся, они привезли пустые вагоны». И действительно не выступили.

Тогда атаман иркутского казачества генерал Оглоблин написал председателю совета министров резкое письмо. Он требовал, чтобы ему сказали, наконец, правду, кто придет

на помощь и какова будет эта помощь. Если правительство будет попрежнему уклоняться от прямого ответа, то казачество поступит так, как подсказывает ему совесть и как диктуют интересы.

Началось разложение гарнизона. Стали говорить, что генерал Сычев распродает вещи, стали интересоваться, существует ли правительство и кто куда бежал.

Тогда Червен-Водали, Ханжин и Ларионов отправились на вокзал, к союзникам.

14. Переговоры о сдаче власти.

Червен-Водали уехал на вокзал без каких-либо определенных планов и без инструкций совета министров. Мы, оставшиеся, ничего не знали.

Но вот приходит известие, что Червен-Водали и Ханжин потребовали автомобиль...

Приехали. Мы ждем приглашения.

Проходит полчаса, час. Никого не зовут. Иду к Червен-Водали. Он занят, совещается с общественными деятелями: Волковым, Коробовым. Они уже все знают, а мы томимся неизвестностью. Ханжин отмалчивается.

Проходит еще час.

Тогда Смирнов и я теряем терпение. Министры мы или нет? Мы не можем уйти в отставку, потому что, при отсутствии верховного правителя, некому ее принять, но мы еще можем заявить, что слагаем с себя звание членов правительства, а вместе с тем ответственность за принимаемые без нас шаги. Мы пишем заявление и ставим условие—созвать совет министров не позже, чем к двум часам.

Я предлагаю Бурышкину подписать наше заявление, но он уже повидался с Червен-Водали и берет на себя сношения с ним.

Заседание совета министров состоялось. В холодном номере «Модерна», за отсутствием других помещений, после недельного перерыва деятельности совета, собрались опять члены правительства без территории, без власти, без свободы действий.

Вот что доложил нам председатель.

Весь вечер 2 января высокие комиссары вели беседу с представителями правительства о необходимости сдачи власти повстанцам. Генерал Жанэн, на основании чешских донесений, указал на неизбежность победы последних. Союзники заявили, что эсеры—деятели государственного направления, ничего общего с большевиками не имеют, и что поэтому противодействовать им союзники не намерены.

Условия передачи власти, те самые, которые выставля-

лись как база для переговоров с земцами, казались союзникам приемлемыми, но они не обнаруживали желания их поддерживать. Однако, по впечатлению Червен-Водали, он убедил комиссаров быть посредниками. При детальном рассмотрении условий правительства они, между прочим, указали, что адмирал Колчак должен отречься, так как иначе невозможно будет гарантировать его выезд, равно как и выезд министров Пепеляева и Устругова возможен будет только в качестве частных лиц.

Было уже за полночь, когда генерал Жанэн послал разыскать представителей Политического центра, чтобы поскорее выяснить возможность перемирия. Его подталкивала, несомненно, рука чехов, торопившихся все время на восток и томившихся создавшейся у Иркутска пробкой.

Повстанцы пришли. О чем они говорили с Жанэном, осталось неизвестным, но только разговор их был, как засвидетельствовал Червен-Водали, очень непродолжителен.

Согласие на перемирие последовало. Генерал Жанжин сейчас же позвонил Сычеву, и в результате этого звонка явился злосчастный приказ [о перемирии на 24 часа].

Совету министров не оставалось ничего иного, как составить телеграмму верховному правителю с предложением отречься, а ответственную тройку уполномочить продолжать начатые переговоры.

В то время как заседал совет министров, на вокзале шли переговоры.

Предварительно обсуждались одиннадцать пунктов, выдвинутых Политическим центром в качестве основы для переговоров. Эти пункты следующие:

1) Гарантия, что 24-часовое перемирие не будет использовано противником в военных целях.

2) Возвращение имущества и ценностей, которыми полноправно распоряжалось правительство адмирала Колчака, для передачи Политическому центру.

3) Немедленное возвращение пароходов, имущества и ценностей, вывезенных правительством Колчака за пределы Иркутской губернии.

4) Немедленный отзыв войск атамана Семенова из пределов Иркутской губернии.

5) Немедленная передача охраны тоннелей войскам народной армии.

6) Разоружение юнкерских училищ и офицерских организаций, принимавших участие в вооруженной борьбе с народной армией.

7) Недопущение вывоза с Иркутского участка (первый участок Забайкальской жел. дор.) паровозов и вагонов, необходимых для обеспечения нормального транспорта.

8) Акт о немедленном отречении адмирала Колчака от верховной власти и передаче всей полноты ее Политическому центру.

9) Акт о сложении советом министров своих полномочий и передаче их Политическому центру.

10) Отрешение атамана Семенова от всех должностей, полученных им от правительства адмирала Колчака.

11) Гарантия в том, что ответственные руководители политики правительства адмирала Колчака, находящиеся в Иркутске и западнее его, не уклонятся от следствия и суда с участием присяжных заседателей, которые должны установить степень виновности каждого из них в настоящей гражданской войне.

По желанию, заявленному представителями правительства и поддержанному представителями союзных миссий, Политический центр и главный штаб армии согласились на продолжение срока перемирия до 24 часов 4 января, отклонив предложение о продолжении перемирия до окончания переговоров. Роли переменились. Правительство оказалось стороной слабейшей.

На требования, предъявленные Политическим центром, представители правительства Колчака дали следующие ответы по каждому пункту:

По п. 1. Соответственные заявления уже даны правительством, и необходимые по сему распоряжения военным командованием сделаны.

По п. 2. Насколько известно, массового вывоза ценностей из Иркутска не производится. Оставшиеся ценности будут справедливо распределены.

По п. 3. Вопрос требует пояснений, ибо местные ценности из Иркутска не вывозились. Распределение же общегосударственных ценностей должно быть произведено так, чтобы справедливо удовлетворены были потребности общегосударственные и местные.

По п. 4. Войска атамана Семенова будут удалены по достижении действительных гарантий эвакуации на восток из района от линии фронта до Иркутска включительно желающих эвакуироваться лиц командного состава, офицеров, солдат и правительственных служащих. Необходимо, чтобы такие гарантии были даны договаривающейся стороной.

По п. 5. Охрана тоннелей, как это предусмотрено решением высоких комиссаров, вверена, с согласия русского правительства, междусоюзному командованию.

По п. 6. Разоружены могут быть желающие остаться в Иркутске, по окончании эвакуации его. Не желающим же остаться в Иркутске предоставляется право следовать с оружием на восток. Будут даны гарантии, что при производстве эвакуации по договору это оружие не будет употреблено против договаривающейся стороны.

По п. 7. Парк подвижного состава 1-го отделения сохраняется в размерах, потребных для движения, бывшего в момент начала борьбы.

По п. 8. Уже удовлетворено посылкою правительством соответственного обращения по телеграфу к адмиралу Колчаку.

По п. 9. Предусматривается по эвакуации совета министров из Иркутска, выяснении форм, в которых будет образовано местное или краевое правительство, и распределении между ними обязательств, лежащих на центральном правительстве. В Иркутске власть может быть передана на время эвакуации высоким союзным комиссарам и союз-

ному командованию. Для обеспечения безопасности населения, охрана Иркутска и его пригородов (включая и станцию) должна быть вверена союзным войскам.

По п. 10. Требуется выяснение оснований, которые доказывали бы полезность для края и в частности для района Иркутска этой меры. С своей стороны, в целесообразности ее сомневаемся.

По п. 11. Все деятели правительства посильно содействовали мирному разрешению конфликта, в котором оружие было поднято первым не со стороны правительства, почему ответственность за возникновение вооруженной борьбы лежит не на нем.

В дополнение к указанному, представители правительства повторили свои основные пожелания:

1) Перемирие продолжается на срок до достижения окончательного соглашения.

2) С достижением соглашения, военные действия в районе Иркутска и по всей линии железной дороги окончательно прекращаются, при чем должны быть обеспечены:

3) Свободный проезд на восток и неприкосновенность адмирала Колчака, министра путей сообщения Устругова, министра-председателя Пепеляева и прочих лиц военной и гражданской администрации, а также военных частей, желающих быть эвакуированными за Байкал.

В частности в указанном порядке обеспечивается возможно срочная эвакуация Иркутска, т.-е. правительственных, военных и гражданских должностных лиц с их семьями и гарнизона.

4) До завершения указанной эвакуации должна быть обеспечена связь с отступающей армией и снабжение ее всем необходимым.

Позиции правительства и Политического центра были, конечно, совершенно различны. Первое говорило об отступлении, второй—о капитуляции.

На пожелания представителей правительства Колчака Политический центр, естественно, ответил отказом, признав ответ правительства Колчака исключающим всякую возможность соглашения и невыгодность его.

По удостоверению осведомленной газеты «Дело», вышедшей после переворота, союзные представители в ходе переговоров стояли на стороне Политического центра. Не составляли исключения и представители Японии, которые сепаратно не отстаивали те или иные пожелания представителей Колчака.

По заявлению со стороны представителей Политического центра о неприемлемости ответа противной стороны, представители правительства Колчака заявили о готовности доложить совету министров и просили продлить перемирие до окончания переговоров. Союзники поддержали это предложение. Политический центр, как уже указано, согласился продлить переговоры, но ограничил их 12 часами.

Возобновление переговоров произошло 4 января, но не в два, а в шесть часов вечера.

4 января в заседании совета министров были сделаны доклады генерала Вагина и товарища министра путей сообщения Ларионова относительно одиннадцати пунктов предложения Политического центра и ответа наших представителей.

Тон доклада Ларионова был таков: «надо согласиться на все». Предсказание, что перемирие без предварительных условий равносильно предательству, оправдалось вполне.

Кто поддержал условия совета министров? Что общего между одиннадцатью пунктами Политического центра и предположениями об эвакуации за Байкал? Откуда взялась смелость требований и вызывающий тон Политического центра, как не из сознания, что перемирие разложит правительственные войска?

Совет министров остановился, прежде всего, на вопросе о верховной власти. Было решено, что если верховный правитель не ответит на сделанное накануне предложение отречься, то совет министров объявит себя верховною властью, в силу п. 6 постановления 18 ноября 1918 года, основываясь на длительной невозможности сношений.

По вопросу об объеме уступок совет министров, не вынося никакого постановления, высказался, однако, большинством против трех, в смысле предоставления уполномоченным на переговоры лицам полной свободы действий, не исключая и согласия на полную передачу власти.

В то время как совет обсуждал этот вопрос, в «Модерн» прибыл генерал Сычев и вызвал председателя. Как я узнал потом, последний, утомленный переговорами и заседанием, повидимому, не подумав о политических последствиях своего шага, заявил Сычеву, что правительство решило сдать власть.

«Ну, что ж, мы ничего против этого не имеем»,—ответил Сычев и сейчас же отбыл с распоряжениями, о которых стало известно только вечером, и которые поставили правительство в самое трагическое и двусмысленное положение.

Голосование произошло очень быстро, и в историю его результат должен быть записан так: «Сначала правительство решило бороться с мятежом, потом остановилось на отступлении и, наконец, перешло на сторону повстанцев».

На совет министров в его последних решениях оказала, повидимому, сильное влияние вокзальная информация.

Прежде всего, все приезжавшие с вокзала единодушно указывали, что к адмиралу отношение не только отрица-

тельное, но и прямо злобное. Язвицкий передавал фразу генерала Жанэна:

«Мы психологически не можем принять на себя ответственность за безопасность следования адмирала. После того, как я предлагал ему передать золото на мою личную ответственность, и он отказал мне в доверии, я ничего уже не могу сделать».

Протесты адмирала Колчака против действий чехов сделали последних его заклятыми врагами.

Что касается перспектив революции, то дружеское тяготение некоторых союзников к Политическому центру заставляло их представлять в розовом цвете все, что казалось благоприятным для восстания и слишком сгущало краски в отношении правительства.

Все это заставило совет министров поддаться настроению в пользу капитуляции.

К счастью, формального решения вынесено не было, голосование имело целью лишь выяснение настроения совета для руководства делегатам. Последние приняли голосование к сведению, но, судя по духу дальнейших переговоров, держались твердо и согласие на капитуляцию имели лишь на запас.

К трем делегатам присоединен был Палечек, отстаивавший одобренную советом идею, что Политический центр должен обязаться созвать земский собор. Была предложена также кандидатура Бурышкина, но ее отклонили. Тем не менее Бурышкин поехал на вокзал, по приглашению Червен-Водали.

15. Жуткие часы.

В «Модерне» должны были остаться из полномочных членов совета только Смирнов и я.

Около половины шестого все делегаты отбыли. В шесть «Модерн» уже был охвачен большим волнением. Комендантская часть совета министров первая узнала, что Сычев приказал войскам очистить фронт. Я потребовал доказательств, а меня просили отдать приказ о расформировании части. Взять на себя такое распоряжение до выяснения результатов переговоров я не решился.

Еще утром ряд обывателей «Модерна» покинул его холодные и неприветливые в эти дни стены. Выехали некоторые из товарищей министров. Вынесены были вещи Смирнова. Обо всем этом мне докладывали из команды, которая ревниво следила за тем, остается ли правительство в гостинице или бежит.

В семь часов я зашел к адмиралу Смирнову. Его но-

мер был закрыт. Ушел и он. Остались товарищи министров и я.

Положение не из приятных. Солдаты оставили посты и сбились в кучки. Офицеры образовали что-то вроде митинга. Раздавались явно враждебные по адресу правительства возгласы:

— Бежали, предатели... Где они, кто остался? Разделаться с ними!

— Господа, бросайте ружья, идем по домам!

— Что вы лжете, никого здесь нет. Конечно, бежали! Где Червен-Водали, Бурышкин, Ханжин, Смирнов, Волков?

— Почему Волков, он не член правительства?

— Все равно, кто здесь есть? А, вот главноуправляющий!

— А где генерал Сычев?

— Уже бежал?

Через некоторое время мне принесли собственноручный приказ Сычева: «уходить с фронта и стягиваться к оренбургскому училищу для отступления».

Что это—провокация или мне неизвестный план, согласованный с решением Червен-Водали?

Только благодушие большинства русских солдат спасло в этот момент последних обитателей «Модерна» от жестокой расправы возмущенных защитников правительства.

Я решил выбраться из «Модерна» и навести справки в английской и японской миссиях о положении дел. В коридоре удалось пробраться, воспользовавшись моментом, когда офицеры объявили, что Сычев бежал, а обязанности коменданта принял на себя генерал Потапов. Внимание всех было поглощено этим сообщением.

На улице меня задержали пьяные офицеры народно-революционной армии, но от них удалось ускользнуть.

Я вернулся еще в «Модерн» к 10 часам утра, уже зная от союзников, что переговоры на вокзале продолжаются, но идут нервно и без надежды на благоприятный исход, что фронт уже снят, отдельные части сдаются, и неприятель вступает в город.

Было опасно возвращаться в «Модерн», но я знал преданность и дисциплинированность своей команды, знал, что без моих приказаний она останется на своих местах, и я считал своим долгом решить с нею вместе, что делать.

Решили не отступать—слишком поздно; кроме того, офицеры не хотели итти за генералами, которые лишились их доверия.

Я ушел из «Модерна» незадолго до того, как к нему подошли части революционных войск.

Переговоры в одиннадцать с половиною часов были прерваны, не дав положительных результатов.

Власть российского правительства к Политическому центру не перешла, так как передачи не произошло, и согласия на такую передачу нигде официально заявлено не было.

Политическая смерть лучше измены убеждениям. Российское правительство было убеждено в бессилии Политического центра, и оно не могло сдать последнему власти. Случайное настроение совета министров, сказавшееся в заседании 4 января, политически выявлено не было.

Утром 5 января на улицах Иркутска были расклеены объявления о падении «ненавистной» власти Колчака и о принятии власти Политическим центром.

16. Предательство.

Едва только закончилась катастрофа, как загудели гудки, ожила станция, зашевелились эшелоны.

Спешно, один за другим, мчались на восток поезда иностранных представителей, грузились миссии, эвакуировались иностранные подданные, как будто бы новая власть, народившаяся при благожелательной поддержке иностранцев, была им врагом, а не другом.

А между тем фронт еще не был ликвидирован, еще существовали остатки армии, еще большевизм не победил.

Но никто из иностранцев не заботился больше об армии. Некоторые иностранные эшелоны оказывали гостеприимство отдельным политическим деятелям. Вывезли многих американцы, кое-кого из офицеров—французы, но больше всего, целыми поездами, вывозили русских японцы.

17. Торжество в Иркутске.

В то время как в центре Сибири происходила тяжелая драма войск, брошенных на произвол судьбы, окруженных со всех сторон врагами и не желавших все-таки сдаваться, в Иркутске происходило торжество.

Революция победила.

Целую неделю я скрывался у добрых людей, и в окно, выходившее на улицу, мне видны были манифестации с красными флагами и ликующая толпа, проходившая по главной улице.

Без обозначения числа, распространялся манифест Политического центра. Название «манифест», термин царских времен, свидетельствовал о безмерной притязательности новой власти.

„Волею восставшего народа и армии,—говорилось в манифесте,—власть диктатора Колчака и его правительства, ведших войну с народом, низвергнута.

„Узники, томящиеся в местах заключения за борьбу с реакцией, освобождаются. Ответственные руководители реакционной политики предаются гласному суду с участием присяжных заседателей.

„Атаманы Семенов и Калмыков, генерал Розанов и адмирал Колчак объявляются врагами народа.

„Все гражданские свободы (слова, печати, собраний, союзов и совести), упраздненные правительством Колчака, восстанавливаются.

„Политический центр, ставший во главе восстания народа и армии, ставит своими ближайшими задачами:

„1. Созыв на 12 января 1920 г. Временного сибирского совета народного управления на основании особого положения, опубликованного Политическим центром, и передачу ему всей полноты временной власти вплоть до созыва Сибирского Народного Собрания, составленного из представителей губернских и уездных земских собраний, съездов крестьян, казачьих кругов, городских самоуправлений и профессиональных рабочих объединений.

„2. Вся полнота местной власти в отдельных губерниях передается губернским земским собраниям и их органам—губернским земским управам.

„В городах полнота местной власти осуществляется городскими думами.

„3. Во всех областях, очищенных от реакции, немедленно начинается подготовка к выборам городских и земских самоуправлений на основе избирательных законов 1917 г.

„4. Власть Политического центра, власть гражданского мира, предпринимает немедленные шаги к установлению перемирия на советском фронте и начинает переговоры с советской властью на основе гарантирования самоуправления областей, освобожденных от реакции, не занятых армией Совета народных комиссаров.

„5. Политический центр приступает к немедленному осуществлению договорных взаимоотношений с демократическими государственными образованиями, возникшими на Российской территории.

„6. В отношении Чехо-Словацкой и Польской республик его задача сводится к установлению дружественных взаимоотношений, обеспечению свободного пропуска их войск с сибирской территории, при условии невмешательства их во внутреннюю жизнь Сибири.

„7. В отношении держав Согласия и других иностранных держав Политический центр будет вести политику мирного разрешения претензий этих стран к России, при условии невмешательства их во внутреннюю жизнь страны.

„8. Стоя лицом к лицу с развалом всего народного хозяйства, подготовленным диктатурой монархической буржуазии и реакционных военных клик, Политический центр полагает неотложно необходимым:

а) передать все дело продовольствия населения и армии в руки кооперативных организаций под контролем центральной государственной власти;

б) обеспечить покровительственную политику по отношению к кооперативному хозяйству вообще, в особенности к кооперативной промышленности;

в) передать в распоряжение государства всю каменно-угольную промышленность и средства транспорта;

г) установить государственный контроль над внешним товарообменом при обеспечении соответствующего представительства кооперативных организаций;

д) установить государственный контроль над всеми областями торговли и промышленности с обеспечением представительства органов местного самоуправления и профессионально организованного труда;

е) гарантировать безусловное осуществление восьмичасового рабочего дня и оплаты труда на основании прожиточного минимума;

ж) временно регулировать земельные отношения на основе положений, принятых Всероссийским Учредительным Собранием.

„Намечая в самых общих чертах платформу своей деятельности, Политический центр глубоко уверен, что его последовательно-демократическая политика будет обеспечена солидарной поддержкой трудовых слоев деревни и города.

„В планомерной политике организации труда и восстановления гражданского мира, гарантированных демократическими свободами, Политический центр видит единственное спасение народного хозяйства страны, доведенной до банкротства преступной политикой правительства Колчака, правительства изменников родине и народу.

„К труду и свободному самоуправлению зовет вас, граждане Сибири, Политический центр.

Председатель Политического центра, член Учредительного Собрания Флор Федорович, товарищ председателя Политического центра И. Ахматов, товарищ председателя Политического центра, тов. предс. Приморской Обл. Земск. Управы Б. Косьминский. Члены Политического центра: М. Фельдман, Б. Коногов, член Учр. Собр. А. Иваницкий-Василенко, чл. Учр. Собр. Я. Ходукин, предс. Иркутской Губ. Зем. Управы Л. Гольдман".

Тяжело было читать, как имя Колчака обливалось грязью наряду с именами Семенова, Розанова и Калмыкова, и все мы, члены правительства адмирала, мы, стремившиеся спасти родину, объявлялись изменниками.

Народ праздновал завоевание свободы и мира.

18. Как предан был адмирал Колчак.

Где же был в это время «враг народа», адмирал Колчак?

Так же, как и правительство, он попал в ловушку. Его задержали в Нижнеудинске, лишили связи с внешним миром, не позволяли тронуться с места.

Очевидец, один из офицеров конвоя верховного правителя, бежавший уже в Иркутске, рассказывал мне обстоятельства выдачи адмирала Политическому центру.

Во время стоянки поезда адмирала в Нижнеудинске ему не давали связи с Востоком совершенно, а с Западом, со штабом фронта, оказалось возможным снестись лишь раза два-три. Силы народно-революционной армии в Нижнеудинске были настолько слабы, что конвой адмирала и председателя совета министров, без всякого сомнения, легко справился бы с ними, но доступ в город был закрыт чехами.

Между тем в поезд приносились прокламации, с солдатами вели беседы подосланные агитаторы, и не столько их

убеждение, сколько одностороннее освещение событий, уверения, что власть Колчака пала повсюду, вносили в среду конвоя разлагающие сомнения.

Когда адмирал, получив от совета министров предложение отречься в пользу Деникина, а от союзников—принять охрану чехов, изъявил на это согласие, он и председатель совета министров предоставили солдатам свободу действий. Многие ушли.

К моменту принятия охраны чехов в поезде верховного правителя было достаточное количество вооружения, и адмирал, если бы ему предоставлено было продвигаться вперед, мог бы вполне положиться на свои силы. Но, согласившись на чешскую охрану, привыкший к благородству и верности данным обещаниям, адмирал отклонил предложение преданных офицеров припрятать пулеметы и согласился на полное разоружение.

Из своего поезда адмирал перешел в вагон второго класса под флагами: английским, американским, японским, французским и чешским.

Адмирал взял с собою из поезда всего восемьдесят человек. В коридорах его вагона часто грелись солдаты его конвоя. Всегда простой и доступный, адмирал любил их и был близок со своими конвойцами.

Поезд, в составе которого находился вагон верховного правителя, благополучно прибыл на ст. Иннокентьевскую, находящуюся у самого Иркутска.

В Черемхове поезд встретила толпа человек в двести-триста, при чем большинство было не вооружено, но настроение толпы было явно враждебным.

Никому из вагона не разрешено было выходить. О чем говорили чехи с толпою, неизвестно, но только поезд благополучно двинулся дальше.

По прибытии на Иннокентьевскую чехи не скрывали, что поезд дальше не пойдет.

Когда помощник чешского коменданта вошел в вагон и заявил, что адмирал выдается иркутским властям, верховный правитель схватился руками за голову, и у него вырвался вопрос: «Значит, союзники меня предают?» Но сейчас же овладел собою.

Адмирала и Пепеляева повезли в тюрьму в первую очередь. Через Ангару их вели пешком. На городской стороне ожидали автомобили. Остальных отправили в тюрьму на следующий день. Отправили всех, даже женщин.

На вокзале не было ни толпы, ни войск.

Решение выдать не было вынуждено неожиданно создавшеюся обстановкою; оно было, очевидно, принято заранее.

Японцы, находившиеся на вокзале, проявили большое любопытство к происшедшему, но не принимали в нем никакого участия.

Насколько слабы были силы народно-революционной армии на вокзале, показывает, между прочим, и то, что нескольким офицерам удалось выбежать из вагона, пробраться в соседние поезда и скрыться.

19. Бессилие социалистического блока.

5 января Политический центр объявил, что власть принадлежит ему, 21-го он сдал ее Совету рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Всего семнадцать дней существования, и из них ни одного самостоятельного.

Уже в период вооруженной борьбы с правительством народно-революционная армия достаточно ясно преобразовалась в Красную армию: начиналось с разложения регулярных войск путем заманчивого обещания мира; затем происходило выступление, во время и после которого к солдатам присоединялись рабочие, военнопленные, красноармейцы, и к ним переходила руководящая роль.

Если командующий народно-революционной армией капитан Калашников в первые три дня был свободен в своих действиях, то на четвертый рядом с ним уже сидел комиссар-солдат, без которого никто не мог быть принят командующим и не могло состояться ни одно решение.

Если в первые дни солдаты по привычке козыряли и становились в строй, то в последующие дни они растворились в массе вооруженных рабочих, которые быстро отучали их от этих внешних проявлений военной дисциплины.

Офицеры, вошедшие в состав народно-революционной армии, по большей части были втянуты в нее массовым движением, перед которым они чувствовали свое бессилие. Эти офицеры чистосердечно сознавались, что они не смогут противостоять большевизации.

Переворот в Красноярске произошел под лозунгом поддержки фронта впредь до заключения мира с большевиками. Во главе гарнизона стал генерал Зиневич. А кончилось тем, что большевики высмеяли Колосова, предлагавшего им переговоры о мире, а генерал Зиневич бежал, признав занятую им позицию ненадежной, не заслужив признания большевиков и создав себе смертельных врагов среди бывших соратников.

В то время как 5 января Политический центр рассылал своих комиссаров по правительственным учреждениям, рабочие-коммунисты прислали свои телеги к зданию гости-

ницы «Модерн» и увезли оружие, разбросанное уходившими с фронта солдатами. Это было практичнее. Они организовали силу, в то время как эсеры ее теряли: призывные солдаты после переворота считали свою службу оконченной и устремлялись домой. Оставались, следовательно, во-первых, солдаты по призванию, жаждавшие стать господами положения, а во-вторых, вооруженные коммунисты. Нетрудно было догадаться, к кому перейдет власть.

В официальных своих выступлениях Политический центр пыжился, как лягушка, захотевшая стать волом. Так, например, в «Манифесте Политического центра» выражалась глубокая уверенность, что последовательная демократическая политика центра будет обеспечена солидарною поддержкою трудовых слоев деревни и города.

Насколько сильна и длительна должна была оказаться эта поддержка в мечтах авторов манифеста, видно из того, что Политический центр не только обещал гарантировать самоуправление областей, освобожденных от реакции и занятых армией Совета народных комиссаров, но и «приступить к немедленному осуществлению договорных взаимоотношений с демократическими государственными образованиями, возникшими на Российской территории» (п. 5 манифеста).

Таким образом Политический центр мечтал о государственном суверенитете, о независимости от Советской России, о договорных отношениях с Эстонией, Латвией, Польшей и т. д.

Но это было только в официальных заявлениях, приготовленных заранее и проникнутых дерзостью замысла. Более откровенные эсеры еще до завершения переворота сознавались, что они ставят себе целью способствовать безболезненному переходу власти к большевизму, чтобы, как прибавляли комментаторы, спасти себя, свалив власть «колчаковцев».

Поэтому в первый же день воцарения Политического центра в чрезвычайном заседании иркутской городской думы командующий армией капитан Калашников, учитывая очередные задачи момента, на первое место поставил «окончание гражданской войны, разбивающей демократию на два лагеря». Здесь уже незаметно было идеи раздельного существования от Советской России. Еще яснее сказалась готовность недавних победителей покориться Советской России в их инструкции лицам, командированным для мирных переговоров с большевиками. Делегатам предписано было заключить мир во что бы то ни стало, т.-е. дано в скрытом виде разрешение итти на полную капитуляцию.

Дело, впрочем, значительно упростилось, так как на

фронте с посланцами мертворожденной власти разговаривать никто не стал, а в Иркутске Совдеп водворился раньше, чем могла бы произойти капитуляция на фронте.

Подготовка этого естественного переворота происходила быстро. Во вторник 6 января вышел в Иркутске № 1 газеты «Рабочий и Крестьянин», орган штаба рабочей дружины. Со следующего дня уже стала выходить «Сибирская Правда».

В передовой статье, подписанной Шнейдером, характерным языком большевиков, языком уличной митинговой демагогии, поется отходная побежденным реакционерам и возвещается близость мировой пролетарской борьбы:

„... Под ураганным огнем красных зашатались, затрещали, смялись и рухнули фронты насильников, кольцом опоясывавшие Россию бедняков и пролетариев. Под напором идущей с Запада лавины советских войск распался наскоро сшитый из спекулянтов, мародеров и разбойников фронт верховного авантюриста Колчака. На три тысячи верст Сибирь очищена от кровавого разгула черных адмиральских полчищ"...

„... В кровавой схватке труда и капитала, пролетариата и буржуазии куется новый мир—мир социализма.

„... В Германии, Австрии, Англии, Франции и Америке встают, поднимаются, строятся мощные ряды бойцов за пролетарскую революцию".

„... В сплошной гул переходят отзвуки русской революции, выше и выше вздымаются знамена мировой пролетарской борьбы".

В конце газеты помещено воззвание коммунистов: «прокладывать дорогу к заветной цели—всемирному солнцу, коммунизму», и приглашение записываться в партию. Там же был помещен адрес клуба коммунистической партии—здание бывшего губернского управления государственной охраны. Но, может быть, это только случайное совпадение. Начиная с 6 января, в Иркутске стали устраиваться митинги. Наибольшим успехом повсюду пользовались ораторы-большевики.

Это было печальное предзнаменование для новой власти. Они высмеивали притязательность эсеров, которые осмеливались выступить против Колчака только после того, как фронт пал. Резолюции требовали скорейшего перехода власти в руки советов. Характерно, что на митинге в театре «Глобус» 10 января вынесено требование не только о скорейшей передаче власти советам, но еще и требование от Политического центра более полной и правдивой информации (газета «Сибирская Правда» № 3, 14 января). Новую власть уже обвиняли в стремлении скрывать от народа истину и даже извращать ее. Бедный Политический центр! Его обвиняют в том, в чем он сам обвинял только что свергнутое правительство.

Согласно манифесту, вся полнота власти после переворота должна была быть передана «совету народного управления» более широкого состава. В совет народного управления вошли все 8 членов Политического центра, кроме того, 6 представителей земских самоуправлений, 3 представителя кооперации, 3—профессиональных рабочих союзов и 3—союза трудового крестьянства; всего двадцать три человека. Этот совет народного управления, полнота власти которого выражалась в праве законодательства и праве организации исполнительной власти и контроля над ее действиями, впервые должен был собраться 12 января.

По удостоверению иркутских газет, члены совета, в состав которого вошли, между прочим, Головков, Патушинский, Алексеевский, Быховский, Сидоров, собирались очень вяло. Уже двенадцатого, в первом заседании совета, так же ясно, как при возобновлении работ государственного экономического совещания в Иркутске, чувствовалось, что ораторов встретил холод равнодушия и убеждение в их бессилии.

Политический центр и совет народного управления искали тона, который сделал бы их «не хуже» большевиков. Первый, подражая народным комиссарам, объявил в своем манифесте «врагами народа» атаманов Семенова и Калмыкова, генерала Розанова и адмирала Колчака. Второй, немедленно после ареста адмирала, восстановил смертную казнь. Эсеровское большинство выявило свое политическое вырождение в большевизм.

Несмотря на все эти похвальные с большевистской точки зрения действия, Политический центр и совет народного управления должны были в двадцатых числах января сложить с себя власть и передать ее Совдепу.

Каков, в самом деле, смысл существования власти, принципиально отличающейся от советской только тем, что народу совсем непонятно, а именно, различием структуры органов управления. Вместо советов—земства, вместо центрального исполнительного комитета—Сибирское народное собрание. Раз становиться на почву демагогии, то лучше отвергать всякое участие в управлении буржуазии. Это народу гораздо понятнее. Только наивные политики могли рассчитывать, что эсеры способны конкурировать с большевиками.

Эсеры, как кроты, взрывают почву, подготовляя ее для революционной вспашки, но сеять и пожинать им не суждено.

На какие силы эсеры могли рассчитывать? На собственную армию? Но это все равно, что строить дом на ледяном фундаменте перед началом весны. На земство? Но опыт

революции 1917 года показал, что крестьянство вовсе не дорожит земствами и принципами демократической избирательной системы. Все земства исчезли с лица земли после Октябрьской революции бесследно и безболезненно: их никто не защищал.

Остается думать, что эсеры, составлявшие большинство в Политическом центре, рассчитывали на чужую силу, на чехов. Последние ненавидели Колчака, Семенова, ожидали от них постоянных препятствий отъезду их на Восток, симпатизировали помимо того демократическим идеалам эсеров, и, несомненно, могли оказать большую помощь восстанию, даже не участвуя в нем активно, а лишь препятствуя правительству и его войскам защищаться, как это они делали в Иркутске.

Однако расчет на чехов явился результатом плохого учета действовавших сил. Политический центр забыл о том, что составляло главную заботу правительства: об остатках армии, которые не могли сдаться большевикам и не могли простить предательства тыла. В том или другом виде эти силы должны были собраться и слиться для самозащиты.

Забыто было также, что с Забайкалья начинается зона преобладающего влияния Японии, которая понесла слишком много жертв, чтобы остаться пассивной зрительницей политических переворотов. Япония поддерживает тот порядок, который не поставил бы ее войска и ее материальные интересы в рискованное положение. Этим объясняется в значительной степени, что переворот, задуманный и подготовленный на всей территории Дальнего Востока, удался только частично.

Таким образом расчет Политического центра на его собственные силы, на народную армию и поддержку населения был преувеличен, а расчет на чехов был неправилен, за упущением из учета действующих факторов, сил, парализовавших чешскую помощь.

20. Мирные переговоры эсеров с большевиками.

За три дня до сдачи власти большевикам иркутскими эсерами, их делегаты начали в Томске переговоры с большевиками об образовании буферного государства в Сибири на следующих основаниях: 1) мир с Советской Россией; 2) борьба с интервенцией; 3) отказ от политических блокировок с цензовыми элементами.

Иркутские эсеры настаивали на создании буферного государства в Восточной Сибири. Они уговаривали большевиков поверить искреннему стремлению сибирских земств

жить в мире с Советской Россией и описывали революционные заслуги сибирских земств, которые всю свою работу в 1919 году направили против правительства. Член делегации Колосов рассказал, как свидетельствуют опубликованные протоколы переговоров («Новости Жизни» № 94 и сл.), что в октябре 1919 года в Иркутске состоялся нелегальный съезд земств, на котором был поставлен вопрос «не только о необходимости свержения правительства, но и о средствах к достижению этого». «Работа земств облегчалась их легальным существованием»,—так хвастался Колосов, не понимая, какой жестокий обвинительный материал давал он этим против земств, которые, вместо прямой своей задачи—заботы о народном образовании, санитарии, сообщениях, занимались подготовкой на народные деньги государственного переворота, на который их никто не уполномочил.

Дальше Колосов начал стращать большевиков японцами. Япония, по его словам, жаждет продвижения советских войск вглубь Сибири, потому что столкновение с ними даст ей повод осуществить свои захватнические стремления. Но Колосов пересолил и, стараясь окончательно убедить большевиков, что эсеры считают их своими друзьями и стремятся создать буфер без всяких тайных намерений, он заявил, что если Советская Россия имеет достаточно сил для немедленного сокрушения Японии, то «никогда никакого буферного государства не нужно».

21. Американцы—друзья эсеров.

Глава мирной делегации, посланной иркутскими революционерами к большевикам, Ахматов подтвердил, что если бы произошло столкновение советских войск с японскими, то «Политический центр сделал бы все возможное для того, чтобы создать против Японии, совместно с Советской Россией, единый фронт», Ахматов прибавил к этому, что летом 1919 года он вел беседы с отдельными представителями американской дипломатии и вывел заключение, что «Америка готова допустить существование государства-буфера, со включением в орган власти в нем представителя коммунистических сил» («Нов. Жизни» № 93).

«Наиболее крупными представителями американской дипломатии в Сибири,—прибавил Колосов,—были три лица: генеральный консул Гаррис, проживавший в Омске, определенно поддерживавший Колчака, посол Моррис, который постоянно находился во Владивостоке, стоя в оппозиции, но, после поездки в Омск, склонялся одно время на его сторону, третьим был генерал Гревс, определенный колча-

ковский противник. На поддержку со стороны американцев рассчитывали повстанцы, участники восстания генерала Гайды во Владивостоке, имевшие основания рассчитывать на помощь Америки в случае вооруженного вмешательства со стороны Японии в подавление восстания». Представители американской дипломатии неоднократно в разных случаях при своих переговорах с представителями сибирской демократии высказывались в том смысле, что они находят, что только та власть в Сибири будет прочной, в создании которой объединятся все левые демократические элементы, в особенности же социалисты-революционеры и большевики».

Если какие-то, повидимому, неответственные американские дипломаты действительно это говорили (а Колосов не из врунов), то подобный прогноз не делает им чести.

События очень быстро подтвердили то, что было испытано уже в 1918 г., после свержения большевиков. Социалисты без помощи цензовых элементов создать прочной власти не могут. Они провалились в 1918 г. в Омске, и их место заняло правительство Колчака, они провалились вновь в 1920 году в Иркутске, и их место заняли большевики.

Переговоры о буфере еще не кончились, как Политический центр приказал долго жить.

Ошиблись эти дипломаты и в другом отношении: соглашение с большевиками оказалось невозможным даже для социалистов-революционеров.

22. Ледяной поход.

В то время как происходило свержение правительства и укрепление большевиков, по снегам Сибири, несмотря на свирепые холода и отсутствие каких бы то ни было баз, двигались на восток остатки колчаковской армии. Их вел славный вождь, герой волжских походов—генерал Каппель.

Куда шли эти войска, что их ожидало? Они сами не знали. Им было ясно лишь одно, что кругом большевики, и что они должны уходить. Их поддерживала надежда, что где-нибудь да найдут они небольшевистскую власть; их вела вера в их вождя и ненависть к большевикам.

После падения Омска остановить отступавшие войска и привести их в порядок не удалось. Отведенные в тыл части первой армии подымали восстания под лозунгом «гражданский мир». Еще войска не успели подойти к Новониколаевску, как он оказался уже большевистским. Они пошли дальше по направлению к Томску—там оказалось то же. Рабочие угольных копей близ Томска перерезали

путь отступавшей армии, ей пришлось пробиваться с оружием в руках. Дальше повторялась та же история.

Штаб главнокомандующего остановился в Ачинске, между Томском и Красноярском. Здесь произошел, вероятно, не случайно, страшный взрыв снарядов.

Красноярск, этот сибирский Кронштадт, тоже выкинул красный флаг.

Что делать?

Армии уже не было. Все рассыпалось, перемешалось. Войска шли с огромными обозами. Транспорт был целиком захвачен чехами. Дети, женщины, больные—все ехали вместе с воинскими частями. Сыпно-тифозных привязывали к лошадям и саням, чтобы они не выскочили.

Только единство настроения спаивало всю эту беспорядочную массу людей в одно целое, но она утратила привычное руководство и должна была неизбежно рассыпаться.

Но грозная опасность помогла этой беспорядочной массе опять стать армией.

Она находилась под Красноярском. В тылу красные успели уже взять Ачинск. С юга подходили партизанские отряды Щетинкина. Красноярский гарнизон вел переговоры с большевиками.

Брать Красноярск было невозможно,—для этого было недостаточно патронов. В этих обстоятельствах генерал Каппель отдал приказ обойти Красноярск и итти вперед, на восток. Приказ этот выразил общее стремление. Каппель приказал итти. Значит, какой-то просвет впереди есть, и, не задумываясь над тем, куда, сколько тысяч верст, с какими средствами,—тронулись вперед.

Несколько колонн с юга и севера, преодолевая сопротивление красных, обошли Красноярск и вновь сошлись.

С этого момента движение принимает планомерный характер. Приказ начальства строго выполняется, его ждут, ему верят.

Неожиданно для всех генералы приказывают итти на север, по реке Енисею. Этот путь был избран потому, что красные не могли предвидеть подобного маневра, а между тем по берегам рек всегда располагаются деревни, а гладкая замерзшая река представляет лучший путь сообщения. Воскрес инстинкт предков, расселявшихся по берегам рек, и ушкуйников, уходивших за тысячи верст от родных мест по водным путям.

Шли по Енисею, потом пошли по реке Кану и вышли опять к магистрали, где соединились с авангардом армии, благополучно прошедшим через Красноярск. Шли при тридцатиградусном морозе по льду, но быстрая река Кан еще плохо промерзла, во многих местах лед не выдерживал тя-

желого груза, и из-подо льда выступала вода. Пришлось побросать сани с лишним грузом.

Вследствие недостатка пим и тулупов, многие отмораживали себе ноги, а некоторые и вовсе замерзали. Обморозился и сам генерал Каппель, который с 4-й уфимской дивизией прокладывал дорогу по извилистой реке, среди дикой и безлюдной местности, личным примером увлекая других.

У Канска был бой. Дорога была опять очищена, и, попрежнему не зная, что ожидает впереди, армия продолжала продвигаться.

Повстанцы не решались вступать в бой и уходили в тайгу, освобождая путь. Голодная и оборванная армия не теряла присутствия духа. По бесконечно длинным сибирским путям тянулся такой же длинный, как будто бесконечный обоз. Попрежнему ехали жены, дети и больные тифом, которые переносили тяжелую болезнь на открытом воздухе как будто даже легче, чем в госпиталях. Мороз умерял горячку.

Только в Нижнеудинске, который был взят с боя, армия получила суточный отдых, первый от начала похода.

Генерал Каппель с отмороженными ногами продолжал ехать верхом на лошади. Он рисковал жизнью для поддержания духа солдат. Героем он остался до конца. 25 января он ослабевшей рукой подписал приказ о передаче командования генералу Войцеховскому. Труп его был принят в чешский эшелон и перевезен в Читу.

Глубоко в душе каждого каппелевца отозвалась смерть любимого вождя. Любовь к нему, вера в него рассеивали мрак безнадежности. Теперь, когда Каппеля не стало, казалось, тучи сгустились, горизонт стал еще темнее, и лютая сибирская вьюга, залепляющая глаза, скрывающая от человеческих глаз внешний мир, казалось, стала еще злее.

Но, связанные единством настроений, привыкшие повиноваться, солдаты и офицеры выслушали приказ нового главнокомандующего и опять тронулись в путь. Вновь потянулся бесконечный обоз с женщинами, детьми и больными, и вид этой двигающейся, не знающей отдыха, не поддающейся отчаянию лавины внушал даже на расстоянии трепетное ощущение богатой духовной силы исторического народа, не знающего границ ни терпению, ни настойчивости.

Армия вскоре разделилась на три группы, из которых одна продолжала движение вдоль большого тракта, одна пошла несколько южнее и небольшая часть избрала направление на Верхоленск—Баргузин, с расчетом перейти через Байкал в северной его части.

Главной группе пришлось выдержать бой под Зимой. Тут отличилась Воткинская дивизия; поддержали ее в этом деле чехи.

7 февраля 1920 года войска подошли к Иркутску. Красные потребовали от них сдачи оружия. В ответ на это решено было взять Иркутск.

Храбрые революционеры находились в паническом состоянии. 7 февраля они убили адмирала Колчака и председателя совета министров Пепеляева. Других политических арестантов вывезли из города, опасаясь их освобождения и восстановления правительства.

Иркутск мог бы быть взят, но восьмого февраля на имя генерала Войцеховского чешским командованием была дана следующая телефонограмма.

„Для того чтобы не подвергнуть обстрелу ст. Иркутск с находящимися на ней чехо-словацкими войсками при возможности боя из Глазкова в г. Иркутск и в целях избежания преследования со стороны ваших солдат железнодорожных служащих и их семейств, которые населяют Глазково, что вызовет естественное прекращение работ на станции и тем задержит нашу эвакуацию, я, замещающий командующего чехо-словацкими войсками генерала Сырового, решил ни в коем случае не допускать занятия Глазкова вашими войсками. Пригород Глазково, по моему настоянию, очищен от советских войск, который, ввиду изложенных обстоятельств объявляю нейтральным местом. Прошу немедленного оповещения об этом постановлении командующего группой генерала Войцеховского и всех начальников его частей, в целях избежания возможных недоразумений. Подлинный подписали: Начальник II чехо-словацкой дивизии полковник Крейчий. Начальник штаба подполковник Бируля. Ст. Иннокентьевская, 8/II 1920 года. № 57 а".

После этой телефонограммы оставалось только обойти Иркутск, воспользовавшись очищением предместья Глазкова и свободным путем к Байкалу. В течение 11, 12 и 13 февраля войска перешли через озеро при сильном ветре по гладкому льду. Этот переход в обетованную землю, Забайкалье, был нелегок. Лица людей потеряли обычные формы. Много лошадей пало, не выдержав этого переезда.

Северная группа, шедшая на Верхоленск, подверглась еще большим испытаниям. Она выдержала бой с сильным отрядом, высланным для задержания ее из Иркутска. Немногим из нее удалось достичь Байкала; в числе этих немногих, кроме солдат, был образцовый отряд томской милиции.

Геройский поход как будто окончился. Но от Байкала до Читы пришлось итти еще шестьсот верст, как и раньше, без средств, при страшном морозе, повсюду отбиваясь от партизан и поневоле обижая крестьян реквизицией корма и лошадей.

В конце февраля каппелевцы стали прибывать в Читу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Борьба за возрождение России в Северной области [1]).

Глава I.

„Купава". — Незамерзающий русский порт Мурманск. — Русский административный персонал и союзное командование. — Прибытие в Архангельск.

26 апреля [1919 г.] вечером [в норвежском порту Варде] мы вступили на борт русского парохода «Купава». Грязный пароход с неряшливо одетой и смотревшей исподлобья командой несомненно большевистской ориентации, видевшей в нас врагов народа, едущих «пить его кровушку», произвел на меня и на моих спутников тяжелое впечатление: мы ожидали другой встречи в Белой России. Только развевавшийся на корме наш русский национальный флаг радовал сердце и напоминал нам, что мы у себя дома. Ночь была бурная, штормовая и причинила нам много неприятностей: мы почти все переболели морской болезнью.

Лишь под утро все стихло: мы стали приближаться заливом, составляющим как бы продолжение норвежских фиордов, к незамерзающему русскому порту Мурманску и около 12 часов дня причалили к одной из его грандиозных пристаней. Больно резнула по сердцу проверка наших паспортов союзным военным контролем и английской военной полицией; оказывается, мы еще пока у себя не хозяева...

Мы познакомились с встретившим нас чрезвычайно радушно начальником военного отдела полковником Л. И. Костанди, молодым и способным офицером ген. штаба, который в течение десятидневного пребывания нашего в Мурманске ознакомил нас с историей белого переворота на Мурмане

---

[1]) „Архив Русской Революции", т. III. Берлин, 1921 г.

Автор в период Февральской революции состоял военным прокурором XI армии. После Октябрьской революции бежал за границу, откуда весной 1919 г. переехал в Архангельск, в то время—резиденцию правительства Северной области. Здесь, вплоть до эвакуации области в феврале 1920 г., он стоял во главе военно-судебного ведомства Северной области в должности полевого военного прокурора. *Сост.*

и с положением, которое существовало там к нашему приезду, а также с тем, что ожидало нас в Архангельске.

Самый переворот произошел совершенно безболезненно в порядке соглашения союзников с мурманским совдепом после разрыва его с Москвой, ввиду заключения последней Брест-Литовского договора. Председатель мурманского Совета, кочегар Юрьев, сообщил об этом соглашении по прямому проводу Ленину, обозвав его при этом изменником.

Таким образом разрыв произошел лишь на почве разногласия в международной политике, а советская организация была сохранена, что нисколько не смущало союзников, преследовавших свои специальные цели—защиту Мурманска от возможного появления туда оперировавших в то время в Финляндии германцев, для борьбы с которыми были приняты на английскую военную службу бежавшие из Финляндии красные финны, образовавшие отдельный отряд во главе с одним из бывших своих народных комиссаров Токоем. Власть Советов на Мурманске была уничтожена лишь после образования в Архангельске сначала Верховного управления, а затем Временного правительства Северной области, в состав которой вошел и Мурманск. Советская власть пустила на Мурмане, особенно в Мурманске, глубокие корни, так как большинство населения составляло пришлый элемент рабочих вновь выстроенной железной дороги (Мурман—стройка); недаром Мурманск, лишенный оседлых буржуазных элементов, считался центральной советской властью «удобным полем для социалистических опытов», как то и значилось в одном из попавших мне потом в руки большевистских документов. Через несколько дней после нашего приезда мы могли сами воочию убедиться в большевистских симпатиях населения. Согласно приказа командующего войсками Северной области, ген. М—ского, был разрешен свободный выезд в совдепию всем желавшим туда ехать, и вот на наших глазах отошел поезд, перегруженный красными, которых дружески, с явным сочувствием провожало почти все остальное население Мурманска. На меня это произвело тогда крайне неприятное впечатление, а из беседы с высшими чинами английского штаба я убедился, что их это сочувствие населения большевикам привело положительно в ярость и, может быть, послужило впоследствии одним из мотивов их нежелания оставаться там для нашей поддержки. Я помню, тогда мы поделились с полковником Б. опасениями, что станет с русской властью в случае ухода союзников, и наши опасения оказались небезосновательными, ибо Мурманск сыграл печальную роль при ликвидации Северной области, так как с него

началось восстание на Мурмане, повлекшее за собою падение Мурманского фронта.

В описываемый момент русские вооруженные силы Мурманского фронта состояли из... двух полков, при чем один из них был добровольческий под английским командованием; борьбу вели партизанского характера. Из союзных войск большую часть составляли англичане, которым и принадлежало высшее командование в лице генерала Мейнарда.

Больших усилий стоило нам устроиться на один из ледоколов, отходящих в Архангельск 7 мая. Отправка судов, распределение на них мест и груза,—все это находилось в руках англичан, и нам пришлось неоднократно ходить в штаб генерала Мейнарда, союзный военный контроль (контр-разведка) и к старшему морскому транспортному офицеру, чтобы добиться разрешения проехать из одного русского города в другой. Наконец, на-ряду с английской визой, поставленной мне в Стокгольме на въезд в Архангельск, появилась «виза» союзного военного контроля, разрешающая следовать туда же на ледоколе «Бонавенчур».

7 мая полк. Б., я и еще двое офицеров сели на «Бонавенчур», оказавшийся русским ледоколом «Русановым», зачисленным вместе со всей своей командой на службу по английскому адмиралтейству. Все лучшие места на пароходе были отведены английским офицерам, а нам были предоставлены места в трюме, где царило зловоние от погруженных туда продуктов, и в котором нам предстояло путешествовать в обществе нескольких сумасшедших и моих будущих клиентов—арестантов, которых везли на суд в Архангельск. Нечего и говорить, что нашему возмущению не было предела; оно разделялось даже «красной» русской командой ледокола, задетой вместе с нами в патриотических чувствах. Возмутительное отношение к нам иностранцев, распоряжавшихся на нашем же судне, слило нас в единую русскую семью, при чем матросы выражали нам свое сочувствие и старались быть с нами любезными и внимательными. Старый «ледяной» капитан «Бонавенчура-Русанова» Стессель вошел в наше положение и обещал нам, как только ледокол тронется, открыть лазарет, где и устроить всех нас, но попросил нас выждать отхода ледокола, чтобы и лазарет от нас не отняли английские офицеры...

Уже во время самого хода ледокола мы убедились в возможности такого «джентльменского» поступка со стороны последних. Дело в том, что кают-компания ледокола была ими занята под свою столовую, где им сервировали то первый завтрак, то второй завтрак, затем чай, обед и, наконец, ужин. В один из промежутков между их едой

ехавший на ледоколе коммерческий капитан решил тоже отобедать в кают-компании вместе со своим помощником и директором отделения Московского банка в Архангельске. Только что они расположились, как появился один из английских офицеров и потребовал, чтобы они удалились вон, так как кают-компания находится в полном и исключительном распоряжении англичан. Пришлось прибегнуть к авторитету капитана, и старик Стессель быстро осадил зарвавшегося иностранца, объяснив ему, что в море он единственный распорядитель на судне и что в случае повторения подобной выходки он закроет кают-компанию для всех английских офицеров. Выступление капитана имело самые благоприятные последствия: виновник происшествия ретировался, принеся предварительно извинение перед коммерческим капитаном, но после этого инцидента мы решили, что общество ехавших с нами английских офицеров—не «наше общество», и столовались отдельно от них в канцелярии, любезно отведенной нам старшим помощником капитана.

[10 мая автор прибыл в Архангельск.]

Глава II.

Прибытие союзников и переворот 2 августа 1918 года.—Верховное управление Северной области.—Государственный переворот 6 сентября.—Образование Временного правительства Северной области.—Прибытие ген. Миллера.

Прежде чем перейти к описанию того, что мне пришлось самому пережить в Северной области, я считаю необходимым хотя бы вкратце остановиться на том, что имело место до моего приезда, так как иначе не получится полной картины той борьбы, которая разыгралась с большевиками на Севере.

Еще задолго до прибытия союзников стали стекаться в Архангельск представители белых организаций, проникавшие туда или при содействии английской контр-разведки в Петрограде, или в порядке частной инициативы путем вступления на службу в советские войска и учреждения. Часть их группировалась около капитана II ранга Ч.[1]), действовавшего под видом офицера Томсона, а главное ядро находилось в Беломорском конном отряде, сформированном из конно-горцев ротмистром N., который еще в Петрограде навербовал в него много офицеров для организации

[1]) Чаплин. *Ред.*

выступления в Архангельске. Ротмистр N. находился в сношениях с французами в лице полк. Д., с которым они часто встречались для переговоров на набережной Северной Двины. Местные советские власти в лице комиссаров вели в то время осторожную политику в отношении иностранных представителей, находившихся в Архангельске, боясь открытого разрыва и прибытия морских вооруженных сил, которым они не могли ничего противопоставить, а командовавшие сухопутными силами полк. Потапов и красным флотом адмирал В., как то было установлено впоследствии произведенным о их деятельности предварительным следствием, находились в сношениях с союзниками и к моменту прибытия последних приложили все усилия к тому, чтобы парализовать все те меры, которые были приняты Советом обороны во главе с комиссаром Кедровым для отражения союзного десанта. Потапов к моменту прихода союзников так сгруппировал красные войска, что большая часть их очутилась вне Архангельска за Северной Двиной, чем и обеспечил свободу действий конно-горскому отряду ротмистра N., а адмирал В. применил саботаж, проявив полное бездействие власти в принятии мер к заграждению фарватера для воспрепятствования прохода союзного флота к Архангельску.

Когда слухи о приближении союзников распространились с молниеносной быстротой по городу, вызвав ликование всего населения, комиссаров охватила паника, и они начали стремительную эвакуацию на юг по железной дороге и вверх по Северной Двине. Отправленные для затопления фарватера ледоколы «Святогор» и «Микула Селянинович» были затоплены вне его, оставив союзникам свободный проход, а огонь Мудюжских батарей оказался недействительным, и стрелявшая там батарея была приведена к молчанию союзным флотом.

Самый переворот и захват власти был произведен до высадки союзников конно-горским отрядом ротмистра N., который быстро разоружил и арестовал растерявшихся и брошенных своим начальством и комиссарами красноармейцев, а огнем своего единственного орудия понудил к сдаче посыльное судно «Гориславу», пытавшуюся обстреливать берега Северной Двины. Большинство комиссаров, к сожалению, бежало, и в руки белых попались лишь несколько видных коммунистов. Высадившиеся войска были ничтожны, но большевики были в такой панике, что очищение Архангельской губернии произошло под давлением небольших отрядов смешанного характера, в которые на-ряду с союзными войсками входили русские партизаны-крестьяне, офицеры и польские добровольцы.

Слава, выпавшая на конно-горский отряд за его смелое выступление, которое могло стоить участникам его головы, если бы большевики не так растерялись, была омрачена эпизодом, отразившимся впоследствии в приговоре военно-окружного суда Северной области. Во время занятия в Архангельске штаба красных войск чинами отряда был захвачен казенный денежный ящик с четырьмя миллионами рублей, которые ротмистр N., по соглашению с некоторыми офицерами отряда, поделил между собой и горцами, при чем каждому участнику дележа было выдано: офицеру—150—400 тысяч рублей, а простому всаднику 10—20 тысяч. Этот поступок вызвал резкое осуждение в широких кругах общества, справедливо указывавших, что авторы его ничем не отличаются от большевиков, против грабежей и насилий которых и было поднято восстание, а офицерская среда считала, что дележ поставил участников его на один уровень с той деморализованной солдатской массой, которая во время падения национального фронта делила между собой казенное имущество. Нельзя не признать, что подобный поступок сильно подрывал моральный авторитет белых, давая большевикам отличный повод для агитаций на тему о деморализации «белогвардейских банд». Приговором военно-окружного суда был положен конец этой печальной истории: виновные были присуждены к тюрьме на разные сроки с законными праволишениями, часть из них своими подвигами на фронте заслужила полное прощение и восстановила свое доброе имя. Сразу же после захвата власти ротмистр N. провозгласил себя главнокомандующим, но «операция» с денежным ящиком и резкое заявление его председателю только что образовавшегося Верховного управления Северной области, Чайковскому, что он не желает признавать последнего, вызвали его отставку и назначение командующим войсками, несомненно не без английского влияния, капитана II ранга Ч[аплина].

Мне неизвестно, при каких условиях произошло образование Верховного управления Северной области и захват им в свои руки власти, вырванной от большевиков. Судя по той поддержке, которая потом оказывалась Верховному управлению очутившимися в Архангельске послами великих держав—Нулансом (Франция), Френсисом (Америка) и Де-Ла-Торетта (Италия), тут тоже не обошлось без вмешательства иностранцев.

В состав Верховного управления вошли члены Учредительного Собрания Архангельской и других северных губерний: Н. В. Чайковский (н. соц.), Лихач (с.-р.), Маслов (с.-р.), Иванов (с.-р.) и Гуковский (с.-р.), все, за исключением Чайковского, принадлежавшие к нашим крайним эсе-

ровским течениям, а некоторые, как, например, Лихач, приложившие свою руку к делу развала нашей прежней армии.

Первыми же актами Верховного управления, немного страдавшими революционной фразеологией и начинавшимися каждый словами: «Во имя спасения родины и революции», было объявлено восстановление упраздненных большевиками судов, органов земского и городского самоуправления и администрации, что, конечно, нельзя было не приветствовать, но вся дальнейшая деятельность Верховного управления показала, что члены его далеки от понимания жестокой реальной действительности, не изжили еще своих утопических теорий и склонны продолжать ту линию поведения, которая была взята в Учредительном Собрании конкурирующим с большевиками в демагогии Черновым, заслужившим за это меткое название «большевика второго сорта». Дело управления областью совершенно не спорилось в их неопытных руках. «Своего» административного персонала они не имели, а к назначенным из прежних кадров относились с недоверием, заподозривая их в контр-революционности.

Для вновь образовавшейся области возникла опасность — безболезненного слияния с Совдепией, если бы не последовало военного переворота, хотя и легкомысленного и достаточно нелепого по целям и характеру своего выступления, но имевшего положительные результаты в смысле повода для реконструкции власти на более разумных началах.

6 сентября [1918 г.] группа офицеров во главе с командующим войсками капитаном II ранга Ч[анлиным] арестовала членов Верховного управления и свезла их в Соловецкий монастырь, при чем Северная область осталась без всякого правительства, так как легкомысленные «переворотчики», как их шутя называли впоследствии, даже не подготовили заместителей на место арестованных. Событие это привело в действие целый ряд самых разнообразных сил. Члены Верховного управления Лихач и А. Иванов успели выпустить обращение к населению с описанием учиненного над Верховным управлением насилия и с воззванием против офицеров, которые «желают восстановить царя и с этой целью скрывают в Архангельске великого князя Михаила Александровича». Воззвание это вызвало движение на Архангельск вооруженных крестьян во главе с местным агрономом эсером Капустиным, при чем крестьянская депутация во главе с ним была принята и выслушана американским посланником Френсисом. С другой стороны, английское командование немедленно выставило рогатки на улицах, выслало патрули, и город принял вид вооруженного лагеря. Начальник союзной контр-разведки, английский полковник Т., арестовал целый ряд лиц, распускавших слухи о Миха-

иле Александровиче, и, вызвав крестьян, прибывших с Капустиным, требовал в целях изобличения лжи, чтобы арестованные лица указали крестьянам адрес квартиры, в которой офицеры скрывают великого князя.

В это же время происходило совещание послов великих держав с английским главнокомандующим ген. Пулем, носившее чрезвычайно бурный характер, так как послы настаивали на возвращении к власти членов Верховного управления и арестовании офицеров, учинивших над ними насилие. В конце концов, было принято компромиссное решение: арестовать совершивших переворот офицеров, якобы для защиты их от пришедших в город крестьян, а членов Верховного управления возвратить из Соловков, предложив Чайковскому сформировать новое правительство из более умеренных элементов. В результате такого решения было сформировано новое правительство с Чайковским в качестве председателя, в которое вошли: бывший управляющий делами Верховного управления П. Ю. Зубов, член Союза Возрожд. России (земледелие), бывший попечитель учебного округа кн. Куракин (финансы), бывший член Государственной Думы доктор Мефодиев, к.-д. (торговля и промышленность), председатель суда С. Н. Городецкий (юстиция) и М. М. Федоров, нар. соц. (нар. просвещение).

Для выяснения виновников переворота и степени их участия была организована следственная комиссия; формальному обследованию было также подвергнуто и вооруженное выступление крестьян, но распоряжением правительства от 1 октября все участники того и другого выступления были амнистированы.

Взамен скомпрометировавшего себя выступлением кап. II ранга Ч[аплина], командующим войсками и генерал-губернатором был назначен вызванный из Лондона полк. ген. штаба Д., а начальником управления командующего войсками ген.-штаба ген. С. Штаб командующего войсками капитана II ранга Ч[аплина], в котором, благодаря его неопытности в сухопутных делах, царил полный беспорядок, был упразднен, при чем и на этот раз не обошлось без новой печальной истории: начальник его штаба подп. N. был изобличен в присвоении и растрате на сумму около 50 000 р. и приговором военно-окружного суда Сев. области, уже состоявшимся при мне, был присужден к отдаче в исправительные арестантские отделения сроком на полтора года. Отправленный в порядке смягчения наказания на фронт рядовым, N. заслужил там своей работой полное прощение и был восстановлен в своих правах.

С деятельностью полк. Д. и его ближайшего сотрудника по военной части ген. С. я имел возможность познакомиться

не только по рассказам других лиц, но и по побывавшему в моих руках следственному производству по поводу беспорядков, имевших место в Архангелогородском пех. полку, расположенном в Архангельске, произведенному комиссией под председательством ген. С—ча. Из этого следствия было видно, что, хотя войск к этому времени было очень мало, так как фронт защищался союзниками, а в Архангельске были расположены лишь пехотный полк, батарея артиллерии и автомобильный дивизион,—высшая военная власть, в лице полк. Д. и ген. С., не обнаруживала никакой заботливости как о размещении и питании этих частей, так и о поддержании в них воинской дисциплины. До разыгравшихся в полку беспорядков они ни разу даже не побывали в нем, а между тем это была первая попытка создания мобилизованных частей, то-есть пополнения их людьми, которые были участниками или свидетелями развала нашей старой армии, с неуравновешенной еще революционной психологией, и которым нужно было постепенно, но твердо и настойчиво, упорным трудом, внушить правильные понятия о военной службе и ее требованиях. Ничего этого сделано не было, части были предоставлены самим себе, а все распоряжения, приказы и уставы полк. Д. носили на себе отпечаток того, что получило в армии меткое название «керенщины» и что характеризует собою отсутствие твердости, демагогическую болтовню и бессилие лишенного дисциплинарной власти командного состава. Нет никакого сомнения, что никакая армия в таких условиях существовать не может, какой бы политический режим в стране ни был—республиканский или монархический. И даже Советская республика, как только большевики захотели создать у себя прочную Красную армию, ввела в ней воинскую дисциплину, заставив солдатские массы навсегда бросить мечты о всяком самоуправлении и тех комитетах, при посредстве которых большевики сами разложили нашу старую армию. Увы, в глазах лиц категории полк. Д. и ген. С. всякое мероприятие, направленное к поднятию воинской дисциплины, вызывало опасение, как бы не прослыть контр-революционером, и парализовало их волю, толкая их на компромиссное решение в духе уговаривания офицеров «помириться с оскорбившими их солдатами и простить их» и митингования с последними в целях их увещевания.

Такое поведение полк. Д. объясняли тем, что Февральская революция застала его за границей, и он, не пережив всего революционного процесса разложения армии, при возникновении беспорядков терялся и следовал советам «демократического» генерала С., бывшего в период Февральской

революции одним из ближайших сотрудников А. Ф. Керенского.

Отсутствие твердой власти и организационной деятельности выводило из себя англичан, неоднократно предупреждавших, что они пришли не на вечные времена, а поэтому русским надо спешить самим организоваться, и многие мероприятия, как, например, учреждение военных судов, прошло под непосредственным нажимом ген. Пуля, угрожавшего в противном случае судить виновных в английском военном суде.

Такое направление деятельности полк. Д. и ген. С. побудило многих строевых офицеров отказаться от службы в русских войсках и вступить в сформированные союзниками славяно-британские и французские легионы, несмотря на то, что им там было тоже не легко, так как они должны были начать службу в легионах простыми рядовыми.

К этому же времени англичанами была открыта в Архангельске артиллерийская школа для русских офицеров, где последние были тоже на положении солдат, при чем отношение к ним английских офицеров оставляло желать много лучшего. Английские сержанты также обращались грубо, и был даже случай, когда один из них позволил себе ударить нашего офицера, не понеся за это никакого взыскания.

Общее недовольство полк. Д. и ген. С. и их неспособность создать русские вооруженные силы побудили Временное правительство, по соглашению с союзным командованием, вызвать на Север генерала Миллера и генерала М—ского [1]). Первым прибыл ген. М[арушев]ский, известный союзникам по своей службе во Франции, где он в последнюю войну командовал на фронте особой бригадой. Приблизительно в это же время совершилась перемена и в высшем союзном командовании: ген. Пуль покинул свой пост и был замещен генералом Айронсайдом.

По своем прибытии ген. М[арушев]ский реорганизовал управление командующего войсками в штаб, назначив начальником штаба молодого полковника ген. штаба Ж., из местных старожилов. Первые шаги деятельности ген. М—ского отличались энергией и распорядительностью и увенчались полным успехом по подавлению мятежного духа в мобилизованных войсках. Попытка мятежа в Архангелогородском пехотном полку была им энергично подавлена, что обеспечило ему доверие правительства, войск и населения и привело в русские войска тех лучших наших офице-

[1]) Марушевский. *Сост.*

ров, которые до сих пор уклонялись от этого при полковнике Д.

Одновременно с ген. М—ским был вызван и ген. Миллер. Насколько мне удалось выяснить, причиной вызова ген. Миллера послужило желание создать в лице его «буфер» между Временным правительством и высшим английским командованием, которое относилось с явным недоверием к внутренней политике Чайковского. Пока еще не скрылись с архангельского горизонта послы великих держав, Чайковский, как представитель демократии, находил в них поддержку, но после их отъезда английское военное командование, не считавшееся с заменившими послов поверенными в делах, усилило нажим на правительство, и позиция последнего оказалась совсем слабою. Для отражения этого натиска и противопоставления англичанам авторитета образованного русского генерала и был вызван ген. Миллер, которого Чайковский лично не знал, но он показался ему подходящим для намеченной роли по рекомендации бывшего министра иностранных дел кабинета Керенского — Терещенко, с которым ген. Миллер виделся, впрочем, всего лишь один раз.

По прибытии 13 января 1919 года в Архангельск ген. Миллер от Чайковского узнал, что он был вызван для принятия должности командующего войсками и генерал-губернатора, но оказалось, что во главе войск уже находился ген. М—ский, завоевавший, благодаря первым удачным шагам своей деятельности, доверие со стороны правительства, что же касается должности генерал-губернатора, которая могла быть предоставлена генералу Миллеру, то она сводилась к заведыванию морскими силами и путями сообщения, так как всеми делами гражданско-административного управления ведал губернский комиссар (начальник губерний) В. И. Игнатьев (нар. социалист). Последний подчинялся исполнявшему должность генерал-губернатора ген. М—скому, но на второй день приезда ген. Миллера Игнатьев, личным указом председателя Врем. правительства Чайковского, в силу его верховных прав, как он разъяснил это потом в правительстве, был назначен управляющим Отделом внутренних дел без подчинения его ген. Миллеру, как генерал-губернатору. Такое оригинальное понимание функций генерал-губернатора не встретило сочувствия среди других членов Временного правительства, и, после длинных и горячих дебатов по этому поводу в присутствии самого же генерала Миллера, при явном недовольстве В. И. Игнатьева, было решено, что последний будет подчинен генералу Миллеру, как начальник губернии, но не как управляющий Отделом внутренних дел.

Трудно понять смысл этого не удовлетворившего никого компромиссного решения, но для меня несомненно, что оно было принято в целях охранения демократических принципов путем оставления руководства по делам внутренней политики в руках нар. соц. Игнатьева и с возложением делового, чисто технического руководства на обладавшего большим военно-административным опытом ген. Миллера, который, кроме того, своим участием в этих делах как бы страховал политику правительства в глазах английского военного командования.

Генерал Миллер застал правительство в том же составе, который был указан выше, включая еще В. Н. Игнатьева и председателя финансово-экономического совета Л., пользовавшегося лишь правом совещательного голоса. 24 января [1919 г.] Н. В. Чайковский уехал в Париж, где вошел в состав всероссийской дипломатической делегации (Сазонов, Маклаков, кн. Львов, Чайковский и Савинков), оставив своим заместителем П. Ю. Зубова, а в апреле, для установления связи с правительством адм. Колчака, в Сибирь отбыл кн. Куракин, передав отдел финансов П. Ю. Зубову.

Важнейшими актами правительства за этот период были принадлежащие перу ген. Миллера: «Ответ союзникам на предложение ехать на Принцевы острова» (в конце января) и «Соображения о необходимости признать адмирала Колчака Верховным правителем и подчиниться ему» (в конце марта), вскоре после чего было получено предложение упомянутого выше дипломатического совещания признать верховенство правительства адмирала Колчака.

30 апреля это решение было единогласно принято Временным правительством Северной области, о чем адмиралу Колчаку в Омск была дана телеграмма, объявленная населению области в официальном сообщении.

Глава III.

Первые архангельские впечатления.—Генералы Марушевский и Миллер.—Организация военной власти и военной юстиции. — Заместитель председателя Временного правительства П. Ю. Зубов.

Возвращаюсь к своему прибытию в Архангельск. Сразу же с парохода полковник Б., ротмистр Ч. и я отправились в штаб командующего войсками для подачи рапортов о своем прибытии и для выяснения вопроса, где нам остановиться. Дежурный офицер, принявший от нас документы, видимо доложил находившемуся в штабе ген. М[арушев]ско-

му о нашем прибытии, потому что мы получили приглашение последнего зайти к нему в кабинет.

Ознакомившись с нашим служебным стажем и узнав, что мы недавно покинули Советскую Россию, где полк. Б. занимал видное место в Красной армии на Северном фронте, ген. М[арушев]ский, хотя разговор наш длился не менее часа, не обнаружил никакого интереса ориентироваться в тех сведениях, которыми мы располагали, и не назначил нам другого дня для подробного доклада. Беседа носила совершенно частный характер, при чем особенное внимание ген. М[арушев]ский уделил форме, жалуясь на то, что нигде не мог достать шпор.

На следующий день мы представились ген. Миллеру, который обстоятельно расспрашивал нас о всем, произведя на нас сразу же чрезвычайно благоприятное впечатление своей вдумчивостью и серьезностью.

Согласно собранным данным выяснилось, что все функции военного управления и снабжения были сосредоточены в руках высшего английского командования — в главном штабе союзного экспедиционного корпуса. Штаб ген. М[арушев]ского не имел даже оперативного отделения, а хозяйственно-административные функции его сводились к учету и регистрации того имущества и продовольствия, которым англичане сами снабжали русские войска. Между тем штаб командующего войсками, при наличии на фронте не более одной дивизии, широко расположился в здании торгово-промышленного клуба со своими отделениями: общим инспекторским, наградным и судным, а также всех видов снабжения (артиллерийского, инженерного, интендантского и ремонтного). Неизвестно чему посвящало большую часть своего времени это грандиозное учреждение, так как при уходе англичан выяснилось, что оно даже не подготовилось к принятию от них всего аппарата управления и снабжения.

Около 12 часов дня в штабе обыкновенно начинался доклад у ген. М[арушев]ского. Он появлялся, как метеор, всегда куда-то спеша, и часто в его кабинете одновременно толпились несколько докладчиков и посетителей, которых он принимал на ходу. Я сам был свидетелем такого скоропалительного приема и удивлялся тому, как он может так усвоить что-нибудь в такой обстановке, но видимо он привык так работать, так как всем офицерам Северной области памятен его приказ, в котором он просит посетителей и докладчиков «не тратить лишних слов, так как он понимает все с полуслова». Так протекала в это время деятельность штаба ген. М[арушев]ского, сводившаяся в сущности к назначениям и наградам личного состава одной дивизии. В оправда-

ние ее ссылались на засилье англичан, якобы умышленно забравших все в свои руки. Как мы увидим ниже, последние перед своим уходом категорически отвергли это и, наоборот, упрекали нас в полной бездеятельности и неумении организоваться до их ухода под их прикрытием и при их помощи.

Такую бездеятельность ничем нельзя было оправдать, и ее как рукой сняло, когда военное командование перешло к ген. Миллеру, а штаб попал в руки человека исключительной работоспособности, ген. К—ского, что должны признать даже его враги.

В момент моего прибытия ген. Миллер имел косвенное отношение к военным делам, больше осведомляясь о них от ген. М[арушев]ского, чем непосредственно управляя ими, несмотря на то, что Временное правительство Северной области наделило его в отношении русских войск правами военного министра и даже, в некоторых хозяйственно-административных вопросах,—верховного главнокомандующего. Что было причиной его пассивного отношения к военным делам в этот период, установить точно не удалось. Вернее всего, что это объясняется одним из основных свойств его характера—врожденной деликатностью, которая диктовала ему щепетильное отношение к правам ген. М[арушев]ского, раньше его приехавшего и фактически командовавшего войсками.

26 мая состоялось мое назначение полевым военным прокурором, в связи с чем мне пришлось сделать визиты различным административным лицам и, в числе их, заместителю председателя Временного правительства П. Ю. Зубову, управляющему Отделом юстиции С. Н. Городецкому и управляющему Отделом внутренних дел и архангельскому губернскому комиссару В. И. Игнатьеву, то-есть тем членам Временного правительства, с которыми мне надо было иметь постоянно дела по своей будущей деятельности.

П. Ю. Зубов сразу же произвел на меня самое лучшее впечатление. Спокойный, вдумчивый, серьезный, лишенный и тени желания «позировать и играть роль», он с первого взгляда казался немного вялым, апатичным и лишенным волевых импульсов. Апатичность, вялость, в связи с полнейшим отсутствием честолюбия, часто вредили ему, так как он способен был иногда во время политических кризисов слишком откровенно подчеркивать, что правительство не дорожит властью и охотно уступит ее своим политическим противникам. Это расценивалось как слабость, вызывало злорадство и усиление натиска у противников слева и резкие обвинения в неспособности проявить твердую власть справа.

Глава IV.

Прибытие в Архангельск английских добровольцев.—Парад по случаю дня рождения английского короля.—Дайеровский батальон.

Конец мая, сопровождавшийся дивной солнечной погодой, совпал с периодом чрезвычайного подъема настроения в населении Архангельска, в связи с прибытием английских войск, состоявших из добровольцев. Весь город разукрасился союзными флагами, протянувшимися пестрой лентой от красивой набережной Северной Двины по широкому, уже пестревшему зеленью садов Троицкому проспекту (главная улица Архангельска), до самой Соломбалы, где англичане должны были временно расположиться перед отправлением на фронт.

Население встречало с энтузиазмом проходившие части, которые были составлены из отборных элементов и производили самое лучшее впечатление своим здоровым молодцеватым видом, военной выправкой и новым обмундированием. У большинства на груди пестрели цветные ленточки орденов, полученных за бои на полях Франции.

Лишь одна воинская часть, принимавшая участие в параде, мрачным, озлобленным видом своих солдат производила тягостное впечатление, а между тем над ней единственной развевался русский трехцветный флаг, так как другие части русского гарнизона Архангельска не участвовали. Это был так называемый Дайеровский батальон, сформированный англичанами из большевиков, сидевших по различным тюремным учреждениям Архангельска. История сформирования этого батальона довольно любопытна, и я считаю необходимым поделиться ею с читателями. Тюремные учреждения Архангельска были после переворота и захвата власти белыми переполнены большевистскими элементами, при чем «население» это весьма медленно уменьшалось в своем составе, так как гражданское судебное ведомство, не располагая достаточным служебным персоналом, вело чрезвычайно медленно расследование, которое благодаря этому принимало характер бесконечной волокиты. В перегруженной тюрьме начался тиф, что вызвало поход на правительство социалистических элементов гор. думы и осмотр тюрьмы представителями красного креста союзных стран, которые однако нашли все указания на «свирепствующий тиф» преувеличенными.

Между тем тюремные сидельцы засыпали высшее англий-

ское командование жалобами на якобы несправедливое их содержание под стражей, чем и вывели из себя плохо разбиравшихся в наших делах практичных англичан. В один прекрасный день ген. Айронсайд решил разрубить «Гордиев узел» и, забрав с собой прокурора Архангельского окружного суда и других высших административных лиц, отправился лично в тюрьму набирать там... добровольцев. Без всякого разбора, не обращая внимания на протесты прокурорского надзора и тюремной администрации, указывавших ему на всю недопустимость и опасность такого опыта, он забрал из тюрьмы всех выразивших «желание» служить у него и тут же «раскаявшихся в своих прежних заблуждениях» и направил их на службу в Дайеровский батальон, носивший это имя в честь погибшего на Северном фронте в боях английского капитана Дайера, зачатки какового батальона состояли из забранных в плен красноармейцев.

Всех их прекрасно обмундировали и устроили на «английский паек», превосходивший по качествам получаемый нашими войсками, но подвергали строгой дисциплине под руководством лучших русских и английских офицеров, при чем высшее командование принадлежало последним.

Можно себе представить чувства этих людей, когда они с русским национальным знаменем, врученным знаменщику—уездному комиссару из коммунистов, кричали в честь английского короля вместе с остальными войсками троекратное ура.

В связи с приездом английских добровольцев, ген. Айронсайдом были приняты представители местной печати, которым он объявил, что в самом ближайшем будущем он переходит в энергичное наступление для соединения с адмиралом Колчаком в районе Котласа и Вятки и для передачи ему привезенных в громадном количестве вооружения и снаряжения, в которых Сибирская армия терпит острую нужду. В наших военных кругах это заявление находили неосторожным и открывающим планы врагу, но в обывательской среде оно вызвало большой подъем настроения.

К этому же моменту необходимо отнести отъезд ген. М—ского в Финляндию для выяснения вопроса о совместном выступлении с нами генерала Юденича, а также самой Финляндии.

Чувствовалось, что мы накануне крупных и решительных событий на всех белых фронтах, и это создавало крайне приподнятое настроение, полное самых светлых надежд на благоприятный исход борьбы и близкую победу.

Глава V.

Процесс Бечина. — Отражение в нем настроения рабочих.

В конце июня в военно-окружном суде Сев. области состоялся процесс председателя правления профессиональных союзов и члена гор. думы Бечина и членов того же правления Наволочного, Цейтлина и Клюева, а также секретаря гор. думы Антущевича.

Поводом для возникновения дела послужило выступление Бечина, Наволочного и Цейтлина, а также скрывавшихся от следствия и суда секретаря союза пищевиков Симакова и члена городской управы Успенского в день празднования второй годовщины русской революции на торжественных заседаниях, устроенных 12 марта 1919 года Советом профессиональных союзов на судоремонтном заводе и городской думой в ее здании. Заседания эти быстро превратились в митинг, при чем перечисленные ораторы открыто призывали к ниспровержению Временного правительства Северной области.

На следствии и суде картина этих событий развернулась в следующем виде. Особенно многолюдно было собрание на судостроительном заводе под председательством Бечина, где присутствовало до тысячи человек рабочих и где с призывом к борьбе против Временного правительства выступали Успенский, Цейтлин и Симаков, развивая классовую точку зрения захвата рабочими власти в свои руки. Особенно определенной в этом отношении была речь Цейтлина, указывавшего, что все образовавшиеся на окраинах правительства ведут реакционную политику, и видевшего выход в разгорающейся мировой революции, которая передаст всю власть в руки рабочих масс. Наиболее резкое выступление принадлежало здесь Бечину, который говорил о советской власти, как о естественной и единственной защитнице интересов рабочего класса, и защищал ее от обвинений в грабежах, бесчинствах и расстрелах.

Протестуя против участия союзников в борьбе с большевиками, Бечин указал на солидарность с ним в этом отношении солдатской массы, сославшись на полученное с фронта письмо, в котором будто бы было сказано, что «товарищи солдаты всегда пойдут с рабочими в защите их интересов» и «союзникам себя за банку консервов и табаку не продадут».

Тот же характер имели выступления этих лиц на торжественном заседании городской думы, где Бечин, выступав-

ший от имени Совета профессиональных союзов, произнес еще более резкую речь, чем на судостроительном заводе. Указав, что правительство Северной области держится лишь при помощи штыков «заморских гостей» и что сознание пролетариата прояснилось и его первоначальное преклонение перед союзниками сменилось ненавистью к ним, он призывал к борьбе против правительства и союзников.

Интерес процесса сосредоточился вокруг личности Бечина, человека неглупого, честного, чрезвычайно популярного среди рабочих масс, который в период пребывания в области большевиков занимал весьма умеренную позицию и боролся против их насилий и произвола, беря часто под свою защиту представителей гонимого буржуазного класса.

Усилия судебных властей были направлены на то, чтобы выяснить причины, которые вызвали столь резкий политический сдвиг влево в среде, взгляды которой отражал Бечин, и побудили ее представителей вступить на путь классовой борьбы. Их удалось установить, и они составили кульминационный интерес всего процесса.

Оказалось, что никаких серьезных реальных оснований к недовольству рабочих масс не было, и все требования материального характера были удовлетворены полностью, но, предоставленные самим себе в области сознательно-политической жизни, они сделались жертвой исключительного влияния находившихся вне области партийных центров, ставших к этому времени на советскую платформу. Было установлено, что описанным выше выступлениям Бечина и других предшествовал резкий поворот в направлении деятельности социалистических партий в Советской России.

Прежде социал-демократы-меньшевики, а затем и социалисты-революционеры стояли на определенно противо-большевистской позиции и вели с большевиками упорную борьбу, объединяясь в ней со всеми государственно настроенными элементами, в том числе и с буржуазными, а также и с союзниками. Но политика эта оказалась лишь одной из форм борьбы за власть. Видя, что значение в государственном управлении в освобожденных от большевиков областях России и главным образом в Сибири постепенно переходит к более умеренным кругам политической мысли, и чувствуя неизбежное падение своего влияния, эти социалистические партии стали становиться в оппозицию областным правительствам и союзникам. Вскоре затем последовало и формальное перемирие с большевиками.

Первыми примирились с большевиками и объединились с ними для борьбы с враждебными большевизму правительствами социал-демократы-«меньшевики». Вслед за меньшевиками по этому пути пошли и социалисты-революцио-

неры. Ряд видных и ответственных деятелей этой партии (Вольский, Святицкий и др.) выступили с соответствующими декларациями и воззваниями. Особенно важным для характеристики этого примирения явилось воззвание делегации членов Учредительного Собрания и партии социал-революционеров, озаглавленное: «Ко всем гражданам Российской Республики» и подписанное Святицким. Резко враждебное к правительствам Колчака и Деникина, именуя их «героями контр-революционных вожделений», «шакалами буржуазии», а их войска «добровольческими черносотенными бандами», оно сообщает о начатой Комитетом членов Учредительного Собрания подготовке военного выступления против «колчаковской диктатуры» и призывает к объединению всех сил трудовой демократии, то-есть исключительно «рабочих и крестьян», к борьбе с черносотенной реакцией областных правительств.

Воззвание это категорически возражало против какой-либо коалиции с буржуазными группами и протестовало против оказываемой союзниками помощи государственным элементам в борьбе с большевиками, называя эту помощь «преступным и для демократии российской неприемлемым вмешательством во внутренние русские дела», и предлагало подать руку революционерам Германии, Австрии и других стран, в которых гордо реет красное знамя мировой социальной революции.

Известия о перемене фронта социалистических партий стали проникать и в Северную область. Через военно-пленных и путем установленной большевиками постоянной связи через линию фронта в Архангельске стали получаться призывы к соответствующему изменению образа действий и сообщения о том, что уже все архангельские меньшевики, покинувшие с приходом союзников Северную область, работают в советских учреждениях, что положение большевиков блестяще и что все слухи о творящихся внутри России ужасах являются наглой ложью и клеветой, распространяемой в своих интересах противниками советской власти.

Воззвания эти нашли благодарную почву в отравленном классовой борьбой самосознании рабочих масс Архангельска, при чем не обошлось без идейного руководства со стороны местных лидеров упомянутых выше партий, из числа лишенных власти членов Верховного управления Северной области. Честный, но ограниченный, как все малообразованные фанатики, вышедшие из рабочей среды, Бечин, для которого социальные доктрины носили характер непреложных истин, сыграл роль граммофонной пластинки в более искусных руках.

Еще за месяц до собрания 12 марта Бечину и Цейтлину

стало известно о состоявшемся в Советской России соглашении эсеров и меньшевиков с большевиками, и уже 23 февраля Бечин выступил в союзе металлистов при судоремонтном заводе с речью и, касаясь в ней общих политических вопросов, между прочим, определенно заявил, что в центре России партии социалистов объединились и создали один центральный комитет, что войскам Учредительного Собрания дан приказ не вступать в бой с большевиками, при чем убеждал не верить газетным сведениям о неблагоприятном положении внутри России и говорил о необходимости прекратить войну с большевиками, называя ее бойней.

Эта соглашательская политика «мира», применяемая всегда односторонне лишь в лагере белых, так как в Совдепии она стоила бы ее авторам головы в порядке применения к ним суровых правил железной пролетарской диктатуры, играла в руку большевикам, расширяя поле для их преступной деятельности.

На суде было с непреложностью установлено, что большевики принимали самое активное участие в организации выступлений 12 марта, так как в выработке программы этого выступления президиумом Совета профессиональных союзов участвовал расстрелянный по приговору военно-полевого суда коммунист Теснанов.

Описанные выше события составили фактический материал, легший в основание моей обвинительной речи, основной мыслью которой было противопоставление исповедуемой подсудимыми классовой точке зрения идеи национально-государственного строительства на правовых началах.

Приговором военно-окружного суда от 2 июля 1919 года Антушевич был оправдан, а Бечин, Цейтлин, Наволочный и Клюев были признаны виновными и приговорены к каторге, сроком на 15 лет каждый.

На меня процесс произвел тяжелое впечатление: я осознал ту пропасть, которая лежала между классовым мировоззрением рабочей среды и национально-патриотическими кругами общества. Засыпать эту пропасть у нас было некому, так как демократические интеллигентские элементы еще не «самоопределились» и переживали внутреннюю борьбу, в которой проблески государственной национальной мысли еще затемнялись отзвуками прежних тяготений в область социальных утопий с тенденцией, вопреки жестокой реальной действительности, воплотить последние в жизнь.

Процесс ясно показал, где друзья и где враги, дав возможность произвести точный учет сил, вовлеченных в круговорот политической борьбы у нас на Севере, и выяснив исключительное влияние на направление их деятельности

центральных партийных организаций, находящихся внутри России и за границей. Заранее можно было предвидеть, что внутреняя борьба при первом же удобном случае вспыхнет у нас ярким пламенем, и «третьим радующимся» окажется грозный враг, скованный железной дисциплиной пролетарской диктатуры.

Глава VI.

Первые вести из Сибири.—Доклад ген. Марушевского по финляндскому вопросу в правительстве.—Первые слухи об уходе союзников.—Национальное ополчение.

В июне месяце, совершив громадный путь на лошадях и оленях, в Архангельск прибыл представитель штаба верховного главнокомандующего адмирала Колчака, штабс-капитан Б., присланный состоять для связи при штабе наших войск. Цель приезда штабс-капитана Б. заключалась в постоянном и точном информировании гражданской и военной власти Северной области о действительном положении армии и о всех важнейших мероприятиях всероссийского правительства, возглавляемого адмиралом Колчаком.

Скоро я имел случай познакомиться с штабс-капитаном Б., оказавшимся в курсе всех происшедших в Сибири событий, так как после развала большевиками армии он уехал на Поволжье, где состоял активным работником крупной военной организации, поставившей своей целью свержение власти большевиков, и после Уфимского государственного совещания в сентябре 1918 года непрерывно состоял в штабе верховного главнокомандующего.

В кратких словах штабс-капитан Б. ознакомил меня с историей ликвидации директории, произведенной адмиралом Колчаком в полном согласии с сибирским правительством, включавшим в себя представителей социалистических партий, а также с дальнейшей работой омского правительства по объединению власти в своих руках, происходившей не без противодействия как со стороны сибирских сепаратистов, мечтающих отложиться от России и даже войти особым штатом в состав Северной Америки, так и со стороны небезызвестного забайкальского атамана Семенова, с именем которого связали свои вожделения монархические группы, мечтавшие о реставрации и диктатуре великого князя Михаила Александровича, о чем открыто говорил официоз атамана «Русский Восток».

Что касается сведений, сообщенных штабс-капитаном Б. о сибирской армии, то хотя он и подчеркнул ее недостатки в одежде, обуви и вооружении, вызывавшие необходимость

в снабжении себя за счет неприятеля, путем захвата у последнего в качестве военной добычи оружия, снарядов, съестных припасов и другого интендантского имущества, но зато не поскупился в похвалах ее организации, дисциплине и бодрости духа, что будто вызвало даже замечание военных представителей союзных держав, что эти войска лучше той армии, которой располагала Россия в первый период войны. Состав армии, занимавшей, правда, колоссальный фронт, штабс-капитан Б. определил грандиозной цифрой 700.000, из которых большая часть находилась в боевой линии. Меня такой официальный оптимизм приводил в немалое смущение, так как из американской миссии мною были получены сведения совершенно противоположного характера, которые, увы, вскоре получили полное подтверждение, так как сибирская армия стала сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее откатываться на восток, пока ее поражение не приняло характера полной катастрофы.

В первых числах июля возвратился из Финляндии ген. М[арушев]ский и представил Временному правительству доклад о результатах своей поездки. Со свойственною ему способностью быстро ориентироваться в обстановке, ген. М[арушев]ский сразу же определил, что от предприятия ген. Юденича нельзя ожидать никаких благоприятных результатов и что необходимо принять все меры к тому, чтобы побудить к совместному выступлению с нами Финляндию, располагающую достаточными организованными силами, чтобы нанести большевикам удар в самом важном и кратчайшем направлении на Петроград.

Одновременно с этим ген. Юденичем, видимо также мало рассчитывавшим на собственные силы, были переданы адмиралу Колчаку те условия, на которых м о ж н о б ы л о о ж и д а т ь выступления Финляндии, с содержанием которых я был ознакомлен штабс-капитаном Б., передававшим их по радио в Сибирь. Я обращаю внимание на подчеркнутые мною слова «можно было ожидать», так как ген. Юденич, перечислив, если мне память не изменяет, 19 пунктов финляндских требований, заканчивал свою телеграмму указанием, что лишь при принятии их ген. Маннергейм рассчитывает склонить к выступлению правительство и страну, общественное мнение которой вообще не склонно было к активности в этом вопросе.

Ген. Юденич настаивал на принятии этих требований, прося дать ему ответ в кратчайший срок, так как выборы президента республики предстояли через две недели, и кандидатура ген. Маннергейма на этот пост имела очень мало шансов, а с уходом его терялась всякая надежда на активную помощь со стороны Финляндии. К этому ген. Юденич до-

бавлял, что если он не получит своевременно ответа, то возьмет решение на себя, так как обстановка диктует ему необходимость принятия такого шага. Временное правительство Северной области, выслушав доклад генерала М[арушев]ского, решило поддержать перед всероссийским правительством ходатайство ген. Юденича, и в этом смысле была отправлена депеша адмиралу Колчаку.

Вскоре на телеграмму ген. Юденича последовал краткий ответ: «Помощь Финляндии считаю сомнительной, а требования чрезмерными», а затем была получена и более подробная депеша министерства иностранных дел, за подписью Сукина, с сообщением, что верховный правитель, независимо от чрезмерно тяжелых требований, предъявленных Финляндией, обратил внимание на то, что даже принятие их еще не гарантирует выступления ее, так как послужит только почвой для подготовки общественного мнения страны к активному выступлению, при чем адмирал Колчак выражал сомнение, чтобы это можно было успеть сделать в короткий двухнедельный срок. В заключение он категорически запрещал ген. Юденичу лично входить в какие-либо соглашения, указав ему, что в области международных отношений он не имеет права выходить из рамок, определенных главнокомандующему положением о полевом управлении войск в военное время.

Ген. М[арушев]ский резко порицал в то время адмирала Колчака за его недальновидность при разрешении вопроса о выступлении Финляндии, и действительно, после неу ачного похода ген. Юденича, когда войска его принуждены были оставить уже захваченные ими предместья Петрограда, многие пришли к заключению, что вооруженные силы Финляндии могли бы сыграть решающую роль и, может быть, судьба всех белых фронтов была бы другой, но не будем строго судить за это адмирала Колчака и предоставим разрешение этого вопроса суду истории.

К этому времени следует отнести поступление с сибирского фронта все более и более тревожных сведений. Войска адмирала Колчака начинают свое стремительное отступление, очистив район Котлас—Вятка, где предполагалось наше соединение с ними и передача им снаряжения, привезенного англичанами.

Вскоре после получения неприятных известий с сибирского фронта, на празднике во французской миссии 14 июля, по случаю годовщины взятия Бастилии, веселье отравляется первыми слухами «из самых достоверных источников» об оставлении союзниками в недалеком будущем Северной области.

В связи со слухами об уходе союзников повсюду парило приподнято-нервное настроение, которое находило себе бла-

гоприятную почву для 'бешеной агитации большевиков, старавшихся использовать момент и развалить наш фронт. Агитация эта, отозвавшаяся вспышками восстаний на многих участках нашего громадного по своему протяжению фронта, еще более усиливала тревогу и напряжение мысли, проникнутой одним навязчивым вопросом: как отзовется на судьбе Северной области уход союзников?

Глава VII.

Восстания в войсках. —Причины восстаний.—Заявление англичан об уходе.—Увольнение ген. Марушевского и вступление ген. Миллера в командование войсками.

Наша маленькая Северная армия занимала громадный фронт протяжением в несколько тысяч верст. Конечно, о непрерывной линии защиты не могло быть и речи, да в ней и не было надобности: ее создавала природа своими непроходимыми лесами характера сибирской тайги. Отдельным небольшим отрядам силою до одного полка, с придачею громадного количества пулеметов и сильной артиллерии, правда, легкого полевого типа, приходилось защищать лишь дефиле, образуемые протекающими реками и идущими на Архангельск железной и грунтовыми дорогами. Соответственно с таким распределением вооруженных сил образовались укрепленные районы: Онежский, Железнодорожный, Селецкий, Двинский, Пинежский, Мезенский и Печорский, при чем на Железнодорожном фронте, ввиду защиты кратчайшего и важнейшего направления на административный центр Северной области—Архангельск, было сосредоточено наибольшее количество войск—до трех полков с придачей им не только легкой, но и тяжелой артиллерии и бронированных поездов.

К Онежскому району прилегал Мурманский, который занимал громадное протяжение, примыкая своим правым флангом к финляндской границе, и по количеству своих войск занимал первое место. Жизнь его в военном и административном отношении, ввиду весьма неудовлетворительного сообщения с Архангельском, носила обособленный от всех других районов Северного фронта характер, и мне в дальнейшем придется ее коснуться лишь с точки зрения создавшихся с этим районом ненормальных отношений и неумения центральной власти своевременно подготовить и использовать его как редюит для войск Архангельского фронта.

Защита была организована по системе вынесенных впе-

ред и занятых пехотой блокгаузов (маленьких укреплений из срубленного леса, опутанных проволочными заграждениями) с осиными пулеметными гнездами, а главные силы и артиллерия располагались скрыто сзади. Взять эти укрепления в лоб было почти невозможно, так как пришлось бы принести в жертву колоссальные неоправдываемые целью силы, эшелонировав в затылок несколько дивизий, поэтому борьба носила характер глубоких обходных движений, которые можно было производить главным образом в осеннее время, так как зимой мешал глубокий, выше человеческого роста снег, а весной и летом наступала так называемая «распута», при которой почва обращалась в непроходимое болото. Кроме того, в дебрях непроходимого векового леса было очень трудно ориентироваться и поддерживать связь обходных колонн с командными центрами. Все это побуждало большевиков к излюбленному методу своих действий, а именно: к разложению белых частей агитацией и пропагандой и захвату власти путем организации восстаний.

Пинежское и тулгасовское восстания имели место незадолго до моего приезда в Северную область. На Пинеге произошло восстание в 8-м Северном стрелковом полку, при чем жертвами его оказались несколько офицеров, часть которых была убита мятежниками, а часть покончила с собою, взорвав себя ручными гранатами. Восстание было подавлено верхне-пинежскими партизанами-крестьянами, сурово расправившимися с восставшими. Расследование установило, что причиной восстания послужило недовольство населения Нижней Пинеги и местных войск перфорацией (штемпелеванием керенок и царских) и неполучение семян для обсеменения полей. С перфорацией мы подробнее познакомимся в отделе финансовой политики правительства, здесь же необходимо отметить, что для штемпелевания деньги отбирались у населения под расписки, и оно оставалось на продолжительный срок без денежных знаков, так как штемпелеванные кредитки и казначейские знаки возвращались с большим опозданием, что вызывало неудовольствие, ибо мешало обычной торговле.

Неудовольствие это использовали большевики, развив агитацию на тему о том, что генералы и офицеры собираются бежать из области и на дорогу собирают себе деньги, отбирая их у населения под видом необходимости их штемпелевания. Поэтому восставшим рекомендовалось захватить пинежское уездное казначейство, где хранилось около полутора миллионов рублей, и бежать с ними к большевикам для спасения от «белогвардейских» офицеров народных денег, неудачная попытка к чему и была произведена бунтовщиками.

Расследованием, между прочим, было установлено, что между нижне-и верхне-пинежцами существовала вражда, так как нижне-пинежцы, деревни которых находились в районе белых, считали, что война у них ведется из-за верхне-пинежских партизан, желавших отобрать свои родные деревни, находившиеся в руках красных.

Но были еще более грустные обстоятельства, которые, к сожалению, обнаружились гораздо позже. Оказалось, что в войсках были хищения и утайки пайка, что, конечно, волновало солдат. Произошло это сначала от беспечности и полнейшего непонимания хозяйства первого организатора пинежских отрядов, молодого, легкомысленного и самоуверенного кап. N., который, между прочим, занимался обменом подаренного ему англичанами рома на меха, вызывая таким неосторожным поведением толки среди солдат об утайке их рома для этой операции.

Его сменил «фаворит» ген. М[арушев]ского, полк. N. Вечно пьяный, разнузданный, он окружил себя соответствующим штабом и часто, гарцуя на улицах Пинеги, требовал, чтобы жители при встрече с ним снимали шапки, побив однажды за неисполнение этого требования председателя местной земской управы. Местной почтенной учительнице он тоже в пьяном виде заявил, что так как она по своему возрасту не годится в проститутки, то он рекомендует ей, бросив педагогическую деятельность, открыть публичное заведение. Получив в свое бесконтрольное распоряжение 11.000 рублей для целей контр-разведки, он обратил их в свою пользу и вернул их значительно позже, уже находясь на службе в Мурманске, после моего телеграфного требования об уплате или представлении отчета. Ему не избежать было бы скамьи подсудимых, чему помешала лишь наша эвакуация. Дальнейшая участь его была очень печальна: он был расстрелян восставшими в Мурманске красными.

Тулгасовское восстание произошло в Двинском районе, где взбунтовался один из батальонов 3-го Северного стрелкового полка, перебивший своих офицеров и сделавший попытку захватить артиллерию для передачи орудий неприятелю. Артиллерия мужественно огнем своих орудий и пулеметов отбила атаки мятежников и отступила, протащив 70 верст на руках свои 4 орудия и прокладывая себе дорогу и мосты. Все это было проделано группой в сто человек, оставшихся верными своему долгу.

Расследование установило неосторожность и беспечность молодого храброго командира батальона, 28-летнего полк. Г., не процедившего как следует, вопреки указаниям свыше, прибывшие в полк пополнения из пленных красных, часть которых и оказалась организаторами восстания.

Тот же 3-й Северный стрелковый полк, реорганизованный своим доблестным командиром полк. В., подавил в конце июля восстание Дайеровского батальона, расположенного также в Двинском районе. Оно началось ночью, при чем восставшие прежде всего бросились на штаб своего батальона и убили спящими 4 английских и 3 русских офицеров. Та же участь постигла бы и штаб Двинского района, если бы не осталась верной пулеметная команда батальона, отогнавшая от штаба наступавших бунтовщиков. Большинству из них удалось бежать к большевикам, пойманных же ликвидировали на месте англичане.

Не успели рассеяться впечатления от этого крупного восстания, как разыгралась кровавая трагедия на Онеге. Расположенный там 5-й Северный стрелк. полк был укомплектован жителями Онежского уезда, весьма неблагонадежными и тяготевшими к красным. Особенным большевистским духом отличались расположенные на реке Онеге два больших богатых села—Порог и Запорожье, жители которых владели богатыми рыбными промыслами (семгапорог), но среди которых издавна процветало также тунеядство и хулиганство, благодаря громадным подачкам от известного отца Иоанна Кронштадтского—уроженца этой местности.

Непосредственным поводом к восстанию послужило недовольство отвлечением мобилизованных от сенокоса и других полевых работ, что и использовали большевики, захватившие в результате восстания весь Онежский район.

Восставшие арестовали почти всех офицеров во главе с командиром полка, полк. М., которому на шею накинули веревку и утащили к большевикам. Двенадцать человек офицеров были окружены в одной избе и, не пожелав сдаться, покончили сами с собой. Сначала более сильные духом застрелили других, а потом застрелились сами. Тела их после очищения района Онеги от большевиков, происшедшего уже после ухода англичан, были вырыты из ямы, куда они были брошены большевиками раздетыми, и похоронены с воинскими почестями.

Вслед за онежским восстанием последовала попытка к восстанию в 6-м Северном стрелковом полку на Железнодорожном фронте и одновременное раскрытие заговора в 7-м Северном стрелковом полку, расположенном в соседнем Селецком районе. Незадолго до этого на Двине была произведена соединенными русскими и английскими силами удачная крупная операция с захватом большого района у большевиков, который затем по приказанию английского командования был очищен, а мужское население взято по

мобилизации в наши войска. Вот эти-то мобилизованные и явились душой заговора в Железнодорожном и Селецком районах, составив целый план восстания и открытия фронта большевикам и войдя с последними в соглашение по этому поводу. Согласно этому плану предполагалось обходное движение довольно крупными силами большевиков, которые должны были, войдя в тыл линии блокгаузов, атаковать артиллерийскую батарею, прикрытие которой из 2-й роты 6-го Северного стрелкового полка было подготовлено пропагандой к открытию фронта.

Незадолго до начала этой операции дрогнула совесть у одного из бывших в курсе дела заговорщиков—бывшего унтер-офицера одного из наших старых гвардейских полков, и он предупредил командира 6-го полка о назревающей опасности. 2-я рота немедленно была снята с позиции, арестована и заменена надежными войсками, которые вместе с артиллерией приготовились встретить обходную колонну большевиков. К сожалению, уже не было времени предупредить роты, находившиеся впереди в блокгаузах. Большевики не заставили себя долго ждать и скоро без особых мер предосторожности появились на опушке леса против того места, где должна была быть расположена 2-я рота. Их встретил здесь ураганный пулеметный и орудийный огонь, который еще более усилился, когда послышались крики: «Товарищи, не стреляйте, свои, свои». Большевики потеряли здесь более батальона убитыми и ранеными.

В это время на блокгаузы тоже было произведено нападение, при чем часть гарнизона их, благодаря измене, капитулировала и, захватив своих офицеров, передалась противнику.

В Селецком районе обошлось более благополучно. Там, благодаря своевременному обнаружению одного из заговорщиков, подвергнутого строгому допросу, была раскрыта целая организация, действовавшая в связи с заговорщиками Железнодорожного района, которая ставила своей задачей перебить всех офицеров и открыть фронт противнику. Участники ее в количестве около 20 человек были расстреляны по приговору военно-полевого суда.

Везде среди участников заговора были отмечены фельдфебеля и унтер-офицеры, то-есть лучшие по выправке и дисциплине солдаты, при чем расследованием удалось установить, что в инструкцию организации коммунистических ячеек в белых полках входило строжайшее соблюдение перед начальством чинопочитания и повиновения, дабы своим поведением усыпить бдительность начальства и, заняв командные солдатские посты, приобрести наибольшее влияние на солдат. Тем же расследованием было обнаружено, что раз-

ложение наших частей велось по строго разработанной системе скрыто образуемых в них коммунистических ячеек, находившихся в непрерывной связи с неприятелем. Когда часть была достаточно подготовлена в выступлению, от красного штаба получался детально разработанный план открытия фронта в связи с одновременным наступлением красных, при чем офицеров приказывалось перебить, заменив их намеченными заранее лицами.

Дайеровское и онежское восстания совершенно вывели из душевного равновесия высшее английское командование и создали приподнятое настроение в английских войсках. Недоброжелатели ген. Айронсайда из английских же кругов сообщили в Англию, что убитые дайеровцами английские офицеры являются жертвами легкомысленного опыта, произведенного генералом, и в английской печати появились обвинения его в введении в заблуждение английского общества сообщениями о возрождении русской армии на Севере. Айронсайд, чувствуя вину в дайеровском деле, решил для реабилитации себя резко изменить свою позицию в отношении нас и стал самым энергичным образом настаивать на уходе английских войск, указывая на примере 5-го Сев. стрелкового полка, считавшегося одним из лучших наших полков, что на наших солдат абсолютно положиться нельзя, и никакая совместная боевая деятельность с нами невозможна. В руку ему сыграло то обстоятельство, что ген. М[арушев]ский накануне самого восстания посетил 5-й Сев. стрелк. полк и, вернувшись оттуда, объявил в приказе, что он нашел полк в блестящем состоянии. Таким образом англичанам была демонстрирована несостоятельность самого командующего войсками в оценке степени благонадежности его войск, что они, конечно, и поспешили использовать в своих интересах. В мероприятиях их почувствовалась растерянность и полнейшее нежелание быть с нами в контакте. На Онегу был послан монитор для выручки арестованных большевиками англичан. Обстреляв город Онегу из тяжелых орудий и истребив таким образом лучшую часть города, англичане добились через парламентеров выдачи своих офицеров, но категорически отказались предъявить требование о наших офицерах и поддержать десантную операцию высланного нами маленького отряда.

Недоверие и паника проникли и в их солдатскую среду, очень враждебно настроенную к большевикам. Характерен следующий маленький эпизод. Конвою англичан, сопровождавших под начальством сержанта небольшую группу наших арестованных солдат на пароходе из Онеги в Архангельск, показалось подозрительным поведение последних. На пароходе создалось приподнято-нервное настроение, которое

благодаря произведенному кем-то случайному выстрелу вылилось в беспорядочную стрельбу англичан по русским солдатам, из которых несколько человек было ранено, а двое убито. Характерно, что ехавший тут же русский офицер был немедленно изолирован англичанами от солдат, и их сержант, добродушно похлопывая его по плечу, стремился выразить ему свои симпатии и успокоить его, говоря ломаным языком: «Русский офицер не надо бояться, русский офицер карош, а русский солдат с.....ь, большевик».

Таким образом, если до сих пор уход англичан мотивировался главным образом изменением курса высшей политики по русскому вопросу, то после дайеровского и онежского восстаний приходилось считаться с тем же решением высшего военного командования. По словам ген. Миллера, ген. Айронсайд стал неузнаваем, и, насколько он прежде крайне радужно смотрел на наше будущее и шел навстречу нашим начинаниям, настолько он теперь впал в преувеличенный пессимизм и обнаруживал явное недоброжелательство, принимая все меры к тому, чтобы эвакуироваться самому и во что бы то ни стало склонить к этому и наше военное командование, что послужило бы оправданием и его ухода. В этом смысле им и было составлено предложение ген. Миллеру эвакуироваться, которое было отклонено ген. Миллером сначала 30 июля принципиально, а затем окончательно 12 августа после совещания со старшими чинами штаба и строевыми начальниками, о чем подробно в следующей главе.

Одновременно с этим последовало личное вступление ген. Миллера в командование войсками вместо ген. М[арушев]ского, вызванное, по словам ген. Миллера, тем, что ген. М[арушев]ский не верил в возможность нашего оставления в Архангельске после ухода англичан и такое же настроение создавал среди старших начальников. Однако вряд ли это было единственной причиной увольнения ген. М[арушев]ского; таких «маловеров» среди высшего русского командования было очень много. и они, однако, сохранили свои места. Несомненно, что тут сыграло роль и падение работоспособности ген. М[арушев]ского, так как ген. Миллер сам как-то заметил мне, что последний «несомненно утрировал в его глазах свою чрезмерную переобремененность делами».

Приказом верховного правителя ген. Миллер был утвержден в должности главнокомандующего русскими вооруженными силами Северного фронта. Штаб командующего войсками был реорганизован в штаб главнокомандующего, и начальником штаба был назначен ген.-лейт. К.

Глава VIII.

Прибытие „специалиста по эвакуации", английского фельдмаршала Роллинсона.—Совещание ген. Миллера с офицерами ген. штаба и командирами полков об эвакуации.

Сопровождаемый громадной свитой, прибыл в июле месяце английский фельдмаршал Роллинсон, пользующийся среди англичан репутацией выдающегося полководца за ликвидацию, в качестве командующего одной из английских армий во Франции, последнего немецкого прорыва на Западном фронте и нанесение после этого немцам решительного поражения.

Но, увы, к нам фельдмаршал прибыл не для проявления своего стратегического таланта, а в качестве выдающегося специалиста по «эвакуации», каковая репутация установилась за ним при ликвидации дарданелльского предприятия союзников.

В связи с его приездом ген. Миллер получил от английского командования предложение эвакуироваться вместе с союзниками, которое он решил подвергнуть всестороннему обсуждению совещания старших чинов штаба и командиров строевых частей. В совещании этом приняли участие начальник штаба ген. К., ген. М[арушев]ский и другие офицеры ген. штаба, а в качестве представителей строя—командующие Пинежско-Мезенским и Железнодорожным районами и командиры 6-го, 7-го и 8-го Сев. стрелк. полков. Мурманский район был представлен начальником штаба полк. А., командующий же войсками Двинского района ген. штаба полк. князь М. и командиры 3-го и 4-го Сев. стрелк. полков отсутствовали, так как к этому времени английским командованием, в целях демонстративного прикрытия своего ухода, была предпринята на Двине наступательная операция, в которой принимали участие русские войска. На разрешение совещания были поставлены вопросы: 1) следует ли оставаться в области после ухода англичан, 2) можно ли будет впоследствии благополучно эвакуироваться без них и 3) возможно ли провести наступательную операцию без поддержки союзников. Представители строя единодушно дали отрицательный ответ на все поставленные вопросы, за исключением ген. П., только что прибывшего в область, не побывавшего на фронте и в силу этого совершенно незнакомого с настроением войск и нашими материальными средствами и, с упорством старого военного служаки, твердившего, что надо поступить так, как прикажет начальство.

Сущность соображений представителей строя сводилась к тому, что настроение среди войск было более чем сомнительно, особенно еще потому, что английское командование предложило эвакуироваться всем желающим из числа добровольцев, находившихся в славяно-британских и французских легионах, а также понуждало наше командование, основываясь на принципе самоопределения, отпустить эстонцев, латышей и поляков. На самые грустные размышления наводили и прошедшие волной по всему фронту описанные выше восстания, а также поднятая большевиками по поводу ухода союзников агитация с указанием, что под влиянием рабочих иностранные правительства решили увести свои войска и не поддерживать больше генеральскую контр-революцию. Офицерский корпус, кроме того, был встревожен полной необеспеченностью тыла в случае неудачи, считая, что без англичан никакая эвакуация немыслима, ибо солдаты их не выпустят и выдадут, как виновников войны, большевикам.

На продолжении борьбы в Архангельске особенно упорно настаивал начальник штаба ген. К., только что вступивший в эту должность. Ген. К. в конце концов в качестве аргумента за продолжение обороны выдвинул распоряжение верховного главнокомандующего адмирала Колчака защищать область до конца. На это представители строя совершенно резонно заявили, что если существует такой приказ верховного главнокомандующего, то дальнейшее обсуждение вопроса об оставлении области не имеет смысла, так как они, как солдаты, обязаны подчиниться распоряжению верховного главнокомандующего, после чего перешли к вопросу о наступлении, при чем единогласно было постановлено, что раз решено оставаться, то наступление необходимо, так как оно поднимает настроение войск, и, кроме того, выражалась надежда, что успешное развитие его может вызвать изменение точки зрения английского командования и оставление англичан в области.

Для проверки этого предположения, а главное, для получения от англичан поддержки, без чего организация наступления считалась невозможной, было решено на следующий день всем еще раз собраться у генерала Миллера и оттуда отправиться к фельдмаршалу Роллинсону.

Утреннее совещание осталось при прежнем решении и носило спешный характер, так как к 12 часам нужно было быть у фельдмаршала Роллинсона, а англичане не выносили опозданий.

Фельдмаршал Роллинсон принял всех чрезвычайно любезно, начав с приветствия, в лице полковых командиров, доблестных боевых сотоварищей по минувшей кампании.

Выслушав затем решение русского командования остаться и перейти в наступление, он заявил, что об оставлении англичан не может быть и речи, ибо такова воля правительства, опирающегося на парламент, а поэтому каких бы успехов ни достигли русские войска в своем наступлении, захвати они не только Вологду и Вятку, но Москву и Петроград, он должен будет, как солдат, привести в исполнение распоряжение правительства и эвакуировать Северную область. Он обещал передать в Англию просьбу русского командования об оставлении английских войск, но заранее предупреждал, что из этого ничего не выйдет; что же касается предполагаемой операции, он обещал оказать самую широкую поддержку техническими и материальными средствами, но отказался предоставить войска для наступления, а лишь для выполнения оборонительных заданий на занимаемых позициях.

Гораздо более резкую позицию занял присутствовавший при этом ген. Айронсайд, который наше оставление в области считал чистейшей авантюрой и, желая подорвать в глазах фельдмаршала Роллинсона авторитет нашего командного состава, попросил его задать командирам полков вопрос: «Ручаются ли они за спокойствие и благонадежность вверенных им частей». Выслушав отрицательный ответ, он настаивал на эвакуации, указав, что мы и в техническом отношении не подготовлены для самостоятельной деятельности, и, обратившись к стоявшему в стороне ген. Марушевскому, попросил его доложить совещанию, приготовил ли он персонал, необходимый для обслуживания тыла, на каковой работе у него, ген. Айронсайда, было несколько тысяч человек.

На совещании был, между прочим, поднят вопрос об отходе на Мурман, при чем английское командование одобрило этот проект, обещав предоставить средства для эвакуации туда не только войск, но и до 10.000 человек населения.

Более всего страшила меня необеспеченность эвакуации нашей армии без англичан. В отступление сухопутным путем на Мурман я абсолютно не верил и считал это плодом досужей фантазии штаба, вернее, оторванной от всякой реальной действительности кабинетно-стратегической мысли ген. К., ибо было совершенно непонятно, почему мурманские войска должны были бы удержаться после падения Архангельского фронта и почему противник должен был начать с ликвидации нашего фронта, а не попытался бы лишить нас сначала мурманского редюита. Беседы же с командующим морскими силами Ледовитого океана, адмиралом И., привели меня к убеждению, что в период ледя-

ной кампании эвакуация морем составляла бы невозможную задачу даже для англичан.

В период ухода англичан ледоколов у нас еще и не было, они все были в Англии в полном ее распоряжении, и нам только было обещано их возвращение. Что касается вопроса об угле, то адмирал И. предупреждал, что по расчету он должен был кончиться у нас к 1 января, а получить его было почти невозможно, так как Англия сама испытывала в нем недостаток, да и английские рабочие бдительно наблюдали за тем, чтобы уголь не попал в руки «контр-революционеров». Наши команды на ледоколах, как и следовало ожидать, тоже оказались более чем ненадежными, так что английскому адмиралтейству во избежание скандалов со своими портовыми рабочими и нашими матросами пришлось, направляя впоследствии ледоколы к нам, выправлять бумаги на северную Францию. Ввиду всего этого адмирал И. высказывал убеждение, которое, к сожалению, претворилось в действительность, что никакой планомерной эвакуации области не будет, а на нескольких судах, которые окажутся в нужный момент под рукой, выберутся лишь те, кто случайно очутится в это время у берега.

Обмен мнениями с адмиралом И., некоторыми строевыми участниками описанных выше совещаний, а также с прибывшими с фронта командиром 3-го Стрелкового полка полк. В. и командиром артилл. дивизиона полк. N. привел меня к убеждению, что нам надо уходить на Мурман. Все строевые начальники ручались, что от половины до трех четвертей их солдат последуют туда за ними, что, по самому скромному подсчету, обеспечивало 8.000 стойких и надежных бойцов с громадным количеством материальной части и продовольствия, которых англичане обещали перевезти на Мурман. Подкрепив здесь прочные и бодро настроенные части Мурманского фронта и, главное, обеспечив порядок в тылу, который имел в глубину до 800 верст и за недостатком войск почти не охранялся, мы, обеспеченные с правого фланга белой Финляндией, с левого озерами, а с тыла незамерзающим морем, могли спокойно оперировать на Петрозаводск и Званку, облегчив генералу Юденичу его наступление на Петроград. Оставаясь на Архангельском фронте, мы горсть наших стойких борцов разжижали весьма ненадежными элементами и свои ничтожные силы растягивали на громадном протяжении, не имея возможности перебрасывать их из одного района в другой. Мы ничего не выгадывали и в отношении оттягивания сил противника с сибирского фронта, так как сибирские войска к этому времени откатились далеко за Урал, и наше опе-

рационное направление на Вятку для соединения с ними потеряло всякое значение. С нашим уходом продовольствие было бы увезено из Архангельского района, все морские и портовые средства были бы отэвакуированы на Мурман, куда была обеспечена эвакуация и желающим благонадежным элементам населения, число которых вряд ли бы превысило 10.000 человек, и мы оставили бы большевикам голую Северную Двину и пустой город, предоставив оставшемуся добровольно населению изжитие большевизма в порядке естественного процесса. Эти соображения были доступны всем, кроме тех, кому принадлежало окончательное решение этого вопроса.

Решение не покидать Северной области было объявлено ген. Миллером офицерам, собранным специально для этого случая, и принято было последними без всякого энтузиазма, холодно и мрачно. От штаба последовало объявление населению, в котором, между прочим, было указано, что войска остаются в области по приказанию верховного главнокомандующего адмирала Колчака. Между тем штабс-капитан Б. показывал мне подлинную радио-телеграмму адмирала Колчака, в которой он разрешение вопроса об уводе войск Северного фронта предоставлял всецело усмотрению главнокомандующего, разрешая в зависимости от обстановки эвакуировать их на Мурман, а также к ген. Юденичу или к генералу Деникину. Приезжавший в это время командующий войсками Мурманского района ген. С., разделявший мои взгляды о необходимости оставления Архангельского района, доложил об этом генералу Миллеру, заявив, что прибытие наших войск в порядке планомерной эвакуации будет радостно приветствоваться Мурманом, но бегство туда с внесением паники будет встречено огнем артиллерии и пулеметов. Заявление это также успеха не имело, и роковое решение осталось в силе.

Как я уже упомянул выше, одним из основных факторов, повлиявшим на наше оставление в области, было удачное наступление на всех фронтах, в том числе и на нашем. Действительно, проведенная в это время с англичанами двинская операция, в которой главная роль принадлежала 3-му Сев. стрелковому полку, дала самые блестящие результаты, так как нами был захвачен в плен большевистский полк в составе нескольких тысяч человек со штабом полка и штабом бригады.

Вывод, который был сделан из создавшегося положения руководящими политическими кругами Англии, известен — вооруженные силы Англии покинули нашу территорию, но нельзя не отметить, что техническая помощь продолжалась.

Глава IX.

Земско-городское совещание. —Реконструкция власти.—Требование политической амнистии.

Кризис, вызванный уходом союзников, совпал с земско-городским совещанием, идея созыва которого принадлежала управляющему отделом внутренних дел В. Игнатьеву, который к этому моменту уже покинул Северную область, уехав с морской экспедицией в Сибирь. Совещание это должно было собраться гораздо раньше, но оно откладывалось со дня на день, и созыв его пришелся на такой момент, когда больше всего нужно было избегать нарушения единства антибольшевистского фронта, между тем предстоявшая неизбежно в связи с совещанием политическая борьба не сулила в этом отношении ничего хорошего. Положение осложнилось еще тем, что правительство, не сочувствовавшее созыву совещания, не подготовилось к тому, чтобы предстать перед ним с подробно разработанной деловой программой, ознакомление с которой расхолодило бы политические страсти и придало бы работе деловой характер.

Совещание открылось речью избранного в председатели председателя губернской земской управы П. П. Скоморохова (с.-р.), подвергшего самой резкой критике деятельность правительства во всех областях управления. К сожалению, деятельность некоторых членов правительства действительно давала основательные поводы к неудовольствию, что и вызвало отставку управляющего отделом торг. и пром. Мефодиева и управл. отделом юстиции Городецкого, но несомненно также, что во многих отношениях, как, например, в вопросе о произвольных массовых арестах, правительство явилось «козлом отпущения» за действия высшего английского командования.

Заместитель председателя правительства Зубов не сумел в твердой и определенной форме дать исчерпывающие объяснения на предъявленные правительству обвинения, а своим заявлением, что правительство не держится за власть и согласно уступить ее каждому, кто считает себя более способным к руководительству областью, создал представление о слабости власти и признании ею своей вины.

Хорошо еще, что выступивший вслед за тем ген. Миллер создал на некоторое время трезвое настроение, обратившись с приветственной речью, в которой он обрисовал всю серьезность создавшегося положения, благодаря уходу союзников, и предложил совещанию не только на словах,

но и на деле оказать поддержку военному командованию, так как иначе он должен будет принять предложение союзников об эвакуации всех, кто пожелает продолжать борьбу на других фронтах.

Заявление это произвело чрезвычайно сильное впечатление на совещание, членам которого, конечно, не могла улыбаться мысль быть переданными в руки большевиков накануне ожидаемого в то время падения советской власти, и оно вынесло единогласное решение оказать с своей стороны поддержку военному командованию.

Нажим со стороны совещания на правительство и сознание последним своей несостоятельности в некоторых отраслях управления привели к реконструкции власти, произведенной правительством по соглашению с членами совещания, в результате чего в правительство, кроме оставшихся в его составе заместителя председателя П. Ю. Зубова, соединившего в своих руках управление отделами юстиции и земледелия, ген. Миллера (военно-морские и иностран. дела) и Федорова (нар. просв.), вошли городской голова Багриновский (внутр. дела), инженер Цапенко (отдел труда) и, без портфелей, председатель губернской земской управы Скоморохов и член той же управы Едовин. Все перечисленные члены правительства обладали правом решающего голоса, при чем принадлежность большинства из них к социалистическим партиям (Скоморохов с.-р., Едовин с.-р. и Федоров нар. соц.) или демократическим элементам нашей общественности (Зубов, Цапенко и Багриновский) вызывала значительный сдвиг правительства влево.

Вслед за образованием нового состава правительства земско-городское совещание обратилось с воззванием к населению и с грамотой к войскам, в которых оно оповещало, что после всестороннего обсуждения создавшегося положения оно пришло к твердому заключению, что область должна обороняться. Выразив убеждение, что противник еще никогда не был так слаб, и что советская власть находится накануне полного поражения, совещание призывало всех сплотиться вокруг армии для борьбы за охрану края и за всероссийское Учредительное Собрание. Оповещая о том же войска, земско-городское совещание просило их «держать крепко винтовку в своих руках, не поддаваться слухам и большевистской лжи, верить своим начальникам и исполнять их боевые приказы, так как армия без дисциплины не существует».

Нельзя не признать, что эти воззвания сыграли громадную роль, подняв дух и настроение в войсках, но ими и ограничилась вся положительная сторона деятельности земско-городского совещания, которое, вместо того, чтобы

выполнить данное в грамоте войскам обещание «быть в решительные минуты в их рядах», или заняться деловой работой, в которую его хотело вовлечь новое правительство, вступило на путь самого энергичного вмешательства в правительственную деятельность с нескрываемой тенденцией захвата власти для проведения мероприятий, которые тяжко бы отозвались на безопасности тыла.

Провозгласив в своих воззваниях к населению и армии о дальнейшей борьбе с большевиками, земско-городское совещание выступило с требованием политической амнистии для лиц, осужденных за большевизм. Во всех газетах появился поразительный по своей безграмотности проект земско-городского совещания об амнистии, в котором указывалось, что большевизм есть столь неопределенное и неуловимое для юридической квалификации явление, что подведение его под те или другие статьи уголовного закона представляется совершенно невозможным. Исходя из этих соображений, совещание считало, что ответственность по действующим законам могут нести только члены коммунистической партии, а лица, не входившие в ее состав и осужденные за «большевизм», подлежат полной амнистии. На-ряду с требованиями последней тем же проектом устанавливалось упразднение Особой следственной комиссии и вводился 24-часовой срок для предъявления обвинения каждому арестованному, при отсутствии чего он по истечении указанного срока освобождался из-под стражи. Необходимо прежде всего отметить, что последние два пункта никакого отношения к амнистии не имели, и если упразднение следственной комиссии, которая действительно страшно затягивала дела, вызывая этим общее неудовольствие, и имело известное основание, то претворение в жизнь упомянутого правила об арестах являлось совершенно неосуществимым как по техническим соображениям, так и в видах охранения государственной безопасности и порядка, ибо во время войны, национальной или гражданской, установление такой гарантии парализовало всякую борьбу власти с подозрительными и преступными элементами и особенно с провокаторами и шпионами из неприятельского лагеря.

Обеспокоенный принятой совещанием линией поведения председатель правительства Зубов вызвал меня к себе и попросил отправиться в комиссию земско-городского совещания по амнистии, где своими разъяснениями постараться направить возбужденный об амнистии вопрос в законное русло.

[Объяснения автора, однако, не удовлетворили комиссии.]

На следующий день я был опять вызван Зубовым, у ко-

торого я застал бывшего управляющего отделом юстиции председателя Арханг. окр. суда Городецкого и прокурора того же суда. Д. Зубов объявил нам, что так как земско-городское совещание, выслушав после нашего посещения комиссию по амнистии, продолжает настаивать на ней, то правительство решило дать ему исчерпывающие объяснения о невозможности ее, при чем попросил меня принять эту обязанность на себя, ибо он в этом вопросе не компетентен, а С. Н. Городецкому нельзя было выступать, так как имя его, по словам Зубова, носило для левых кругов «одиозный» характер, и именно его деятельность больше всего подверглась нападкам земско-городского совещания.

На следующий день утром я узнал, что земско-городское совещание решило во что бы то ни стало настаивать на амнистии, постановив не расходиться до объявления ее правительством. Ввиду этого я решил, что мое выступление при таком положении не только не могло принести пользы, но, наоборот, могло создать такую обстановку, при которой неизбежна была открытая борьба между правительством и земско-городским совещанием, чего никак нельзя было допустить по условиям переживаемого момента. Поэтому я немедленно отправился к ген. Миллеру и, вызвав его с происходившего в это время заседания правительства, изложил ему свою точку зрения, настаивая на том, чтобы правительство само отклонило как политическую амнистию, так и массовое помилование, поставив земско-городское совещание перед совершившимся фактом.

Правительство согласилось с основными положениями моего доклада и постановило ходатайство земско-городского совещания об общей политической амнистии отклонить и признать лишь возможным персональное помилование некоторых осужденных, выбор которых произвести особо назначенной для этого комиссией, под моим председательством, из представителей военного и гражданского судебных ведомств, при участии членов земско-городского совещания.

Решение это на следующий день было объявлено земско-городскому совещанию вместе с актом о роспуске его, при чем постановление последнего «не расходиться, пока не будет дана общая амнистия», представляло собой чистейший блёф, так как хотя и меньшая, но все-таки значительная часть совещания была против такого решения, и члены его мирно разъехались по домам, оставив лишь функционировать несколько образованных совещанием коммиссий.

Но если земско-городское совещание, руководимое интеллигенцией и сдерживаемое оппозицией своего правого крыла, не претворило в действие своей угрозы «не расхо-

диться» после отказа правительства в общей амнистии, то рабочие не склонны были к таким половинчатым решениям, и 1 сентября в Архангельске вспыхнула политическая забастовка. Руководителем ее оказался специально организованный стачечный комитет, в состав которого вошли председатель Совета профессиональных союзов Капустин и другие члены того же Совета.

Прокламации стачечного комитета начинались лозунгами: «Долой гражданскую войну», «Долой военно-полевые суды», «Долой смертную казнь» и содержали в себе требования политической амнистии. Так как в ночь с 30 августа на 1 сентября началось общее наступление наших войск, что было прекрасно известно членам стачечного комитета, то несомненно, что эти действия носили чисто изменнический характер, вызвав сразу же забастовку портовых рабочих, вследствие чего на фронт не могли быть отправлены баржи с артиллерийскими снарядами, нагрузка которых была прекращена принудительным снятием рабочих забастовщиками. Главнокомандующий в это время был на фронте, и я отправился к нач. штаба ген. К. для того, чтобы настоять на предании стачечного комитета и главарей забастовки за измену военно-полевому суду, с чем ген. К. вполне согласился, а прибывший вскоре ген. Миллер тоже одобрил принятие этой меры. Однако последняя не была осуществлена, и виновные были только арестованы и высланы на Печору.

Вместе с тем за подписью ген. Миллера появилось сообщение, в котором, между прочим, объявлялось, что хотя правительству было заранее известно, что именно в рабочей среде ведется злонамеренная пропаганда о необходимости сближения и соглашения с большевиками, толкающая рабочих на такие действия и выступления, которые, разрушая нарождающиеся силы области и вновь предавая ее во власть советских комиссаров, не могут быть названы иначе, как изменой делу освобождения страны, но что правительство не принимало каких-либо репрессивных мер в этом направлении, твердо веря, что здравый смысл и сознание долга подскажет каждому гражданину сознание недопустимости нарушений спокойного хода общественной жизни в настоящее время. Захватив экземпляр этого воззвания, я отправился к генералу Миллеру и доложил ему что воззвание это напоминает мне заявление Керенского, неоднократно возвещавшего в своих выступлениях о том, что хотя Временное правительство и осведомлено относительно готовящихся посягательств на его власть, но «что оно столь авторитетно, что не нуждается в защите своего авторитета». Указав, что вряд ли правительство Се-

верной области имеет основание позволить себе по условиям переживаемого момента и реального соотношения сил такую роскошь, чтобы игнорировать заранее известное ему посягательство на самое его существование, я совершенно откровенно заявил, что считаю, что в этом обращении к населению заключаются указания на попустительство высших властей к государственной измене, или на бездействие власти, уже имевшее свои важные последствия в виде политической забастовки.

К этому же моменту у меня в руках были интересные данные о вдохновителях и подстрекателях к политической амнистии, с целью выпуска на свободу своих единомышленников, а также к натиску на правительство для захвата власти. Данные эти получены были мною от начальника военно-регистрационной службы, бывшего судебного следователя Арханг. окр. суда Р., ныне уже расстрелянного большевиками, в руках которого была сосредоточена розыскная служба в пределах Северной области.

Оказалось, что в указанный период члены правительства Скоморохов (с.-р.) и Едовин (с.-р.), председатель Совета профессиональных союзов Капустин (с.-р.) и защитник Бечина Гуковский (с.-р.) имели постоянные секретные совещания с прибывшим из-за границы видным эсером, членом Учредительного Собрания и бывшим секретарем Керенского, доктором Борисом Соколовым, прибывшим в нашу область по поручению группы Керенского, Минора, Зензинова и др. для связи с местными эсерами и руководства их деятельностью. Прибытие его сразу же отразилось на местной печати, так как стоявшая до сих пор за поддержку правительства газета «Возрождение Севера» (орган социалистической мысли) взяла резко-оппозиционный тон, и в ней появился целый ряд статей доктора Соколова за подписью Бориса Чужого, в которых он резко порицал адмирала Колчака, указывая, что «теперь всякий проходимец пытается захватить власть путем обещания доставить голодному народу хлеб», и призывал демократию, в лице рабочих и крестьян, сплотиться, так как власть должна принадлежать самому народу, а не офицерам, которые «позволили себе в пьяном виде свергнуть директорию». Из того же источника мне стало известно, что в описанный момент от группы Керенского были получены директивы приступить немедленно, ввиду того, что дни советской власти сочтены, к захвату власти в царстве белых генералов, не останавливаясь перед мерами террора, так как иначе власть останется в руках буржуазии, кадет и белогвардейского офицерства. Эти сведения давали возможность разобраться во всех наших разнообразных событиях и связывали по-

следние единой целью, которую опять наметил, как и в мартовском выступлении Бечина, партийный центр, находившийся за границей. Становилась ясной и позиция социалистического блока земско-городского совещания в вопросе о политической амнистии и реконструкции власти с вдохновителем в лице «эксперта» г. Гуковского, поведение г. Скоморохова в правительстве при отклонении амнистии и забастовка рабочих, которые под влиянием использовавших нашу внутреннюю борьбу большевиков, как всегда, пошли дальше своих подстрекателей, провозгласив конец гражданской войне.

Между тем правительство, не ограничиваясь помилованием и смягчением участи только тех лиц, за которых высказалась комиссия, под влиянием сыпавшихся со всех сторон просьб осужденных и их родственников, поднятых на ноги слухами об общей амнистии, продолжало выпускать одного за другим на свободу видных советских деятелей, сводя этим на-нет всю деятельность судебных властей и создавая в населении впечатление о чрезмерной строгости и явной неправосудности их приговоров.

Не решившись отклонить совсем поступившее к нему ходатайство членов земско-городского совещания о помиловании Бечина, Наволочного, Цейтлина и Клюева, правительство постановило освободить их «в случае представления ими достаточных гарантий, что, будучи освобождены, они явятся не противниками, а пособниками в деле борьбы с большевиками», то-есть стало в плоскость заключения недопустимых и не имевших никогда места договорных соглашений между преступниками, с одной стороны, и той верховной властью, которая их милует,—с другой. Сношения с названными осужденными для получения от них заявлений «с раскаянием и обещанием не выступать более против правительства Северной области» было возложено на управляющего отд. внутр. дел Багриновского, который, по остроумному выражению прокурора Арханг. окр. суда г. Д., вошел в «оживленную переписку с клиентами последнего».

Глава X.

Объявление англичан населению об эвакуации.—Разведение ими паники в войсках и населении.—Восстание на Мудюге.—Осадное положение.

Наступили тревожные дни, полные самой лихорадочной деятельности. Английское командование открыто объявило населению и войскам о своем предстоящем уходе из области. Всюду на видных местах города появились специально

выстроенные деревянные подстановки для плакатов, ярко освещенные по ночам электричеством. На них каждый день стали появляться аншлаги английского командования самых разнообразных ярких цветов с призывами к населению спешить покинуть область вместе с союзниками. В этих объявлениях несколько раз повторялось предложение генерала Айронсайда «поторопиться с отъездом, так как последний пароход» отходит тогда-то, после чего английское командование снимает с себя всякую ответственность за безопасность оставшихся жителей, не пожелавших эвакуироваться вместе с союзниками.

Легко можно себе представить, какую панику вызывали эти объявления в обывательских кругах, в испуганном воображении которых, под влиянием этих воззваний, сразу же после ухода союзников рисовался бунт, захват области большевиками и резня ими «презренных наемников и прихвостней англо-французского капитала», о чем в своей агитационной литературе возвещали большевики, которые, конечно, использовали в своих интересах разведенную союзниками панику. Однако пароходы уходили с большим количеством пустых мест, так как воспользоваться советом эвакуироваться могли только или люди со средствами, могущие рассчитывать устроиться за границей, или те, кто имел интересы на Юге и в новообразовавшихся окраинных государствах; средний же обыватель, связанный с Архангельском своей служебной или частной деятельностью, хотя и трепетал за свою судьбу, мог только с завистью смотреть на отъезд счастливчиков. Мне пришлось присутствовать при отъезде иностранных миссий на одном пароходе, с которыми отъезжали сливки архангельского буржуазного общества, в том числе и довольно большая иностранная колония Архангельска. Провожать их явилось полгорода, при чем если у провожавших настроение было невеселое, то отъезжающие чувствовали себя тоже неважно, являя в своих собственных глазах «крыс, бегущих с тонущего корабля». Среди них было довольно много спекулянтов, связанных своей коммерческой деятельностью с союзниками и прибегнувших к их могучему авторитету для получения разрешения покинуть область, так как к этому времени была объявлена широкая мобилизация в армию и национальное ополчение. Многие возмущались их бегством, но я радовался такому «очищению атмосферы», зная, что они все равно принесли бы нам один вред, если бы мы их задержали принудительно в области. Такую точку зрения разделял и ген. Миллер.

Любопытно прошел на моих глазах и отъезд французской военной миссии во главе с полк. Д. Незадолго до

своего отъезда полк. Д. обратился к командующему морскими силами адмиралу И. с требованием предоставить ему особый пароход для увоза во Францию пустых бочек от проданного нам красного вина, так как они очень дорого стоят, и область может этим отблагодарить французов за ту помощь, которую они ей оказали. Адмирал в самой категорической форме отказал в предоставлении парохода, заявив, что вряд ли Франция больше заинтересована в пустых бочках, чем в спасении человеческих жизней своей союзницы, для чего предполагается тот скромный русский тоннаж, который остается в распоряжении адмирала на случай эвакуации женщин и детей, если таковая потребуется после ухода союзников. Получив отказ, полковник Д. зафрахтовал небольшой пароход Соловецкого монастыря «Михаил Архангел», который должен был доставить миссию с пустыми бочками до Мурмана. Расчетливые монахи, кроме пустых французских бочек, погрузили обернутую в рогожу смолу, завалив этим грузом всю верхнюю палубу, по которой сновали с иголочки одетые французские офицеры, старавшиеся не выпачкаться в смоле, и среди них полк Д., возмущенный тем, что монахи нарушили договор и нагрузили на пароход посторонний груз. Нас такой отъезд представителей «исконной союзницы России» более смешил, чем возмущал, хотя мы не могли не испытывать ослабления своих союзнических симпатий. Приятно было сознавать в эту минуту, что, несмотря на всю неясность и непрочность нашего положения и трагическое состояние нашей родины, в переживаемый момент моральный ущерб наносился не нашему национальному самолюбию.

За два дня до отъезда французской военной миссии на Мудюге произошел бунт каторжан, главная масса которых состояла из осужденных агентов советской власти. Поводом к бунту послужили слухи о том, что союзники покинули Архангельск и что там власть перешла в руки красных. Восставшие бросились на конвойных, перебили их, а затем направились к зданию, занимаемому стражей, для захвата оружия. К счастью, находившиеся там семь стражников не растерялись и открыли по нападавшим пулеметный и ружейный огонь, которым было убито и ранено несколько бунтовщиков. Такой исход столкновения со стражей видимо побудил большую часть арестантов уклониться от принятия участия в бунте, и из тюрьмы сбежало только 52 человека, которые на лодках, заранее приготовленных для них их единомышленниками из числа косивших на Мудюге сено крестьян, покинули Мудюг и высадились на материке, предварительно свалив телеграфные столбы и пере-

резав проволоку, чем и вызвали временное прекращение сношений с Мудюгом. Пришлось отправить небольшой карательный отряд с военно-полевым судом для поимки сбежавших, выяснения виновных и предания их суду для суждения по законам военного времени. Произведенным расследованием была установлена виновность 11 лиц, принимавших самое активное участие в бунте в качестве руководителей, которые были расстреляны по приговору военно-полевого суда, при чем во время расстрела они кричали: «Да здравствует советская власть!» В числе их оказалось несколько человек, о полном помиловании которых ходатайствовали члены земско-городского совещания, уверяя, что они оказались советскими деятелями по недоразумению, и ручаясь за их лойяльность. Восстание на Мудюге блестяще иллюстрировало справедливость противоположной точки зрения, и дальнейшее помилование осужденных деятелей советской власти было приостановлено специальным правительственным актом. Большинство из бежавших с Мудюга арестантов было переловлено крестьянами, доставившими их властям, и только некоторым удалось бежать к красным так называемой «каторжной тропой», проходившей в районе Пинежского фронта.

Для обеспечения порядка в городе в связи с уходом союзных войск, на основании исключительных прав, предоставленных по закону главнокомандующему, были приняты энергичные меры к очищению города от всяких подозрительных и преступных большевистских элементов путем высылки их на Иоханту, изолированный полуостров, лежащий недалеко от Мурмана. В основу оценки степени неблагонадежности подлежащих высылке лиц был положен материал, собранный отделом военно-регистрационной службы в порядке внутреннего розыска и проверенный в особой комиссии с участием представителей администрации и военно-судебного ведомства. Несомненно, что среди высланных могло очутиться несколько человек, попавших туда по недоразумению, ввиду проведения этой высылки в спешном порядке, но они были возвращены с Иоханги с первыми же пароходами; остальная же масса была вполне достойна своей участи, и относительно ее возникал только вопрос, выбросить ли ее к ее политическим друзьям за линию фронта или отправить на Иоханту. Решено было не усиливать неприятеля притоком свежих сил и отправить их на Иоханту, присоединив к ним «население» архангельской тюрьмы и только что бунтовавшего Мудюга. Все это составило довольно внушительную цифру в 1.200 человек, из которых только 400 человек были высланы в административном порядке, а остальные принадлежали к преступ-

ному элементу, осужденному по приговорам военного и гражданского судов.

Мера эта произвела сильное и отрезвляющее впечатление на население Архангельска. Всем стало ясно, что власть оставила путь слабости и колебания и твердой рукой решила подавить всякое посягательство на ее авторитет. Для усиления боеспособности архангельского гарнизона все надежное и могущее владеть оружием население Архангельска было призвано в национальное ополчение, возросшее до 2.000 человек, не считая отправленных на фронт для окарауливания штабов, дорог и конвоирования арестантов и пленных. Из находившихся на службе в штабах и учреждениях Архангельска офицеров и чиновников была сформирована особая офицерская рота, снабженная в изобилии пулеметами, к которой по тревоге должны были примыкать приезжавшие с фронта офицеры, что в общей сложности обеспечивало 400 человек надежных бойцов, живших в одном, специально особо освещаемом по ночам, районе, где было приказано поселиться всем офицерам.

Расположенные в Архангельске части из изживших большевизм красных военнопленных благодаря своим блестящим руководителям и отлично подобранному офицерскому составу не внушали никаких опасений, и тревогу возбуждали только морские силы в лице экипажа броненосца «Чесмы», где, по данным военно-регистрационной службы, красные имели прочное гнездо. Несмотря на то, что на «Чесме» было около 30 офицеров и 80 человек национального ополчения, соотношение сил было не в пользу белых, так как из матросской команды в 400 человек едва можно было насчитать 100 человек благонадежных. После переговоров с адмиралом удалось разгрузить «Чесму» от неблагонадежных элементов: 200 человек было списано и отправлено для несения гарнизонной службы в Холмогорский уезд, при чем их вооружили японскими ружьями, к которым не было патронов. Кроме того, с «Чесмы» были сняты все тяжелые снаряды. Таким образом все меры на случай восстания были приняты, и, имея ночью под рукою винтовку и патроны, можно было спокойно спать до того момента, когда троекратный гудок сирены дал бы нам знать о тревоге и необходимости спешить на сборный пункт.

Между тем английское командование не ограничилось разведением паники в тылу, а перенесло свою деятельность и на фронт, где им было предложено эвакуироваться всем бойцам, принадлежавшим к самоопределившимся нациям, а также русским добровольцам, состоявшим на службе в славяно-британских легионах. К счастью, лучшие солдаты последних под влиянием своих офицеров остались на фронте.

Затем началось снятие с фронта английских частей, сопровождаемое порчей и уничтожением излишнего военного имущества. На глазах наших солдат на фронте и населения в тылу началась порча и сожжение аэропланов, утопление в реке имущества, снарядов, патронов, муки и консервов. В Селецком районе французский легион был снят с фронта английским командованием во время боя, и была прервана связь наших войск со штабом снятием технических средств связи. В Архангельске публика сделалась свидетельницей утопления в Северн. Двине пускаемых для этого в ход пустых автомобилей и громадного количества патронов. В защиту такого поведения английского командования приводилось указание, что всем необходимым мы были снабжены и что уничтожалось лишнее имущество, чтобы оно не попало в руки большевиков, так как англичане не верили в то, что мы удержимся без них на Севере. Если самую причину ликвидации имущества можно было с известной натяжкой признать основательной, то как и чем можно было оправдать самый способ такой ликвидации? Почему она производилась не скрытно по ночам, а открыто на глазах населения и наших войск? Неужели авторы таких мер не учитывали того деморализующего влияния, которое они оказывали на наши войска? Неужели верно, что это проделывалось умышленно с целью сорвать наш фронт для доказательства правильности их соображений о необходимости нашей эвакуации, или это была «провокация» с добрыми побуждениями, с целью вызвать восстание и побудить нас эвакуироваться вместе?

Каких последствий можно было ожидать от всего этого хаоса, созданного уходом союзников, политиканством земско-городского совещания, и обывательской тревоги при бешеной агитации большевиков, старавшихся использовать благоприятный момент? Восстания? Развала фронта? Ближайшая действительность подарила нас победой, которая дала нам 8.000 пленных при двадцатитысячном составе нашей армии. Войска всех районов конкурировали друг с другом в своей доблести и наступательном порыве, а Онежский район, в котором англичане проявили перед своим уходом такое бессилие, располагая крупными морскими и сухопутными силами, был очищен «волчьей сотней» в 160 человек, в которую вошли 60 офицеров и 100 солдат добровольцев. Справедливость требует отметить, что на-ряду с нашими войсками на Железнодорожном фронте дрались 80 человек австралийцев, принявших добровольно по своему собственному почину участие в нашем наступлении. Воспитанные на охоте на диких зверей, смелые, стремительные, великолепно владеющие оружием, они бросались в

атаку, имея обыкновенно ножи в зубах, чтобы в нужную минуту пустить в ход это излюбленное их оружие, наводя на большевиков панику своим видом ковбоев, на которых они были похожи своими круглыми широкополыми шляпами. Командующий ими майор был тяжело ранен в обе ноги, и ему грозила ампутация. За свою доблесть он был награжден георгиевским оружием.

Наши неожиданные успехи еще раз подтвердили правильность того положения, что мы являемся страной «неограниченных возможностей», но несомненно, что некоторые причины наступательного порыва и успеха наших войск понятны и могли быть заранее учтены: 1) противник в то время терпел поражение на всех фронтах; нашего наступления он никак не ожидал, и оно его застало врасплох и 2) крестьяне наши только что собрали урожай, который они не склонны были отдать беспощадно реквизирующему все неприятелю. В числе непредвиденных причин подъема настроения и наступательной энергии войск необходимо отметить довольно интересный взгляд на уход союзников солдатской среды, известный мне со слов многих строевых офицеров: «Для англичан мы не желали захватывать землю, а для себя будем». Очевидно, господство и бесцеремонное хозяйничание у нас английского командования создало у них на фоне агитации большевиков «о хищничестве и эксплоатации русского народа англо-французским капиталом» представление о том, что союзники, а особенно англичане, оказывая нам помощь, преследуют свои корыстные интересы.

Уход англичан производился постепенно, и окончательная эвакуация Архангельска предполагалась в средних числах октября, но в ночь с 26 на 27 сентября они незаметно исчезли.

Порядок в городе царил образцовый, и он весь представлялся мне в каком-то совершенно новом освещении. Когда я через некоторое время, отпустив автомобиль, шел уже пешком и подошедший ко мне веселый и сияющий офицер штаба адмирала Колчака штабс-кап. Б. радостно заявил: «Поздравляю вас, мы опять в России, как вам нравится русский город Архангельск?», для меня ясно стало, почему этот город, к которому я уже успел привязаться, кажется мне сегодня особенно милым и дорогим.

На углах публика читала только что вывешенные приказы главнокомандующего об осадном положении, по-своему объясняя друг другу, в чем оно состоит. Видно было, что объявление его произвело надлежащее впечатление, указывая на то, что власть сильна и стоит на страже порядка.

Через две недели главнокомандующий отменил осадное

положение, поблагодарив население в особом обращении за тот порядок и дисциплину, которые оно обнаружило в этот критический момент существования области.

Глава XI.

Внутренняя политика.—Городская дума.—Аграрный вопрос.

Северная область включала в себя неполную Архангельскую губернию, между тем в этих скромных пределах приходилось считаться с нагромождением властей, имевших прямое отношение к внутренней политике, в лице Временного правительства, управляющего отделом внутренних дел, генерал-губернатора и начальника губернии. Если наличие Временного правительства оправдывалось самым процессом восстановления в этой части России государственной власти после изгнания из нее большевиков, а пост начальника губернии, соединенный с управляющим отделом внутренних дел, был также необходим, то несомненно, что генерал-губернаторство было совершенно излишним учреждением и со вступлением ген. Миллера в должность главнокомандующего оно было упразднено. Однако, так как главнокомандующему принадлежали крупные права в области гражданского управления в смысле охранения государственной и общественной безопасности, то гражданская канцелярия ген.-губернатора не была упразднена, а получила наименование гражданской канцелярии главнокомандующего.

Такое нагромождение властей вряд ли способствовало успеху дела, создавая взаимные трения и волокиту, но в этой главе я хочу коснуться не административной техники управления, а общего направления политического курса, так как только это и может составить интерес для широкой публики.

Прежде всего, конечно, придется остановиться на деятельности в этой области Временного правительства. Я ограничусь лишь сообщением кратких сведений о внутренней политической группировке его членов при рассмотрении вопросов принципиального характера.

До земско-городского совещания при разногласиях намечались всегда три течения. Левое было представлено управляющими отделами внутр. дел Игнатьевым и народн. просв. Федоровым (народные социалисты), правое—управляющими отделами торг. и промышленности Мефодиевым (к.-д.) и юстиции Городецким, а центр—Зубовым (Союз возрожд. России) и ген. Миллером. Решающая роль, несомненно, принадлежала центру, в который входил председа-

тель правительства, а также главнокомандующий, имевший исключительное влияние на весь курс правительственной деятельности, тем более, что вместе с главнокомандующим голосовал обыкновенно и входивший в состав правительства ген. М—ский.

После реконструкции власти правое крыло, в лице Городецкого и Мефодиева, отпало, и одно время левое крыло оказывало сильное влияние на правительственный курс благодаря наличию Скоморохова (с.-р.), который, как мы увидим ниже, отличался незаурядным природным умом и энергией. Его партийный товарищ Едовин слепо следовал за ним, плохо разбираясь при этом в государственных делах. Однако при этом составе правительства умеренное течение в лице центра имело несомненный перевес, так как центр, в лице Зубова и ген. Миллера, усилился Багриновским и Цапенко, да и Федоров был далек от поддержки во всех случаях Скоморохова и Едовина. Последние, чувствуя после отклонения амнистии и принятия энергичных мер к сохранению порядка в связи с уходом союзников игру свою проигранной, выбыли из состава правительства, если не ошибаюсь, в конце октября, или, как они выражались в своем заявлении по этому поводу, «сложили свои полномочия», считая, что это должно было вызвать уход и других членов, так как все правительство было призвано к власти земско-городским совещанием. Однако правительство не разделило такой точки зрения, считая себя одним из органов всероссийской власти, ввиду сохранения преемственности с таковой в лице своего председателя Н. В. Чайковского, а потому полномочия свои не сложило, а Скоморохова и Едовина освободило от дальнейшего участия в составе правительства.

Мотивируя свой уход, Скоморохов заявил, что он считает новый состав правительства более контр-революционным, чем до реконструкции власти, но никаких данных в обоснование такого своего взгляда не привел, а лишь сослался на отклонение амнистии. Однако этот вопрос потерял к этому времени всякую свою остроту, ибо, за исключением нескольких человек, все осужденные за «большевизм» советские деятели были выпущены правительством в порядке персонального помилования, а в заключении оставались только Бечин, Цейтлин и Клюев, не пожелавшие подать требуемое от них правительством заявление о том, что они «обязуются больше не выступать против правительства Северной области и раскаиваются в учиненных ими преступных деяниях».

Непосредственное руководство внутренней политической деятельностью лежало на управляющем отделом внутренних дел, в руках которого находился весь административный

аппарат, так как этот пост был совмещен с должностью начальника губернии. На этом посту я застал В. И. Игнатьева, при чем еще до своего личного знакомства с ним мне пришлось со всех сторон слышать, что он претендовал на руководящую роль в правительстве и что претензии его в этом отношении иногда увенчивались успехом. Не было другого такого лица в Архангельске, которое сумело бы всех так объединить в чувстве недоброжелательства к себе, как В. И. Игнатьев. Своей заносчивостью и олимпийским величием, столь негармонировавшими с его прошлым—политического ссыльного в административном порядке и настоящим—демократического деятеля, вышедшего из рядов народно-социалистической партии,—он отталкивал от себя не только рабочих, но и гораздо более умеренные демократические элементы в лице представителей земств и кооперации; те же качества выводили из себя его политических противников справа, считавших его выскочкой, претендующим играть роль прежнего губернатора. К сожалению, он сам подавал повод к подобным обвинениям не только своей манерой держаться, но и некоторыми своими поступками, как, например, арестованием зазевавшегося и не отдавшего ему чести милиционера, о чем им был отдан официальный приказ, окончательно подорвавший его престиж в демократических кругах. Мне скажут, что это мелочь, но она характерна, а самое печальное это то, что в его деятельности не было ничего крупного, что было бы достойно отметить на страницах моих воспоминаний. Ни одного серьезного труда в разнообразных отраслях вверенного ему управления и лишь пышная, но дешевая революционная фразеология в выступлениях, столь не вяжущаяся при этом с натянутым и напыщенным видом снобирующего бюрократа, и газетные фельетоны вместо законопроектов. Появление его у власти было положительно загадкой.

В. И. Игнатьева заместил городской голова архангельской Городской думы И. В. Багриновский, на которого, в связи с его энергичной деятельностью в области городского самоуправления, возлагались большие надежды. Мне самому приходилось быть свидетелем его общественных выступлений, которые рисовали его человеком искренним, разумно, толково разбирающимся в окружающей сложной обстановке. Такое же впечатление было и от его первых шагов в качестве руководителя внутренней политики, совпавших с тревожными днями созыва земско-городского совещания и уходом союзников, когда он твердо и уверенно поддерживал в правительстве и проводил в жизнь мероприятия, которые дали нам возможность выйти с честью из

павшего тогда на нас тяжкого испытания. Но те, кто его хорошо знал, предсказывали, что его не надолго хватит для планомерной и систематической работы, так как основными чертами его характера являлись порыв и настроение. К сожалению, эти предсказания оправдались, и он, несмотря на вступление наше в полосу критических событий, отдался своим личным делам, которые, конечно, не являются темой для нашего исследования.

Выдвинувшая его городская дума, как мы уже видели по делу ее оправданного секретаря Антушевича, склонна была принимать самое активное участие в политической жизни края не только тогда, когда члены ее привлекались к этому в порядке созыва земско-городского совещания, но и тогда, когда на повестках ее стояли более скромные вопросы городского хозяйства. Поэтому заседания Думы временами не носили твердого, делового характера, и каждый поставленный на повестку вопрос вызывал схватку правого и социалистического блоков. После ухода из Думы Н. В. Багриновского на выборах его заместителя победил правый блок, и пост городского головы занял крупный местный торговец г. Александров. Это вызвало не только длительное противодействие со стороны социалистического блока, но и оппозицию служащих городской управы, большая часть которых принадлежала к демократическим элементам. Однако в своих политических выступлениях городская дума, как в период земско-городского совещания, так и в последний критический момент существования области была носительницей умеренных течений политической мысли и до конца оказывала поддержку правительству и высшему военному командованию.

Земство было в руках эсеров всех трех групп (левых, правых и центра) со Скомороховым в качестве председателя губернской земской управы во главе. Правое, оборонческое крыло его было незначительно, имея своим лидером редактора «Возрождения Севера» А. Иванова. Душой, вдохновителем, вернее, полновластным руководителем земства был Скоморохов, авторитету которого беспрекословно подчинялись представители левых эсеров и центра. Отличительными чертами этой незаурядной фигуры являлись природный ум и сильная воля. Доктор Борис Соколов отзывался о нем, как о надежнейшем и преданнейшем члене эсеровской партии, но если верить в искренность оборончества самого доктора Соколова, то он в Скоморохове ошибся, считая его принадлежавшим к правому эсеровскому крылу. Как большинство самоучек, Скоморохов был самоуверен, а усвоенные им социальные доктрины носили для него непреложное значение символа веры. Все это, вместе с конденсированной

классовой злобой, придавало его энергии сатанинский характер, когда он начинал кампанию против своих врагов, при чем нелегальная деятельность в период царского режима выработала в нем искусные навыки к подпольной работе. После ухода из правительства он организовал очередной натиск на последнее и в критический момент нанес удар, который оказался роковым не только для правительства, но и для самого существования области.

С деятельностью земства в земельном вопросе мы познакомимся в отдельной главе, а пока отметим некоторые характерные черты его хозяйственной деятельности.

Архангельское земство насчитывало только несколько лет своего существования, оно не имело ни опыта, ни традиций, ни средств, которыми располагали старые земства соседних Вологодской и Вятской губерний. Существуя на правительственные средства, земство настолько неудовлетворительно вело свое хозяйство, что возникал даже вопрос о правительственной ревизии. На-ряду с неумением и бестолковостью были допущены и прямые злоупотребления, что можно было усмотреть из расследования, произведенного по поводу поставки земством недоброкачественной рыбы военному ведомству. Расследование это как раз совпало с последним натиском земского собрания на правительство, и материал его послужил прекрасным оружием в руках главнокомандующего для охлаждения пылких демагогов, подвергших беспощадной критике правительственную политику. Очень жалко, что последовавшее через две недели после этого падение области помешало привлечь к законной ответственности тех господ из земской среды, которые проливали крокодиловы слезы о «несчастных солдатах, понуждаемых офицерами к бессмысленной братоубийственной бойне», и одновременно поставляли недоброкачественную рыбу, употребление которой могло вывести из строя не один десяток человек.

Отсутствие разумной и добросовестной хозяйственной деятельности земство компенсировало политическими выступлениями с обвинением Временного правительства в контрреволюционности и посягательстве на народные права, не имея при этом никаких конкретных данных для фактического обоснования своих обвинений. Если в чем и можно было обвинить правительство, так это в том, что оно слишком щепетильно относилось к охранению принципов земского самоуправления и на беспочвенные нападки не ответило ревизией земских учреждений и передачей виновных прокурорскому надзору. Правительство содержало на казенные средства не только законную оппозицию, но, как мы увидим ниже, и прямых предателей, с которыми можно

и должно было разговаривать только в порядке военно-полевого суда.

Принимая участие в земско-городском совещании, земство усиливало в нем левое крыло, давая явный перевес социалистическим элементам, что обеспечивало Скоморохову председательское место и исключительное влияние на работу земско-городского совещания. С деятельностью последнего мы уже ознакомились при рассмотрении вопроса о политической амнистии, ничем более реальным эта работа не выразилась, что удостоверено было даже самим земско-городским совещанием в проекте его конституции.

Аграрный вопрос не носил в Северной области характера остроты, так как помещичьих земель там не было, и лишь монастыри были крупными земельными собственниками. Распоряжением Временного правительства Северной области церковные и монастырские земли были конфискованы и обращены в национальный фонд. Кроме постановления о монастырских землях, были опубликованы еще два закона: о расчистках и оброчных статьях. Расчистками назывались участки земли, предоставляемые издавна на Севере на льготных основаниях тем, кто брался их расчищать для заведения на них крестьянского хозяйства. Постановлением Временного правительства в отношении оброчных статей и расчисток устанавливался максимум владений на одного домохозяина в 11 десятин. Лишь в пределах этого максимума владельцу земли предоставлялась возможность спокойно пользоваться его участком, если последний эксплоатировался в сельско-хозяйственных целях, так как, согласно общего характера всех вышеназванных трех земельных законов, земля каждой волости находилась в полном распоряжении волостного земства, которое имело право поступать с нею по своему усмотрению. Так как в каждой волости были свои порядки и воззрения, а между волостями не было определенных границ, то законы, базируясь на усмотрении волостного земства, устанавливали полный хаос в области земельных отношений, создавая массовые споры между волостями о компетенции той или иной волости решать спорное дело. При споре крестьян разных волостей между собой выигрывал тяжбу обыкновенно тот, волость которого принимала участие в разрешении спора. При столкновении интересов отдельного владельца с волостью, которая по закону была не только судьей, но и хозяином земель, поступивших в волостной фонд, конечно, процесс всегда выигрывала волость, которая была заинтересована в том, чтобы отобрать лишний кусок земли и хозяйничать над ним. Путаницу усугубляло еще и то обстоятельство, что

с формальной стороны постановления волостной земской управы подлежали обжалованию административного суда, а по существу—волостного земского собрания, которое было в этом отношении последней и окончательной инстанцией, что тоже часто вызывало острые конфликты между судебными учреждениями и земством.

В законе о расчистках ясно была видна тенденция сохранить землю за захватчиками ее в порядке развития революционного процесса, а не за теми, кто действительно в свое время потратил колоссальный труд на ее расчистку. Постоянные недоразумения порождались также между новыми владельцами монастырской земли и бывшими арендаторами ее у монастырей.

Без всяких пояснений понятно, влияние каких партийных течений отразилось на всех этих земельных законах, красной нитью через которые проходит искоренение в области землевладения собственнического начала.

Законы эти прошли во Временном правительстве под сильным личным давлением Чайковского, за несколько дней до его отъезда за границу.

Однако и в этом своем виде они не удовлетворяли губернское земство во главе со Скомороховым, которое особенно настойчиво, сначала в виде ходатайств, а потом и прямых требований, настаивало перед правительством на отмене ограничения, установленного в отношении спокойного пользования владельцем землей в пределах законного максимума в одиннадцать десятин, и на предоставлении волостным земствам права отбирать земельные участки у владельцев, не считаясь ни с нормой, ни с характером владения. Так как ограничение это продолжало сохранять свою силу, то земство попыталось отменить его своей инструкцией, которую оно должно было составить в силу закона. Инструкция эта подверглась критике консультации при управляющем отделом юстиции, после чего земство пошло уже походом на Временное правительство, которое, однако, тянуло с разрешением этого вопроса и своего решительного слова по нему не сказало.

Между прочим, в нашу крестьянскую среду проникли сведения о том, что в Сибири к разрешению аграрного вопроса подошли более осторожно, с бережным отношением к принципу частной земельной собственности, что имело у нас своим последствием столкновение в крестьянской среде, часть которой приветствовала сибирские законы и указывала на необходимость применения их у нас, а часть резко протестовала против них, при чем не обошлось даже без эксцессов.

Глава XII.

Финансы, торговля и промышленность.

Северная область, как это уже было отмечено в одной из предыдущих глав, вмещалась в пределы прежней Архангельской губернии, которая хотя и обладала значительными природными богатствами в виде леса, рыбы и пушнины, но зато не имела в достаточном количестве своего хлеба, принадлежа в этом отношении к числу не производительных, а потребительных губерний. Конечно, разумное использование лесных богатств и рыбных промыслов давало бы возможность области свести концы с концами в порядке обмена этих ценностей на хлеб, но нельзя забывать, что мы находились в состоянии войны, для которой, как известно, нужны три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги. Вполне понятно, что область не в состоянии была на свои скромные средства вести вооруженную борьбу, которая, конечно, требовала колоссальных затрат. Ясно, что в этом отношении нельзя было обойтись без посторонней помощи, которую, несомненно, не в силах было оказать омское правительство, а поэтому она всецело пала на союзников, вернее, на англичан. Мне не известен точно порядок расчета с ними за предоставленное ими в большом количестве вооружение, снаряжение, обмундирование и продовольствие для армий, очевидно, тут сыграли некоторую роль довольно крупные средства, имевшиеся за границей у наших дипломатических представителей для расчета за военные заказы в связи с национальной войной, но помощь была оказана не только в военной, но и в чисто финансовой области, путем выпуска северных кредиток, обеспеченных Английским банком.

Когда я приехал в область, я застал в обращении самые разнообразные денежные знаки. Наибольшею ценностью обладали северные деньги, выпущенные англичанами и получаемые из Англии, где они печатались. Они считались по официальному курсу вдвое дороже всех других знаков, а так как фунт стерлингов расценивался в сорок рублей северных, то и курс обыкновенного рубля стоял на Севере довольно высоко. Этого курса правительство придерживалось и в дальнейшем, уже после изъятия из обращения северных денег, что, конечно, не соответствовало действительному положению вещей, ибо стоимость нашего рубля все падала.

Вскоре после моего прибытия правительство отдало распоряжение о перфорации (штемпелевании) царских, дум-

ских и керенок, объявив известный срок, в течение которого они должны были быть представлены для перфорации, после истечения которого непроштемпелеванные денежные знаки перечисленных категорий подлежали изъятию из обращения. Насколько мне удалось выяснить, мера эта была принята под влиянием полученных из Омска распоряжений, где были проведены еще более энергичные мероприятия к аннулированию керенок, что вызвало страшное неудовольствие сибирского крестьянства и, как потом это оповещалось большевиками, послужило одним из поводов падения адмирала Колчака. У нас штемпелевание имело главной целью прекратить наплыв этих денег из-за границы и Совдепии, а также установить количество обращаемых в области денежных знаков, для выяснения нужды в таковых населения области и в связи с эмиссионным правом областного банка.

Я уже указывал выше, описывая восстание на Пинеге, какое неудовольствие вызывала эта мера в крестьянском населении и как ее в своих интересах использовали большевики. Нетрудно понять причины этого неудовольствия, особенно в прифронтовой полосе, где население переходило то к красным, то к белым, и где оно, следовательно, нуждалось в денежных знаках, имевших значение для обеих сторон, а ему как раз «портили» самые ценные с его точки зрения деньги. Но и в Архангельске эту меру встретили с большим возмущением, тем более, что выполнение штемпелевки было поставлено безобразно, так как она проводилась в кратчайший срок и вызывала скопление публики, которая, простаивая часами в хвостах, подвергала принятую правительством меру самой озлобленной критике. Правда, вскоре обыватель нашел довольно простой выход из положения. Так как способ штемпелевки был очень простой и состоял в пробитии маленьких отверстий с изображением очередного номера штемпеля, то приступили к перфорации домашним способом при посредстве шпилек и булавок, при чем «перфорированные» таким образом деньги, даже при самой грубой подделке, имели свободное обращение. Однако большинство населения совершенно уклонилось от штемпелевания, особенно крупных кредитных билетов, так как нештемпелеванные стали приниматься охотнее и даже их расценивали дороже в сравнении со штемпелеванными равного с ним достоинства. Чтобы покончить с неудачными мероприятиями правительства в этой области, необходимо еще отметить то неудовольствие, которое вызывало в населении отсутствие мелких денежных знаков, из-за чего происходили постоянные пререкания в трамваях и магазинах, которые, чтобы исправить это неудобство, завели особы

чековые книжки. С вопросом этим так тянули, что машины для напечатания этих денежных знаков прибыли из-за границы незадолго до падения области.

Согласно имевшимся в моих руках сведениям, полученным из торгово-промышленных кругов, торговля при союзниках находилась почти вся в их руках, так как они были распорядителями морского транспорта, и лишь 16% вывозимого груза приходилось на нашу долю. Под прикрытием военного мундира в Архангельске появились многочисленные представители английского торгового мира, вроде селедочного короля П—ра, снабдившего нас, между прочим, весьма недоброкачественными норвежскими сельдями старого засола.

Для урегулирования валютного вопроса правительство потребовало от экспортеров выдачи подписок о сдаче областному банку вырученной от продажи леса и других товаров валюты, без чего не выдавало разрешительных свидетельств на вывоз. Союзники с своей стороны не склонны были считаться с этими правилами и разрешали вывоз товаров по выдаваемым ими так называемым компенсационным свидетельствам, обеспечивавшим экспортерам оставление в их руках денег, вырученных от продажи товаров за границу.

Так работали в этой области англичане, но от них не отставали и французы, которые подошли к этому вопросу немного иначе. В Архангельске появился громадный французский пароход «Тор», нагруженный исключительно предметами роскоши: вином, парфюмерией, сладостями и принадлежностями дамского туалета, при чем все эти товары продавались только на северные деньги. Таким образом выкачивание валюты пошло путем импорта, при чем когда была сделана попытка запротестовать, то ловкие друзья сослались на Н. В. Чайковского, которого им действительно удалось убедить в Париже оказать содействие к проведению этой гибельной для нашего финансового благополучия операции. Но мало этого, у валюты появился еще более грозный «внутренний» враг в лице управляющего областным банком г. Б. Последний располагал правом, при расплатах с частными банками и фирмами, часть суммы выдавать северными, а часть другими денежными знаками. Он использовал это свое право в интересах одного банка, с которым был связан близкими отношениями, путем расплаты с последним северными деньгами, при чем таковая производилась обыкновенно накануне поднятия курса этих денег, так что мало того, что тратилась валюта, но правительство еще теряло и на курсе.

Все указанные выше промахи и недочеты объяснялись

в значительной степени тем, что финансы находились в руках слишком доверчивого и мало компетентного в этом вопросе П. Ю. Зубова, а торговля и промышленность были вверены доктору Мефодиеву, который по своей медицинской специальности вряд ли был на высоте понимания врученного его руководству дела.

С созывом земско-городского совещания и образованием нового состава правительства, Мефодиев и г. Б. покинули свои посты. Управляющим областным банком был назначен г. Р., а соединенные в один отдел финансы, торговля и промышленность были вручены инженеру К., одному из директоров Коломенских заводов.

Первые шаги его деятельности были ознаменованы крайне резким выступлением в отношении представителей торгово-промышленного класса, которых он вызвал к себе для переговоров в связи с испытываемыми областью финансовыми затруднениями, потребовав от них выполнения принятых ими на себя обязательств по сдаче валюты. Предполагаю, что это послужило одним из главных поводов для открытия против него кампании, которая приняла в конце концов ожесточенный характер. Переговоры во всяком случае не привели ни к каким реальным результатам, а между тем область испытывала в означенный период крайнюю нужду в платежных средствах за границей.

Ввиду этого я был вызван к главнокомандующему, где на совместном совещании с инженером К. было решено принять исключительные меры для побуждения внесения валюты теми лицами, которые нарушили свой долг и не выполнили принятых перед правительством обязательств. В результате этого был издан 29 октября приказ главнокомандующего следующего содержания:

«Для борьбы с врагом армия и флот нуждаются в хлебе, фураже и угле, которые можно приобрести главным образом за границей за счет иностранной валюты. Без этой валюты Северная область лишена возможности удовлетворять эти жизненные потребности своих вооруженных сил, а потому получение ее правительством составляет насущную и неотложную потребность для облегчения возможности продолжения вооруженной борьбы. В целях успеха ведения войны считаю необходимым в порядке исключительных прав, предоставленных мне, как главнокомандующему, принять нижеследующие меры:

1) Лица, обязавшиеся подпиской о сдаче иностранной валюты Северному областному банку по вывозным разрешениям и не сдавшие таковой по требованию отдела финансов в назначенный этим отделом срок, подвергаются: лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы

сроком от 4 до 6 лет и, сверх того, отобранию всего принадлежащего имущества в казну.

Основание: ст. 12 Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении.

2) На основании второго пункта ст. 19 тех же Правил дела об упомянутых выше преступлениях изъемлю из общей гражданской подсудности с передачей их на рассмотрение военного суда».

Приказ этот имел самые благоприятные материальные результаты, ибо, как и следовало ожидать, все прикосновенные к нему лица, находившиеся в Архангельске, решили, что с военным командованием шутки плохи, и немедленно внесли в распоряжение областного банка ту валюту, которую они, в нарушение выданных ими обязательств, не представляли до сих пор.

Отношения г. К. с торгово-промышленными кругами обострялись все больше и больше и наконец дошли до своего кульминационного пункта после того, как последним стала известна составленная управляющим областным банком г. Р. записка об организации импорта и экспорта. Записка эта действительно носила чрезвычайно поверхностный характер, создавая какой-то непонятный орган из представителей отдела финансов, торгово-промышленного класса и общественности, который должен был взять в свои руки всю заграничную торговлю. Но кроме того, эта записка была совершенно недопустима по своему тону, своими резкими выпадами против торгово-промышленного класса, которому во всероссийском масштабе приписывались все наши бедствия, будто бы имевшие своим источником его корыстолюбие и нежелание поступиться своими интересами для общего блага. Не говоря уже о том, что такое огульное и необоснованное обвинение одного класса представлялось совершенно несправедливым, так как вина за нашу разруху несомненно была общая, это обвинение было особенно неосторожно, так как исходило от одного из ответственных деятелей финансовой политики правительства, обязанного к особой сдержанности по своему служебному положению.

Нельзя было не согласиться с представителями торговли и промышленности, что проект этот носил на себе отпечаток большевизма, ничем не отличаясь от большевистского декрета о национализации внешней торговли, и название «совнархоз», метко брошенное кем-то, более всего подходило к проектированному органу. Недаром проект этот имел такой успех среди наших крайних левых элементов, что, как оказывается, имел в виду и сам автор его, уже крепко к этому времени связавший с ними свою судьбу через Арбюр.

Торгово-промышленные круги выступили в ответ на проект г. Р. с подробной критикой, изложенной в представленной главнокомандующему и правительству особой записке, любезно врученной мне одним из представителей торгово-промышленного класса. Записка эта указывала на все отмеченные мною выше промахи, допущенные самим правительством при разрешении валютного вопроса, и, с приложением диаграмм и цифровых данных, доказывала, что при установленном низком курсе на контр-валюту никакая торговая деятельность невозможна, так как никто себе в убыток торговать не станет. Поэтому правительству предлагалось установить более нормальный и соответствующий рыночным ценам курс на валюту и не требовать по окончании торговой операции сдачи вырученной суммы целиком, оставляя часть ее владельцу в качестве фонда для последующих операций и для поощрения его для дальнейших предприятий.

Одновременно правительство подвергалось отповеди и со стороны кооперативных организаций в лице представителя Центросоюза г. С., поводом к чему послужило резкое выступление управляющего отделом финансов, торговли и промышленности г. К. на совещании из представителей правительства, торгово-промышленного класса и кооперации, на котором он позволил себе упрекнуть публично местную кооперацию в своекорыстной деятельности и в получении за свое посредничество ростовщических процентов. Представитель Центросоюза представил главнокомандующему особую докладную записку, в которой просил указать ему порядок привлечения за клевету члена Временного правительства г. К., а затем подробно обрисовал всю деятельность кооперативных организаций на севере, направленную, согласно записке, на снабжение области дешевыми продуктами и предметами первой необходимости.

Я не берусь быть судьей того, кто был прав в возникшем тогда столкновении между представителями правительства, с одной стороны, и торгово-промышленными кругами и кооперативами—с другой. Из бесед с председателем правительства П. Ю. Зубовым я вынес впечатление, что правительство в вопросах финансовой и торговой политики держится взглядов, которые положены сейчас в основу деятельности правящих кругов почти всех стран, испытавших на себе последствия мировой войны, и которые сводятся к урегулированию ввоза, с устранением из него так называемых предметов роскоши, и к всемерному поощрению производства и вывоза, но с сосредоточением в руках правительства экспортной валюты для поддержания падающего курса денег и уменьшения или хотя бы задержания вздорожания предметов первой необходимости.

Цены на последние, которые мне удалось сохранить в своей памяти, могут отчасти служить иллюстрацией того, что правительство в значительной степени достигло указанной цели. Население получало ежедневно по фунту белого хлеба, стоившего 55 коп. фунт. Рыба в изобилии предлагалась на рынке и в кооперативах от 2 р. 50 к. (треска) до 4 рублей (камбала, навага и др.) за фунт. Мясо было труднее достать, но и оно стоило всего от 8 до 9 р. фунт. Дороже было масло—40 р. фунт и молоко—10—12 р. бутылка. Конечно, я беру архангельские цены самого последнего времени, которые были много выше, чем в других местах, так как, например, в Селецком районе бутылка молока стоила от 80 коп. до 1 рубля. В офицерском собрании обед до последнего времени стоил 6 рублей, трамвай, в зависимости от перегона,—от 1 до 3 рублей, газета—1 рубль за номер.

Падение Северной области [1]).

История Северной области может быть разделена на три довольно отчетливых заметных периода.

Первый — весьма короткий, со дня падения большевиков, 2 августа 1918 г., и до 6 сентября того же года, период, связанный с верховным управлением.

Второй период — постепенная кристаллизация военной диктатуры, которой противостояла отчасти власть союзников. Когда уход последних был в принципе решен, июнь—июль 1919 года, и они от какого-либо вмешательства в жизнь страны устранились, тогда полностью вступила в свои права военная власть. Фактически этим временем (июнь—июль) и заканчивается второй период жизни Северной области.

Наконец, третий период, военная диктатура генерала Миллера, блестяще начатая победами на всех фронтах, раздвинувшая границы северного государства и окончившаяся спешной эвакуацией штаба и генералитета на ледоколе «Минине», что и имело место 19 февраля 1920 года.

О первом периоде, интересном и своеобразном, было говорено не раз в печати, и он, повидимому, освещен достаточно, хотя многое происшедшее в этот период и вызывает удивление и недоумение.

Второй период бесцветен и монотонен.

Русских войск было очень мало. Организованы они были плохо, быть может, благодаря нераспорядительности генерала Марушевского, тогдашнего командующего войсками области.

Союзное командование — по преимуществу английское,— боясь неожиданностей и возможностей российских, терялось от бесконечности северных лесов и пространств. Оно предпочитало держаться оборонительной военной тактики, отказывалось от наступлений, снисходительно смотрело на коммерческие и прочие манипуляции своих подчиненных— по скупке мехов, имело какое-то отношение к лесным операциям и, наконец, сочувствовало спорту и веселью, царившему «в» и «около» союзнических отрядов.

[1]) „Архив Русской Революции", т. IX. Берлин, 1923 г.

Население местами относилось одобрительно к союзникам, получало от последних «виски» и паек английского образца, весьма обильный, и устраивало вечеринки.

Местами же,—это бывало в деревенских захолустьях, где союзники распоясывались,—население было резко враждебно им и доходило даже до восстаний и убийств иностранных солдат.

Свидетелем третьего периода в истории Сев. области мне и пришлось быть, ибо я приехал в Архангельск на «Кальяне» в июле 1919 года.

Этот период глубоко интересен.

Конечно, в нем нет размаха событий, которые были на юге России или в Сибири. Конечно, Северная область, большая по своим размерам, была мала количеством населения, и тем не менее, события, в ней развернувшиеся, заслуживают войти в историю российской гражданской войны и занять в ней не последнее место по драматизму и по внутреннему противоречию событий, имевших в ней место.

I. Союзники.

«Кальяна», английское госпитальное судно, на котором выехал я из Англии, прибыло в Архангельск в двадцатых числах июля 1919 года.

На этом пароходе, помимо меня, ехало несколько сот русских офицеров, в большинстве—бывшие пленные в Германии и интернированные, после падения Украины, добровольцы. Ехал также отряд русского Красного креста во главе с уполномоченным И. И. Фидлером.

Английский майор, возвращавшийся обратно в Северную область, словоохотливо и, повидимому, искренно ввел меня и в английские настроения и в английские мнения. Все, что он говорил, вполне отвечало тому, что мне впоследствии говорили другие англичане и что, в краткой форме, повторил английский генерал Айронсайд.

— Мы не понимаем русских. Скоро год, как мы на севере России. Почему мы пришли? Нас позвали. Мы хотели помочь вашей борьбе против большевиков... И, однако, что же мы видим? Русские не хотят сражаться. Всюду на позициях стоим мы, а те, что есть, бунтуются, организовывают восстания, и мы же должны эти восстания подавлять. Это бесполезная затея, которая дорого стоит королевскому правительству. Я ездил в Лондон с подробным докладом, и решен окончательно и бесповоротно увод наших войск из России. К тому же этого требют наши рабочие.

— А если союзники уйдут, что будет с Северной областью, справится ли она с большевиками?

— Конечно, нет. Об этом нечего и думать. В тот же день, когда мы уйдем, придут большевики. Готов держать пари.

— Но если так, к чему же везут этих русских офицеров? На растерзание большевикам?

Майор пожал плечами.

— Это не наше дело. Наш штаб возражал. Считал это бесполезным. Но русское командование настаивало. Мы обмундировали их и везем. Дальше не наша забота. Вообще... я многого не понимаю.

Архангельск, залитый солнцем, со своими деревянными тротуарами и широкими, наполовину не замощенными улицами, с низкими домами, показался мне русской деревней. Особенно силен был контраст с оставленными позади Лондоном и Парижем.

Впечатление первое—всюду иностранцы. Больше всего английских солдат...

Все лучшие дома заняты под их штабы, правления и лавки.

Всюду английские флаги и английская речь.

А российские обыватели, архангельские мещане и мещанки—во множестве заполняют в вечерние часы городской сад. Играет скверный военный оркестр. Семячки. Скучные, обыкновенные, провинциальные разговоры.

Немало русских офицеров. Среди них попадаются часто—в генеральских погонах. Все в английских френчах.

Общее впечатление от города какое-то двойное, тяжелое.

Первое, что я прочел, сойдя с парохода, был приказ, расклеенный на всех столбах и заборах. Приказ этот, подписанный генералом Миллером, русским главнокомандующим, датированный 12 июля, гласил следующее:

«Граждане. Произошел прискорбный факт.

Вчера группа солдат Архангелогородского полка и матросов напали на проходивших английских солдат и их избили. Часть виновников этого происшествия арестована и понесет должную кару.

Настоящим сообщаю, что всякое подобное дерзкое нападение на наших союзников, защищающих Сев. область, будет караться самым суровым образом, по законам военного времени».

Но если в Архангельске это было не больше, чем ничтожным инцидентом—драка между пьяными солдатами, то этого нельзя сказать о событиях в Двинском районе.

Это произошло в середине июля и таким образом совпало с первыми днями моего пребывания в Архангельске.

На Двинском фронте стоял Дайеровский батальон, офицерами которого были по преимуществу англичане, а солдатами—русские. Небольшая группа солдат окружила штаб батальона, убила четырех английских и шесть русских офицеров и пыталась окружить и районный штаб.

Восставшие были рассеяны и часть из них расстреляна.

Под впечатлением этих событий, весьма взволновавших союзников, я поехал на Железнодорожный фронт.

Общее военное положение в Северной области представлялось в следующем виде.

Фронт, линия фронта была в несколько тысяч верст, начинаясь у границы с Финляндией и кончаясь за Печорой. Но густые леса, непроходимые болота, а особенно малочисленность красных войск, позволили ограничиться тем, что защищали лишь железные дороги, водные и шоссейные пути, узловые пункты, селения и деревни. Так, например, на самой железнодорожной линии (Вологда—Архангельск) было сконцентрировано на железнодорожной полосе до двух полков пехоты и могучая артиллерия, а справа и слева ее на десятки верст не было ни постов, ни укреплений, ходили только разведки.

На характере борьбы на Севере я остановлюсь подробнее впоследствии.

Все фронты были в полном подчинении у английского командования. Последнее было полным хозяином—русское же командование играло роль пассивную и второстепенную. Позиции были заняты главным образом английскими, кое-где французскими силами, русским же разрешалось занимать более глухие и менее ответственные места. Пропуски, проезды по железной дороге, вагоны, санитария, эвакуация,—все это было в руках у союзной комендатуры.

Госпитали, как фронтовые, так и тыловые, были английские, персонал же смешанный, русский и английский.

Интендантство, снабжавшее фронт и тыл, было исключительно английским, и русские получали все, начиная с довольствия и кончая обмундированием, с английских складов.

Нужно заметить,—это подтвердит каждый бывший на Севере,—что снабжение было организовано на широкую и щедрую ногу. Паек, выдававшийся русским военным, как офицерам, так и солдатам, был чрезвычайно обилен и идентичен пайку, получаемому английским солдатом. То же самое приходится сказать и об обмундировании. Союзники, придя в Северную область, принесли с собою и свои привычки и навыки. Комфорт их даже военной, фронтовой

жизни казался странным русскому глазу, привыкшему к лишениям, зачастую ненужным, проистекавшим из русской безалаберности.

Особенно поражала русских чистота палаток, безукоризненная чистота отхожих мест и мостки, проведенные в лагерях англичан.

Теплушки были приведены стараниями англичан в состояние, отвечавшее требованиям гигиены, обшиты тесом, устроены в них камины и печи.

В свободное от войны время, а его было достаточно, англичане занимались спортом, особенно футболом, ходили на охоту, бегали на лыжах, устраивали состязания, получая все нужное для этого из своего Красного креста.

Я говорю об англичанах.

Ибо другие союзные войска—и американские и французские—были и вообще в незначительном количестве на Севере России, да и к тому же мне не пришлось их наблюдать, ибо ко времени моего приезда они уже эвакуировались.

Несмотря на то, что союзные войска прибыли в Архангельск в августе 1918 года и были, следовательно, около года в Сев. области, военные успехи их были ничтожны. Позиции, которые занимали войска к зиме восемнадцатого года, они занимали и к июню девятнадцатого. Кое-где, например, на Двине, произошло продвижение, сопряженное даже с известным военным успехом, но в итоге все-таки приходится отметить следующее положение: хотя союзники и были в Сев. области, хотя они и занимали позиции, хотя и был фронт, поддерживаемый союзническими войсками, но по существу войны не было. Большевики не наступали, не интересуясь Северным фронтом, союзники, в свою очередь, также не считали нужным проявлять свои воинственные наклонности. Лучшим доказательством, подтверждающим вышесказанное, могут служить статистические данные об раненых и убитых англичанах. У меня нет под рукою точных цифр, но помнится, по докладу генерала Айронсайда, число убитых не превышало нескольких десятков, из коих большинство были убиты в наступлении, которое англичане развили перед своим уходом.

Пассивность англичан служила неоднократно предметом обсуждений в русской военной среде. Большинство обвиняло англичан не только в пассивности, но даже в трусости. Более того, уверяли, что английское командование мешает проявлению активности русских воинских частей, что оно парализует волю русского командования. Генерал Марушевский, бывший главнокомандующим большую часть времени пребывания союзников в Сев. области, в ответ

на упреки, делаемые ему офицерами,—упреки в том, что за целый год не было никаких активных военных выступлений, заявил (газета «В. С.»):

«Русское военное командование было лишено самостоятельности и исполняло предначертания союзного штаба. Все мои указания на необходимость наступления, особенно на Двинском и Мурманском фронтах, отклонялись союзниками по мотивам недостаточности войск и ненадежности населения, сочувствующего большевикам».

В конце июля я был принят генералом Айронсайдом, главнокомандующим союзными войсками, и имел с ним обстоятельную беседу и о деятельности англичан в С. о. и о планах их на будущее. Здесь я привожу ее лишь в сокращенном виде, полнее же текст был напечатан в парижской газете «Information»:

— Союзные войска прибыли на Север России по просьбе Верховного управления, председателем коего был Н. В. Чайковский. Они прибыли тогда, когда общеевропейская война еще продолжалась и союзники боялись взятия немцами Петрограда. Таким образом первоначальная цель—создание противогерманского фронта и охрана архангельского и мурманского портов. После перемирия с германцами встал вопрос о нашем уходе из С. о., но по просьбе правительства С. о. и, главным образом, того же г-на Чайковского, решено было не только оставить те войска, что были, но и прислать новые, составленные из добровольцев, главным образом из англичан. Союзные войска остались, чтобы помочь русским сформировать свою армию, а отнюдь не для того, чтобы развивать военные операции и вмешиваться в русские дела.

Однако приходится констатировать печальный факт. Скоро год, как союзники здесь, а русской армии, как боевой единицы, еще не существует. Те несколько полков, что сформированы при нашей помощи, решительно никуда не годятся. Офицеры держат себя не достаточно корректно, а солдаты-большевики устраивают бунты. Недавно были восстания и заговоры в 3-м, 1-м, 6-м и 5-м полках. Как видите,—чуть ли не во всех имеющихся налицо полках. Главный русский штаб сорганизовался плохо и не пользуется авторитетом у своих войск. Создается безнадежное положение...

— Что же делать?

— Мое мнение—надо ликвидировать Северный фронт. Он совершенно и никому не нужен. До недавнего времени я был горячим сторонником того, чтобы сохранять Северную область, чтобы продолжать помогать здешним русским бороться с большевиками. И всеми силами я защищал эту

позицию перед Foreign Office (министерство иностр. дел). Но теперь я больше не могу этого делать. Эти бунты в полках, а особенно настроение населения г. Архангельска и деревень, убедили меня, что большинство сочувствует большевикам.

Так к чему же тратить такую уйму денег, да к тому же совершенно без пользы? Для меня ясно, что русские не хотят воевать с большевиками.

Да и правительство королевства считает, повидимому, нужным ликвидировать Северный фронт, чтобы успокоить общественное мнение Англии.

— Итак, уход союзников из Сев. области решен?

— Я затрудняюсь сказать вполне утвердительно, но соответствующий доклад мною был послан в Лондон.

— Что же будет с Северной областью, когда вы уйдете?

Айронсайд как будто удивлен.

— Когда мы уйдем? Но, конечно, вслед за нами придут большевики. И, чтобы было меньше жертв, надо чтобы русские офицеры и вообще все противобольшевики уехали вместе с союзными войсками. Таково мое мнение.

— Еще один вопрос: почему союзные войска не наступали? Ведь войны собственно и не было.

Немного колеблясь, английский генерал ответил:

— Ну, положим, мы воевали. У нас даже много раненых. Но наступать мы, конечно, не могли, русские войска были ненадежны, а нас было очень мало. Это был риск, к тому же имели место беспорядки. На это штаб не мог пойти. Но мы воевали. Даже два полковника у нас тяжело ранены, и я сам чуть не был ранен. Мы делали, что могли. Не наша вина, что все это было бесполезно.

Трудно в споре между русским и английским командованием решить, кто из них прав. Во всяком случае очевидно одно, и этого не скрывают англичане, что проявлять активность не входило в их планы и намерения, что они не смотрели на свой приход, как на «интервенцию», и свою роль считали подсобной. На вопрос же, препятствовало ли английское командование активности русских сил, приходится повидимому ответить полуутвердительно.

Полковник Л. Костанди, начальник штаба Мурманского района, видимо не симпатизировавший англичанам, так как-то охарактеризовал ситуацию:

«Англичане не хотят особенного успеха русского оружия».

С другой стороны, есть ряд указаний, что стимулом к пассивности и к принуждению к той же пассивности и русских была боязнь англичан крупного неуспеха и больших потерь.

Я застал Железнодорожный фронт еще занятым англичанами. Линия фронта проходила в нескольких верстах впереди станции Обозерской, маленькой и глухой станции линии Вологда—Архангельск. Я имел возможность говорить со многими английскими офицерами. Меня интересовало их отношение к России, к русским, к большевикам. Что особенно бросалось в глаза, это обособленность англичан от русских, английских военных от русских военных. Зачастую те и другие жили бок о бок, в соседних теплушках или домах,—и, однако, никаких сношений между ними не было. Каждый жил собственной жизнью, собственными интересами. Очень редко я видел русских солдат и офицеров за дружеской беседой. Англичане держались в своем кругу, русские в своем. Было ли это преднамеренно со стороны англичан? Мне кажется, что нет. Положительно нет. Они более или менее интересовались русскими, охотно вступали с ними в разговоры на ломаном русском языке, они охотно посещали, например, русские лазареты, охотно принимали у себя и угощали русских.

Правда, все это было «более или менее». Был у них интерес, но не ярко выраженный.

С другой же стороны, русские, как солдаты, так и офицеры, и офицеры более, чем солдаты, были преисполнены какой-то инстинктивной, бессознательной враждебности к англичанам. Об англичанах они говорили с иронией, с насмешкой, и часто, очень часто, пользуясь незнанием теми русского языка, бранили их последними словами.

Я искал причин этой враждебности.

«Меня злит, что они, англичане, пришли в нашу страну и здесь распоряжаются»,—ответил один офицер. Другой, старый полковник, досадует «на самодовольство, самоуверенность, на презрение к нам, русским, этих сынов Альбиона». Третий считает, «что англичане пришли не спасать Россию, а погубить ее. Что они не любят, мол, русских». И так далее без конца, в том же духе.

К тому же надо добавить, что офицерский состав английского корпуса в Сев. области оставлял желать многого. Он был несомненно второсортный. Большинство офицеров были выслужившиеся во время войны унтер-офицеры; в мирное время—клерки, приказчики, люди без высшего и даже среднего образования. Но те немногие, встречавшиеся мне офицеры-специалисты поражали меня и своим интересом к России, и своими знаниями в своей области.

Картина создавалась в общем поистине нелепая.

Английские войска были приглашены правительством Северной области. Они защищали эту последнюю от прихода большевиков, их просят не уходить, когда они этого

хотят, как мы это видели раньше, и просит об этом население, и армия, и правительство, и в то же время к ним несомненное полускрытое, а порою и явно враждебное отношение, начиная с командиров отдельных частей и кончая крестьянами окрестных деревень.

Англичане, несомненно, чувствовали эту враждебность.

Один молодой лейтенант, студент Кембриджского университета, прилично понимавший по-русски, жаловался мне:

«Я не понимаю всего, что говорят иногда за спиною, а иногда и в глаза о нас ваши офицеры и солдаты, но все же я разумею, что они нас не любят. За что? Что мы им сделали дурного? Мы их кормим, одеваем, проливаем даже за них нашу кровь, а они... не понимаю».

Он был очень опечален, этот английский студент-лейтенант.

А когда англичане ушли, то русский командный состав был весьма обрадован, как об этом свидетельствует и Добровольский. Офицеры отнеслись к этому факту сдержаннее, а масса пассивно—безразлично.

По официальным сведениям русского командования, было, впрочем, несколько случаев грубого обращения английских солдат и унтер-офицеров с русскими офицерами. Но ни один случай не был достаточно и объективно исследован.

К тому, что я сказал об отношении между русскими и английскими военными, не лишне добавить, что русские солдаты, спрошенные мною об их отношении к союзным войскам, очень часто хвалили американцев. Последних было немного в Северной области, и они, как я уже отметил, скоро были эвакуированы.

«Но что же вам нравится в американцах?»

Ответы были различные, но сводились к тому, «что американец щедрый, что он хорош в обращении, охотно угощает виски», и все в таком же роде.

Таким образом можно заключить, что свойства английской натуры, столь далекой по своим чертам от русской, раздражали и восстанавливали против себя русских солдат.

Упреки, которые приходилось слышать, заключались еще и в том, что «англичане, мол, скупают меха за бесценок, в обмен на виски и вино». Такие случаи, конечно, были, и были даже довольно часто, но еще чаще этот же товарообмен производился русскими военными и обывателями.

Повидимому для себя в этом не видели ничего предосудительного.

В середине августа стало известно полуофициально, что союзники покидают Север. Причины, вызвавшие этот уход,

те же, что были сообщены мне генералом Айронсайдом. К тому же этого требовала и английская рабочая партия, которая грозила, в случае невыполнения своих требований,—общей забастовкой. Для ликвидации Северной области и Северного фронта приехал генерал Роллинсон. Но прежде, чем начать эвакуацию, английское командование решило предпринять наступление, чтобы, как говорили некоторые, блеснуть своей храбростью. Наступление, в котором приняли участие и русские войска, на долю которых выпали наибольшие тяготы этих сражений, было предпринято и на Двинском направлении, и на Железнодорожном фронте. Мне пришлось быть свидетелем английского наступления на последнем направлении и сопутствовать смешанной англо-австралийской колонне в ее наступательном движении.

Ночью, на шестнадцать верст вглубь леса, началось обходное движение. Пулеметы несли на руках, перепрыгивая с кочки на кочку, так как всюду было бесконечное болото. Проводник немного не рассчитал расстояние, и колонна вышла по ту сторону окопов, по ту сторону фронта, около того места железнодорожного пути, где стоял большевистский бронепоезд. Колонна была жестоко обстреляна пулеметным и шрапнельным огнем, но, несмотря на это, мужественно продолжала наступление. И только потеряв двух офицеров и десять солдат ранеными и убитыми, принуждена была отступить. Отступление было совершено в образцовом порядке. Общее впечатление от англичан, в частности от австралийцев, было, что это прекрасные солдаты, которые и из войны делают своеобразный спорт. Под огнем они шутили, спорили.

Несмотря на неуспех обходной вылазки, о которой я только что рассказал, общий успех сопровождал наступление и на Железнодорожном фронте, и на Двинском, где были взяты несколько тысяч красноармейцев в плен.

Проведя наступление и «показав, что они умеют наступать», как говорили злые языки, англичане объявили об эвакуации ими Северной области. Их взгляд был ясен. Исходя из предпосылки, что Северный фронт держится только благодаря им, и выводя отсюда как следствие, что их уход равносилен приходу большевиков в область, они настаивали на ликвидации Северного фронта вообще и на эвакуации всех тех военных и штатских лиц, которые могли пострадать по приходе большевиков.

Русское военное командование ответило отказом на предложение англичан. Оно решило сохранить Северный фронт и защищать область собственными силами. В одной из следующих глав я принужден буду подробно остано-

виться на этом вопросе: почему и как решено было остаться на Севере? Здесь же возвращаюсь к союзникам.

Решение русских и отказ их от эвакуации был встречен англичанами весьма холодно. Английский лейтенант М. рассказывал мне, что Айронсайд гневно кричал, что «русские генералы делают преступление, он этого не позволит». Однако, конечно, не в его власти было позволить или не позволить. Тогда-то и произошел ряд фактов, которые рассматривали как враждебные в отношении русских, и русских военных, в частности. Так, был издан приказ англичанами, что все бывшие добровольцы, находившиеся в союзных войсках, приглашаются следовать вместе с англичанами. В ответ на это русский штаб запретил русским призывного возраста покидать Северную область. Понятно, на этой почве разыгралось немало инцидентов. Так, например, профессору петроградского университета Аверинцеву было запрещено покидать Архангельск (ему было 45 лет), а англичане разрешили ему эвакуироваться. Попытка русских властей арестовать профессора не могла быть приведена в исполнение. Подобные же истории произошли и с рядом военных.

Перед эвакуацией—постепенно—английское командование сдало русскому интендантству свои богатые склады снаряжения и обмундирования, но остатки военного снаряжения, автомобили, оружие, снаряды и т. д.,—все то, что они не могли, да и не считали нужным вести с собою и что, по словам начштаба, они обещали сдать русским, они накануне отъезда потопили в Двине. Ценность потопленного в Двине исчислялась в сотни тысяч фунтов стерлингов, как было доложено правительству Сев. области главным интендантом генералом Барановым.

На вопрос, почему так поступили англичане, последние отвечали: «Все равно Северная область достанется большевикам, и мы не хотим помогать снаряжению Красной армии».

Другой инцидент, который не может считаться исчерпанным и поныне, произошел между правительством Сев. области и опять-таки английским командованием.

Некий англичанин лесопромышленник Смит, находившийся в каких-то взаимоотношениях с великобританским адмиралтейством, вывозил в продолжении 1918—1919 года лес из Архангельска в Англию. К августу 1919 года им было вывезено свыше чем на 200.000 фунтов стерлингов, каковую сумму он был должен правительству Сев. области. Когда настало время эвакуации, то г-ну Смиту было предъявлено требование уплатить следуемый с него долг. А когда он отказался, последовало распоряжение не выпускать Сми-

та из Сев. области. Это весьма энергично заявленное требование Северного правительства осталось гласом вопиющего в пустыне, и г-н Смит покинул Архангельск на пароходе вместе с английским командованием.

26—27 сентября произошла эвакуация английских войск, произошла по-военному, чрезвычайно поспешно. Погрузка войск шла ночью, как бы втайне от населения. Как удостоверяют лица, близко стоящие к англичанам, последние были все время в полной уверенности, что «большевики идут по пятам», поэтому их эвакуация была не чужда панике, неуместной торопливости и ненужной поспешности. Одновременно с английским экспедиционным корпусом покинули Архангельск и дипломатические представители: уехали французы, американцы и итальянцы. Остались, насколько мне не изменяет память, только несколько консулов из числа тех, кои совмещают свои консульские дела с коммерческими. Среди них бельгийский консул Миккез (уехавший лишь в январе) и голландский консул Смит (арестованный большевиками в марте 1920 года).

Глава об союзниках не была бы полна, если бы я обошел молчанием один, пожалуй, самый главный вопрос: «О вмешательстве союзников во внутренние дела области». Ведь это именно вмешательство вменялось в вину союзникам в их деятельности и в Сибири, и на юге России. Северная область не была исключением из этого, повидимому, общего правила. История ареста Верховного управления, имевшего место в сентябре 1919 года, и увоз Чайковского и других членов правительства в Соловецкий монастырь некиим капитаном Чаплиным, закончилась, как известно, изменением состава правительства в сторону более умеренную и назначением Чаплина на Двину. При этом на изменении состава правительства особенно настаивал английский уполномоченный Пуль.

На основании информации американского представителя, общая картина являлась в следующем виде:

«Английское командование отстаивало ту точку зрения, что в области нужна твердая власть. Эту твердую власть англичане представляли себе не иначе, как военной. Они считали, что сговориться с населением невозможно, да и не к чему. Если жителей кормят хорошо и не обижают, то все будет хорошо. Особенно их испугали демократические проекты Верховного управления. Поскольку главным военным элементом союзного командования были англичане и поскольку считалось, что у них в Северной области есть особая заинтересованность, ни французы, ни американцы не считали возможным особенно вмешиваться в их распоряжения.

Таким образом все усилия были направлены к тому, чтобы свести на-нет правительство, сделать его наиболее бесцветным и безличным. И в то же время искали подходящее русское военное начальство. Присутствие Н. В. Чайковского весьма мешало. Когда он в начале 1919 года уехал, положение совершенно изменилось, и военная диктатура становится совершившимся фактом. Однако надежды, которые возлагались англичанами на генерала Мурашевского, не оправдались. Он совершенно не подходил к роли военного диктатора, и только с приездом генерала Миллера оказалось возможным наладить административный аппарат. Демократические элементы неоднократно обращались к нашему американскому представителю за защитой и советом. Но последний ничего не мог поделать. И только позже, когда стали указывать англичанам, что в результате их опытов и слабости гражданской власти происходят беспорядки на местах и как следствие их развивается большевизм, они дали согласие на созыв земско-городского совещания и на изменение состава правительства. Но это произошло уже тогда, когда эвакуация союзников была уже решена. В этот момент англичане начали отстаивать перед генералом Миллером, что последнего очень удивило, необходимость радикально-демократического правительства. Айронсайд советовал удалить Мефодиева и других, показавших свою непригодность».

Данные этого документа отвечают действительности, во всяком случае—в последней его части. В частной беседе с представителями кооперативов генерал Айронсайд заявил: «Теперь я убедился, что нельзя было создавать военную диктатуру. Она никчемна (is nothing). Впрочем, говоря по совести, я не верю и штатскому правительству. Но последнее лучше, так как все равно придут большевики» (газета «В. С.»).

Тот же документ повествует о значении информаторов при английском командовании. Последнее, «как общее правило, не было знакомо ни с языком, ни с обычаями этой страны. Во всяком русском, не офицере, оно готово было видеть большевика, скрытого или явного. В этом их убеждали находившиеся при штабе переводчики, в большинстве—русские военные. Мы неоднократно предупреждали английское командование, что оно пользуется сведениями неправильными. Мы указывали, что некоторые из переводчиков—люди весьма сомнительные. Особенно большую роль играли капитан Чаплин и граф Гейден».

Первого из них так характеризует этот документ: «Это авантюрист, лишенный каких-либо принципов, причастный к разгромлению государственных касс. Желающий добить-

ся власти какими угодно путями. Человек легкомысленный, часто пьяный». Гейден же «вечно пьян, ярый реакционер, готовый расстрелять всякого либерально думающего».

Те расстрелы, которые производились в уездах и о которых в летописях Сев. области сохранилось немало следов, связаны с именами этих информаторов. «Пользуясь полнейшей неосведомленностью англичан в делах Сев. области, они фактически руководили всем. Организация Мутюги (каторги)—дело их рук».

Характеристика Чаплина, данная американцем, не сходится с характеристикой, нарисованной Добровольским:

«Подвижной, энергичный, смелый, окруженный такими же сотрудниками из морской молодежи, он был положительно незаменимым в критические моменты нашего существования. Но насколько он и окружающие его сотрудники были способны к самоотверженному порыву в минуту опасности, настолько же они были неспособны ни к какой планомерной организационной работе» (стр. 83).

О роли Чаплина в жизни Северной области после его назначения на Двину сообщали из различных источников, и повидимому действительно он играл немаловажную роль в тех ошибках и нетактичностях, которые делала английская власть, действуя обыкновенно посредством послушных ей русских военных властей.

Анализ жизни Сев. области приводит нас к положению, что английская власть тем или иным путем, часто через центральную русскую и очень редко через свои исполнительные органы, вмешивалась в жизнь области. Она поддерживала элементы, враждебные демократии. Последняя, как это свидетельствовал мне не раз лидер демократии А. Иванов, была «в весьма больших контрах с англичанами» и «тщетно взывала к американцам». Он удостоверял,—и это мне как-то мимоходом подтвердил и заместитель Чайковского, Зубов,—что «англичане имели очень сильное влияние на деятельность правительства. Что возможно сделать, когда вся власть была фактически у англичан?»

И последний жест Айронсайда перед эвакуацией—согласие его на земско-городское совещание и на укрепление внутренне правительства—рассматривать приходится скорее как прощальный жест.

II. Генералитет, офицерство и солдаты.

Ко времени моего приезда в Северную область численность армии была около пятидесяти тысяч. Но число штыков вряд ли доходило до трети этого количества. Тыл и

штабы,—все это было перегружено нестроевым элементом. Ясно, что для фронта в несколько тысяч верст такая армия была не больше песчинки, величина бесконечно малая, особенно если против нее стоит неприятель, располагающий бесчисленными ресурсами человеческого материала. У Северной области не было этих ресурсов. Все, что могло быть мобилизовано,—было уже взято в войска. Малочисленность населения области делала невозможным дальнейшее увеличение численности армии.

Мне пришлось близко, очень близко видеть Северную армию, видеть ее в дни победы, в дни затишья, наконец, в дни разложения. И мне кажется, что, несмотря на многие свои дефекты, армия—я говорю о фронтовых частях—была очень хороша. Неизмеримо лучше сибирской и во многом, по своим боевым качествам, приближалась к дореволюционной армии. В этом убеждали меня мои наблюдения, мое пребывание на фронте.

Прежде всего солдат.

Еще в то время, когда союзники не приходили и о Верховном управлении не было и речи, в то время уже начались восстания крестьян в Шенкурском уезде и на Пинеге. Смелые, привыкшие к своим непроходимым лесам охотники, не испытавшие на себе крепостного ига, северные крестьяне не похожи вообще на русского крестьянина средних губерний. И понятно, что в ответ на репрессии и насилия большевиков начались восстания. Когда сформировалась Северная область, шенкурцы, тарасовцы и пинежцы не как мобилизованные, а как добровольцы, вошли в состав северной армии. Они обладали удивительной храбростью, приспособленностью к северным условиям войны и крепкой дисциплиной. Две черты значительно умаляли их боевую силу. Первое это то, что они охотнее защищали свой район, свою деревню, свою тарасовскую, шенкурскую деревню и так далее, чем вообще Северную область. Здесь у себя они могли противостоять против неизмеримо более сильного неприятеля, но с переводом их на другие фронты они впадали в уныние, в апатию, стремились к себе на родину, боясь, что другие полки, не свои, выдадут их деревни большевикам. С другой стороны, они вносили чрезвычайную остроту в гражданскую войну. Для них большевик, красноармеец—был синонимом зверя, которого надо убивать. Они не брали в плен. И большевики платили им тем же. Взятых в плен истязали и расстреливали. Благодаря их жестокости нередко страдали интересы окрестных волостей. В результате появились и на стороне красных тоже партизаны, такие же сильные и такие же беспощадные, и нередко начиналась вражда двух соседних деревень.

Шенкурцы и тарасовцы составили ядро Северной армии, ее опору, ее фундамент. Фактически весь Двинский и Селецкий фронт поддерживался ими. Под чьим же влиянием они находились?

Восстание в Шенкурской области было поднято под предводительством эсеров. Войдя в состав регулярной армии Северной области, партизане не только не порывали связи с эсеровскими кругами Архангельска, но продолжали считаться с мнением тех, с кем они были искони связаны дружескими узами. И если они с первых дней восстания и до падения Северной области оставались верны идее активного антибольшевизма, если они даже брали на себя весьма неблагодарную роль подавления мятежей в других полках, всем этим их упорным антибольшевизмом обязаны они эсерам, которые в Архангельской губернии принадлежали к определенно оборонческим, резко противобольшевистским слоям.

Здесь мы сталкиваемся, наконец, с фактом, заслуживающим быть отмеченным, что демократия в Северной области обладала вполне реальной, даже весьма реальной поддержкой. И это отнюдь не шутка, не ирония, когда правая газета «Отечество» утверждала, что эсеры могут в любую минуту произвести переворот. Это была не ирония, а несомненный факт. Ибо неоднократно депутаты партизанов навещали Архангельск и заявляли, что «мы—попрежнему за вас».

С характером и психологией партизанов мне пришлось познакомиться при обстоятельствах, надолго оставшихся в моей памяти.

После падения Северной области и бегства генерала Миллера я был арестован. В числе десятка других, нас вели по Мурманску. Кругом—толпы жителей, красноармейцев. С диким ревом, озверевшие, они окружали нас, бросали в нас палками, камнями, кусками льда. Рядом со мной шел солдат, немолодой, с густой бородой, по виду типичный крестьянин-северянин. Он тщательно прятал свое лицо, что меня удивило. К чему было солдату прятаться? В мурманской тюрьме нас тщательно обыскали, допросили. И здесь солдат был опознан. Его земляки узнали в нем партизана из «непримиримых». Как его били!! Он не сказал ни слова. Его притащили в нашу камеру окровавленного, с выбитым глазом, с изувеченным лицом. Притащили и бросили на пол. Ночью он стонал, просил воды... Утром он—еле живой—попросил комиссара «по важному делу». Его вывели в коридор. Здесь он выхватил у часового ружье

и штыком на-смерть ранил комиссара. Другой часовой застрелил его.

Говорили, большевики в свое время убили его брата...

Совсем в другом духе были полки, укомплектованные солдатами из Архангельска и смежных уездов. Совершенно не испытавшие черных сторон большевизма, ибо в Архангельске большевизм в восемнадцатом году был очень мягок, они, эти полугородские жители, находились под влиянием Саламболы: так назывался рабочий район Архангельска, центр большевистской пропаганды, места, где сходились все нити большевистской агентуры.

Именно эти солдаты послужили бродильным элементом для восстаний, имевших место в июле в ряде полков: 3-м, 6-м и других. И они же сыграли печальную роль в восстании, предшествовавшем падению Северной области.

Почему тяготели они к большевикам? Ведь видели они ясно, что большевики не исполняют своих обещаний, что большевистские лозунги—это журавли на небе. Они это знали, ибо пленные красноармейцы подробно и детально рассказывали им о своем житье-бытье. Наконец, они получали обильный паек, видели нищету и голод, что царили по ту сторону фронта, и, однако, было у них какое-то чувство сильнее реальных благ. Это чувство было—ненависть к «барам». Сколько раз в холодные северные ночи прислушивался я к разговорам сбившихся у огня солдат и слышал те же речи, что в свое время на германском фронте, в послереволюционные дни.

«Подожди, ужо покажем, как на нашей шее сидеть».

«Ведь как на твою спину сядет комиссар,—возражал красноармеец из пленных,—также будет командовать. Такова наша доля».

«То комиссар, он из наших, свой. А это баре. В золотых погонах. Генералы тоже. Они в вагонах, а мы, вишь, в землянках».

И большевизмом, ненавистью к барам и интеллигенции были заражены в сущности особенно те, кого можно было считать, если не наполовину, то на четверть интеллигентами. Толковые, смышленые, зачастую унтер-офицеры—на проверку оказывались не только большевиствующими, но и членами коммунистической партии. Из множества фактов один наилучше характеризует этот тип людей.

Стояли жестокие морозы. Лес, казалось, стонал от холода, его сковавшего. Выйти наружу не было возможности. Мерзло лицо, руки, ноги отмораживались уже через несколько минут.

Ночью неожиданно в наш лазарет привели пятерых солдат. Их привел конвой. Ноги их были совершенно отморожены, настолько, что никаким образом нельзя было оторвать с них примерзшие сапоги. Обморожение было так сильно, что пришлось многим ампутировать немедленно пальцы, ступни. Четверо из солдат стонали и беспрестанно ругали пятого. Но пятый молчал. Это был молодой, интеллигентного вида солдат. Писарь, унтер-офицер, он сманил восемь солдат своей части перейти к красным. Раздобыли лыжи. Благополучно прошли десять верст и здесь заблудились в лесу. Начались морозы. Трое замерзли, остальных подобрал конвой. Конечно, им грозил расстрел. Особенно зачинщику. Несмотря на жестокую боль, ругань своих спутников, он не проронил ни слова. Он считал себя по-видимому правым. Несмотря на операцию, он умер на третий день.

Такие люди, фанатики, упорные, служили цементом в среде колеблющихся, полубольшевистских солдат. Они вели их за собой. А те шли, повинуясь глухому чувству ненависти к барам и—«авось будет лучше».

Третьей категорией были красноармейцы, взятые в плен. Сначала их было немного, единицы. Но впоследствии, после удачных наступлений на Двинском и на Железнодорожном фронте, когда были взяты в плен многие тысячи красных солдат, эти последние положительно заполнили все фронтовые части. Были роты, где 90% состояло из красноармейцев. При этом пополнение ими частей шло весьма упрощенно. Их мыли, посылали в тыл, и через неделю, другую направляли уже в часть. Проверки их большевизма не было, почти не было. Поэтому нередко оказывалось, что ответственные коммунисты попадали в боевые части, или что коммунисты-комиссары попадали в штаб полка или дивизии, на телеграф и так далее, как наиболее расторопные.

Главный штаб, в погоне за расширением операций, не считался с мерами предосторожности, совершенно необходимыми. К тому же почему-то считалось, что пленные красноармейцы надежны. Это было очевидное недоразумение. Конечно, они были,—за исключением немногих коммунистов,—антибольшевиками. Но в то же время они были необыкновенно пассивны. По духу своему они были «зеленые». Им хотелось домой и снова домой. Они прекрасно воевали, когда были в крепкой духом части, например, в такой части, как партизанские полки. Здесь они превращались в обычного русского солдата, приобретая все его боевые качества. Но в полку, где была неопределенная обстановка, они с таким же успехом могли и защищать белых и напасть на них, а вернее всего, просто отойти в сторону.

К тому же они были изможенные, изголодавшиеся, многие—после перенесенных недавно тифов.

Чрезмерное и необдуманное пополнение полков пленными красноармейцами сказалось в свое время губительно на фронте.

Командный состав армии—ее цемент. Это то, что придает ей твердость, устойчивость. От него зависят ее боевые качества. И если это определение применимо для всякой армии вообще, всех времен и стран, то тем более и тем оно особенно распространяется на армии, участвующие в гражданской войне. Здесь от офицера, от командира боевой части зависит очень многое. Здесь к офицеру предъявляются жизнью требования особенно повышенные, особенно строгие. В гражданской войне офицер должен быть не только храбр, не только отважен, не только предприимчив, он должен быть вождем своих солдат. Его задача первая и самая главная—создать из своих солдат единое целое, спаянное внутренним единством. Офицер должен морально всемерно влиять на солдат. Если он не сможет влиять на свою часть,—она будет не больше как карточный дом, который рушится от первого дуновения легкого ветерка, от первой же неудачи.

Две роты одинакового пополнения, состоящие та и другая на три четверти из пленных красноармейцев. Во главе первой стоит капитан М—ий, спокойный, храбрый, упорный человек. Все свое время он посвящает солдатам, учению с ними, чтению, разговорам. Он был очень строг и даже на фронте требовал чинопочитания. И, однако, эта рота сохраняла свою боеспособность даже во время всеобщего разложения. И когда последнее пришло, солдаты снабдили своих офицеров продуктами, снарядили их, оставили им их оружие и тайком, проселочными дорогами, довезли их до Архангельска. Провожая своих офицеров, прощаясь с ними, солдаты плакали. То, что я рассказал,—факт не единичный, отнюдь не редкостный, а имевший место в различных полках Северного фронта.

Другой факт—из истории восстания в третьем полку. Храбрость офицеров этого полка, порою легендарная, была истиною непреложной. Но многие офицеры, по примеру своего командира, были не чужды пьянству. И этого было достаточно. Их предупреждали. Они отвечали—«нас любят солдаты». Но это была неправда, далеко не правда. Солдаты были распущены, предоставлены сами себе, жили собственными настроениями. А офицерство? Оно ничего не знало о «думах» своих солдат.

Несомненно, что в главной своей массе фронтовое офи-

перство севера принадлежало к первой категории. В большей своей части оно было не только весьма высокого качества, не только превосходило офицерство сибирской и юго-западной армий, но и отличалось от офицерства добровольческих частей. Оно было не только храбро, оно было разумно и интеллигентно. В большинстве это были или местные, вышедшие из партизанов, или приехавшие через Англию недавние пленные в Германии. Кадрового офицерства было немного, во всяком случае кадровое офицерство терялось в общей массе некадрового, занимая к тому же чаще всего должности в штабах.

Впоследствии мне придется говорить о печальной участи, выпавшей на долю северного офицерства. Ибо только единицы успели уехать, а остальные—арестованные большевиками—частью были расстреляны, а частью увезены в Москву. Там, в Бутырской тюрьме, мне пришлось с ними встретиться в тяжелых условиях тюремной советской обстановки.

Пьянство младших офицеров находилось в непосредственной связи с их ближайшими начальниками. Так, пока командующим фронтом был полковник Мурузи, враг пьянства, последнее было ограничено и незаметно. Но он ушел. И последние месяцы перед падением фронта пьянство широкой волной распространилось по всем воинским частям, захватив и солдатские массы. Этому способствовал военный тыл, этому помогала жизнь военных в самом Архангельске. Ибо последний являл собою все признаки разложения, которое было характерно и для Самары и для Омска перед их падением, и для многих других русских городов, служивших тылом белых армий. Ни тревожное состояние, ни дурные вести с фронта, ничто не могло нарушить угарной жизни Архангельска. Люди словно хотели взять от жизни то немногое, что она им давала: вино и снова вино. Офицерское собрание и немало других ресторанов были свидетелями скандалов, безобразных и диких, участниками которых являлись офицеры. Им подражая, не отставали и солдаты. И чем грознее становилось в области, тем безудержнее жил военный тыл. Уже не в редкость можно было встретить пьяных офицеров и солдат на улицах и уличках Архангельска. Но если кутило тыловое офицерство, то и фронтовое, приезжая на побывку, не отставало от него в своих кутежах. Последнее обстоятельство не препятствовало другому явлению—крайней розни и вражде между фронтом и тылом. Фронт, который нес всю тягость весьма жестоких боев, фронт, который терял ранеными и убитыми десятки офицеров, не мог добиться пополнения из тыла, где находилось при штабах множество тыловиков.

Насколько остра была вражда между тыловым и фронтовым офицерством, показывает дело, слушавшееся в военном суде. Капитан Лерхе, адъютант полковника Мурузи, приехав в Архангельск, в клубе георгиевских кавалеров устроил скандал, направленный против штаба и в частности против генерала Квинцинского. Суд этот был своеобразный турнир между фронтовым и тыловым офицерством. Своего адъютанта защищал сам Мурузи, на стороне обвинения был весь цвет прокуратуры.

Кончилось это дело высылкой из области и Мурузи, и Лерхе.

Ни для кого не было секретом, что недовольство фронта тылом грозило вылиться до размеров военного заговора, и зачинщиками, главой этого называли ряд известнейших фронтовых офицеров. Среди них были и высланные. Пример Лерхе не остался без подражания,—и всякий едущий в Архангельск фронтовик грозился «побить штабных и вообще всяких тыловых м-в».

Таково было настроение фронтового офицерства, и чтобы понять его, надо остановиться на высшем командном составе. Но прежде небольшое замечание. В оценке личностей весьма легко ошибиться и еще легче поддаться субъективным настроениям. Полковник Добровольский дал весьма определенные характеристики. Так, по его словам, генерал Миллер—это синоним всяких добродетелей, генерал Квинцинский—фантазер и бюрократ, а генерал Марушевский—полное ничтожество, который интересовался только шпорами. С этими характеристиками, вероятно, многие не согласятся. На мнении г-на Добровольского вероятно отразилось и то, что он все время был в Архангельске, откуда и уехал вместе с Миллером.

Генерал Марушевский, который был главнокомандующим до июля 1919 года, по отзыву весьма многих офицеров, был храбрый генерал, любивший фронтовую обстановку и не чуждавшийся ее. Ему ставят в вину неумение сформировать армию. Но против него было много обстоятельств, среди которых присутствие союзников—не на последнем месте. Как бы то ни было, имя Марушевского связано с первым периодом истории области. Уехал он еще до эвакуации англичан, и потому говорить об его деятельности в настоящей статье не приходится.

С именем генерала Е. Миллера связан весь период—август 1919 до февраля 1920 года. Период от ухода союзников и до падения Северной области. И так как по существу он был военным диктатором области и так себя

и рассматривал, как ставленник Колчака, то тем большая за все происшедшее лежит на нем ответственность моральная. Большая ответственность. Его характеристика, его облик выяснится сам собою из фактов, сопутствовавших падению Северной области. Здесь важно лишь указать, что он всецело принадлежал тылу, так как на фронте мы его видели всего лишь один раз, да и то в момент полного затишья. Находясь в тылу, он был всецело под влиянием «тыловых генералов».

Так, он смещает полковника Мурузи. Этот последний—колоритнейшая и интереснейшая по-своему фигура. Монархист крайнего толка, бывший командир Таврического полка, аристократ, он вполне усвоивает методы ведения гражданской войны. Он понимает, сколь важно и настроение обывателя-крестьянина в пользу белых, сколь необходима близость к солдату, та близость, когда он начинает вас считать своим. Наконец, Мурузи знает, что победа на стороне того, кто активен. Следуя этим убеждениям, он заботится о населении вновь занятых областей, печется о пленных красноармейцах, в отношении солдат он применяет чисто суворовские приемы простоты в обращении—вроде того, что сажает попутчиков солдат к себе на дрезину. Он идеально храбр. В военной тактике Мурузи проводил активное наступление чрезвычайно талантливо и умело. Все успехи на севере связаны с его именем [1]).

Начав операции на Двине, он разбивает неприятеля, в несколько раз более сильного. То же самое и на Железнодорожном фронте. Здесь он в короткое время берет станции Емцы и Плесецкую, взяв в плен тысячи красноармейцев. Солдаты, в этом я убедился вполне, его любили и шли за ним, как за вождем. Он был несомненный демагог. Умел сказать во-время то, что было приятно солдатским массам. К тому же обычно он заботился о них даже больше, чем об офицерах.

Он был сменен генералом Миллером, так как официально считалось, что он не повиновался распоряжениям штаба. На фронте же говорили, что его лавры не дают покою генералу Миллеру и что последний боится быть заменен-ным на своем посту князем Мурузи.

Талантливый полководец, может быть, единственный способный для отстаивания Северной области,—был выслан из ее пределов.

Другой пример—это полковник Костанди. Личность,

---

1) Отнюдь не являясь сторонником, персонально, его политических убеждений и его демагогии, должен отдать кн. Мурузи должное. Это—яркая, талантливая личность.

к которой придется неоднократно возвращаться в других главах моей статьи. Этот офицер показал себя еще во время пребывания союзников в области талантливым военачальником. Его наступление на Мурманском фронте было успешно проведено в жизнь. Его переводят в Архангельск и, несмотря на просьбы его о возвращении на фронт, поручают канцелярскую работу в тылу.

Вместе с Костанди мы ехали, арестованные большевиками, из Архангельска в Москву. И темой для разговоров было, конечно, прошлое Северной области.

«Почему пала Северная область, причин много. Но одна из многих это то, что генерал Миллер вообразил себя Бонапартом. Если и не вообразил, то хотел им быть. Лавры Колчака, Деникина и других не давали ему спать. Штабной чиновник, не любящий и боящийся фронта, он решил, что может справиться и сам не хуже других с большими операциями. Он и Квинцинский—они не терпели ни самостоятельности, ни активности. Фронт им казался шахматной доской. Они позабыли, что война гражданская не похожа на ту, о которой пишут в учебниках стратегии. Спасти Северную область, может быть, и не было шансов, но можно было бы спасти сотни офицеров, которых теперь везут на расстрелы».

Это мнение я оставляю на совести сказавшего его.

Было несколько обстоятельств, которые восстановили особенно фронтовое офицерство против тыла.

Вскоре вслед за Миллером понаехало в Сев. область множество генералов. Все это были далеко не боевые генералы—штабные или интенданты. Цель их приезда была вполне ясной. Немножко подкормиться и выслать денег своим семьям, живущим за границей. Всех этих генералов Миллер приютил в Архангельске. Из общего числа, около двадцати, только пять были на фронте. Остальные? Остальные составляли великодержавный штаб. Среди этих генералов, специально вызванных Миллером,—был ген. Квинцинский. Личное впечатление мое от него было самое безличное. Вежливый, спокойный человек. Но трудно было представить себе большую нетактичность, как назначение Квинцинского начальником штаба главнокомандующего. И это помимо его личных черт, как военноначальника. Дело в том, что во время Скоропадского с именем Квинцинского была связана история с пленением офицеров добровольческой армии в «Музее». Я не знаю в точности этой истории, допускаю вполне искренно, что Квинцинский в ней совершенно невиновен, но офицеры, бывшие в Киеве и вы-

данные большевикам, частью спаслись и были вывезены последними немецкими эшелонами в Германию, где жили в лагерях военнопленных, откуда были вызваны англичанами и попали на север России в количестве нескольких десятков. Они и обвиняли генерала Квинцинского, не прощали ему «Музея» и с первых же дней предсказывали, что он не задумается снова предать офицеров и оставить их на растерзание большевикам.

Сколько раз мне приходилось слышать на фронте:

«Вот увидите, генерал Квинцинский нас выдал в Киеве, выдаст и теперь».

В феврале 1920 года, за неделю до падения области, по требованию армии Квинцинский был уволен Миллером. Но был уволен только на бумаге, фактически же оставался начальником штаба и управлял эвакуацией северных войск.

Другое обстоятельство, вызвавшее еще больший антагонизм между фронтом и тылом, было тоже первостепенной важности. Оно касалось вопроса: «эвакуироваться ли вместе с англичанами?»

Когда английское командование получило официальное предписание из Лондона об уводе британских войск, то оно, в особенности генерал Айронсайд, настаивало на том, чтобы вместе с англичанами ушли и русские войска и все те, кому опасно было оставаться при большевиках. Англичане в защиту этого выставляли «бесполезность отстаивания Северной области и даже невозможность этого и неизбежность ее падения». Они указывали на те восстания, которые имели место в продолжение июля 1919 года почти во всех полках Северной области (восстания или же заговоры), во всех, кроме партизанских, добровольческих частях. Подчеркивали безразличность населения, большевизм рабочего класса и части крестьянства,—одним словом, они изображали довольно верно то положение, что имело место на севере.

Вызванные представители фронта в большинстве своем выразили мнение, что англичане правы и что защищать Северную область собственными силами невозможно. Надо или эвакуироваться вместе с англичанами, или же увести войска на Мурманск, сократив тем самым фронт в десятки раз и обеспечив себе возможность спастись в Финляндию.

Полковник Костанди, знавший условия жизни Северного края, указывал, что если эвакуироваться на Мурманск, то это необходимо сделать до осени, так как зимою «отступать будет некуда, и вся северная армия станет добычей большевиков».

Ряд фронтовых начальников частей весьма категорически высказались «за эвакуацию с англичанами».

Настроение большинства офицеров вполне этому отвечало. Несмотря на успешное наступление, у фронтовых офицеров настроение было «обреченное». Так казалось и мне. Неоднократно говорили они между собой—«нет будущего», «попадем в руки большевиков», «станем добычей красных».

Один из немногих, князь Мурузи считал, что никогда не следует терять надежду, надо верить в себя.

Несмотря на мнение, определенное и единодушное, о необходимости ликвидировать Северный фронт и «не продолжать эту авантюру», штаб решил иначе. Генерал Миллер, пользуясь своей властью главнокомандующего и представителя Колчака, выслушав мнение и настроение фронта, постановил защищать Северную область. В этом решении с ним солидаризировался и начальник его штаба генерал Квинцинский, который был ярым сторонником защиты области «до последней капли крови».

Декларация генерала Миллера—оставаться в Северной области—была встречена весьма угрюмо фронтом, который расценивал это как «бонапартизм тыловых генералов, которые на крови фронта хотят построить свою славу».

После этого все время жизни Северной области, до самого ее падения, этот антагонизм все рос и рос. Насколько он был велик, показывает то обстоятельство, что тыловики не рисковали даже приезжать на фронт, так как там их обещали «вывести в расход».

Это нисколько не смущало тыл. Жизнь в Архангельске шла своим чередом. Торжественные обеды, гостями которых бывал весь генералитет, сменялись один другим.

III. Население. Его настроения.

Говоря о настроении фронтовых офицеров, я сказал, что они чувствовали себя обреченными. Настроение местного населения было иное, и оно лучше всего сказалось в дни объявления англичанами эвакуации.

Я положительно утверждаю, что иного мнения у самых широких и самых разнообразных слоев населения не было, как то, что:

«Большевики придут».

«Англичане уйдут, а они придут».

Только некоторые из руководителей местной демократии и интеллигенции надеялись на «авось». Но и эта надежда у них была какая-то слабая и робкая.

Помню, в эти дни был митинг в городском саду. Вы-

ступали различные официальные и неофициальные лица с призывом:

«Теперь, наконец, уходят англичане, и наше национальное самосознание может быть довольно.

Граждане, записывайтесь в добровольцы!»

Однако этот призыв остался гласом вопиющего в пустыне. Никто не записывался. Никто не шел добровольно. Наоборот, тот, кто не был связан с севером, записывался к англичанам на эвакуацию,—несмотря на строжайшее запрещение покидать Северную область.

Странное впечатление осталось у меня от настроений населения севера. Пока англичане были в области, общий голос—была ругань против англичан. Казалось, все беды и неурядицы в области порождены ими. И вот, уход английских войск решен, объявлен. И все считают истиной непреложной, что без англичан область существовать не может, что непременно придут большевики.

В кулуарах земско-городского совещания, тогда собравшегося, происходили любопытные разговоры.

Официально объявлялось, что область крепка и большевики не страшны. Такие декларации вотируются единогласно. И тут же те, кто вотировал, делятся между собою замечаниями:

«А ведь плохо. За англичанами жили, как за каменной стеной».

«Да, спокойно было. А теперь того и гляди, что придут красные».

«А наши войска?»

«Наши войска! Скажите еще: наши мужички. Да им все равно—большевики, не большевики, белые, красные. Только бы не трогали».

И, сталкиваясь с жителями Архангельска—с купцами, интеллигентами, рабочими—у всех встречал я одинаковую оценку положения. Здесь не было даже много логики, не было рассуждений, была лишь вера в то, «что иначе быть не может. Англичане уйдут—придут большевики».

И на мои неоднократные вопросы, требовавшие разъяснений: «почему придут?» отвечали с досадою: «нельзя говорить». Слишком для всех было ясно: «иначе не может быть».

Получался тупик. Непроходимый и всесильный.

Как же относились жители севера к неизбежности участи своей страны, к приходу большевиков?

Крестьяне, если исключить так называемые партизанские уезды, были в общей своей массе настроены пассивно и даже миролюбиво к большевикам. Они не строили особых иллюзий насчет большевиков. Ибо земли от последних они

не ждали, а о реквизициях и насилии слыхали и только отчасти верили им. Но они были убеждены, что с падением Северного фронта ликвидируется гражданская война, вернутся из армий их сыновья и братья. И кроме того, большевики в их представлении рисовались как «свои».

Осторожно, нехотя говорили крестьяне, наученные опытом. Они не любили болтать лишнее.

Спрашиваешь: «А ведь если придут большевики, плохо будет?»

«А кто его знает? Говорят одни, что плохо, а другие—хорошо. А нам что,—наше дело сторона».

Доминирующим настроением большинства крестьян была пассивность. И хотя в большинстве своем они не пережили и не изжили большевизма, но многие думали, что и вообще северному крестьянину большевизм относительно чужд.

И только поскольку он устал от войны и думал, что «мир даст большевик»—он и сочувствовал неизбежному концу Северной области.

Отличные настроения были у крестьянской интеллигенции: она была настроена определенно и резко противобольшевистски. И не только была противобольшевиствующей, но и стояла за активную защиту Северной области против красных. Только впоследствии, перед самым падением Северной области, появились и в этих кругах некоторые колебания, тенденции, пропитанные миролюбием по отношению к большевикам.

Рабочие круги Архангельска принадлежали к элементам, наиболее неудовлетворенным политическим бытом в области. Вначале, во времена верховного управления, они способствовали немало свержению большевиков, но постепенно все более и более росло их недовольство. Это последнее явилось следствием преследования властями профессиональных союзов, массовых арестов, высылок на Печору, кой-где незаконных и без суда, расстрелов военными властями оппозиционно настроенных рабочих. Последней каплей, отбросившей окончательно рабочих от власти С. о., была организация Миллером своеобразной каторги на Иоханге, необитаемом мурманском берегу. Посланные туда в большом количестве административным порядком, рабочие были в большинстве своем не большевики, а беспартийные. Они гибли там от цынги, холода, избиваемые начальником тюрьмы Судаковым. Об этой каторжной тюрьме мне придется еще рассказать подробнее: это одно из самых темных пятен в истории Северной области. Мне, увы, пришлось с ней столкнуться чрезвычайно близко и в условиях для меня кошмарных.

С рабочими Архангельска повторилась та же история, что происходила по неизменному трафарету на всех «белых» окраинах. Сначала рабочие приветствовали новую власть, потом постепенно росло у них оппозиционное настроение, и в конце концов они желали уже одного: прихода большевиков.

Были ли архангельские рабочие большевиками или большевиствующими? В общей своей массе, конечно, нет. Большевиков среди них почти не было. Это лучше всего видно из того обстоятельства, что с приходом советской власти большинство лидеров рабочих было взято под подозрение советским правительством, и присланы были владеть и управлять северным краем большевики из Петрограда.

За время моего пребывания в Северной области мне пришлось очень мало сталкиваться с рабочими, и то в дни, предшествовавшие падению Архангельска, но впечатление у меня осталось определенное и несомненное—большевизма настоящего в рабочих массах не было, а было недовольство политическими репрессиями и желание, более пассивное, чем активно-выраженное, советско-пролетарского правительства.

И мое удивление было немалое, когда после падения Северной области мне пришлось встретиться с прославленными военной властью за ярых большевиков Бечиным, Клиневым и другими и убедиться, что не только они беспартийны или меньшевистски настроены, но что и они немного побаиваются большевиков «из центра». А побаивались они их вполне резонно, так как числились за ними такие грехи, как оборончество и поддержка белогвардейцев.

Весь 1919 год настроение рабочих было пассивно-оппозиционно. Ни в чем их оппозиционность не проявлялась, и лишь когда стало ясно, что Северная область близка к падению, начались митинги на заводах и фабриках. Но и эти митинги были какие-то робкие; казалось, что рабочая масса не вполне была уверена в том, что большевики им принесут счастье.

Ко всему прочему нелишне отметить тот факт, что рабочего класса, как класса, в Архангельске почти не было, в сравнении с другими двумя группами населения: крестьянством и мещанством-купечеством, рабочие были весьма немногочисленны, слабы, не организованы, и их настроение, как бы оно ни было большевиствующим, не могло играть, да и не играло роли в судьбах области.

Настроение же обывателей заслуживает описания. Я не знаю, каково оно было при занятии области союзниками. Вероятно, была радость, но умеренная и отнюдь не бурная. Я же застал архангелогородцев в состоянии совер-

шеннейшего и глубочайшего безразличия к судьбам Северной области. Словно все это—и защита области, и уход союзников, и возможный приход большевиков—меньше всего касалось именно их. Угрюмые по своей природе, смесь великороссов с местными туземными полярными племенами, архангелогородцы живут замкнуто, чуждаясь общения, не тяготея нисколько к общественности.

Чем они интересуются? Что их волнует, спрашивал я местных старожилов, из бывших ссыльных.—«Бог их знает».

Действительно, театр наполовину пустовал даже тогда, когда играл В. Давыдов; концерты и собрания заполнялись почти исключительно приезжими, попавшими в Архангельск уже во время большевизма.

Происходила курьезная вещь: защищали область, управляли ею, делали высшую и прочую политику люди чуждые, далекие Северному краю, приехавшие из Парижа, Финляндии и Совдепии.

Крестьянство дало солдат. Но город Архангельск упрямо и настойчиво отклонял всякое привлечение его к судьбам области. Я говорил уже, что на призыв главнокомандующего и на декларацию земско-городского совещания о необходимости поступать добровольно в армию не откликнулся никто: записались два-три гимназиста—и только. Национальное же ополчение, организованное по почину Городецкого и Мефодиева, членов правительства и местных аборигенов, вылилось в конце концов в затею, дорого обходившуюся и бесполезную. Посланные на фронт ополченцы тотчас же утекали оттуда в тыл, под самыми благовидными предлогами, заполняя лазареты, эвакуационные пункты и санитарные поезда.

Можно было прийти в отчаяние от такой пассивности тех, кто, казалось, должен был быть в центре борьбы, являться ее стимулом.

На упреки, бросаемые местному купечеству, что оно интересуется только ценами на треску, что оно спекулирует английскими товарами и мехами, оно спокойно в свою очередь спрашивало: «А мы разве просили вас приходить защищать нас от большевиков? Нам и с ними было не скверно. Но, конечно, с союзниками лучше».

Обыватели были как будто довольны пребыванием союзников в области, они чувствовали себя за ними, как «за каменной стеной».

Но когда была объявлена эвакуация англичан, то архангелогородцы немного поволновались, понервничали, пытались упрашивать союзников остаться, но скоро успокоились. Настолько успокоились, что редко кто из местных жителей поехал с англичанами: уехал главным образом

пришлый элемент и несколько семейств местных богачей. Меньше всего верили архангелогородцы в прочность Северного фронта и в возможность защиты Северной области собственными российскими силами. Для них не было сомнений, что «придут большевики». И купец, и мелкий мещанин говорили с одинаковой убежденностью, что «большевик не может не прийти». «Где уж нам?» Насколько сильна была эта вера, показывает тот факт, что еще за четыре месяца до падения Северной области, в дни блестящих побед на Железнодорожном фронте, в Архангельске началась скупка советских денег, а также керенок, при чем их расценивали по весьма высокому курсу. Вместе с тем все набросились на меха, стали их покупать только, чтобы сбыть северные деньги: «чайковские» и «моржовки».—Придут большевики, куда мы их денем?»

Много и с разнообразными лицами приходилось мне говорить за шесть месяцев, отделявших уход союзников от времени падения области, и ни разу я не слышал ни одного слова уверенности в том, что возможна победа Северного фронта. Пассивность и непобедимая вера в приход большевиков царили среди обывателей Архангельска.

И здесь имело место обстоятельство привходящее: архангелогородцы не только не боялись большевизма, но до известной степени, в части своей, приходу большевиков почти сочувствовали. Не испытавшие, не пережившие большевизма во всех его проявлениях, местные обыватели были почему-то уверены, что большевизм переродился, что «он совсем стал хорошим».

Не раз приходилось в одном весьма богатом доме А-вых, исконных жителей Архангельска, слышать недоверие к моей отрицательной характеристике большевиков.

«Да это все было... А теперь большевики стали серьезнее. Не звери же они. Сами понимают, что на крови далеко не уедешь».

Надо ли говорить, какой жестокий урок получили архангельцы от большевиков?

Таковы были настроения в области: колеблющееся у крестьян, сочувствующе-большевиствующее у рабочих и пассивное у обывателей.

Эти настроения отнюдь не способствовали укреплению тыла и не давали поводов к вере в лучшее будущее.

Для большинства фронтовиков от этого еще мучительнее становилось. Вопрос: «Да для чего же мы защищаем область, проливаем кровь, мы, чужаки, когда местные жители—в лучшем случае—пассивно-доброжелательны?».

IV. Генерал Миллер и правительство.

Не раз на страницах оппозиционно настроенной к правительству прессы ставился вопрос: да существует ли у нас правительство?

Этот вопрос отнюдь не был риторическим, и самая его постановка отнюдь не была излишней.

Как известно и как мною уже было упомянуто в начале настоящей статьи, верховное управление, состоявшее из членов Учредительного Собрания северных губерний, было арестовано капитаном Чаплиным. По требованию населения, главным образом крестьян, члены означенного управления были вскоре же освобождены, и Чаплин получил «назначение» (он был командующим войсками С. о.) на Двину. Но история этим не кончилась. Под влиянием англичан, при слабой оппозиции американского посла Френсиса, произошла реконструкция власти в смысле ее поправения и обезличения. Позиция англичан была определенной: диктатура военной власти, как единственно умеющей «твердо править». Но пока такая диктатура не была еще реализована, англичане помирились на правительстве следующего состава: председатель Н. В. Чайковский, члены: И. Зубов, д-р Мефодиев, Городецкий, кн. Куракин и М. Федоров. Из них фигурой, с которой считались и союзники, и население, был только Н. В. Чайковский. И пока он был в области, правительство в значительной мере себя проявляло. Правда, не без конфликтов и справа и слева.

В начале 1919 года Чайковский уехал, и с его отъездом правительство оказалось всецело под давлением англичан и тех, кто последними управлял. Правительство этого состава не импонировало и не могло импонировать ни одной группе населения, и, как следствие этого, с ним перестало считаться и английское командование.

Причины к этому следующие.

В правительстве не было никого из демократических элементов, ставленников земства, крестьян или рабочих. Ибо хотя М. М. Федоров и считался сочувствующим эсерам, но в действительности он был далек от партии эсеров и на нее во всяком случае не опирался. В правительстве он занимал левую позицию, нередко воздерживаясь от голосований ряда постановлений. Остальные члены правительства не только не возглавляли каких-либо политических партий, или групп населения, но некоторые из них были «чужаками», приезжими, имя которых ничего не говорило населению.

Отличительной чертой, совершенно обесценивающей это правительство, была удивительнейшая пассивность членов

его, в частности председателя Зубова, как «носителя власти». Петр Ильевич Зубов, милейший и культурнейший человек, настоящий чеховский интеллигент. Нередко повторял он, и с превеликой искренностью, «что мы за властью не гоняемся», «пусть приходят другие», «да к тому же все это здорово надоело». Аналогичные настроения были и у М. Федорова. Кн. Куракин уехал в Сибирь. Д-р Мефодиев повидимому более интересовался своей практикой, чем правительственными делами. Все это не могло служить к укреплению власти или к поднятию ее авторитета. Но это было на-руку военной власти. Все это подготавливало военную диктатуру.

Еще при Чайковском приехал генерал Миллер, который, пока Марушевский оставался командующим, получил пост генерал-губернатора с подчинением ему управляющего внутренними делами. Последним был назначен В. И. Игнатьев, нар.-соц., человек дельный и энергичный, но страдавший совершенно несоразмерным самолюбием и честолюбием. Эти качества, испортившие ему отношения с англичанами, помешали ему объединить вокруг себя демократические элементы и в конце концев, не получая ниоткуда поддержки, он был уволен от своей должности и уехал к Колчаку.

Подчинение гражданской власти военной и смешение их не только в центре, но и на местах, повлекло за собою бесконечные неурядицы и недовольство со стороны населения. Нередки были высылки в административном порядке, производимые генерал-губернатором собственной властью. Так сотни рабочих были высланы в сентябре на Иохангу.

Так же широко практиковались военно-административные заключения в тюрьму, реквизиции и другие вмешательства в гражданское управление краем. Все это подрывало и без того невысоко стоящий престиж гражданской власти. Часто слышалось: «все зависит от Миллера». И это соответствовало действительности. К этому же времени, чтобы еще более ограничить круг деятельности гражданского управления, при генерале Миллере, как при генерал-губернаторе, была образована «Особая гражданская часть». Начальником этой последней был назначен Миллером молодой человек К. П. Шабельский, человек определенных, весьма правых убеждений и столь же определенных тенденций. И само собой, что в руках этого последнего фактически сосредоточилось все управление гражданской частью края. Управляющий внутренними делами был в полнейшей зависимости от Шабельского, и дела, даже не особенно важные, требовали разрешения самого генерала Миллера.

Таким образом, с одной стороны, правительство, по

своей слабости и безличности, находилось в руках генерала Миллера, как члена правительства, а гражданская часть подчинялась ему, как генерал-губернатору. Все это по существу создавало в крае власть военных, то, что называется «военная диктатура» и что, конечно, весьма определенно и ясно сознавалось различными кругами населения. Одни были недовольны и считали, что «такую власть надо убрать», другие наоборот, были рады и полагали, что именно «диктатура военная и может удержать область в руках у белых».

Гражданская война заставила меня довольно спокойно относиться к положению, что для победы необходима диктатура. Для меня стало более чем очевидным, что сила большевиков—не только в их активности, которой были лишены их противники, но и в твердой, не отступающей ни перед чем, власти. Но если твердая власть и есть необходимое условие для победы, то во всяком случае не ею одной куется последняя. Чего—чего, а твердой власти наши военные не были лишены. Но они были лишены многих других качеств, которые были у того, кому они хотели подражать,— у Наполеона. Бонапартизм русских генералов решительно не того качества, которое способно было бы принести им победу. Ибо для них все начиналось с твердой власти и кончалось ею же. При чем часто они довольствовались лишь внешним проявлением этой твердости.

За два дня до падения С. о. на улицах Архангельска меня остановил генерал Х. и начал распекать за то, что я не отдал ему чести (я был в военной форме). «Хотя вы— член правительства и писатель, но честь вы мне должны отдавать. Захочу—и посажу вас на гауптвахту». Я молчал. Хотя, правда, даже чисто формально, вина была не на моей стороне. Было темно. Свирепствовала снежная буря. А я шел в стороне, перегоняя генерала Х. Видеть его я решительно не мог. Однако он меня заметил, догнал и распек.

Это чрезвычайная мелочь. Но такой мелочью полна вся история военных диктатур на Севере, на Юге и в Сибири. Погоня за призраком твердой власти, а не за ней самой, не за тем, чтобы быть сильными, а чтобы казаться таковыми. И генерал Миллер, который среди других генералов выделялся сравнительной культурностью, тем не менее был типичным «российским военным диктатором». Он стремился к «окружению и оформлению» своей власти, мало заботясь о фундаменте, на котором она зиждется. Он сам неоднократно, а особенно его помощник Шабельский, допускали нетактичности в отношении политических, демократических групп С. о., и это несмотря на то, что именно эти группиров-

ки были особенно сильны. Рядом поступков он и его помощник во имя твердой власти совершенно разрушали внутреннее решение и единство, что и является условиями, необходимыми для подлинной твердой власти.

История российских военных диктатур показывает, что те, кто ставил на нее ставку, были глубоко неправы. Условия гражданской войны требуют от ее вождей тех качеств, которыми генералы отнюдь не обладали: они требуют широкого ума, умения понять интересы и желания населения, умения повести их за собой, и все это—на-ряду с существенно необходимым талантом стратегическим.

Пример большевиков показал, что русский генерал хорош тогда, когда его роль ограничивается исполнением. Они могут быть только, но не более, чем правая рука диктатора,—последним может быть отнюдь только не российский генерал.

Но интеллигент русский, преисполненный пассивности, в эти годы гражданской войны не мог этого понять. Находясь под гипнозом ореола генеральских погон, он уступает без сопротивления часто изумленному этой пассивностью генералу всю власть.

Так было на Волге, когда отдали всю власть ген. Галкину, так было в Сибири, то же произошло и на Севере.

Процесс кристализации твердой военной власти, который имел место на Севере, отвечал желаниям англичан и находил в них во всех тяжелых случаях поддержку и одобрение. Но вот решен уход англичан. Последние, как я уже говорил, предлагали русскому командованию тоже эвакуироваться. Этот момент совпадает с появлением известной холодности между русским и английским генералитетом. И тогда совершенно неожиданно генерал Айронсайд находит, что нужно реорганизовать правительство, что необходимо, чтобы оно было более демократично—вот «как у нас в Англии». Благодаря этому земско-городское совещание, созыв которого откладывался правительством с месяца на месяц, было созвано. На настроении этого совещания и его постановлениях придется остановиться в следующей главе, здесь замечу только то, что оно было довольно оппозиционно, требовало «совершенно другого правительства», но в конце концов согласилось на следующий состав: генерал Миллер, П. Зубов, Багриновский (бывший городской голова Архангельска), Цапенко, М. Федоров и без портфеля два эсера: П. Скоморохов и Едовин. При этом личностью боевой, твердой, пользующейся большим влиянием в земских кругах, был П. Скоморохов.

Но это правительство, хотя оппозиция и была в меньшинстве, оказалось несовместимым с принципами «военной диктатуры».

Разойдясь с Миллером в вопросах об амнистии и об упорядочении гражданских прав, оппозиция, иначе—ставленники земско-городского совещания Скоморохов и Едовин,—вскоре после рабочей забастовки вышла из состава правительства. И последнее стало однобоким.

К этому времени уезжают англичане, а незадолго до того получается распоряжение от уже агонизировавшего Колчака об упразднении Временного правительства Северной области и об управлении последней генералом Миллером. Это распоряжение пришло в ответ на признание правительством С. Колчака как верховного правителя.

Предложение «самоупразниться» было поставлено на обсуждение правительства, вернее, той его части, что осталась за уходом оппозиции. Решительно возражали против самоупразднения Багриновский и Федоров. Зубов относился пассивно.

По причинам чисто формальным не последовало проведения в жизнь распоряжения из Омска. Ибо разразившаяся катастрофа ставила генерала Миллера в неудобное положение, лишая его последней опоры. И вопрос остался висеть в воздухе. Правительство изредка собиралось, обсуждало кое-какие дела, но не имело уже даже и тени авторитета.

В газетах прямо писалось, что «правительства у нас, слава богу, нет, а есть главнокомандующий». Победы на фронте еще более укрепили военную диктатуру, сведя совершенно на-нет гражданскую власть. Она была и не была. Управляющие отдельными ведомствами являлись с докладами не к Зубову, который был председателем правительства, а к Миллеру. Все делалось по указаниям и по воле последнего.

Багриновский, который был управляющим внутренними делами, чувствовал себя, как он потом заявил мне, «совершенно бессильным и ненужным». Он был только чиновником и больше ничего.

Общественное мнение, демократия и политические партии, повидимому, считались как с совершившимся фактом с упразднением Временного правительства С. о. и окончательным укреплением военной диктатуры.

Так продолжалось четыре месяца, до того времени, когда падение области стало очевидным, когда оно стало фактом завтрашнего дня.

Тогда генерал Миллер снова обратился к общественности и вспомнил о правах правительства.

V. Демократия. Ее позиции.

Архангельск издавна имел репутацию города демократического, с некоторым уклоном в сторону социалистических настроений. Это объяснялось и большим количеством старых ссыльных, после срока своей ссылки оставшихся в городе, а также и характером северных жителей, не испытавших крепостного права, привыкших к свободе и к независимости. Дворянство на Севере также отсутствовало. Чиновничество же было относительно немногочисленно и нередко пополнялось из бывших ссыльных. Эта демократичность интеллигенции и местного населения в то же время каким-то причудливым образом сочеталась с угрюмостью, нелюдимостью и даже с какой-то антиобщественностью, о которых я выше упоминал.

С приходом союзников и с приездом в область большого количества «чужаков», нахлынувших сюда из Совдепии и из-за границы, образовались и правые группировки. Некоторые из них, как, например, группа Е. Семенова, издававшего газету «Отечество», получали поддержку от главнокомандующего.

Довольно влиятельной была группа местных кадетов, объединявшая деловую интеллигенцию и купечество, но и у этой группы, издававшей недурную газету «Русский Север», не было большой связи с местным населением.

Демократические партии были представлены эсерами и эсдеками. Но последние были чрезвычайно немногочисленны, имели только десятки членов среди рабочих и единицы среди обывателей, не имели собственного органа и в большинстве сотрудничали в газете «Возрождение Севера». Последняя официально была беспартийно-социалистической, но фактически принадлежала эсерам.

Социалисты-революционеры представляли собою на Севере безусловную силу, имели значительные связи в уездах и многочисленных сторонников в партизанских отрядах, особенно Шенкурского уезда. Эти связи и влияния, несомненные в 1918 году, ко времени падения Северной области в некоторой степени уменьшились. Произошло это благодаря расхождению в вопросах тактики лидеров эсеров и сочувствующих эсерам масс.

Дело в том, что со времен еще верховного управления платформа местных эсеровских кругов была близка к «Союзу возрождения», и они стремились к совместной работе с местными несоциалистическими элементами. Их общая политика была настолько напрямик соглашательская, что они не выступили против Колчака даже тогда, когда париж-

ские и московские эсеры делали это весьма резко и определенно. В области внутренних отношений, несмотря на видимое тяготение военной власти к автодиктатуре, местные эсеры поддерживали мероприятия военного командования. И если и не поддерживали, то и не протестовали. На этой почве возникло прежде всего в интеллигентских кругах, а потом и в крестьянстве недовольство. Те настаивали на реорганизации правительства, на том, чтобы правительство в С. о. было демократическим, «своим», против этого решительно возражали руководящие круги. Для них казался единственно правильным в данный момент лозунг «единый противобольшевистский фронт». Во имя сохранения этого лозунга они шли на большие уступки. Так, даже после осуждения Бечина, Клюева и пр., выступавших с открытой критикой правительства, не прекратилась поддержка последнего демократическими кругами и газетой «Возрождение Севера». На вопрос, предлагаемый с мест, почему демократия не берет власть в свои руки, был неизменный ответ, что «это нарушит единый противобольшевистский фронт и что этому мешают союзники». Действительно, как мы видели, англичане держали свою линию поведения по пути к военной диктатуре, и всякое требование, желание или просьба со стороны демократических кругов Севера встречали у них оппозицию. Это касалось и демократизации правительства, и созыва земско-городского совещания, и упорядочения судопроизводства. И все-таки, хотя это все и было, но главное, что побуждало лидеров к «соглашательству», было желание удержать единый фронт.

Позиция архангельских эсеров во многом совпадала с мнением, которое в то время защищал Н. В. Чайковский в Париже.

Слева некоторые недовольные не раз ставили вопрос руководящим демократическим кругам Архангельска:

«Почему вы поддерживаете военное командование? Почему вы ему фактически подчиняетесь, хотя имеете полную возможность подчинить его своей воле?»

Ответ был неизменен и очень похож на тот, что давали известные демократические круги и на юге России, и в Сибири, и на Украине:

«Мы не за диктатуру, но мы за твердую военную власть. Только она может спасти область. Если мы возьмем власть, а это мы сейчас не можем из-за англичан, то военное командование и офицерство откажется итти за нами, и в итоге будет разложение армии, разрушение фронта и падение области».

Оппозиция слева, состоявшая из отдельных социалистов-революционеров и меньшевиков, ни в чем себя не проявляла,

кроме критики позиции руководящих лиц во время собраний—частных и земско-городских.

Оппозиция была пассивна. Лица, не согласные с направлением газеты «Возрождение Севера», просто отошли от политики, ушли в свою жизнь и свои интересы. Так, например, видный эсер Гуковский, начиная с апреля и по день своего отъезда (в октябре), редко даже заходил в редакцию газеты и еще реже писал в этой газете.

П. Скоморохов, видный земец, имевший большое влияние в земских кругах, не имел большого партийного стажа, поэтому, несмотря на свою левизну, считался сам весьма с настроениями эсеровского центра и подчинялся де факто его директивам.

Среди открытых выступлений, резко оппозиционных, я знаю всего только два за весь 1919 год.

Первое, это было выступление на митинге и в думе в марте с речами, направленными против «вялого правительства» и против «союзников и военной диктатуры». Речи были произнесены Бечиным—председателем Совета профессиональных союзов, Клюевым и Цейтлиным—членами правления последнего. За эти выступления последовало жестокое наказание (каторга), хотя по существу ораторы не выходили из рамок парламентарской критики. Но это выступление, осужденное правительством, было произведено без санкции и не было одобрено демократическими сферами. Газета «Возрождение Севера» считала это выступление «ненужным и вредным», но в то же время весьма энергично выступила против наказания виновных. К этому надо прибавить, что выступавшие лица были дикими (Бечин и Клюев) и ни к каким партийным группировкам не принадлежали.

Другое выступление—была забастовка рабочих в сентябре, в виде протеста против отказа правительства дать амнистию многочисленным политическим осужденным по суду и административно заключенным.

Эта забастовка, совпавшая с наступлением на фронте, встретила осуждение со стороны эсеровских кругов и была, повидимому, организована усилиями архангельских большевиков.

Этими двумя выступлениями и ограничивается активное проявление себя недовольной правительством оппозиции.

Позиция, занятая руководящими эсеровскими кругами, встречала, как я уже говорил выше, критику со стороны некоторых более лево настроенных членов этой партии. Эта критика, превратившаяся в самокритику, особенно проявилась во время земско-городского совещания, происходившего незадолго до ухода союзников.

Это первое земско-городское совещание, находившееся под сильным влиянием эсеров, было очень бурным и значительно оппозиционным к соглашательской, уступчивой политике демократических сфер.

Требовали образования своего или, в крайнем случае, разбавленного буржуазией правительства.

Требовали «укрощения» военного командования, ограничив его деятельность исключительно делами военными.

Приехавшими из уездов земцами указывалось на «все большее вмешательство военных властей в жизнь населения».

«На процветание административных взысканий».

«На рост недовольства среди крестьян, которые говорят, мол, что правят областью генералы и баре».

«Что кое-где начинают похваливать большевиков, особенно же в Архангельском уезде».

После долгих и весьма длинных прений во фракциях, после неоднократных бесед с Миллером и генералом Айронсайдом, все же идея «единого противобольшевистского фронта» и «принципа соглашения» осталась в силе. Победило, таким образом, направление, олицетворявшееся газетой «Возрождение Севера».

В состав правительства были посланы два наиболее активных и видных земца (без портфелей): П. Скоморохов и Едовин. Решено было «поддерживать всеми силами это правительство». И, наконец, по вопросу об оставлении союзниками области—«признать это угрожающим для последней. Настаивать на том, чтобы англичане остались в области». И даже решено было послать своих представителей в делегацию, отправленную в Лондон просить англичан остаться и не покидать Северного фронта. Представителем эсеров был избран Мацкевич, впоследствии расстрелянный одним из первых большевиками.

Несколько слов об этой делегации.

Составленная из представителей различных политических партий, она выехала в сентябре и вернулась в ноябре. Посещение ею Англии было, конечно, безрезультатно, и сама делегация встречена была англичанами с недоверием.

Итак, единый фронт был подтвержден и притом таким (относительно) авторитетным учреждением как земско-городское совещание. Однако процесс, который развивался в области, не мог остановиться, и кристаллизация военной диктатуры заканчивалась.

Представители демократии Скоморохов и Едовин, убедившись, что правительство является только «совещанием при главнокомандующем», и не желая оставаться в меньшинстве, вышли из состава правительства. Этот выход пред-

ставителей земско-городского совещания, так же как последовавший около этого времени отказ генерала Миллера остановить новые многочисленные высылки и аресты, привел к окончательному крушению позиции союзовозрожденцев.

А. Иванов и П. Скоморохов, с которыми мне пришлось в это время говорить, так формулировали свою новую тактику.

«Для нас ясно, что говорить об искреннем соглашении с генералом Миллером не приходится. У нас военная диктатура и военный диктатор, который готов допустить совещательный орган при своей персоне, но не больше. При таких условиях, которые мы считаем губительными, оставаться в правительстве мы не можем. Пропадает и подлинный «единый фронт». Но мы не хотим мешать генералу Миллеру защищать область и будем ему помогать там, где можем. Во всяком случае всякую оппозицию против него будем сдерживать».

И газета «Возрождение Севера», заняв критическую позицию по отношению к Колчаку, продолжала поддерживать генерала Миллера и остатки правительства вплоть до закрытия газеты в день падения области, 19 февраля.

Новая позиция эсеров, попрежнему пассивно уступчивая, встретила резкую критику, особенно на местах. Неоднократно с мест требовали активной политики, требовали взять власть в свои руки. Особенно защищали эту активность партизанские уезды и партизанские части. Делегации, требовавшие отпора и состоявшие как из офицеров, так и из солдат, считали активность необходимой и обещали поддержку реальной силой. Тем не менее, центр решительно отстаивал мирную позицию, ибо, как писало «Возрождение Севера», «у нас один враг—это большевики, всякие внутренние распри мешают борьбе с этим врагом. Никаких выступлений. Никаких самочинных демонстраций. Все на защиту фронта». («В. С.». XI.)

Отказавшись от участия в правительстве, демократия не отказалась от поддержки фронта.

Несмотря на расхождение в оценке положения центра и мест,—внутри демократии С. о. существовало завидное единение, какого я нигде в другом месте не наблюдал. Левые и правые не только составляли единое целое, но и не помышляли о фракционных делениях. Этой цельности отвечал и контакт, существовавший в области между массами и вождями ее, руководителями, интеллигентами. В это время, как всюду по всей России, приходилось наблюдать обострение отношений между массами и интеллигенцией.

Здесь же на Севере я не мог этого заметить—при всем существовавшем расхождении в настроении и мнениях между теми и другими.

При наличии чрезвычайно умеренной политики демократических сфер, политики, которая считалась многими вредной, оставались все-таки взаимное доверие и поддержка. Мне ни разу не пришлось слышать по адресу верхов столь излюбленных в России эпитетов, направленных против неугодных лидеров: «продались генералам», «прихвостни буржуазии» и т. д. В самые последние дни существования области и после ее падения, когда многие упрекали демократию в «тяжких грехах соглашательства»,—широкие круги крестьянского населения остались верными своим лидерам, спасали их, укрывали.

Да и вообще не было в северянах, в частности в северных войсках, ненависти к интеллигентам и барам (исключение составляли горожане и пригородские жители). Разве не любопытен факт, что, как правило, солдаты не только отпускали своих офицеров в дни падения области «домой», но оставляли им и оружие и вещи.

«Ты уж, господин поручик, береги себя».

«Авось, господь поможет тебе, господин капитан, добраться до своего дома».

Такие напутствия слышались в тех частях, где не было коммунистов и где большинство солдат было из крестьян.

Это явление тесно связано с характером и натурой северян. В них нет и в помине того озлобления, затаенной обиды и ненависти к барам и интеллигентам, столь характерных для великоросса средней России. Здесь, на Севере, были только следы этих настроений, только отголоски, только отражение общероссийских настроений масс. Вместе с тем у северян и больше самостоятельности, больше и чувства собственного достоинства. Пассивность же и безразличие к судьбам Северной области находят объяснение в известном разочаровании в политике правительства и в имевших место притеснениях и незаконностях, которым население подвергалось со стороны местных военных властей, и, главным образом,—в недостатке общественного самосознания и в убеждении в правильности положения «наша хата с краю».

Говоря о демократии С. о. и об ее настроениях и поведении, нельзя обойти молчанием тех взаимоотношений, которые существовали между военным командованием и демократическими деятелями.

Как мною уже дважды было отмечено, верховное упра-

вление было арестовано капитаном Чаплиным, занимавшим тогда должность главнокомандующего. После того сменялись люди, изменялась обстановка, но происшедшее все-таки осталось в памяти и той и другой стороны. И в дальнейшем отношения между теми и другими отнюдь нельзя было назвать дружественными. Правда, генерал Миллер держал себя весьма лойяльно, нередко беседовал с А. А. Ивановым, оказывал последнему знаки внимания и иногда подчеркивал в разговоре с ним, что «он сочувствует принципам демократии и вполне их понимает». Но другие генералы и штабные не только не скрывали своей враждебности к демократическим деятелям, но и культивировали ненависть в офицерстве. Хотя оборончество и соглашательство эсеров в С. о. было «вне всякого сомнения», тем не менее почти официально говорили о разложении фронта социалистами и о том, что Иванов получает деньги от большевиков, и тому подобное.

Начальник штаба Железнодорожного фронта совершенно искренно любил заявлять вслух, «что лучше большевики, чем социалисты и эти демократы, да и вообще все интеллигенты». При чем он сваливал в одну кучу и Керенского, и Милюкова, и Гучкова. Все это были интеллигенты.

Эта организованная, я не могу иначе выразиться, травля демократических деятелей некоторыми высшими чинами армии не могла не отразиться на настроении офицерства.

Рядовое офицерство, за исключением партизанских частей, было настроено враждебно к социалистам и демократам, но в некоторых специальных частях и штабах настроение было даже активным в смысле враждебности, и ряд эксцессов, весьма вредных по своим последствиям, записан в истории С. о.; эти случаи даже отмечены в приказах главнокомандующего.

Такова была история с А. И. Гуковским. Не сочувствуя позиции «Возрождения Севера», он отошел от политики, работал над своей научной работой и жил весьма уединенно. Даже его приятели редко могли его видеть. Тем не менее для воинствующих черных он оставался бывшим членом верховного управления и считался лидером эсеров. Незадолго до его предполагаемого отъезда за границу, вечером к нему позвонил неизвестный и в упор ранил Гуковского в грудь на вылет. Гуковский долго был между жизнью и смертью, но, несмотря на свой почтенный возраст, он выжил. Расследование, произведенное прокуратурой, не дало результатов. И только после падения С. о. выяснилось, что это дело рук чаплинцев.

Другой из более характерных случаев произошел уже в январе 1920 года. Офицеры броневого дивизиона, отли-

чавшиеся особой нетерпимостью, неверно, по своему, поняли одно стихотворение, помещенное в газете «Возрождение Севера», и решили убить Иванова.

Сказано—сделано.

На броневике они подъехали к редакции, но, к счастью для Иванова, его не нашли.

Они едут к нему на квартиру. Тоже не находят. Угрожают его жене.

Предупрежденный Иванов бежит к Миллеру, и в результате ретивым офицерам в особом приказе главнокомандующего разъясняется, «что они неверно поняли означенное стихотворение, которое написано не в прославление большевиков, а в их осуждение».

Если генералитет недолюбливал демократии вообще, то он решительно не переносил домократически настроенных офицеров и весьма их притеснял.

Я говорил уже о полковнике Костанди, который отнюдь не был демократически настроенным офицером, но почему-то считался «красненьким». Этого было достаточно, чтобы держать его в черном теле.

Аналогичных случаев было немало, и каждый, служивший в Северной армии, помнит их отличию.

Артиллерийский полковник Аргамаков, прекрасный офицер, проведший все время наступления на передовых позициях, увольняется и отправляется в Финляндию. Вся его вина—две статьи военного характера, помещенные в газете «Возрождение Севера», и демократическое настроение. Он не только увольняется, но ему дается сумма денег, достаточная только, чтобы доехать до финской границы. Не помогло ничто, ни даже то, что он был ранен на фронте.

Подполковник Брюмер, один из лучших офицеров артиллеристов Северного фронта, был назначен тоже к увольнению, и его спасли от этого только начавшиеся осложнения на Двинском фронте.

Подполковник Чубашек, прославленный герой—один из храбрейших офицеров партизанских батальонов. О нем рассказывали чудеса смелости, отваги и ловкости. За один год выдвинулся он из поручиков в подполковники, но здесь был замечен как посетитель редакции «Возрождение Севера». Этого было достаточно, чтобы был решен его перевод на Печору. В одном горячем сражении он попал в плен. Начальник штаба фронта, узнав об этом, доложил с улыбкой командующему:

«Слава богу, избавились от одного социалиста!»

Увы, это не россказни, это факты, подобных которым было немало.

Неустойчивое положение области, конечно, не могло упрочиться от подобных внутренних распрей.

Недовольство фронта тылом, недоверие одних офицеров к другим, антагонизм, существовавший между военной властью и населением, разочарованность в рядах демократии и связанный с этим все растущий большевизм в городских кругах расшатывали и без того непрочные основы С. о.

В заключение этой главы—несколько слов об юдофобстве.

Последнее не имело сильного распространения в области, но, конечно, ему не чужды были власть имущие.

Один случай остался в моей памяти наиболее тяжелом воспоминанием...

Среди многих врачей С. о. был один врач-еврей Иоллос, приехавший из Парижа. Он был больной, с тяжелым ревматизмом, беспомощный, почти никогда не живший в России.

Шабельский посылает его в глубь Печоры. Командировка эта была для него равносильна полной гибели. При этом не составляло тайны, что его отправляют туда как еврея, ибо на фронт его «нельзя послать. Будет его разлагать».

Дальнейшая судьба Иоллоса, после прихода большевиков, мне неизвестна.

VI. Из жизни фронта.

Гражданская война имеет свои законы, свои привычки, свои навыки.

И те, кто хотел строить армию, руководясь былыми операциями, организовывать фронт, исходя из законов, выработанных для «войны с неприятелем», должны были скоро убедиться, сколь несостоятельны подобные желания.

Армия, казавшаяся крепкой, созданная с превеликим трудом, иногда разваливалась, распадалась, как карточный домик.

Солдаты, которые еще вчера казались, как это было, например, у Колчака, усвоившими всю психологию прежней армии,—как-то сразу лишались всех своих боевых качеств и из белых делались зелеными, нередко и красными.

Гражданская война потребовала для армий особой спайки, внутренней, более крепкой, основанной более чем на внешней дисциплине.

И если обычно на фронтах не гражданской войны неудача деморализовала войска, порою весьма надолго, если такая неудача превращала полки солдат в скопище раз-

нузданных людей, то что же приходится сказать о гражданской войне! Ведь здесь малейшее, иногда само по себе несущественное поражение влекло за собой тяжелые, уже непоправимые последствия.

Психология—вот что царило, господствовало на гражданских фронтах.

На Вольском фронте народная армия наступает. Успех ей сопутствует. Сотни разбивают тысячи, десятки тысяч. Как результат победы, отовсюду текут добровольцы. Подвозятся припасы. Но вот неудача. Небольшое отступление—и все кончено. Вольская армия Махина перестает существовать. Белые солдаты массами переходят к красным. Население, напуганное грядущим приходом большевиков, перестает давать подводы, прячет провиант. Получается картина полного разгрома.

Для гражданской войны нужна какая-то особая, железная сверхдисциплина. Это хорошо поняли большевики. Но они поняли ее своеобразно и решили, что одной дисциплины мало, что нужна внутренняя спайка, цемент, который не позволял бы развалиться зданию от первого же пичтожного дождя, они этим цементом, вкрапленным в мельчайшие воинские единицы, поставили комъячейки. Благодаря последним они держали в своих ежовых рукавицах солдатскую массу. Но держали ее не только наружной спайкой, но и внутренней.

Что противопоставили им белые правительства, белые армии?

Увы! Как правило, весьма общее для большинства белых фронтов,—белое командование обычно ограничивалось требованием прежней дисциплины, установлением прежних навыков. Оно не находило нужным считаться с законами гражданской войны. И внутренняя спайка армии редко где имела место и еще реже где культивировалась как необходимая для победы. Исключение составляли добровольческие части, но армия не могла состоять из них одних, ибо им были противопоставлены сотни тысяч регулярных войск Красной армии.

Существует мнение, мною не раз слышанное здесь, за границей, что наша гражданская война имела редко сражения упорные и кровопролитные. Указывается, что, как правило, имели место лишь небольшие стычки, где одна из сторон, менее устойчивая, быстро сдавала свои позиции и обращалась в бегство. Позиционная война, хоть сколько-нибудь напоминающая русско-германскую войну, совершенно отсутствовала.

До известной степени с этим приходится согласиться. Разница между германским фронтом и фронтом гражданской войны была весьма велика. И по своей боевой обстановке и по характеру сражений.

Тем не менее, на Железнодорожном фронте мы видим как бы в миниатюре сколок с германского фронта. Именно в миниатюре, в дозе микроскопической. Ибо фронт здесь был шириной в несколько десятков саженей, а справа и слева—непроходимые, вернее, трудно проходимые болота и лесные топи. Но на этом маленьком участке были все черты, свойственные обычной позиционной войне. Три, иногда четыре весьма хорошо укрепленных линии проволочных заграждений, прочные блиндажи, глубокие окопы. Порой жесточайший артиллерийский обстрел. Иногда казалось, что он гораздо более жесток, чем бывал в великую войну. Ибо снаряды падали на место ограниченное, очень небольшое, с которого не было возможности двигаться ни вправо, ни влево. Жертвы от артиллерийского огня бывали особенно велики, чего, повидимому, не было на других белых фронтах; там наибольший процент падал на погибших при атаках или умерших от эпидемии. Раненые же, которые проходили через наши лазареты на Железнодорожном фронте, почти, как правило, бывали ранены снарядами.

Являя собой сколок с русско-германского фронта, Железнодорожный фронт имел и другую черту, сближавшую его с этим последним и отличавшую его от других гражданских фронтов,—это отношение к военнопленным. Отношение к ним было гуманное. Их не только не расстреливали, не избивали, но нередко заботы о них заслуживали самого лучшего отзыва. Исключение из этого правила составляла деятельность некоторых членов контр-разведки, оставшихся верными принципам беспощадной расправы с подозреваемыми в большевизме. Особенно отличался поручик В—г, которого неоднократно упрекал Мурузи в самовольных расстрелах пленных красноармейцев. Деятельность поручика В—га вполне отвечала настроениям и нравам архангельской контр-разведки.

Обычно же взятые в плен красноармейцы, голодные и раздетые, отправлялись в ближайшую тыловую станцию. Здесь их кормили, поили чаем, во избежание эпидемии тут же мыли и давали им чистое белье,—и только после всего этого везли их в Архангельск или вообще в более глубокий тыл. Раненые же красноармейцы пользовались в наших лазаретах всеми правами гражданства. Они лежали в общих палатах, и никаких различий между белыми и красными мы, врачи, не делали.

Правда, бывали исключения и здесь. Рассказывали о

военном враче А—ве, который отказывался перевязывать и оперировать красных, доставляемых в его околоток, и будто бы,—этому не хочется верить,—если он и оперировал, то надевал на тяжело раненых сильные хлороформенные маски, отправлявшие пленных на тот свет. Но этот врач А—в, конечно, составлял исключение из общего правила.

Был, помню, такой случай.

Привезли коммуниста с разрушенной снарядом ногой.

Врач лазарета К—р приготовлялся его оперировать.

Начальнк штаба фронта Г—ский серьезно стал против этого протестовать.

«К чему возиться с этой падалью, прикончить его надо».

Но его слова встретили резкий отпор со стороны К-ра, указавшего, что для медицины нет партий, есть только раненые. Подобное же гуманное отношение к раненым красноармейцам поддерживалось и князем Мурузи. Он всегда отстаивал то мнение, что «красноармейцы—те же русские». Но главным мотивом его требования хорошего обращения с красноармейцами было то, что «это необходимо, чтобы они не боялись итти в плен». И действительно, на нашем Железнодорожном фронте солдаты неприятельской армии не боялись итти в плен.

Это вызывало и другие последствия: происходило своеобразное смягчение обычно беспощадной гражданской войны. Красные, узнав, что на белой стороне не расстреливают, стали тоже воздерживаться от применения расстрелов. Но война остается войной. У войны—свои законы, и эти законы кажутся особенно выпуклыми и уродливыми в условиях гражданской борьбы.

Я захожу в окоп.

Бородатый солдат спокойно нацеливается и стреляет.

«Попал. Ишь упал».

«Кто упал?»

«Да красный. Вылез из окопа. Полез доставать своего убитого».

«А за что же ты его убил?»

«Да, убил».

«И не жалко тебе?»

«Чего жалеть. Ведь противник, небось. Красный».

Убивались свои, те же русские, иногда из родной деревни, города.

И такова психология войны, что это стушевывалось, отодвигалось в сознании далеко, в самую глубь. Оставалось одно — враг, противник, надо его убивать, в него стрелять.

И с той и с другой стороны были солдаты мобилизованные, которым не было никакого дела ни до белых, ни

до красных. Им хотелось одного: «чтобы уважили их желание—ехать домой, ибо моя хата с краю».

И однако вот этот бородач, он—правило, он как все. «Враг—значит, стреляй».

С артиллерийской вышки, расположенной на высокой сосне, бывало видно попадание снаряда.

С капитаном М-ским мы иногда ходили смотреть, как будут попадать снаряды в красных.

Группа красных суетится у вагонов и, повидимому, обедает.

После двух-трех перелетов шестидюймовый снаряд разрывается у вагона. Видно, как несколько красных упало, другие побежали. Один из побежавших через несколько шагов падает.

Капитан М-ский радуется.

«Вот здорово попало. Пожалуй пятерых уложило».

«Так им и надо».

И все это говорится спокойно. Между делом. И никому, ни ему, ни мне, не кажется это страшным и чудовищным.

При занятии полустанка на 405-й версте, между Емцами и Плесецкой, у красных были большие потери ранеными и убитыми.

Убитые, в одной общей куче, небрежно собранной, лежали у полусожженного станционного домика.

Кругом стояли солдаты.

«А вот этот, поди, штыком проткнут. Ишь, гимнастерка вся разорвана и крови много вышло».

Солдат наклоняется и поворачивает убитого, чтобы лучше рассмотреть.

Глянуло на свет безжизненное лицо рыжего мужика, с маленькой, жидкой бороденкой.

«Да это никак из наших, из онежских».

Подошли еще онежские и стали спорить. «Наш ли онежский, брат лабазника Федора Кривого этот убитый мужичок или нет?»

К коммунистам, даже убитым, была ненависть неприкрытая.

Убитого при взятии ст. Емцы унтер-офицера, с большой красной звездой, прикрепленной к борту разорванной штыками кожаной куртки, солдаты долго не позволяли хоронить.

«Пусть полежит, собака. Когда их солдаты бежали сдаваться в плен нашим и начали кричать—«сдаемся, сдаемся»,

этот рассвирепел и двоих из красных уложил из револьвера. Лютый, сказывают, был, даром что только взводный командир. Из старых унтеров. Не за страх служил, а за совесть».

Странные впечатления остались у меня в памяти от красных офицеров, не коммунистов, а мобилизованных, и от приема их нашими офицерами. Был какой-то надрыв, плохо скрытая злоба, недоверие. Целый комплекс чувств, переживаний гражданской войны и деления на «них» и на «нас».

В штаб 3-го полка привели двух офицеров, хорошо одетых, в рейтузах, с красными звездами-кокардами на офицерских фуражках. Взяты были при кавалерийской стычке, столь редкой на нашем фронте.

Адъютант, поручик В., опрашивал их намеренно грубо, резко, с досадою.

— Красный офицер? Фамилия?

— Так точно,—называет фамилию.

— Где служили?

— В лейб-гвардии Уланском полку, в чине ротмистра.

— И не стыдно было служить у этих сволочей?

— Мобилизовали, господин поручик.

— Так что же, убежать не могли?

— Семья. Советское правительство держало ее заложницей за меня.

— Рассказывайте,—новые ругательства,—все вы так говорите.—Шагом марш!

Из чего рождалась эта ненависть, эта грубость, эта нечуткость со стороны белых офицеров к мобилизованным красным? Ведь ясно было, в сколь тяжелом положении пребывали, да пребывают и теперь, мобилизованные в Красной армии офицеры, и как бережно к ним следовало бы отнестись. Однако война рождает свои настроения, а гражданская война тем более, — особенные, сложные, двойные.

И красные офицеры платили нередко той же монетой.

Взятый после падения области в плен престарелый генерал Петренко, командующий Мезенским фронтом, узнал, что во главе красной дивизии, прибывшей в Архангельск стоит экс-генерал Самойлов. Этого последнего генерал Петренко хорошо знал в прежние годы, и они даже, кажется, были сослуживцами. Генерал Петренко, находившийся в тяжелых условиях ареста, попросил свидания с Самойловым. В ответ на просьбу своего бывшего сослуживца Самойлов ответил: «Не хочу видеться со всякой белогвардейской дрянью».

Передавший мне эту историю Костанди говорил, что экс-генерал Самойлов был искренно возмущен дерзостью

белого генерала. Возмущен, а может быть, и просто боялся близости с белыми.

Об этом именно Самойлове Троцкий в одном из приказов отозвался как «о самом верном генерале, первом пришедшем на помощь Советской Республике и три года ей служащем».

Итак, гражданская война на Железнодорожном фронте была не чужда человечности.

Эта человечность была не только следствием, порожденным директивами командования, в частности князя Мурузи, но гораздо более следствием известной пассивности в настроении воинских частей как с нашей, так и с той стороны. Наши сражались хорошо. Еще лучше умирали. Но ни энтузиазма, ни подъема, ни особой ненависти у них не было. Сражались—потому что велено, что приказано.

«Не будешь сражаться,—будет хуже».

«Попадешь в плен к красным—тоже плохо».

«Здесь хоть кормят хорошо, там хуже».

Таковы мотивы, таковы разговоры, столь обычные среди солдат Железнодорожного фронта.

Пленные красноармейцы, составлявшие крупный процент солдатского состава, тем более были лишены активного отношения к войне. Измученные голодом на красном фронте, запуганные и задерганные,—они мечтали только об одном:

«Скорее домой, только домой».

А пока? Велено брать позиции, итти в атаку,—и они шли, шли и шли.

И их, исковерканных, израненных снарядами, приносили десятками и сотнями в наши лазареты. И здесь, безропотные, отупевшие, они стонали от тяжелых ран, умирали или радовались как дети, когда у них бывала надежда выжить и попасть когда-нибудь домой.

Пассивность, как основа, пассивность, как повседневность, проходила красной нитью через жизнь нашего фронта. Этому отвечало и настроение красных войск, стоявших по ту сторону окопов. Большевистская власть не придавала, очевидно, большого значения Северному фронту и посылала сюда части второсортные, лишенные, как это было мною отмечено, коммунистических ячеек, коммунистического цемента. Несмотря на холода, отсутствие жилых помещений, красные войска были из рук вон плохо одеты и еще хуже кормились. Все это еще больше усиливало пассивность, я бы сказал, отупелость красных солдат. Они шли в атаку, они защищали позиции, сдавались в плен или

отходили, но все это делалось в каком-то полусне, не понимая ни к чему это, ни для кого, ни во имя чего.

Они также безропотно умирали... Иногда я до боли в душе удивлялся, как раненый, и раненый тяжело, красноармеец переносил свои поистине ужасные раны.

Терпелив русский человек. Терпелив и глубочайше пассивен.

И подобно тому, как белые солдаты были весьма безразличны к интересам государственным, областным, также и красные солдаты были чужды интересам Советской Республики.

И, беседуя с красными солдатами, я тщетно пытался уловить у них хоть крупицу общенациональных настроений,—их не было. Была лишь полная пассивной грусти тяга к дому.

Так было на железнодорожном фронте, но не так было на Тарасовском.

Здесь с одной стороны были партизане, с другой—не чуждые коммунистическим настроениям красные войска.

Пассивности здесь не было места.

Вместо нее были озлобление, ненависть, упорная и жуткая, не останавливавшаяся ни перед какими жертвами.

Вопрос, который я себе не раз ставил, это—откуда, из каких недр родился русский коммунист. Ведь это в большинстве выходцы из серой пассивной массы, безразлично настроенной, и, однако, сколь они активны и упорны! Ибо этих качеств от русских коммунистов отнять нельзя.

Удивительнейшим биологическим отбором были они выдвинуты на арену русской жизни, возобновив давно ушедшие времена русского раскола, столь же отмеченного своей активностью и своим фанатизмом.

VII. Моя деятельность.

Мой отъезд из Парижа на север России был лишен каких-либо политических соображений или целей.

Политической и общественной жизни севера я касался очень мало. В своем решении я оставался непреклонным во все время моего пребывания в области и только—это было в конце января 1920 года—когда земское собрание и Миллер сошлись на моей кандидатуре в члены правительства, я ответил согласием. Да и то только потому, что считал первой задачей нового правительства спасение и эвакуацию фронтовых частей.

Единственно от чего я не мог отказаться, это—от своей связи с заграничной прессой. Будучи постоянным сотрудником парижских газет «L'Information» и «L'Heure», я, по

предложению редакций этих газет, посылал изредка корреспонденции о жизни и настроениях Северной области. Мне это казалось безвредным и невинным занятием. Однако неожиданно для меня мое корреспондентство вовлекло меня в ряд неприятных положений. В ноябре я был экстренно вызван к главнокомандующему. С начальником его канцелярии, ген. Шабельским, у меня произошел нижеследующий разговор.

— Вы корреспондируете в парижские газеты?

— Да, пишу.

— И позволяете себе писать о деятельности главнокомандующего?

— Да.

— Главнокомандующий предписывает вам прекратить корреспондентство, или...

— Или?

— Или вы будете высланы на Иохангу.

Я решительно отказался прекратить корреспондировать, предоставив на усмотрение генерала Миллера наказание или «возмездие» за мою непокорность.

Вскоре я узнал, что мои письма военной цензурой не пропускаются, а телеграммы задерживаются. Друзья же мне сообщили неутешительные известия, что вопрос о моей высылке обсуждается довольно серьезно в военных сферах, но что это встречает сильную оппозицию со стороны Зубова, который-де «не находит решительно никаких мотивов для такого наказания, тем более после того, как главнокомандующий особым приказом отметил полезную деятельность Соколова на фронте».

После этого я решил, не дожидаясь высылки моей на Иохангу, выехать за границу.

Но непредвиденные обстоятельства, осложненный грипп, помешали моим планам, и я не смог выехать, пропустив один из последних ледоколов.

К этому времени произошли на фронте значительные изменения. Блестящие победы Мурузи на Железнодорожном фронте были прерваны высылкой его из пределов Северной области. На смену ему был назначен генерал Вуличевич, который оказался менее счастливым в своих боевых операциях, чем его предшественник. Неудачное наступление в вологодском направлении, предпринятое по специальному приказанию генерала Квинцинского, несмотря на возражения штаба фронта, произвело весьма тяжелое и неблагоприятное впечатление на войска. Наступивший же после этого продолжительный период затишья боевых операций и связанная с этим известная деморализация духа

у солдат свели на-нет весь успех предыдущих блестящих наступлений.

К этому же времени ликвидация Колчака, окончательный разгром Юденича и неудачи Деникина усиливали общую подавленность настроения, в равной мере охватившую и солдат и офицеров.

Наступали черные дни области...

Им предшествовали характерные признаки.

Ряд лиц, находившихся в «окружении» Миллера, начали проситься в заграничные командировки, точно предчувствуя скорое падение области. Первым уехал генерал Клюев, получив весьма загадочную командировку и весьма реальный чек в несколько тысяч шведских крон. Вскоре вслед за ним уехал Шабельский, получив тоже какое-то совершенно фантастическое дипломатическое поручение, и опять-таки эту командировку сопровождала выдача валюты. А. Репман, бывший в то время директором государственного банка в Архангельске, жаловался мне и возмущался по поводу происходившей в те дни незаконной выдачи иностранной валюты, которую, вернее надо бы назвать расхищением.

«Ежедневно ко мне поступает несколько резолюций от главнокомандующего о выдаче иностранной валюты или о переводе таковой отдельным лицам за границу. Как общее правило, все эти просители—из штабных. Я пытаюсь отказать, апеллирую к Зубову, но что я могу поделать? Мне уже грозят увольнением. Но я не сомневаюсь, что это расхищение государственной валюты будет когда-нибудь предметом судебного разбирательства».

В соответствии с этим увеличилась и спекуляция валютой и советскими деньгами среди местного населения.

Эти признаки не могли не дойти до обостренного зрения фронтовиков, дойти увеличенными, раздутыми...

VIII. Земское собрание. Формирование нового правительства.

В конце января тревожное настроение особенно усилилось.

Пришли вести, что большевики повели наступление на Двинском фронте и что под натиском превосходных сил неприятеля наши части очистили большую территорию. Одновременно большевики повели яростные атаки на Селецком фронте. Но здесь они не имели успеха, и тарасовские партизаны, защищавшие этот фронт, неизменно их отбивали.

Стал фактом непреложным расстрел Колчака в Сибири.

Вместе с тем иностранные газеты сообщали о неудачах на юге России.

Все это усиливало тревогу в тылу и на фронте.

25 января я получил телеграмму из Архангельска от генерала Миллера, приглашавшего меня приехать туда для переговоров о формировании нового правительства. Положение в Архангельске рисовалось в эти дни в следующем виде.

Члены правительства Зубов, Федоров и др. подали в отставку, главным образом благодаря критике их пассивности со стороны демократических сфер. Одновременно начали прибывать с фронта делегации, главным образом от партизанских частей, просящие правительство, в частности главнокомандующего, принять ряд мер для внутреннего успокоения.

Тогда генерал Миллер обратился к лидерам местных эсеров с предложением о реорганизации власти. Начались переговоры, преимущественно с А. А. Ивановым. Эти переговоры шли очень медленно и не давали благоприятных результатов. Миллер предлагал демократии лишь два места в правительстве, при чем соглашался дать им второстепенные портфели, а именно—народного просвещения и агитации. В свою очередь демократы вообще были не особенно склонны входить в правительство, считая дело совершенно безнадежным и ликвидацию Северной области неизбежной. И только главным образом А. Иванов, во имя единого противобольшевистского фронта, настаивал на вхождение в правительство.

Я вернулся на фронт. Но через несколько дней снова был вызван в Архангельск.

События быстро развертывались.

3 февраля открылось архангельское земское собрание под председательством Скоморохова. Оно было чрезвычайно бурное и оппозиционно настроенное и к генералу Миллеру, и к остаткам прежнего правительства, и к тактике соглашательской лидеров демократии. Как общее настроение, превалировало пассивно-оппозиционное, которое говорило: «большевики рано или поздно, но придут, мы не за большевиков, но нам не по нутру военная диктатура. И потому будем спокойно ожидать прихода большевиков».

Левое крыло даже считало, что надо бы начать переговоры с большевиками о мирной ликвидации Северного фронта.

Но эти голоса были единичными и тонули в общей массе. Правую позицию, попрежнему оборонческую, занимали А. Иванов, Едовин и делегаты с фронта. Последние, особенно партизаны, не хотели и слышать о мире с боль-

шевиками. Основным вопросом земского собрания был вопрос об образовании нового правительства. И в этом пункте большинство земского собрания пришло к следующему положению:

«В правительство не входить, так как этим самым была бы взята ответственность за все то, что было совершено в Северной области» (заседание 5/II 1920).

Таким образом предложение Иванова о вхождении в состав правительства было отвергнуто. Стоял вопрос об уходе с земского собрания правой группы. Но в это время пришли потрясающие вести с Железнодорожного фронта.

В одном из лучших полков Северной области—3-м, в ночь на 7 февраля произошло восстание, результатом которого явилась, в сущности говоря, потеря этого полка. Детали этого восстания заслуживают освещения.

С переходом 3-го полка в руки полковника Постникова, весьма храброго офицера, но неумелого администратора, в этом полку начались неурядицы и неустройства, которым способствовало прекращение боевых операций на этом участке фронта. Большевики этим воспользовались и организовали, как это выяснилось впоследствии, коммунистическую ячейку среди штабных солдат. Ночью с 6 февраля на 7-е часть офицеров была арестована мятежниками, одновременно красные войска перешли в наступление в районе расположения 3-го полка, и в итоге от всего полка осталось только около 200 солдат, пришедших, вразброд, на станцию Плесецкую. Сам полковник Постников спасся чудом; тяжело раненый, он скрылся в лесу и был привезен полуживой солдатами своего полка на станцию Плесецкую. Около же 1 000 солдат были частью убиты, но в большинстве перешли на сторону красных. Офицеры были перебиты своими же или частью успели пробраться лесом на станцию Емцы.

Начался отход войск, занимавших ст. Плесецкую, в тыл до ст. Емцы.

События в 3-м полку произвели страшное впечатление и на Миллера, и на земское собрание. Этот факт сильно поколебал оптимизм генерала и заставил его пойти на большие, чем он хотел и предполагал, уступки земскому собранию. Но и земское собрание, в свою очередь, поставленное лицом к лицу перед очевидным фактом падения Северной области и неизбежностью прихода большевиков, обрело в себе противобольшевистские тенденции. И после долгих и продолжительных дебатов приняло предложение Иванова о сформировании «правительства спасения». Я присутствовал на этом совещании и был в числе

тех, кто защищал позицию, выдвинутую Ивановым. Мотивировка этой группы сводилась к следующим положениям:

«Последние 6—8 месяцев в Северной области существовала полузамаскированная военная диктатура. Фактически местное население, в частности широкие демократические круги, было совершенно устранено от управления С. о. Власть находилась в руках у военного командования. За все действия этой власти в области демократические элементы не несут никакой ответственности. Несмотря на это, в дни, когда опасность прихода большевиков делается очевидной, земское собрание, не стремясь отнюдь к власти, решает войти во вновь организуемое правительство. Но оно рассматривает это правительство исключительно как правительство спасения, в задачи которого в первую очередь должна лечь эвакуация защитников области на Мурманск».

Эта позиция для меня была вполне приемлема, и я ее энергично отстаивал, так как считал, что земское собрание должно спасти от большевиков те тысячи офицеров и солдат, которые, в случае прихода красных, будут неминуемо ими расстреляны. И я вошел в это правительство, которое некоторые называли правительством спасения, другие его считали правительством эвакуации, и, наконец, часть иронически определяла его как «правительство глупости», полагая, что демократия, вмешиваясь в эти дни в правительственные мероприятия, этим самым берет на себя ответственность и за все прошлое.

Демократия, мол, «покрывает грех генерала Миллера».

Несмотря на обоюдное желание и военного командования и земского собрания сформировать объединенное правительство, последнее еще несколько дней не могло никак определиться в своем составе. Происходило это потому, что шел торг между отдельными группами и политическими партиями о распределении портфелей. Торгово-промышленники хотели получить два места в правительстве и ни за что не хотели согласиться на кандидатуру Репмана, директора государственного банка, который проявил себя в свою бытность в Северной области как энергичный преследователь спекулянтов и недобросовестных купцов. На кандидатуру же другую, на пост управляющего финансов, не могли согласиться демократы.

Но какой нелепицей казался этот торг в дни, уже сочтенные, умирающей Северной области!!

Наконец, правительство Северной области было сформировано. Военным министром и управляющим иностранными делами—Миллер, управляющим внутренними делами—барон Тизенгаузен, финансов—А. Репман, я—народного просвещения и без портфеля—А. Иванов и доктор Попов.

Это правительство получило санкцию земского собрания и тем самым подчеркнуло принятие им оборонческой платформы, так как вхождение в правительство Тизенгаузена, Иванова и мое обозначало активный противобольшевизм, с каковой стороны мы все были известны в области. В первые же дни существования правительства от его имени было выпущено воззвание, в котором подчеркивались его антибольшевистские тенденции и которое призывало население к борьбе за Северную область.

Конечно, это были слова и только слова, так как о защите области не могло уже быть и речи, и самое большее, на что можно было рассчитывать,—это на планомерную и целесообразную эвакуацию на Мурманск. Замещая управляющего внутренними делами, я с своей стороны издал приказ, усиливающий наказания за дезертирство и возлагающий ответственность за дезертиров на их семьи. Конечно, и этот приказ был больше теоретическим и последствий реальных иметь не мог. По предложению правительства, А. Иванов с двумя членами земского собрания выехал на Железнодорожный фронт, чтобы помочь военному командованию в разрухе и остановить разложение, охватившее солдатские массы. Они не возвращались больше с фронта, а позже разнесся слух, что Иванов был убит большевиками.

В некоторых кругах, особенно правых и военных, царило мнение, что демократия, а именно социалисты-революционеры хотят захватить власть в свои руки. Из всего сказанного, мне думается, с очевидностью вытекает, что северная демократия не только не стремилась к власти, но страдала даже своего рода боязнью ее получить.

IX. Защита области и вопросы эвакуации.

Основной чертой генерала Миллера и его начальника штаба Квицинского был неизменный оптимизм. Этот оптимизм может быть констатирован каждым, кто был в Сев. области. Все черное, угрожающее области, преломлялось в глазах штаба в несущественное, второстепенное. В то время, когда было ясным, что жизни Сев. области остаются лишь дни и, самое большее, недели, в это время начальник штаба разрабатывал еще план нового наступления, рассчитанного на десятки тысяч подчиненных войск. На-ряду с этим необоснованным и безусловно вредным оптимизмом штаб был во власти теоретических выкладок, отвлеченной стратегии и бюрократизма. Это все сказалось сильнее всего на эвакуации.

Решая остаться в Северной области после ухода союзников, военное командование взяло на себя огромную от-

ветственность: тысячи офицерских жизней, которые в случае падения Северной области отдавались в руки большевиков. Ни для кого не было сомнения, что расправа с этими офицерами и партизанами будет жестокой и беспощадной. Тем больше была ответственность и тем больше было оснований сделать все, чтобы в случае падения области обезопасить эвакуацию этих элементов за границу.

Было ли это сделано?

Факты отвечают сами за себя.

Северный фронт был растянут, в буквальном смысле этого слова, на тысячи верст. Его левый фланг терялся на Печоре, чуть ли не упираясь в северный Урал. Правый же проходил по Карелии, кончаясь на границе с Финляндией. На этой полосе были раскиданы те десятки тысяч воинов, которые защищали область. Неоднократно, еще перед уходом союзников, делались представления штабу и главнокомандующему о необходимости сокращения фронта, ибо, особенно зимою, падение области обрекало на гибель лево-фланговые части. Однако все распоряжения начштаба, даже в январе и начале февраля, сводились отнюдь не к сокращению фронта, но к его расширению и углублению. Это не оправдывалось ни нуждами области, ни реальными требованиями фронта, но это отвечало теоретическим соображениям штаба главнокомандующего.

Белое море всю зиму, с октября по апрель, трудно проходимо даже для мощных ледоколов. Только полной мобилизацией всего ледокольного состава можно было бы обеспечить тоннаж достаточный, чтобы перевезти четыре-пять тысяч лиц. Иначе говоря, приблизительно то количество, которое надо было эвакуировать из числа защитников Архангельского фронта. Опять-таки в этом направлении были сделаны неоднократные указания и генералу Квинцинскому, и генералу Миллеру, последние разы—в заседаниях нового правительства. Но ответ получался всегда один и тот же: «Эвакуация посредством ледоколов исключается, как ненадежная и не могущая выполнить полностью военные задания. И, несмотря на повторные предложения правительства генералу Миллеру обратить внимание на эвакуацию путем ледоколов, 10 февраля распоряжением его все находившиеся в Архангельске ледоколы ушли в Белое море. Ушли ледоколы «Минин», «Канада», «Русанов», «Сибиряков» и «Таймыр». Их выход для меня совершенно непонятен, как он не мог быть понятен и ни для кого. Это было в дни, когда падение Северной области было ясным для всех, когда только и говорилось, что об эвакуации Архангельска. Вдобавок ко всему вся эта ледокольная экспедиция была предпринята, чтобы отвезти несколько десят-

ков пассажиров и никому не нужных досок, предназначенных для постройки Мурманского порта.

Это отрицательное отношение к эвакуации посредством ледоколов стояло в тесной связи с тем планом эвакуации, который выработал штаб главнокомандующего и который был одобрен этим последним. Я не буду вдаваться в критику этого плана. Я допускаю, что с военной точки зрения он был вполне безукоризнен. Во всяком случае, в нем были несомненные достоинства и продуманность. Но, по отзыву полковника Костанди, в нем совершенно отсутствовало знание местных условий. Не учитывались непроходимость лесных дорог зимою, недостаток провианта, но—самое главное,—что этот план предусматривал воинские части боеспособными, неразложившимися и отступающими в образцовом порядке, при ненарушенной дисциплине. Насколько этот план был схематичен, можно видеть из того, что он был весь построен на постепенном отхождении воинских частей на Мурманск. При этом войскам, оперировавшим на Печоре или на Двине и долженствующим согласно этому плану последними пройти через Архангельск, пришлось бы итти не одну тысячу верст прежде, чем они достигли бы места своего назначения. Полки, стоящие на Железнодорожном фронте и которые можно было привезти в Архангельск впродолжении 24 часов путем железнодорожного сообщения,—должны были по тому же плану эвакуации итти проселочными, трудно проходимыми дорогами на Онегу, а оттуда на Мурманск. Части же, находившиеся в Архангельске, должны были составить крайний левый фланг (вместе с печорскими) и также постепенно отходить на Онегу. Разработав в деталях этот план, генерал Миллер и его начальник штаба приступили, это было уже в конце января, к постепенной его реализации. Были подготовлены провиантские склады в Онеге и на смежных с нею пунктах. Меньше всего было уделено внимания Мурманскому краю. Туда был лишь послан доктор Белелюбский, получивший большие кредиты и звание главноуполномоченного по эвакуации. Между тем в этом крае было исключительно неблагополучно. Сам Мурманский фронт был в очень хорошем положении в смысле боевой обстановки. Командовал этим фронтом генерал Скобельцын, способный и талантливый офицер, но за фронтом была полоса в несколько сот верст, где почти не было войск и которая находилась под влиянием Мурманска, большевистски настроенного. Состав населения Мурманска, отсутствие в нем интеллигенции, большое количество пришлого рабочего элемента, неудачное управление краем Ермоловым,—все это создавало благоприятную обстановку для прихода больше-

виков. Это обстоятельство совершенно не было учтено планом эвакуации, и если бы даже удался отход войск до Мурманского фронта, то вряд ли можно было избежать большевистского переворота в самом Мурманске, переворота, который произошел сам по себе, силами местных большевистских деятелей, и который окончился убийством нескольких моряков-офицеров и арестом всей администрации. Роль же главноуполномоченного по эвакуации была менее печальна, но не лишена юмористического оттенка. Присланный подготовить все для эвакуации и для принятия войск Архангельского фронта и увидев, что в этой области все его старания будут тщетны, доктор Белелюбский исподволь подготовил почву для самоэвакуации, приобрел заранее оленей и за день до падения власти белых на Мурманске выехал в Финляндию. Но в Печенге был задержан карелами и после долгого торга, рискуя быть выданным большевикам, отдав карелам добрую половину своего состояния, выбрался в Норвегию. Но я зашел немного вперед. Возвращаюсь к тому плану эвакуации, который разработал главнокомандующий.

Помимо общих недочетов, о которых было сказано выше, то-есть то, что не было учтено возможное разложение воинских частей, в этом плане был ряд дефектов, незаметных при теоретической разработке, но выявившихся на практике и совершенно перевернувших всю эвакуационную схему. Так, например, партизаны неоднократно заявляли, что они ни при каких обстоятельствах не уйдут из волостей, где расположены их деревни. По плану же эвакуации, войска Двинского и Селецкого фронтов должны были отойти на железнодорожную линию, где и соединиться с войсками Железнодорожного фронта. Можно было заранее предвидеть, об этом речь будет впереди, что мало кто из Двинского фронта дойдет до железной дороги. Сами этапы эвакуации были вычислены с точностью, заслуживающей лучшего применения, но совершенно не отвечали условиям северных путей, настроению местных крестьян и потому фактически не имели под собою реальной почвы.

Все это, помимо других причин, привело к тому, что при реализации эвакуационного плана началась полнейшая неразбериха, части теряли друг с другом связь, один уходили раньше, другие приходили позже. Происходило все именно так, как это предсказывалось военными специалистами еще за пять месяцев до падения Северной области. Насколько схематична была вся конструкция этого отхождения войск, свидетельствует следующий небольшой эпизод из эвакуационной эпохи.

По схеме генерала Миллера для эвакуации раненых,

находившихся в ведении Кр. кр., в городе Архангельске был предоставлен наряд в 150 лошадей, который должны были выполнить подгородные крестьяне. Тщетно уполномоченный Кр. кр. ждал этих подвод, наконец прибыло откуда-то три мужика, которые после некоторого колебания отказались тоже везти раненых.

Итак, военное командование Северной области, отказавшись в свое время от эвакуации, предложенной англичанами, считая также невыполнимым план эвакуации при помощи ледоколов, на котором настаивали отдельные военноначальники и правительство, в лице генерала Миллера, приняли план сухопутной эвакуации, теоретические принципы которого были изложены в настоящей главе, а практическому осуществлению которого посвящена одна из следующих глав.

X. В правительстве. Последние дни области.

Ввиду остроты политического положения, заседания вновь сформированного правительства происходили ежедневно, нередко по два и по три раза в день. Из состава правительства отсутствовали Алексей Алексеевич Иванов, который уехал на Железнодорожный фронт, и барон Тизенгаузен, задержанный повстанческим движением карелов в карельском уезде.

Все заседания правительства протекали чрезвычайно мирно, никогда никаких эксцессов и разногласий не было, все дела решались к общему желанию, при чем генерал Миллер был всегда сугубо лойялен и оттенял свою парламентарскую корректность.

Таково было внешнее мое впечатление и от заседаний правительства, и от неоднократных беседований с главнокомандующим. Но это была лишь поверхность, видимость. По существу, и об этом я узнал значительно позже, все эти дни шли беспрестанные и в сущности ничем не мотивированные нарушения прерогатив правительства. Генерал Миллер был одно, правительство—нечто другое: что-то вроде придатка, никому не нужного и с которым считались лишь постольку—поскольку.

Эта коротенькая страничка истории Северного правительства довольно интересна и заслуживает того, чтобы на ней подробно остановиться.

Еще до сформирования правительства под давлением военных сфер был уволен в отставку генерал Квецинский. Но этот приказ, изданный под давлением армии, не был приведен в исполнение. Он состоял попрежнему в должности начштаба и он же руководил и эвакуацией, и воен-

ными операциями. На этой почве было несколько раз обсуждение в заседаниях правительства и в частном порядке, и неизменно генерал Миллер успокаивал, что Квинцинского уже нет. Но он был попрежнему.

В первом же заседании правительства был поднят вопрос об эвакуации. Но главнокомандующим было подчеркнуто, что дело эвакуации подлежит военному командованию, что он не считает возможным, чтобы вмешивались в его сферу, но что он может дать объяснения и разъяснения. Был доложен план эвакуации, тот, что был выработан начштабом. Вопрос, почему отосланы ледоколы, остался без ответа. Между тем положение на фронте после восстания в 3-м полку все ухудшалось и ухудшалось. Разложение перекинулось в другие части, и, хотя большевики и не наступали, наши части быстро отходили к Архангельску.

14 февраля положение стало в достаточной степени внушающим беспокойство, но тем не менее никаких крупных эксцессов не было ни на фронте, ни в тылу. Отход войск в Архангельск мог бы пройти вполне благополучно. Но приказа об эвакуации еще не последовало. В заседаниях правительства был поднят ряд вопросов. Генерал Миллер доложил, что им получено радио от комиссара большевистской армии Кузьмина с предложением ликвидировать Северный фронт. Несмотря на просьбы некоторых членов правительства, эта радиограмма не была прочтена. Впоследствии, в Москве, я узнал, что между генералом Миллером и комиссаром Кузьминым произошел обмен рядом телеграмм, о чем главнокомандующий не счел нужным докладывать правительству. Таким же самочинным актом было его самовольное обращение к лорду Керзону, с просьбой быть посредником между большевиками и правительством Северной области. Почему-то, по причинам, не вполне мне понятным, это делалось за спиною правительства. Может быть потому, что, увидев резко отрицательное отношение членов правительства к переговорам его с большевиками, Миллер решил вести эти переговоры за собственный страх и риск.

Другим пунктом было предложение главнокомандующего о переводе всей иностранной валюты, принадлежавшей правительству, за границу.

Всего было около 120 тысяч фунтов стерлингов.

Предлагалось эту сумму перевести на имя военных агентов в Копенгаген и в Лондон.

Это встретило значительные возражения. После долгих дебатов принято было компромиссное решение, а именно—большую часть перевести на имя председателя правительства Чайковского и только небольшую сумму—во временное

распоряжение военных агентов. При чем было принято постановление: «что все означенные суммы принадлежат правительству Северной области и расходоваться они могут только согласно указанию последнего».

После долгих и настоятельных переговоров генералом Миллером была поручена эвакуация раненых Красному кресту.

Красный крест предполагал воспользоваться прибывшим к этому времени в Двину небольшим ледокольным пароходом «Сусанин», с тем, чтобы всех неспособных двигаться, а также жен и детей фронтовых офицеров эвакуировать на нем в Мурманск или в Норвегию. Было добыто разрешение от Миллера, что впуск на этот ледокол будет всецело находиться в руках Кр. кр. и что мужчины боеспособные ни в коем случае не будут допущены на этот ледокол.

В это время до фронтового офицерства доходят слухи о том, что штабы не только готовятся к эвакуации, но уже частью эвакуировались. Командующие фронтом доводят до сведения Миллера о беспокойстве офицеров о судьбах своих жен и своих семейств, находящихся в Архангельске. Генерал Миллер им ответил:

«Пусть господа офицеры не беспокоятся, я беру на себя заботу об их семьях».

Между тем события развивались весьма быстро. Еще четырнадцатого числа в штабе главнокомандующего говорилось, что ничего угрожающего нет и что спешить особенно некуда. А пятнадцатого уже поднялась в полном смысле этого слова паника во всех военно-тыловых учреждениях. Искали подводы, погружали, сжигали архивы и поспешно уезжали из города.

Наконец был издан приказ об эвакуации. При чем отход войск, квартировавших в Архангельске, был назначен на 19 февраля в 3 часа дня. Согласно этому приказу все боеспособные офицеры должны были до этого времени оставаться в городе с тем, чтобы общей группой отходить на Онегу.

Паника, поднятая в тылу, не могла не отразиться и на фронте. Хотя положение последнего и не было блестящим, но особенно угрожающего ничего не было, ибо большевики не наступали. Вошские же части только постепенно таяли и таяли. Дойдя до ст. Обозерской, части Железнодорожного фронта, согласно инструкциям эвакуационного плана, свернули на проселочные дороги, ведущие на Онегу.

Ледоколы попрежнему находились где-то в Белом море,

и попрежнему военное командование считало бесполезным ими воспользоваться для эвакуации.

17 февраля, когда вопрос об эвакуации был уже решен, при чем считалось, что и правительство, и главнокомандующий будут находиться при отходящих из Архангельска войсках, на обсуждение правительства был поставлен вопрос о том, кому же передать власть в городе. Ни городская дума, ни земство, ни какие-либо другие демократические учреждения взять этой власти не могли и не хотели. Не могли потому, что они достаточно были замешаны в антибольшевистском движении, и с ними, как имеющими репутацию белогвардейцев, не стали бы считаться большевистски настроенные массы.

Наконец, был предложен выход: передать власть в руки Совета профессиональных союзов, того самого Совета, председатель которого Бечин и члены правления были осуждены в свое время военным судом на каторгу за большевизм.

На самом деле этот Совет профессиональных союзов был учреждение беспартийное, не лишенное, впрочем, большевистских симпатий.

По предложению Миллера, на другой день было созвано совместное заседание этого большевствующего комитета, генералитета и правительства.. Это заседание было небезинтересным. Председательствовал генерал Миллер, который и доложил присутствующим, «что по непредвиденным обстоятельствам принуждены эвакуировать область, что желательна мирная передача города в красные руки и что поэтому должна быть какая-нибудь переходная власть, которая остановит возможные эксцессы».

Делегация профессионального союза, председатель коей был рабочий Петров, еще недавно обвиненный в большевизме, выставила ряд требований, которые сводились к следующим пунктам:

1) Военная власть гарантирует, что никто из членов правления профессиональных союзов не будет арестован.

2) Что на завтра, 19 число, разрешаются повсеместно митинги, на которых будут призывы к мирному поведению.

3) Что главнокомандующий оставляет полковника Костанди в качестве исполняющего обязанности командующего Архангельским округом.

Запрошенный по телефону полковник Костанди изъявил согласие остаться. Еще ранее посетила его делегация проф. союзов и просила его не эвакуироваться. Впрочем, это отвечало желанию полковника Костанди, который был весьма разочарован в гражданской войне и видимо стремился в Советскую Россию.

Объединенное заседание окончилось к обоюдному соглашению и подписанием протокола на предложенных делегацией проф. союзов условиях.

В заключение этого заседания генерал Миллер сказал прочувствованную и весьма либеральную речь, в которой он подчеркивал свои «ультра-демократические идеи».

Еще утром 18 февраля стало известным, что прибыли в Двину вызванные, очевидно, штабом ледоколы. Я уже успел отметить, что в правительстве по вопросу о ледоколах Миллер всегда отвечал уклончиво, считая, очевидно, это вторжением в его военную сферу. Как бы то ни было, но ледоколы стояли против Архангельска, и здесь выяснился любопытный факт, что мандат, выданный Миллером Кр. кр., оказался пикчемным, что посадкой на ледоколы заведует капитан Чаплин и что как ледокол «Минин», так и пароход «Ярославна» уже битком набиты морскими офицерами, их женами, родственниками и просто знакомыми. Жены же фронтовых офицеров, раненые и больные офицеры еще не были посажены.

По этому вопросу я имел первый и последний раз бурное объяснение с генералом Миллером. Указав, что пароходы полны боеспособными офицерами, что на пароходы допущен ряд спекулянтов и что вообще нарушение мандата Кр. кр. мне кажется странным,—я просил главнокомандующего остаться верным данному им слову. Генерал Миллер обещал, обвинял во всем адмирала Иванова и капитана Чаплина, но... все продолжало итти попрежнему и попрежнему ведал посадкой на пароход капитан Чаплин.

Еще 17 февраля к заведующему красно-крестной эвакуацией доктору Кормеру явился архангельский миллионер и спекулянт Фридман и просил Кормера «пристроить» его на ледокол. Кормер отказался. Тогда Фридман предложил ему крупную взятку в иностранной валюте. Это было, конечно, отклонено. 18-го вечером Кормер был свидетелем того, как капитан Чаплин сажал на пароход «Ярославну» означенного Фридмана. Это было не единичное явление. Среди эвакуировавшихся на «Минине» пассажиров было немало архангельских купцов.

18 февраля поздно вечером состоялось последнее заседание правительства. Обсуждались вопросы эвакуации, при чем на предложенный мною ясно формулированный вопрос, не изменен ли план эвакуации, Миллер ответил:

«Нет, завтра, 19 февраля, в 3 часа дня, весь гарнизон города Архангельска, штабы начнут отступление на Онегу».

Я спросил:

«Почему боеспособные морские офицеры, все время находившиеся в тылу, первыми сели на ледоколы, предназначенные для раненых?»

Я указал, что это действует деморализующе на многочисленное офицерство, находящееся еще в Архангельске. Каждый старается попасть на пароход. Так, например, полковник Грабовский, начальник штаба железнодорожного фронта, который был прислан с особым поручением от генерала Вуличевича и который должен был еще 17 числа вернуться на фронт,—вместо этого уже сел на «Ярославну». Миллер объяснил это снова недоразумением, тем, что моряки нужны в качестве командного состава на ледоколе и что вообще им непривычно ходить по земле.

Последняя фраза, которую сказал генерал Миллер, прощаясь в полночь с 18 на 19 февраля, была:

«Итак, господа, завтра в 3 часа начинается эвакуация города Архангельска».

Уже позже я узнал, что в действительности в это время происходила энергичная погрузка штаба на ледокол «Минин» и что Архангелогородский полк был выведен еще в 9 часов вечера по Онежскому шоссе.

Но об этих фактах я узнал значительно позже. Тогда же я покидал губернаторский дом, где происходили заседания правительства, с верой в слова генерала Миллера.

В то время, когда в военно-тыловых кругах Архангельска и среди пришлой интеллигенции царила паника, в это самое время местные жители относились весьма хладнокровно к назначенной эвакуации Северной области и к предстоящему приходу большевиков. Кроме единиц, преимущественно среди крупных коммерсантов, стремившихся эвакуироваться, остальное население совершенно об этом не думало и исподволь приготовлялось к встрече большевиков. Эти приготовления состояли в том, что запасались советскими деньгами, которые в то время весьма высоко котировались, припрятывали ценности, золотые вещи, меха, кое-кто, более других связанный с антибольшевистским движением, переезжал в провинцию, надеясь там переждать первую волну. Характерно было и то веселье, которое царило в Архангельске в ту зиму, приняв особенно широкие размеры перед самой эвакуацией. Еще накануне последней состоялся бал в Купеческом собрании.

Настроение широких слоев населения сказывалось в фразе: были белые, будут красные, не все ли равно? Авось, хуже не будет.

XI. Бегство или эвакуация?

После последнего заседания правительства и прощания с генералом Миллером я пришел в упр. Кр. кр., помещавшееся в доме Антоновых. Было два часа ночи на 19 февраля. Несмотря на позднее время, в управлении Кр. кр. было большое оживление и весьма тревожное настроение. Меня ожидал капитан II ранга Бурачек, который исполнял обязанности коменданта ледокольного парохода «Сусанин», и сообщил, что ночью был митинг и что рабочие прекратили грузить уголь на ледокол. В это же время стали доходить слухи о том, что все штабные тянутся к ледоколу «Минину» и что под покровом ночи там идет энергичная посадка. Раненые и больные офицеры, которых было 127 назначено к эвакуации, ожидали распоряжения к погрузке. Этого распоряжения начальник штаба до сих пор еще не давал, и предполагалось, что, если «Сусанин» не будет в состоянии отойти, то их придется везти вместе с отходящими войсками. Но слухи о таинственной погрузке на «Минина» и на «Ярославну» взволновали нашего уполномоченного И. Фидлера, который и начал сноситься с предержащими властями. Здесь-то и выяснилось, что фактически весь штаб, кроме полковника Костанди и дежурных писарей, уже сел на «Минина». Таким образом некому было давать распоряжения об эвакуации раненых. Долго вел переговоры Фидлер и с капитаном Чаплиным, заведующим делом погрузки, и с адмиралом Ивановым. Получался неизменный ответ: «Нет места. Чего вести раненых? Все равно им здесь ничего плохого не сделают». Только благодаря энергии доктора Кр. кр. Кормера, который просто подвез раненых к ледоколам, началась их погрузка на «Ярославну». Но это было уже под самое утро, после того как все штабные были давно погружены.

Около 4 часов утра в управление Кр. кр. явился офицер из комендатуры штаба главнокомандующего и сообщил, что генерал Миллер меня просит приехать на «Ярославну». (Ледокол «Минин» и яхта «Ярославна» стояли рядом, против собора.)

Предполагая, что главнокомандующий хочет со мною посоветоваться об эвакуации, я поехал туда. Предварительно я позвонил присяжному поверенному А. Н. Новикову, который был моим секретарем, с просьбою также прибыть немедленно на «Ярославну», так как я не хотел вести сепаратных разговоров и выносить персональных решений. Здесь—на «Ярославне»—меня ожидал сюрприз.

Главнокомандующий меня не принял, а комендант паро-

хода предложил мне очень корректно, но в категорической форме находиться внизу в каюте, не поднимаясь на палубу.

«Если вы не послушаетесь, мы принуждены будем посадить вас в трюм».

Здесь, внизу, меня ожидал и Новиков, и мы оба недоумевали, зачем я понадобился генералу Миллеру.

Недоумеваю я и теперь.

По версии, которую мне передавали значительно позже, штаб главнокомандующего будто бы боялся, что я могу помешать отплытию ледокола. Было ли это так или эта версия вымышленная, во всяком случае, эта история остается для меня до сих пор необъяснимой.

Всю ночь шла энергичная погрузка на ледокол «Минин» и яхту «Ярославну». Шла эта погрузка очень поспешно, многие не были о ней совершенно оповещены, и в первую очередь узнавали о ней лица, так или иначе связанные с морскими тыловыми офицерами и со штабом главнокомандующего.

Я уже сказал, что раненые были погружены последними.

Отряд датчан, составлявший личную охрану Миллера, был совершенно позабыт, и датские солдаты прибежали на пристань буквально за несколько минут до отплытия ледокола.

Но вот отдан приказ об отплытии.

Полное утро. Скоро 9 часов.

Медленно раскачивается «Минин», расталкивая двинский лед.

— Стойте. Стойте.

На пристани появились танки. Из них выскочила группа офицеров. Это забытые танкисты, узнавшие об «эвакуации» только сейчас.

На «Минине» начинается обсуждение, возвращаться ли к пристани или уезжать:

— Надо спешить! Каждая минута дорога.

Кто-то говорит: «Как бы танкисты не открыли пальбу по нас».

Наконец, решено причалить. Снова подплываем к пристани и забираем группу танкистов.

В это время на Чесме, единственной боевой единице Беломорского флота, впрочем, единице разоруженной, матросы, увидав поспешную эвакуацию генералитета, арестовали своих офицеров. После долгих разговоров согласились их выпустить, а сами, вооружившись винтовками, побежали в город.

«Грабить буржуев».

В самом Архангельске факт бегства Миллера уже стал общеизвестен. Откуда-то потянулись толпы рабочих, снаб-

женных красными флагами, начали срывать погоны у отставших офицеров и направились с нестройным пением песен к тюрьме.

«Освобождать своих».

А к пристани все шли и шли одиночные офицеры и чиновники, позабытые штабом. Особенно много было среди этих позабытых офицеров фронтовиков, только что ночью прибывших с Двинского фронта. Они стоят на пристани, кричат, машут платками и папахами, но бесполезно. «Минин» уже на середине Двины. Более смелые и находчивые, бросив свои вещи и запасшись досками, бегут по льду к ледоколу. Вот бежит капитан Ч-х. Всюду прогалины, еще немного—и он добегает до ледокола, и его по трапу поднимают наверх.

В спешке и впопыхах штаб совершенно упускает из виду о том, что ледоколы «Канада» и «Сусанин» стоят у Саламболы и что они находятся в руках у команды большевистски настроенной.

Адмирал Иванов дает приказ «Канаде» и «Сусанину» следовать за ним.

«Иначе будем стрелять».

Те ничего не отвечают.

На пристани и на набережной собирается огромная толпа. Среди них немало офицеров, солдат и просто обывателей. Они что-то кричат, машут фуражками, раздаются отдельные выстрелы.

«А ну-ка, разгоните эту толпу, чтобы помнили нас».

Раздается приказ, и несколько снарядов, пущенных с «Ярославны», ложатся вокруг пристани, попав в смежные с нею дома.

Крики на пристани усиливаются. Появляются пулеметы, и видно, как какой-то прапорщик начинает наводить пулемет.

Прицел был взят метко. И пули ровной цепью начали падать на палубу ледокола. Были раненые, в том числе адмирал Иванов и подковник Короткевич.

«Спешите, спешите. Надо скорее убираться».

И «Минин», легко разрезая двинский лед, начал пробираться к морю.

Проходит мимо Саламболы. Видит отдельные черные точки, бегут по льду к нему—это офицеры, настигшие ледокол в Саламболе.

Вот одна фигура падает в полынью, ее хотят вытащить, вода ледяная, замерзает.

В конце концов тонущий офицер вытянут и принят на борт «Ярославны». Это—полковник Козлов.

Полным ходом идет «Минин». Позади него по свобод-

ной воде—«Ярославна». На обоих судах полно. Набиты все каюты, проходы, палуба и трюмы. В большинстве среди пассажиров — штабные, сухопутные и морские офицеры. Фронтовиков почти нет. Если и есть, то как исключение. Кроме них сто датчан, 127 раненых и несколько богатых коммерсантов, известных своею спекуляцией.

Множество дам. Это все родственницы, близкие и дальние, а то и прямо знакомые белого генералитета. И здесь с самого начала досадное неравенство. Отдельные каюты заняты генералами и их женами, а раненые и все прочие лежат вповалку в коридорах, на полу.

Теснота и неудобство увеличились в сильнейшей степени, когда на другой день по условиям плавания по Белому морю пришлось бросить «Ярославну». Все пассажиры были с нее сняты и переведены на «Минин». На ледоколе, не приспособленном для пассажирского движения, в узких его каютах и коридорах собралось до тысячи человек, и все же «законы природы» были соблюдены и генералам были комендантом оставлены отдельные каюты.

XII. Во льдах Белого моря.

Два дня и одну ночь шел «Минин», пробираясь через льды Белого моря. Наконец вечером 20 февраля он дошел до горла Белого моря, где льды были особенно жестоки и непроходимы. Здесь, затертые во льдах, стояли три слабосильных ледокольных парохода—«Русанов», «Сибиряков» и «Таймырь». Недостаток угля и характер льда обрекал эти пароходы на продолжительное бездействие, и им могла угрожать участь парохода «Соловей Будимирович», унесенного в ту зиму ледяной массой в Ледовитый океан.

Когда мы достигли этих затертых во льдах пароходов, то был отдан приказ адмиралом Ивановым, чтобы все пассажиры — их было несколько десятков,— вся провизия и уголь, а также и капитаны этих пароходов были переведены на «Минина». Началась энергичная погрузка в ночь на 21 февраля.

В 2 часа ночи меня, дежурившего у раненых, вызвали в спешном порядке к коменданту парохода капитану Чаплину. Здесь, на капитанском мостике, последний мне заявил:

«По распоряжению адмирала вы немедленно переводитесь на пароход «Русанов», при чем вы предупреждаетесь, что, в случае проявления вами каких-либо враждебных действий против нас,—вас постигнет жестокая кара».

Я отдал честь и сказал:

«Слушаюсь».

Немного позже туда же перевели и Новикова, моего секретаря.

Мы бродили по палубе «Русанова», лишенного угля и провианта, обреченного в лучшем случае на гибель во льдах Белого моря и искали объяснений совершенному Миллером насилию. Ведь было ясно, что мы предавались в руки большевиков. Это в том случае, если «Русанову» удастся когда-нибудь выбраться из льдов Белого моря. Каковы мотивы, каковы причины этого поступка? Я был убежден, что все это сплошное недоразумение, которое утром выяснится, и мы будем возвращены обратно на «Минина». Я не допускал мысли, это казалось невероятным, чудовищным предательством, неизвестным еще в летописях гражданской войны, чтобы я, имевший столь определенно и ярко противобольшевистскую репутацию, осужденный большевиками за восстание на Волге, развивший в Париже энергичную противобольшевистскую пропаганду—все это были факты общеизвестные,—чтобы я мог бы быть выдан большевикам...

И за что? Я искал в своей деятельности в Северной области, деятельности почти чуждой политических выступлений, деятельности административно-медицинской, я искал в ней чего-нибудь предосудительного с точки зрения самой суровой критики и—не находил.

«Нет, это какая-то галиматья. Невероятный, дикий факт. Вызвать меня на «Минина», завезти в Белое море и высадить на брошенный пароход...»

Между тем, сестра милосердия Комарова, бывшая свидетельницей моего разговора с Чаплиным, побежала к уполномоченному Фидлеру рассказать ему о происшедшем со мною. Тот сначала не поверил, но потом вместе с ехавшим на «Минине» Зубовым пытался видеться с Миллером. Они не были к нему допущены. Уже позже, когда «Минин» был в открытом море, предоставив «Русанова» и меня своей участи, состоялось наконец свидание Фидлера с генералом Миллером.

«Это невероятно, что произошло, Евгений Карлович! Высажен доктор Соколов. Ведь вы его предали в руки большевиков. Если он не замерзнет, он будет ими расстрелян!»

«Я об этой истории, грустной и печальной, узнал тогда, когда было уже поздно. Все это было проделано не только без моего согласия, но и без моего ведома. Я здесь не хозяин на пароходе. Здесь всем распоряжаются адмирал Иванов и капитан Чаплин. Но я надеюсь только на то, что подлость нашего поступка спасет его. Наше предательство слишком большой козырь в руках большевиков, чтобы они его не использовали».

Было ли это так? Действительно ли Миллер не знал, что творит его левая рука—капитан Чаплин?

Офицеры, ехавшие на «Минине», утверждают, что весь этот план моей высадки на Белом море был тщательно разработан в часы спешной эвакуации чаплинцами, и Миллер был о нем осведомлен. Иначе не понятно, почему не были приняты Фидлер и Зубов тогда, когда этот факт был еще поправим.

К 10 часам утра 21 февраля заканчивалась погрузка пассажиров и угля с пароходов на «Минина». Шла эта погрузка поспешно, была полна инцидентов.

Неожиданно показался на горизонте пароход. Это был ледокол «Канада», снаряженный в погоню возмущенным бегством генерала Миллера населением. На «Канаде» было несколько десятков матросов, три офицера артиллериста и комиссар Николаев, заведующий флотом Белого моря.

«Канада» по радио предложила «Минину» сдаться. «Минин» ничего не ответил. Началась перестрелка.

Это была картина исключительная по своей красочности.

Белое море—сплошь покрытое толстыми глыбами льда. Эти глыбы налезают одна на другую, поднимаясь точно огромные белые медведи. Ослепительно-яркое полярное солнце, не греющее, рассыпающееся тысячей блесток в каплях замерзшей воды.

Три маленьких, сплошь до бортов покрытых льдинами парохода кажутся жертвами, отданными ненасытной, холодной северной природе.

В центре этого ледяного поля два больших ледокола. Медленно, точно жуки или раки двигающиеся взад и вперед по жестоко непослушному льду.

Через периоды, короткие и нудные, раздаются выстрелы, слабым эхом теряющиеся на белой снежной поляне. Снаряд падает в лед, разбрасывая высоко и в сторону комки разрушенных глыб.

Для нас, находящихся на «Русанове», для меня и для Новикова, исход этого боя был особенно волнующе близок. Казалось так несомненным, что «Канада», прогнав «Минина», заберет нас в плен и тогда—беспощадная расправа большевиков с нами. Но неожиданно, после нескольких выстрелов, ею произведенных, «Канада», повернулась и, потолкавшись на одном месте, скрылась с горизонта. Вслед же за этим и «Минин», расчистив себе нужное пространство свободной воды, начал медленно удаляться на север.

Мы остались одни.

Неожиданный уход «Канады», как это потом выясни-

лось, был вызван образованием трещины в ледокольных дверях. Плохо и неумело установленное орудие вызвало вновь повреждения, полученные этим ледоколом в одной из аварий.

«Минин», уходя, дал приказ:

«Следуй за нами».

Приказ этот, обращенный к затертым во льдах пароходам, звучал насмешкой.

Даже, если бы были в сохранности уголь и провиант, забранные «Мининым»,—эти пароходы не могли двигаться ни взад, ни вперед. На «Русанове» капитана не было. Вместо него—помощник капитана, испуганный, одинаково враждебный и белым, и красным. К нам он относился с видимым недоверием, не понимая, зачем мы пересажены на его пароход. Других пассажиров, кроме десятков рабочих, отправляемых за большевизм на Иоханту, никого не было. Но эти большевиствующие рабочие оказались совершенно безразличными к судьбам Северной области—к белым и красным—и думали лишь об одном,—о возвращении в Архангельск. Когда «Минин» скрылся из виду, то капитан парохода дал радио в Архангельск:

«На ледоколе «Русанов» остался член правительства Соколов и его секретарь Новиков. Что с ними делать?»

Скоро получился ответ:

«Считать арестованными. Кормить. Если будет возможность, привезти в Архангельск».

В те дни стояли жестокие морозы. Глыбы льда, точно звери, лезли на палубу пароходную. Та трещала, содрогалась, и, казалось, вот-вот мы будем погребены под беломорским льдом.

Движением льда остальные два парохода были отнесены к Печерскому берегу, и мы остались одни.

По ночам только видны были огни далекого маяка.

Перед нами встал вопрос о бегстве. Но первая же попытка пройти по льду показала всю ее тщетность. Без лыж это было немыслимо. Неровный лед, со множеством полыней, жестокий ветер,—все это были препятствия, преодолеть которые оказалось невозможно. Да и куда было уйти? До Мурманского берега было около 30 верст, а дальше?.. Несколько сот верст безлюдной пустыни, где нельзя найти ни пищи, ни приюта... И мы покорились своей участи...

Через несколько дней стало немного теплее, и, точно в диковинной сказке, вся снежная пелена окрестных льдин покрылась тысячами желто-черных точек.

Это из воды вылезли самки тюленей. Это был период деторождения.

Маленькие, белые, с красноватыми глазами, рождались тюленята. Беспомощные, красивые, как красив полярный лед, они неуклюже бегали за своими матерями, оставлявшими за собой пятна красной крови.

Криками, плачем чисто детским оглашали эти маленькие животные тихий воздух Белого моря. Казалось, особенно ночью, что это плачут дети, плачут горько и надрывно.

Команда парохода и рабочие высыпали на лед, и началось беспощадное избиение тюленей. Тяжелыми палками ударяли по носу изумленное, не понимающее ничего животное. Скоро тысячи трупиков лежало на палубе нашего парохода, и мы, понуждаемые голодом, после некоторого колебания, также приняли участие в этой полярной охоте.

Тюленья печонка была немалым подспорьем за время нашего полуголодного двухнедельного жития во льдах.

Южный ветер продолжал дуть и в конце концов вытолкнул пробку льда из горла Белого моря. Вместе со льдом был выведен и «Русанов» в пространство чистой воды. Слева показался берег. Высокий и скалистый.

«Что это?»

Капитан любезно и поспешно нам объяснил:

«Это Мурманский берег. Завтра утром мы войдем в Иохангскую бухту. Пришло радио из Архангельска от комиссара Николаева итти в Иохангу и, забрав там иохангцев, следовать дальше на Мурманск».

«Иоханга?»

«Да, знаменитая Иоханга, куда генерал Миллер ссылал коммунистов. Там была каторга, а теперь—капитан засмеялся—каторжане устроили Иохангский Совдеп».

К утру мы входили в Иохангскую бухту.

XIII. Судьба фронта.

Страницей печальной и преисполненной героизма истории Северной области являются последние дни фронта.

Получив приказ главнокомандующего об эвакуации, войска начали отход по схеме, вышеизложенной. Об эвакуации печорских и пинежских частей не могло быть и речи. Ген. Петренко, командующий этими фронтами, и не пытался это сделать. Очень скоро произошло распадение воинских частей этого района. Образовался революционный комитет, генерал Петренко был арестован и вместе со своими офицерами сдан советским войскам.

Но Двинский и Железнодорожный фронты приступили

к выполнению полученных ими указаний. Несмотря на значительное разложение фронта и на то, что некоторые части были весьма малочисленны,—осталось от Железнодорожного фронта сплоченное ядро, приблизительно в 1700 человек. Двинский фронт, войска которого должны отойти на железнодорожную линию, запоздали благодаря колебаниям, которые были вызваны у партизанских частей нежеланием покинуть родные места. В результате, как ни спешил генерал Данилов, командующий этим фронтом, когда он дошел до ст. Обозерской, железнодорожная группа уже ушла по Онежскому направлению.

Таким образом остатки Двинского фронта оказались в пробке, между большевистским Архангельском и медленно наступавшим советскими войсками. Кроме единиц и редких исключений, все офицерство Двинского фронта тут же было забрано в плен красными войсками. Все их вещи, деньги, - одним словом, все, что при них было, конечно, было отобрано. Думать о каком-либо сопротивлении не могло быть и речи. Генерал Данилов мне рассказывал, что сдаче предшествовали мирные переговоры между ним и советским красным командованием. И в отношении этой группы офицеров, которая как бы сдалась добровольно, советским правительством впоследствии были оказаны незначительные снисхождения.

Железнодорожная же группа, во главе с генералом Вуличевичем, довольно быстро и дружно продвигалась к Онеге. Через проселочные дороги, часто непроходимыми тропинками, в крепкие морозы, шел этот отряд, преодолевая невероятные трудности. Прибыв в Онегу, они здесь соединились с небольшими остатками войск, успевших отойти от Архангельска. Но при дальнейшем их следовании этот отряд ожидали новые испытания. И эти испытания были прямым следствием изменения приказа главнокомандующего об эвакуации, приказа, согласно которому весь штабной тыл должен был отойти на Онегу.

Как только «Минин» покинул Архангельск, известие о бегстве Миллера и его штаба очень быстро достигло до фронтов. Здесь оно вызвало чрезвычайное возбуждение и сумятицу.

«Снова,—говорили офицеры,—нас предали».

«Штаб предал фронт».

Некоторые офицеры не хотели отступать, говоря, что это совершенно бесполезно. Другие, более экспансивные, еще ближе принимали к сердцу бегство главнокомандующего. Среди офицерства Двинского фронта было несколько самоубийств на этой почве. Так, застрелился ротмистр Сазонович, очень храбрый офицер, который заявил:

«После этого позора не стоит жить».

Несколько самоубийств было и среди морских офицеров и на Мурманске. Весть о бегстве Миллера дошла одновременно и до Мурманского фронта и до Мурманска. В последнем она вызвала революцию и образование Мурманского революционного комитета, а в войсках этого фронта произвела разложение в до тех пор крепких боевых частях.

Генерал Скобельцын, командующий этим фронтом, после некоторого колебания, узнав об образовании Мурманского Совдепа, снялся с позиций и ушел в Финляндию. Один из мотивов, вызвавших этот преждевременный его уход,—было и отсутствие каких-либо распоряжений и инструкций от главнокомандующего. Полковник Костанди говорил, что единственная телеграмма была ему послана Миллером в день его отъезда, в которой Скобельцын извещался, что «главнокомандующий отбыл на Мурманск на смотр тамошнего гарнизона». А через несколько дней уже стало известным, что ледокол «Минин» благополучно миновал Мурманский порт и направился к берегам Норвегии.

Скобельцын имел полное основание предполагать, что войска Железнодорожного и других фронтов были эвакуированы тоже на ледоколах. Как бы то ни было, но отряд Скобельцына ушел в Финляндию, а красные войска беспрепятственно заняли Мурманскую линию и тем самым отрезали пути отступления для отряда Железнодорожного фронта.

Врач Кр. кр. Х., сделавший весь этот поход в отряде генерала Вуличевича, рассказывал мне впоследствии — он был одним из немногих, освобожденных большевиками от тюрьмы,—о тех тяжелых настроениях и о том мужестве, которое проявили офицеры и солдаты этого отряда.

Известие о нарушении всего плана эвакуации и о том, что главнокомандующий уехал на ледоколе,—это известие настигло отряд в Онеге и заставило пережить колебания и вызвало психологическую депрессию. Офицеры говорили:

«Целый год мы воевали и воевали. Во имя чего? Во имя кого? Кому можно верить после того как ближайшие начальники нас предали?»

Более уравновешенные успокаивали их:

«У штаба не было другого выхода, как эвакуироваться посредством ледоколов».

Особенно горячо обсуждался вопрос:

«Почему заставили войска Железнодорожного и Двинского фронта итти на Онегу, тогда как простая логика говорила, что было бы проще отойти им на Архангельск и здесь, если нельзя было бы эвакуироваться на ледоко-

лах, то все же отступать одной компактной массой по Архангельскому тракту?»

В дефектах эвакуационного плана хотели видеть злой умысел и предательство. С таким настроением, тяжелым, лишенные прежнего единодушия, железнодорожники начали свое отступление по направлению к Мурманским позициям. В Сороках предполагалось соединение с генералом Скобельцыным. Но, не дождавшись последнего, как это уже было сказано, Мурманская группа покинула позиции и ушла. В Сороках навстречу изнуренным и изможденным бесконечным переходом по снежным дорогам железнодорожникам вышли советские войска.

Несомненно, так утверждал врач Х., при другом психологическом настроении не могло бы быть и речи о сдаче и перемирии с большевиками. Высокие боевые качества железнодорожников, их смелость и храбрость были порукой тому, что 2000 белых не только бы не отступили перед качественно более слабым неприятелем, но и одержали бы здесь последнюю победу. Но настроение их было подавленное. Большинство говорило:

«Еще сражаться? Не для чего. Куда мы идем? Все предатели».

Начались нелады между высшим командным составом и низшими чинами. Появилось недоверие.

В конце концов, в результате мирных переговоров генерала Вуличевича с большевистским командованием, была подписана капитуляция на милость победителей. И здесь с офицерами было поступлено, как и с офицерством Двинского фронта. Все их вещи, мало-мальски ценные, были отобраны, деньги были реквизированы, а сами офицеры отправлены в вологодскую тюрьму. При сдаче имело место несколько инцидентов: некоторые партизаны были расстреляны, несмотря на амнистию. Грубое обращение и издевательство над пленными—такова обстановка, при которой произошла ликвидация железнодорожного отряда. По слухам, которые я не мог проверить,—Вуличевич был впоследствии расстрелян.

Повидимому, для большевиков была большой неожиданностью столь легкая ликвидация отступающих северных войск. Дело в том, что красные войска были далеко не в блестящем положении, второсортные, они были совершенно обессилены тяжелой зимой и были лишены, в буквальном смысле этого слова, боеспособности. Все эти дни, в которые происходил отход белых войск, красные войска не только на них не нападали, но и чрезвычайно медленно продвигались по очищенной неприятелем территории. В то время как наши железнодорожники были уже на Обозер-

ской, красные войска медленно и точно нехотя заняли ст. Емцы. Таким образом расстояние между красными и отступающими белыми было чуть ли не в десятки верст. Все это свидетельствует о том, что отступление белых происходило во всяком случае не под натиском большевиков.

Комиссар Кузьмин, стоявший во главе советской армии, считал столь легкую ликвидацию северных отрядов «удивительно счастливой». По его мнению, «несмотря на сложность эвакуационного плана белых, последние могли бы справиться без особых затруднений с назначенной им задачей и дойти до Мурманских позиций благодаря плохому состоянию советских войск».

Неудача отхода белых лежит, по мнению этого комиссара, в отсутствии координированного центра, который бы руководил эвакуацией отдельных фронтов, и в том, что отдельные приказания начштаба противоречили друг другу.

XIV. Большевики в Архангельске.

19 февраля белые покинули Архангельск.

Командующим Архангельским военным округом был оставлен полковник Костанди, а власть в городе перешла в руки Совета проф. союзов, председатель коего, рабочий Петров, принял на себя звание комиссара города Архангельска. В это время красные войска стояли еще на расстоянии больше чем 100—150 верст от города и не особенно спешили войти в него. Повидимому, это объясняется тем, что большевистское командование не доверяло столь быстрой ликвидации белой армии и боялось ловушки.

В ответ на просьбу проф. союзов прибыть скорее в Архангельск, комиссар Кузьмин потребовал, чтобы полковник Костанди и представители проф. союзов выехали на ст. Обозерскую и тем самым гарантировали бы искренность этого призыва.

Между тем в самом городе было очень неспокойно. Выпущенные из тюрьмы уголовные арестанты грабили буржуазию, кой-где, и в первую очередь, разнесли всю обстановку и имущество лиц, уехавших на «Мишине».

Комиссар Петров был бессилен что-либо сделать, так как ни в его распоряжении, ни у Костанди не было надежных войск. Кроме того, персонально и тот и другой возбуждали недоверие у местных большевиков. В них видели ставленников генерала Миллера и называли белогвардейцами. Организованная Петровым совместно с комиссаром Николаевым экспедиция на «Канаде», столь неудачно для них закончившаяся, усилила эти слухи.

«Рабочий Петров—шпион Миллера».

Демократия в эти дни держалась весьма пассивно и, кроме попытки председателя земского собрания Скоморохова обратиться к населению «с призывом о прекращении братоубийственной войны», не проявила себя ни в чем.

Газета «Возрождение Севера» прекратила свое существование, так же как и другие архангельские газеты.

Члены местных демократических партий, наиболее замешанные в антибольшевистском движении, выехали в уезды; этому же примеру последовал и Скоморохов. Здесь последний, так же как и другие демократические деятели, был арестован через несколько дней архангельской Чека.

Крупных эксцессов, насилий над офицерами почти не было, в чем—несомненная заслуга полковника Костанди, который энергично вмешивался в защиту бывших офицеров.

Отовсюду, изо всех окрестных деревень крестьяне привозили арестованных и обобранных ими офицеров и «буржуев». Административный аппарат еще не функционировал. Чеки еще не было, и в большинстве случаев такие лица в это время междувластия выпускались на свободу.

Комиссар Кузьмин, встретившись с полковником Костанна ст. Обозерской и убедившись в том, что действительно белый фронт почти ликвидирован, начал быстро двигаться в Архангельск. И уже на третьи сутки после отъезда Миллера произошел торжественный въезд красных войск в столицу Северной области. Развевались красные флаги. Население, в большом числе высыпавшее навстречу, довольно тепло встречало своих новых господ.

XV. Иоханга.

При самом выходе из горла Белого моря на мурманском берегу—бухта. Кругом голые скалы, ни одного деревца. Постоянные неистовые ветры. Все это заставляло издавна людей избегать этих, как они называли, проклятых богом мест. Действительно, трудно представить себе картину более безотрадную, наводящую свинцовую тоску на душу, чем Иоханская бухта. Земля здесь особенная, скалистая, и даже в летние месяца только слегка отогревается солнцем. На сотни верст никакого селения. Единственное сообщение с наружным миром путем моря. Но в долгие зимние месяцы только изредка заглядывают ледоколы, застигнутые бурным восточным ветром.

Здесь никогда не было селения, да и невозможно оно, по местным климатическим и географическим условиям.

Только морская телеграфная станция, в которой несколько телеграфистов, вечно больных и мечтающих лишь об одном—уехать оттуда.

Несмотря на всю очевидную непригодность Иоханги для человеческого жилья, генерал Миллер, в середине 19-го года, решил обосновать здесь каторжную тюрьму для преимущественно политических преступников. В короткий срок было сюда прислано свыше 1.200 человек. Частью это были осужденные военными судами за большевизм, но громадное большинство принадлежало к так называемой рубрике беспокойного элемента, то-есть подозреваемого в большевистских симпатиях и в оппозиции правительству. Эта категория лиц была прислана в административном порядке. Немало было среди высланных и уголовного элемента. Несмотря на разнообразие вины и тягости совершенного преступления, все они попали в каторжную тюрьму, ибо хотя Иоханга и не была официально названа каторгой, но весь быт жизни арестантов, режим, которому они были подвергнуты, соответствовал практиковавшимся на самых суровых сибирских каторгах.

Если бы мне кто-нибудь рассказал о правах Иоханги, то я бы ему не поверил. Но виденному собственными глазами нельзя не верить.

Арестанты жили в наскоро сколоченных досчатых бараках, которых не было никакой возможности отопить. Температура в них стояла всегда значительно ниже нуля. Бараки были окружены несколькими рядами проволоки. Прогулки были исключены, да им и не благоприятствовала погода. Арестантов заставляли делать бесполезную, никому ненужную работу, например, таскать камни.

Начальником тюрьмы был некий Судаков, личность безусловно ненормальная. Бывший начальник Нерчинской каторги, он, очевидно, оттуда принес все свои привычки и навыки. Он находил какое-то особое удовольствие в собственноручных избиениях арестантов, для каковой цели всегда носил с собою толстую дубину. Помимо всего прочего, он был нечист на руку. Пользуясь отдаленностью Иоханги от Архангельска и тем, что никакого контроля над ним не было, он самым беспощадным образом обкрадывал арестантов на и без того скудном пайке.

Результаты его деятельности были налицо. Об этом говорят голые цифры. Из 1.200 присланных арестантов, 23 были расстреляны за предполагаемый побег и открытое непослушание, 310 умерли от цынги и тифа, и только около 100 через восемь месяцев заключения остались более или менее здоровыми. Остальных, я их видел, Иохангская каторга превратила в полуживых людей. Все они были в сильнейшей степени больны цынгой, с почерневшими, раздутыми руками и ногами, множество туберкулезных и, как массовое явление,—потеря зубов. Это были не люди, а жалкое по-

добие их. Они не могли передвигаться без посторонней помощи, их с трудом довезли до Мурманских лазаретов.

Кто же были по своему социальному и политическому составу эти несчастные?

Анкета, произведенная Иохангским Совдепом уже после падения Области, показывает, что только 20 из них принадлежало или, во всяком случае, считало себя коммунистами. Остальные были беспартийные, при чем вначале, когда они попали в тюрьму, сочувствующих большевизму было среди них только 180, число коих постепенно возрастало, и, ко времени, к которому относится наш приезд на Иохангу, все, за исключением 10, считали себя большевиками.

Когда пришло радио комиссара Петрова, что правительство С. о. уехало на ледоколе, то немедленно, в тот же день, это было 21 февраля, произошел переворот и на Иоханге.

Судаков был арестован и избит. Также были арестованы большинство из охранявших арестантов надзирателей, а также некоторые провокаторы-предатели из числа арестантов, шпионивших Судакову, и список коих был найден у последнего.

Произведя переворот и захватив власть в свои руки, иохангцы организовали Совдеп, председателем которого избрали Бечина, а товарищами председателя Клюева и Цейтлина. После этого стали дожидаться случая: прихода ледокола, чтобы перебраться всем на Мурманск.

Первым таким ледоколом, пришедшим после долгих месяцев перерыва в Иохангскую бухту, был «Русанов», на котором находился и я.

О настроении иохангцев можно не говорить. Они были полны безумного, слепого гнева против белогвардейцев. Ненавидели Северное правительство и генерала Миллера, которых в одинаковой степени считали виновниками их страданий, гибели их товарищей, и были полны одной только мыслью, одним желанием—отомстить белым

Достойно удивления, почему ими не был убит начальник тюрьмы Судаков, который был ими особенно ненавидим. Это было сделано исключительно под влиянием Бечина, который убедил своих товарищей отложить казнь Судакова до Мурманска.

«Надо по суду»,—такова была точка зрения Бечина [1]).

---

1) Конец статьи, содержащий рассказ об аресте автора и отправлении его в Москву, представляет исключительно личный интерес, а потому мы его опускаем. В настоящее время автор за границей, в эмиграции. *Ред.*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕРВЕНЦИИ

Ясское совещание [1]).

Глава I.

Создание Совета государственного объединения России.

Бегство из Совдепии.—Организация групп.—Выборы бюро С. Г. О. Р.—А. В. Кривошеин.—Барон В. В. Меллер-Закомельский.—Национальный центр.—Земско-городской союз.—Центральный военно-промышленный комитет.—Н. С. Брасова.

В конце сентября 1918 года, после одиннадцатимесячной борьбы с советской властью за независимость Центрального военно-промышленного комитета [2]), председателем которого я был избран в декабре 1917 года, после вынужденного отъезда А. И. Гучкова из Петербурга, я должен был бежать из Москвы. Друзья предупредили меня, что один из рабочих, состоявший членом рабочей секции Комитета, всегда бывший в оппозиции к буржуазной его части, особенно назойливый и пытливый, поднял вопрос о своевременности возбуждения ходатайства перед чрезвычайкою об «изъятии» меня, как заведомого «контр-революционера». И хотя я был уверен, что без боя меня не выдадут наши питерские рабочие, знавшие, как часто я боролся за их интересы в Совете по делам страхования рабочих при министерстве торговли и промышленности (где я представлял городское управление, как гласный Петроградской думы), я счел более благоразумным не испытывать судьбу и, захватив с собою сына, бежал через южную советскую границу. Ночью мы пробрались в крестьянской телеге между ст. Унеча и гор. Клинцами, который был в руках немцев. Обобранные большевистскими постами четыре раза (в последний раз ночью в лесу, во тьме кромешной), мы свободно вздохнули лишь в Гомеле, сев на пароход,

---

[1]) Из книги „Год интервенции". Кн. I. Изд. З. И. Гржебина. Берлин, 1923 г.

[2]) В дальнейшем обозначаемого ЦВП К-т.

который в чудную, ясную, солнечную погоду довез нас до Киева.

Первое впечатление от жизни кипучей, сытой, полной мыслей о наживе, комбинациях и развлечениях, после вынужденно-монастырского режима Совдепии,—было отвратительное; тут чувствовался пир во время чумы; а там—напряженная борьба за свободу, за существование, натягивавшая нервы, как струны, делавшая многозначительным каждый момент насторожившейся жизни; большие вопросы, чреватые глубокими разрывами в социальных слоях государства, трактовавшиеся в повседневной прессе, подымали содержание жизни в Совдепии, несмотря на связанные с нею ужасы; и теперь в Киеве казалось, что океанский пароход после бурного плавания подошел к набережной модного курорта, и — многие сознавались мне в том же — хотелось бежать обратно.

От тяжелого морального состояния—припадка того, что врачи могли бы назвать острым эмигратимом,—ощущения пустого пространства, в котором гулко отдается только стук своего сердца,—меня избавила возможность поставить работу ЦВП К-та на юге России. Собрав несколько сотрудников и осведомившись о нуждах как добровольческой армии, так и вербовавшихся тогда в кустарном порядке многочисленных офицерских дружин, мы принялись было за работу. Но более важные политические задачи скоро отвлекли мое внимание.

В Киев понемногу стали стекаться видные политические и общественные деятели со всей России. Каждый день, выходя на Крещатик, я встречал новых беглецов из Совдепии, начавших очень быстро разбиваться на привычные группы, не замедлившие установить между собою контакт.

Первой заявила о своем существовании группа членов законодательных палат (Государственной думы всех созывов и Государственного совета), выделившая из своего состава бюро под председательством графа Алексея Бобринского (б. министра земледелия, члена Государственного совета). Первые шаги этой группы—обращение к немецкому правительству—встретили мало сочувствия со стороны общества. Второю стала организовываться группа земских деятелей. Инициаторы ее—С. Н. Маслов (многолетний председатель Орловской губернской земской управы), А. С. Хрипунов (член Орловской губернской земской управы), М. А. Наорожницкий, Ф. В. Шлиппе (председатель Московской уездной земской управы) созвали земских гласных, находившихся в Киеве, и предложили внепартийную программу, сводившуюся к одному: борьбе с большевиками .По примеру земцев решили сорганизоваться и представители городских упра-

влений. Мы с Ю. Н. Глебовым (бывшим петроградским городским головою) созвали городских гласных на той же платформе, что и земцы, но исключительно гласных, принадлежащих к буржуазным группам; общее собрание избрало комитет из 5 лиц: Глебова (председатель группы), меня (тов. председателя), Н. А. Ростовцева, М. В. Брайкевича и В. В. Пржевальского.

Организация этих трех групп навела нас на мысль о желательности и дальше распространить организацию русской буржуазии по группам, объединив затем все группы в одно целое. Мысль об объединении русской буржуазии давно меня интересовала; но необходимость такого объединения стала особенно ясной после безнадежного провала буржуазии, начавшегося в Февральскую революцию и бесславно закончившегося в Октябрьскую. Я, разумеется, не допускал ни на минуту, чтобы такое объединение могло сделаться тараном, который свергнет совдепскую власть; но казалось совершенно необходимым для выявления голоса протестующей России объединить буржуазные группы с тем, чтобы затем сговориться с группами социалистическими и, на этом сговоре, явить Европе единое мнение русских, не приемлющих Ленина. При этом мне казалось ценным объединить буржуазию не только в типично-классовых ее элементах, как торгово-промышленники и финансисты, но и охватить этим объединением университетскую интеллигенцию, землевладельцев, законодателей и т. д., чтоб затем использовать этот момент общей растерянности буржуазии для прочного выделения из нее левого демократического крыла. На необходимость создания такого крыла (что я с группой единомышленников тщетно пытался сделать в 1905 году, учредив «радикальную партию») особенно указывало постоянное злоупотребление терминами «демократия» и «демократический», которое началось в Февральскую революцию и продолжается по сей день; оно не только продолжается, но и растет по мере утраты социалистами популярности в широких кругах «сочувствующих», обеспечивавших обычно победу социалистическим группам. Упорное стремление социалистической прессы упрочить в невежественных умах представление о социализме, как о созидателе истинной демократии, требовало серьезного противодействия особенно в России, где, благодаря политической запоздалости страны, большинство буржуазной интеллигенции бросилось в ряды социалистических партий, предпочитая пребывание в своего рода «червевидных отростках» социализма, как часть наших социалистических партий, работе в рядах левой буржуазной демократии. Мысль об объединении буржуазных групп была встречена крайне сочувственно,

и я, в качестве представителя ЦВП К-та, приступил немедленно к образованию торгово-промышленной и финансовой групп.

Собрав на заседание представителей центральных петроградских и московских организаций торговли и промышленности, а также крупных столичных банков, и встретив с их стороны полное сочувствие, мы через короткое время имели еще две группы: торгово-промышленную и финансовую. Параллельно члены законодательных палат работали по созданию других групп, и вскоре группа земельных собственников, церковная и академическая присоединились к первым пяти.

На заседании комитетов земской и городской групп было окончательно решено: 1) объединить все группы в единую организацию «Совет государственного объединения России» (в дальнейшем обозначаемый четырьмя заглавными буквами СГОР), 2) создать путем делегирования 5 лиц от каждой группы (при чем члены Государственной думы и Государственного совета выбирали по 5 лиц от каждой палаты) пленум Совета в составе 45 лиц, которые в свою очередь должны были избрать бюро из 9 лиц. Мы долго спорили о председателе: группа земцев настаивала на предложении председательствования А. В. Кривошеину; городская группа настаивала на бароне В. В. Меллере-Закомельском (председатель Петроградской губернской земской управы, член Государственного совета). Последний выдвигался как председатель прогрессивного блока членов Государственной думы и Государственного совета, образовавшегося в конце 1916 года из прогрессивных членов законодательных палат (до левых националистов включительно) для борьбы с правительством за введение зачаточной конституции в лице министерства общественного доверия (кадеты в 1916 году не решались еще требовать ответственного минстерства). Мы указали на то, что социалистические партии и без того противопоставят себя нашему буржуазному единению, как единение демократическое, и нам не избежать клички реакционеров; лучше не давать для этого формального повода избранием председателем Совета министра царского времени, хотя и бывшего среди царских министров одним из наиболее прогрессивных. Наша точка зрения победила, но мы с трудом убедили хворавшего барона В. В. Меллера-Закомельского принять на себя председательствование. В товарищи председателя были намечены А. В. Кривошеин (от земельных собственников), П. Н. Милюков (от членов Государственной думы), С. Н. Маслов (от земцев) и С. Н. Третьяков (от торгово-промышленной группы); в бюро, кроме них, вошли: проф. кн. Е. Н. Тру-

бецкой (от академической группы), И. Г. Коган (от финансистов), кн. А. Д. Голицын (от «Протофиса»—украинского Союза пром., торг. и финанс.—для связи с местными деятелями и группами) и я от городской группы.

На заседаниях бюро я впервые познакомился с А. В. Кривошеиным. За ним прошлая его работа упрочила репутацию умного государственного работника, умевшего сочетать гибкость придворного с некоторым либерализмом. Возвращаясь как-то вместе домой с одного из заседаний, где я старался итти возможно дальше навстречу реакционно-настроенному президиуму группы законодательных палат, чтобы убедить их войти в Совет, я выслушал от Александра Васильевича своеобразное признание: «А я по вашей репутации радикала думал, что вы будете свирепы». В дальнейшей работе его заинтересовали социалисты; его отношение к ним, однако, скоро определилось тою же формулою предположения государственной «свирепости» у них, как руководящего принципа их деятельности. Основою его характера, выработанной, очевидно, условиями работы при старом строе, были вечные разговоры à parte: в Яссах, где все, кроме него, собирались к завтраку и обеду в ресторане, он приглашал то того, то другого для обеда и приватной беседы с ним на квартире нашего посла, где он остановился; в Одессе—частные беседы на квартире члена Государственной думы гр. И. И. Капниста, где он жил; в Ялте—то же в имении члена Государственного совета Ф. А. Иванова в Чеире,—всегда отдельные группировки, всегда какая-то работа за кулисами и против общего течения. Тут, очевидно, кроме придворных навыков, играло роль полное отсутствие привычки к коллегиальной работе. Барон Меллер-Закомельский, знавший А. В. хорошо по Государственному совету, говорил не раз: «Кривошеина считают умным, по-моему, в нем больше хитрости и сноровки». Любопытна популярная в Одессе версия о происхождении А. В. Кривошеина—его считали сыном еврея кантониста (Крумгальца, в переводе с немецкого на русский—Кривошеин).

Помню замечание Н. С. Брасовой (жены б. великого князя Михаила Александровича), у которой я встречался с А. В. Кривошеиным в Киеве в октябре 1918 года. Речь шла о волнениях среди немецкого гарнизона в Киеве, о возможности, вследствие этого, прорыва большевиков на северном фронте Украины, открывавшего им дорогу на Киев, и о том, что пора уезжать из Киева в Одессу, где открытая морская дорога позволяла Наталье Сергеевне свободно выехать за границу. Между прочим, кто-то сказал: «Александр Васильевич завтра уезжает из Киева».—«Ну, тогда, значит, —пора ехать и нам»—заметила Наталья Сергеевна.

А. В. сошел в могилу в самый неблагоприятный для него момент—после провала последней «интервенционной» попытки, возглавлявшейся генералом Врангелем,—провала, за который, по общему мнению, ответственность в значительной мере падает на Александра Васильевича.

Второю выдающеюся фигурою в нашем Совете был барон Вл. Вл. Меллер-Закомельский. Трудно передать обаяние этого хилого, малоподвижного, лениво-мыслившего и еще более лениво работавшего человека. Его незлобивость, отсутствие личного честолюбия, а тем более каких-либо корыстных мотивов, любезность и простота были настолько привлекательны, что даже наиболее нервно-нападчивые, органически не переносящие ничьего, хотя бы и малочувствительного руководительства, относились к нему с полным уважением и доверием. Трудно себе представить степень физической обломовщины, охватившей Владимира Владимировича в это время. Помню, как в те дни, когда мы с ним жили в одном номере Лондонской гостиницы в Одессе, он, проснувшись, утром целый час сидел на постели в ночной сорочке, накинув на плечи овчинный тулуп (у нас редко было более 6 градусов тепла), и курил папироску за папироской, не находя в себе достаточно сил, чтобы начать одеваться. У него были большие знания по некоторым отраслям сельского хозяйства, особенно рыболовства, и иной раз, оживившись за бутылкой вина, он говорил много и интересно об этих предметах. Руководил он заседаниями с редким спокойствием и тактом, отвращая все натиски уверенно и без труда. Помню, раз как-то я узнал о том, что В. И. Гурко готовит по какому-то вопросу кавалерийский набег на бюро СГОР. Слышав не раз выступления В. И. Гурко в правительственных совещаниях 1915—1916 г.г., большей частью содержательные и отличавшиеся большим подъемом, я выразил барону некоторые опасения. «Не бойтесь,—сказал Владимир Владимирович,—Гурко с места в карьер сжигает столько угля, что через несколько минут теряет и пыл и руководящую нить, и из его нападок ничего не выйдет».—Барон оказался прав.

Мужество барон в эти смутные времена проявил в высокой мере. Работая без интенсивности, он, тем не менее, все свое время отдавал политической борьбе; лишь ложась спать, он обыкновенно перечитывал «Мертвые Души», с которыми в последние недели нашего общего пребывания в Одессе не расставался. Раз, помню, зайдя к нему, я нашел у него на столе кучу популярных книжек по истории Египта, Индии, Китая.—«Что это, впали в детство, барон?»—спрашиваю.—«Я почитаю, подзубрю имена всех этих фараонов Египта и буду поражать вашего сына»,—с милой улыбкой

отвечал барон, любивший экзаменовать моего мальчика, увлекавшегося египтологией. Бедного барона сразил сыпной тиф в Константинополе, куда он попал после злополучной деникинской эпопеи.

На-ряду с СГОР в Киеве объявился и «Национальный центр». В начале или середине октября здесь появился М. М. Федоров (бывший управляющий министерством торговли и промышленности при Витте, редактор газеты «Слово», гласный Петроградской думы), только что приехавший из Москвы. Исхудавший, со сморщенной шеей, буквально болтавшейся на широком отложном воротничке, с потускневшими глазами, с несколько согнувшеюся вперед фигурою, он производил впечатление крайне уставшего человека; тем не менее, в первые же дни он развил привычную суетливость в сто лошадиных сил, и мы вскоре узнали о существовании в Киеве «Национального центра», работа которого большинством из нас считалась оконченною. «Национальный центр» возник в Москве во время работы «правого» и «левого» «центров», образовавшихся там несколько ранее. «Левый центр», или «Союз возрождения», как и «Правый центр» были группировками политических деятелей по принципу личного приглашения небольшою группою инициаторов. В «Союзе возрождения» сгруппировались так называемые «государственно-мыслящие социалисты», из правых с.-р. и н. с. с двумя-тремя кадетами: Н. И. Астровым, И. П. Демидовым и др.; остальные кадеты, часть прогрессистов, октябристов и деятелей, стоящих правее, сгруппировались в «Правом центре». Во внешней политике левые ориентировались на Антанту, а правые—правее кадетов—на немцев. В «Правом центре» произошел раскол. Из него вышли кадеты, решившие ориентироваться тоже на Антанту. Ушедшие образовали «Национальный центр», впоследствии игравший очень большую роль в деятельности Деникина и Юденича.

М. М. Федоров начал в Киеве с того, что рукоположил в товарищи председателя «Национального центра» П. Н. Милюкова, а затем прикомандировал к «Центру» аполитичного, но крайне работоспособного, хорошо владеющего языками, бывшего вице-директора департамента промышленности А. Я. Чемберса. Никто толком не знал тогда еще о замыслах «Национального центра» насчет руководительства политикою Деникина—шли лишь слухи о связях «Центра» с союзниками и с какими-то военными организациями. И только по дороге в Яссы—о чем будет дальше—стала для меня выясняться идейная подоплека «Национального центра».

На-ряду с чисто буржуазными организациями сорганизовались в Киеве и члены двух других смешанных объедине-

ний: «Союза возрождения» и Земско-городского союза. В середине октября я виделся в Киеве с членами комитета Союза городов Титовым и Рудневым, и мы говорили о возможной работе земских и городских деятелей; они указывали на желательность устройства съезда земских и городских гласных в ближайшем будущем. Посоветовавшись с Глебовым, мы все-таки решили создать буржуазную группу городских гласных отдельно. Мы, старые городские работники, относились с понятным недоверием к способности практического разрешения хозяйственных вопросов у тех революционных элементов, которые, в силу самой обстановки революционной работы, меньше всего способны были развить в себе деловые черты и совершенно не знали ни городского, ни земского хозяйства. Нам казалось, что у них резолютивная, декларационная часть работы должна была отодвинуть на задний план деятельность строительно-хозяйственную, как оно и оказалось в действительности. Мы думали, что если два отдельных объединения: буржуазное с его земско-городским опытом и преобладающей деловой точкой зрения и социалистическое—с его стойкостью в отстаивании программных принципов, будут сперва работать отдельно, а затем результаты их работ объединят на почве компромисса в общем, возглавляющем их органе,—получится нечто более полезное, чем бесконечное подсиживание друг друга в одном общем органе в фазисе подготовительных работ. Поэтому мы решили на съезд не ехать, советуя то же самое и нашим другим буржуазным коллегам.

В составе «Союза возрождения» в Киеве были почти те же самые лица, что и в земском и городском союзах. Из невходящих в этот последний были видный с.-р. И. И. Фундаминский и, кажется, Одинец (впоследствии ближайший сотрудник Б. В. Савинкова в Варшаве). Одинец был усердно занят организацией военных добровольческих отрядов, чем в то время в Киеве занималось неограниченное количество ничем не связанных друг с другом лиц.

ЦВП К-т тоже пытался тогда начать работу в Киеве. Из ближайших сотрудников комитета в Киеве оказалось очень мало. Вряд ли кто из стоявших вне непосредственной близости к к-ту знает, как грандиозна была его работа. Комитет возник весною 1915 года под влиянием вдохновенной речи П. П. Рябушинского на торгово-промышленном съезде, созванном Советом съездов представителей промышленности и торговли в Петрограде с А. И. Гучковым—председателем, А. И. Коноваловым—заместителем председателя и несколькими товарищами председателя, заведывавшими различными отделами: проф. Д. С. Зерновым, В. В. Жуковским, А. А. Бубликовым, Н. Ф. фон-Дитмаром,

В. И. Ковалевским, М. И. Терещенко и мною (я заведывал санитарным отделом). К началу 1917 года, когда деятельность к-та достигла апогея, число его отделений превышало по России 230, а служащих в одном Центральном комитете было свыше 1.200; они были распределены по 34 отделам, находившимся под управлением крупных научных и деловых авторитетов.

В Киеве осенью 1918 года оказались лишь Ю. Н. Глебов (бывший короткое время одним из товарищей председателя Ц. К-та) Н. Н. Савин (профессор петроградского политехникума, тов. м-ра торговли и промышленности при Временном Правительстве), ген. Д. В. Филатьев (проф. Академии генерального штаба, тов. военного министра при военном м-ре Гучкове), заведывавший у нас отделом снабжения фронта, бывший управляющий делами Центр. военно-промышленного к-та А. А. Терне и несколько служащих секретариата.

Из бывших наших коллег по Центр. воен.-пром. к-ту я встретил в Киеве меньшевика Козьму Антоновича Гвоздева, бывшего в бюро ЦВП К-та представителем рабочей группы к-та. Впоследствии во Временном Правительстве Гвоздев был министром труда—первым в России министром из рабочих и единственным подлинным представителем пролетариата.

Через Киев в то время проехало много лиц, направлявшихся в Мекку—Екатеринодар; так, проехали Н. И. Астров с графиней С. В. Паниной, кн. Павел Дмитриевич Долгорукий (пробиравшийся в рваной одежде мастерового и каруте), П. И. Новгородцев. Павел Иванович заходил к нам и поделился с нами сведениями о предложении, которое кадеты собирались сделать Деникину. Предполагалось создать нечто вроде Государственного совещания из шестидесяти с чем-то человек приблизительно от тех же групп, что в нашем СГОР, и политических партий, которые и должны были решить вопрос о форме правления на Юго-Востоке (то же приблизительно, что было сделано осенью 1918 года в Уфе, где была избрана директория). Я слышал, что этот проект был предложен Деникину, но, разумеется, никакого успеха не имел.

Отмечу в числе гостей Киева, живших у тех же гостеприимных хозяев, что и Фундаминские и я, Н. С. Брасову. Она покинула Пермь, где была поселена большевиками вместе с б. великим князем Михаилом Александровичем, кажется, весною 1918 года, чтобы съездить в Гатчину, устроить личные дела и затем вернуться к мужу. Когда б. вел. кн. был увезен из Перми, Наталья Сергеевна и ее дочь (от первого брака—Наталья Сергеевна Мамонтова)

были арестованы большевиками по обвинению в содействии побегу бывшего великого князя. После долгих мытарств (обращение большевиков с дамами было в общем сносное) она бежала в октябре 1918 года из Петрограда в костюме сестры милосердия с дочерью и близким человеком, кн. Вяземской, через Смоленск и Оршу. Всегда ровная, слегка насмешливая, изящная, величественно-красивая, интересная собеседница с ясною и точною формулировкою своих взглядов, Наталья Сергеевна была прекрасным товарищем всего небольшого кружка, волею судеб осевшего в Киеве у хлебосольной, бесконечно внимательной и милой хозяйки Х...

Жизнь Киева при гетмане внешне почти не отличалась от прежней, если не считать присутствия немцев, в общем мало заметных. Гетмана я никогда на улице не видел, доступ к его дворцу был крайне затруднителен—надо было получить особое разрешение от немецкого командования для прохода через ближайшие улицы,—не знаю почему. Популярности ни у него, ни у его министров не было никакой. Как-то на спектакле «Летучей Мыши» неунывающий талантливый Н. Ф. Балиев, по своему обыкновению, называя находившихся в зрительном зале персонажей, предложил приветствовать аплодисментами сидевшего в ложе гетманского министра внутренних дел И. А. Кистяковского; в зале раздался дружный свист. Правда, это объяснялось также и возмущением всех против Кистяковского (московского присяжного поверенного) за объявленное им гонение на русский язык (рассказывали, что в его ведомстве на стенах висели плакаты, запрещавшие русскую речь).

На Крещатике можно было видеть портреты гетмана, снятого рядом с его покровителем Вильгельмом II. Нужно сознаться, что это мало кого шокировало в хаосе чувств, перекатывавшихся с начала 1917 года через души обывателей, не много осталось места для точного разграничения добра от зла.

В начале ноября стало тревожно в Киеве; часто за Днепром слышалась пулеметная трескотня—готовились к встрече незваных гостей; на Подоле ночью глухо перекатывались одиночные выстрелы. События на Западе—постоянное отступление и моральный развал среди немцев, заколебавшихся под действием большевистского яда,—стали отзываться насторожившеюся тревогою и в Киеве.

Глава II.

Ясское совещание.

Приглашение в Яссы.—Совещание о диктаторах по пути в Яссы.—П. Н. Милюков.—Сообщение посла С. А. Поклевского-Козелл.—Характер заседаний.—Вопрос об интервенции.—Баллотировка кандидатов в диктаторы.—Приглашение к румынскому королю.—Приезд В. И. Гурко, Н. Н. Шебеко и др. в Яссы.—Отправка телеграммы Антанте, с просьбой о немедленной помощи Киеву.—Чрезвычайные полномочия вице-консулу Энно.—Избрание делегации в Европу.—Переезд в Европу.

В первых числах ноября, когда только что избранное бюро СГОР приступало к намечению плана работ, мы были приглашены на общее заседание с Комитетом законодательных палат на квартиру члена государственной думы Искрицкого. Мы увидели там полковника ген. штаба Ильина, который передал нам приглашение образовавшегося в Яссах к-та для созыва в Яссах конференции с послами союзников по вопросу о помощи России для борьбы с большевиками. К-т состоял из нашего посла в Румынии С. А. Поклевского-Козелл, бывшего главнокомандующего русской армией на румынском фронте ген. Щербачева и французского вице-консула в Киеве Энно. Полковник Ильин был послан в Киев и Одессу пригласить персонально А. В. Кривошеина, барона В. В. Меллер-Закомельского, А. И. Пильца, В. В. Шульгина, П. Н. Милюкова, Н. А. Хомякова, Н. В. Савича, а также представителей крупных политических организаций: СГОР, «Национального центра» и «Союза возрождения». Вопрос о необходимости ехать был нами быстро решен; от СГОР наметили троих, получивших персональное приглашение: барона В. В. Меллер-Закомельского, А. В. Кривошеина, П. Н. Милюкова, а также меня, дабы было представлено и левое крыло СГОР. От имени «Национального центра» М. М. Федоров, как единственный его представитель, пригласил с собой А. Я. Чемберса. «Союз возрождения» послал В. В. Руднева, А. А. Титова, И. И. Фундаминского, М. К. Кровопускова и полковника И. И. Новикова, в качестве военного эксперта.

Ехать надо было поскорей; дело не терпело отлагательства—нас ждали в Яссах. Мы быстро собрались и через несколько дней, получив паспорта от гетманского правительства (как иностранцы, разумеется, при чем выдавал их гетманский товарищ м-ра внутренних дел Варун-Секрет, б. член Государственной думы), приехали в Одессу. Тут

к нам присоединились находившиеся в Одессе С. Н. Третьяков и М. В. Брайкевич.

Выехали мы из Киева, кажется, 14 ноября. Нам был отведен вагон, в котором мы быстро разместились; мне досталось двухместное купе с П. Н. Милюковым; рядом барон с А. В. Кривошеиным; потом М. М. Федоров, А. Я. Чемберс, А. И. Пильц, Н. В. Савич, А. И. Хомяков (с бритою головою и лицом, во френче и высоких сапогах—он выглядел типичным монголом, ни одной славянской черты). Далее С. Н. Третьяков и М. В. Брайкевич. В другом вагоне, отдельно от нас сели: В. В. Руднев, И. И. Фундаминский, А. А. Титов.

Третьяков и Брайкевич скоро перешли в вагон социалистов и большую часть дороги проводили у них. Милюков играет в шахматы с известным шахматистом Малютиным, приглашенным М. М. Федоровым в качестве секретаря; Милюков проигрывает бесславно две партии. Подсмеиваюсь над ним! «Играя с таким именитым профессионалом—оправдывается Милюков—я испытываю то, что чувствует птичка, когда перед нею удав». Следующие две партии восстанавливают честь лидера кадетов: одна в ничью, другая выиграна Милюковым. Малютин ее записывает и впоследствии печатает в «Одесском Листке», как партию, игранную с П. Н. Милюковым. Успокоенный Павел Николаевич принимается за изучение румынской грамматики и зубрежку наиболее употребительных румынских слов. Ходим и посматриваем с завистью—будет говорить по-румынски! Но в первый же день, когда в Яссах все собрались в ресторане, Павел Николаевич торжественно проваливается—он не знает, как назвать «хлеб».

Беспокоен М. М. Федоров; ходит из купе в купе и убеждает, что пора устроить совещание. Соглашаемся, разводим дверь меж двух купе, втискиваемся все в них, и барон открывает совещание. Вопрос о том, что надо просить у союзников вооруженной помощи, не возбуждает ни в ком сомнения. Споры начинаются по вопросу, под чьим командованием будут союзные вооруженные силы. М. М. Федоров не допускает и мысли, чтобы командование было не в русских руках и не сдает своей позиции, несмотря на все наши убеждения, что нет такого французского генерала, который пошел бы под русское командование в то время, когда французы—в опьянении славы победителей грозной прусской армии (а у нас—развал армии) и после того как во время войны и англичане и американцы шли под общее командование Фоша. Решаем обойти вопрос молчанием, чтобы не быть смешными в глазах союзников требованием подчинения интервенционных войск русскому командованию. Вторым ставится вопрос о диктатуре и одновременно, кому

быть военным диктатором. За диктатуру и притом Деникина горячо стоят Милюков и Федоров. Хомяков, Пильц и барон все время молчат, а Н. В. Савич и А. В. Кривошеин стоят за бывш. вел. кн. Николая Николаевича. Милюков и Федоров дают характеристику Деникина: честный воин, глубокий патриот, демократ по привычкам, всеми уважаем; правда, несколько мягок и уступчив, поддается влияниям, но, признав что-либо нужным, идет к осуществлению, не останавливаясь. Н. В. Савич считает генерала Краснова более подходящим: Краснов—прекрасный организатор, живой талантливый человек, с более широким кругозором, чем Деникин; за Краснова целая Донская армия, а за Деникиным лишь незначительная часть добровольцев. Но обсим надо предпочесть вел. кн. Николая Николаевича. Ему подчинятся и Деникин, и Краснов, пожалуй, и гетман; ему, ему одному, может быть, подчинятся и союзнические генералы, которым не зазорно будет служить под великим князем. Его поддерживает А. В. Кривошеин. И когда я возражаю против этого предложения, Н. В. Савич, думая, что эти возражения направлены против личности б. вел. кн., говорит: «Да вы не опасайтесь его, он ведь теперь не тот грозный вел. кн., пред которым трепетали генералы; он ослабел, воли к власти нет». Тогда я перехожу в атаку. Я еще понимаю диктатуру божьей милостью, то-есть диктатуру личности, которую выдвигает историческая необходимость; один из признаков такого диктатора божьей милостью это то, что его кандидатуры никто не обсуждает, а все рады-радехоньки, если проходят мимо незамеченными им; я еще понимаю, если бы нам говорили, что есть среди наших генералов Петр Великий или даже Чингис-Хан, который пройдет огнем и мечом по стране; я бы, может быть, сказал—пойдем и поклонимся ему, он в месяц сделает в борьбе с большевизмом то, на что потребуются годы. Но ставить в диктаторы людей с ослабевшей или от рождения нетвердой волей, «подпирать» этих зауряд-диктаторов работою общественных организаций—детская игра: все сведется к тому, что, прикрываясь таким диктатором, над нами будет мудрить какой-нибудь персональный или коллективный Распутин.

Никто со мною не согласен, и, повидимому, останавливаются на необходимости поддерживать в диктаторы кандидатуру Деникина.

Подходим к Тирасполю—кончается русская линия; за Днестром Бендеры—уже в руках румын. Объявляют, что надо выходить, итти через Днестр по мосту пешком; протестуем, вызываем начальника станции; тот сносится с Бендерами, откуда посылают за нами паровоз.

На станции Бендеры—официальная встреча румынскими властями: представитель министерства внутренних дел и, кажется, военного министра. Речи; обед в грязном ресторане грязного вокзала, подвергаемого генеральному ремонту. Отвечает П. Н. Милюков; речи на французском языке.

От Бендер едем через Кишенев в Яссы. Зовут меня в вагон к нашим социалистам и заявляют: решили В. В. Руднева исключить из делегации, так как у него в России жена, и он опасается репрессий по ее адресу; просит поэтому ни в списках делегатов для румынских властей, ни в сообщении прессы его фамилии не называть. Говорю В. В. Рудневу—но ведь в одесских газетах мы все уже были названы. Руднев стоит на своем и продолжает путешествие с нами.

Ложась спать, дразню Павла Николаевича неизбежностью переустройства России по федеративному типу; иначе ведь не соберешь рассыпавшейся храмины; вот и Украину придется сделать штатом. Павел Николаевич сердится: вся эта Украина—сплошная выдумка кучки интеллигентов; никакого националистического движения на Украине нет, и мы, принимая всерьез их болтовню и допуская ее обсуждение, сами укрепляем и даже создаем не имеющее под собой никакой почвы движение. Нет и языка малороссийского; галичане говорят не на языке, а на каком-то жаргоне и жаргонный характер этого квази-языка будет расти, так как придется заимствовать из русского языка огромное количество научных, технических и юридических терминов.—«Ну, говорю, если никакой почвы нет у Малороссии, то и опасаться нечего — ex nihilo nihil fit!.. Ну, а вдруг?»—Павел Николаевич сердито просит не мешать ему спать. Днем, когда кто-то из спутников стал интересоваться происхождением знака на украинских печатях, похожего на трезубец Нептуна без рукоятки, П. Н. Милюков объяснил, что знак этот ничего украинского не содержит: аналогичные знаки можно видеть на старых русских монетах княжеского периода, и он, повидимому, является стилизацией княжеского шлема. Но ведь украинцы утверждают, что Русь пошла от Украины?

Утром подъезжаем к Яссам; все холмы да холмы, покрытые глубоким снегом. Останавливаемся далеко на запасном пути. В вагон входит наш посол в Румынии С. А. Поклевский-Козелл; знакомимся, сообщает о положении вещей. Конференция очень интересует послов Антанты. В Яссах представитель Франции—тонкий дипломат граф де Сэнт Оллэр; английский посол—забавный эксцентрик Барклэй; от американцев—чех Вопика, гордый тем, что он—первый чех, представляющий Америку в качестве

посла; Италия представлена второстепенным агентом, кажется, торговым. Румынское правительство тоже ждет нас, рассчитывая поговорить о признании Бессарабии; оно тоже не прочь оказать вооруженную помощь, но потребует Бессарабию. Король Румынии со штабом в Яссах—придется представляться и ему. Пресса уже оповестила о нашем прибытии и, в ожидании благоприятного для румын решения вопроса о Бессарабии, относится к нашему прибытию весьма благосклонно. Префектом реквизированы для нас помещения у частных лиц, так как гостиницы дрянные, да и места в них нет. Сопровождающие посла русские офицеры тут же раздают нам адреса квартир; Кривошеина посол приглашает к себе; Милюков и барон попадают не только в одну комнату, но даже в одну кровать.

Очередные заседания происходят в помещении русского консульства, где временно живет и посол (после оккупации Бухареста немцами двор, правительство и дипломатические агенты переехали в Яссы), в низком сводчатом партере, с грубо выбеленными стенами и примитивною мебелью. Председательствует барон. Торжественные заседания—в том числе и первое—происходят в салоне посла. Первое заседание открывается нашим послом; приветствует нас (союзнических послов нет на заседании). За ним говорит французский вице-консул г. Киева Энно—один из инициаторов совещания (он работал в Киеве в 1917 году при комиссаре французского правительства при первой Украинской директории генерале Табуи). Отвечает Милюков, говорящий только о задачах конференции; я от имени приехавших благодарю инициаторов. Потом — информация с нашей стороны о положении вещей на Украине и военная информация со стороны ген. Щербачева и его начальника штаба ген. Геруа.

Первая встреча с союзническими послами—на квартире у английского посла в тот же день: приветствия, первый обмен мнениями, решение представить союзникам меморандум. Занятия продолжаются семь дней утром, после обеда и иной раз после ужина. Вопрос о необходимости интервенции решается быстро; заседания происходят совместно с А. А. Титовым и Фундаминским; Руднев не участвует. Кровопусков еще из Одессы послан нами в Константинополь для заявления просьбы нашей о военной помощи союзников генералу Франше д'Эсперэ; на вопросе о диктатуре—заминка. Два дня происходят прения по этому вопросу. Фундаминский, со свойственной ему мягкостью, произносит примирительную политическую речь, поражающую и трогающую присутствующих, представлявших себе иначе «грозного» с.-р., б. члена центрального комитета пар-

тии. Посол говорит барону: «какой милый человек этот Фундаминский, как жалко, что он—еврей», а Н. В. Савич, готовый истребить всех с.-р., оставляет в живых только одного Фундаминского. Левые хотят директории, не хотят обсуждать вопроса о диктатуре Деникина. Решив единогласно, при воздержавшихся социалистах, вопрос о диктатуре, мы переходим к голосованию личности диктатора, после обмена мыслей о кандидатах; называют двух: бывш. вел. кн. Николая Николаевича и Деникина. После речи ген. Щербачева, мотивированно высказывающегося за Деникина, голосуют открыто: за Николая Николаевича подают голоса А. В. Кривошеин, Н. В. Савич и В. И. Гурко (приехавший в Яссы отдельно от нас); за Деникина 9 голосов. А дальше не знаем, как быть—общего решения о диктатуре нет, подавать две отдельных записки (буржуазную и социалистическую), значит продемонстрировать лишний раз отсутствие у русских единения даже и тогда, когда речь идет о спасении погибающей родины и когда приехали звать варягов на помощь. Выручает английский генерал Баллард, говорящий по-русски и внимательно следящий за прениями; советует: выбросьте из меморандума все, что вас разъединяет, и говорите только о необходимости вооруженной помощи. Рады предложению, как пошехонцы, запутавшиеся меж трех сосен, хватаемся за него и поручаем П. Н. Милюкову и А. А. Титову написать проект меморандума. Проект переводится Милюковым на французский язык; после жестокой критики его В. И. Гурко: «канцелярское отношение, без красок и темперамента, сухо, скучно».—«Ну, напишите вы сами более красочно», говорит спокойно работавший накануне до двух часов ночи Милюков; проект принимаем, и я с Гурко наводим «французский шик» на язык Милюкова.

Ежедневные заседания прерываются рядом эпизодов.

Первый по очереди—вопрос о приглашении к королю. Сперва решенный королем в положительном смысле, он на третий день упраздняется: за это время бывший премьер-министр Братиану побывал у Милюкова, пригласил его к себе на завтрак и нащупал почву относительно Бессарабии. Почва оказалась более чем зыбкая, и румыны сразу потеряли всякий интерес к нам; пресса повернулась к нам спиной: что-де за никчемная публика приехала. Король видеть нас не пожелал. Но мы-то его со всею королевскою семьею увидели на молебне в соборе по случаю дарования союзникам победы. Благодаря нашим гастрольным костюмам—кто в овчинном тулупе, кто в военного образца шинели, все более чем скромно одетые, мы были серым пятном среди блеска придворных и дипломатических мундиров. Не

обошлось и без курьеза: служивший митрополит, поминая союзников, боровшихся против немцев, не назвал России. Поклевский-Козелл выразил удивление по поводу этого пред бывшим в соборе Братиану: «Это по рассеянности,—сказал Братиану,—ведь, он и японцев тоже забыл» (а перекличку наций митрополит делал по шпаргалке).

Второй эпизод—внутреннего характера. На третий, кажется, день приходим на заседание. Посол сообщает, что утром из Киева приехали: В. И. Гурко, Н. Н. Шебеко (бывший посол наш в Австро-Венгрии), Н. Ф. фон-Дитмар, В. П. Рябушинский (брат известного члена Государственного совета П. П. Рябушинского) и В. Я. Демченко (член Государственной думы, бывший киевский городской голова, крупный делец): требуют допущения их к участию в конференции. Относительно В. И. Гурко нет затруднений—он член СГОР, выбранный в Киеве после нашего отъезда в бюро Совета и посланный Советом в Яссы. Вопрос о других сложнее, так как Шебеко не состоит вовсе членом СГОР, и послало его совещание членов Государственной думы и Государственного совета (при чем сам он не член этого совещания, так как не был никогда ни в Думе, ни в Государственном совете, и совещание это не было уполномочено посылать отдельных депутатов). Решаем допустить Гурко с правом решающего голоса, остальных—с совещательным. Правда, решение это настойчивостью прибывших было сведено на-нет, и пришлось лишний раз убедиться, что анархия выдумана в России не большевиками.

Приехавшие из Киева привезли тревожные известия. Восстание, объявленное в ноябре Украинским национальным союзом (созданным в июле 1918 года), избравшим директорию с Винниченко, Петлюрой и Швецом во главе, стало принимать угрожающие размеры. Восстание, не задев главных центров—Киева и Одессы, стало быстро разливаться между ними, и сообщение между этими городами, того и гляди, могло прерваться. Киевляне оказались в убийственном положении—с севера надвигаются большевики, сдерживаемые по линии Клинцы—Унеча—Михайлово немцами, переставшими быть железною стеною пред Украиной, так как и среди них пошло брожение; а помощь союзников с юга, через Одессу, становится недоступною из-за восстания. Остался открытым для союзников лишь запад, и киевляне начинают молить о помощи. Демченко, единственный коренной киевлянин среди нас, идет на все: готов отдать румынам что угодно за помощь Киеву. Решаем при содействии союзнических послов в Яссах отправить Антанте телеграмму с просьбой о немедленной помощи и, кроме того, немедленно командировать к французским ге-

нералам Бертелло и Франшэ д'Эсперэ полковника М. И. Новикова и ген. Галиевского (бывшего случайно в Яссах и рекомендованного Поклевским-Козелл) для объяснения им, в какой мере положение Юго-Запада критическое; надеялись получить разрешение на использование какой-нибудь французской части, стоявшей в Румынии. Накануне нашего отъезда получились еще более тревожные сведения: петлюровцы заняли Фастов, идут на юг, успех восстания несомненный; надо действовать энергично. Я предлагаю две меры: во-первых, снабдить консула Энно полномочиями от представителей Антанты говорить от имени этих последних и требовать от немцев исполнения возложенной на них по договору о перемирии обязанности поддерживать порядок и дисциплину в местах, где перемирие их застало, и, во-вторых, вызвать в Яссы немецкое обер-командование с представителями немецкого Совета солдатских депутатов и заявить им ультиматум: они отвечают за Киев своими персонами, для чего, в случае отказа их повиноваться, удержать их заложниками. Первое предложение проходит; на второе—нет решимости. Поручают мне и Энно выработать текст полномочия для Энно от послов, а также обращение послов к населению с предложением воздержаться от содействия «большевистским агентам—Винниченко и Петлюре» (фраза, вставленная совещанием). Энно должен был уехать в тот же день; необходимо было получить подпись послов; бросились к французам—посла не было дома, но сказали, что он подпишет наверно, если сэр Барклей подпишет. Поехали к англичанину—он спит: страдая бессонницей и проводя ночи без сна, он спит после обеда; разбудили его; узнав в чем дело, подписал и говорит: «влетит мне от моего правительства за это, впрочем, наплевать (je m'en fiche), уйду в отставку». Французский посол тоже после этого подписывает, подписал, кажется, и американский, и Энно уехал... захватив с собою не только подлинник декларации послов и полномочий, но и черновик. На следующее утро прибежали от французского посла с просьбой дать им копии того, что подписали,—у нас их тоже не было.

Не обошлось и без «социалистического интермеццо». Мы обедали и ужинали все вместе в грязноватом помещении ресторанчика, содержимого левантинцем из Константинополя в грязном дворе столь же грязного дома, куда нас привел комендант г. Ясс, справедливо заявив, что кормить будут хорошо, несмотря на более чем сомнительную внешность. И вот после одного из наших ужинов А. А. Титов отзывает М. М. Федорова в сторону, где сидели В. В. Руднев и И. И. Фундаминский; начинается оживленная беседа,

принимающая видимо резкий оборот,—М. Федоров волнуется, еще более Титов. Оказывается, что В. В. Руднев, вышедший из состава делегации (по пути в Яссы) по «домашним» мотивам, все же посетил союзнических послов после нашего к ним визита и представил им записку с изложением «демократической» точки зрения на происходящее в России и интервенцию; составление и подача этой записки были известны его коллегам; узнавший об этом М. Федоров сказал Титову, что поведение Руднева ни с какой точки зрения недопустимо и меньше всего—с «демократической». Титов счел нужным сообщить об этом Рудневу, который и потребовал от Федорова объяснений. Сконфуженный Фундаминский сидел при этом молча, а Титов кипятился и петушком наскакивал на Федорова.

Последнее заседание с вручением меморандума, подписанного всеми членами делегации, было, кажется, 24 ноября в салоне английского посла. От имени делегации говорил Милюков; говорил поучительно, доктринально, сухо. Не вытерпел Гурко и с жаром сказал речь на тему о том, что русский большевизм не русское, а общеевропейское дело; не погасив русского очага, рискуют потерять от пожара всю Европу. Английский посол сидел подле своего французского коллеги... на полу и лишь раз только проявил свой интерес к делу, когда Милюков дошел до того места в нашем меморандуме, где мы просим прислать в Россию 150 000 штыков. «Tant que ça?»—спросил Барклей. Американский посол просил разрешения задать нам только один вопрос: «В чем собственно разница между большевиками и Советами?»

Перед отъездом из Ясс было решено послать делегацию от ясской конференции в Париж и Лондон для поддержания в столицах просьбы нашей о вооруженной интервенции. Вопрос о выборе лиц имел, конечно, большое значение и требовал серьезного обсуждения. Для меня, проведшего много лет во Франции и в Европе, вообще было совершенно ясно, что нашей делегации нужно было придать возможно более прогрессивно-демократический характер, дабы отнять у рабочей оппозиции на Западе главный ее аргумент: об интервенции хлопочут-де реакционеры. Правда, наличность в делегации социалистов в значительной мере ослабляла силу этого аргумента, но только ослабляла, а не устраняла: все же присутствие реакционеров оставалось бы фактом и давало бы право говорить, что реакционеры просят вооруженного вмешательства, ведя на поводу умеренных социалистов. Сколько об этом ни говорилось и как все это ни было очевидно для всех,—победили, конечно, как и всегда, личные соображения. Груп-

па торгово-промышленников требовала, чтобы в делегации обязательно был ее представитель, хотя для успеха делегации присутствие представителя именно этой группы либо не имело никакого значения, либо было определенно вредно. Ведь совершенно очевидно было, что на Западе не крупных фабрикантов и оптовиков нужно было убеждать, что в России, а потом и на Западе может погибнуть капиталистический строй, и не их поддержки нехватало Клемансо и Ллойд-Джорджу для проведения в парламенте решительных мер,—в этом ведь нужно было убеждать только рабочих. Тем не менее, промышленники выдвинули кандидатуру С. Н. Третьякова—как председателя московского биржевого комитета (тоже отрицательное качество для члена делегации); чтобы провести наверняка Третьякова, пять членов торгово-промышленной группы предоставили два другие места нашему крайнему правому крылу и провели в делегаты В. И. Гурко и Н. Н. Шебеко. Кандидатура П. Н. Милюкова провалилась—П. Н. Милюков получил лишь два голоса. Социалистам И. И. Фундаминскому и А. А. Титову было предоставлено самим назначить своих представителей (они не участвовали в выборе делегатов от буржуазной группы)—были намечены они оба.

И только после возвращения в Одессу, в одном из первых заседаний продолжавших там свои занятия членов ясской конференции, наша делегация по предложению А. В. Кривошеина была пополнена П. Н. Милюковым.

Накануне отъезда из Ясс полковник Ильин, присутствовавший на всех заседаниях и всячески помогавший нам, сообщил, что в Галаце в данный момент стоят три союзнических миноносца. Я ухватился за это сведение и предложил просить союзников отправить их немедленно в Одессу, чтобы этим положить начало если не интервенции, то хотя бы морской демонстрации. Предложение прошло, и полковник Ильин сам поехал на следующий день в Галац, чтобы наблюдать за исполнением решения: и через два дня первый союзнический миноносец красовался у волнореза одесской гавани, собирая на Николаевском бульваре толпы народа.

На обратном пути из Ясс, на вокзале в Тирасполе мы получили от пришедших говорить с нами сотрудников местной прессы номер какой-то одесской газеты с двумя призывами, подписанными Энно: один, одобренный нами в Яссах, другой—неведомый нам, с косвенным призывом поддерживать гетмана. Мы были неприятно поражены: никакой прогетманской политики (сепаратистов среди нас не было) никто из нас не вел и Энно вести не уполномочивал, а с точки зрения Антанты это было бы полной не-

лостью, так как гетман был посажен немцами и поддерживался ими же. Как потом оказалось, это обращение смастерили представители гетмана в Одессе и подсунули Энно, всегда тяготевшему к престолам, хотя бы и маргариновым.

Упомяну еще, что В. В. Шульгину, прибывшему в Яссы дня через три после нас, не пришлось участвовать в заседаниях: его и сопровождавшую его секретаршу вынесли из вагона на носилках и перенесли с вокзала в больницу: бедная секретарша скончалась там от воспаления легких, а Шульгин, когда мы выехали, лежал еще в больнице.

На обратном пути—тревожный час перед Раздельной: «паникмахеры» уже видели петлюровцев недалеко от нас, и неизвестно было, проскочим ли мы через Раздельную, откуда сворачивают на Одессу. На самом же деле петлюровцы оказались за сотню верст оттуда.

В Одессе мы к нашему удивлению застали Энно, который должен был бы быть уже в Киеве и там поддерживать настроение противопетлюровских элементов обещанием союзнической помощи, в быстрое появление которой мы все еще верили. Оказалось, что он не мог проехать в Киев, сообщение с которым уже было прервано.

Положение Одессы к тому времени — 25/26 ноября 1918 года—было своеобразным. Пережив в начале 1918 г. шестинедельную вспышку большевизма, крайне напугавшего подавляющую часть населения, но разбудившего аппетиты низов, Одесса (большой портовый город, изобилующий босяками) попала под управление немцев, спокойное и мало чувствительное для населения. Юридически она «значилась» за гетманом, который был представлен там градоначальником Мустофиным, генералом Стельницким, командовавшим украинским войском (3-й корпус, в котором никогда, кажется, не было больше 500 человек), генералом от кавалерии Раухом, состоявшим при австро-германском командовании, и адмиралом, заведующим портом. Отношение к гетманской власти было скептическое, так как Одесса, вопреки заявлениям украинцев, никогда ни в какой мере украинской себя не признавала. Тяга к Украине никогда, ни в то время, ни впоследствии, не чувствовалась, и поэтому Одесса склонна была принять директорию лишь в том же виде как и гетмана: грабить не будут, погромов не будет, значит, как временная власть годится. Но слухи о грабежах, которые петлюровские «гайдамаки» учиняли в завоеванных городах и местечках, быстро заставили Одессу насторожиться, и прихода петлюровцев она ждала с таким же трепетом, как и прихода большевиков.

На-ряду с призрачной властью гетмана, к тому же отрезанного к концу ноября от Одессы, значилась там же еще более призрачная «претензия» на власть со стороны добровольцев. Пока гетман «осуществлял» свои права на Одессу, добровольцы были только более или менее (скорей менее, чем более) терпимы на территории Одессы; Одесса была вербовочным центром, откуда офицеры, по мере надобности, отсылались в Новороссийск. Официальными представителями Добрармии в Одессе к тому времени были вице-адмирал Ненюков и генерал-майор Леонтович. Репутация офицеров, ждавших в Одессе отправки на Восток, была очень нелестная: лучшие элементы давно ушли к Деникину; оставшихся население города, склонное, как и всякое южное население, к легким насмешливым обобщениям, прозвало «ресторанными» офицерами, так как они, по утверждению одесситов, предпочитали спокойные и прибыльные должности официантов в ресторанах и кафэ военной службе, связанной с личным риском.

Городская дума бездействовала после закрытия ее (в октябре 1918 года), последовавшего за арестом ряда гласных по требованию градоначальника Мустафина, призвавшего взамен городской управы, упраздненной гетманским правительством, старую управу с князем Аргутинским во главе.

И вот в конце ноября 1918 года в этот большой, шумный, кипящий жизнью город, с большим слоем университетской интеллигенции и сильным, насчитывающим тысячи людей, знакомых с Европой, торгово-промышленным классом, вливается la fine fleur политического, интеллигентского и бюрократического Петрограда. Чувствуя себя носителем «русского» государственного начала, она, не встречая на месте никакой прочной власти, не может не пытаться играть роль высокого попечителя осиротевшего Юго-Запада, с Одессой во главе. На эту роль ее особенно наталкивает факт ее участия в Яссах в привлечении Антанты на помощь Югу и прибытие представителей этой последней. Всего этого не понимает добрармия или, точнее, не хочет понять группа той же петроградской политической и бюрократической интеллигенции, собравшейся вокруг Деникина под знаменем «Национального центра»: она имеет за собой русскую армию и посему считает себя единственною носительницею общерусского государственного начала. Осевшие в Одессе, не имея за собой русской армии, но сильные реальным пониманием условий жизни и союзническою помощью, борются за создание на Юго-Западе местной реальной власти, желая в то же время всячески оградить престиж русской армии.

Этой борьбе посвящены страницы моего дневника от 30 ноября 1918 года (когда я стал ежедневно записывать большое и малое—все, что казалось мне заслуживающим интереса) и до 15 марта 1919 года, когда я уехал из Одессы за границу.

С возвращением в Одессу деятельность «ясской делегации» не закончилась: выяснив положение Одессы, делегаты решили продолжать работу, начатую в Киеве и продолженную в Яссах, и собирались ежедневно в течение нескольких недель для взаимного осведомления и обсуждения очередных вопросов.

Глава III.

Последние дни гетманской власти в Одессе.

Доклад ген. Гришина-Алмазова.—Доклад В. А. Степанова.—Трения с социалистами.—Вопрос о создании правительственного аппарата на Юго-Западе.—Совещание по обороне.

30 ноября 1918 года. Суббота.

Заседание ясской делегации. Делает сообщение приехавший из Екатеринодара артиллерийский генерал-майор Алексей Николаевич Гришин-Алмазов (38 лет, покатый узкий лоб, свободная речь, пристрастие к «ученым» словам; П. Н. Милюков говорит: помните Епиходова в «Вишневом саду»—«Вы читали Бокля?»). Он направляется от Деникина в Яссы—застрял в Одессе.

Генерал Алмазов был военным министром в Сибирском временном правительстве; излагает историю этого правительства, выступления чехов и последующие события на Востоке.

Вся борьба с большевиками ведется в Сибири под знаком союзнической ориентации. Представители союзников—генеральные консулы в Иркутске: северо-американский—Гаррис и французский—Буржуа; есть еще французский консул—какой-то учитель танцев и гимнастики. Почет им со стороны чехословаков беспредельный; заносчивость их такая же. Все они—и танцор тоже—были на государственном совещании в Уфе и заявляли, что уфимская директория будет поддержана союзниками; между тем вся борьба за Сибирь велась до сих пор без единого солдата или единого сантима от союзников. Сношения с серьезными представителями союзников—с послами—не удавались. Ближайшие были в Пекине, но телеграммы к ним не доходили.

Директория из сил выбивалась, чтобы добиться признания со стороны союзников. Генерал Болдырев даже говорил Гришину, что она признана, но кем и когда—сказать не мог.

Союзнических войск очень мало в Сибири; к началу октября было англичан—2.000, итальянцев—500, французов—1.000 человек с генералом Жанэном во главе; у японцев—один жандармский дивизион, один кавалерийский и три пехотных полка. Японцы высадились во Владивостоке и пошли на запад, высылая вперед жандармов, учреждавших комендантуры и печатавших расплывчатые воззвания. Заявляют, что дойдут до Читы, где будут зимовать.

Теперь ждут прибытия 10.000 американцев.

Отношение к добровольцам на востоке России таково:

1. Атаман Дутов сказал Гришину—«пусть только придет добровольческая армия, и для меня Уфа не будет существовать».

2. На Урале, для казачьих низов, добровольческая армия—святыня. Правительство же социалистическое холодно сказало: «будем рады, когда добровольческая армия придет». Атамана у уральцев нет.

3. Из Гурьева Гришин поехал в Петровск—сатрапию Лазаря Бичерахова (осетин, православный, действовал в Персии с партизанским отрядом, хорош с англичанами). Командует кавказской армией в 7.000 штыков; штаб в Петровске. Флаг—наш национальный, красный вверх. Денег масса—вывез 120 миллионов из Баку; оружия и патронов мало—англичане не дают, говоря, чтобы перешел к ним на помощь в Туркестан.

Бичерахов заявил, что политики не знает, в гражданской войне участия не принимает, борется только с турками; блокируется, когда надо, с большевиками.

4. В Туркестане—англичане, оккупировавшие Красноводск, Мерв, Асхабад, Мугань. Командует Стокс—руссофоб, относится к русским, как к туземцам Индии.

5. В Темир-Хан-Шуре—Закаспийско-кавказское краевое правительство с полковником кн. Тарховским во главе. Объявил себя диктатором Туркестана. Бессилен, ничтожен, к добровольцам благоволит.

6. На Тереке—Георгий Бичерахов (брат Лазаря), председатель Терской республики. Во главе местного рабочего и крестьянского Совета—офицер Саул Букановский. Совет значительно правее правительства (в России все возможно). В Терской области в военном и гражданском деле—кошмар. Во главе вооруженных сил был генерал Мистулов—застрелился. Бичерахов заявил, что против прихода добровольцев протестовать не будет. По мнению Гришина, Терская область должна быть базою для добровольцев.

2 декабря. Понедельник.

В заседании ясской делегации В. А. Степанов (член Государственной думы, к.-д., товарищ министра торговли и промышленности Временного Правительства) сообщает о положении вещей у Деникина.

Морально армия изолирована. Несколько человек членов Учредительного Собрания собралось в Екатеринодаре и подняло шум в «Сыне Отечества» и «Родной Земле», поддерживая слухи о якобы социалистическом настроении в армии, пропагандируя идею Учредительного Собрания, что сильно вредит делу создания армии. Уфимская директория тоже агитирует, требуя подчинения ей добровольческой армии. Когда в Екатеринодаре узнали, что директория до первого января ни пред кем не ответственна, а потом складывает власть перед черновским Учредительным Собранием, сразу всеми разумными элементами было решено не признавать уфимской директории всероссийской властью.

Добровольческая армия безусловно терпима к инакомыслящим. В Екатеринодаре издаются газеты всех направлений и одна лишь среди них—газета В. В. Шульгина—поддерживает армию. Много шума наделало закрытие «Сына Отечества» и арест ее редактора с.-р. Г. Н. Шрейдера. А между тем он был арестован в целях личной безопасности, так как ему угрожала расправа офицеров за то, что, будучи городским головою Петрограда во время корниловской истории, он провел в городской думе резолюцию против Корнилова. Шрейдер просидел лишь несколько дней под арестом до приезда Деникина.

В полном распоряжении у Добрармии только Ставропольская губерния и Черноморская область. На Кубани две власти—добрармии и кубанцев; соглашение между ними не налаживается. Крымское правительство—в полном контакте с добрармией, но демократия дум и земств в Крыму протестует против поползновений Деникина на устройство набора в Крыму. На этой почве вышли недоразумения. Представитель Деникина распубликовал в Крыму о призыве по приказанию Деникина; а Крымское правительство, в свою очередь, расклеило объявление, что призыв Деникина имеет лишь моральное, а не обязательное значение. Никто, разумеется, не явился (Крымское правительство состоит, главным образом, из кадетов).

Созники и Дон относятся скептически к ген. Краснову. Французский военный агент на Кубани И. Н. Эрлиш заявил, что союзники дали ему полномочие содействовать падению Краснова. К Скоропадскому добровольцы относятся также отрицательно.

О дальнейших планах Деникина трудно говорить те-

перь; ясно одно: надо сохранить Кавказ, как базу, тем более, что казаки не собираются выходить за пределы своей территории, и в России придется продвигаться путем набора. Среди добровольцев сейчас много большевиков; например, Преображенская рота вся целиком из большевиков; все это прекрасные солдаты.

П. Н. Милюков передает со слов английского генерала Балларда, что союзники решили распределить между собою сферу влияния на Юге: Кавказ и Закавказье остаются за англичанами, Крым и Юго-Запад—за французами. В Одессу идут три французских дивизии, две итальянские и одна греческая; придут они морем в конце недели. На-днях представители генерала Бертелло будут у Деникина, чтобы сговориться о военных планах. Для целесообразности нашей дальнейшей работы нужно установить тесный контакт между ясской делегацией и добрармией, затем нужно задержать отъезд Сазонова за границу, так как сюда скоро приезжают представители союзников.

По мнению Н. В. Савича, еще лучше было бы вызвать в Одессу Деникина и Сазонова одновременно с приездом сюда генерала Бертелло и совместно выработать общий план действий. Отсутствие непосредственной заинтересованности добрармии в помощи французов (на Кубани, где стоит добрармия, помогают англичане) чревато большими осложнениями.

По сообщению Кровопускова, французский адмирал Амэт приказал, чтобы все суда, участвовавшие в большевистском движении, а также те, что были впоследствии вооружены немцами при оккупации Крыма, были уведены в Измидский залив, в Мраморном море.

В дневном заседании ясской делегации Демченко приносит сведение, что немцы в Киеве отказываются признать полномочия консула Энно и потому не исполняют его требований. Это сильно ухудшает положение Киева, и Энно остается только продолжать стращать немцев угрозами. С другой стороны, барон сообщает, что добровольческие офицеры заранее отказываются драться с петлюровцами: борьба с ними означала бы де признание германской власти, так как пока еще эта власть не заменена на Юго-Западе России никакой другой и петлюровцы борются именно с нею. Вызывающее поведение этих офицеров возбуждает против них население; все уверены, что эти офицеры и немногие солдаты, что с ними,—пустое место, и вся надежда одесситов на союзников. О добровольческой армии в населении самое смутное представление; ее представители в Одессе ничего не делают для ее популяризации или просто для осведомления о ней. С другой стороны, из беседы с

офицерами добрармии выясняется, насколько тяжело их положение; жалование получают они грошевое—не хватает на личное прокормление, а у многих жена и дети. Твердой власти на месте нет; сохранить дисциплину крайне трудно; добиться чего-нибудь у местного инертного начальства, тоже сидящего без денег, совершенно невозможно.

Гетманом сменен генерал Стелицкий, б. командир Украинского корпуса, и на его место назначен ген.-майор Бискупский (известный петроградцам, как муж Н. Д. Вяльцевой).

Савич сообщает, что адмирал Канин окончательно принял на себя командование флотом.

Смущает полученная от Деникина телеграмма о назначении адмирала Шрамченко для заведывания транспортами: Шрамченко, сидя в Екатеринодаре, будет распределять транспорты, идущие из Одессы; не проще ли назначить кого-нибудь из адмиралов, живущих в Одессе,—их здесь десяток, по крайней мере?

Я указываю на необходимость прислать сюда и вообще повсюду, где ожидается десант союзников, представителей добрармии в высоком чине или, во всяком случае, с известным боевым именем, чтобы импонировать союзникам, иначе не миновать крупных неприятностей.

По словам Демченко, представителем добрармии в Одессе является вице-адмирал Непюков, человек мягкий, вялый, малоавторитетный; правда, он много сделал при немецкой оккупации для сохранения ядра добровольческой армии, и все, что в Одессе от этой армии имеется, все это создано им; но авторитет его в Екатеринодаре невелик. Другой представитель добрармии—генерал Леонтович—стоит во главе офицерского клуба в Одессе; клуб этот игорный, со скверною репутациею.

Кривошеин и Савин присоединяются к моему предложению просить Деникина назначить авторитетного представителя в Одессе, которое и принимается.

Петлюровцы продвигаются вперед. Восстания крестьян, по мере продвижения петлюровцев, вспыхивают повсеместно. Кольцо восстаний стягивается вокруг Одессы.

Пришли польские отряды; заявили, что подчиняются только французам; добрармии знать не хотят, французов еще нет.

Наша парижская делегация садится сегодня в 9 часов вечера на пароход, который отходит завтра утром.

3 декабря. Вторник.

Утреннее заседание ясской делегации.

Граф П. М. Толстой требует изменения представительства в ясской делегации на паритетном начале, а также перехода к работам исполнительного характера; И. Фун-

даминский—полного ее упразднения и создания нового органа путем соглашения между СГОР, «Союзом возрождения» и «Национальным центром». Савич и Кривошеин протестуют против посягательства на ясскую делегацию. Решено пополнить ее новыми членами по соглашению с центрами составляющих ее групп.

А. В. Кривошеин смотрит на сидящих против него: гр. П. М. Толстого, А. А. Титова и И. И. Фундаминского и спрашивает: «скажите, г.г. социалисты, каков ценз для вступления в социалистическую партию?.. Я вот смотрю на вас троих и думаю—вот вы все трое миллионеры, а считаете себя представителями пролетариата; а я—санкюлот и считаюсь буржуем».

Сведения из Юзовского и Харьковского районов самые неутешительные; большевики предают все огню и мечу, и Юг остается без руды и угля. Демченко предлагает обратиться к Краснову с просьбой послать туда войска. Барон уверен, что красновские казаки либо не пойдут, либо сами будут грабить не хуже большевиков.

Дело градоначальника Мустафина снова всплывает. Градоначальник этот, поставленный гетманом, не угодил городскому управлению и рабочим. Месяц тому назад, по распоряжению Е. Рейнбота, министра внутренних дел у Скоропадского (после присяжного поверенного Н. А. Кистяковского), было арестовано несколько десятков гласных одесской думы после повальных обысков. Я был тогда в Киеве и, получив телеграмму от М. В. Брайкевича (председателя Одесского военно-промышленного комитета) об его задержании, счел своим долгом, в качестве председателя ЦВП К-та, пойти хлопотать за коллег к Рейнботу (б. председателю петроградского окружного суда, товарищу моему по Ришельевской гимназии в Одессе). Когда я выразил свое недоумение по поводу массового ареста гласных думы, Рейнбот показал мне полученную им, кажется, от Мустафина телеграмму, в которой указывалось, что среди предметов, найденных при обысках у задержанных гласных, значатся и такие, как ручные гранаты, динамит, не говоря уже о большом количестве оружия. Я обратил внимание на то, что среди гласных имеются и большевики и левые с.-р., но ведь не все гласные принадлежат к этим партиям. Брайкевич, как и большинство гласных, был скоро выпущен на свободу. С другой стороны, тот же Мустафин арестовывал и рабочих для прекращения митинго-забастовочного движения; жены этих рабочих жаловались на плохое обращение с их мужьями в полицейских участках, которые никогда в Одессе особым доверием населения не пользовались. Факты появления на свободе заведомых налетчиков-

грабителей вскоре после их ареста—всем известны; известна и такса за их освобождение—от трех до пяти тысяч. Одесса стонет под гнетом анархо-террористов, налетчиков и шантажистов. Отрезанная от гетмана в Киеве, одесская администрация является как бы самодовлеющей—некому ее контролировать, некому сменять. Новый командующий армией г.-м. Бискупский, уступая пред растущей непопулярностью Мустафина, предложил этому последнему уйти в отставку, на что последовало было согласие; и вот сегодня, по чьему-то настоянию, Мустафин опять заявляет, что остается у власти, несмотря на резкую оппозицию Энно, поддерживающего враждебных Мустафину представителей города.

Решаем послать А. В. Кривошеина и А. И. Пильца к Мустафину «убедить» его не возвращаться к должности.

Посылаем телеграмму Деникину о необходимости его приезда в Одессу.

Вечером я приглашен на квартиру гр. И. И. Капниста на совещание. По разговорам заключаю, что присутствующие (Кривошеин, бар. Меллер-Закомельский, Савич, Пильц, Демченко, ф.-Дитмар) уже собирались без меня для беседы о необходимости и о способе организации власти на Юго-Западе. Инициатором совещания является А. В. Кривошеин, поселившийся на квартире у гр. Капниста. Все признают необходимость организации правительства на пустом месте, создавшемся на Юге: гетман отрезан петлюровцами от Юга, на месте лишь власти второго разряда, добровольцы здесь фикция, да и что они вообще из себя представляют—никому не известно; разговор не клеится, ни у кого нет определенного плана; решаем собраться на следующий день.

М. В. Брайкевич и П. П. Фундаминский уехали на съезд городов и земств Юга России, созванный В. В. Рудневым и А. А. Титовым в Симферополе. Брайкевич предлагает и мне ехать. Я указываю ему на то, что съедутся, вероятно, представители одних социалистических партий, да и то из двух-трех городов, не более; что несоциалистические гласные земств и городов, как дореволюционного так и послереволюционного периода, объединены в городской и земской группе Совета государственного объединения России; что в интересах правильной и целесообразной организации демократии—образование отдельных земско-городских групп социалистической и несоциалистической, органы которых сговорятся затем об общем плане действий земско-городской демократии; поездка же его, Брайкевича, к.-д., который будет, вероятно, единственным несоциалистом на съезде, даст возможность организаторам этого съезда назвать съезд «демократическим» и его чисто социалистические требования

противопоставлять под флагом единственно «демократическим» требованиям несоциалистической демократии, как «реакционным». Брайкевич уперся на своем и поехал.

4 декабря. Среда.

Победа: Мустафин согласился не возвращаться к должности градоначальника!

В Одессе еще есть несколько полков немцев; пошли вчера по приказанию Бискупского на ст. Раздельная и продвинулись дальше на Бирзулу; было условлено, что по мере продвижения немцев и отступления петлюровцев, добровольцы будут занимать железнодорожные станции. Добровольцы заявили, что они решили соблюдать нейтралитет в борьбе с петлюровцами и категорически отказались занимать очищаемые немцами станции. Устроили частное совещание с немцами; здешние немцы согласились выработать общий план с немцами в Киеве для одновременного выступления немецких отрядов из Киева и Одессы для очистки железнодорожного пути от петлюровцев.

Днем опять совещание об организации власти у гр. И. И. Капниста. Ставлю вопрос о соглашении с социалистами. Савич разражается филиппикою против социалистов; гр. П. М. Толстой и другие социалисты не пойдут на чисто буржуазное правительство, а соглашаться с ними, если они потребуют коалиционного министерства,—нельзя. С.-д. еще туда сюда—они все же имеют законное место в государстве, как естественные представители рабочих; а вот «этих проклятых с.-р., стоящих вечно по пути всякому разумному плану организации правительственной власти, их надо сломать через колено». С.-р. нет в Европе, это чисто российское изобретение—наследие пугачевщины; в борьбе с большевиками с.-р. всегда будут мешать. Шрейдер боролся с Деникиным, Рудиев также борется с Деникиным, и всегда и тот и другой будут бороться с армией. Регулярная армия совместима с с.-д., но никогда с с.-р.—«Вот почему я противлюсь компромиссу с ними».—Ясно, что на Украине нужно создать новое правительство. С гетманом Скоропадским нужно расстаться, он слаб—за ним никого и ничего нет; но звание гетмана, как главы правительства, надо сохранить для поддержания традиции власти, хотя бы и новой еще. Деникин, судя по сообщениям Степанова,—тот же Скоропадский: слабый, нерешительный человек, без административных способностей. У Деникина явно идет к развалу власти—все газеты в Екатеринодаре этим занимаются. Вот почему и его нельзя поставить во главе власти; и еще менее он будет приемлемым, если уступит требованиям социалистов и согласится на директорию. «Нам нужен вел. кн. Николай Николаевич; Деникин и Болдырев ему

подчинятся»; если же почему либо Николай Николаевич не пройдет, то нужно требовать немедленно приезда Деникина сюда; он должен взяться здесь за мобилизацию армии, должен помириться с Красновым, который и без него справится с стратегическими задачами Юго-Востока. Ведь Краснов — первоклассный организатор, много выше Деникина по способностям— таков отзыв всех знающих обоих; непопулярным делает Краснова социалистическая пресса, так как он открыто борется с социалистами. Если Деникин здесь не хочет остаться, то нужно будет создать правительство, взяв в него военного министра, приемлемого для Деникина; если же Деникин останется здесь, то можно будет его признать гетманом для сохранения этой формы власти, приобревшей уже некоторую популярность на Юге, но сохранить за гетманом лишь главное командование войсками, без гражданских функций.

А. В. Кривошеин тоже против соглашения с социалистами. «Нам с социалистами не по пути; социализм есть, но социалистов еще никогда не было и не будет, так как осуществить социализм никто никогда не сумеет». Лучше совсем отойти в сторону, чем итти с ними на компромисс после опыта Временного Правительства. Наша задача—не создавать нечто новое, а примирить все провинциальные притязания; нужно сберечь существующие правительства: Краснова, гетмана, крымское, примирить их между собою и создать из их представителей Совет государственного объединения подле Деникина.

Обсуждение вопроса о власти расползается и—никакого решения; переходим к вопросу об участии социалистов в ясской делегации.

Барон Меллер-Закомельский считает вредным дальнейшее участие социалистов в ясской делегации; они узнают там о наших планах и намерениях, и бог весть, к кому потом эти сведения попадут. Приходится при них многого не говорить.

Кривошеин предлагает говорить при них только о французском десанте, а ф. Дитмар—просто сорганизовать отдельные совещания буржуазной группы.

Беседа обрывается и на эту тему; видя, что ничего путного не вырисовывается, я предлагаю, не предрешая сейчас вопроса об организации власти, устроить совещание по обороне при генерале Бискупском; это совещание, в зависимости от обстоятельств, и будет укреплять свое положение и влияние. Предложение принимается.

Генерал Бискупский докладывает о перехваченной телеграмме: Петлюра взял Ананьев, решил итти на Бирзулу для диверсии, удар же нанести на Вознесенск и Одессу для того,

чтобы поставить французский десант перед совершившимся фактом. Когда Бискупский сообщил об этом французскому адмиралу, тот ответил, что французы драться не будут. Савич замечает: при прибытии французской эскадры в Севастополь, матросы не хотели высаживаться из боязни стычек с большевиками.

Генерал Раух был на «Мирабо»—матросы мерзнут, для них нужна теплая одежда, на тысячу человек. Для десанта же нужны здесь казармы на 10.000 человек; для приведения их в порядок потребуется семь недель времени и 5 миллионов рублей. На 4.000 человек помещений есть сейчас. Хлеба, овса и мяса пока в Одессе достаточно. По данным сводки: в Вознесенском районе петлюровцев 1.500 человек с орудиями, в Бирзуле 2.000 человек с орудиями; против первых у нас 45 человек, а против вторых—500 и притом крайне деморализованных. У поляков несколько тысяч человек, но драться они не хотят. Немцы же определенно помогают петлюровцам. В Ананьеве местные петлюровцы хотели захватить в местном казначействе 17 миллионов, но их уже успели вывезти. В Ананьеве при известии о приближении петлюровцев наш генерал, командующий местным гарнизоном, удрал поездом, бросив все на произвол судьбы. Из трех стоящих в Одессе сечевых сотен, первая—чистейшие самостийники, ее надо разоружить, но как это сделать? Вообще в дальнейшем необходимо создать классовую антибольшевистскую армию, и вряд ли раньше, как через 10 лет можно будет вернуться ко всенародной армии. Он, Бискупский, три месяца тому назад подал гетману проект классовой армии; правительство приняло его, а генеральный штаб провалил; согласились в конце концов на компромиссе: сделать общий призыв, но из 220 тысяч человек, которые будут призваны, взять лишь 70 тысяч. Немцы одобрили этот план.

Киев еще тверд, но положение его тяжелое; просит помощи, а отсюда можно послать человек сто, не больше. Бискупский хотел было взять Вознесенск, из-за находящихся там больших артиллерийских складов, но немцы в Вознесенске воспротивились, заявив, что это «нарушение нейтралитета». У немцев было полторы роты, у Бискупского 80 человек, и он не мог взять этих крайне важных для нас складов. Необходимо просить помощи у румын, обещая им все, что они захотят, если только согласятся сейчас же итти на Киев. Бывший в Яссах б. начальник конвоя его величества кн. Ю. И. Трубецкой передавал ему, что румыны совсем уже готовы были итти, но «общественные деятели»-де помешали. В ближайшие 10 дней еще можно кое-что сделать для спасения Одессы, потом будет поздно.

Приложение.

Телеграмма, посланная ясской делегацией союзникам через их послов.

Нижеподписавшиеся, участники делегации русских политических организаций—„Совета государственного объединения России", „Национального центра" и „Союза возрождения России", а также лица, персонально приглашенные на совещание в Яссах, включающие в себе представителей всех главных политических течений, за исключением крайне правых и крайне левых, приступая к работам, горячо приветствуют союзников, давших им возможность войти в непосредственное с ними сношение.

Не дожидаясь результатов этих работ, все члены делегации спешат единодушно засвидетельствовать пред союзниками о следующем обстоятельстве первостепенной важности, не терпящем ни малейшего отлагательства. Юг России переживает тяжелое переходное время. Слабость местной власти—намеренное наследие германской оккупации—ставит население пред ужасами возобновления кровопролития и гражданской войны. Только немедленный приход союзных вооруженных сил сможет предупредить восстание антисоциальных и узконациональных элементов, которые повергнут страну в хаос анархии, сделают ее легкой добычей большевиков и лишат русские и союзные силы необходимой базы для развития операций против советской власти. Для поддержания бодрости среди русских сил, способных к организованному сопротивлению, необходима уверенность, что помощь союзников не замедлит. В ожидании, пока посылка более крупных сил станет возможной, некоторого количества судов, появившихся немедленно в гаванях Черного моря, как Одесса и Николаев, нескольких отрядов войск в больших городах и в главнейших стратегических железнодорожных узлах было бы достаточно, чтобы на первое время поддержать эту надежду и удержать от выступления беспокойные элементы. Но нужно, чтобы эти первые проявления военной помощи появились теперь же, в ближайшие дни. Делегация ожидает при этом, что первые же вооруженные силы союзников принесут с собой твердое решение—не признавать отдельных государственных образований, созданных Германией в целях раздробления России, и вернут России ее Андреевский флаг, символ ее единства.

Миссия Буллита в России [1])

СЕНАТ СОЕД. ШТАТОВ

Комиссия по Иностранным Делам.

Вашингтон 12 сентября 1919 г.

Комиссия собралась под председательством сенатора Генри К. Лоджа. Присутствуют сенаторы: Брандеджи, Фолл, Нокс, Гардинг и Нью.

Председатель. М-р Буллит сегодня даст отчет комиссии. Чем вы занимались до войны?

Буллит. До войны я был корреспондентом «Philadelphia Public Ledger», в разных местах, а некоторое время работал в редакции, в Филадельфии.

Председатель. Перед тем, как мы вступили в войну, вы ездили за границу, как корреспондент этой газеты?

Буллит. Да, сэр. Перед тем, как мы вступили в войну, я объехал Германию, Австрию, Венгрию, Бельгию, Польшу и другие места.

---

[1]) Журналист Буллит был отправлен в начале 1919 г. американской миссией на Парижской мирной конференции в советскую Россию с целью позондировать почву у советского правительства относительно условий, на которых оно согласилось бы заключить мир с союзниками, а также с белогвардейскими правительствами, образовавшимися на территории России.

Миссия Буллита чрезвычайно заинтересовала советское правительство и, в частности, Ленина, и Буллиту был вручен текст советского предложения, воспроизводимый в настоящей статье. Советское правительство, между прочим, соглашалось прекратить наступление, заключить перемирие и принять участие в специальной мирной конференции вместе с союзниками и представителями белогвардейцев, оставляя, впредь до решения конференции, занятую последними территорию в их руках; оно соглашалось также уплатить царские долги, амнистировать своих белогвардейцев и вообще всех своих политических противников и даже поставить свое собственное существование в зависимость от волеизъявления населения.

Чтобы оценить по достоинству мирное предложение советского правительства, необходимо припомнить сложившееся к тому времени положение на фронтах гражданской войны. В конце 1918 г., после заключения перемирия с Антантой (11 ноября 1918 г.), разгромленная Германия была вынуждена оттянуть свои войска из оккупированных ею русских территорий и прекратить поддержку белогвардейцев на южном и западном фронтах гражданской войны. В то же время на

Председатель. Что вы делали после того, как мы вступили в войну? Вы возвратились?

Буллит. Да, сэр; и тогда мне предложили поступить на службу в Государственный департамент, в западноевропейский отдел. Моей специальной задачей было следить за политическим положением Германии и Австро-Венгрии и составлять об этом еженедельно секретные доклады для президента, секретаря и других лиц.

Председатель. Затем, после заключения перемирия, вы отправились в Париж в качестве члена комиссии?

Буллит. Да, сэр; во время перемирия я работал в департаменте и был направлен в Париж в качестве члена

восточном фронте, после колчаковского переворота (18 ноября 1918 г.) и перехода власти в руки монархической военщины, чехо-словаки также почти совершенно прекратили непосредственную поддержку белогвардейцев оружием. Одновременно с этим внутри советской России был принят новый курс в отношении крестьянства: упразднение комбедов, прекращение „командования" и обид, энергичная политика союза с середняком.

Все эти обстоятельства привели к огромным успехам Красной армии на всех фронтах гражданской войны в конце 1918 г. и начале 1919 г. На западе была нами занята почти вся территория Прибалтийских областей с Ригой и Митавой и значительная часть Литвы с Вильной. На юге почти вся Украина была освобождена от гетмана и петлюровцев и стала советской республикой. На юго-востоке недавний грозный враг, донской атаман Краснов, доходивший почти до Воронежа и Саратова, был многократно разгромлен и вынужден откатиться почти к самым своим „столицам", Новочеркасску и Ростову; а Деникин еще не успел развернуться, хотя и занял Кубань и Северный Кавказ. Наконец, на востоке учредиловцы и затем „колчаки" были вынуждены уступить Советам почти всю территорию Заволжья, вплоть до предгорий Урала, с г. Уфой включительно.

Несмотря на столь блестящие успехи, советское правительство соглашалось на договор, „необыкновенно выгодный для них (для Антанты и белогвардейцев. *С. А.*) и необыкновенно невыгодный для нас" (В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 221), считая и такую цену не слишком высокой за возможность кончить войну и перейти к мирному социалистическому строительству. Однако миссия Буллита осталась безрезультатной. Как раз ко времени его возвращения в Париж начались временные успехи колчаковской армии, которой удалось снова подкатиться к Волге. Успехи эти, сильно раздутые белогвардейцами, заставили Антанту воздержаться от перемирия и конференции в ожидании скорого падения Москвы. Ллойд-Джордж, в то время всесильный министр-президент Великобритании, не постеснялся публично солгать перед парламентом, заявив, что никакого мирного предложения от советского правительства Антанта не получала.

В. И. Ленин придавал большое значение миссии Буллита и не раз возвращался к ней в своих речах. Публикуемые здесь нами (впервые на русском языке) показания Буллита перед специальной комиссией американского сената вместе с приложенными к ним документами восстанавливают эту любопытнейшую страницу из истории международных отношений Советской республики и дают понятие о том, как представляли себе внутреннее состояние страны Советов в то время более вдумчивые иностранные наблюдатели. *Сост.*

комиссии. Оттуда я был послан со специальной миссией в Берн, где оставался в течение недели, а затем вернулся в Париж. 22 февраля я выехал из Парижа в Россию.

Сенатор Нокс. Какое отношение вы имели к мирной конференции и ее работе?

Буллит. Я был начальником подотдела сводки в отделе текущей информации. Я должен был находиться в постоянных сношениях с каждым членом американской делегации и ежедневно беседовать с каждым из них, давая им информацию.

Сенатор Нокс. Какова была ваша миссия в России?

Буллит. Я получил от секретаря Лансинга следующий приказ (читает):

Американская комиссия по заключению мира.

18 февраля 1919 г.

М-ру Вильяму Ч. Буллиту.

Сэр. Настоящим вы уполномочиваетесь отправиться в Россию для изучения политических и экономических условий страны с целью информации членов американской полномочной комиссии по заключению мира. Все американские дипломатические и консульские чины обязаны оказывать вам полное содействие в выполнении вашей миссии.

Роберт Лансинг.

Статс-секретарь Соед. Штатов Америки.

В то же самое время я получил от секретаря американской комиссии, м-ра Джозефа Гру, следующее письмо: (Приводится текст письма такого же содержания, как и предыдущий приказ. *Перев.*)

Сенатор Нокс. Известно ли вам, что из Парижа самим президентом был отправлен с секретной миссией некто Буклер, который прибыл в Россию за несколько дней до вас?

Буллит. М-р Буклер был атташе американского посольства в Лондоне. Он был отправлен оттуда около 1 января в Стокгольм для переговоров с Литвиновым, посланником советского правительства в Лондоне.— Англичане позволяли последнему там оставаться, не признавая его официального положения, но имея с ним дела.

М-р Буклер имел переговоры с Литвиновым; последний сделал различные предложения, которые м-р Буклер сообщил в Париж и которые президент считал настолько важными, что читал их полностью 21 января Совету десяти, так как Совет десяти в то время как-раз обсуждал русский вопрос. Это крайне интересное обсуждение продолжалось несколько недель. Я могу прочитать имеющиеся у меня заметки о совещании Совета десяти 16 января, когда был поднят русский вопрос, а также о совещании 21 января,

на котором обсуждалось предложение о созыве конференции на Принцевых островах. Переговоры м-ра Буклера с Литвиновым как раз и заставил собрание высказаться в пользу этого предложения, внесенного м-ром Ллойд-Джорджем. Впрочем, это не совсем верно. Ллойд-Джордж предложил пригласить представителей различных русских правительств и партий в Париж.

ОБСУЖДЕНИЕ РУССКОГО ВОПРОСА СОВЕТОМ ДЕСЯТИ.

Выдержки из протокола совещания, происходившего в кабинете Пишона, 16 января 1919 года.—Предварительное обсуждение положения в России.

М-р Ллойд-Джордж начал свою речь сообщением о положении дел в России, ссылаясь на статью, только что напечатанную в „L'Humanité".

Он указал на то, что французское правительство неправильно поняло характер предложения Великобритании. Предложение британского правительства никоим образом не предполагает ни признания большевиков, ни приглашения большевистских делегатов на конференцию. Англичане предлагают пригласить все различные правительства, воюющие на территории бывш. Российской империи, установить перемирие, прекратить репрессии и насилия и прислать сюда представителей, чтобы, так сказать, дать отчет о своей деятельности. Великие державы должны стараться найти путь к восстановлению порядка. Эти лица не должны являться делегатами на мирную конференцию, в чем он вполне согласен с французским правительством.

Затем м-р Ллойд-Джордж кратко изложил причины, побудившие британское правительство сделать это предложение.

Во-первых: неизвестно истинное положение дел.

Во-вторых, узнать его можно, только обсудив вопрос, и, в-третьих, положение в России очень тяжелое. Повсюду дурное управление и голод. Неизвестно, кто возьмет верх, но надежда на падение большевистского правительства не осуществилась. В самом деле, имеются сведения, что в настоящее время большевики сильнее, чем когда-либо, что их внутреннее положение прочно, а влияние на народ усилилось. На Украине, напр., какой-то авантюрист с горстью людей сверг правительство. Есть также сведения, что крестьяне становятся на сторону большевиков. Едва ли следует великим державам вмешиваться, оказывая той или иной враждующей стороне финансовую поддержку или посылая военное снаряжение.

М-р Ллойд-Джордж полагает, что возможны три пути:

1. Военное вмешательство. Правда, большевистское движение так же опасно для цивилизации, как и германский милитаризм, но найдется ли кто-нибудь, кто предложит уничтожить его военной силой? Это значило бы, что надо занять несколько обширных русских областей. Немцы с миллионом человек на своем восточном фронте занимают лишь краешек этой территории. Если бы он сейчас предложил послать для этой цели в Россию английские войска, в армии поднялся бы мятеж. То же относится к американским войскам в Сибири, к канадским, а также к французским войскам. Мысль подавить большевизм военной силой—чистое безумие. Но, если даже это будет сделано, кто тогда займет Россию?

Никто не сможет силой водворить порядок.

2. Блокада. Второе предложение—блокада. М-ру Ллойд-Джорджу желательно знать, представляют ли себе присутствующие, что это означает. По имеющимся у него сведениям, большевистская Россия со своим полуторастамиллионным населением не имеет запасов хлеба. В Москве и Петрограде голод. Эта блокада была бы блокадой смерти. Более того, люди, которые погибли бы в результате этой блокады, это не те люди, которых союзники желают задушить. А в результате большевики голодать не будут, и блокада просто означала бы смерть для наших друзей. Политика блокады бесчеловечна, и присутствующие не могут поэтому ее рассматривать.

М-р Ллойд-Джордж спрашивает, кто мог бы свергнуть большевиков? Ему называли троих: Деникина, Колчака и Нокса. Разбирая их шансы свергнуть большевиков, он указал, что по полученным им сведениям чехо-словаки отказались сражаться; что на русскую армию полагаться нельзя, и что хотя верно, что большевистская армия недавно перешла на сторону Колчака, но совершенно нет уверенности, что не случится и как раз обратное.

Если союзники рассчитывают на одного из этих людей, то они строят здание на песке. Он слышал много разговоров о Деникине, но, взглянув на карту, он увидел, что Деникин занимает маленький клочок территории, на задворках, у Черного моря. Затем ему сообщили, что Деникин признал Колчака, но когда он взглянул на карту, то увидел, что между ними лежит весьма основательный кусок территории. Более того, согласно полученным им сведениям Колчак окружил себя сторонниками старого режима, и, кажется, сам—монархист в душе. Повидимому, чехо-словаки отгадали это. Их симпатии очень демократичны, и они совсем не склонны сражаться за восстановление в России старого порядка.

М-р Ллойд-Джордж заявил, что по его сведениям две трети большевистской России в настоящий момент умирает с голода.

3. Третья альтернатива заключается в британском предложении—пригласить русских в Париж предстать перед присутствующими, подобно тому, как Римская империя созывала вождей отдаленных областей, подчиненных Риму, с тем, чтобы те давали ей отчет о своих действиях.

М-р Ллойд-Джордж указал, что на это могут возразить, что здесь уже находятся некоторые представители этих правительств; но возьмем, например, Сазонова, который претендует быть представителем Омского правительства. В действительности Сазонов не может говорить по личным наблюдениям. Он является только сторонником Омского правительства. Но он никогда не был и сейчас не находится в прямом сношении с ним.

Очевидно, было бы нелепо для лиц, ответственных за исход мирной конференции, притти к какому-нибудь соглашению и покинуть Париж, когда половина Европы, как и половина Азии, еще охвачены пламенем. Присутствующие должны разрешить этот вопрос.

М-р Ллойд-Джордж упомянул о возражении против допущения большевистских делегатов в Париж. Указывали, что они обратили бы в большевизм Англию и Францию. Но если Англия станет большевистской, то это случится не потому, что в Англию разрешат приехать большевистским представителям. С другой стороны, если против большевиков будут предприняты военные действия, это создаст в Англии большевистское настроение, и в Лондоне появится Совет. С своей стороны м-р Лойд-Джордж не боится большевизма, поскольку и в Англии и в Соед.-Штатах известно фактическое положение вещей. То же самое относится и к Германии. Он убежден, что воспитанная демократия всегда может быть отвращена от большевизма.

Ввиду изложенного м-р Ллойд-Джордж не видит лучшего пути, чем третий. Пусть великие державы выработают свои условия и при-

гласят русских в Париж, с целью дать отчет об их действиях Великим Державам, а не мирной конференции.

М-р Пишон предложил пригласить г-на Нуланса, французского посла в России, только что вернувшегося во Францию, явиться в собрание и изложить свою точку зрения на положение дел в России.

Президент Вильсон заявил, что, по его мнению, м-ру Ллойд-Джорджу ничего нельзя возразить. Он не сомневается, что предложенное им совещание имеет важное значение, но желательна большая определенность.

Президент Вильсон заявил, что он не был бы удивлен, если бы оказалось, что нежелание американских и британских войск итти в Россию сражаться с большевиками обусловливается неуверенностью в том, что, свергнув большевизм, они не восстановят тем самым старого порядка. Недавно в своей речи к аудитории, состоявшей из хорошо одетой публики, он случайно упомянул о России и сказал, что Соед. Штаты должны приложить все усилия к тому, чтобы помочь угнетенному русскому народу. Аудитория, от которой вовсе нельзя было бы ожидать таких чувств, выказала величайший энтузиазм, и это ясно показало президенту, куда направлены симпатии Нового Света.

Президент Вильсон считает, что присутствующие нарушат принцип свободы мира, если не дадут России возможности избрать свой путь совершенно свободно. Он согласен с точкой зрения м-ра Ллойд-Джорджа и поддерживает его предложение избрать третий путь.

Президент Вильсон сказал, что и он получил от своих экспертов меморандум, который в существенном сходится с информацией, полученной Ллойд-Джорджем. Но существует одно обстоятельство, которое, как он думает, особенно следует отметить. Это указание на то, что большевистские вожди черпают свою силу в том аргументе, что если русский народ их не поддержит, то неизбежно последует иностранная интервенция, и что только большевики защищают русский народ от военного господства иностранцев. Очень возможно, что если бы большевики были уверены, что они обеспечены от нападения иностранцев, то большевистское движение потеряло бы под собой почву.

Далее президент Вильсон указал на непосредственно угрожающую опасность крушения всех надежд в прибалтийских областях; необходимо ясно указать, что если британское предложение будет принято, то большевики должны совершенно очистить Литву и Польшу. Если они согласятся отказаться от репрессий и насилия, то он с своей стороны готов принять представителей от всех групп и центральных объединений, которые пожелают приехать, и постарается помочь им разрешить их задачу.

Он полагает, что только британское предложение может привести к цели, хотя и оно может остаться безрезультатным.

Сенатор Нокс. Известно ли вам что-нибудь о письме, написанном Буклером президенту относительно своей миссии?

Буллит. Я читал копию его отчета. У меня имеется только один документ, относящийся к его поездке,—это меморандум полк. Гаузу об отозвании американских войск из Архангельска (читает).

Сенатор Нокс. Не сносился ли Литвинов непосредственно с президентом относительно миссии Буклера?

Буллит. Литвинов написал президенту письмо, опубликованное 24 декабря во всех газетах.

Сенатор Нокс. Можете ли вы рассказать еще что-нибудь по вопросу о выводе войск из России, кроме того, что содержится в вашем письме?

Буллит. По этому поводу все время велись серьезные переговоры. От начальников американских и британских войск часто получались телеграммы с описанием бедственных условий, в которых находились войска. Этот вопрос все время обсуждался. Как я уже сказал, я имел к нему очень мало отношения, но у меня есть с собою письмо, его касающееся. Желает ли комиссия выслушать это письмо?

Председатель. Да.

Буллит читает:

30 января 1919 г.

Полковнику Гаузу.

О выводе американских войск из Архангельска. Дорогой полк. Гауз. 12.000 американских, английских и французских солдат находятся без всякой пользы в Архангельске. Вокруг них объединилось всего 3.000 русских. Эти войска являются не атакующими, но атакуемыми. Их деятельность вызывает лишь отрицательное отношение ко всем нашим предложениям и помогает набору в Красную армию.

Более того, войскам, находящимся в этой области, в количестве 4.000 американцев, 6.000 британцев, 2.000 французов и 3.000 русских, угрожает опасность полного уничтожения со стороны большевиков. Генерал Айронсайд только что просил подкреплений, и британское военное министерство приказало военному командованию в Мурманске быть готовым к спешной отправке в Архангельск батальона пехоты.

Мне кажется, что вместо переброски войск из Мурманска в Архангельск нам следовало бы поступить наоборот и немедленно перевезти в Мурманск, а оттуда—на родину находящиеся в Архангельске войска. Мне кажется, что, не говоря о ненужных страданиях, которым подвергаются эти люди, и о требованиях населения Соед Штатов и Англии возвратить этих людей, вывод этих войск имел бы большое значение, как доказательство полной добросовестности нашего предложения о конференции на Принцевых островах.

Я запрашивал ген. Черчилля, как наиболее опытного специалиста, о практической выполнимости перевозки из Архангельска в Мурманск 12.000 американских, английских и французских солдат, а также тех русских, которые пожелали бы присоединиться к ним. Прилагаемое письмо и заготовленная ген. Черчиллем карта указывают, что если лед на Белом море не станет вдруг толще, то возможно с помощью шести ледоколов, находящихся в Архангельске, переправить войска морем в Кемь, а оттуда по ж. д. в Мурманск.

Буклер обсуждал с Литвиновым вопрос об отозвании этих войск, и Литвинов заявил, что большевики безусловно согласились бы на перемирие на архангельском фронте и, кроме того, обязались бы не трогать тех русских в архангельской области, которые поддерживали союзников. Кроме того, он указал, что те русские, которые не доверяют такому обещанию, могут уйти с войсками.

Временное правительство в Архангельске только что известило нас, что оно не примет предложения о конференции на Принцевых о-вах. Мне кажется своевременным известить архангельское правительство, что так как оно не может согласиться с предложением союзни-

ков, выработанным после весьма серьезного обсуждения, то мы откажемся поддерживать его впредь оружием, однако же, примем меры к обеспечению безопасности всех русских, которые поневоле останутся в Архангельске.

Я обсуждал архангельский вопрос также с секретарем Ллойд-Джорджа Филиппом Керром и заявил, что Ллойд-Джордж намерен увезти британские войска 1 мая, так как он считает, что раньше это неосуществимо. Мне же кажется, что осуществить это можно и сейчас.

Положение в Архангельске чрезвычайно серьезно для находящихся там солдат, но оно серьезно также и для пославших их правительств, как будто позабывших о них. Если не будут приняты меры к их спасению, мы будем иметь второе Галлиполи.

Уважающий Вас *Вильям Т. Буллит.*

Я ежедневно обсуждал этот вопрос с членами комиссии. Я должен был держать их в курсе всего, что казалось мне возможным и что они сами, погруженные в работы мирной конференции, легко могли просмотреть.

Сенатор Нокс. Составление этого меморандума входило в ваши обязанности?

Буллит. Этот меморандум явился результатом моих разговоров со всеми членами комиссии в то утро. Он составлен по предложению полк. Гауза.

Сенатор Нокс. Имели ли вы сведения о том, какие условия желали союзники получить от России?

Буллит. Я, конечно, знал результаты обсуждения конференцией русского вопроса. Конференция после долгого обсуждения пришла к заключению, что победить или уничтожить Советскую власть силой невозможно. В связи с общим вопросом эта дискуссия имеет, я думаю, известный интерес. Я имею протокол совещания Совета десяти от 21 января 1919 г. Этот протокол имеет отношение к вашему последнему вопросу.

Ллойд-Джордж внес предложение, чтобы советское правительство было приглашено в Париж вместе с представителями других русских правительств (читает):

Секретно. Протокол совещания, происходившего в кабинете Пишона, 21 января 1919 г.

Присутствуют: От Соед. Штатов Америки: Президент Вильсон, м-р Р. Лансинг, м-р А. Х. Фразьер, полк. У. С. Грант, м-р Л. Гаррисон. От Британской империи: Высокочтимый [1]), Д. Ллойд-Джордж; высокочтимый А. Дж. Бальфур; подполк. сэр М. П. А. Гэнкей; командир ордена Бани майор А. М. Каччия; кавалер ордена Виктории м-р Е. Фиппс. От Франции: г. Клемансо, Пишон, Дютаста, Бертелло, кап. А. Патье. От Италии: синьор Орландо, барон Соннино, граф Альдрованди, майор А. Джонс. От Японии: барон Макино, г-н Матсун, г-н Сабури, переводчик проф. П. Ж. Манту.

[1]) Высокочтимый (The Right Hon.)—титул пэров, членов королевского совета и проч.

1. Положение в России.

Г-н Клемансо указал, что собрание имеет целью решить вопрос, что можно сделать в России при настоящих обстоятельствах.

Президент Вильсон. Для того чтобы иметь какой-нибудь определенный материал для дискуссии, он желает воспользоваться мыслью Ллойд-Джорджа и внести изменение в Британское предложение. Он предлагает пригласить представителей различных организованных групп в России не в Париж, а в какое-нибудь другое достаточно близкое место, напр., Салоники, где бы они встретились с представителями союзников, с целью выяснить, могут ли они представить программу, на которой может быть достигнуто соглашение.

Ллойд-Джордж. Это предложение имеет ту выгоду, что представители могут прибыть сюда прямо из России через Черное море, не проезжая через другие страны.

Соннино. Почему бы не выслушать тех представителей различных правительств, которые уже находятся в Париже, как, напр., г. Сазонова.

Президент Вильсон. Не следует выслушивать различные партии в отдельности. Было бы очень желательно собрать всех представителей в одно место, а еще лучше, в одну комнату, чтобы можно было точно сопоставить их взгляды.

Бальфур. Против плана м-ра Соннино можно сделать еще возражение, а именно, если г. Сазонов будет выслушан в Париже, то будет трудно отказаться выслушать и других также в Париже, а г. Клемансо решительно возражает против пребывания некоторых из этих представителей в Париже.

Соннино. Все русские партии имеют здесь представителей, кроме Советов, которых и не желают выслушивать.

Ллойд-Джордж. Некоторые из присутствующих желают выслушать именно большевиков.

Соннино. Союзники сражаются сейчас с большевиками, являющимися их врагами, а потому они не обязаны выслушивать последних наравне с другими.

Бальфур. Существо предложения президента Вильсона заключается в том, чтобы все партии были выслушаны в одно и то же время.

Ллойд-Джордж. Принятие предложения г. Соннино повело бы к тому, что им пришлось бы выслушать ряд лиц, придерживающихся одного и того же мнения, и в то же время они не выслушали бы тех людей, которым в настоящий момент в действительности принадлежит власть в Европейской России.

Из уважения к мнению Клемансо, они делают новое предложение. Он думает, что было бы совершенно безопасно допустить большевистских представителей в Салоники или, может быть, на Лемнос. Совершенно необходимо добиться мира. Письмо, прочитанное сегодня утром президентом Вильсоном, показало, что большевики еще не убедились в ошибочности своего пути, но что они, очевидно, поняли безумие своих настоящих методов. И поэтому они стремятся притти к соглашению.

Президент Вильсон попросил позволения указать на одну сторону этого вопроса. Как и предполагает г. Соннино, все они возмущены большевизмом, и поэтому они послали войска против большевиков. Но что ясно в русском вопросе, так это то, что, воюя с большевиками, союзники в сущности помогают распространению большевизма. Союзники дают возможность большевикам утверждать, что империалистические и капиталистические правительства стремятся к эксплоатации страны и к возвращению земли помещикам и, таким образом, поддерживают реакцию. Если бы удалось показать, что это неверно, и что союзники готовы иметь дело с правителями России,

то значительная доля моральной силы этих аргументов исчезла бы. Утверждение, что союзники идут против народа и желают управлять его делами, дает большевикам аргумент, позволивший уже создать армию. С другой стороны, если союзники подавят свою гордость и естественное свое отвращение к большевикам и созовут вместе представителей всех организованных групп России, то, по его мнению, это вызовет заметную реакцию против большевизма.

Г-н Клемансо принципиально против переговоров с большевиками, и не потому, что они преступники, а потому, что мы сравняли бы их с нами, признав их достойными вступить с нами в переговоры. Большевистская опасность в настоящий момент очень велика. Большевизм расширяется. Он захватил Балтийские области и Польшу, и как раз сегодня получены дурные известия об его успехах в Будапеште и Вене. Италия также в опасности. Там опасность, повидимому, больше, чем во Франции. Если большевизм, распространившись в Германии, перебросится через Австрию и Венгрию и достигнет Италии, то Европа окажется перед лицом огромной опасности. Поэтому против большевизма необходимо что-нибудь предпринять. Слушая содержание документа, представленного утром президентом Вильсоном, он был поражен искусством, с которым большевики пытались поставить западню союзникам. Когда большевики впервые захватили власть, они порвали с капиталистическими правительствами на принципиальной почве, а теперь предлагают деньги и концессии, как основу для переговоров с ними. Нет надобности говорить, что их обещания не имеют никакой цены, но если мы им поверим, то большевики по возвращении скажут своему народу: „Мы предлагали союзникам великие начала справедливости, а они не пожелали иметь с нами дела. Теперь мы предлагаем им деньги, и они готовы заключить мир".

Г-н Клемансо понимает, что его замечания не дают решения вопроса. К великому несчастью, союзники нуждаются в немедленном решении, так как, после четырех лет войны, лишений и страданий, их народы уже потеряли терпение. России также нужен немедленный мир. Но ее необходимая эволюция требует времени. Нельзя откладывать подписание всеобщего мира до той поры, пока Россия возродится. Если бы можно было ждать, он посоветовал бы ждать, так как в конце концов придут к власти здоровые люди, представители здравого смысла. Но когда это будет? Он не может этого предугадать. Поэтому союзники должны настаивать на прежнем решении.

Итак, если бы он действовал самостоятельно, он подождал бы и тем временем поставил бы преграды распространению большевизма. Но так как он не один, то он вынужден сделать некоторую уступку, ибо очень важно, чтобы среди союзников не было и тени разногласий. Эту уступку легче сделать после того, как они выслушали предложение президента Вильсона. По его мнению, они должны составить ясное и убедительное обращение ко всем культурным народам, определенно заявив, что они никоим образом не желают вмешиваться во внутренние дела России, и главное, что они отнюдь не намерены восстанавливать царизм. Их целью является скорейшее создание сильного правительства, и они предлагают созвать представителей всех партий на конференцию. Он просил бы президента Вильсона составить обращение, полностью выясняющее позицию союзников по отношению ко всему миру, включая Россию и Германию.

Ллойд-Джордж согласился с этим и заметил, что он отказывается от своего предложения в пользу предложения президента Вильсона.

Бальфур. Как он понял, все эти люди будут приглашены на равных основаниях, он думает, что при этих условиях большевики откажутся и своим отказом поставят себя в скверное положение.

Соннино не согласен с тем, что большевики не явятся. Он думает, что они явятся первыми, потому что они чрезвычайно хотят стать на равную ногу с другими. Он желает напомнить своим коллегам, что до подписания Брестского мира большевики давали множество разных обещаний, как, напр., прекращение пропаганды, но как только мир был заключен, они нарушили все свои обещания, и их единственной целью является распространение революции по всему миру. Его мысль—собрать вместе все противобольшевистские партии и помочь им создать сильное правительство с тем, чтобы они обязались не поддерживать реакцию и особенно не касаться земельного вопроса, лишая таким образом большевиков их сильнейшего довода. Если бы они это обещали, он готов был бы оказать им помощь.

Ллойд-Джордж осведомился, какова была бы эта помощь.

Соннино. Помощь может быть оказана до известной степени войсками или оружием, продовольствием и деньгами. Напр., Польша просит оружия и амуниции; Украина также просит оружия. Все союзники желают установить сильное правительство, и причина отсутствия такового в настоящее время заключается в том, что ни одна партия не может рискнуть на наступление против большевиков без помощи союзников. Он желал бы знать, каким это образом партии порядка могут надеяться на успех без помощи союзников. Президент Вильсон сказал, что они должны оставить в стороне свою гордость в этом вопросе, но он (Соннино) считает, что для Италии, а может быть и для Франции, как утверждал Клемансо, это—поистине вопрос самозащиты. Он думает, что даже частичное признание большевиков усилило бы положение последних, и он лично полагает, что в его стране большевизм уже представляет серьезную опасность.

Ллойд-Джордж желает задать г-ну Соннино несколько практических вопросов.—Британская империя держит в настоящее время в России от 15.000 до 20.000 человек. Скавениус высчитал, что кроме этого надо иметь около 150.000 чел., чтобы спасти от гибели противобольшевистские правительства. И генерал Франше д'Эсперэ также настаивает на помощи союзников. Канада же решила отозвать свои войска, так как последние не согласны больше сражаться против русских. Такие же волнения происходили и среди других союзных войск. И он уверен, что если бы британское правительство попыталось послать в Россию еще войска, то это вызвало бы мятеж.

Соннино. Можно было бы привлечь добровольцев.

Ллойд-Джордж (продолжает). Этим путем нельзя набрать 150.000 человек. Он спросил, однако, какую сумму могли бы дать Америка, Италия и Франция на создание такой армии.

Президент Вильсон и Клемансо сказали, что не могли бы дать ничего.

Орландо. И Италия не может ничего давать в дальнейшем.

Ллойд-Джордж. Большевики имеют армию в 300.000 человек, которые в скором времени станут хорошими солдатами, и чтобы их победить, нужно по крайней мере 400.000 русских солдат. Кто же стал бы их кормить, вооружать и оплачивать? Сделали бы это Америка, Италия или Франция? Если же они не могут этого сделать, то что хорошего получилось бы из войны с большевиками? Их ведь нельзя сокрушить речами. Он искренно надеется, что будет принято предложение президента Вильсона в том виде, как оно поставлено теперь.

Орландо. Вопрос очень труден; большевизм представляет значительную опасность для всей Европы. Обычно, чтобы остановить распространение эпидемии, устанавливают санитарный кордон. Если принять подобные же меры против распространения большевизма, он мог бы быть побежден, ибо изолировать его—значит победить. Италия сейчас находится в периоде депрессии, вызванной уста-

лостью от войны, но большевики никогда не смогут восторжествовать там, если не найдут благоприятной среды, которая может быть создана или глубоким патриотическим разочарованием в результатах войны, или экономическим кризисом. И то и другое может повести к революции, которая равносильна большевизму. Поэтому он настаивает на том, чтобы были приняты все меры для установления такого кордона. Затем он предлагает рассмотреть репрессивные меры. Он думает, что возможны два метода, а именно, применение либо физической, либо нравственной силы. Он считает, что возражения Ллойд-Джорджа против применения физической силы неоспоримы. Оккупация России требует значительной армии на неопределенное время. Это очевидно означает продолжение войны. Остается использовать моральное принуждение. Он согласен с Клемансо, что ни одна страна не может долго оставаться в состоянии анархии и что последней неизбежно придет конец; но они не могут ждать; они не могут установить мир, не принимая во внимание России. Поэтому предложение Ллойд-Джорджа с изменениями, внесенными после тщательного рассмотрения вопроса президентом Вильсоном и Клемансо, дает возможное решение вопроса. Оно не означает вступления в переговоры с большевиками, а является просто попыткой свести все русские партии с целью найти выход из создавшихся затруднений. Поэтому он готов поддерживать это предложение.

Президент Вильсон спросил, каково мнение его японских коллег.

Барон Макино ответил, что после внимательного рассмотрения высказанных здесь точек зрения он не имеет возражений против достигнутого заключения. Он полагает, что это—лучшее решение вопроса при создавшихся обстоятельствах. Он, однако, желал бы знать, какую позицию займут представители союзных держав, если большевики примут предложение приехать на конференцию и там будут отстаивать свои принципы. Он считает, что ни при каких обстоятельствах они не должны поддерживать большевистские идеи. Положение в Восточной Сибири и Забайкалии значительно улучшилось. Цели, ради которых туда были отправлены войска, достигнуты. Большевизм более не аггрессивен, хотя он еще может существовать в скрытой форме. В результате он желал бы поддержать перед собранием это предложение.

Президент Вильсон высказал взгляд, что эмиссары союзных держав не должны быть уполномочены принимать какое-либо определенное решение по отношению к большевизму. Они должны лишь представить своим правительствам выработанные условия.

Ллойд-Джордж предложил обсудить этот вопрос дальше. Он думает, что эмиссары союзных держав могут установить соглашение, если смогут найти решение. Напр., если они достигнут успешного соглашения относительно организации Учредительного Собрания, они должны быть полномочны принять такое соглашение, откладывая его до предварительных сношений с правительствами.

Президент Вильсон заметил, что эмиссаров можно снабдить точными инструкциями.

Бальфур высказал мнение, что прекращение враждебных действий против соседей должно быть поставлено обязательным условием для представителей, являющихся на предполагаемую конференцию.

Президент Вильсон согласился с этим.

Клемансо предложил, чтобы обращение к русским партиям основывалось исключительно на гуманных соображениях. Они должны сказать русским: „Вам грозит голод. Мы стремимся установить мир на гуманных началах, мы не желаем, чтобы люди умирали, Мы хотим обсудить, что можно сделать, чтобы предотвратить голод". Он думает,

что русские тотчас же „навострят уши" и изъявят готовность выслушать, что пожелают сказать союзники. Но нужно указать, что продовольствие не может быть послано, пока не будут восстановлены мир и порядок. Должно быть совершенно ясно указано, что представители всех партий просто должны собраться вместе из человечных побуждений.

Ллойд-Джордж сказал, что в связи с этим он желает обратить внимание на сомнение, высказанное некоторыми делегатами Британских владений, а именно, хватит ли продовольствия и кредитов, если будет сделана попытка прокормить все союзные страны, а также враждебные страны и Россию. Вывоз за границу такого большого количества продовольствия неизбежно вызовет повышение цен на продовольствие в союзных странах, что в свою очередь породит недовольство и большевизм. В отношении хлеба Россия всегда являлась вывозящей страной, и очевидно, что и в настоящее время на Украине имеется избыток продовольствия.

Президент Вильсон заявил, что, по его сведениям, в России продовольствия достаточно, но потому ли, что оно припрятано, или из-за трудности перевозки, оно не может быть использовано.

Постановлено: президенту Вильсону составить и представить на рассмотрение к следующему заседанию воззвание с приглашением всех организованных партий в России на совещание, которое должно состояться в избранном для этого месте, напр., в Салониках или на Лемносе, для обсуждения вместе с представителями союзных держав способов восстановления мира и порядка в России. Участие на конференции должно быть обусловлено прекращением враждебных действий.

Этот протокол помечен 21 января, а меморандум с предложением конференции на Принцевых островах был составлен 22 января.

Сенатор Нокс. Ставили ли вы письменный доклад о своей миссии?

Буллит. Да, сэр.

Председатель. Вы были единственным официальным представителем, посланным в Россию?

Буллит. Да, сэр; исключая моего помощника капитана Петита. Обстоятельства моей поездки, может быть, нуждаются в дальнейшем разъяснении. Я не только был ознакомлен с протоколом совещания Совета десяти, но, кроме того, обсуждал этот вопрос ежедневно с каждым из членов его и беседовал со многими британскими представителями. После того как было сделано предложение о Принцевых островах, стали поступать ответы от разных сторон, что они по различным причинам отказываются. Советское правительство ответило несколько уклончиво. Оно заявило: «Мы готовы принять условия предложения и готовы начать переговоры о прекращении военных действий», но не сказало, что оно «готово прекратить военные действия на такой-то срок».

Сенатор Нокс. Это было одним из условий предложения?

Буллит. Да. Поэтому-то я и сказал, что их ответ был несколько уклончив. Французы были против предложения. Мы узнали, что французское министерство иностранных дел сообщило украинскому и другим противосоветским правительствам, что если они откажутся от предложения, то Франция будет поддерживать их и в дальнейшем и постарается не допустить заключения мира союзниками с русским советским правительством.

Во всяком случае, конференция на Принцевых о-вах была назначена на 15 февраля. В то время никто не действовал решительно и определенно, и потому все это дело рухнуло.

Но и после того продолжалось обсуждение дальнейшего плана действий. Мирная конференция все еще держалась того мнения, что невозможно победить Советскую власть военной силой. Это видно из последней части отчета, которую я не прочел, и в которой очень энергично высказано мнение Ллойд-Джорджа, что народы великих держав не допустят этого. Поэтому они хотели продолжать добиваться мира.

Около этого времени я особенно много работал по русскому вопросу. Я часто беседовал с разными лицами, имевшими отношение к нему, и в тот самый день, когда полковник Гауз и м-р Лансинг впервые просили меня взять на себя эту миссию в России, я обсуждал русский вопрос с секретарями м-ра Ллойд-Джорджа, так что я прекрасно знал господствующую в Париже точку зрения.

Затем перед своим отъездом я получил от секретаря Лансинга важное поручение—добиться, если это окажется возможным, освобождения нашего бывшего консула в Петрограде м-ра Трэдуэлла, который был переведен в Ташкент, задержан там местным советским правительством и находился там уже несколько месяцев. М-р Лансинг приказал мне сделать все, что можно, чтобы добиться его освобождения.

Кроме того, перед своим отъездом я осведомлялся у полк. Гауза о точке зрения нашего правительства на этот вопрос и о наших намерениях. Мне кажется, что было бы важно дать краткое резюме этого разговора. Сущность его такова: Ллойд-Джордж уехал в Лондон, если я не ошибаюсь, 9 февраля, с целью уладить рабочие волнения. Однако он продолжал настаивать на том, что надо либо возобновить предложение о Принцевых о-вах, либо выдвинуть иное мирное предложение. Я устроил встречу его с полк. Гаузом, которая должна была состояться, кажется, 24 февраля. К этому времени они должны были подгото-

вить возобновление предложения и оба готовились настаивать на нем, несмотря на оппозицию Франции.

Я устроил эту встречу с помощью Филиппа Керра, доверенного лица Ллойд-Джорджа. Но 19 февраля на Клемансо было устроено покушение, и он был ранен. Ллойд-Джордж на следующий день сообщил по телефону из Лондона, что пока Клемансо не оправится от своей раны, он — господин положения и будет в состоянии наложить вето на все, на что ни пожелает; поэтому пока Клемансо болен, ему и полк. Гаузу было бы бесполезно пытаться возобновить предложение, так как достаточно было бы Клемансо поднять палец, и все рухнуло бы. Поэтому было решено, что я немедленно должен ехать в Россию и попытаться получить от советского правительства точное изложение условий, на которых оно согласилось бы прекратить военные действия. Мне было приказано получить, если возможно, изложение этих условий, и тотчас же вернуться в Париж, прежде чем президент вернется туда из Соед. Штатов. План состоял в том, чтобы сделать советскому правительству такое предложение, которое оно наверное приняло бы.

Председатель. Эти распоряжения исходили от президента?

Буллит. Я получил их от полк. Гауза и беседовал также с м-ром Лансингом. Они мне и дали эти инструкции.

Сенатор Нокс. Вы только что говорили, что спрашивали полк. Гауза о позиции Америки в этом вопросе.

Буллит. Да; я задал полк. Гаузу следующие вопросы (читает):

1) Если большевики согласятся остановить наступление своих войск на всех фронтах и объявить перемирие, сделаем ли мы то же самое?

2) Будет ли американское правительство настаивать на том, чтобы Англия, Франция, Италия и Япония приняли подобное же предложение перемирия?

3) Готово ли правительство Соед. Штатов, в случае прекращения военных действий на всех фронтах, настаивать на восстановлении экономических сношений с Россией, следя только за справедливым распределением среди всех классов населения продовольствия и предметов широкого потребления, которые могут быть посланы России?

Иными словами, установить нечто вроде плана Гувера по распределению помощи в Бельгии, так, чтобы большевики не могли использовать посланное нами продовольствие в целях пропаганды, предоставляя его своим сторонникам и заставляя голодать своих врагов.

4) Готово ли правительство Соед. Штатов при этих условиях оказать соответствующее давление на союзников в том направлении,

чтобы все союзные войска были выведены из России, как только это окажется осуществимым, при условии, что большевики дадут положительные заверения в том, что не будут мстить лицам, помогавшим союзникам?

Полк. Гауз сказал, что мы готовы все это сделать.

Затем я спросил полк. Гауза, необходимо ли добиваться от советского правительства определенных гарантий, что они полностью выплатят все свои долги, прежде чем мы сможем заключить с ними мир. Полк. Гауз сказал, что в этом нет необходимости, хотя это было бы крайне желательно, поскольку оппозиция Франции против заключения мира с советским правительством имеет в своей основе долги России Франции.

Затем я был ознакомлен с отношением Англии к России. Как я уже говорил, я обсуждал этот вопрос с м-ром Ф. Керром и сэром Морисом Гэнкей; полк. Гауз просил меня уведомить м-ра Керра о моей миссии. Мы хранили это в полной тайне от всех за исключением англичан. Английская и американская делегации в продолжение всей конференции работали в тесном контакте и, в сущности, американская делегация не имела никаких секретов от британской делегации.

Английские условия.

Я рассказал все о своей поездке м-ру Керру и просил его добиться, если это возможно, чтобы м-р Бальфур и м-р Ллойд-Джордж дали мне общие указания об их точке зрения на мир с Россией и о том, что они собираются ради этого сделать.

Затем мы с м-ром Керром разработали возможные основы мира с Россией.

Перед своим отъездом я получил от м-ра Керра следующее личное письмо:

(Частное, секретное.)

Британская делегация. Париж, 21 февраля, 1919 г.

Дорогой м-р Буллит. Посылаю вам заметку о тех условиях, на которых, как я лично думаю, союзные правительства могли бы возобновить нормальные отношения с Советской Россией. Вы, конечно, понимаете, что эта заметка не имеет никакого официального значения и является изложением лишь моего собственного мнения.

Искренно преданный вам *Ф. Г. Керр.*

Это письмо доверенного секретаря Ллойд-Джорджа, но Керр сообщил мне раньше, что он все обсудил с Ллойд-

Джорджем и Бальфуром, и поэтому, я думаю, он имел полное представление о тех условиях, которые Англия готова была принять. Вот сообщенные им условия:

1) Прекращение военных действий на всех фронтах.
2) Все существующие de facto правительства остаются на занимаемых ими территориях.
3) Жел. дороги и порты, необходимые для сообщения Сов. России с морем, должны быть подчинены тем же постановлениям, которые действуют на международных жел. дорогах и портах остальной Европы.
4) Подданным союзных держав должно быть предоставлено свободное право въезда в Сов. Россию и полная безопасность, чтобы они могли вести там свои дела при условии невмешательства в политику.
5) Амнистия всем политическим заключенным с обеих сторон и полная свобода всем русским, сражавшимся на стороне союзников.
6) Торговые сношения между Сов. Россией и внешним миром должны быть восстановлены, при условии, чтобы при полном уважении к суверенитету Сов. России, было гарантировано равномерное распределение помощи, присылаемой союзниками, среди всех классов русского народа.
7) Все другие вопросы, связанные с русскими долгами союзникам и т. п., должны быть рассмотрены самостоятельно после установления мира.
8) Все союзные войска должны быть уведены из России, коль скоро будет демобилизована русская армия свыше количества, имеющего быть установленным, а лишнее оружие будет выдано или уничтожено.

Вы видите, что позиции Англии и Америки очень сходны.

Сенатор Нокс. Итак, с этими инструкциями полковника Гауза и Керра вы отправились в Россию и, как вы только что сказали, составили об этом письменный доклад?

Буллит. Да, сэр. Свой отчет я написал для президента и членов американской комиссии. Таков был приказ президента, переданный мне, по моем возвращении, м-ром Лансингом. Я хотел бы предупредить, прежде чем прочту свой отчет, что я был в России очень короткое время, и отчет мой есть просто наблюдение, дополненное наблюдениями кап. Петита, командированного в качестве моего помощника, а также впечатлениями м-ра Линкольна Стеффенса и других лиц, бывших там.

Сенатор Нокс. Сколько времени вы были в России?

Буллит. Только одну неделю. Мне было приказано как можно скорее доставить точные условия, которые сов. правительство соглашалось принять. Мысль английской и американской делегаций заключалась в том, что если союзники сделают новое предложение, то оно должно быть таким, о котором было бы заранее известно, что оно будет принято, так, чтобы ни в каком случае не могла по-

вториться неудача, постигшая предложение о Принцевых островах.

Я хотел бы показать вам официальный текст их предложения, врученный мне в Москве 14 марта.

Условия, предложенные Россией.

Я получил изложение этих условий 14 марта от Чичерина и Литвинова. Чичерин—народный комиссар по иностранным делам Советской республики, а Литвинов—бывший советский посол в Лондоне,—то самое лицо, с которым перед тем вел переговоры Буклер. Теперь он является заместителем наркоминдела.

Я имел также свидание с Лениным. Сов. правительство согласилось принять это предложение, с тем, чтобы оно было сделано союзными правительствами не позже 10 апреля 1919 года. Вот оно (читает):

Проект мирного предложения союзных правительств.

Союзные правительства предлагают прекратить военные действия на всех фронтах на территории бывш. Российской империи и Финляндии с . . .[1]) с тем, чтобы после этого числа враждебные действия не возобновлялись в продолжении конференции, которая должна состояться в . . .[2]) . . .[3]) числа.

Срок перемирия устанавливается двухнедельный и может быть продлен по взаимному соглашению. Все участники перемирия обязуются, за все время перемирия, не перевозить войск и военных материалов на территории бывш. Российской империи.

Конференция обсуждает заключение мира на следующих основаниях, которые не должны подвергаться пересмотру на конференции:

1) Все фактически существующие правительства, образовавшиеся на территории бывш. Российской империи и Финляндии, остаются в полном обладании территориями, занимаемыми ими к моменту начала перемирия, исключая того случая,[4]) когда конференция могла бы притти к соглашению относительно изменений территорий, или если население территорий, управляемых этими фактическими правительствами, само постановит переменить свое правительство. Русское сов. правительство, прочие советские и все другие правительства, образовавшиеся на территории бывш. Российской империи, союзные и иные

[1]) Дата перемирия должна быть установлена по крайней мере через неделю после того, как будет сделано это предложение.

[2]) Сов. правительство предпочитает, чтобы конференция происходила в нейтральной стране, и желает, чтобы в его распоряжение был предоставлен радио или прямой провод с Москвой.

[3]) Конференция должна начаться не позже, чем через неделю после начала перемирия; сов. же правительство предпочитает, чтобы промежуток времени между началом перемирия и первым заседанием конференции по возможности не превышал трех дней.

[4]) Союзные правительства обязуются принять меры к тому, чтобы фактически существующие правительства Германии не делали попыток свергнуть силой фактически существующие правительства России, которые в свою очередь обязуются не делать подобных попыток относительно фактических правительств Германии.

правительства, борющиеся против советских правительств, включая Финляндию, Польшу, Галицию, Румынию, Армению, Азербайджан и Афганистан, обязуются не делать попыток свергнуть силой фактически существующие правительства, образовавшиеся на территории бывш. Российской империи, и другие правительства, подписавшие это соглашение.

2) Экономическая блокада снимается, и торговые сношения между Сов. Россией и союзными странами восстанавливаются на условиях, обеспечивающих равномерное распределение между всеми классами русского населения продовольствия, присылаемого союзниками.

3) Союзные правительства России имеют право беспрепятственного транзита по всем железным дорогам и пользования всеми портами, принадлежащими бывшей Российской империи и Финляндии и необходимыми для выгрузки и перевозки пассажиров и грузов между их территориями и морем; подробное соглашение по проведению этого условия вырабатывается на конференции.

4) Граждане советских республик России имеют право свободного въезда в союзные страны, равно как и во все страны, образовавшиеся на территории бывш. Российск. империи и Финляндии; а также право жительства, передвижения и полной безопасности, при условии невмешательства во внутреннюю политику этих стран [1]).

Подданные союзных и других вышеупомянутых стран получают право свободного въезда в советские республики России, а также право жительства, передвижения и полной безопасности, при условии невмешательства во внутреннюю политику советских республик.

Союзные правительства и другие правительства, образовавшиеся на территории бывш. Российской империи и Финляндии, получают право посылки оффициальных представителей, пользующихся полной свободой и неприкосновенностью в пределах всех русских советских республик.

Советские правительства России получают право посылки официальных представителей, пользующихся полной свободой и неприкосновенностью во всех союзных и других несоветских странах, образовавшихся на территории бывш. Российской империи и Финляндии.

5) Советские и другие правительства, образовавшиеся на территории бывшей Российской империи и Финляндии, дают общую амнистию всем политическим противникам, преступникам и заключенным. Союзные правительства дают общую амнистию всем русским политическим противникам, преступникам и заключенным, а также тем своим подданным, которые подверглись или могут подвергнуться преследованию за помощь Советской России. В эту амнистию включаются все русские, сражавшиеся или иначе помогавшие армиям, сражавшимся с советскими правительствами, а также сражавшимся с другими правительствами, образовавшимися на территории бывшей Российской империи и Финляндии.

Все военнопленные не-русских держав, а также все подданные этих держав, ныне находящиеся в России, получают полную возможность репатриации. Русские военнопленные во всех иностранных государствах, а также все русские подданные, включая солдат и офицеров, находящихся за границей, а также служащих во всех иностранных армиях, получают полную возможность репатриации.

6) Немедленно после подписания этого согласия, все войска союзных и других не-русских правительств выводятся из России, и прекращается военная помощь, оказываемая противосоветским прави-

---

1) Советское правительство считает весьма важным, чтобы союзные правительства позаботились о предоставлении таких же прав гражданам сов. республик Польшей и нейтральными странами.

тельствам, образовавшимся на территории бывшей Российской империи.

Все советские и противосоветские правительства, образовавшиеся на территории бывшей Российской империи и Финляндии, немедленно по подписании этого соглашения, начинают одновременно и в одной и той же мере сокращение своих армий до мирного положения.

Конференция устанавливает наиболее действительный и правильный способ наблюдения и контроля над этой одновременной демобилизацией, а также над выводом войск и прекращением военной помощи противосоветским правительствам.

7) Союзные правительства, поставленные в известность о постановлении советского правительства России его нотой от 4 февраля относительно его иностранных долгов, предлагают включить в настоящее, что советские и другие правительства, образовавшие на территории бывшей Российской империи и Финляндии, признают свою ответственность за финансовые обязательства бывшей Российской империи иностранным государствам, участвующим в этом соглашении, и их подданным. Детальные соглашения об уплате этих долгов устанавливаются на конференции, при чем принимается во внимание современное финансовое положение России. Русское золото, захваченное в Казани чехо-словаками и полученное союзниками от Германии, засчитывается в уплату долга, следуемого от советских республик России.

Советское правительство России обязуется принять такое предложение при условии, что оно будет сделано не позже 10 апреля 1919 г.

Относительно второй фразы п. 5-го, именно, относительно «помощи Сов. России», мне было сообщено, что это—не условие sine qua non, а что включение его было необходимо для проведения предложения через Всероссийский Исполнительный Комитет, через который оно должно было пройти, прежде чем было вручено мне.

Мне было вручено также добавочное заявление, которое я отказался принять как часть официального документа,—следующего содержания:

Советскому правительству чрезвычайно желательно получить неофициальные гарантии от американского и британского правительств в том, что они сделают все от них зависящее, чтобы склонить Францию к признанию условий перемирия.

Советское правительство относилось с крайней подозрительностью к французскому правительству.

В разъяснение этого предложения я послал несколько телеграмм из Гельсингфорса. Я считаю, что для разъяснения дела было бы важно опубликовать эти телеграммы, но, с другой стороны, они были посланы по секретному коду государственного департамента, и я не считаю себя вправе читать их, если не получу приказа комиссии. Я не хотел бы брать на себя ответственность за раскрытие кода, которым до настоящего времени пользуется департамент.

Сенатор Нокс. Я думаю, что ваши сомнения справедливы. Я не стал бы читать этих телеграмм.

Буллит. Я могу кратко сообщить вам их содержание.

Сенатор Нокс. Пожалуйста. Кому они были посланы?

Буллит. Прибыв в Петроград, я после совещания с Чичериным и Литвиновым отправил кап. Петита в Гельсингфорс с телеграммой, в которой сообщал, что прибыл в Петроград и получил разрешение когда угодно переходить границу и сообщаться с миссией через консула в Гельсингфорсе; а также, что поездка прошла благополучно и что слухи об ужасном положении в Петрограде оказались до смешного преувеличенными.

Я описывал совещание с Чичериным и Литвиновым и сообщил об их уверениях, что, приехав в Москву, после беседы с Лениным получу определенное изложение позиции сов. правительства по всем вопросам.

Вернувшись в Гельсингфорс, я послал телеграмму в Париж в американскую миссию, «чрезвычайно секретно, только президенту, секретарю Лансингу и полк. Гаузу»; в этой телеграмме я сообщал, что, вручив мне приведенные выше условия, Чичерин и Литвинов объяснили, что Исполнительный Комитет советского правительства рассмотрел и принял эти условия, что сов. правительство считает себя абсолютно связанным обязательством принять предложение при условии, что оно будет сделано не позже 10 апреля, и что от этого намерения они ни в коем случае не откажутся.

Я разъяснил также, что Ленин, Чичерин и Литвинов считают, что мир для России совершенно необходим; я выразил мнение, что детали их предложения могут быть изменены, не делая самого предложения неприемлемым для них, и в частности, оговорка в пятом параграфе не имеет существенного значения; что, с другой стороны, в основном это предложение заключает в себе тот минимум условий, который приемлем для сов. правительства.

В связи с параграфом вторым я объяснил, что союзные державы получат право послать в Сов. Россию инспекторов для наблюдения за справедливым распределением продовольствия, при условии снятия блокады, а также разъяснил, что слова «официальных представителей» в четвертом параграфе не означают дипломатических представителей, но указывают, что советское правительство просто желает иметь агентов, которые могли бы здесь наблюдать за своими подданными.

Далее я разъяснил, что, согласно примечания 2-го, сов. правительство предпочитает, чтобы конференция происходила в Норвегии, если же это неудобно, то предпочло бы какой-нибудь пункт между Россией и Финляндией, или

большой океанский пароход у Лунных или Аландских о-вов, или, наконец, Принцевы о-ва.

Я объяснил также, что Чичерин и все другие члены правительства, с которыми я разговаривал, самым положительным и недвусмысленным образом утверждали, что сов. правительство решило уплатить свои иностранные долги, и что, по моему убеждению, этот вопрос не вызвал бы разногласий.

Как я уже говорил, м-р Лансинг поручил мне, если возможно, добиться освобождения м-ра Тредуэлла, нашего консула в Ташкенте, находящемся на расстоянии 4—5 тысяч миль от Москвы. В Москве я говорил об этом с Лениным, Чичериным и Литвиновым, и в конце концов они признали, что глупо было держать его; они заявили, что они не придавали этому особенного значения, что его задержало местное ташкентское правительство, что на поезда постоянно делают нападения и поэтому сообщение с Ташкентом очень затруднено. Однако они обещали мне послать по телеграфу приказ об его освобождении и выслать его, по его выбору, либо через Персию, либо через Финляндию. Я выразил им свою уверенность, что он предпочтет путь через Финляндию. У меня есть копия телеграммы с приказом об его освобождении, но вряд ли она будет вам интересна, так как она написана по-русски. Они буквально выполнили свое обещание, тотчас же освободив Трэдуэлла, который в добром здоровьи прибыл к границе Финляндии 27 апреля, находясь все время до этого дня в пути от Ташкента, чрезвычайно трудном при нынешних условиях.

Затем я послал телеграмму относительно своего помощника кап. Петита, сообщая, что я намерен послать его обратно в Петроград в тех целях, чтобы мы были в курсе дел и имели постоянную информацию. Скажу кстати, что иметь представителей в России было не столь уж необычайное дело для различных правительств. Одно время со мной там был агент британского правительства. Он путешествовал в качестве представителя Красного Креста, но на самом деле был командирован министерством иностранных дел; кажется, это был майор А. Р. Паркер.

Я послал также из Гельсингфорса телеграмму «только полк. Гаузу», прося его показать мои пятую и шестую телеграммы м-ру Филиппу Керру, секретарю м-ра Ллойд-Джорджа. Я считал, что следует информировать последнего о положении в России, поскольку он знал о моей поездке, а также в ответ на любезность англичан, предложивших мне воспользоваться их крейсером. Когда я приехал в Лондон и оказалось, что миноносец, на котором я собирался ехать, отправлен сопровождать президента, чиновник

м-ра Ллойд-Джорджа в Лондоне просил адмиралтейство предоставить мне другое судно для переезда. По моем приезде в Париж, полк. Гауз сообщил мне, что копии моих телеграмм были тотчас же посланы Ллойд-Джорджу и Бальфуру.

Сенатор Нокс. М-р Буллит, я думаю, что не стоит входить в такие детали. Вы сообщили нам, какие инструкции были вам даны, сообщили, какова была позиция Америки и Англии, и ответ советского правительства. Теперь прочтите нам пожалуйста свой отчет.

Буллит. Хорошо, сэр. Он был написан 27 или 28 марта 1919 года и был адресован президенту и членам американской полномочной комиссии по заключению мира. Мне было предложено составить отчет, таково было желание президента.

ОТЧЕТ м-ра БУЛЛИТА О ПОЛОЖЕНИИ В РОССИИ.

Экономическое положение.

Россия в настоящее время находится в состоянии полной экономической разрухи. Причиной этой разрухи является блокада с суши и с моря, а самый тяжкий ее симптом составляет отсутствие транспортных средств. Только четвертая часть паровозов, действовавших на русских ж. д. до войны, годна сейчас к употреблению. Кроме того, Сов. Россия совершенно отрезана от всех запасов каменного угля и нефти. Вследствие этого перевозка всеми паровыми и электрическими средствами сообщения очень затруднена; столь же невозможен автомобильный транспорт и деятельность Волжского пароходства, работающего на нефти.

В результате этих затруднений в транспорте, в Москву доставляется из хлебородных губерний только 25 вагонов продовольствия ежедневно, вместо требующихся 100 вагонов, а в Петроград—15 вместо требующихся 50. И поэтому все население Москвы и Петрограда медленно умирает с голоду (см. добавление к отчету, стр. 431—432).

Особенно высока смертность среди новорожденных детей, которых матери совсем не могут кормить грудью, а также среди самих молодых матерей и среди стариков. И к тому же, все население исключительно восприимчиво к болезням; даже легкое заболевание может привести к смертельному исходу вследствие полного отсутствия медикаментов. И в Москве и в Петрограде свирепствует эпидемия тифа, тифоида и оспы.

Промышленность почти остановилась, за исключением производства военного снаряжения. Почти весь транспорт, не занятый перевозкой продовольствия, употребляется на снабжение армии, и почти не остается транспортных средств для подвоза материалов, необходимых для нормальной промышленности. Кроме того, армия поглощает лучшие умственные и физические силы нации. В придачу ко всему, Сов. Россия отрезана от большинства своих источников железа и хлопка. В достаточной мере снабжается сырыми материалами лишь лесная промышленность, а также обрабатывающая лен и пеньку.

Но, с другой стороны, то, что имеется, сов. правительство утилизирует наилучшим образом. Поезда, находящиеся в движении, ходят во-время. Распределение продовольствия поставлено хорошо. Немало

специалистов-промышленников старого режима работает на своих прежних местах, прекратив саботаж. Прогулы среди рабочих отошли в прошлое

Социальные условия.

Разрушительная фаза революции закончилась, и вся энергия правительства обращена на созидательную работу. Террор прекращен. Право осуждения у чрезвычайной комиссии по борьбе с контр-революцией отнято, и она теперь выступает лишь обвинителем подозреваемых контр-революционеров, которых судит обычный и законный трибунал. Казни крайне редки. Установлен прекрасный порядок. На улицах полная безопасность. Стрельба прекращена. Грабежей мало. Явная проституция исчезла. Революция оставила в неприкосновенности семейную жизнь, несмотря на утку относительно „национализации женщин". (Добавление, стр 432—433.)

Театры, опера и балет работают, как в мирное время. Во всех частях России открыты тысячи новых школ, и сов. правительство, повидимому, в полтора года сделало больше для просвещения народа, чем царизм за 50 лет. (Добавление, стр. 433.)

Политическое положение.

Советская форма правления установилась твердо. Быть может, самым поразительным явлением современной России является всеобщая поддержка правительства населением, несмотря на голод. Население возлагает ответственность за свои несчастья всецело на блокаду и поддерживающие ее правительства. Советская форма правления стала, повидимому, для русского народа символом его революции. Бесспорно, эта форма правления допускает крупные злоупотребления и тиранию, но она отвечает в России требованиям момента и так сильно действует на воображение всего населения, что женщины готовы голодать, а молодежь—умирать за нее.

Положение коммунистической партии (прежние большевики) также очень прочно. Блокада и интервенция заставили главные оппозиционные партии, правых эсеров и меньшевиков оказать временную поддержку коммунистам. Обе эти оппозиционные партии заявили протест против блокады, интервенции и поддержки союзниками анти-советских правительств. Их лидеры, Вольский и Мартов, весьма настойчиво требуют немедленного мира и снятия блокады. (Добавление, стр. 433—434.)

Единственно, кто оказывает в настоящее время энергичную оппозицию коммунистам, это более радикальные партии — левые эсеры и анархисты. Эти партии в публичных выступлениях называют коммунистов, и в частности Ленина и Чичерина, „наемными буржуазными жандармами Антанты". Они нападают на коммунистов за то, что те поощряют ученых, инженеров и промышленных специалистов из буржуазного класса и дают им ответственные посты при сов. правительстве и большие оклады. Они в бешенстве восстают против приема в армию буржуазных офицеров и против стремления коммунистов добиться мира. Они требуют немедленного уничтожения всей буржуазии и немедленного объявления войны всем нереволюционным правительствам. Они утверждают, что войска Антанты были бы вынуждены проникнуть в глубь России и что это наверное побудило бы пролетариат всех европейских стран к немедленной революции.

В самой коммунистической партии существует различное отношение к вопросам иностранной политики, но эти разногласия не порождают личной вражды и не создают разрыва в рядах партии. Троцкий, военачальники и многие теоретики думают, что Красная

армия должна вести наступление повсюду, пока это не вызовет более энергичной интервенции со стороны Антанты, а это, как они полагают, вызовет революцию во Франции и в Англии. Они очень гордятся своей молодой воодушевленной армией. (Добавление, стр. 434.)

С другой стороны, Ленин, Чичерин и большинство коммунистической партии настаивают на том, что основной задачей момента является спасение от голодной смерти пролетариата Европы вообще и пролетариата России в частности, и утверждают, что революция мало выиграет от победы над Европой, если правительство Соед. Штатов ответит на это тем, что уморит Европу голодом. Поэтому они стоят за соглашение с Соед. Штатами, даже ценою отказа от многих наиболее дорогих для них принципов. А обаяние Ленина в России сейчас так велико, что группа Троцкого вынуждена нехотя следовать за ним. (Добавление, стр. 434—435.)

Действительно, Ленин практически держится правильного направления в политической жизни России. Он понимает нежелательность, с социалистической точки зрения, компромиссов, которые он вынужден допускать; но он готов их допустить. Среди значительных уступок, уже сделанных им, следует отметить: отказ от его плана национализации земли и переход к политике раздела ее между крестьянами, учреждение сберегательных касс, платящих 3%, решение уплатить все иностранные долги и решение предоставить концессии, если это окажется необходимым для получения кредита за границей. (Добавление, стр. 435.)

Словом, Ленин чувствует себя вынужденным отступить по всей линии со своей теоретической позиции. Он вполне готов итти на встречу западным правительствам.

Мирное предложение.

Ленин воспользовался возможностью, предоставленной ему моей поездкой, чтобы сделать определенное заявление о позиции сов. правительства. Он встретил сопротивление со стороны Троцкого и военачальников, но без особого труда получил поддержку большинства Исполнительного Комитета, и то предложение, которое было мне вручено, было в конце концов принято единогласно.

Мое обсуждение этого предложения с вождями сов. правительства было достаточно подробно, чтобы я мог с уверенностью сказать, что предложение это не представляет минимума условий советского правительства, и я могу детально указать, в чем оно может быть изменено, не становясь неприемлемым для сов. правительства. Например, в ст. 5, конечно, не имеет важного значения фраза: „и своим подданным, которые были или могут быть обвинены в оказании помощи Сов. России".

И в ст. 4, относительно допущения граждан советских республик России в союзные страны, могут быть, конечно, допущены изменения, в смысле сохранения за союзными странами права контроля над въездом, а также ограничения последнего лицами, едущими по необходимости и законным делам, и исключения всякой возможности наплыва пропагандистов.

Выводы.

Почтительно предлагаю следующее заключение:

1. В настоящий момент в России никакое правительство, кроме социалистического, не сможет утвердиться иначе, как с помощью иностранных штыков, и всякое правительство, установленное таким образом, падет в тот момент, когда эта поддержка прекратится. Ленинское крыло коммунистической партии в настоящее время так же

умеренно, как и любое социалистическое правительство, которое могло бы управлять Россией.

2. Никакой действительный мир не может быть установлен в Европе и во всем мире, пока не будет заключен мир с революцией. Это предложение сов. правительства представляет возможность заключить мир с революцией на справедливых и разумных основаниях, и, быть может, единственную возможность.

3. Если блокада будет снята и Сов. Россия будет регулярно снабжаться всем необходимым, то русский народ можно будет крепче зажать в руках, чем с помощью блокады, а именно, с помощью страха прекращения снабжения. Сверх того, те партии, которые принципиально враждебны коммунистам, но в данное время поддерживают их, тогда смогут начать с ними борьбу.

4. Поэтому я почтительнейше советую в ближайшее же время сделать предложение, следуя общим линиям, намеченным сов. правительством, с соответствующими изменениями, в частности в ст. ст. 4 и 5, дабы сделать предложение приемлемым для консервативного мнения союзных стран.

С совершенным почтением

Вильямс Ч. Буллит.

ДОБАВЛЕНИЕ К ОТЧЕТУ.

Паровозы.

До войны Россия имела 22.000 паровозов. Война, нормальная изнашиваемость и поломка свели число исправных паровозов до 5.500. Россия совершенно не имеет запасных частей и материалов для ремонта, так как в России их нет возможности производить, и сов. правительство с величайшими затруднениями поддерживает в порядке небольшое число находящихся в его распоряжении паровозов.

К а м е н н ы й у г о л ь. Сов. Россия совершенно отрезана от источников снабжения каменным углем. Колчак захватил Пермский каменноугольный район, хотя сейчас советские войска приближаются к нему. Деникин до сих пор держит в своих руках бо́льшую часть Донецкого угольного бассейна и разрушил копи в тех местах, откуда отступил. Вследствие этого паровозы, электрические машины и т. п. отапливаются дровами, а это чрезвычайно дорого, мешкотно и дает сравнительно слабый эффект.

Н е ф т ь. Вследствие британской оккупации Баку, в России совершенно нет нефти. Для малочисленных автомобилей в городах, обслуживающих настоятельнейшие правительственные нужды, употребляются суррогатные смеси, от которых машины часто портятся и выбывают из строя. Почти весь флот на обширной системе внутренних водных путей в России работал на нефти, и в результате Волга и каналы, составляющие такую важную часть русской транспортной системы, совершенно бесполезны.

Продовольствие.

Все население Москвы и Петрограда, включая и самих народных комиссаров, голодает. Дневной паек Ленина и других комиссаров таков же, как и паек солдата в армии или рабочего тяжелого труда. В гостинице, занимаемой членами правительства, такое меню: на завтрак от четверти до полуфунта черного хлеба, выдаваемого на весь день, и чай без сахара. На обед хороший суп и небольшой кусок рыбы, которая иногда случайно заменяется маленьким куском мяса,

затем овощи, картофель или кусочек капусты и опять чай без сахара. На ужин—та часть хлеба, которая остается от утренней, и опять чай без сахара.

Иногда с Украины привозятся сахар, масло и цыплята и продаются из-под полы по ужасным ценам,—например, масло—по 140 руб. фунт. Когда правительству удается захватить такие предметы „роскоши", оно отправляет их в школы, где стараются давать детям ежедневно хороший обед.

Продовольственное положение несколько улучшилось вследствие присоединения к Великороссии Украины, так как юг относительно богат продовольствием; но значительное улучшение положения невозможно вследствие отсутствия транспорта.

Управление.

Запасы, имеющиеся в Сов. России, используются с большим искусством. Так, несмотря на отопление дровами, экспресс между Москвой и Петроградом ходит по расписанию, и оба раза, когда я ехал, дорога продолжалась 13 часов, тогда как до войны на нее уходило 12 часов.

Учет продовольствия поставлен очень хорошо и потому на-ряду с голодом нет излишков. Сильный и слабый одинаково голодают.

Сов. правительство приложило большие усилия, чтобы убедить промышленных и технических специалистов старого режима поступать к нему на службу. Много видных лиц пошли на это. И сов. правительство платит им до 45.000 долларов в год, хотя Ленин получает только 1.800 долларов в год. Это ненормальное положение вытекает из того принципа, что каждый убежденный коммунист должен подчиняться тарифным нормам, установленным правительством, но если правительство считает необходимым прибегнуть к помощи антикоммуниста, то последнему разрешается платить столько, сколько он пожелает.

Все собрания рабочих в рабочее время запрещены, и прогулы, оказавшиеся столь роковыми при Керенском, исчезли, а дисциплина на фабриках установлена такая же, как и в армии.

Социальные условия.

Террор. Красный террор прекращен. За все то время, когда он свирепствовал, чрезвычайная комиссия по борьбе с контр-революцией, являвшаяся орудием террора, расстреляла около 1.500 человек в Петрограде, 500 в Москве и 300 по остальной территории,—5.000 человек по всей России. Эти цифры согласуются с теми, которые сообщил вернувшийся из России майор Уордуэлл, и я полагаю, что они приблизительно верны, так как я почерпнул их не только из советских источников, но и из анти-советских и нейтральных. Следует отметить в связи с этим, что во время белого террора в одной только южной Финляндии, согласно официальным источникам, ген. Маннергейм расстрелял без суда 12.000 рабочих,—мужчин и женщин.

Порядок. На улицах Москвы и Петрограда чувствуешь себя в такой же безопасности, как и на улицах Парижа и Нью-Йорка. Но, с другой стороны, улицы этих городов кажутся угрюмыми вследствие закрытия магазинов и сосредоточения всей торговли в немногих обширных национализированных „государственных складах". К тому же в Петрограде осталась лишь половина жителей. Однако в Москве население удвоилось по сравнению с довоенным временем. Что касается театра, оперы и балета, то их единственное отличие от прежнего заключается в том, что они находятся под управлением комис-

сариата просвещения, который предпочитает классиков и смотрит за тем, чтобы рабочие мужчины, женщины и дети имели возможность посещать представления и чтобы они предварительно знакомились с значением и красотой произведения.

Нравственность. Открытая проституция исчезла, так как перестали существовать порождавшие ее экономические причины. Семейная жизнь совершенно не затронута революцией. Я никогда не слыхал более естественного, веселого смеха, чем, когда сообщил Ленину, Чичерину и Литвинову, что почти весь мир верит, что женщины в России „национализированы". Эта ложь представляет столь дикую фантазию, что они даже не сочли нужным опровергать ее. Никогда в России уважение к женщине не было так высоко, как теперь. Как раз когда я прибыл в Петроград, был праздник,—день женщины и матери.

Просвещение. Достижения народного комиссариата просвещения, руководимого Луначарским, очень значительны. Все русские классики переизданы в количестве от 3 до 5 миллионов экземпляров и продаются населению по низким ценам. По всей России открыты тысячи новых школ, как для детей, так и для взрослых. Кроме того, во многих бывших дворцах устроены рабочие и солдатские клубы, где читают для населения лекции с туманными картинами.

В картинных галлереях можно встретить рабочих мужчин и женщин, которым объясняют красоту живописи. Детские школы совершенно реорганизованы, и в школах стараются ежедневно давать детям хороший обед. Кроме того, открыты столь интересные учреждения, как школы для нервных и дефективных детей. Исходя из той теории, что гениальность и сумасшествие тесно между собою связаны, они сразу же пытаются пробудить в детях творчество в музыке, живописи, скульптуре и поэзии, и утверждают, что уже достигнуты некоторые ценные результаты не только в отношении произведений, но также и в восстановлении нервной системы детей.

Заявление лидеров оппозиционных партий.

Вольский, лидер правых эсеров,—самой значительной оппозиционной партии,—сделал мне следующее заявление:

„Всякая интервенция продлит большевистский режим, так как заставит нас, как и всех честных русских людей, прекратить оппозицию и сплотиться вокруг сов. правительства для защиты революции. В помощи отдельным группам или правительствам, сражающимся с Сов. Россией, мы не видим никакой разницы по сравнению с такой интервенцией и посылкой войск. Если союзники придут к соглашению с сов. правительством, то рано или поздно крестьянские массы дадут почувствовать свою волю, а они настроены одинаково как против буржуазии, так и против большевиков.

Если Колчак и Деникин каким-нибудь образом победят, то они будут убивать десятками тысяч там, где большевики убивали лишь сотнями, и в результате Россия погибнет в анархии и разрухе. Разве Украина еще не научила союзников, что оккупация не-большевистскими войсками попросту обращает в большевиков тех, кто раньше не был ими? Для нас ясно, что большевики действительно борются против буржуазной диктатуры, и поэтому мы готовы им помогать всеми возможными способами.

Бабушка Екатерина Константиновна Брешковская не пользуется авторитетом ни в партии эсеров ни в учредительном собрании.

Если в своих выступлениях в Америке она проповедует интервенцию, то она выражает лишь свое личное мнение, категорически

отвергаемое партией эсеров, решительно высказывающейся против допустимости интервенции как прямой, так и косвенной.

Это заявление подписано: „В. Вольский, бывш. председатель Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания".

Мартов, лидер меньшевиков, заявил: „Меньшевики против какой бы то ни было формы интервенции как прямой, так и косвенной, потому что, вызывая необходимость вооружения, интервенция усиливает наименее желательные стороны революции. Кроме того, потребности армии поглощают все усилия, направленные на нужды социального и экономического строительства".

Соглашение с сов. правительством уменьшило бы напряжение защиты и сняло бы намордник с оппозиции, которая готова помогать сов. правительству защищаться, пока оно подвергается нападениям, отказываясь впредь до заключения мира от попыток изменить большевистский режим.

Силы, которые стали бы поддерживать интервенцию, неизбежно будут подавлены силой крайней реакции, так как все, за исключением реакционеров, готовы временно забыть свои разногласия с большевиками, чтобы защищать революцию в целом.

Под конец Мартов высказал убеждение, что в случае заключения мира сама жизнь и потребности страны принесут те изменения, которых он желает.

Армия.

Советская армия в настоящее время насчитывает от 1 милл. до 1.200.000 человек. Почти все солдаты—молодые люди в возрасте от 17 до 27 лет. Настроение полков весьма различно. Убежденные коммунисты, составляющие основной кадр армии, сражаются с энтузиазмом, напоминающим времена крестовых походов. Другие полки, состоящие из патриотов, но не коммунистов, менее воодушевлены; наконец полки, состоящие из людей, вступивших в армию ради несколько большего пайка хлеба, совсем ненадежны. Многие офицеры старой армии занимают большие посты в новой армии, но находятся под контролем убежденных коммунистов. Почти все низшие офицерские должности в армии занимают рабочие, выказавшие мужество в сражении и прошедшие специальные командные курсы. Дисциплина восстановлена, и в целом дух армии очень высок, особенно вследствие ее недавних успехов. Солдаты уже не напоминают забитых собак, как было в царской армии, и держат себя как свободные граждане, курьезно походя на американцев. Они очень популярны в народе.

Я видел в Петрограде смотр 15.000 солдат. Они прекрасно маршировали, и их экипировка, обувь, обмундирование, винтовки, пулеметы и легкая артиллерия были превосходны. Но у них нет тяжелой артиллерии, аэропланов, газовых снарядов, жидкого огня и никаких вообще более утонченных орудий истребления.

Все утверждают, что набор в армию легче всего происходит в местностях, которые раньше находились под властью Советов, потом захвачены антисоветскими силами, а затем снова заняты Красной армией.

Троцкий чрезвычайно гордится созданной им армией, но следует заметить, что даже он готов распустить армию тотчас же, как только будет заключен мир, чтобы все силы армии бросить на восстановление нормальной жизни в стране.

Престиж Ленина.

Значение, которое завоевал себе Ленин в глазах русского народа, ставит его в положение почти диктатора. О Ленине уже создаются легенды. Его считают почти пророком. Его портреты, обычно сопро-

вождаемые портретами Карла Маркса, висят повсюду. В России никогда не услышишь вместе имен Ленина и Троцкого, как обычно на Западе. Ленина считают единственным в своем роде, тогда как Троцкий принадлежит к более низкому рангу смертных.

Когда я был у Ленина в Кремле, мне пришлось подождать несколько минут, пока он принимал делегацию крестьян. Они в своей деревне услыхали, что товарищ Ленин голодает, и прошли сотни миль, чтобы доставить ему 800 пудов хлеба, как подарок деревни Ленину. А непосредственно перед тем являлась другая делегация крестьян, до которой дошел слух, что товарищ Ленин работает в нетопленной комнате: они доставили печурку и трехмесячный запас дров. Из всех вождей только Ленин получает такие подарки. Он отдает их в общий фонд.

В личном общении Ленин—замечательный человек, прямой и решительный, но вместе с тем веселый, с большим юмором и невозмутимый.

Концессии.

Советское правительство прекрасно понимает нежелательность предоставления концессий иностранцам и готово их давать только в силу необходимости. Члены правительства сознают, что снятие блокады будет чистой иллюзией, если советское правительство не сможет восстановить кредиты за границей, особенно в Соед. Штатах и в Англии, и получить таким образом возможность закупать в этих странах товары. Россия в настоящее время может вывозить лишь небольшое количество золота, платины, пеньки, льна и леса. Этот вывоз будет совершенно недостаточен для оплаты громадного ввоза, в котором нуждается Россия. Поэтому Россия должна во что бы то ни стало добиться кредита. Члены советского правительства вполне сознают, что первым шагом к получению кредита является уплата иностранных долгов, и потому они готовы их уплатить. Но даже если эти долги будут уплачены, члены советского правительства знают, что не смогут получить за границей деньги за простое обещание возвратить долг. Поэтому они согласны предоставить иностранцам концессии в России с тем, чтобы немедленно получить кредит. Они желают избежать этого шага, если окажется возможным, но если это окажется абсолютно необходимым, то они готовы и на это для того, чтобы приступить к восстановлению нормальной жизни в стране.

Сенатор Нокс. Кому вы вручили этот отчет?

Буллит. Я вручил копии его лично секретарю Лансингу, полк. Гаузу, ген. Блиссу и м-ру Генри Уайту. Вторую копию я передал м-ру Лансингу для президента. Секретарь Лансинг написал на пакете «крайне нужное и спешное», и я отнес его президенту.

Сенатор Нокс. Было ли созвано официальное заседание мирной конференции или представителей великих держав, посвященное предложению советского правительства и вашему отчету?

Буллит. Дело подвигалось очень медленно.

Тотчас по возвращении я был приглашен в американскую комиссию. В ночь моего возвращения я два часа беседовал с полк. Гаузом, который вполне и решительно стоял за заключение мира, по возможности, на основе данного предложения.

На следующее утро я беседовал с м-ром Лансингом, ген. Блиссом и м-ром Генри Уайтом. Беседа продолжалась почти до вечера, и в конце концов выяснилось, что они сочли весьма желательной попытку заключить мир на этих условиях.

ЗАВТРАК У ЛЛОЙД-ДЖОРДЖА.

На следующий день я завтракал у Ллойд-Джорджа, причем присутствовали также ген. Смутс, сэр Морис Гэнкей и м-р Филипп Керр. Мы долго обсуждали этот вопрос. Я представил м-ру Ллойд-Джорджу официальный текст предложения, но так как он уже читал его в моих телеграммах из Гельсингфорса, то он передал его ген. Смутсу, со словами: «Генерал, это крайне важно и интересно, вы должны это внимательно прочесть». Генерал Смутс тотчас же прочел отчет и сказал, что это действительно крайне важно и что нельзя упускать эту возможность. Однако м-р Ллойд-Джордж сказал, что не знает как быть с британским общественным мнением. Он держал в руках номер газеты «Daily Mail», бесновавшейся по поводу положения в России, и сказал: «Пока британская пресса ведет себя таким образом, могу ли я разумно отнестись к русскому вопросу?» Затем м-р Ллойд-Джордж сказал: «Конечно, все отчеты, которые мы получаем от лиц, посылаемых нами в Россию, в общем одинаковы, но мы должны послать кого-нибудь, известного всему миру за определенного консерватора, чтобы весь мир поверил, что его отчет—не выдумка радикала». Затем он прибавил: «Хотел бы я знать, нельзя ли послать Лэнсдауна?» Но тотчас же поправился: «Нет, его, вероятно, убили бы; я хотел бы послать Боба Сесиля, но он нужен нам для Лиги наций». Затем он обратился к Смутсу: «Было бы великолепно, если бы отправились вы, но, конечно, у вас есть другое дело» (генерал Смутс отправлялся в Венгрию). После этого он заявил, что, по его мнению, наиболее желательным было бы послать маркиза Солисбэри, брата лорда Роберта Сесиля, так как он достаточно известен и уважаем для того, чтобы его аналогичный отчет о России был принят британским общественным мнением. Затем м-р Ллойд-Джордж стал убеждать меня опубликовать мой отчет. Он сказал, что совершенно необходимо иметь опубликованные данные о действительном положении в России, которое он именно таким и представлял себе.

В тот же день я видел м-ра Бальфура и его секретаря сэра Эрика Друммонда, который сейчас состоит секретарем Лиги наций. Мы обсуждали этот вопрос, и сэр Вильям

Уайзман сказал мне после того, что м-р Бальфур настроен в пользу предложения.

Президент предоставил решение вопроса полк. Гаузу, как он обычно это делал с большинством подобных вопросов. М-р Ллойд-Джордж также заранее согласился предоставить составление предложения полк. Гаузу; т.-е. он сказал, что он намерен итти по крайней мере столь же далеко, как и мы, и следовать руководству президента и полк. Гауза. После этого полк. Гауз попросил меня подготовить ответ на предложение, что я и сделал.

Тем временем полк. Гауз виделся с м-ром Орландо, и последний высказался совершенно определенно за заключение мира на этих условиях; по крайней мере, так сообщил мне в то время полк. Гауз. С французами же, я думаю, тогда еще не было официальных переговоров.

Сенатор Нокс. Кстати, вы сказали, что Ллойд-Джордж советовал вам опубликовать свой отчет. Сделали вы это?

Буллит. Я попытался сделать это; я приготовил для печати статью, основанную на моем отчете и излагающую факты, и передал ее в комиссию для издания. Но ни один из членов комиссии не решился взять на себя ответственность за опубликование, и статья была передана президенту; последний не пожелал ее обнародовать. Он думал, что лучше держать все это в тайне; и, несмотря на убеждения других членов комиссии, он все время настаивал на своей точке зрения, и мой отчет так и не увидел света до настоящего времени.

Полк. Гауз просил меня составить политическую декларацию, заявление, основанное на предложении советского правительства. Наше новое предложение должно было быть составлено так, чтобы мы знали заранее, что оно будет принято сов. правительством, и полк. Гауз думал, что президент и Ллойд-Джордж пошлют его по адресу.

Я составлял его вместе с секретарем полк. Гауза, м-ром Уайтт Шефердсоном, знатоком международного права. Документ взял полк. Гауз, который, я думаю, обсуждал его вместе с президентом и другими лицами.

ПРОЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ ОТ ИМЕНИ СОЮЗНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ И ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПЕРЕМИРИЯ.

Представители государств, собравшиеся на конференции в Париже, недавно приглашали все организованные группы в России сложить оружие и послать своих делегатов на Принцевы о-ва. Этим делегатам предлагалось „изложить представителям союзных держав самым свободным и искренним образом волю всех групп русского народа и возможности притти к взаимному пониманию и соглашению,

при котором Россия могла бы достичь своих целей и успешно сотрудничать с остальными народами". Но перемирие не было объявлено, и встреча не состоялась.

Русский народ в настоящее время стремится установить желательную ему систему управления. Это—задача исключительной трудности, и потому она не должна усложняться недоразумениями между русским народом и остальным миром. Поэтому представители союзных держав, находящиеся в настоящее время на конференции в Париже, решили опубликовать то заявление, которое они хотели сделать через своих делегатов на Принцевых о-вах, относительно политики, определяющей их отношения к русскому народу.

Союзники желают определенно указать, что они никоим образом не намерены вмешиваться в решение политических, социальных или экономических проблем России. Они полагают, что всеобщий мир в значительной мере зависит от правильного решения этих вопросов, но они равным образом понимают, что правильное решение должен найти сам русский народ, не стесняемый давлением извне. С другой стороны, союзные державы желают разъяснить, что они не могут иметь дела с таким русским правительством, которое будет нападать на территорию соседних стран или будет стремиться силой навязать свою волю другим народам. Союзные правительства будут препятствовать подобным попыткам всем своим влиянием и вооруженной силой.

Задача создания устойчивого правительства требует напряжения всех великих сил России, излеченной от голода, нищеты и болезней, которые ожидают и задерживают восстановление. Союзные державы торжественно обещали помочь своими ресурсами пострадавшим странам Европы. Их усилия начались во время войны с Бельгии и северной Франции, ныне распространились на истощенные народы, начиная с Финляндии и кончая Далматским побережьем. Порты, долго бездействовавшие, опять оживились. Поезда с продовольствием отправляются во все страны, и продовольствие распределяется с полным беспристрастием. Промышленность пробуждается, и жизнь возобновляется с той точки, где она была прервана войной. Эта помощь будет продолжаться, пока не будет подписан мир, и пока народы не будут опять в состоянии сами заботиться о своих нуждах, прибегая к помощи нормальных торговых сношений.

Союзники также горячо желают облегчить нужду миллионов людей в России и снабдить их всем, что делает жизнь возможной и привлекательной. Однако действительная помощь может быть оказана лишь при использовании всех годных транспортных средств и при деятельном сотрудничестве власти внутри страны, а это невозможно, пока в России продолжается война.

Поэтому союзные правительства желают достичь соглашения со всеми правительствами, осуществляющими ныне политическую власть на территории бывш. Российской империи, включая Финляндию, включая Польшу, Галицию, Румынию, Армению, Азербайджан и Афганистан, с тем, чтобы военные действия на всех фронтах этих территорий были прекращены в полдень (такого-то) апреля, и чтобы во время перемирия не начинались снова враждебные действия, а также, чтобы к этим территориям и в их пределах не перевозились ни войска, ни военное снаряжение какого бы то ни было рода. Перемирие должно продолжаться две недели, если срок не будет продлен по взаимному соглашению.

Союзные правительства предлагают тем из этих правительств, которые согласны принять условия перемирия, прислать представителей, не более трех от каждого, вместе с необходимыми техническими экспертами, в... где они встретятся ...апреля с представителями союзных правительств на конференции, с целью обсудить мирные условия, на основе следующих принципов:

1. Все подписавшие это соглашение правительства должны оставаться на территориях, занимаемых ими к моменту начала перемирия; изменения в этом отношении могут быть производимы только такие, какие будут приняты на конференции, или когда население этих территорий само выразит желание переменить свое правительство.

2. Правительства, подписавшие это соглашение, должны предоставить в своих областях гражданам других территорий, на основах взаимности, права свободного въезда, передвижения и полной безопасности пребывания, с тем однако, чтобы эти лица подчинялись законам той области, куда они желают быть допущены, и с тем, чтобы они не вмешивались во внутреннюю политику этих областей.

3. Стороны, подписавшие это соглашение, должны предоставить друг другу право послать официальных представителей, пользующихся полной свободой и неприкосновенностью.

4. Стороны, подписавшие соглашение, должны дать всеобщую амнистию политическим противникам или врагам по оружию, преступникам и заключенным, осужденным за связь или поддержку другой стороны, подписавшей соглашение, при условии, что они не виновны в иных нарушениях законов данной страны.

5. Гражданам областей, подписавших соглашение, задержанным в других областях или живущим в них, должна быть предоставлена полная возможность возвращения на родину.

6. Союзные правительства должны немедленно вывести свои войска с территории бывшей Российской империи, включая Финляндию, и прекратить дальнейшую военную поддержку той или другой стороны. Правительства же, находящиеся на этой территории, должны произвести одновременное сокращение вооруженных сил согласно тому плану демобилизации и контроля, который будет выработан на конференции.

7. Всякая экономическая блокада, предпринятая той или другой из подписавших сторон или против нее, должна быть снята, а торговые отношения восстановлены, на основе плана справедливого распределения продовольствия и использования транспортных средств, который должен быть выработан на конференции.

8. Конференция должна позаботиться о предоставлении подписавшими сторонами друг другу на основах взаимности льгот в отношении транзита и портов.

9. Конференция должна считаться полномочной обсудить и решить и всякие другие вопросы, относящиеся к вопросу об установлении мира на территории бывш. Российской империи, включая и Финляндию, а также о восстановлении международных сношений между странами, подписавшими соглашение.

Примечание. Если будет найдено желательным включить особое упоминание о финансовых обязательствах России, то для сов. правительства был бы приемлем следующий пункт (8 bis): „Правительства, образовавшиеся на территории бывш. Российской империи и Финляндии, должны признать свою ответственность за финансовые обязательства бывш. Российской империи по отношению к иностранным государствам, заинтересованным в этом соглашении, и к подданным этих государств. Детальные планы погашения этих обязательств должны быть выработаны конференцией, при чем должно быть принято во внимание настоящее финансовое положение России.

Сенатор Брандеджи. Был ли этот проект показан президенту?

Буллит. Как только я приехал, полк. Гауз сообщил об этом по телефону президенту, сказав, что, по его мне-

нию, вопрос крайне важен, и что, повидимому, представляется возможность установить мир в той части земли, где мира еще нет, там, где ведется 23 войны. Президент заявил, что примет меня на следующий день, но не смог этого сделать из-за головной боли, а затем он заявил полк. Гаузу, что всецело занят Германией и не может думать о России и что русский вопрос он предоставляет всецело ему, полк. Гаузу. Поэтому я и имел дело только с полк. Гаузом, тем более, что этот последний по данному вопросу являлся уполномоченным и президента и Ллойд-Джорджа. Я беседовал с ним ежедневно по 2—3 раза на день, убеждая его закончить дело до 10 апреля,—срок, после которого, как вы помните, это предложение теряло силу.

НАНСЕНОВСКИЙ ПЛАН ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОМОЩИ РОССИИ.

Тем временем м-р Гувер и м-р Аучинклосс задумали приблизить мир с Россией посредством предложения доставить ей продовольствие. Они привлекли к своему плану Фритьофа Нансена, исследователя полярных стран, и побудили его написать президенту следующее письмо, которое вы, без сомнения, видели.

Париж, 3 апреля 1919 г.

Дорогой г-н президент! Современное продовольственное положение в России, где сотни и тысячи людей ежемесячно умирают от голода и болезней, является в настоящее время одной из главнейших проблем для всего мира. Так как этот вопрос о хлебе и болезнях еще не нашел своего разрешения, то я хотел бы сделать предложение, как нейтральное лицо, основываясь на чисто туманитарных соображениях, с целью хоть как-нибудь облегчить это огромное бедствие.

Мне кажется возможным организовать комиссию с чисто гуманитарными целями для снабжения России продовольствием и медикаментами, которые, может быть, были бы оплачены в значительной части самой Россией; справедливость распределения могла бы быть гарантирована вышеупомянутой комиссией, в члены которой могли бы войти норвежцы, шведы и, возможно, голландцы, датчане и швейцарцы. Я не думаю, чтобы существующие власти в России отказались бы от посредничества такой комиссии, совершенно аполитического характера, с исключительно гуманитарными целями спасения жизней.

Организованная по плану Комиссии Помощи Бельгии, она не возбуждала бы вопроса о политическом признании или сношениях между союзниками и существующими властями в России.

Я вполне понимаю большие политические затруднения, связанные с этим, и я был бы рад узнать, при каких условиях вы одобрили бы такое предприятие, и сможет ли эта комиссия ожидать от правительства Соед. Штатов активной поддержки финансами, продовольствием, медикаментами и морским транспортом.

Я обратился с подобной же просьбой к гг. Орландо, Клемансо и Ллойд-Джорджу.

Примите и пр. *Фритьоф Нансен.*

Полк. Гауз решил, что более легкий путь добиться мира в России представляет собой продовольственный план, в форме чисто гуманитарного предприятия,—если только нам удастся пробраться к цели этим путем вместо того, чтобы итти напрямик, приглашая этих людей явиться на конференцию и заключить здесь мир. Поэтому он просил меня подготовить ответ на письмо Нансена, следующего содержания:

ПРОЕКТ ОТВЕТА д-ру НАНСЕНУ ОТ ПРЕЗИДЕНТА СОЕД. ШТАТОВ И ПРЕМЬЕРОВ ФРАНЦИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ИТАЛИИ.

Париж, 4 апреля 1919 г.

Дорогой г. Нансен. Союзные правительства и народы, от лица которых они говорят, искренно желают облегчить бедственное положение миллионов страдающих в России мужчин, женщин и детей. Союзные державы торжественно обещали помочь своими ресурсами пострадавшим странам Европы. [Следует буквальное повторение текста из проекта политич. декларации, см. стр. 438, строки 25—36 сверху.]

Союзные народы желают и считают своим долгом оказать помощь также и русскому народу в деле избавления его от угнетающих его нищеты, голода и болезней. Ввиду ответственности, принятой на себя союзными правительствами, они приветствуют желание нейтральных государств взять на себя инициативу в деле помощи России, и потому, согласно вашей просьбе, они готовы изложить условия, при которых они дадут одобрение и помогут нейтральной комиссии по снабжению России.

Союзные правительства и все правительства, осуществляющие ныне политическую власть на территории бывшей Российской империи, включая Финляндию, вместе с Польшей, Галицией, Румынией, Арменией, Азербайджаном и Афганистаном должны согласиться на прекращение враждебных действий между ними на всех фронтах внутри этой территории в полдень 20 апреля.

[Следует текст предложения союзных правительств, представляющий почти буквальное воспроизведение „проекта политической декларации", начиная с последнего абзаца стр. 438 до конца проекта и со включением пункта об ответственности за финансовые обязательства Российской империи. Конференция назначалась на 25 апреля в Христиании.]

Сенатор Нокс. Каково было ваше отношение к предложению Нансена?

Буллит. Сначала я был против него; я стоял за первоначальный план, за прямое и немедленное выступление. Однако, я увидел, что бесполезно итти напролом, что я не могу убедить комиссию в правильности моей точки зрения. Поэтому по просьбе полк. Гауза я написал ответ д-ру Нансену, в который включил мирное предложение. Это означало—добиться мирной конференции через посредство Нансена, что и представлялось желательным.

Сенатор Брандеджи. Было ли отправлено это письмо Нансену?

Буллит. Нет. Я отдал свой ответ полк. Гаузу; последний прочел его и одобрил, но прежде чем передать его президенту и Ллойд-Джорджу, как свое решение по русскому вопросу, он хотел обсудить его со своими экспертами по международному праву м-ром Аучинклоссом и м-ром Миллером. Эти последние, желая выправить юридический язык письма, составили совершенно иное предложение, которое исключило всякую возможность осуществления мирной конференции. Это было предложение накормить Россию при том условии, что Россия передаст все свои железные дороги в руки союзников.

Сенатор Брандеджи. Я хотел бы внести это предложение в протокол.

[Ниже этот документ воспроизводится полностью:]

ПРОЕКТ ОТВЕТА ПРЕЗИДЕНТА ВИЛЬСОНА И ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ м-ру НАНСЕНУ.

(Предложение Аучинклосса и Миллера.)

Дорогой сэр. Бедствия и страдания России, описанные в вашем письме от 3 апреля, взывают к участию всех народов мира. Для всего человечества, независимо от различных политических взглядов и оттенков мысли, является позором тот факт, что тысячи, а может быть и миллионы людей, в числе которых находятся и женщины и дети,— лишены хлеба и всего необходимого для жизни.

Правительства и народы, представителями которых мы являемся, были бы рады сотрудничать без всякой мысли о политических, военных или финансовых выгодах, во всяком деле, которое могло бы облегчить положение России. Нам кажется, что комиссия, которую вы предлагаете,—чисто гуманитарная по своей задаче, могла бы найти практические пути для достижения благих результатов, которые вы имеете в виду, и вместе с тем не могла бы быть сочтена, по своей идее или образу действий, за учреждение, имеющее в виду какие-либо иные цели, кроме „гуманитарной задачи спасения жизней".

Правда, существуют серьезные затруднения, которые должны быть преодолены, — затруднения политические, возникающие благодаря существующему положению в России, а также затруднения в снабжении и транспорте. Но если существующие de facto в России правительства в той же степени, как и правительства и народы, представителями коих мы являемся, желают видеть помощь, оказываемую разоренным народам России, то никакие политические затруднения не помешают этому.

Остаются, однакоже, затруднения в снабжении и транспорте, о которых мы упоминали, а также задача распределения в самой России. Вопрос снабжения мы можем надеяться благополучно разрешить сами, пользуясь советами и сотрудничеством комиссии, которую вы предлагаете. Задачу доставки снабжения в России мы надеемся разрешить с помощью вашего и других нейтральных правительств.

Транспортные затруднения внутри России могут быть преодолены в широком масштабе лишь в самой России. Мы постарались бы увеличить транспортные средства, насколько это возможно; но мы счи-

тали бы существенно важным, чтобы при любом плане помощи контроль над транспортом, насколько это явится необходимым для распределения продовольствия, находился бы всецело в руках предложенной вами коммиссии и был бы в пределах необходимости свободен от какого бы то ни было правительственного или частного вмешательства.

Но даже предполагая все эти трудности преодоленными, самой основной задачей остается задача распределения, задача наблюдения за тем, чтобы хлеб дошел до голодного, лекарства—до больного, а одежда—до нагого. Составляя предмет попечения такой комиссии, эта проблема должна была бы находиться под контролем только самого русского народа, насколько возможно поставить ее под его контроль. Это не есть вопрос класса, расы или политики, а только вопрос о человеческих существах, находящихся в беде, и этим человеческим существам, как это практикуется Комиссией Помощи Бельгии, должна быть дана в каждой местности полнейшая возможность давать комиссии советы как относительно методов работы, так и относительно персонала.

Ни при каких иных обстоятельствах нельзя будет заставить поверить, что цель этой помощи чисто гуманитарная, а не политическая, и,— что еще вернее,— ни при каких иных условиях не будет уверенности, что голодный будет накормлен. Такой порядок требует прекращения военных действий со стороны русских, а это, разумеется, означает прекращение военных действий на всех русских фронтах. Действительно, помощь России, которая не сопровождалась бы возвращением к мирному состоянию, была бы ничтожна, и ее невозможно было бы обсуждать.

Мы думаем, что при описанных нами условиях ваш план мог бы иметь успех, и мы были бы готовы оказать вам полную поддержку

Сенатор Фолл. Мне хотелось бы знать, какой ответ одобрил полк. Гауз,—Лучниклосса и Миллера, или свидетеля?

Буллит. Мне хотелось бы это разъяснить, и если вы мне разрешите прочесть только одну страницу, я буду вам очень обязан. Я написал м-ру Лучниклоссу следующий меморандум (читает).

4 апреля 1919 г.

МЕМОРАНДУМ м-ру ЛУЧНИКЛОССУ.

Дорогой Гордон! Я тщательно изучил составленный вами проект д-ру Нансену. И по духу и по существу ваше письмо столь резко отличается от того ответа, какой я считаю необходимым, что я затрудняюсь критиковать его построение, а потому и воздержусь от этого.

Однако в вашем письме имеются два предложения, которые явно несправедливы и, я уверен, не будут приняты советским правительством.

1. Жизнь России находится в зависимости от ее жел. дорог, и ваше требование передачи контроля над транспортом комиссии едва ли будет принято сов. правительством, которое знает, что заговоры, имевшие целью уничтожение железнодорожных мостов, были высижены в американском консульстве в Москве. Вы требуете, чтобы сов. правительство положило свою голову в пасть льва. Оно не согласится на это. Вы должны умерить ваши требования.

2. Когда вы говорите о „прекращении военных действий со стороны русских войск",— вы забываете сказать о военных действиях

союзных войск, большое количество которых, как вы вспомните, находится в России. Кроме того вы ничего не упоминаете о финнах, эстонцах, латышах, поляках и др. Затем вы ни одним словом не упоминаете о выводе союзных войск с русской территории. И самое важное—вы забыли указать, что отправка войск и военного снаряжения на территории бывш. Российской империи будет прекращена. Таким образом, вы подтверждаете тезис Троцкого, что перемирие просто будет использовано союзниками для того, чтобы снабдить различные антисоветские правительства танками, аэропланами, газовыми снарядами и т. д. Ввиду всего вышеизложенного ваше предложение перемирия в таком виде абсолютно несправедливо, и я уверен, что оно не будет принято советским правительством.

С совершенным уважением *Вильям Буллит.*

Буллит. На следующее утро после того, как полк. Гауз заявил мне о своем желании дать мой проект предложения на просмотр своим экспертам по международным делам, я пришел в его канцелярию в обычное время,— около 9 час. 40 мин.; м-р Аучинклосс уже собирался итти к президенту с проектом предложения, составленным им и Миллером, с тем, чтобы представить его, как предложение полк. Гауза. Но я задержал его. Я обратился к полк. Гаузу; последний предложил Аучинклоссу не передавать этого документа президенту, а меня попросил переделать ответ Аучинклосса и Миллера Нансену так, чтобы он был приемлем для советского правительства. Поэтому я изменил письмо Аучинклосса и Миллера, но был вынужден держаться очень близко к их тексту. Мне было сказано, что я могу вычеркнуть те или иные места, но должен держаться как можно ближе к тексту. Я переделывал это письмо под их непрерывный протест. В конце концов исправленное мною письмо послужило основой для ответа четырех Нансену.

Председатель. Кто были эти четверо тогда?

Буллит. Г-н Орландо, м-р Ллойд-Джордж, г. Клемансо и президент. Это чрезвычайно нерешительное предложение, которое почти не имело шансов на осуществление, как вы увидите, никоим образом не было ответом на предложения советского правительства. Несмотря на все мои усилия добиться определенного отношения к последним, мне было сказано, что этот ответ на предложение Нансена является также достаточным ответом на предложение советского правительства (читает):

[Следует текст, в общем совпадающий с помещенным на стр. 442—443, с сокращениями и исправлениями в духе только что изложенных замечаний Буллита; далее следует окончательный текст ответа четырех следующего содержания:]

ОТВЕТ ПРЕЗИДЕНТА ВИЛЬСОНА И ПРЕМЬЕРОВ КЛЕМАНСО, ЛЛОЙД ДЖОРДЖА И ОРЛАНДО д-ру НАНСЕНУ ОТ 17 АПРЕЛЯ 1919 Г.

Дорогой сэр! Бедствия и страдания России, описанные в вашем письме от 3 апреля, взывают к участию всех народов. Тот факт, что миллионы мужчин, женщин и детей лишены хлеба и всего необходимого для жизни, есть величайший позор для человечества.

Правительства и народы, представителями которых мы являемся, были бы рады сотрудничать, без всякой мысли о политических, военных или финансовых выгодах, во всяком деле, которое могло бы облегчить положение России. Нам кажется, что комиссия, которую вы предлагаете, могла бы найти практические пути для достижения благих результатов, которые вы имеете в виду, и вместе с тем не могла бы быть сочтена, по своей идее или образу действий, за учреждение, имеющее в виду какие-либо иные цели, кроме „гуманитарной задачи спасения жизней".

Существуют серьезные затруднения, которые должны быть преодолены, затруднения политические, возникающие благодаря существующему в России положению, а также затруднения в снабжении и транспорте. Но если существующие в России местные правительства в той же степени, как и правительства и народы, представителями коих мы являемся, желают видеть помощь, оказываемую разоренному населению России, то никакие политические затруднения не помешают этому.

Останутся, однако, затруднения в снабжении, финансах и транспорте, о которых мы упомянали, а также задача распределения в самой России. Вопрос снабжения мы можем надеяться благополучно разрешить сами, пользуясь советами и сотрудничеством комиссии, которую вы предлагаете. Финансовая проблема, как нам кажется, падает на русские власти. Задачу доставки снабжения в России мы можем надеяться разрешить с помощью вашего и других нейтральных правительств, которые столь же заинтересованы в этом, как и наши, но потери которых гораздо меньше. Задачи транспорта внутри России и распределения могут быть разрешены только самим русским народом, с помощью, советом и под наблюдением вашей комиссии.

Составляя предмет вашего попечения, проблема распределения должна находиться под контролем только самого русского народа.

Населению каждой местности должна быть дана полнейшая возможность, как это практикуется Комиссией Помощи Бельгии, давать вашей комиссии советы как относительно методов работы, так и относительно персонала.

Ни при каких иных обстоятельствах нельзя будет заставить поверить, что цель помощи чисто гуманитарная, а не политическая, и ни при каких иных условиях не будет уверенности, что голодный будет накормлен.

Совершенно очевидно, что такой план требует полного прекращения военных действий на территории бывш. Российской империи. А прекращение военных действий необходимо подразумевает полное прекращение передвижения войск и всякого рода военных материалов как по направлению к русской территории, так и в пределах ее. Действительно, помощь России, которая не сопровождалась бы возвращением к мирному состоянию, была бы ничтожна, и ее невозможно было бы обсуждать.

Мы думаем, что при соблюдении намеченных нами условий ваш план мог бы иметь успех, и мы были бы готовы оказать вам полную поддержку.

Орландо, Ллойд-Джордж, В. Вильсон, Ж. Клемансо.

Сенатор Гардинг. Мне чрезвычайно любопытно знать, почему советское предложение не было подвергнуто доброжелательному рассмотрению?

Сенатор Нокс. М-р Буллит доложил об этом.

НАСТУПЛЕНИЕ КОЛЧАКА ВЫЗЫВАЕТ ОТКЛОНЕНИЕ МИРНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

Буллит. Главная причина была совершенно иная. Дело в том, что как раз в то время, когда рассматривалось это предложение, Колчак продвинулся на 100 миль вперед. В одной русской губернии вспыхнуло восстание крестьян, которое совершенно отрезало большевистскую армию, действовавшую против Колчака, от базы снабжения. Колчак продвинулся вперед на 100 миль, и тотчас же вся парижская пресса подняла шум и крик, объявив, что Колчак должен быть через две недели в Москве; и поэтому в Париже все, к сожалению, даже и члены американской комиссии, быстро охладели к вопросу о мире в России, ожидая, что Колчак вот-вот вступит в Москву и уничтожит советское правительство.

Сенатор Нокс. А предложение, привезенное вами из России, т.-е. советское предложение, было отложено после отсылки этого последнего документа, оглашенного вами?

Буллит. Да; последним сроком, до которого оставалось в силе советское предложение, было 10 апреля. Каждый день и почти каждую ночь я добивался на него ответа. Наконец, я попросил комиссию обратиться к Чичерину со следующей телеграммой, адресуя последнюю американскому консулу в Гельсингфорсе (читает):

10 апреля 1919 г.

Американскому Консулу, Гельсингфорс:

Благоволите немедленно послать Кока или другого надежного человека в Петроград к Шкловскому, министру иностранных дел, со следующим сообщением для Чичерина: „Предполагается организация продовольственной помощи через нейтральных, возможно, на этой неделе. — Буллит".

Американская миссия.

Комиссия рассматривала этот вопрос, и вот протокол совещания (читает):

Американская миссия по заключению мира.

№ 211. 10 апреля 1919 г.

На повестке: Телеграмма Чичерину.

Заявление: — Ответ совета четырех м-ру Нансену был вчера задержан вследствие возражения Франции против незначительного

пункта в письме президента. Можно надеяться, что соглашение по этому вопросу будет достигнуто сегодня или завтра, но вполне возможно, что оно не будет достигнуто в течение нескольких дней.

Сегодня, 10 апреля, истекает срок обязательства сов. правительства принять предложение, близкое к изложенному в его заявлении от 14 марта. Сов. правительству не было сделано никаких указаний относительно того, рассматривалось ли его заявление на конференции в Париже и предполагается ли какое-либо изменение политики в отношении России. Ввиду важного значения, какое придает своему заявлению сов. правительство, я боюсь, что это молчание, в связи с истечением указанного срока, будет истолковано, как окончательное отклонение мирного предложения сов. правительства, и что последнее немедленно возобновит политику войны и отдаст приказ о наступлении на всех фронтах, включая Бессарабию и Архангельскую область. Ясно, что если советские войска вступят в Бессарабию или одолеют союзников в Архангельске, то значительно возрастет трудность проведения той политики, которая вероятно будет принята в ближайшие дни. Я думаю, что если прилагаемая телеграмма будет тотчас же послана Чичерину, то в течение ближайшей недели не будет предпринято широкого наступления советских армий на фронте и не будут выпущены провоцирующие политические заявления.

Поэтому я почтительнейше предлагаю немедленно послать приложенную телеграмму.

С совершенным почтением
Вилльям Ч. Буллит.

---

10 апреля 1919 г.

На совещании членов комиссии был прочитан вышеизложенный меморандум, в котором м-р Буллит просит отправить американскому консулу в Гельсингфорсе телеграмму с предложением отправить через надежные руки сообщение Чичерину относительно проектируемого м-ром Лансингом плана помощи России. После обсуждения члены комиссии составили следующую телеграмму:

„Благоволите немедленно послать Кока или другого надежного человека в Петроград к Шкловскому, министру иностранных дел, со следующим сообщением для Чичерина, посылаемым под мою личную ответственность: „Подданные нейтральных государств обсуждают организацию продовольственной помощи России. Может быть, в течение недели будет вырешено что-нибудь определенное. — *Буллит*".

Христиан А. Гертер
помощник м-ра Уайта.

Я думаю, что телеграмма была послана. Но я не знаю наверное.

Сенатор Нокс. М-р Буллит, я хотел бы задать вам один вопрос. Вы нам сообщили, что отправились в Россию с инструкциями государственного секретаря Лансинга, с разъяснениями американской политики, полученными от полк. Гауза, и с одобрения м-ра Ллойд-Джорджа, который одобрял вашу миссию и цели, ради которых вы были посланы. Теперь скажите нам, известно ли вам о том, чтобы ваш отчет и предложение сов. правительства были официально рассмотрены мирной конференцией?

Буллит. Они никогда не были официально представлены на рассмотрение мирной конференции, которая, как мне известно, имела только шесть заседаний за все время своего существования.

Сенатор Нокс. Не утверждал ли м-р Ллойд-Джордж в своей речи в парламенте, что он никогда не получал предложения, с которым вы вернулись из России? Нет ли у вас копии его речи?

Буллит. Спустя около недели после того, как я собственноручно передал м-ру Ллойд-Джорджу это официальное предложение в присутствии трех других лиц, он говорил речь в английском парламенте и дал понять британскому народу, что он решительно ничего не знает о таком предложении. Это был наиболее замечательный случай обмана общественного мнения, может быть, самый дерзкий, какой я знаю за всю свою жизнь. По поводу этого заявления м-ра Ллойд-Джорджа я писал президенту. Я вырезал из газеты речь Ллойд-Джорджа и послал ее президенту, прося сообщить мне, правильно ли было заявление м-ра Ллойд-Джорджа или нет. Но президент не мог мне на это ответить, тем более, что ему пришлось бы письменно ответить, что м-р Ллойд-Джордж сделал ложное заявление. Случай этот был так ужасен, что через день или через два после этого некоторые члены британской миссии пригласили меня в отель «Crillon» и извинялись передо мною за этот поступок премьер-министра.

Сенатор Нокс. Есть ли у вас копия речи м-ра Ллойд-Джорджа в парламенте?

Буллит. Да.

Сенатор Нокс. Я полагаю, что вы ее прочтете?

Буллит (читает).

Клайнс. Прежде чем высокочтимый джентльмен перейдет к следующему вопросу, не может ли он что-нибудь сообщить по поводу обращений или предложений, будто бы сделанных его правительству лицами, действующими по полномочию того правительства, которое находится в центральной России?

Ллойд-Джордж. Мы не получали совершенно никаких предложений, исключая тех, которые появлялись в газетах.

Клайнс. Я спрашиваю потому, что слухи возникали неоднократно.

Ллойд-Джордж. Мы не получали совершенно никаких предложений. В Россию постоянно ездят люди всех национальностей и всегда возвращаются со своими рассказами о России, но мы не имеем никаких предложений.

Я только слышал рассказы некоторых лиц, имевших предложения, которые они считают, исходящими из достоверных источников, но они никогда не были представлены мирной конференции одним из членов последней; и поэтому мы их не рассматривали.

Мне кажется я знаю, что имеет в виду мой уважаемый друг. Ходили слухи, что из России возвратился один молодой американец

с некоторыми сообщениями. Не мне судить о ценности этого сообщения, но если бы президент Соед. Штатов придавал ему какое-либо значение, то он представил бы его конференции, а он этого не сделал.

Пригласившие меня члены британской делегации объяснили мне причину, побудившую м-ра Ллойд-Джорджа к этому обману: хотя м-р Ллойд-Джордж, вернувшись в Лондон, намеревался сделать заявление в весьма благожелательном смысле в отношении мира с Россией, но оказалось, что лорд Нортклифф, действовавший через м-ра Уикгэма Стида, издателя «The Times'a», и м-р Уистон Черчилль, британский военный министр, настроили против него консервативное большинство палаты общин, и члены палаты были готовы убить его на месте, если бы он попытался высказать в тот момент свое мнение о русской политике.

Сенатор Нокс. М-р Буллит, вы сложили с себя свои обязанности в Государственном департаменте и отказались от государственной службы, не так ли?

Буллит. Да, сэр. Я вышел в отставку 17 мая.

Сенатор Нокс. Почему?

Буллит. Чтобы покороче это разъяснить, я прочту свое небольшое письмо к президенту относительно моей отставки (читает):

17 мая 1919 г.

Дорогой г-н президент. Я подал сегодня статс-секретарю заявление об отставке от должности ассистента государственного департамента и атташе американской комиссии по заключению мира. Я был один из миллионов тех людей, которые слепо доверялись вашему руководству и верили, что вы добьетесь по меньшей мере „вечного мира" на основе „бескорыстной справедливости", свободной от предрассудков. Но теперь наше правительство согласилось выдать страдающие народы мира для новых притеснений, угнетений и расчленений, словом — для новых бесконечных войн. И я не могу уже убеждать себя в том, что для меня как для сотрудника этого правительства возможна продуктивная работа по установлению „нового мирового порядка".

Россия, как „критерий доброй воли", для меня, как и для вас, осталась даже непонятой. Несправедливые решения конференции в отношении Шантунга, Тироля, Фракии, Венгрии, Восточной Пруссии, Данцига и Саарской долины, равно как и отказ от принципа свободы морей делают неизбежными новые международные конфликты. Я убежден, что теперешняя Лига наций будет бессильна предотвратить эти войны, и что Соед. Штаты будут вовлечены в них обязательствами, содержащимися в уставе Лиги и особенно соглашением с Францией.

Поэтому долг правительства Соед. Штатов перед своим народом и человечеством — отказаться от подписи или ратификации этого несправедливого договора, отказаться гарантировать его положения вступлением в Лигу наций, отказаться дальше впутывать в это дело Соед. Штаты, вступая в соглашение с Францией.

Что вы лично противитесь большинству несправедливых решений и принимаете их только под сильным давлением,— хорошо известно. Тем не менее, я убежден, что если бы вы вели борьбу в открытую, а не за закрытыми дверями, то вы были бы поддержаны обществен-

ным мнением мира, которое всецело на вашей стороне; вы были бы в состоянии противиться давлению и могли бы установить „новый международный порядок, основанный на широких и универсальных принципах права и справедливости", о котором вы говорили. Мне очень жаль, что вы не доводите борьбу до конца и что вы так мало доверяете миллионам людей всех наций, которые, подобно мне, верят вам".

Искренно вам преданный
Вилльям Ч. Буллит.

Многоуважаемому Вудро Вильсону,
президенту Соединенных Штатов

Сенатор Нокс. Получили ли вы ответ на это письмо?

Буллит. Нет, сэр; м-р Клоуз, секретарь президента, сообщил мне за завтраком, что президент прочел мое письмо и сказал, что он отвечать не будет. В связи с этим я написал следующее письмо полк. Гаузу (читает):

17 мая 1919 г.

Дорогой полк. Гауз. После того, как вы столь любезно показали мне текст предполагаемого мирного договора, я стараюсь убедить себя, что из этого может выйти что-нибудь хорошее, и что я должен оставаться на службе в государственном департаменте, чтобы поработать над осуществлением этого договора. С искренним сожалением я пришел к убеждению, что из столь дурной вещи, как этот договор, никогда не выйдет ничего хорошего, и что те, кому дорог продолжительный мир, должны противиться подписанию и ратификации как этого договора, так и особого соглашения с Францией.

Поэтому я передал государственному секретарю заявление об отставке и написал прилагаемое письмо президенту. Я надеюсь, что вы обратите на письмо его внимание,— не потому чтобы ему было интересно мое мнение, но потому, что я выразил мысли многих молодых и пожилых членов комиссии,—мысли, с которыми президент еще посчитается тогда, когда мир будет пожинать жатву в виде тех войн, семена которых здесь посеяны.

Я уверен, что вы согласитесь с тем, что я прав, поступая согласно своему убеждению, и я надеюсь, что этот поступок отнюдь не отразится на наших отношениях, которые всегда были для меня так приятны и ободряющи.

С искренним уважением,
ваш *Вилльям Ч. Буллит.*

Председатель. Высказывали ли вам члены нашей делегации и члены Совета десяти свое мнение об общем характере [мирного] договора?

Буллит. Да, м-р Лансинг, полк. Гауз, ген. Блисс и м-р Уайт весьма определенно выражали мне свое мнение по этому вопросу.

Председатель. Не были ли они им очарованы?

Буллит. К сожалению, должен сказать, что нет.— Известно, что м-р Лансинг, ген. Блисс и м-р Генри Уайт весьма энергично возражали против целого ряда пунктов договора.

Председатель. Известно, что они возражали против решения вопроса о Шантунге, и об этом было опубликовано, но мне неизвестно, были ли опубликованы их возражения по другим вопросам.

Буллит. Я не думаю, чтобы м-р Лансинг был очарован Лигой наций в ее настоящем виде. У меня есть заметка о разговоре с ним по этому вопросу, которую я прочту, если вы разрешите. Этот разговор происходил 19 мая (читает):

М-р Лансинг сказал, что он лично значительно усилил бы пункты устава Лиги наций об арбитраже, с целью сделать последний принудительным. Он высказался также категорически против принятия Соед. Штатами мандата на Армению или Константинополь; он нашел, что в Константинополе должно править местное правительство, главные члены которого должны быть назначены международным комитетом.

Затем м-р Лансинг сказал, что он считает ряд пунктов договора очень плохими, особенно пункты о Шантунге и Лиге наций. Он сказал: „Я считаю, что в настоящее время Лига наций совершенно бесполезна. Великие державы попросту взяли на себя руководящую роль и заставляют мир итти по их указке. Особенно Англия и Франция повычеркивали из договора все, что им не нравилось; Лига наций ни в чем не может изменить несправедливые пункты договора иначе как с общего согласия своих членов, а великие державы никогда не дадут своего согласия на изменения в пользу более слабых народов".

Затем м-р Лансинг сказал следующее относительно возможности ратификации договора сенатом: „Я убежден, что если бы сенат и американский народ могли бы понять значение этого договора, последний бесспорно был бы отвергнут, но я сомневаюсь, чтобы они поняли, к чему он их ведет". Он выразил мнение, что м-р Нокс вероятно поймет смысл договора (смех), равно как и Лодж; но что позиция м-ра Лоджа будет чисто политической, а потому и безрезультатной (смех). Он думает, однако, что м-р Нокс может раскрыть Америке истинное значение договора (смех).

Буллит. Г-н председатель, вместе со мною в Россию ездил кап. Петит, и в то же время там был журналист Линкольн Стефенс. У меня есть отчеты, которые они составили и которые могут быть интересны комиссии.

Председатель. Если вы вручите их стенографисту, мы напечатаем их вместе с вашим показанием [1]).

Приложение.

ОТЧЕТ КАПИТАНА В. В. ПЕТИТА.

Я выехал из Петрограда 31 марта. В течение последних трех недель я шесть раз переехал через финляндскую границу и пробыл около двух недель в Петрограде. Я встречал Чичерина, Литвинова

[1]) Мы пропускаем отчет Стефенса, переполненный фантастическими измышлениями; отчет Петита следует ниже. *Сост.*

и большинство влиятельных членов коммунистического правительства в Петрограде.

Мое мнение о положении в России вкратце таково: в Петрограде, как я думаю, существующее коммунистическое правительство располагает большинством в среде рабочего класса, но членами коммунистической партии состоит, вероятно, меньше половины всего населения. Мои выводы основаны на беседах не только с коммунистами, но также и со многими противниками коммунистического правительства,— аристократами, коммерсантами и иностранцами; я убежден, что огромное большинство населения Петрограда, если бы ему пришлось выбирать между существующим правительством и иностранной интервенцией, без колебания остановилось бы на существующем правительстве. Иностранная интервенция объединила бы во вражде к себе все население и в огромной мере усилила бы существующий националистический дух. А переворот привел бы к хаосу (ни одна русская группа не пользуется доверием тех лиц, с которыми я говорил. Колчак, Деникин, Юденич, Трепов, презренные толпы русских эмигрантов, которыми кишат Стокгольм и Гельсингфорс, члены мирной конференции в Париже, спорящие между собой о способе разрешения русского вопроса,—все они имеют одинаково мало сторонников в Петрограде). Лица, с которыми я говорил, признают, что если бы в результате переворота возникло сильное правительство, то это привело бы к белому террору, вроде господствовавшего в Финляндии. В Финляндии наш консул насчитал 12.500 казней, совершенных белогвардейцами приблизительно в 50 округах из 500. В Петрограде меня с разных сторон заверяли, что общее количество казней, совершенных красными в Петрограде, Москве и других городах, не превышает 3.200.

Со стороны русской буржуазии может казаться непоследовательным противиться союзной интервенции и в то же время отказывать в искренней поддержке существующего правительства. Они оправдывают свою позицию тем соображением, что когда будут разрешены две основных проблемы — продовольствия и мира, то все население постарается помочь существующему режиму создать прочное и энергичное правительство. Они указывают на многочисленные перемены, проведенные уже существующим коммунистическим правительством, на признание сделанных ошибок и на то, что существующий режим может легко воспринять созидательные идеи. Все эти факты заставляют многих мыслящих людей, с которыми я беседовал, считать существующее правительство, быть может, в несколько измененной форме, спасением России.

В настоящее время положение неудовлетворительно. Россия напрягает все силы, чтобы создать армию для борьбы с кольцом окружающих ее белогвардейцев. Что армия эта сильна, — доказывает нынешняя линия расположения советских сил, борющихся с русскими белогвардейцами, которым союзники оказывают огромную поддержку финансами, снаряжением и даже живой силой. Разумеется, транспорт расстроен. Он находился в ужасном состоянии в последний год царского режима. Полнейшая изолированность от всего остального мира, хаос, водворившийся в России со времени революции 1917 г., а также саботаж, составлявший вплоть до последнего времени почти общее явление среди интеллигенции, в том числе и инженеров, привели к сокращению подвижного состава. Перевозки огромной армии сокращают количество вагонов, остающихся под хлеб. Оторванность от Сибири, Финляндии, Прибалтийского края, а до недавнего времени и от Украины, создавала необходимость изыскивать новые пути для добывания хлеба. В результате жестоко пострадал Петроград. При населении в 1.000.000 человек 200.000 признаны санитарным надзором больными, при чем 100.000 больны серьезно и лежат в больницах или на дому, а 100.000 страдают отеками конечностей, но еще в состоянии

посещать общественные столовые. Однакоже сообщения о том, что люди умирают на улицах, неверно. Получаемое продовольствие распределяется превосходно, и в общественных столовых всякий может получить за 3 р. 50 коп. хороший обед.

За деньги можно еще приобрести разнообразные предметы роскоши. 50.000 детей находятся в убежищах и пользуются самым заботливым уходом. Их положение сносно, если не считать отсутствия молока. В общественных школах дети получают завтраки, и на лицах молодого поколения почти не заметно следов лишений, выпадающих на долю взрослых. Продовольственное положение недавно улучшилось благодаря приостановке пассажирского движения и занятию Украины, где хлеб в изобилии. Начиная с 18 февраля, в Петроград ежедневно прибывает от 60 до 100 вагонов хлеба.

Быть может, излишне прибавлять, что мое решение русского вопроса сводится к некоторого рода признанию существующего правительства, с установлением экономических сношений с ним и с оказанием всяческой помощи этому народу. Коммунисты оказывали мне превосходный прием, хотя они знают, что я—не социалист и хотя я давал понять лидерам, что мой штатский костюм надет с целью маскировки. Они питают горячую привязанность к Америке, верят президенту Вильсону и уверены, что мы придем к ним на помощь. С помощью наших инженеров, продовольствия, школьных учителей и снабжения они намерены установить в России порядок, который улучшит положение простого народа в такой мере, как никакой иной. Я совершенно убежден в необходимости для нас немедленно же принять меры к тому, чтобы положить конец страданиям этого удивительного народа, и я готов биться об заклад, что к такому же убеждению придут 90% американских коммерсантов, которые пожили бы в Петрограде в течение двух недель.

Мне не надо говорить вам, что бо́льшая часть сообщений о творящихся в России ужасах, жестокостях и безнравственности фабрикуется в Выборге, Гельсингфорсе или Стокгольме. Об ужасном кровопролитии в ноябре прошлого года узнали в Петрограде впервые из гельсингфорских газет. В Петрограде считают совершенно невозможным, чтобы кто-нибудь мог хотя бы на минуту поверить в национализацию женщин. В настоящее время в Петрограде господствует порядок, и, быть может, в этом отношении Петроград—единственный в мире город таких размеров без полиции. Мне лично кажется, что в Петрограде жизнь в большей безопасности, чем в Париже. По ночам в городе встречаются автомобили и извозчики, а народу на улицах в 12 часов ночи гораздо больше, чем бывало в Париже пять недель тому назад, когда я уезжал оттуда.

Всего удивительнее исчезновение великого бича — проституции. Я не встречал ни одной проститутки, с тех пор как приехал в Петроград, и иностранцы, жившие там в течение последних трех месяцев, свидетельствуют о том же. Как мне говорили, политика существующего правительства привела к уничтожению этого ужасного бича современной цивилизации по всей России.

Нищенство сократилось. Я просил сводить меня в беднейшие кварталы города, желая посмотреть, как живет народ на окраинах, но как коммунисты, так и представители буржуазии, уверяли меня, что таких районов не существует. Существует нищета, но она разбросана по всем районам и постигает тех из прежних бедняков или богачей, кто не может приспособиться к новым условиям, требующим от каждого труда.

Террор прекратился. Как мне говорили, казней не было уже в течение нескольких месяцев, и, действительно, всякий желающий ходит в театры, церковь и гуляет по улицам, как и в любом другом городе мира.

ИЗ МЕМОРАНДУМА В. В. ПЕТИТА АМЕРИКАНСКОЙ МИССИИ В ПАРИЖЕ.

1. *Оптимизм существующего правительства.* 30 и 31 марта я провел несколько часов со Шкловским, личным представителем Чичерина в Петрограде. Он сожалел о том, что я возвращаюсь в Париж, но уверен, что так как приказ о моем возвращении послан ранее прибытия туда м-ра Буллита, то весьма возможно, что я возвращусь в Петроград. Он смотрел весьма оптимистически на будущее и высказывал убеждение, что союзники вскоре должны будут окончательно выяснить свое отношение к России и что результаты Парижской конференции будут почти наверняка благоприятны для Советского правительства. Он заявил, что существующие условия войны и ограниченные возможности транспорта вместе с вытекающими отсюда продовольственными затруднениями чрезвычайно озабочивают правительство, и все надеются, что союзные державы вскоре помогут установлению нормальных условий в России.

2. *Положение в Венгрии.* Положение в Венгрии весьма ободряет существующее правительство. Венгрия предложила России оборонительный и наступательный союз. То обстоятельство, что советская власть установилась в Венгрии без кровопролития и при слабом сопротивлении со стороны части населения, также ободряет Шкловского. Он утверждал, что действия союзников, пославших против Венгрии войска, достойны сожаления, так как они, вероятно, приведут к кровопролитию.

3. *Положение на Украине.* Советские войска недавно заняли почти всю Украину, и это обстоятельство, равно как и ожидаемый оттуда подвоз продовольствия, укрепляет советское правительство. Один мой знакомый, недавно посетивший Полтаву, Екатеринослав, Киев и другие южные города, подтверждает, что хлеба там много и он дешев. Советское правительство думает, что французские и греческие войска будут отозваны из Одессы и перевезены в Севастополь. Оно рассчитывает занять Одессу в ближайшие дни.

4. *Положение в Финляндии.* Советское правительство хорошо осведомлено о положении в Финляндии и почти не опасается вторжения в Россию с этой стороны. Финская армия, несомненно, на одну треть, а вероятно наполовину и даже, быть может, на две трети—красная. Говорят даже, что известная часть белогвардейцев настроена против интервенции. Один из финских отрядов, находившихся в Эстонии, возвращен в Финляндию; существует предположение, что он поддержит предполагаемое восстание финнов в восточной Карелии против советского правительства. Советское правительство послало в Гельсингфорс комиссию для улажения экономических отношений с Финляндией, и говорят, что эта комиссия угрожает репрессалиями против финнов, проживающих в Петрограде, в случае, если соглашение не будет заключено. В Петрограде говорят, что некоторые финны уже выехали из Петрограда, предвидя, что финскому правительству не будет разрешено заключить договор с советским правительством, судя по поведению некоторых союзных представителей в Гельсингфорсе.

5. *Улучшение продовольственных условий.* Прекращение пассажирского движения с 18 марта по 10 апреля привело к тому, что в Петроград подвозится ежедневно от 60 до 100 вагонов хлеба, и в городе уже сосредоточены большие запасы продовольствия. На Пасху ожидают выдачи жителям Петрограда по 3 ф. белого хлеба. Повидимому, имеется довольно большой запас продовольствия и для частной торговли.

6. *Концессии.* Уверяют, что концессия на Северную железную дорогу уже подписана. Амундсен рассказывает, что при переговорах

по этому делу не было уплачено ни копейки чаевых, — вероятно, первый случай такого рода в русской истории. Он говорит, что Трепов через посредство своего агента Борисова в Москве боролся изо всех сил против норвежских интересов. Трепов был прежде министром путей сообщения и, как говорят, при царском правительстве отказался от подобной концессии. Амундсен утверждает, будто Трепов всячески добивался получения этой концессии от советского правительства. Ходят слухи о заключении и других концессий.

7. *Отношение к Соединенным Штатам.* То доверие, с которым русские вообще и в частности советские власти относятся к нашему правительству, кажется мне удивительным, если принять во внимание наше поведение в течение последних 18 месяцев. Лица с официальным положением, с которыми я встречался в Петрограде, повидимому не сомневаются в том, что мы собираемся помочь России создать более прочную форму правления; повидимому они смотрят на президента Вильсона, как на такого человека, который разрешит вопрос по справедливости, не поддаваясь сильнейшему давлению, которое оказывают русские эмигранты и французское правительство. Несомненно, отчасти это объясняется благоприятным впечатлением, которое оставил после себя м-р Буллит, но немалую роль сыграла здесь и получаемая ими информация прессы. В настоящий момент Соединенные Штаты имеют возможность доказать русскому народу свою дружбу и укрепить уже существующие связи. Россия нам верит, и небольшая помощь России в настоящем ее кризисе создаст здесь Соединенным Штатам такое положение, которое никогда не будет превзойдено Германией или какой-либо иной державой.

8. *Заключение.* В этом спешно составленном меморандуме, который м-р Френсис сегодня ночью должен захватить с собою в Париж, я попытался обратить внимание на некоторые вопросы, интересовавшие меня в Петрограде. Конечно, я подчеркивал более светлую сторону, так как огромное количество совершенно ложных сообщений, сфабрикованных в Гельсингфорсе и Стокгольме и рассылаемых по всему свету, как мне кажется, заставляют подчеркнуть эти более светлые черты существующего порядка. Разумеется, характер русского народа не изменился в значительной мере в течение 18 месяцев. Несомненно, что он обнаруживает черты испорченности, слабости, невежества; часть населения проявляет безнадежную неспособность понять новые принципы, руководящие правительством. Нельзя ожидать, что народ, подвергавшийся в течение 200 лет такому обращению, как русские, может сильно измениться в течение одного поколения; но лично я думаю, что современное правительство внесло значительные улучшения в управление по сравнению с тем, что было при царе в 1916—1917 гг. Несомненно, что большинство населения в Петрограде враждебно союзной интервенции или перевороту и желает, чтобы существующему правительству была предоставлена возможность работать для блага России. Одною из наиболее обнадеживающих черт существующего правительства является его готовность признать свои ошибки, когда последние будут доказаны, и усвоивать новые идеи, когда они стоят того. Лично я желал бы от всей души, чтобы правительство Соединенных Штатов предприняло кое-какие шаги, которые доказали бы наше искреннее намерение предоставить русскому народу разрешить свои проблемы с тою помощью с нашей стороны, какая может ему потребоваться.

Стокгольм, 4 апреля 1919 г.

ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ[1]).

I. СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ.

1918 г.

Июль.

6. Договор Мурманского Краевого Совета с представителями Америки, Франции и Великобритании о занятии ими Мурмана.

8. Захват англо-французскими отрядами Кеми и сев. части Мурманской ж. д.

Август.

1. Занятие союзным десантом о-ва Мудюга у г. Архангельска.

2. Белогвардейский переворот в г. Архангельске. Свержение Советской власти. Образование так называемого Верховного Управления Северной области.

3. Прибытие в г. Архангельск английской эскадры и высадка союзных войск под командой ген. Пуля.

15. Занятие Шенкурска белогвардейцами.

Сентябрь.

6. Государственный переворот в Архангельске. Арест капитаном II ранга Чаплиным и Н. А. Старцевым членов Верховного Управления и отправка арестованных в Соловецкий монастырь.

9. Возвращение из Соловецкого монастыря арестованных членов Верховного Управления.

15. Включение Мурманского края в состав Северной области.

28. Передача членами Верховного Управления своих полномочий Н. В. Чайковскому.

Октябрь.

1. Амнистия участникам переворота 6 сентября.

5. Упразднение Мурманского краевого совета.

9. Образование Временного Правительства Сев. области во главе с Н. В. Чайковским.

13. Выборы в архангельскую городскую думу.

---

[1]) „Летопись событий" дается лишь для Северного и Восточных фронтов, притом с начала развития гражданской войны на этих фронтах в 1918 г. Сводная летопись событий подготовительного периода гражд. войны в 1917—1918 гг. для всех фронтов дана в приложении к III тому нашей серии „Начало гражданской войны". *Сост.*

Ноябрь.

19. Прибытие в Архангельск ген. В. В. Марушевского, назначение его командующим войсками Северной области.

Декабрь.

11. Восстание в Архангелогородских казармах и расстрел 13 зачинщиков.

1919 г.

Январь.

13. Прибытие ген. Миллера, назначенного генерал-губернатором Северной области, в Архангельск.

24. Отъезд Н. В. Чайковского в Париж в состав Всероссийской делегации. Назначение заместителем его П. Ю. Зубова.

Апрель.

9. Восстание в 4-м Северном стрелковом полку.

30. Постановление правительства Северной области о подчинении верховному правителю адмиралу Колчаку.

Май.

27. Прибытие в Архангельск английских добровольцев.

Июнь.

10—2. VII. Командировка ген. Марушевского в Финляндию для переговоров с ген. Маннергеймом.

Июль.

7. Восстание в Дайеровском полку.

16. Окончание операции англичан на Северной Двине.

20. Восстание и переход к красным части солдат 5-го стрелкового полка.

24. Прибытие в Архангельск транспорта русских офицеров из Англии.

31. Заявление англичан об уходе союзников из Северной области.

Август.

6. Вступление генерала Миллера в командование армией.

12. Уход ген. Марушевского. Отклонение ген. Миллером предложения союзников эвакуировать Северную область.

20. Созыв земско-городского совещания в г. Архангельске. Реконструкция власти.

29. Начало общего наступления белых войск против Красной армии.

31. Захват белыми станции Емцы.

Сентябрь.

1. Политическая забастовка в Архангельске.
26—27. Уход союзников из Архангельска.
29. Второе наступление белых на железнодорожном, Селецком и Онежском направлениях.

Октябрь.

14. Занятие белыми станции Плясецкой.
29. Приказ о сдаче валюты.

1920 г.

Январь.

3. Митинг в Шенкурском батальоне.

Февраль.

3. Открытие губернского земского собрания. Выступления против правительства.
4. Наступление большевиков на Северной Двине. Сдача позиций у д. Ввоз 4-м стрелковым полком Красной армии.
6—7. Бунт 3-го Северного стрелкового полка.
10. Возглавление правительства генералом Миллером. Бои у деревни Средь-Мехреньги.
15. Приказ об эвакуации Северной области.
18. Последнее заседание правительства Северной области.
19. Эвакуация белыми Архангельска. Отход их на Мурман.
21. Восстание в Мурманске. Провозглашение в нем Советской власти. Вступление Красной армии в Архангельск.
27. Капитуляция белого отряда в м. Сороках.

II. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ.

1918 г.

Январь.

6. Занятие Оренбурга красными отрядами.
26. Разгон большевиками Сибирской Областной Думы.
27. Декларация Сибирской Областной Думы. Переезд Сибирского правительства на Дальний Восток.

Март.

12. Формирование отряда атамана Калмыкова на ст. Пограничной.
26. Первый бой уральских казаков с красными у р. Илека.
Занятие Верхне-Уральска рабочим отрядом Чевырева.

Апрель.

5. Высадка японского десанта во Владивостоке.

Май.

14. Вооруженное выступление чехословаков в советском Челябинске, улаженное без кровопролития.
25. Занятие чехословаками Челябинска.

26. Занятие чехословаками Новониколаевска и Мариинска.
Вооруженное столкновение между чехословаками и Красной гвардией в Иркутске.
Образование „военно-революционного штаба" в Омске.
27. Восстание большевиков в Томске.
29. Занятие чехословаками Пензы, Сызрани и Канска.
30. Объявление мобилизации Комитетом членов Учредительного Собрания (Комучем).
31. Занятие чехословаками ст. Тайга, гг. Томска и Петропавловска.

Июнь.

1. Декларация Западно-Сибирского Комиссариата о принятии им власти.
8. Занятие Самары чехословаками и поднявшим восстание „Комитетом членов Учредительного Собрания". Бои с чехословаками под Омском.
13—14. Неудачное восстание военной организации против Советской власти в Иркутске.
14—15. Занятие чехословаками Кургана.
15. Занятие чехословаками Омска.
16. Занятие чехословаками Барнаула.
18. Занятие чехословаками и отрядами Сибирского правительства Ачинска.
19. Занятие чехословаками Красноярска; вторичное занятие ими же Сызрани.
20. Занятие Бийска отрядами Сибирского правительства.
Подавление контр-революционного восстания в Екатеринбурге.
26. Взятие чехословаками Бузулука.
28. Постановление Зап.-Сибирского Комиссариата о денационализации промышленных предприятий.
29. Свержение Советской власти чехословаками во Владивостоке.
30. Передача власти Зап.-Сибирским Комиссариатом Сибирскому Временному Правительству в Омске.

Июль.

2. Оставление Оренбурга красными отрядами.
3. Занятие Якутска советским отрядом, действовавшим против эсеровского „Областного совета независимой Якутской области".
4. Декларация Временного Сибирского Правительства о государственной независимости Сибири.
5. Занятие чехословаками Уфы.
6. Занятие Н.-Уссурийска чехословаками с помощью японцев.
Постановление Врем. Сибирского Правительства о возвращении имений их владельцам.
7. Занятие Верхне-Уральска чехословаками.
8. Декларация Врем. Правительства автономной Сибири во Владивостоке о принятии им прав центральной государственной власти в Сибири.
8. Управляющий Китайско-Восточной ж. д. ген. Хорват, прибыв с отрядом из Харбина на ст. Гродеково, объявил себя „временным правителем" и организовал при себе „правительство".
10. Занятие Иркутска отрядами Сибирского правительства.
Занятие Сызрани чехословаками.
11. Измена главнокомандующего советскими войсками против чехословаков Муравьева и его самоубийство в Симбирске.
13. Назначение т. Вацетиса главнокомандующим советскими войсками на Восточном фронте.

15. Первое Челябинское совещание представителей Врем. Сибирского Правительства и Самарского Комитета членов Учредительного Собрания об организации единой государственной власти.

15. Занятие Барнаула отрядами Сибирского правительства.

16. Расстрел Николая II и царской семьи в Екатеринбурге.

20. Занятие чехами и отрядами Сибирск. правительства Камышлова и Семипалатинска.

22. Занятие Симбирска чехословаками.

25. Занятие Екатеринбурга чехословаками.

31. Захват Онеги англичанами.

Приказ Сибирского правительства в Омске о мобилизации некоторых возрастов.

Август.

3. Высадка во Владивостоке английского батальона под командой полк. Уорда и японской дивизии под командой ген. Ои.

6. Опубликование декларации Уральского правительства о принятии им власти в области.

Занятие „атаманом" Калмыковым Хабаровска.

Занятие Казани чехословаками и народной армией Комуча.

12. Декларация Оренбургского правительства Дутова об „области войска Оренбургского", как об „особой области государства Российского".

Образование 5-й армии (советской) на Восточном фронте.

15. Декларация Центросибири об интервенции Антанты во внутренние дела России и Сибири.

Открытие Сибирской Областной Думы в Томске.

16. Занятие Шенкурска белогвардейцами.

18—22. Нелегальная конференция РКП (б) в Томске.

20. Перерыв занятий Сибирской Областной Думы, по распоряжению Сибирского правительства, до 10 сентября.

20. Оставление Верхнеудинска советскими отрядами, отступившими к Чите.

23. Второе Челябинское совещание белогвардейских правительств Востока России об организации всероссийской государственной власти.

24. Постановление Сибирского правительства в Омске об учреждении „Административного Совета".

25. Оставление Якутска советскими войсками.

26. Оставление Читы советскими войсками.

Сентябрь.

3. Занятие чехославаками Стретенска, Троицкосавска и Кяхты.

3. Занятие Сызрани и Красноуфимска Красной армией.

4—5. Занятие Хабаровска атаманом Калмыковым.

5. Увольнение ген. Гришина-Алмазова от должности главнокомандующего Сибирской армией и назначение на эту должность ген. Иванова-Ринова.

6. Приказ Иванова-Ринова о восстановлении погон в армии.

7. Всероссийский торгово-промышленный съезд в Уфе, выразивший недоверие Комучу и высказавшийся за единоличную диктатуру.

8—23. Уфимское Государственное Совещание белогвардейских правительств Востока России об организации государственной власти.

10. Занятие Казани Красной армией.

10. Возобновление занятий Сибирской Областной Думы.

12. Занятие Симбирска и Вольска Красной армией.

13. Приказ ген. Иванова-Ринова об ограничении прав офицеров, служивших у большевиков.

15. Занятие Симбирска и Вольска Красной армией.

18. Постановление Уфимского Государственного Совещания о созыве Учредительного Собрания к 1 январю 1919 г.

Занятие белогвардейцами Благовещенска, последнего оплота Советской власти в Сибири.

19. Занятие Буинска Красной армией.

Арест в Омске министров Сибирского правительства Крутовского и Шатилова и председателя Сибирской Областной Думы Якушева по приказу начальника омского гарнизона Волкова.

22. Убийство арестованного Новоселова в Омске конвоирами.

Соглашение Вологодского во Владивостоке с Временным Правительством автономной Сибири о прекращении деятельности последнего.

23. Избрание Уфимским Государственным Совещанием Временного Всероссийского Правительства или Директории из пяти членов.

Постановление Административного Совета в Омске о разгоне Сибирской Областной Думы.

24. Арест тов. мин. вн. дел Грацианова в Омске начальником военного контроля полк. Зайчеком.

25. Арест в Томске выбранного Сибирской Областной Думой Революционно-Исполнительного Комитета.

26. Открытие съезда членов Учредительного Собрания в Уфе.

29. Прибытие в Омск чрезвычайной английской миссии во главе с сэром Чарльзом Эллиотом.

30. Соглашение между председателем Сибирского правительства Вологодским и ген. Хорватом во Владивостоке об объединении обоих правительственных аппаратов.

Октябрь.

6—15. Первый всесибирский съезд профсоюзов.

7. Занятие Самары Красной армией.

Арест в Омске офицерами члена Учредительного Собрания эсера Б. Н. Моисеенко, затем убитого.

9. Прибытие в Омск Директории.

14. Приезд в Омск адмирала Колчака.

14—22. Железнодорожная забастовка по всей Сибирской магистрали.

18. Возвращение в Омск Вологодского.

20—24. Уральский областной торгово-промышленный съезд в Екатеринбурге, высказавшийся за единоличную военную диктатуру.

23. Занятие Бугуруслана Красной армией.

30. Крестьянское восстание в 7 волостях Мариинского уезда, Томской губ.

Ноябрь.

1. Восстание солдат-новобранцев в Томске, жестоко подавленное.

2. Упразднение областных правительств.

3. Декларация Врем. Сибирского Правительства о передаче верховной власти на территории Сибири Временному Всероссийскому правительству.

3. Прибытие во Владивосток французского генерала Жанена.

4. Образование совета министров Временного Всероссийского Правительства в Омске под председательством Вологодского.

6. Обращение Директории к Вильсону с просьбой о помощи в борьбе с Советской Россией.

10. Заседание Сибирской Областной Думы, вынесшей постановление о самороспуске.
Занятие Белебея Красной армией.
18. Государственный переворот в Омске. Арест левых членов Директории и провозглашение адмирала Колчака „верховным правителем".
19. Постановление съезда членов Учредит. Собрания и ЦК эсеров о борьбе с колчаковщиной.
19. Арест в Екатеринбурге по приказу Колчака части членов съезда Учредит. Собрания во главе с Черновым и Вольским.
21. Суд и оправдание непосредственных виновников государственного переворота 18 ноября: полковника Волкова, Красильникова и Катанаева.
21. Высылка за границу арестованных членов директории Авксентьева, Аргунова, Зензинова и тов. мин. вн. дел. Роговского.
22. Протест чехословаков против переворота.
22. Указ о созыве чрезвычайного государственного экономического совещания.
28. Вынужденный отъезд за границу бывшего главнокомандующего войсками Директории ген. Болдырева.
30. Приказ Колчака об аресте учредиловцев.

Декабрь.

1. Приказ Колчака об отрешении от должности атамана Семенова.
2. Комитетом Съезда членов Учредительного Собрания постановлено прекратить вооруженную борьбу против большевиков и всемерно бороться с колчаковщиной.
14. Прибытие в Омск французского генерала Жанена.
20. Покушение на атамана Семенова в Чите.
21—22. Рабочее восстание в Омске, жестоко подавленное. Бессудный расстрел офицерами взятых из тюрьмы политических заключенных.
23. Занятие колчаковской армией Уфы.
30. Часть членов съезда Учред. Собрания постановила вступить в переговоры с Советской властью.
29—31. Занятие Стерлитамака и Уфы Красной армией.
31. Переход через фронт в Советскую Россию так наз. „уфимской делегации эсеров".

1919 г.

Январь.

4. Занятие Бирска Красной армией.
22. Занятие Красной армией Оренбурга. Соединение советских частей Восточного фронта с частями Ташкентской группы.
24. Занятие Уральска Красной армией.

Февраль.

28. Занятие Орска Красной армией.

Март.

3. Занятие Актюбинска Красной армией.
8. Занятие Оханска колчаковскими отрядами.
Оставление Бирска советскими войсками.
13. Занятие Уфы частями Колчака.

18. Атаки Колчака в Уфимском и Пермском районах.
24. Переход атамана Толстова с уральцами в наступление на гор. Уральск.

Апрель.

3. Колчаковский закон о принадлежности урожая засевщикам.
7. Взятие белыми Стерлитамака.
8. Взятие белыми Белебея и Мензелинска.
9. Взятие белыми Воткинского завода.
12. Занятие белыми Бугульмы, Сарапуля и Орска.
13. Опубликование в Омске земельного закона.
14. Занятие белыми Ижевска.
18. Занятие белыми Бугуруслана.
26. Поражение колчаковской армии в Бузулукском и Бугурусланском направлениях.
29. Занятие белыми Сергиевского завода.

Май.

3. Занятие Красной армией Бугуруслана.
4. Занятие белыми Елабуги.
13. Занятие Красной армией Бугульмы.
23. Отступление колчаковской Южной армии на восточный берег р. Белой.
23. На Пермском направлении—наступление Красной армии и переход ею через реку Каму.
26. Занятие Стерлитамака Красной армией.

Июнь.

1. Обращение Клемансо к Колчаку с указанием желательной для союзников политики.
3. Обращение пяти великих держав к Колчаку с обещанием поддержи.
4. Ответ Колчака союзникам.
8. Оставление гор. Уфы западной Сибирской армией Колчака.
19. Открытие работ обновленного государственного экономического совещания в Омске.
21. Занятие Оханска Красной армией.
23. Второе (неудачное) наступление белых уральцев на г. Уральск.
24. Положительный ответ конференции держав о помощи адмиралу Колчаку.

Июль.

1. Занятие Перми и Кунгура Красной армией.
4. Занятие Красноуфимска Красной армией.
14. Занятие Екатеринбурга Красной армией.
16. Договор между адмиралом Колчаком и американской комиссией помощи (Гувера).
24—26. Бои за Челябинск и занятие его Красной армией.

Август.

6. Занятие Троицка и Шадринска Красной армией.
9. Занятие Тюмени Красной армией.
16. Занятие Кургана Красной армией.
30. Занятие Орска Красной армией.

Сентябрь.

1. Переход 3-й колчаковской армии в наступление в районе Тобольска.
2. Занятие Актюбинска Красной армией.
3. Организация Сибирского революционного комитета.
13. Соединение Актюбинской группы советских войск с Ташкентскими красными частями. Открытие сообщения с Туркестаном.
17. Захват Томска красными партизанами.
17. Грамота Колчака о созыве земского совещания.
30. Бои на р. Тоболе. Занятие Тобольска частями колчаковского генерала Сахарова.

Октябрь.

25. Занятие Тобольска Красной армией.
30. Занятие Петропавловска Красной армией.

Ноябрь.

1. Казачья конференция в Омске.
8. Последнее заседание совета министров в Омске под председательством адм. Колчака.
10. Отъезд колчаковского правительства из Омска в Иркутск.
13. Меморандум чехословаков союзникам о возвращении на родину.
14. Занятие Омска Красной армией.
17—20. Восстание во Владивостоке, поднятое ген. Гайдой.
19. Декларация правительства в Иркутске о сотрудничестве с общественностью.
21. Учреждение верховного совещания.
23. Отставка председателя совета министров Вологодского и назначение на его место В. Пепеляева.

Декабрь.

8. Возобновление заседаний государственного экономического совещания.
11. Занятие Семипалатинска Красной армией.
Назначение генерала Каппеля главнокомандующим колчаковскими армиями на место ген. Сахарова.
12. Захват Минусинска и Красноярска повстанцами.
14. Занятие Новониколаевска Красной армией.
15. Акт адм. Колчака о замене его как носителя верховной власти в случае его смерти ген. Деникиным.
20. Занятие Томска Красной армией.
21. Рабочее восстание в Черемхове против Колчака.
23. Назначение Колчаком атамана Семенова главнокомандующим на Дальнем Востоке.
24. Восстание в гор. Иркутске.
24. Занятие красными частями ст. Тайги.
30. Занятие Мариинска Красной армией.
31. Восстание большевиков в тылу уральцев и захват ими Гурьева. Уход уральцев по восточн. берегу Каспийского моря в форт Александровский (вышло 15.000, пришло 3 000).

1920 г.

Январь.

3. Бои под гор. Красноярском.

5. Переход власти в Иркутске к политическому центру. Указ адм. Колчака о передаче власти на Дальнем Востоке атаману Семенову, а в России—ген. Деникину.

Занятие Гурьева Красной армией.

6. Бой у Красноярска.

7. Занятие Красноярска Красной армией.

Ледяной поход (переход частей колчаковской армии через Байкал по льду).

14. Выдача адмирала Колчака и В. Пепеляева чехословацким конвоем политическому центру в Иркутске и заключение их в Иркутскую тюрьму.

15. Занятие Канска Красной армией.

24. Падение власти политического центра. Советская власть в Иркутске.

25. Смерть генерала Каппеля.

31. Правительство Приморской Областной земской управы во Владивостоке.

Февраль.

6. Бои у гор. Иркутска.

Занятие Красноводска Красной армией.

7. Расстрел адмирала Колчака и председателя колчаковского совета министров Пепеляева в Иркутске по постановлению Иркутского ревкома. Занятие Красной армией ст. Иннокентьевской.

13. Уход отряда атамана Калмыкова из гор. Хабаровска.

11—15. Переход отступающих остатков колчаковской армии через озеро Байкал (на восток).

24. Занятие Хивы Красной армией.

Апрель.

5—7. Выступление японцев в гг. Владивостоке и Николаевске на Амуре.

17. Захват Красной армией форта Александровска. Уход атамана Толстова с 200 казаками-уральцами в Месопотамию.

29. Соглашение между владивостокским правительством и японцами.

Май.

15. Образование Дально-Восточной республики.

Август.

24. Эвакуация чехословаками (Чечек) города Владивостока.

Сентябрь.

1. Занятие Старой Бухары Красной армией.

2. Революция в Бухаре и свержение эмира.

Октябрь.

21. Уход японцев из города Хабаровска.

Занятие Читы народно-революционной армией Дально-Восточной республики.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аверницев, бывш. профессор Петроградск. университета, белый эмигрант 299.

Авксентьев, Николай Дмитриевич (род. в 1878 г.), – один из старейших и виднейших чл. партии эсеров. В 1905 г.— член Петербургского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и его Исполнительного Комитета; за это после ареста был сослан по приговору судебной палаты в Сибирь, откуда в 1907 г. бежал за границу; здесь вошел в состав ЦК эсеров. Во время войны — крайний оборонец и „патриот"; в период Февральской революции — председатель ЦИК советов крестьянских депутат., министр внутр. дел в одном из коалиционных правит. Керенского, председатель „Совета Республики". После Октября—активн. противник Советов, член избранной Уфимским Государственным Совещанием пятичленной директории, так наз. Временного Всероссийского Правительства; после колчаковск. переворота в ноябре 1918 г. выслан Колчаком за границу, где ведет в печати борьбу против Советской республики 3, 8, 11, 13, 15—18, 20, 21, 46, 50.

Айронсайд, английский генерал, глава английского экспедиционного отряда в северной области 236, 242, 255, 259, 269, 290, 293, 294, 295, 298, 299, 301, 302, 312, 322, 327, 412.

Акинтиевский 141, 143.

Александров, торговец, архангельский городской голова 278.

Алексеев, Михаил Васильевич, царский генерал, участник миров. войны. С осени 1915 г., когда Николай II удалил с поста верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и сам занял этот пост, Алексеев стал начальником штаба главковерха (фактически же—руководителем всех военных операций); некоторое время в период Февральской революции был верховным главнокомандующим. К революции относился отрицательно, всячески старался уберечь солдат от „агитаторов" и восстановить старую власть офицерства. После Октябрьского переворота бежал на Дон и явился инициатором и одним из главнейших организаторов добровольческ. армии; носил в ней звание „верховного руководителя" и недол всеми гражданскими и финансовыми делами. Умер 8 октября (н. ст.) 1918 г. 11, 56, 59.

Алексеевский, член „политического центра" и „совета народного управления" в Иркутске зимой 1919—1920 гг. 191, 200, 218.

Альдрованди, граф, представитель Италии на совещании в Париже у Пишона в январе 1919 г. по русскому вопросу 413.

Амундсен 454, 455.

Амэт, французский адмирал командовавший французской черноморской эскадрой. 398.

Андогский, начальник эвакуированной в Казань советской военной академии; после захвата Казани чехословаками и „народной армией" в августе 1918 г. продолжал службу у белых, был помощником начальника штаба главнокомандующего у Колчака 166, 180, 182.

Анненков, казачий атаман, насильник и головорез, подизвавшийся в годы гражданской войны в средиазиатском районе (в Семипалатинской области). Поддерживал Колчака, но фактически был в захваченной им области независимым диктатором. После гражданской войны бежал в Китай 27, 100, 116.

Антушевич, секретарь Архангельской гор. думы, привлекавшийся при белом правительстве к суду за противоправительственную деятельность 243, 246, 278.

Аракчеев, граф, временщик и советчик Александра I, организатор знаменитых „военных поселений" 124.

Аргунов, Андрей Александрович (род. в 1866 г.), один из виднейших членов партии эсеров, некоторое время — член ее ЦК. В период революции и гражданской войны примыкал к правому флангу партии. Кандидат в члены Временного Всероссийского Правительства (директории), после колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. был арестован вместе с другими членами этого правительства Колчаком и выслан за границу 3, 4, 11, 21, 27.

Аргунова, жена известного эсера 21.

Аргутинский, князь 394.

Артемьев, генерал,—командующий войсками в Иркутске в период падения власти Колчака 190, 191.

Астров, Н. И.—левый кадет, б. московский городской голова, член контр-революционных организаций „Национального центра" и „союза возрождения России"; на Уфимском Государственном Совещании в сентябре 1918 г. избран членом Временного Всероссийского Правительства (директории), но фактически не принимал в нем участия; был одним из членов Особого Совещания при добровольческой армии 11, 379, 381.

Аучинклосс, английск. эксперт на Парижской мирной конференции 440, 442, 443, 444.

Ахматов, И., товарищ председателя „политического центра" в Иркутске, захватившего здесь власть в январе 1920 г. при падении колчаковского правительства 213, 220.

Багриновский, И. В., архангельский городской голова и член правительства Северной области 263, 268, 276, 277, 278, 322, 323.

Бакич, генерал, командир корпуса в колчаковской армии 69, 75.

Балкиев, Н. Ф. организатор театра „Летучая мышь" 382.

Баллард, английский генерал, участвовавший на Ясском совещании 388, 398.
Бальфур, известный английский политический деятель, консерватор, бывший министром в нескольких кабинетах 413, 417, 421, 422, 428, 436, 437.
Баранов 299.
Барклэй, английский посланник в Румынии в 1918 г. 386, 390, 391.
Барсов 23, 25.
Белелюбский, доктор, главноуполномоченный Врем. Правительства Северной области по эвакуации Мурманского края 347, 349.
Белов (Виттенкопф), генерал, офицер царской армии, монархист, командующий армией у Колчака 27, 43, 56, 62, 65, 67—71, 74—76.
Бертело, французский генерал, командовавший в конце 1918 г. восточным фронтом, к которому относились оккупированные французами в 1918—1919 гг. части Черноморского побережья (напр., Одесса, Севастополь и пр.). 390, 398, 413.
Бестужев, вольноопределяющ., студент, убитый в Омске колчаковцами 53.
Бечин, председатель правления профсоюзов и член гор. думы в Архангельске в период белогвардейской власти в Северной области 243—246, 267, 268, 276, 316, 325, 326, 352, 369.
Бируля, чешский офицер 221.
Бискупский, генерал, командующий войсками в Одессе при гетмане в 1918 г. 399, 401, 402, 403, 404.
Бичерахов, Георгий, брат более известного Лазаря Бичерахова, председатель белой Терской республики в 1918 г. 396.
Бичерахов, Лазарь, генерал, один из авантюристов гражданской войны. Из Персии, где он со своим казачьим отрядом сотрудничал с англичанами, Б. появляется летом 1918 г. в Баку, откуда при наступлении турок уходит в Петровск и организует там „Прикаспийское правительство" армянско-эсеровского состава и вместе с последним к концу 1918 г. появляется снова в Баку, когда туда опять приходят англичане. Вскоре, однако, карьера Л. Бичерахова оборвалась ввиду того, что англичане, которым было нежелательно делить свою власть в Баку с Бичераховым, отправили его в Лондон, после чего покончило свое существование и „прикаспийское правительство" 396.
Благош 97.
Блисс, генерал 435, 436, 450.
Бобринский, Алексей, граф, сахарозаводчик, бывш. министр земледелия и член Государственного Совета 374.
Богословский, генерал колчаковской армии 122, 136, 138, 143.
Бокль, английск. ученый, историк, автор книги „История цивилизации в Англии", пользовавшейся большой популярностью среди русской интеллигенции конца XIX в. 395.
Болдырев, Василий Георгиевич, один из выдающихся генералов царской армии, участник мировой войны, по происхождению—из крестьян, в период гражданской войны Государственным Совещанием в Уфе в сентябре 1918 г. избирается в члены Директории (Временного Всероссийского Правительства), после чего назначается главнокомандующим „всеми российскими вооруженными силами, борющимися против Советской республики". После колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. был выслан Колчаком за границу, после разгрома Колчака возвратился во Владивосток, где был некоторое время членом местного демократического правительства. При занятии Владивостока Красной армией в октябре 1922 г. остался в городе и, будучи арестован, обратился в ВЦИК с ходатайством о помиловании, заявив о желании работать с Советской властью. В дальнейшем—сотрудник Сибирской плановой комиссии 4, 7, 11, 14, 16, 17, 41, 46, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 394, 402.
Бонапарт, Наполеон, генерал Великой Французской революции, потом—французский император, прославившийся своею непобедимостью и завоевавший постепенно все страны западно-европейского материка. Погубил свою огромную армию зимним походом на Москву и отступлением оттуда в 1812 г. Окончательно низложен победившими его державами в 1815 г. 311.
Борисов, агент бывш. председателя совета министров Трепова 455.
Брайкевич, М. В., кадет, тов. министра торговли Врем. Правительства; в 1918 г.—одесский городской голова и председатель местного военно-промышленного комитета 375, 394, 400, 401, 402.
Брандеджи, чл. сената С.-А. С. Ш. 406.
Брасова, Наталья Сергеевна, морганатическая жена вел. князя Михаила Александровича, ныне в эмиграции 374, 377, 381.
Братиану, румынский политик, бывший председатель совета министров 383—389.
Бресман, капитан, командир латышского отряда в колчаковской армии 64.
Брешко-Брешковская, Е. К., т.-наз. „бабушка русск. революции"—старая революционерка-народница, в движении с 1873 г., участница „процесса 193-х". Вернувшись в 90-х гг. из Сибири после каторги и ссылки, снова примкнула к революционному движению, вступив в эсеровскую партию. В период Февральской революции примкнула к правому оборончеству, после Октября—ожесточенная противница Советской власти. Эмигрантка 433.
Бронштейн, см. Троцкий, Л. Д.
Брудерер, один из расстрелянных колчаковцами в ночь на 22 декабря 1919 г. в Омске 25, 26.
Брюмер, белый офицер на Северном фронте 331.
Брюхатов, член Омской судебной палаты 29.
Бубликов, А. А., кадет, член Государственной Думы, товарищ председателя Центр. Военно-Промышленного Комитета 380.
Будберг, А., барон, автор помещенного в этой книге „Дневника",—монархист, генерал царской армии, осенью 1917 г. командовал корпусом на Северном фронте. После Октябрьского переворота некоторое время состоял на советской службе. В начале 1918 г. выехал в Харбин, откуда направился в Японию с целью пропагандировать интервенцию союзников и оккупацию ими Дальнего Востока. Через несколько месяцев он возвратился в Харбин, а в апреле 1919 г. переехал в Омск, где был у Колчака сначала начальником снабжения, а затем—управляющим военным министерством. В октябре 1919 г., накануне окончательного разгрома Колчака, выехал в Минжурию вследствие болезни 115.
Букановский, Саул, офицер, глава Терского Совета в 1918 г. 396.
Буклер, атташе американского посольства в Лондоне 408, 409, 411, 412, 423.
Буллит, В. Ч. 406, 407, 408, 413, 421, 428, 431, 441, 446, 447, 449, 450, 454, 455.
Бурачек, капитан II ранга 355.
Буржуа, французский консул в Иркутске в 1918 г. 395.

Бурлин, помощ. главнокомандующего при Колчаке 129, 133, 141, 166.
Бурышкин, московский фабрикант, в 1919 г.—министр колчаковского правительства 204, 209, 210.
Быховский, член „совета народного управления" в Иркутске, образовавшегося в январе 1920 г. после свержения власти Колчака 218.

Вагин, генерал, начальник штаба Иркутского воен. округа 197, 208.
Валидов, 71.
Варун-Секрет, националист, чл. Госуд. Думы, в 1918 г.—товарищ министра внутр. дел на Украине у гетмана 383.
Ведерников, Мих. Алекс., эсер, чл. Учредит. Собр. и Комитета чл. Учредит. Собр. Один из участников процесса эсеров 1922 г. 22.
Вержбицкий, генерал колчаковской армии 123, 130, 140.
Вильгельм II, последний германский император, свергнутый революцией 9 ноября 1918 г. 382.
Вильсон, Вудро, президент С.-А. Соединенных Штатов в период империалистическ. войны и при заключении мира, прославившийся выдвинутыми им, в качестве основы мира, „14-ю пунктами"; ему же принадлежит и идея „Лиги наций" (к последней, как известно, Соед. Штаты не примкнули) 10, 411, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 442, 445, 459, 453, 455.
Винниченко, украинск. социал-демократ, член украинского правительства Национальной Рады, а после гетмана—член украинск. директории. После победы Советской власти на Украине примкнул на некоторое время к коммунистам и был замредом украинского совнаркома, но вскоре дезертировал и бежал за границу, где находится и в настоящее время. Беллетрист. 389, 390.
Виноградов, Владимир Александрович, кадет, профессор, член Государственной Думы, на Уфимском Государственном Совещании избран кандидатом в члены Временного Всероссийского Правительства (Директории) 4, 7, 11, 13, 17, 22, 30, 32, 38.
Витте, Сергей Юльевич, граф, один из крупнейших государствен. деятелей царской России конца XIX и начала XX века, вдохновитель манифеста 17 октября 1905 г. и глава первого после издания этой псевдоконституции совета министров. Перед созывом первой Государств. Думы в 1906 г. уволен в отставку и с тех пор был „в немилости" как либерал 379.
Виттенкоф, см. Белов.
Вихирев, генерал 56.
Владыкин 23, 24.
Войцеховский, генерал, командующий одной из армий у Колчака, после смерти ген. Каппели (25 янв. 1920 г.) принял главное командование над отступавшими на Восток остатками колчаковск. армии 94, 95, 101, 102, 104, 112, 223, 224.
Волков, подполковн., при Колчаке—генерал, начальник омского гарнизона, один из организаторов убийства Новоселова и колчаковского переворота, прославившийся бессудными расстрелами и зверской расправой с врагами колчаковского режима 7, 19, 20, 47, 40, 50, 63, 64, 65, 91, 129, 162, 204, 210.
Вологодский, Петр Васильевич, адвокат, б. член II Гос. Думы из фракции прогрессистов, пользовался в Сибири популярностью как общественный деятель. После Февральской революции сибирские эсеры зачислили было В. в свою партию и потом выдвинули его кандидатуру в члены Сибирского правительства, вследствие чего и правых кругах за ним утвердилась незаслуженная репутация „социалиста". Летом 1918 г., после свержения в Сибири власти Советов, стал председателем „Сибирского Временного Правительства", в сентябре 1918 г. на Уфимском съезде белогвардейских правительств избран членом директории, а после того как Колчак произвел 18 ноября 1918 г. государственный переворот и выслал за границу трех членов директории, В. оставался председателем колчаковского правительства в течение почти всего периода колчаковщины, и лишь 23 ноября 1919 г. Колчак заменил его Пепеляевым. Ныне В. в эмиграции, в Китае 4—7, 11—13, 16, 38, 100, 142, 165, 187.
Вольский, В. К., видный эсер, один из организаторов самарского восстания против Советов и член организовавшегося там Комитета членов Учредительного Собрания". Председатель образовавшегося после избрания директории „Съезда членов Учр. Собрания". После колчаковского переворота и ареста многих членов Учр. Собрания, Вольский вместе с другими его членами, оставшимися на свободе, приняли решение о прекращении борьбы с Советской властью и были пропущены через фронт на территорию Советской России, где В. вместе с единомышленниками организовал легальную эсеровскую организацию „Народ" 47, 245, 429, 433, 434.
Вонка, дипломатический представитель Америки при румынском дворе в 1918 г. 386.
Врангель, П. Н., барон, ген., один из сподвижников Деникина, которому удалось в 1919 г. после долгой борьбы взять Царицын. Весной 1920 г., когда разгромленный Деникин, ввиду выраженного ему офицерством недоверия, был вынужден выйти в отставку, он назначил своим преемником Врангеля; последний в начале июня 1920 г. предпринимает вылазку из Крыма. Ему удается захватить северную Таврию, а в дальнейшем—и Синельниково, откуда он угрожает Екатеринославу. Ударом Красной армии в конце октября 1920 г. и знаменитой атакой Перекопа Врангель был сбит; 15 ноября он был вынужден очистить весь Крым и уйти с флотом и остатками армии в Константинополь. Сохранив некоторый авторитет в глазах русского монархического офицерства, Врангель и в настоящее время играет роль признанного организатора белогвардейской военной силы за границей на случай возобновления гражданской войны в России 378.
Вуличевич, генерал, командующий Железнодорожным фронтом Северной области 340, 354, 363, 364, 365.
Вяземский, князь 382.

Гайда, чехословацкий офицер, потом—генерал, авантюрист, сделавший себе карьеру после чехословацкого переворота в Сибири, сподвижник Колчака и в течение некоторого времени — главнокомандующий колчаковской армией; рассорившись с Колчаком, был выслан последним за пределы Колчаковии и подвизался затем некоторое время во Владивостоке 28, 43, 76, 77, 99, 110, 121, 122, 123, 124, 127, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 145, 146, 149, 157, 158.
Галиевский, генерал, адъютант вел. кн. Дмитрия Павловича 393.
Галкин, полковник, потом генерал, один из активных деятелей эсеровского переворота в Самаре, занимавший разные командные посты и „народной" и затем в колчаковской армии 56, 57, 59, 60, 61, 62, 66, 69, 74, 75, 77, 322.

Гардинг, американский сенатор 406.
Гаррис, американский генеральный консул в Омске при Колчаке 197, 220, 395.
Гаррисон, представитель Америки на совещании у Пишона по русскому вопросу в январе 1921 г. 413.
Гауз, полковник, член американской миссии на Парижской мирной конференции, занимавшийся специально „русским вопросом" 411, 412, 413, 419, 420, 421, 422, 426, 427, 428, 435, 437, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 447, 450.
Гвозден, Кузьма Антонович, социал-демократ, меньшев., по происхождению—рабочий, оборонец, в годы мировой войны—председатель рабочей группы центрального военно-промышленного комитета, министр труда в одном из кабинет. в период Февральской революции 381.
Гейден, граф, русский переводчик при английском командовании в Северной области 301, 302.
Гендельман, Михаил Яковлевич, известный эсер, чл. ЦК ПСР, один из осужденных по эсеровскому процессу в Москве в 1922 г. 12, 16, 18—20.
Герке, капитан, начальник штаба казачьего атамана Красильникова 4, 5, 18, 19.
Гертер, Христиан, 447.
Геруа, генерал, начальник штаба главнокомандующего Румынским фронтом в мировую войну ген. Щербачева 387.
Гинс, Г. К., профессор Омского с.-х. института, при Колчаке — управляющий делами совета министров, типичный колчаковец, автор двухтомной книги „Сибирь, союзники и Колчак" (Пекин. 1921 г.) 5, 168, 169, 187.
Гирса, доктор, дипломатический представитель Чехословацкой республики в Сибири 97.
Глебов, Ю. Н., петроградский городской голова во время войны и председатель Петроградского Комитета Союза Городов 375, 380, 381.
Глосс 197.
Гойер, финансист, один из министров финансов Колчака 201.
Голицын, князь, генерал, командовавший одной из колчаковских армий 181.
Голицын, А. Д., князь, чл. Гос. Совета 377.
Голошин, генерал, начальник штаба верховного главнокомандующего у Колчака 166, 177, 178, 182.
Головков, член „совета народного управления", образовавшегося в Иркутске в январе 1920 г. после свержения власти Колчака 218.
Гольдман, Л., член „политического центра", образовавшегося в Иркутске к январю 1920 г. и свергнувшего власть Колчака 213.
Городецкий, С. Н., член Временного Правительства Северной области (управляющий отделом юстиции) 234, 240, 262, 265, 275, 276, 317, 319.
Ле-Гра, французский майор 65.
Грабовский, полковник, начальник штаба Железнодорожного фронта в Северной области 354.
Грант, У. С., полковник, представитель Америки на совещании у Пишона по русскому вопросу в январе 1919 г. 413.
Гревс, генерал, американский представитель при Колчаке 162, 220.
Греков, начальник инженеров Тюменьского округа 147.
Гришин, генерал, командир корпуса у Колчака 95, 123.
Григорьев, Николай Сергеевич, доктор, сподвижник Савинкова, видный член организованного последним для борьбы с Советской властью „Союза защиты родины и свободы", один из главных организаторов Ярославского восстания в июле 1918 г. 76, 77, 373.
Гриппенберг, генерал 138.
Гришин-Алмазов, Алексей Николаевич (настоящая фамилия Гришин), офицер царской армии. После Октября—энергичнейший организатор подпольных контр-революционных офицерских групп в Сибири. Летом 1918 г. Сибирским Врем. Правительством произведен в генералы и назначен военным министром; Г. возбудил надежды сибирской буржуазии—как возможный диктатор, и стал исподволь подбираться к этому посту; вследствие неловкого выступления перед союзниками, которых он обвинял в неоказании помощи сибирской армии, был уволен от должности министра и после нерешительной и неудачной попытки устроить государственный переворот уехал к Деникину; некоторое время был одесским градоначальником. При Колчаке решил вернуться в Сибирь, но при попытке перейти через большевистский фронт был задержан советскими властями и застрелился 395, 396.
Гру, Джозеф 408.
Грязнов, командир бригады 35-й советской дивизии, наступавшей на Колчака 111.
Гувер, организатор американской комисс. помощи 420, 440.
Гурко, В. И., бывш. член Госуд. Совета, правый 378, 383, 388, 389, 391, 392.
Гуковский, А. И., эсер, член „верховного управления" Северной области 232, 267, 268, 326, 330.
Гучков, А. И., один из видней-ших вождей крупной умеренно-либеральной русской буржуазии; вождь правой части земско-городских съездов 1904—1905 гг.; один из организаторов партии „октябристов", так наз. „союза 17 октября" защитник контр-революцион. политики Столыпина и „военно-полевой юстиции". После государственного переворота 3 июня 1907 г., лишившего избирательных прав широкие массы населения, был избр. в III Гос. Думу и стал ее председателем. В годы империалистической войны организует боев. способность армии. В первом Врем. Правительстве был военным министром, являясь к нем, вместе с Милюковым, наиболее ненавистной фигурой для революционных масс. 30 апреля 1917 г. был вынужден выйти в отставку. После Октября 1917 г.—организатор контр-революционных заговоров против Советской республики 330, 374, 380, 381.
Гэнкей, Морис, сэр, представитель Великобритании на совещании у Пишона по русскому вопросу в январе 1919 г. 413, 421, 436.

Давыдов, В., известный артист 317.
Дайер, английский капитан в Северной области 242.
Данилов, генерал, командовавший Двинским фронтом в Северной области 363.
Дардзан, капитан колчаковской армии 63, 64.
Дворжец 31, 38.
Девятов, Иван Иванович, эсер, член Учредит. Собрания, арестованный и убитый в Омске колчаковцами в связи с восстанием 22 декабря 1918 г. 22, 23, 25, 26, 27, 29.
Девятова, Софья Ивановна, жена Девятова, Ив. Ив. 25, 26.
Дедусенко 32.
Дементьев, капитан колчаковской армии 63.
Демидов, И. П., кадет, чл. „союза возрожден. России" 379.
Деммерт, полковник, комендант омской ставки, один из организаторов колчаковского переворота 49, 50, 52, 53, 54, 57, 58.
Демченко, В. Я., октябрист, киевской городской голова, потом член Государственной Думы 389, 398, 399, 400, 401.

Деникин, Антон Иванович, один из виднейших генералов царской армии, поддерживал корниловское выступление в августе 1917 г. против Керенского. После поражения Корнилова был вместе с ним и другими высшими чинами ставки арестован и содержался в заключении в Быхове, откуда все корниловцы, во главе со своим вождем, 19 ноября 1917 г., при занятии ставки советским отрядом, бежали на Дон, где заняли командные должности в организованной Алексеевым и Корниловым Добровольческой армии. После того как глава этой армии Корнилов был убит при штурме Екатеринодара 13 апреля 1918 г., в командование армией вступил Деникин, которому удалось нанести ряд тяжелых поражений советским войскам и постепенно занять Кубань, Дон, всю Украину, Воронеж, Курск и Орел. В октябре 1919 г. войска Деникина потерпели поражение под Воронежем и за Орлом, на путях к Туле, после чего стали быстро и неудержимо откатываться назад к югу. В марте 1920 г. Деникин переправил на судах остатки своей разбитой и разложившейся армии из Новороссийска в Крым и здесь, ввиду выраженного ему офицерством недовольства, передал главное командование Врангелю, а сам уехал за границу, где выпустил пять томов своих мемуаров о революции и гражданской войне под заглавием „Очерки русской смуты" 27, 44, 59, 61, 117, 124, 125, 157, 176, 214, 245, 261, 311, 341, 379, 381, 385, 388, 394, 395, 397, 398, 399, 401, 402, 403, 407, 410, 431, 433, 452.

Джонс, А., майор, представитель Италии на совещании у Пишона по русскому вопросу в январе 1919 г. 413.

Дитерихс, М. К., генерал царской армии, участник мировой войны, после Февраля — генерал-квартирмейстер ставки. После Октября переходит на службу в чехословацкий корпус на должность начальника штаба; в январе 1919 г. переходит на службу к Колчаку, у которого некоторое время состоит командующим сибирской армией. По поручению Колчака производил расследование о расстреле царской семьи в Екатеринбурге 74, 76, 92, 94, 102, 104, 105, 106, 144, 146, 155, 165, 166, 167, 171, 172, 178, 180, 182, 183, 185.

Дзержинский, Ф. Э., старый большевик, знаменитый председатель ВЧК и ГПУ; умер в 1926 г. на посту председателя ВСНХ 167.

фон-Дитмар, Н. Ф. 380, 399, 401, 403.

Добровольский, С., автор помещенн. в этой книге статьи (см. о нем прим. сост. на стр. 227) 227, 297, 302, 309.

Долгорукий, Павел Дмитриевич, князь 381.

Драгомиров 157.

Дрейфус, капитан французского генерального штаба, еврей, неправильно осужден. в 1894 г. за измену. Несправедливость приговора привела в движение радикальные и социалистические круги Франции, требовавшие пересмотра дела, тогда как реакционеры и антисемиты боролись против пересмотра. Агитация по поводу дела Дрейфуса тянулась несколько лет и способствовала разоблачению истинной природы антисемитизма и военщины в глазах широких народных масс. Сам Дрейфус был помилован президентом, а впоследствии его невиновность была установлена судом 8.

Драммонд, Эрик, сэр, секретарь Лиги наций в 1919 г. 436.

Дутов, А. И., „атаман", глава контр-революционного выступления оренбургского казачества против Советской власти. Еще в 1917 г., с получением известий об Октябрьской революции, захватил власть в свои руки и организовал „казачье войсковое правительство". После восстания чехословаков поддержал Комитет членов Учредительного Собрания, после колчаковского переворота признал власть Колчака и был одним из его виднейших сподвижников. После разгрома Колчака отряды Дутова перешли в Китай и здесь лишь в 1922 г. ликвидированы Красной армией 27, 43, 46, 56, 74, 100, 141, 143, 144, 158, 396.

Дютаста, один из представителей Франции на совещании у Пишона по русскому вопросу в январе 1919 г. 413.

Едовин, эсер, член архангельской губ. земской управы, некоторое время — член белого правительства Северной области, избранного на земско городском совещании 263, 267, 276, 322, 323, 327, 342.

Ермолов 347.

Жанэн, французский генерал, главнокомандующий союзными войсками и глава французской миссии в Сибири 49, 56, 59, 61, 88, 97, 98, 107, 108, 109, 142, 162, 166, 181, 184, 188, 195, 196, 197, 204, 205, 209, 396.

Жуковский, В. В., чл. Гос. Думы, тов. председателя Центрального Военно-Промышленного Комитета 380.

Заварицкий, подполк., охранник 154.

Захаров, полковн., служивший в Сибири при Колчаке 68.

Зензинов, Владимир Михайлович, один из виднейших правых эсеров, член Учредительного Собрания и Комуча; на Уфимском Государственном Совещании белогвардейских правительств востока России в сентябре 1918 г. избран заместителем члена Временного Всероссийского Правительства (директории) Н. В. Чайковского. В момент колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. арестован колчаковцами вместе с другими членами директории и затем выслан за границу 3, 8, 11, 13, 18, 20, 267.

Зернов, Д. С., проф., товарищ председателя Центрального Военно-Промышленного Комитета 380.

Зиневич, генерал, один из корпусных командиров колчаковской армии. В период крушения колчаковщины З., стоявший со своим корпусом в Красноярске, „изменил" Колчаку и передал власть в Красноярске в руки городской думы 106, 110—112, 215.

Злоказов, фабрикант 124.

Зубковский, полк. колчаковской армии 158.

Зубов, П. Ю., заместитель председателя временного Правительства Северной области 234, 238, 241, 263, 264, 265, 275, 276, 285, 287, 302, 319, 320, 322, 323, 340, 341, 342, 360.

Ивакин, полк., один из организаторов вооруженного выступления против Колчака в Новониколаевске в период распада колчаковщины 104, 105, 110.

Иваницкий-Василенко, А., член „политическ. центра", образовавшегося в Иркутске к январю 1920 г. и свергнувшего власть Колчака 213.

Иванов, адмирал (в Северной области) 353, 355, 357, 358, 359.

Иванов, Алексей Алексеевич, правый эсер, член белого правительства Северной области, редактор газеты „Возрождение Севера" 232, 234, 278, 302, 328, 330, 331, 342, 343, 344, 345, 349.

Иванов, Н., член Учредительного Собрания 23, 24.

Иванов, Ф. А., член Государственного Совета 377.
Иванов-Ринов, П. П. (настоящая фамилия—Иванов), одна из характернейших фигур колчаковского режима, до революции был начальником уезда (т.-е. исправником) в Туркестане, потом—помощником военного губернатора—„полицейская ярыжка", как его характеризует Будберг. После Октября принимает участие в подпольных белогвардейских организациях Сибири и возглавляет такую организацию в Омске, а по свержении здесь Советской вл сти фактически правит областью до организации власти Сибирского Времен. Правительства. Последнее после увольнения с поста воен ного министра Гришина-Алмазова назначает на этот пост Иванова-Ринова. При Колчаке И.-Р., оставаясь типичным старорежимщиком, насильником и вешателем, продолжает играть важную роль, а при конце колчаковщины получает звание атамана сибирского казачьего войска 27, 115, 116, 124, 141, 144, 161, 163, 166, 167, 168, 171, 179, 181, 182, 183, 184, 185.
Игнатович-Горанский 124.
Игнатьев, В. И., народный социалист, архангельский губернский комиссар, член белого правительства Северной области 237, 238, 240, 262, 275, 277, 320.
Ильин, полковник генерального штаба, участник Ясского совещания 383, 392.
Иоллос, врач (в Северной обл.) 332.
Искрицкий, М. А., член Гос. Думы 343.

Казагранди 123.
Калашников, капит., командующий „Народно-революционной армией", образовавшейся в Иркутске в период разложения колчаковщины и подчиненной „политическ. центру" 110, 215, 216.
Калинин, капитан 19.
Калмыков, есаул из харьковских мещан, присвоивший себе звание „атамана уссурийского казачества" и подвизавшийся в период гражданской войны в Уссурийской области; под видом борьбы с большевиками К. занимался открытыми грабежами и совершал невероятные насилия над населением 8, 27, 119, 139, 182, 185, 212, 213, 218.
Канин, адмирал 399.
Капнист, П. И., граф, член Гос. Думы 377, 401, 402.
Каппель, Владимир Оскарович, из офицеров царской армии, один из наиболее выдающихся командиров „народной армии", организованной Комитетом членов Учредительного Собрания в Поволжье после свержения власти Советов чехо-словаками и эсерами летом 1918 г. При Колчаке—генерал, которому Колчак намеревался передать полномочия „верховного правителя"; в период разгрома колчаковщины—главнокомандующий; умер при отступлении армии 25 января 1920 г., простудившись на морозе и отморозив себе обе ноги. Пользовался огромной популярностью среди белогвардейцев, так что в течение долгого времени после его смерти остатки разгромленной колчаковской армии носили название „каппелевцев" 54, 94, 105, 112, 117, 120, 128, 131, 156, 192, 221, 222, 223.
Капустин, эсер, председатель совета профессиональ. союзов в Архангельске при власти белых 233, 234, 266, 267.
Карцев, деникинский генерал, командированный к Колчаку 157.
Касаткин, генерал, начальник военных сообщений у Колчака 58, 124 138.
Катанаев, полковник, один из организаторов колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. 7, 49.
Като, японский посол и высокий комиссар при Колчаке 197, 198.
Каччия, А. М., один из представителей Англии на совещании по русскому вопросу у Пишона в январе 1919 г. 413.
Квинцинский, генерал, начальник штаба главнокомандующего в Северной области при Миллере 309, 311, 312, 313, 340, 345, 346, 349, 350.
Кедров, комиссар (советский) в Архангельске 231.
Керенский, Александр Федорович, эсер, адвокат, член IV Гос. Думы, где принадлежал к партии трудовиков и был популярным политическим оратором. С начала войны—оборонец. После Февраля вошел в состав Времен. Правительства в качестве министра юстиции. После отставки Гучкова взял его портфель военного и морского министерств. По требованию союзн. империалист. правит. толкнул русскую уставшую и не хотевшую войны армию к наступлен. 18 июня 1917 г., которое кончилось полнейшей неудачей. После июльского движения петербургского пролетариата и гарнизона, подавленного военной силой, становится министром-председателем Временного Правительства. В качестве члена и затем председателя Врем. Правит. ведет политику союза с буржуазией, защиты буржуазного характера революции от покушений большевиков, продолжения в союзе с Антантой империалистической войны. После неудачной попытки организовать подавление пролетарской революции, эмигрировал за границу, где неизменно оставался врагом Советской республики. Издает газету „Дни" 139, 178, 236, 237, 266, 267, 330, 333.
Керзон, лорд, консерватор, вице-король Индии и министр иностранных дел в английском консервативном правительстве, непримиримый враг Советской республики, автор нескольких книг по восточному вопросу 350.
Керр, Филипп, секретарь Ллойд-Джорджа 413, 420, 421, 422, 427, 436.
Кириенко, один из расстрелянных колчаковцами в Омске во время событий 22 декабря 1918 г. 23, 25.
Киселев, „воевода", начальник охраны ставки Колчака 59, 61.
Кистяковский, И. А., московский присяжный поверенный, министр внутрен. дел Украины при гетмане 382, 400.
Клемансо, один из виднейших французских политиков, радикал-социалист, неоднократно бывший премьер-министром и министром иностранных дел 392, 413 414, 415, 416, 417, 420, 440, 444, 445.
Клинев 316.
Клофач, один из известнейших чехословацких политиков 97.
Клоуз, секретарь президента Вильсона 450.
Клюев, член правления профсоюзов в Архангельске, осужденный при белых на каторгу за противоправительственные выступления 243, 246, 268, 276, 341, 369.
Ключников, министр Колчака, управлявший министерством иностранных дел, позднее—сменовеховец 6.
Князев, ротмистр, личн. адъютант Колчака 156.
Ковалевский, Владимир Иванович, тов. мин. финансов царск. правительства, товарищ председателя Центрального Военно-Промышленного Комитета 381.
Коган, И. Г., кадет, член бюро Совета государственного объединения России 377.
Козлов, полковник 357.
Кок 146, 417.

Колосов, эсер, автор книги „Сибирь при Колчаке" 32, 106, 110, 215, 220, 221.

Колчак, Александр Васильевич, адмирал (1873—1920), один из опаснейших врагов Советской республики, „верховный правитель". Во время мировой войны служил в Балтийском флоте, потом был назначен командующим Черноморским флотом, но после Февральской революции не мог примириться с Советами и уехал в Америку. Осенью 1918 г. появляется в Омске и получает пост военного министра в составленном директорией кабинете. После переворота 18 ноября 1918 г. (см. прим. 16) принимает звание „верховного правителя" и с помощью Антанты ведет упорную войну с Советской республикой в 1918—1919 гг. В Сибири насаждает полицейский режим и ведет непрерывную борьбу с крестьянством, отвечающим массовыми восстаниями и организацией целых армий красных партизан. В декабре 1919 г., после окончательного разгрома своей армии, Колчак, пробираясь на Дальний Восток, попадает в руки чехословаков, которые 5 января 1920 г. в Нижнеудинске выдают его, а также главу его правительства Пепеляева красным повстанцам. Последние доставили его в Иркутск, находившийся уже с 27 декабря в руках повстанцев. 7 февраля 1920 г. Колчак был расстрелян в Иркутске по постановлению иркутского ревкома 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 13, 14, 16, 18, 20, 25, 27, 41, 43, 44, 46, 48, 49, 51, 52, 56, 57, 58, 59, 61, 66, 67, 71, 72, 75, 76, 77, 78, 79, 83, 85, 88, 90, 91, 92, 99, 100, 102, 105, 106, 107, 108, 109, 115, 121, 173, 187, 195, 205, 206, 207, 209, 211, 212, 213, 214, 217, 218, 219, 220, 221, 224, 238, 242, 245, 247, 249, 258, 261, 267, 274, 283, 310, 311, 313, 320, 323, 324, 328, 332, 341, 410, 431, 433, 446, 452.

Комарова, сестра милосердия 359.

Кондрашев 129.

Конковский 141.

Коновалов, А. И., чл. Гос. Думы, министр торговли Врем. Правительства 380.

Коногов, Б., член „политического центра", образовавшегося в Иркутске к январю 1920 г. и свергнувшего власть Колчака 213.

Кормер, доктор (в Северной обл.) 353, 355.

Коробов 204.

Короткевич, полковник (в Северной обл.) 357.

Костанди, Л. И., полковник, начальник штаба Мурманского района при белых, потом переведенный в Архангельск 227, 295, 310, 311, 312, 331, 337, 347, 352, 355, 364, 366, 367.

Косьмин, генерал 173.

Косьминский, Б., член „политического центра", организовавшегося в Иркутске к январю 1920 г. и свергнувшего власть Колчака 213.

Котомин, полковник, перебежавший из Красной армии к Колчаку 86, 87, 165.

Красильников, казачий есаул царской армии, колчаковский генерал, один из виднейших в сибирской контр-революции бандитов, имевший свой отдельный отряд (позднее—бригаду), отличавшийся особым зверством во время карательных экспедиций и большими безобразиями, творившимися его контр-разведкой. Красильников сам публично расстреливал рабочих во время ж.-д. забастовки 6 октября 1918 г. (в Омске). Был правой рукой „Ваньки Каина" (Ивана Михайлова) в политических убийствах и „переворотах". Умер в Иркутске в больнице от сыпного тифа как раз в дни восстания, кончившегося арестом колчаковского правительства, в начале января 1920 г. (см. прим. в книге „Допрос Колчака", стр. 224) 3, 4, 5, 6, 7, 8, 18, 19, 20, 24, 27, 29, 37, 41, 48, 49, 54.

Краснов, П. Н., генерал, участник мировой войны, монархист, активный участник корниловского мятежа; после Октября командующий казачьим отрядом, который Керенский повел на Петроград для свержения советской власти. После крушения этого предприятия, будучи освобожден большевиками, Краснов перебирается на Дон, где весной 1918 г. избирается восставшим казачеством в атаманы и организует с помощью немцев, подошедших к Донской области через Украину, вооруженную борьбу с большевиками. От последних Краснов постепенно очищает всю область и проникает в Воронежскую и Саратовскую губернии. На короткое время Краснов превращается в опаснейшего врага Советской республики. Однако зимой 1918—1919 гг., когда, после ноябрьской революции в Германии, помощь немцев прекратилась, Краснов терпит тяжелые поражения на противобольшевистском фронте и оказывается вынужденным в феврале 1919 г. выйти в отставку. После этого донская армия объединяется с добровольческой под единым командованием Деникина. В настоящее время Краснов за границей, в эмиграции 385, 397, 400, 403, 407.

Крашенинников, капитан 27, 28.

Крейчий, полковник чехословацкой дивизии в Сибири 224.

Кривой, Федор 336.

Кривошеин, А. В., царский министр земледелия, слывший почти либералом, после Октября—один из руководителей тайной московской контрреволюционной организации крупной буржуазии и помещиков, т. наз. „правого центра", в 1918 г. бежал на Украину и принимал участие в белогвардейском движении против Советской власти. В 1920 г. возглавлял правительство Врангеля в Крыму 373, 376, 377, 383, 384, 385, 387, 388, 392, 399, 400, 401, 403.

Кровопусков, М. К., чл. „союза возрождения России" 383, 387, 393.

Кроль, А. А., кадет 12.

Кронштадтский, Иоанн, священник, известный „чудотворец" 253.

Кузьмин, комиссар советской армии, занявшей Архангельск после белых 350, 366.

Куракин, кн., министр финансов белого правительства Северной области 234, 238, 319, 320.

Куропаткин, военный министр, неудачливый главнокомандующий русской армией во время русско-японской войны 138.

Лампсон 197.

Лансинг, Роберт, статс-секретарь С.-А. Соединенных Штатов 408, 413, 419, 420, 422, 426, 427, 435, 436, 447, 450, 451.

Ларионов, управляющий министерством путей сообщения в последнем правительстве Колчака 191, 195, 204, 208.

Лассау 25.

Лебедев, профессор 146.

Лебедев, Д. А., генерал, представитель Деникина у Колчака, назначенный последним на должность начальника штаба главнокомандующего, потом—военного министра, и проявивший на этих должностях крайнюю бездарность 27, 53, 56, 78, 79, 117, 125, 127, 130, 132, 133, 135, 136, 137, 138, 140, 141, 142, 144, 145, 146, 148, 149, 154, 157, 159, 160, 162, 164, 165, 166, 176, 182, 184.

Ленин, В. И. 86, 91, 119, 228, 375, 406, 407, 423, 426, 427, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435.

Леонов 49.

Леонтович, генерал, представитель Добр. армии в Одессе 391, 399.
Лерхе, капитан (в Северной обл.) 309.
Литвинов, заместитель народного комиссара ин. дел 408, 409, 411, 412, 423, 426, 427, 433, 451.
Лихач, М. А., эсер, член первого белого правительства Северной области 38, 39, 40, 232, 233.
Ллойд-Джордж, один из наиболее выдающихся английских политиков, либерал, премьер-министр Англии во время миров. войны и вплоть до 1922 г. 392, 407, 409, 410, 411, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 427, 428, 436, 437, 440, 442, 444, 445, 447, 448, 449.
Лодж, Генри К. 406, 451.
Локотов, один из расстрелянных в Омске колчаковцами в связи с событиями 22 декабря 1918 г. 23, 24, 25, 37.
Лотошников 22, 23, 24, 25.
Луначарский, Анатолий Васильевич, народный комиссар народного просвещения 433.
Лупов, генерал, командир уфимских отрядов „народной армии" 54.
Львов, Г. Е., князь, известный земец, во время мировой войны — председатель Всероссийского Земского Союза, после Февраля — председатель Временного Правительства двух первых составов, после Октября — один из активных врагов Советской власти, член т. наз. „русского политического совещания" в Париже, усиленно добивавшегося интервенции союзников 238.
Лэнсдоун 436.

Маевский, меньшевик, редактор издававшейся в Омске при белых газеты „Воля Народа", расстрелянный колчаковцами в связи с событиями в Омске 22 декабря 1918 г. 23, 25, 53.
Макино, барон, представитель Японии на совещании по русскому вопросу у Пишона в январе 1919 г. 413, 417.
Маклаков, В. А., один из виднейших кадетов правого крыла, член Гос. Думы, при Временном Правительстве был назначен русским послом в Париже, после Октября ратовал перед союзниками за интервенцию их в Советской республике, входил в состав образовавшегося в Париже представительства белогвардейской России, — так наз. „русского политического совещания" 238.
Малютин, шахматист 384.
Маннергейм, генерал русской службы, финляндец. После советской революции в Финляндии в январе 1918 г. белое правительство Свинхунуда назначило М. главнокомандующим белых войск. С помощью немцев, высадившихся в Финляндии в апреле 1918 г., Маннергейму удалось разгромить рабочую революцию и прославиться кровавой расправой с повстанцами, после чего М. стал фактическим главой буржуазной Финляндии 171, 248, 432.
Мангу, П. Ж., проф., переводчик на совещании по русскому вопросу у Пишона в январе 1919 г. 413.
Маргулиес, М. С., автор помещенной здесь статьи „Ясское совещание", до бегства из Советск. России — „радикал", неудачливый организатор „радикальной партии" в 1905 г., видный деятель общественной санитарии и возникших в годы мировой войны Всероссийского Союза Городов и Центрального Военно-Промышленного Комитета. После бегства из Советской республики — активный белогвардеец, один из организаторов союзнической интервенции в России, в конце 1919 г. — член „западно-русского правительства", сотрудничавшего с Юденичем 373.
Марковский, генерал, начальник главного штаба у Колчака 79, 133.
Маркс, Карл 85, 435.
Мартель, граф 162.
Мартов, Юлий Осипович (Цедербаум), основатель и крупнейший вождь российского меньшевизма. Участник первых рабочих социал-демократических организаций в России в начале 90-х гг., один из основателей Петербургского „Союза борьбы за освобождение рабочего класса в России" и газеты „Искра". Со времени II съезда РСДРП в 1903 г. — вождь меньшевиков. В годы реакции не примкнул к ликвидаторам, оставаясь „партийцем". В годы мировой войны и в Февральскую революцию стоял на левом фланге меньшевиков. Участник Циммервальдской конференции. После Октября, не примирившись с Советской властью, уехал в 1921 г. за границу, где основал известный „Социалистический Вестник". Член 2½ Интернационала. Умер в 1923 г. 429, 431.
Марушевский, генерал, главнокомандующий белыми войсками Северной области до вступления в эту должность ген. Миллера 238, 237, 238, 239, 240, 247, 248, 249, 250, 252, 255, 256, 257, 259, 289, 293, 301, 309, 320.
Масарик, президент Чехо-Словацкой республики 184.
Масло, полковник, один из организаторов ярославск. восстания в июле 1918 г., потом служивший у Колчака 61.
Маслов, эсер, член белого правительства Северной области первого состава („верховного управления") 232.
Маслов, С. Н., председатель орловской губ. земской управы, министр продовольствия у Деникина 374.
Мацуи, один из представителей Японии на совещании по русскому вопросу у Пишона в январе 1919 г. 413.
Мацусима 162.
Мацкевич, эсер 327.
Махин, полковник, эсер, один из командиров организованной Комучем „народной армии", перешедший потом на службу к Колчаку и убитый агентом колчаковской военной клики 53, 54, 333.
Медведев, ж.-д. рабочий 35.
Мейнард, английский генерал (в Северной области) 229.
Меллер-Закомельский, В. В., барон, член Государственного Совета и председатель „прогрессивного блока" законодательных палат 373, 376, 377, 378, 383, 401, 403.
Мельников, товарищ министра снабжения в правительстве Колчака 126.
Мефодиев, доктор, кадет, член белого правительства Северной области 234, 262, 275, 276, 285, 301, 317, 319, 320.
Мике, майор, член японской военной миссии в Сибири при Колчаке 118, 119, 198, 200.
Миккез, бельгийский консул в Архангельске при белых 300.
Миллер, генерал, главнокомандующий белыми войсками Северной области, фактический диктатор области 230, 236, 237, 238, 239, 240, 250, 256, 257, 258, 261, 262, 263, 265, 266, 269, 275, 276, 289, 291, 301, 304, 309, 310, 311, 312, 313, 315, 319, 320, 321, 322, 323, 327, 328, 330, 331, 3..9, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 359, 360, 362-363, 364, 366, 368, 369.
Миллер, эксперт Ллойд-Джорджа по международному праву 442, 443, 444.
Милюков, Павел Николаевич наиболее яркий и влиятельный из организаторов и вождей кадетской партии, ученый историк, автор ряда исследований и популярных работ по русской истории, талантливый журналист и публицист. В половине 90-х го-

дов — политический эмигрант, перед революцией 1905 г. — один из организаторов и деятельных участников подпольной радикально-буржуазной организации „союз освобождения". В революцию 1905 г. и в годы реакции — один из виднейших вдохновителей либеральной оппозиции правительству. В области внешней политики — неизменный сторонник империализма. В годы войны — упорный сторонник „войны до победного конца", т. е. до захвата Константинополя, проливов и Галиции. В первые дни Февральской революции старается спасти монархию, и только решительный напор революционных масс превращает на время его, а за ним и кадетскую партию, в республиканцев. В первом Временном Правительстве М. занимает пост министра иностранных дел и, раболепствуя перед буржуазией Антанты, старается заверить ее в готовности России вести войну „до победы". Составленная им в этом смысле нота, отправленная правительствам Антанты 18 апреля 1917 г., вызывает первую враждебную Временному Правительству демонстрацию рабочих и солдат, явно большевистского характера; демонстрация эта вызвала первый кризис Временного Правительства, после которого Милюков (вместе с Гучковым) вынужден был выйти из состава. С этих пор М. — в лагере контр революции, интригует и ведет борьбу против правительства Керенского, ищет сближения с октябристами и монархистами, поддерживает Корнилова и Каледина. После Октября уезжает на юг и вдохновляет белогвардейское противо советское движение, добиваясь интервенции то со стороны монархической Германии, то со стороны „держав-победительниц". После победы Советской республики эмигрирует за границу, и там неустанно проповедует интервенцию. В настоящее время — вождь левого крыла заграничных кадетов, так наз. „республикансько - демократического объединения", редактор их выходящего в Париже органа „Последние Новости" 330, 376, 379, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 391, 392, 394, 398.

Минин, А. А., заведывавший Всероссийским телеграфным агентством в Омске при белых 14, 15, 16.

Минор, эсер, белый эмигрант 267.

Миролюбский, чиновник государственной охраны в Омске при Колчаке 38.

Мистулов, генерал 396.

Михаил Александрович, великий князь, брат Николая II, расстрелянный на Урале летом 1918 г. 233, 234, 247 381.

Михайлов, Иван Адрианович, министр финансов Врем. Сибирского Правительства, а затем колчаковского правительства, фактически — вдохновитель и руководитель окружавшей Колчака клики, неуклонно проводившей политику реакции и белого террора. В Сибири прозван „Ванькой Каином" 5, 43, 51, 144, 168, 169, 170.

Михельсон 23.

Могра 197.

Монсеенко, Борис Николаевич, видный эсер, участник убийства вел. кн. Сергея Александровича. Секретарь „съезда членов Учредительного Собрания". Арестован в Омске 24 октября 1918 г. военщиной и после издевательств и пыток зверски убит 27, 28.

Моррис 162.

Муравкин, офицер 31.

Мурузи, полковник, князь, командующий Железнодорожным фронтом Северной области, высланный Миллером 308, 309, 310, 313, 331, 335, 338, 340.

Мустафин, одесский градоначальник при гетмане 393, 394, 400, 401, 402.

Набатов, прапорщик, убитый в Омске колчаковцами 53.

Наволочный, член правления профессиональных союзов в Архангельске при белых 243, 246, 268.

Нагаев, генерал 176.

Нансен, Фритиоф, выдающийся исследователь полярных стран, совершивший в 1888 г. переход на лыжах поперек о. Гренландии и в 1893—1896 гг. — путешествие к Северному полюсу на корабле „Фрам", достигнув 86°13' северной широты; позднее — деятельный гуманист и пацифист, противник антантовской интервенции в Советской России и организатор международной помощи русским голодающим в 1921 г. Неоднократно приезжал в Москву. Почетный член Москов. Совета (Ленин, Собр. соч., т. XVI, прим. 171) 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446.

Наполеон (см. Бонапарт) 321.

Нарожницкий 374.

Неклютин 120.

Ненюков, вице-адмирал, представитель Добровольческой армии в Одессе 394, 399.

Нестеров 22, 23, 24.

Николаев, комиссар (советский) в Архангельске 360, 362, 366.

Николаев, один из политзаключенных, освобожденный Колчаком по требованию чешского генерала Стефаника 23, 25.

Николай II, последний русский император 134.

Николай Николаевич, вел. кн., верховный главнокомандующий русской армией в начале мировой войны, ныне — белый эмигрант, один из претендентов на русский престол 385, 388, 402, 403.

Новгородцев, П. И., профессор, кадет 381.

Новиков, А. Н., присяжный поверенный, секретарь Б. Соколова 355, 356, 359, 360, 361.

Новиков, И. И., полковник, участник Ясского совещания 383, 390.

Новоселов, Александр Ефремович, сибирский писатель-беллетрист, эсер, в январе 1918 г. избран членом подпольного Врем. Сибирского Правительства и, уехав во Владивосток, в сентябре появляется в Омске и предъявляет черносотенному „административному совету", фактически властвовавшему там, свои права на звание министра, поддержанные Сибирской Областной Думой. Административный Совет обратился за помощью к начальнику омского гарнизона, известному головорезу и переворотчику полк. Волкопу; последний арестовывает Новоселова, председателя Обл. Думы Якушева и двух „левых" министров Крутовского и Шатилова. Последние двое были вынуждены под арестом подписать прошение об отставке и были освобождены, равно как и Якушев, а Новоселов 23 сентября был расстрелян в загородной роще, по дороге в тюрьму, сопровождавшими его полковскими офицерами 4, 27, 46, 47.

Нокс, английский генерал, стоявший во главе английских войск в Сибири в период интервенции; был близок к Колчаку. Нокса считают вдохновителем переворота 18 ноября 1918 г., сверг нувшего директорию и провозгласившего Колчака „верховным правителем" 15, 16, 88, 107, 123, 124, 125, 142, 154, 162, 185, 403, 410, 451.

Нортклифф, лорд 449.

Нуланс, французский посол в России в период Февральской революции, после Октября — организатор контр

революционных заговоров и восстаний, действовавший через посредство русского белогвардейского офицерства, деятелей кадетской партии, социалистов-революционеров и Бориса Савинкова и подготовивший наденьги французского генерального штаба чехословацкий мятеж, Ярославское восстание, захват Казани, оккупацию Архангельска и пр., вдохновитель иностранной интервенции и злейший враг Советской России (Ленин, Собр. соч., т. XVI, прим. 148) 232, 411.

Нью, сенатор С.-А. Соединенных Штатов 406.

Оберюхтин, полковник, начальник организационного отдела военного министерства при Колчаке 80.

Огановский, Н. П., эсер, экономист 16.

Оглоблин, генерал, Иркутский казачий атаман 203.

Одинец, народный социалист, член „союза возрождения России" 330.

Орландо, б. министр-президент в Италии 413, 416, 437, 440, 444, 445.

Павлов, один из полит. заключенных в Омской тюрьме во время событий 22 декабря 1918 г., избежавший расстрела 22, 23, 24, 25.

Павловский 22, 23, 38.

Павлу, Богдан, член чехословацкого национального комитета 40, 88, 97.

Палечек 209.

Панина, С. В., графиня, член кадетской партии, товарищ министра народного просвещения во Временном Правительстве 331.

Паркер, А. Р., майор 427.

Патушинский, Григорий Борисович, министр юстиции Временного Сибирского Правительства, примыкавш. к „областникам" сторонникам „государственного самоопределения" Сибири; после падения власти Колчака — член „совета народного управления" в Иркутске 218.

Патье, А., кап., один из представителей Франции на совещании по русскому вопросу у Пишона в январе 1919 г. 413.

Пашков, земец 190.

Пепеляев, Анатолий Николаевич, из офицеров царской армии. Брат последнего колчаковского премьера В. Н. Пепеляева. Организатор контрреволюционного восстания в Омске 28 мая 1918 г. После свержения Советской власти — один из командующих генералов на Сибирском противосоветском фронте. Некоторое время фрондировал против Колчака и предлагал ему созвать „земский собор". После падения Колчака, очутившись на Дальнем Востоке, не сложил оружия, и осенью 1922 г. организовал набег на советскую Якутию, но был взят в плен и приговорен к расстрелу, который был заменен 10-летним заключением ввиду раскаяния П. 101, 102, 103, 105, 106, 110, 122, 123, 130, 154.

Пепеляев, Виктор Николаевич, последний премьер-министр Колчака, член IV Гос. Думы, кадет. После Октября — активный белогвардеец, член „национальн. центра". Один из организаторов колчаковского переворота, у Колчака был сначала директором департамента милиции, потом — министром внутренних дел, а после ухода Вологодского—премьер-министром. Арестован вместе с Колчаком, вместе с последним и расстрелян 7 февраля 1920 г. 13, 29, 30, 38, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 109, 152, 175, 176, 187, 188, 205, 207, 214, 224.

Перхуров, Александр Петрович, полковник, член контрреволюционного савинковского „союза защиты родины и свободы", один из главных организаторов Ярославск. восстания в июле 1918 г. После подавления этого восстания бежал на восток за чехословацкий фронт, подвизался у Колчака; после падения колчаковщины попал в руки Советской власти и расстрелян 54, 55, 56.

Першачев, нач. милиции Акмолинской области 33.

Петит, капитан, помощник Буллита, посетивший вместе с последним Советскую Россию в 1919 г. 418, 422, 426, 427, 451, 454.

Петлюра, С. П., украинский социал-демократ, националист, член националистического украинск. правительства, созданного Украинской Национальной Радой и провозгласившего после Октябрьской революции независимость Украины, а затем заключившего сепаратный мир с немцами и подавившего с помощью немецких штыков пролетарскую революцию на Украине весной 1918 г. Однако немцы, привед иные Петлюрой на Украину и ставшие фактическими хозяевами последней, недолго терпели власть „полубольшевистского" националистического правительства и уже в апреле 1918 г. заменили его гетманом. Последний после ноябрьской революции 1918 г. в Германии и ухода немецких войск из Украины был сброшен народным восстанием, организованной директорией (правительством, избранным Украинским национальным советом). В последней фактическим главою и командующим всеми вооруженными силами был Петлюра. Однако несколько месяцев спустя директория и Петлюра были в свою очередь сброшены пролетарской революцией. Петлюра эмигрировал в Галицию, откуда организовал партизанскую борьбу и бандитские налеты на Украине. Весной 1920 г. Петлюра вступил в союз с Польшей и вместе с нею воевал против Советской республики, вследствие чего утратил последние остатки влияния на крестьянство. После Рижского мира между Польшей и Советской Россией продолжал организовывать бандитские выступления на Украине, пока новая экономическая политика не подорвала почвы для бандитизма среди крестьянства. Убит в Париже в 1926 г. 389, 390, 403.

Петр I („Великий"), знаменитый преобразователь России, провел много реформ с целью приблизить московскую Русь к Западной Европе, основал Петербург и перенес туда столицу из Москвы. Царствовал с 1699 по 1725 г. 81, 385.

Петренко, генерал, командующий Печорским и Пинежским фронтами Северной области 337, 362.

Петров, городской голова г. Канска 41.

Петров, рабочий, председатель Архангельского совета профессиональных союзов и и комиссар Архангельска после эвакуации белых 352, 366, 369.

Петров, Н. И., министр земледелия колчаковского правительства 152, 194.

Пильц, А. И., иркутский генерал-губернатор, гражданский губернатор в Одессе 383, 384, 385, 401.

Пишон, бывш. министр иностранных дел во Франции 409, 411, 413.

Подвицкий, Виктор Владимирович, один из арестованных колчаковцами членов Учредительного Собрания, находившийся в омской тюрьме во время событий 22 декабря 1918 года, но избежавший расстрела 23, 24, 25.

Поклевский-Козелл, С. А., русский посланник в Румынии в годы войны и революции 383, 386, 389, 390.
Попов, генерал (в Сибири при Колчаке) 56, 123.
Попов, доктор, член белого правительства Северной области 344.
Постников, полковник (в Северной области) 343.
Постников, главный начальник Уральского край (при Колчаке) 120.
Потапов, генерал (в Иркутске) 210.
Потапов, полковник, командовавший советскими сухопутными силами в Архангельске ко времени высадки союзного десанта (в августе 1918 г.) и передавшийся на сторону союзников 231.
Преображенский, министр колчаковского правительства 169, 170, 171.
Пржевальский, В. В., присяжный поверенный, кадет, гласный Московской думы 375.
Пуль, генерал, главнокомандующий английским десантом в Архангельске 234, 236, 300.

Раков, Дмитрий Федорович, автор помещенной в этой книге статьи „В застенках Колчака“ (см. о нем прим. на стр. 18) 18, 29, 38.
Распутин, Григорий Ефимович, известный „старец“ из тобольских крестьян, распутник, пользовавшийся неограниченным доверием Николая II и особенно жены его Александры Федоровны, через которую Р. влиял на решение важнейших государственных дел и на подбор министров. Своими гнусностями немало помог разоблачению истинной природы российского самодержавия в глазах широких масс. Сделавшись ненавистным для всех слоев, исключая ничтожной клики придворных, убит 16 декабря 1916 г. Пуришкевичем, нел. кн. Дмитрием Павловичем и кн. Юсуповым 385.
Раух, генерал, представитель гетмана при австро-германском командовании в Одессе 393, 404.
Рейнбот, Е., председатель Петроградского окружного суда, министр внутренних дел гетманского правительства 400.
Рейман, А., директор госуд. банка в Архангельске, потом — министр финансов последнего белого правительства Северной области 341, 344.
Роговский, Евгений Францевич, эсер, член Учредительного Собрания, товарищ министра внутр. дел в правительстве, сформированном директорией в Омске в октябре 1918 г. В момент колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. был арестован переворотчиками вместе с эсерами—членами директории Авксентьевым, Зензиновым и Аргуновым и вслед затем вместе с ними же выслан за границу 3, 7, 18, 19, 20.
Розанов, генерал, в 1918 г. во время свержения Советской власти в Поволжье перешел из советской армии, в которой служил, к белогвардейцам и был начальником штаба главнокомандующего вооруженными силами Врем. Всероссийского Правительства. После колчаковского переворота назначен уполномоченным Колчака в Красноярск и проявил особое зверство при подавлении крестьянского повстанческого движения, захватывал заложников, сжигал целые селения и применял массовые расстрелы 27, 41, 48, 56, 76, 99, 133, 159, 184, 185, 212, 213, 218.
Роллинсон, английский фельдмаршал, проведший эвакуацию английских войск из Северной области 257, 258, 259, 298.
Ростовцев, Н. А., член Государственной Думы 375.
Рубцов, капитан, убийца заключенн. учредилощев в Омске во время событий 22 декабря 1918 г. 25, 27.
Руднев, В. В., эсер, во время Октябрьской революции был московским городским головой 380, 383, 384, 386, 387, 390, 391, 401, 402.
Румша, полковник, начальник 5-й польской дивизии, действовавшей против Красной армии на колчаковск. фронте 96, 104.
Рычков, генерал 56.
Рябушинский, В. П., московский промышленник 389.
Рябушинский, П. П., известный московский капиталист, банкир, председатель московского военно-промышленного комитета, член Государственного Совета, после Октября — белый эмигрант 380, 389.

Сабуря, один из представителей Японии на совещании по русскому вопросу у Пишона в январе 1919 г. 413.
Савин, сибиряк 33.
Савин, Н. Н., профессор Петроградского политехнического института, товарищ министра торговли во Временном Правительстве 381, 389.
Савинков, Б. В., участник студенческого движения с 1899 г., в 1901 г. — социал-демократ, работавший в СПБ „Союзе борьбы за освобождение рабочего класса“, вскоре затем перешел к эсерам и в 1903 г. вошел в состав „Боевой организации“ вместе с Азефом. Организатор ряда террористических актов этой партии. В период Февральской революции — крайний оборонец, некоторое время — управляющий военным министерством, на этом посту поддерживал Корнилова. После Октября — активнейший враг Советской власти, организатор белогвардейских заговоров и восстаний, напр., офицерского „Союза защиты родины и свободы“, Ярославского офицерского мятежа летом 1918 г. и пр. Помогал организации Добровольческ. армии, поддерживал Врангеля. Во время русско-польской войны 1920 г. организовал под начальством погромщика и головореза Булак-Балаховича русские белогвардейские отряды, сражавшиеся на стороне Польши. Продолжал и потом организовывать при содействии польского генерального штаба бандитские набеги на пограничные местности России. В 1924 г. арестован на советской территории, после чего объявил себя сторонником Советской власти. Будучи приговорен к 10-летнему заключению, покончил с собой в тюрьме весной 1925 г. 51, 238.
Савич, Н. В., член Госуд. Думы, октябрист 384, 385, 388, 398, 399, 400, 401, 402, 404.
Сазонов, С. Д., министр иностранных дел царского правительства перед мировой войной и в начале ее; слыл либералом, старался ладить с Госуд. Думой, угодничал перед Антантой; удален Николаем 7 июля 1916 г. по проискам Распутина и Штюрмера. После Февральской революции был назначен Врем. Правительством послом в Лондон. После Октября активно поддерживал белогвардейское движение и вошел в состав образовавшегося в Париже „русского политического совещания“, которое присвоило себе роль русского представительства за границей, в действительности же старалось подстрекнуть державы Антанты к интервенции против Советской республики 238, 410, 414.
Сазонов, ротмистр (в Северной области) 363.
Самойлов, царский генерал, после Октября добровольно перешедший на службу в Красную армию 337, 338.

Сапожников, Василий Васильевич, сибирский общественный деятель, профессор и ректор Томского университета, примыкал к областникам; член административного совета Временного Сибирского Правительства; на Уфимском Государственном Совещании был избран заместителем члена директории Вологодского. После колчаковского переворота вышел из состава правительства. Умер в 1924 г. в Томске 11.
Саров, один из расстрелянных колчаковцами политических заключенных омской тюрьмы в связи с событиями 22 декабря 1918 г. 25, 26, 27.
Сахаров, К. В., один из колчаковских генералов, ярый монархист. К Колчаку попал по поручению Деникина, пробравшись через советский фронт. У Колчака занимал различные командные должности, вплоть до главнокомандующего всем восточным фронтом. Об обстоятельствах своей отставки от этой должности С. рассказывает в помещенной в этой книге статье. Попав после крушения колчаковщины во „владения" Семенова, Сахаров некоторое время служил у него, но потом ушел из-за соперничества с ген. Пепеляевым и уехал за границу 76, 92, 103, 124, 154, 159, 160, 165, 166, 172, 175, 182.
Святицкий, Н. В., эсер, член Учредительного Собрания и Самарского Комитета членов Учредит. Собрания, после колчаковского переворота вместе с Вольским и другими отказался от борьбы с Советской властью и перешел через фронт в Советскую Россию, где вместе со своими единомышленниками основал эсеровскую группу „Народ", некоторое время легально существовавшую 245.
Семенов, Григорий, казачий есаул, после Октябрьской революции стал „атаманом" забайкальск. казачьего войска и, обосновавшись в Харбине, начал на деньги капиталистов и французского агента Буржуа формировать казачьи отряды для борьбы против Советской власти. Отряды эти прославились своими грабежами, бандитизмом, дикими насилиями над населением и необузданным террором. С помощью японских оккупационн. войск Семенову удалось захватить в свои руки всю Дальневосточную окраину за Байкалом, где и после окончания гражданской войны в европейской России и Западной Сибири еще продолжалась в 1921—1922 гг. борьба за власть Советов 8, 9, 27, 77, 78, 98, 100, 108, 114, 115, 116, 118, 119, 139, 158, 179, 185, 191, 192, 193, 199, 200, 205, 206, 212, 213, 218, 219, 247, 324.
Сесиль, Боб 436.
Сесиль, Роберт, лорд 436.
Сидоров, член „Совета народного управления", образовавшегося в Иркутске в январе 1920 г. после свержения власти Колчака 218.
Симаков, секретарь союза писцеников в Архангельске при белых 243.
Скавениус 416.
Скипетров, генерал 202.
Скобельцын, генерал, командовавший Мурманским фронтом в Северной области 347, 364, 365.
Скоморохов, П. П., эсер, председатель архангельской губернской земской управы, потом член белого правительства Северной области 262, 263, 267, 268, 276, 278, 280, 241, 322, 323, 326, 327, 328, 342, 367.
Скоропадский, один из богатейших помещиков старой России, бывший член Госуд. Думы, октябрист. 28 апреля 1918 г. в Киеве, с помощью оккупировавш. Украину немцев, произвел переворот, сбросил демократическую (петлюровскую) Национальную Раду и был провозглашен съездом хлеборобов гетманом „всея Украины". В декабре того же года, когда, после ноябрьской революции в Германии, немцы очистили Украину, Скоропадский был сброшен петлюровской директорией, которая в свою очередь была сброшена через несколько месяцев советской революцией на Украине. Правление гетмана на Украине ознаменовалось восстановлением старого режима и власти помещиков 311, 397, 400, 402.
Слижиков, полковник, помощник начальн. штаба главнокомандующего при директории 49, 50, 51, 56.
Смирнов, контр-адмирал, морской министр колчаковского правительства 155, 204, 209, 210.
Смит, англичанин, лесопромышленник 299, 300.
Смит, голландский консул в Архангельске при белых 300.
Смутс, английский генерал 436.
Соколов, Борис, доктор, автор помещенной в этой книге статьи „Падение Северной области", эсер, член белого правительства Северной области 267, 278, 289, 340, 359, 361.
Солисбери, маркиз 436.
Сонино, итальянский политик, бывш. министр иностранных дел 413, 414, 416.
Сперанский, эсер, один из полит. заключенных в омской тюрьме во время событий 22 декабря, избежавший расстрела 23, 24, 27, 33, 37.
Старынкевич, С. С., эсер, министр юстиции Временного Всероссийского Правительства, сохранивший тот же пост и в колчаковском правительстве 4, 5, 16, 17, 22, 29.
Стелицкий, генерал 399.
Стельницкий, генерал, командовавший украинским войском в Одессе при гетмане 393.
Степанов, подпоручик в колчаковской армии, убийца полк. Махина 54, 55.
Степанов, В. А., кадет, член Госуд. Думы, товарищ министра торговли Временного Правительства 395, 397, 402.
Степанов, Н. А., генерал, в „народной армии" Комитета членов Учредительного Собрания, командовал войсками при наступлении на Казань, у Колчака некоторое время был военным министром 78, 79, 117, 133, 134.
Стессель 229.
Стефанек, генерал чехословацкого войска в Сибири 25.
Стефенс, Линкольн, американский журналист, посетивший Советскую Россию в начале 1919 г. 422, 451.
Стид, Уикгэм, издатель английской газеты „Times" 449.
Стокс, английский генерал 396.
Сукин, министр иностранных дел колчаковского правительства 144, 162, 168, 169, 170, 171, 172, 180, 185.
Судаков, начальник каторжной тюрьмы в Иоханге при белом правительстве Северной области, истязатель 315, 369.
Сучков 33.
Сыробоярский 179.
Сыровой, Ян, главнокомандующий чехословацкими войсками в Сибири 96, 97, 98, 109, 188, 192, 197, 224.
Сыромятников, полковн., один из организаторов колчаковского переворота 49, 50, 51, 57.
Сычев, генерал, начальник Иркутского военного округа и комендант г. Иркутска при Колчаке 108, 195, 204, 205, 208, 209.
де-Сэнт Оллер, граф, французский представитель в Яссах в 1918 г. 386.

Табуи, генерал, представитель французского правительства

при первой Украинской директории 387.
Такаянаги, японский генерал, один из союзнических „высоких комиссаров" в Сибири 162, 180.
Тарховский, кн., полковник, глава Закаспийско-кавказского краевого правительства 396.
Тельберг, Г. Г., юрист, профессор Томского университета. В колчаковском правительстве сначала — управляющий делами совета министров, потом — министр юстиции; член „совета верховного правителя" 5, 168, 169.
Терещенко, М. И., крупный богач, сахарозаводчик, во время войны — товарищ председателя Центрального Военно-Промышленного Комит., перед Февральской революц. участвовал вместе с Гучковым и Крымовым в заговоре, имевшем целью дворцовый переворот и устранение Николая II, при сохранении монархии. После революции, в первом Временном Правительстве — министр финансов, и последующих — министр иностранных дел, угождавший Антанте и упорно сопротивлявшийся политике мира 237, 381.
Терне, А. А., помощник управляющего делами Центрального Военно-Промышленного Комитета 381.
Тесланов, расстрелянный как коммунист белогвардейским правительством Северной области 246.
Тетюков, главарь „Дальневосточного Комитета" в Харбине 179.
Тизенгаузен, барон, управляющий внутренними делами в белогвардейском правительстве Северной области 344, 345, 349.
Титов, А. А., народный социалист, заведующий санитарной частью Всероссийского Союза городов, во время Февральской революции — товарищ министра продовольств. во Врем. Правительстве 380, 383, 384, 387, 388, 390, 391, 392, 400, 401.
Толстой, П. М., граф, народный социалист, член Ясской делегации 399, 400, 402.
Томсон, см. Чаплин.
де-ла-Торетта, итальянский посол в России 232.
Трепов, А. Ф., министр путей сообщения, потом — председатель совета министров царского правительства во время войны, правый, после Октября проживал в Гельсингфорсе, поддерживал Юденича и интервенцию 452, 455.
Третьяков, С. Н., председатель московского биржевого комитета, при последнем Временном Правительстве Керенского — председатель экономического совета, в последнем правительстве Колчака — министр торговли и заместитель председателя совета министров 187, 190, 199, 376, 384, 392.
Троцкий, Л. Д. (Бронштейн) 86, 91, 119, 162, 338, 429, 430, 434, 435, 444.
Трубецкой, Евгений Николаевич, князь, профессор киевского, потом московского университета, участник либерального движения 1904—1905 гг., умеренно-либеральный кадет, потом мирнообновленец. В годы гражданской войны — злостный враг Советской республики, подвизавшийся в деникинских газетах. Умер в 1919 г. 376, 377.
Трубецкой, Ю. И., кн., начальник конвоя „его величества" 404.
Трубчанинов, лейтенант, адъютант Колчака 109.
Трэдуэл, американский консул в Петрограде, арестованный в Ташкенте советскими властями и освобожденн. в 1919 г. по ходатайству Буллита 419, 427.

Уайзман, Вильям, сэр 437.
Уайт, Генри, член американской миссии на Парижской мирной конференции 435, 436, 447, 450.
Уордуэлл, майор 432.
Успенский, член архангельской городской управы при белых 243.
Устругов, министр путей сообщения колчаковского правительства 87, 95, 169, 170, 205, 207.

Фепралев, полковник, убитый во Владивостоке калмыковцами 185.
Федоров 126, 146.
Федоров, М. М., народный социалист, министр нар. просвещения в белогвардейском правительстве Северной области 234, 263, 275, 276, 319, 320, 322, 323, 342.
Федоров, М. М., управляющий министерством торговли при Витте, член Особого Совещания (правительства) при Деникине, член Ясской делегации 379, 383, 384, 385, 391.
Федорович, Ф. Ф., член ЦК эсеров, один из политзаключенных омской тюрьмы во время событий 22 декабря 1918 г., избежавш. расстрела, председатель „политического центра", образовавшегося в Иркутске к январю 1920 г. и свергнувшего власть Колчака 16, 23, 24, 38, 213.
Федосеев, начальник переселенческого управления в Иркутске при Колчаке 194.
Фельдман, М., член „политического центра", образовавшегося в Иркутске к январю 1920 г. и свергнувшего власть Колчака 213.
Филипповский, эсер, один из политзаключенных омской тюрьмы во время событий 22 декабря 1918 г., избежавший расстрела 22, 23, 24.
Фидлер, И. 355, 359, 360.
Филатьев, Д. В., генерал, товарищ военного министра во Временном Правительстве 381.
Фиотин, ротмистр 154.
Фиппс, Е., один из представителей Англии на совещании по русскому вопросу у Пишона в январе 1919 г. 413.
Фоля, сенатор Соед. Штатов 406.
Фомин, один из политзаключенных омской тюрьмы, расстрелянный колчаковцами во время событий 22 декабря в Омске 23, 25, 26, 28, 29.
Фон-Мекк, интернационалист, один из политзаключенных Омской тюрьмы, расстрелянный колчаковцами во время событий 22 декабря 1918 г. 25.
Фош, генерал, главнокомандующий французской армией во время мировой войны 384.
Фразьер, Л. Х., один из представителей С.-А. Соединенных Штатов на совещании по русскому вопросу у Пишона в январе 1919 г. 413.
Франше-д'Эспере, генерал, командовавший французской восточной армией, в ведении которого находился и русский Южный фронт 387, 390, 416.
Френсис, американский посол в России 232, 233, 319, 455.
Фридман, архангельский спекулянт 353.
Фукуда, японский полковник 119.
Фундаминский, И. И., эсер, член „Союза возрождения России", член Ясской делегации 380, 381, 383, 384, 387, 388, 390, 391, 392, 400, 401.

Ханжин, генерал, командовавший западной армией Колчака, потом — военный министр колчаковского правительства 54, 130, 154, 191, 195, 204, 205, 210.
Холукин, Я., член „политического центра", организовавшегося в Иркутске к январю 1920 г. и свергнувшего власть Колчака 190, 191, 200, 213.

Хомяков, Н. А., октябрист, председатель III Госуд. Думы 384, 385.
Хорват, генерал, начальник Китайско-Восточн. ж. д. в Харбине. После того как в декабре 1917 г. русские советские войска были удалены китайцами из Харбина за русскую границу, Хорват играл роль высшего носителя русской власти в Манчжурии: в 1918 г. провозгласил себя „временным правителем" и организовал на ст. Гродеково „всероссийское правительство", никакой власти, однако, не имевшее. После колчаковского переворота является представителем Колчака в Манчжурии 179.
Хорошхин, генерал, тов. военного министра Всеросс. Врем. Правительства (директории) впоследствии—правительства Колчака 6, 159.
Хрещатицкий, один из дальневосточных, потом — колчаковских генералов, пользовавшихся своим положением и разрухой гражданской войны для обделывания своих грязных делишек. За контрабандный провоз спирта из Манчжурии в Сибирь со спекулятивн. целями прозван Будбергом „спиртовозом" 159, 163, 178, 180, 183.
Хрипунов, А. С., земский деятель 374.

Цапенко, член белогвардейского правительства Северной области 263, 276, 322.
Цейтлин, член правления профессиональных союзов в Архангельске при белых 243, 245, 246, 268, 276, 326, 369.
Церетели, полковник, квартирмейстер штаба Колчака 54.
Цынговатов, И. А. 33.

Чайковский, Николай Васильевич, один из первых русских революционеров, один из организаторов „кружка чайковцев", основанн. в 1869 г. В 1877 г. эмигрировал за границу. Один из основателей „Фонда вольной русской прессы" в Лондоне в 1891 г. Впоследствии примкнул к эсерам. После революции 1905 г. вернулся в Россию, став кооператором. В дальнейшем примкнул к трудовикам и стал членом ЦК объединенной трудовой народно-социалистической партии. Во время мировой войны — ярый оборонец. После Октября — активный враг пролетарской революции и участник белогвардейских организаций „Комитета спасения родины и революции", „Союза возрождения России" и др. В 1918 г. был главой белого правительства Северной области, потом членом „русского политического совещания" и „русской политическ. делегации" в Париже. В 1920 г. — член эфемерного деникинского „южно-русского правительства". После поражения вооруженной контр-революции не отказался от активной борьбы с Советской властью и явился организатором контр-революционного „центра действий", действовавшего и на территории Советской России и ликвидированного киевским ГПУ. Умер белым эмигрантом в 1926 г. 11, 232, 234, 237, 238, 276, 281, 284, 294, 301, 302, 319, 320, 325, 350.
Чаплин, капитан II ранга, один из белогвардейских заговорщиков, подготовл. свержение Советской власти и союзническую интервенцию в Архангельске. Командующий войсками Северной области при первом белом правительстве ее, прославившийся свержением и арестом этого правительства в сентябре 1918 г. Когда правительство с помощью англичан было восстановлено в более правом составе, Ч. был смещен с поста главнокомандующего, но продолжал играть активную роль в области вплоть до ухода белых 230, 232, 233, 234, 300, 301, 302, 319, 320, 353, 355, 358, 359, 360.
Чемберс, А. Я., член ясской делегации 379, 383, 384.
Червен-Водали, М. П., управляющий делами торгово-промышленного союза в Москве, министр в последнем колчаковском правительстве 162, 190, 191, 195, 196, 198, 199, 203, 204, 205, 209, 210.
Чернов, Виктор Михайлович, один из крупнейших вождей эсеров. Род. в 1876 г. В 1893 г. — член „социал-революционной партии народного права", в 1899 г. эмигрировал за границу, где стал во главе партии эсеров; выпустил не мало теоретических работ; бессменный член ЦК и редактор центрального органа эсеров „Революционная Россия". В годы войны считал себя интернационалистом, участвовал на Циммервальдской конференции. После Февраля возвратился в Россию, был министром земледелия в одном из кабинетов Керенского и подвергался ярым нападкам со стороны правых и кадет за мнимое „пораженчество". На единственном заседании Учредительного Собрания 5 января 1918 г. был избран его председателем. После чехословацко-эсеровского переворота в Поволжье появляется там и возглавляет съезд членов Учредительного Собрания. После колчаковского переворота был арестован в Уфе, но вскоре освобожден и уехал за границу, где ведет в своей „Революционной России" ожесточенную кампанию против Советской власти 15, 22, 28, 47, 97, 233.
Черчиль, генерал 412.
Черчиль, Уильстон, английский военный министр в кабинете Ллойд-Джорджа, решительный сторонник интервенции против Советской России 449.
Чичерин, Г. В., бессменный народный комиссар иностранных дел Советской республики с марта 1918 г. 423, 426, 427, 429, 430, 433, 446, 447, 451, 454.
Чубашек, подполковник (в Северной области) 331.
Чужой, Борис (псевдоним, см. Соколов, Борис) 267.

Шабельский, К. П., генерал, правый, помощник ген. Миллера по гражданской части (в Северной области) 320, 321, 332, 340, 341.
Швец, член Украинской директории 389.
Шебеко, Н. Н., б. русский посол в Австро-Венгрии, член Ясского совещания 383, 389, 392.
Шефердсон, Уайт, секретарь полк. Гауза на Парижской мирной конференции в 1919 г. 437.
Шиляев, организатор восстания против Колчака в Кустанайском уезде 63, 64.
Шкловский 446, 447, 454.
Шлиппе, Ф. В., председатель Московской уездной земской управы 374.
Шнейдер 217.
Шрамченко, контр-адмирал, служивший у Деникина 399.
Шрейдер, Г. И., эсер, во время Февральской революции — петроградский городской голова 397, 402.
Шульгин, В. В., монархист, талантливый журналист, приобрел известность в качестве редактора черносотенной юдофобской газеты „Киевлянин". Член IV Государственной Думы из партии „националистов", член „прогрессивного блока". В первые дни Февральской революции вместе с Гучковым получил от Николая II акт об отречении, за которым ездил к нему в Псков. После Октября Шульгин — в рядах активных

белогвардейцев на юге; один из членов Особого Совещания при деникинской армии. После разгрома Деникина и Врангеля бежал за границу. Автор ряда ярко написанных белогвардейских произведений („Дни", „1920 год" и др.) 383, 393, 397.

Шумиловский, Л. И., меньшевик, министр труда колчаковск. правительства. После падения Колчака был предан суду вместе с другими министрами и расстрелян 170.

Щедрин (Салтыков), известный русский сатирик 70—80-х гг., осмеивавший произвол и бездарность администрации 167.

Щербачев, генерал, главнокомандующий русскими армиями Румынского фронта во время мировой войны, потом — представитель Деникина в Париже; правый 383, 387, 398.

Щегинкин, Петр Ефимович, штабс-капитан, организатор крестьянского восстания против Колчака в Ачинском уезде Енисейской губернии 84, 111, 113, 222.

Эллер-Усов, генерал колчаковской армии 69.

Эллиот, английский высокий комиссар, глава английской миссии в Сибири 162.

Энно, французский консул в Киеве и в Одессе 383, 387, 390, 392, 393, 398, 401.

Эрлиш, И. Н., выходец из России, депутат французского парламента, французский военный агент на Дону и на Кубани 393.

Юденич, генерал царской армии, главнокомандующий Кавказским фронтом во время мировой войны, правый. После Октября эмигрировал в Финляндию, и в 1919 г., получив соответствующее назначение от Колчака, стал во главе русской белогвардейской „северо-западной армии", сформированной в Эстонии. Эта армия при поддержке белой Эстонии и союзников дважды предпринимала наступление на Петроград, — в мае 1919 г. под командой ген. Родзянко, и в октябре того же года — под командой самого Юденича. Оба эти похода закончились неудачей, и после второго из них „северо-западная армия", загнанная Красной армией в Эстонию, вынуждена была ликвидироваться 242, 248, 249, 260, 261, 341, 379, 451.

Юрьев, председатель Мурманского совета, передавшегося на сторону союзников в 1918 г. 228.

Язвицкий 197, 209.

Яковлев, иркутский губернатор при директории и Колчаке 44, 200.

Ярцов, полковник колчаковской армии 112, 113.

ИРКУТСКАЯ ГОРОДСКАЯ
Центральная
БИБЛИОТЕКА
Единый каталог

109007